ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 41

КРУГ ЧТЕНИЯ:

ИЗБРАННЫЕ, СОБРАННЫЕ И РАСПОЛОЖЕННЫЕ

НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

ЛЬВОМ ТОЛСТЫМ

МЫСЛИ МНОГИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ОБ ИСТИНЕ, ЖИЗНИ И ПОВЕДЕНИИ

1904 - 1908

ТОМ 1

(Издание: Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений в 90 томах, академическое юбилейное издание, том 41, Государственное Издательство Художественной Литературы, Москва - 1957; OCR: Габриел Мумжиев)

Подготовка текста

Н. К. Гудзия, Н.Н. Гусева,

Б. М. Эйхенбаума

Круг Чтения

1904 - 1908

Январь - август

ОГЛАВЛЕНИЕ

КРУГ ЧТЕНИЯ

НЕДЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ

Апрель

НЕДЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ

Май

НЕДЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ

Июнь

НЕДЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ

Июль

НЕДЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ

Август

НЕДЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Текст, публикуемый в настоящем томе, печатается по общепринятой орфографии, но с сохранением некоторых особенностей правописания Толстого.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении "что" ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Условные сокращения типа "к-рый", вместо "который", и слова, написанные не полностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся один раз, но это всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: *[1, 2, 3* и т, д. *неразобр.1,* где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных <> скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Многоточия воспроизводятся так, как они даны автором.

Абзацы редактора делаются с оговоркой в сноске: *Абзац редактора*.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках петитом без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * как при названиях произведений, так и при номерах вариантов означают, что эти произведения печатаются впервые.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мысли, собранные здесь, взяты мною из очень большого количества сочинений и сборников мыслей.

Мысли без подписи или взяты мною из сборников, в которых не обозначены их авторы, или принадлежат мне.

Остальные мысли подписаны их авторами, но, к сожалению, когда я выписывал их, я не обозначал точно, из какого именно сочинения они взяты.

Часто я переводил мысли авторов не с подлинников, а с переводов на другие языки, и потому переводы мои могут оказаться не вполне верны подлинникам. Другая причина, по которой мысли эти могут не вполне соответствовать подлинникам, в том, что, выбирая часто отдельные мысли из длинного рассуждения, я должен был, для ясности и цельности впечатления, выпускать некоторые слова и предложения и иногда не только заменять одни слова другими, но и выражать мысль вполне своими словами, так как *цель моей книги состоит* не в том, чтобы дать точные словесные переводы писателей, а *в том, чтобы, воспользовавшись великими, плодотворными мыслями разных писателей, дать большому числу читателей доступный им ежедневный круг чтения, возбуждающего лучшие мысли и чувства*.

Я желал бы, чтоб читатели испытали при ежедневном чтении этой книги то же благотворное, возвышающее чувство, которое я испытал принес составлении и продолжаю испытывать теперь как при ежедневном чтении ее, так и при работе над улучшением ее второго издания.

Лев Толстой.

Март 1908 г. Ясная Поляна.

ЯНВАРЬ

1-е января

Лучше знать немного истинно хорошего и нужного, чем очень много посредственного и ненужного.

1

Какое огромное богатство может быть в маленькой избранной библиотеке. Общество мудрейших и достойнейших людей, избранное из всех цивилизованных стран мира на протяжении тысяч лет, предоставило нам здесь в лучшем порядке результаты своего изучения и своей мудрости. Сами люди скрыты и недоступны, они, может быть, были бы нетерпеливы, если бы мы нарушили их уединение и прервали их занятия, может быть, общественные условия сделали бы невозможным общение с ними, но мысль, которую они не открывали даже лучшим своим друзьям, написана здесь ясными словами для нас, посторонних людей иного века. Да, мы обязаны хорошим книгам самыми главными духовными благодеяниями в нашей жизни.

Эмерсон.

2

Мы из породы жвачных, и нам недостаточно только набивать себя множеством книг: если только мы не пережуем и не переварим хорошенько всего, что проглотили, книги нам не дадут силы и питания.

Локк.

3

Опасайся того, чтобы чтение многих писателей и всякого рода книг не произвело смутности и неопределенности в твоей голове. Следует питать свой ум только писателями несомненного достоинства, если желаешь извлечь что-нибудь полезное. Слишком много книг развлекает ум. Поэтому читай только книги, признанные бесспорно хорошими. Если когда-нибудь явится желание перейти на время к другого рода сочинениям, не забывай никогда возвращаться опять к прежним.

Сенека.

4

Читайте прежде всего лучшие книги, а то вы и совсем не успеете прочесть их.

Торо.

5

Читать следует только тогда, когда иссяк источник собственных мыслей, что нередко случается и с самым умным человеком. Но спугнуть, ради книги, собственную неокрепшую мысль -- это значит совершить преступление против духа.

Шопенгауэр.

6

В литературе повторяется то же, что и в жизни. Куда ни обернешься, наталкиваешься на неисправимую чернь человечества -- имя же ей легион,

-- всюду кишащую и все загаживающую, словно летние мухи. Отсюда такое размножение плохих книг, такой необычайный урожай литературных плевел, заглушающих хорошее зерно. Такие книги крадут у публики время, деньги и внимание, которые по-настоящему должны бы доставаться только на долю отборных произведений.

Плохие книги не только бесполезны, но положительно вредны. Ведь девять десятых текущей литературы только затем и печатаются, чтобы выманить из кармана доверчивой публики пару лишних талеров; ради этого же авторы, издатели и типографщики умышленно утолщают книжки.

Еще более вредный, наглый и бессовестный обман совершают построчные писаки: взимая по грошу за строчку своей стряпни, эти поденщики извращают вкус читателя и уничтожают истинное просвещение.

В противовес этой пагубе необходимо отвыкать читать, т.е., выражаясь другими словами, не следует вовсе читать книг, которые занимают общественное внимание или производят шум. Нужно, попросту говоря, отплевываться от всех тех изданий, первый год существования которых будет и последним их годом.

Нельзя, впрочем, не оговориться, что, кто пишет для глупцов, тот всегда найдет обширный круг читателей; а между тем человечеству следовало бы употреблять коротко и скупо отмеренные существования на ознакомление с первоклассными мастерами всех веков и народов, с богато одаренными творцами, поднимающимися, словно башни, над множеством плохих писателей. Только писатели этого сорта способны *образовывать* и *поучать*.

Плохих книг никогда не прочтешь слишком мало, а хороших никогда не удастся прочесть слишком много. Плохие книги -- нравственный яд, притупляющий ум.

Вследствие того что толпа упорствует читать не лучшие книги всех времен, но лишь новейшие произведения современной литературы, теперешние писаки вертятся в тесном круге все тех же повторяемых идей, все твердят одно и то же, и наш век не вылезает из собственной грязи.

Шопенгауэр.

Различие между ядами вещественными и умственными в том, что

большинство ядов вещественных противны на вкус, яды же умственные, в виде газет и дурных книг, к несчастию, часто привлекательны.

2-е января

Одно из самых грубых суеверий есть суеверие большинства так называемых ученых нашего времени о том, что человек может жить без веры.

1

Всегда, во все века люди жаждали знать или иметь по крайней мере какое-нибудь понятие о начале или конечной цели своего земного существования, и религия являлась, чтобы удовлетворить этому требованию их и чтобы осветить ту связь, которая соединяет всех людей, как братьев, имеющих один общий источник происхождения, одну общую задачу жизни и одну общую конечную цель.

Иосиф Мадзини.

2

Истинная религия есть такое установленное человеком отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этою бесконечностью и руководит его поступками.

3

Сущность всякой религии состоит только в ответе на вопрос, зачем я живу и какое мое отношение к окружающему меня бесконечному миру. Нет ни одной религии, от самой возвышенной и до самой грубой, которая не имела бы в основе своей этого установления отношения человека к окружающему его миру.

4

Религия есть высший и благороднейший деятель в воспитании человека, величайшая сила просвещения, между тем как внешние проявления веры и политическая своекорыстная деятельность суть главные препятствия движению вперед человечества. Деятельность и духовенства и государства противоположны религии. Сущность религии, вечная и божественная, одинаково наполняет сердце человека везде, где только оно чувствует и бьется. Все наши исследования указывают нам на единую основу всех великих религий, на единое учение, развивающееся с самого начала жизни человечества до настоящего дня.

В глубине всех вер течет поток единой вечной истины.

Пускай парсы носят свои таовиды, евреи свои филактерии, христиане свой крест, мусульмане свой полумесяц, но пусть все они помнят, что это только внешние знаки, но основная сущность всех религий -- любовь к ближнему -- одинаково требуется Ману, Зороастром, Буддой, Моисеем, Сократом, Гиллелем, Иисусом, Павлом, Магометом.

Морис Флюгель.

5

Не содержание известных учений как божественных откровений (ибо это называется богословием), но содержание всех наших обязанностей вообще, как Божьих заповедей, составляет сущность всякой религии.

По Канту.

Жизнь человека без веры -- жизнь животного.

3-е января

"Пища моя в том, чтобы творить волю Пославшего меня и совершить дело его", -- сказал Христос. У каждого из нас это дело его. Мы не можем знать, в чем состоит все то дело, которое бог делает через нас, но не можем не знать, в чем должно состоять наше участие в нем.

1

Не всякий, говорящий мне господи! господи! -- войдет в царство небесное, но исполняющий волю отца моего небесного.

Мф. гл. 7, ст. 21.

2

Если нет сил гореть и разливать свет, то хоть не засти его.

3

Тот, кто знает правила здравого разума, ниже того, кто их любит. Тот, кто их любит, ниже того, кто их исполняет.

Китайская мудрость.

4

Главный вопрос жизни нашей только в том, то ли мы делаем в этот короткий, данный нам срок жизни, чего хочет от нас тот, кто послал нас в жизнь.

То ли мы делаем?

5

Мне тяжело, я прошу бога помочь мне. Да ведь мое дело служить богу, а не ему служить мне. Стоит вспомнить это, и тяжесть облегчится.

6

Нет пропасти между землей и небом, и было бы кощунством думать, что та обитель, которую бог нам дал, должна вечно находиться во власти зла, своекорыстия и угнетения. Земля не место искупления, а наше жилище, в котором мы должны трудиться для достижения правды и справедливости, стремление к которым таится в душе каждого человека.

Мадзини.

7

Предназначенный нам труд мы должны выполнять честно и безукоризненно, всё равно, надеемся ли мы со временем стать ангелами или верим в то, что когда-то были слизняками.

Джон Рёскин.

Вообрази себе, что цель жизни -- твое счастие, -- и жизнь жестокая бессмыслица. Признай то, что говорит тебе и мудрость людская, и твой разум, и твое сердце: что жизнь есть служение тому, кто послал тебя в мир, и жизнь становится постоянной радостью.

4-е января

Если бы мы и не хотели этого, мы не можем не чувствовать нашей связи со всем миром людей: нас связывает и промышленность, и торговля, и искусство, и знания, и, главное, единство нашего положения, единство нашего отношения к миру.

1

Добрые люди друг другу пособляют, даже не подозревая того, а злые умышленно противодействуют один другому.

Китайская пословица.

2

У всякого свое бремя, свои недостатки: никому нельзя обойтись без помощи других: а потому мы должны помогать друг другу утешением, советами и взаимными предостережениями.

"Благочестивых мыслей".

3

Устройство нашего мира таково, что тысяча людей, работая вместе, могут произвести во много раз больше, чем скользко могла бы произвести та же тысяча человек, работая порознь. Однако это не доказывает еще необходимости того, чтобы девятьсот девяносто девять человек делались рабами одного.

Генри Джордж.

4

Хороший человек -- учитель дурного; дурной человек -- то самое, над чем должен работать хороший человек. Тот, кто не уважает своего учителя и не любит того, над чем должен работать, хотя бы и был очень умен, ошибается.

Лао-Тсе.

5

Все дети Адама -- члены одного тела. Когда страдает один член, все другие страдают. Если ты равнодушен к страданиям других, ты не заслуживаешь названия человека.

Саади.

6

Жизнь отдельного человека должна совершенно плотно срастись с общей жизнью человечества, ибо все творение проникнуто согласием и единством. Как во внешней природе, так и в области духовной все явления жизни состоят в тесной связи между собою.

Марк Аврелий.

Вся история человечества с тех пор, как мы знаем ее, есть движение человечества все к большему и большему единению. Единение это совершается самыми разнообразными средствами, и служат ему не только те, которые работают для него, но даже те, которые противятся ему.

5-е января

Один человек крикнет в наполненном народом здании: "Горим!" -- и толпа бросается, и убиваются десятки, сотни людей.
Таков явный вред, производимый словом. Но вред этот не менее велик и тогда, когда мы не видим людей, пострадавших от нашего слова.

1

Рана, нанесенная огнестрельным оружием, еще может быть излечена, но рана, нанесенная языком, никогда не заживает.

Персидское изречение.

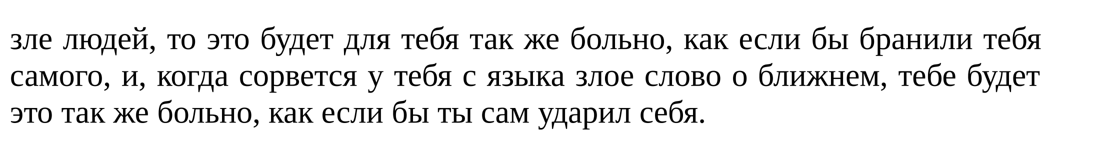
2

Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело. Вот мы влагаем удила в рот коням, чтобы они повиновались нам, и управляем всем телом их; вот и корабли, как ни велики они и как ни сильными ветрами носятся, небольшим рулем направляются, куда хочет кормчий; так и язык: небольшой член, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает; и язык -- огонь, прикраса неправды.

Посл. Иакова, гл. 3, ст. 2--6.

3

Когда услышишь, как люди говорят о порочности других людей, не разделяй их удовольствия. Когда услышишь о дурных делах людей, не дослушивай до конца и старайся забыть то, что услышал. Слушая же разговоры о добродетели людей, запоминай и рассказывай.
Делай так, и скоро ты так привыкнешь к этому, что когда услышишь о

зле людей, то это будет для тебя так же больно, как если бы бранили тебя самого, и, когда сорвется у тебя с языка злое слово о ближнем, тебе будет это так же больно, как если бы ты сам ударил себя.

С восточного

4

К спорам прислушивайся, но в споры не вмешивайся. Храни тебя бог от запальчивости и горячки, хотя бы даже в малейшем выражении. Гнев везде неуместен, а больше всего в деле правом, потому что затемняет и мутит его.

Гоголь.

5

Я сказал: буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешать мне языком моим, буду обуздывать уста мои, доколе нечестивый предо мною.

Псал. XXXVIII, 2.

Бойся быть нарушителем единения людей, вызвав в них словами недобрые чувства друг против друга.

6-е января

Усилие нужно для делания добра, но еще нужнее для воздержания от зла.

1

Для достижения святости нет ничего важнее воздержания. Воздержание же должно быть раннею привычкою. Если оно ранняя привычка, то оно утверждает в добродетели. Для того, кто утвержден в добродетели, нет ничего, чего бы он не мог превозмочь.

Лао-Тсе.

2

Всё то, чем люди так восхищаются, все, ради приобретения чего они так волнуются и хлопочут, все это не приносит им ни малейшего счастия. Покуда люди хлопочут, они думают, что благо их в том, чего они домогаются. Но лишь только они получают желаемое, они опять начинают волноваться, сокрушаться и завидовать тому, чего у них еще нет. Не удовлетворением своих праздных желаний достигается спокойствие, но, наоборот, избавлением себя от таких желаний.

Если хочешь увериться в том, что это правда, то приложи к освобождению себя от своих пустых желаний хоть наполовину столько же труда, сколько ты до сих пор тратил на их исполнение, и ты сам скоро увидишь, что, поступая так, ты получишь гораздо больше покоя и счастия.

По Эпиктету.

3

Слава человеку, не поддающемуся искушению. Бог испытывает всякого: одного богатством, другого бедностью; богатого -- откроет ли он руку нуждающемуся, бедного же -- снесет ли он безропотно, с покорностью свои страдания.

Талмуд.

4

Лишь того я назову верным возничим, кто сдерживает свой гнев, несущийся подобно стремительной колеснице; другие же, бессильные, только держатся за поводья.

[Дхаммапада.] Буддийская мудрость.

5

Если, обремененный неприятными делами, ты чувствуешь приступ гнева или возмущения, то спеши уйти в самого себя и не теряй самообладания. Чем больше мы упражняемся в том, чтобы силою воли вернуться к спокойному настроению души, тем способность удерживать спокойствие духа усиливается.

Марк Аврелий.

Сколько бы раз ни пришлось тебе падать, не достигнув победы над своими страстями, не унывай. Всякое усилие борьбы уменьшает силу страсти и облегчает победу над ней.

7-е января

Доброта в отношениях с людьми обязательна. Если ты не добр к человеку, то ты не исполняешь главной своей обязанности.

1

Надо уважать всякого человека, какой бы он ни был жалкий и смешной. Надо помнить, что во всяком человеке живет тот же дух, какой и в нас. Даже тогда, когда человек отвратителен и душой и телом, надо думать так: "Да, на свете должны быть и такие уроды, и надо терпеть их". Если же мы показываем таким людям наше отвращение, то, во-первых, мы несправедливы, а во-вторых, вызываем таких людей на войну не на живот, а на смерть. Какой он ни есть, он не может переделать себя, что же ему больше делать, как только бороться с нами, как с смертельным врагом? Ведь в самом деле, мы хотим быть с ним добры, только если он перестанет быть таким, какой он есть. А этого он не может. И потому надо быть добрым со всяким человеком, какой бы он ни был, и не требовать от него, чего он не может сделать, чтобы он стал другим человеком.

По Шопенгауэру.

2

Не будьте жестокосердны к тому, кто подвергается искушению, но старайтесь утешить его так, как бы вы сами желали быть утешены.

Из "Благочестивых мыслей".

3

1) Не откладывай до завтра, что можешь сделать нынче.
2) Не заставляй другого делать то, что можешь сделать сам.
3) Гордость обходится дороже, чем все, что нужно для еды, питья, жилища, одежды.
4) Сколько мы перемучились из-за того, что не случилось, но лишь могло случиться.
5) Если рассердишься, прежде чем что-нибудь сделаешь или скажешь, сочти десять. Если сердце не прошло, сочти сто, и то не прошло -- сочти тысячу.

По Джеферсону.

4

Никого не презирайте, подавляйте в своем сердце недобрые суждения, обидные подозрения на ближнего, объясняйте себе всегда в лучшем смысле чужие поступки и слова.

Из "Благочестивых мыслей".

5

Святой не имеет непреклонного сердца. Он приноравливает свое сердце к сердцам всех людей. К добродетельному человеку он относится как к добродетельному, а к порочному -- как к человеку, способному к добродетели.

Восточная мудрость.

6

Чем человек умнее и добрее, тем больше он замечает добра в людях.

Доброта украшает жизнь, разрешая все противоречия, запутанное делает ясным, трудное -- легким, мрачное -- радостным.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ВОРОВ СЫН

Собрался в одном городе суд присяжных. Были присяжными и крестьяне, и дворяне, и купцы. Старшиной присяжных был почтенный купец Иван Акимович Белов. Все купца этого уважали за добрую жизнь: и честно вел дела, никого не обманывал, не обсчитывал и людям помогал. Был он старик лет под 70. Собрались присяжные, присягнули, сели по местам, и привели к ним подсудимого, конокрада, за то, что он у мужика лошадь угнал. Только хотели начать судить, Иван Акимович встал и говорит судье: "Простите меня, господин судья, я не могу судить".

Удивился судья: "Как, говорит, почему?"

-- Да так, не могу. Отпустите меня.

И вдруг задрожал у Ивана Акимовича голос, и заплакал он. Заплакал, заплакал так, что и говорить не может. Потом оправился и говорит судье:

-- Не могу я, господин судья, судить потому, что я и отец (мой, может быть, много хуже этого вора, как же мне судить такого же, как я. Не могу, отпустите, прошу вас.

Отпустил судья Ивана Акимовича и потом вечером порвал его к себе и стал спрашивать: "Отчего вы, говорит, отказываетесь от суда?"

-- А вот отчего, -- сказал Иван Акимович и рассказал судье про себя такую историю.

-- Вы, говорит, думаете, что я сын купца и что я родился в вашем городе. Это неправда. Я сын крестьянина, отец мой был крестьянином, первый вор в округе, и помер в остроге. Человек он был добрый, да только пьяный, а в пьяном виде и мать мою бил, и буянил, и на всякое дурное дело был готов, а потом сам же каялся. Раз он и меня с собой вместе на воровство повел. И этим самым разом мое счастье сделалось.

-- Было дело так. Был мой отец в компании с ворами в кабаке, и стали они говорить, где бы им поразжиться. А мой отец и говорит им: "Вот что, ребята. Вы знаете, говорит, купца Белова амбар, что на улицу выходит. Так вот в амбаре этом добра сметы нет. Только забраться туда мудрено. А вот я придумал. А придумал я вот что. Есть в этом амбаре оконце, только высоко да и тесно, большому человеку не пролезть. Так я вот что вздумал. Есть, говорит, у меня парнишка, ловкач мальчишка, -- это про меня, значит, -- так мы, говорит, возьмем его с собою, обвяжем его веревкой, подсодим к окну, он влезет, спустим его на веревке, а другую веревку ему в руки дадим, а на эту саму веревку будет он нам добро из амбара навязывать, а мы будем вытягивать. А когда наберем сколько надобно, мы его назад вытащим".

-- И полюбилось это ворам, и говорят: "Ну что ж, веди сынишку".

-- Вот пришел отец домой, кличет меня. Мать говорит: "На что тебе его?" -- "Значит, надо, коли зову". Мать говорит: "Он на улице". -- "Зови его". Мать знает, что, когда он пьяный, с ним говорить нельзя, исколотит. Побежала за мной, кликнула меня. И говорит мне отец: "Ванька! Ты лазить

горазд?" -- Я куды хошь влезу. -- "Ну, говорит, идем со мной". Мать стала было отговаривать, он на нее замахнулся, она замолчала. Взял меня отец, одел и повел с собою. Повел с собою, привел в кабак, дали мне чаю с сахаром и закуски, посидели мы до вечера. Когда смерклось, пошли все -- трое всех было -- и меня взяли.

-- Пришли мы к этому самому дому купца Белова. Тотчас обвязали меня одной веревкой, а другую дали в руки и подняли. "Не боишься?" -- говорят. -- Чего бояться, я ничего не боюсь. -- "Лезь в окно да смотри оттуда доставай что получше: меховое больше, да обвязывай веревкой, той, что в руках. Да привязывай, смотри, не на конец веревки, а в середину веревки, так, чтобы, когда мы вытащим, у тебя бы конец оставался. Понимаешь?" -- говорят. -- Как не понять, понимаю.

-- Вот подсадили они меня до оконца, пролез я в него, и стали они спускать меня по веревке. Стал я на твердое и тотчас стал ощупывать ручонками. Видать ничего не вижу -- темно, только щупаю. Как ощупаю что меховое, сейчас к веревке, не к концу, а к середине навязываю, а они тащат. Опять притягиваю веревку и опять навязываю. Штуки три таких чего-то вытащили, вытянули к себе всю веревку, значит -- будет, и потянули меня опять кверху. Держусь я ручонками за веревку, а они тащат. Только потянули до половины: хлоп! оборвалась веревка, и упал я вниз. Хорошо, что попал на подушки, не зашибся.

-- Только в это самое время, как я после узнал, увидал их сторож, сделал тревогу, и бросились они бежать с наворованным.

-- Они убежали, а я остался, ушли они. Лежу один в темноте, и страх на меня нашел, плачу и кричу: Мама, мама! мама, мама! И так я устал и от страха, и от слез, да и ночь не спал, что и сам не слыхал, как заснул на подушках. Вдруг просыпаюсь, стоит против меня с фонарем этот самый купец Белов и с полицейским. Стал меня полицейский спрашивать, с кем я был. Я сказал -- с отцом. -- "А кто твой отец?" И стал я опять плакать. А Белов старик и говорит полицейскому: "Бог с ним. Ребенок -- душа божья. Не годится ему на отца показывать, а что пропало, то пропало".

-- Хороший был покойник, царство небесное. А уж старушка его еще жалостливее. Взяла она меня с собою в горницу, дала гостинцев, и перестал я плакать: ребенок, известно, всему радуется. Наутро спрашивает меня хозяйка: "Хочешь домой?" Я и не знаю, что сказать. Говорю: да, хочу. "А со мной оставаться хочешь?" -- говорит. Я говорю: хочу. "Ну и оставайся".

-- Так я и остался. И остался, остался, так и жил у них. И выправили они на меня бумаги, вроде подкидыша, приемышем сделали. Сначала жил мальчиком на посылках, потом, как стал подрастать, сделали они меня приказчиком, заведовал я в лавке. Должно быть, служил я недурно. Да и добрые люди были, так полюбили меня, что даже и дочь за меня замуж

отдали. И сделали они меня заместо сына. А помер старик -- все имение мне и досталось.

Так вот кто я такой. И сам вор, и вора сын, как же мне судить людей. Да и не христианское это дело, господин судья. Нам всех людей прощать и любить надо, а если он, вор, ошибся, то его не казнить, а пожалеть надо. Помните, как Христос сказал.

Так сказал Иван Акимович.

И перестал судья спрашивать и задумался сам о том, можно ли по христианскому закону судить людей.

По Лескову изложил Л.Н. Толстой.

8-е января

Христианское учение так ясно, что младенцы понимают его в его настоящем смысле. Только люди, желающие казаться и называться христианами, но не быть ими в действительности, могут не понимать его.

1

Будда сказал: человек, который начинает жить для души, подобен человеку, который вносит свет в темный дом. Темнота тотчас же рассеивается. Только упорствуй в такой жизни, и в тебе совершится полное просветление.

2

Народ (я говорю о добрых, о тех, кого не коснулась порча, происходящая от правящих классов), освобожденный от того, что Христос называет ослеплением богатства, довольный хлебом насущным, просящий у отца небесного лишь того, что он дает малым птицам, которые не сеют и не жнут, -- народ живет истинной жизнью, жизнью сердца больше, чем прочие люди, погруженные в желания и заботы мира сего. Вот почему

геройских подвигов, самопожертвования надо искать в нем, в народе. Откиньте народ -- что станется с заветами долга, с тем, чем единственно держится общество, с тем, что составляет величие и силу нации? Когда нации слабеют, кто их обновляет, оживляет их, как не простой народ? А если болезнь неизлечима, если надо, чтобы народы умерли, из чего выходит молодой стебель, предназначенный заменить старое дерево, как не опять-таки из народа? И потому к народу обращается Христос, и потому народ признает в Нем посланца отца, славит имя его, провозглашает его власть, покоряясь ей. Князья же церкви, книжники, проклинают его и убивают. Но, несмотря на их насилие и хитрости, несмотря на казнь, Христос восторжествовал в народе, народ основал его царство в мире, и народом оно будет в нем распространяться, народом будет рождена новая жизнь, божественный зародыш которой так хотели бы задушить насильнические власти, уже объятые ужасом за близкий конец свой.

Ламенэ.

3

Нужно остерегаться двух одинаково пагубных суеверий: суеверия богословов, учащих тому, что сущность Божества может быть выражена словами, и суеверия науки, полагающей, что божественная сила может быть объяснена научными исследованиями.

Джон Рёскин.

4

Последняя заповедь Христа выражает все его учение: "Любите друг друга, как я полюбил вас, и потому все узнают, что вы мои ученики, если вы будете иметь любовь друг к другу". Он не говорит: "если вы верите в то или в это", но "если вы любите". Вера изменяется вместе с неперестающим изменением взглядов и знаний; она связана с временем и изменяется вместе с временем. Любовь же не временна, она неизменна,

вечна.

5

Моя религия -- это любовь ко всему живому.

Ибрагим Кардовский.

Для осуществления христианства недостает только уничтожения его извращения.

9-е января

Знание только тогда знание, когда оно приобретено усилиями своей мысли, а не памятью.

1

Только когда мы совсем забудем то, чему учились, мы начинаем истинно познавать. Я ни на волос не приближусь к опознанию предмета до тех пор, пока буду предполагать, что мое отношение к нему установлено ученым человеком. Чтобы познать предмет, я должен подойти к нему как к чему-то совершенно чуждому.

Торо.

2

Непрерывный приток чужих мыслей должен задерживать и заглушать

собственные, а за долгий период времени -- даже совершенно ослаблять силу мысли, если она не обладает в высокой мере упругостью, чтобы сопротивляться этому неестественному притоку. Вот чем постоянное чтение и изучение расстраивает голову, а также еще и тем, что система наших собственных мыслей и познаний утрачивает свою цельность и непрерывную связь, если мы так часто произвольно прерываем ее, чтобы уделить место совершенно чуждому ходу мысли. Разгонять свои мысли, чтобы дать место книжным, -- по-моему, все равно что продавать свою землю, чтобы повидать чужие, -- в чем Шекспир упрекал туристов своего времени.

Вредно даже читать о предмете прежде, чем сам не пораздумал о нем. Ибо вместе с новым материалом в голову прокрадывается чужая точка зрения на него и чужое отношение к нему, и это тем вероятнее, что человеку естественно из лености и равнодушия стараться избавиться от усилий мышления и принимать готовые мысли и давать им ход. Эта привычка затем вкореняется, и тогда мысли уж идут обычной дорожкой подобно ручейкам, отведенным в канавы: найти собственную, новую мысль тогда уже вдвойне трудно. От этого-то и встречается так редко самостоятельность мысли у ученых.

Шопенгауэр.

3

Знание подобно ходячей монете. Человек имеет отчасти право гордиться обладанием ею, если он сам поработал над ее золотом и пробовал ее чеканить или по крайней мере честно приобрел ее уже испробованною. Но когда он ничего такого не делал, а получил ее от какого-то прохожего, который бросил ее ему в лицо, то какое же основание имеет он гордиться ею?

Джон Рёскин.

4

Для человеческого ума менее вредно совсем не учиться, чем учиться слишком рано и слишком много.

5

Заслуга величайших мыслителей состоит именно в том, что они, независимо от существовавших до них книг и преданий, выражали то, что сами думали, а не то, что думали или прежде жившие, или окружающие их люди.

Так же точно и каждый из нас должен подстерегать и улавливать те светлые мысли, которые, подобно искрам, от времени до времени вспыхивают и разгораются в нашем сознании. Для каждого из нас подобные внутренние просветления имеют гораздо больше значения, нежели созерцание и изучение целого созвездия поэтов и мудрецов.

Эмерсон.

6

Мысль только тогда движет жизнью, когда она добыта своим умом или хотя отвечает на вопрос, возникший уже в душе. Мысль же чужая, воспринятая умом и памятью, не влияет на жизнь и уживается с противными ей поступками.

Меньше читайте, меньше учитесь, больше думайте. Учитесь и у учителей, и в книгах только тому, что вам нужно и хочется знать.

10-е января

Основа воспитания -- установление отношения к началу всего и вытекающего из этого отношения руководства поведения.

1

А кто соблазнит одного из малых сил, верующих в меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской.
Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит.

Мф. гл. 18, ст. 6--7.

2

Воспитывая детей, надо помнить, что мы воспитываем их не для жизни в теперешнем, а в будущем, лучшем состоянии человеческого рода, т.е. для жизни в иных, лучших условиях жизни. Обыкновенно же родители воспитывают детей только так, чтобы они годились для настоящего мира, хотя и испорченного. Воспитывая же детей для будущего, лучшего устройства мира, мы этим самым улучшаем будущее устройство мира.

По Канту.

3

Для того чтобы воспитать человека, годного для будущего, надо воспитывать его, имея в виду вполне совершенного Человека, -- только тогда воспитанник будет достойным членом того поколения, в котором ему придется жить.

4

Довести ребенка до сознания божественной природы в себе представляется мне главной обязанностью родителей и воспитателей.

Чаннинг.

5

Цель истинного воспитания -- не только в том, чтобы заставлять людей делать добрые дела, но и находить в них радость; не только быть чистыми, но и любить чистоту; не только быть справедливыми, но и алкать и жаждать справедливости.

Джон Рёскин.

Религиозное учение -- основа воспитания, а между тем в нашем христианском мире учат тому, во что никто не верит. Дети проницательны и видят это и не верят не только тому, чему их учат, но и тем, которые их учат.

11-е января

Без смирения невозможно совершенствование. "Зачем мне совершенствоваться, когда я и так хорош?"

1

Чем ты выше, тем больше смиряйся. Многие живут на высоте и в славе, но тайны открываются только низким. Не ищи вещей слишком трудных и сверх своих сил. Но то, что предписано тебе, о том помышляй с уважением. Не будь любопытен в том, чего тебе не нужно. Тебе открыто и так больше того, что можешь понимать.

Многие бывают обмануты своим тщеславным мнением, и потому не хвастайся знанием, которого нет у тебя.

Экклезиаст (апокрифический).

2

Иисус же, подозвав их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так; а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как сын человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупления многих.

Мф. гл. 20, ст. 25-28.

3

Тот, кто оскорблен и может спокойно перенести оскорбление, не возвращая его, тот одержал великую победу в деле жизни.

Женевио-Лан.

4

Часть друзей твоих порицает тебя, а часть хвалит; приближайся к порицающим и удаляйся от восхваляющих.

Талмуд.

5

Займи место ниже, чем тебе подобает. Лучше, если тебе скажут: взойди выше, нежели: сойди вниз.

Кто возвышает себя, того бог унижает, а кто себя смиряет, того бог возвышает.

Талмуд.

6

Старайтесь неотступно уничтожать в себе всякое желание властвовать, не ищите славы и похвал -- все это может лишь погубить вашу душу. Остерегайтесь мысли, что у вас есть такие добродетели, каких нет у других.

Из "Благочестивых мыслей".

7

Хотя мудрец строг к себе, но от других он ничего не требует. Он бывает доволен своим положением и никогда не жалуется на небо, не обвиняет других за свою участь -- поэтому, находясь в низкой доле, он покоряется судьбе. Неразумный же человек, ища земных благ, впадает в опасности.

Когда стрела не попадает в цель, стреляющий винит в этом себя самого, а не другого. Так поступает и мудрец.

Конфуций.

8

Больший из вас да будет вам слуга; ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот повысится.

Мф. гл. 23, ст. 11-12.

Вспоминай все дурное, сделанное тобой. Это поможет тебе не делать дурного. Если же будешь вспоминать сделанное тобою хорошее, это помешает тебе делать доброе.

12-е января

Есть люди, которые берут на себя право решать за других их отношение к богу и к миру, и есть люди, огромное большинство, которые отдают это право другим и слепо верят тому, что говорят им. Одинаково преступны и те и другие.

1

Есть люди, которые, узнав, что все религиозные вопросы уже разрешены и все религиозные законы установлены, тотчас же отдаются в руки тех людей, которые берутся за такое разрешение и установление.

Зачем им заботиться о том, что другие так решительно признают своим неотъемлемым делом? На их долю остается приятно проводить время, заполняя сутки удовольствиями и развлечениями и, таким образом, укачивая себя на целые годы в приятных снах.

Плодом такого тупого довольства и является отсутствие в народе стремлений к оценке того, что ему внушается.

Боюсь, что рабский отпечаток от железного ярма, созданного слепой верой, надолго останется на нашей шее.

Мильтон.

2

С той минуты, когда человек отказался от своей нравственной независимости, с той минуты, когда человек стал определять свою

обязанность не по внутреннему голосу, но по взглядам известного сословия или партии, с той минуты, когда он стряхнул с себя свою личную ответственность потому, что он только один из миллионов, -- с этой минуты он лишился своей нравственной силы, он ожидает уже от людей того, что может совершить один бог, он ставит на место божественной силы грубые предписания человеческого ума.

Чаннинг.

3

Все мы похожи на детей, сперва повторяющих неопровержимые истины своих бабушек, потом -- учителей, а по мере возраста -- и других замечательных людей, попадающихся на нашем пути.

С каким трудом стараемся мы вытвердить наизусть слова, слышанные нами от них! Когда же сами доходим до той ступени, на которой стояли эти наши наставники, и понимаем смысл их слов, то разочарование наше бывает настолько сильно, что мы бы с охотой забыли все, что от них слышали.

Эмерсон.

4

Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: по плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые: не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Итак, по плодам их узнаете их.

Мф. -- гл. 7, ст. 15--20.

5

Человек может пользоваться тем преданием, которое перешло к нему от мудрых и святых людей прошедшего, но он сам должен проверить своим разумом то, что передается ему, и откинуть одно и принять другое.

Каждый человек должен сам устанавливать свое отношение к миру и богу.

13-е января

Вера суть понимание смысла жизни и признание вытекающих из этого понимания обязанностей.

1

Кто добрый человек? -- *Добр только верующий человек.* -- *Но что такое вера?* -- *Это согласие своей воли с совестью, с всемирным разумом.*

Китайский буддизм.

2

Дело веры не в том только, чтобы сделать человека хорошим. Вера хорошего человека поднимает его на такую высоту, с которой ему все легко, радостно.

По Лессингу.

3

Одно необходимо: отдаться богу. Будь сам в порядке и предоставь богу распутывать моток мира и его судеб. Пусть будет уничтожение или бессмертие. То, что должно быть, -- будет. То, что будет, -- будет благом. Чтобы совершить путь жизни, для человека ничего не нужно, кроме веры в добро.

Амиель.

4

Есть двоякий покой. Есть покой отрицательный, это -- отсутствие шума, грызущих забот, это -- спокойствие после борьбы, после бурь. Но есть другой, более совершенный покой души, которому этот первый покой только предшествует, -- то божественное спокойствие, которое все понимает, истинное название которого -- "царство божие внутри нас". К этому покою души принадлежит то спокойствие, которое дает нам религия. Это сознательное единение с богом и миром, союз любви со всеми существами, любовь ко всему чистому и невинному, уменье жертвовать своими желаниями и интересами, участие в духе и жизни вселенной, полное согласие своей воли с ее бесконечным источником. В этом истинное спокойствие и счастие человека.

Чаннинг.

5

Говорят, что в последний день будет общий суд и что добрый бог будет гневаться. Но от благого бога не может произойти ничего, кроме добра. Не бойся: конец будет полон радости.

Какие бы ни были на свете веры, истинная вера только одна та, что бог есть любовь. А от любви не может быть ничего, кроме добра.

С персидского.

6

Люди спрашивают: что будет после смерти? На это надо отвечать так: если ты точно не языком, а сердцем говоришь: да будет воля твоя как на земле, так и на небе, т.е. как во временной этой жизни, так и в вечной, то тебе нечего и думать о том, что будет после смерти. Отдайся в волю бесконечного существа, благословляя ее; ты знаешь, что она есть любовь, -- так чего же тебе бояться?

Христос, умирая, сказал: "Отец! в руки твои отдаю дух мой". Если кто говорит эти слова не одним языком, а всем сердцем, то такому человеку ничего больше не нужно.

Если дух мой возвращается к отцу, то для него ничего, кроме самого лучшего, быть не может.

7

Чтобы иметь истинную веру, надо воспитывать ее в себе. А чтобы воспитывать, надо творить дела веры.

Сущность же дел веры не в великих подвигах, а в делах незаметных, ничтожных, но творимых исключительно для бога.

"Умирать придется одному", -- сказал Паскаль. И жизнь истинная -- только та, когда живешь один, перед богом, а не перед людьми.

Не думайте, что можно найти душевный мир без веры.

14-е января

Любить в себе можно только того, кто один во всех. Любить же того, кто один во всех, значит любить бога.

1

Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал: возлюби господа бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же, подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки.

Мф. гл. 22, ст. 36-40.

2

Живы все люди не тем, что они сами себя обдумывают, а тем, что есть любовь в людях.
Как будто бы бог не хотел, чтобы люди врозь жили, и затем не открыл им того, что каждому для себя нужно, а хотел, чтобы они жили заодно, и затем открыл им то, что им всем для себя и для всех нужно.
Людям кажется, что они заботой о себе живы, а живы они одною любовью. Если бы не было любви в людях, не вырос бы ни один ребенок, не остался бы жив ни один человек.

3

Люди живы любовью; любовь к себе -- начало смерти, любовь к богу и людям -- начало жизни.

4

Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в боге, и бог -- в нем. Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то бог в нас пребывает, и любовь его совершенна есть в нас. Кто говорит: я люблю бога, а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить бога, которого не видит? Братья, будем любить друг друга, ибо любящий рожден от бога и знает бога, потому что бог есть любовь. Пребывающий в любви пребывает в боге, и бог -- в нем.

1-е Послание Иоанна, из гл. 4.

5

Если человек не может простить брата, он не любит его. Истинная любовь бесконечна, и нет количества тех оскорблений, которые она не простила бы, если она истинная любовь.

6

Любить того, кто нам приятен, не значит любить. Истинная любовь только та, когда в человеке любишь того же бога, какой в тебе. Этой любовью любишь не только своих родных, не только тех, которые любят тебя, но любишь неприятных, злых людей, ненавидящих тебя. Чтобы любить таких людей, надо помнить, что тот, с кем имеешь дело, любит себя так же, как и ты себя, и что в нем тот же бог, какой и в тебе. Если помнишь это, то и поймешь, как тебе надо отнестись к нему. И если поймешь, то полюбишь его, а если полюбишь так, то такая любовь даст тебе больше радости, чем любовь к любящим тебя.

Любовь не есть основное начало нашей жизни. Любовь -- последствие, а не причина. Причина любви -- сознание в себе Божеского, духовного начала. Это сознание требует любви, производит любовь.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

КАЮЩИЙСЯ ГРЕШНИК

И сказал Иисусу: помяни меня, господи, когда приидешь в царствие твое!
И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со иною в раю.

(Лк. гл. 23, ст. 42--43)

Жил на свете человек семьдесят лет, и прожил он всю жизнь в грехах. И заболел этот человек и не каялся. И когда пришла смерть, в последний час заплакал он и сказал: "Господи! как разбойнику на кресте, прости мне!" Только успел сказать -- вышла душа. И возлюбила душа грешника бога и поверила в милость его и пришла к дверям рая.

И стал стучаться грешник и проситься в царство небесное.

И услыхал он голос из-за двери: "Какой человек стучится в двери райские? И какие дела совершил человек этот в жизни своей?"

И отвечал голос обличителя и перечислил все грешные дела человека этого. И не назвал добрых дел никаких.

И отвечал голос из-за двери: "Не могут грешники войти в царство небесное. Отойди отсюда".

И сказал человек: "Господи! голос твой слышу, а лица не вижу и имени твоего не знаю".

И отвечал голос: "Я -- Петр апостол".

И сказал грешник: "Пожалей меня, Петр апостол, вспомни слабость человеческую и милость божию. Не ты ли был ученик Христов, не ты ли из самых уст его слышал учение его и видал пример жизни его? А вспомни -- когда он тосковал и скорбел душою и три раза просил тебя не спать, а молиться, и ты спал, потому глаза твои отяжелели, и три раза он застал тебя спящим. Так же и я.

А вспомни еще, как обещал ему самому до смерти не отречься от него, и как ты три раза отрекся от него, когда повели его к Каиафе. Так же и я.

И вспомни еще, как запел петух, и ты вышел вон и заплакал горько. Так же и я. Нельзя тебе не впустить меня". И затих голос за дверьми райскими.

И, постояв недолго, опять стал стучаться грешник и проситься в царство небесное.

И послышался из-за двери другой голос и сказал: "Кто человек этот, и как он жил на свете?"

И отвечал голос обличителя, и опять повторил все худые дела грешника, и не назвал добрых дел никаких.

И отвечал голос из-за двери: "Отойди отсюда, не могут такие грешники жить с нами вместе в раю".

И сказал грешник: "Господи! голос твой слышу, а лица не вижу и имени твоего не знаю".

И сказал ему голос: "Я -- царь и пророк Давид". И не отчаялся грешник, не отошел от двери рая и стал говорить: "Пожалей меня, царь Давид, и вспомни слабость человеческую и милость божию. Бог любил тебя и возвеличил перед людьми. Все было у тебя: и царство, и слава, и

богатство, и жены, и дети, а увидел ты с крыши жену бедного человека, и грех вошел в тебя, и взял ты жену Урия и убил его самого мечом амонитян. Ты, богач, отнял у бедного последнюю овечку и погубил его самого. То же делал и я. И вспомни потом, как ты покаялся и говорил: я сознаю вину свою и сокрушаюсь о огрехе своем. Также и я. Нельзя тебе не впустить меня". И затих голос за дверьми.

И, постояв недолго, опять стал стучаться грешник и проситься в царство небесное. И послышался из-за дверей третий голос и сказал: "Кто человек этот? И как прожил он на свете?"

И отвечал голос обличителя и в третий раз перечислил худые дела человека и не назвал добрых.

И отвечал голос из-за двери: "Отойди отсюда. Не могут грешники войти в царство небесное".

И отвечал грешник: "Голос твой слышу, но лица не вижу и имени твоего не знаю".

И отвечал голос: "Я -- Иоанн Богослов, любимый ученик Христа".

И обрадовался грешник и сказал: "Теперь нельзя не впустить меня: Петр и Давид впустят меня за то, что они знают слабость человеческую и милость божию. А ты впустишь меня потому, что в тебе любви много. Не ты ли, Иоанн Богослов, написал в книге своей, что бог есть любовь и что, кто не любит, тот не знает бога? Не ты ли при старости говорил людям одно слово: "Братья, любите друг друга!" Как же ты теперь возненавидишь и отгонишь меня? Или отрекись от того, что сказал ты сам, или полюби меня и впусти в царство небесное".

И отворились врата райские, и обнял Иоанн кающегося грешника и впустил его в царство небесное.

Л. Толстой.

15-е января

Основной смысл учения Христа -- в установлении непосредственного общения человека -- сына божия -- с отцом богом.

1

Вы спрашиваете, в чем главная сущность характера Христа. Я отвечаю, что это -- его уверенность в величии человеческой души. Он видел в человеке отражение и образ божества и потому любил человека, кто бы он ни был, какие бы ни были условия его жизни и характера. Иисус смотрел на людей взором, пронизывающим материальную оболочку, -- тело исчезало перед ним. Он смотрел сквозь наряды богатого и лохмотья нищего в душу человека; и там, среди мрака невежества и пятен греха. Он находил зачатки силы и совершенства, которые могут бесконечно развиваться, духовную, бессмертную природу. В самом низко падшем, развращенном человеке он видел существо, которое может превратиться в ангела света. Даже более того: он чувствовал, что в нем самом нет ничего такого, чего бы не мог достигнуть каждый человек.

Чаннинг.

2

Для народов, как и для личностей, освобождение от предрассудков не уменьшает нравственных преград, но только заменяет более грубые руководства жизни более возвышенными. Многие бедные души теряют при этой замене свою поддержку. Но в этом нет ничего дурного или опасного. Это только рост. Ребенок должен выучиться ходить один. Сначала человек, лишившийся привычного суеверия, чувствует себя потерянным, бездомным. Но это отнятие от него внешних поддержек загоняет его внутрь себя и этим самым укрепляет его. Он чувствует себя лицом к лицу с богом; он читает не по книге, а в душе своей смысл учения, и его маленькая часовня расширяется до величественного храма небесного свода.

Эмерсон.

3

Познание бога может быть или умственным, или нравственным,

основанным на вере. Умственное познание ненадежно и подвержено опасным ошибкам; нравственное же познание приписывает богу только такие свойства, которые требуют нравственных поступков. Такая вера естественна и сверхъестественна.

По Канту.

4

Ищите не только нравственной жизни, но стремитесь к тому, что выше нравственности.

Торо.

Бойтесь всего, что становится между вами и богом -- духом, живущим в вашей душе.

16-е января

Главная причина дурного устройства жизни -- ложная вера.

1

Жизнь человека -- в том, чтобы приводить неразумное в своей жизни к разумному. И для этого нужны два дела:
1) видеть во всем его значении неразумие жизни и не отвращать от него внимания;
2) сознавать во всей чистоте разумность возможной жизни.
Сознавая всю неразумность и всегда вытекающую из нее бедственность жизни, человек невольно отвращается от нее; и, с другой стороны, ясно сознавая возможность разумной жизни, человек невольно стремится к ней.

Не скрывать поэтому зла неразумия и выставлять во всей ясности благо разумной жизни должно бы составлять задачу всех учителей человечества.

Но тут-то на седалище Моисееве всегда садятся те, которые не идут к свету, потому что дела их злы; и потому всегда люди, выставляющие себя учителями, не только не стараются уяснить неразумие теперешней жизни и разумность жизни, какая должна быть, а, напротив, стараются скрыть неразумие нынешней жизни и подорвать доверие к разумности той жизни, какая должна быть. С этою целью существуют и действуют и полиция, и войска, и уголовные законы, и тюрьмы, и приюты для детей, и богадельни для стариков, и воспитательные дома, и дома терпимости, и сумасшедшие дома, и больницы, и страховые общества, и все обязательные и устраиваемые на насильственно собираемые средства образовательные учреждения, и учреждения для малолетних преступников и многие другие.

Роковым образом каждое из этих учреждений, кроме скрывания зла, порождает новое зло и увеличивает неудержимо, как снежный ком, то зло, которое оно предполагает уничтожить.

Если бы только одна тысячная тех усилий, которые употребляются на устройство всего этого, имеющего целью скрыть зло и только увеличивающего его, была бы употреблена на противодействие тому, для скрывания чего служат все эти учреждения, зло это, ставшее явным для нас, быстро уничтожилось бы.

2

Мы должны с глубоким вниманием относиться к нашим общественным делам, мы должны быть готовы изменять наши мнения, отказываться от старых взглядов, усваивать новые. Мы должны бросать предрассудки и рассуждать с совершенно свободным умом. Моряк, который будет ставить одни и те же паруса, невзирая на перемены в ветре, никогда не достигнет своей гавани.

Генри Джордж.

3

Рабочие и капиталисты, для того чтобы улучшить свои отношения,

должны оставить древний Моисеев закон "око за око и зуб за зуб" и провести в жизнь закон любви -- поступать с другими так, как желаешь, чтобы другие поступали с тобой.

Люси Малори.

4

Никакая насильственная реформа не исправит зла, пока люди останутся таковы, каковы они есть, и потому ждать исправления зла можно не от изменения формы нашей жизни, а только от распространения доброты и разумности.

5

Стоит прямо и просто принять учение Христа, чтобы ясен был тот ужасный обман, в котором живем все мы и живет каждый из нас.

Подчинение требованиям ложной веры -- в этом главная причина бедствия людей.

17-е января

Исполняя свое внутреннее назначение, живя для души, человек невольно и самым действительным образом служит улучшению общественной жизни.

1

Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены изнутри.

Герцен.

2

Мечтатель часто верно определяет будущее, но он не хочет дожидаться его. Он хочет своими усилиями приблизить него. То, на что природе нужны тысячи лет, он хочет видеть совершенным во время своей жизни.

Лессинг.

3

Зачем напрасно мучаете вы себя в своем бедственном положении? Желание наше добро, но вы не знаете, как его достигнуть. Знайте, что только тот, кто отдаст жизнь, может получить ее. Вы ничего не достигнете без бога. Вы ворочаетесь на вашем ложе страданий, и что же вы нашли? Вы уничтожили несколько угнетателей, -- явились другие, худшие, чем прежние. Вы уничтожили законы рабства, и вам дали новые законы крови и еще новые законы рабства. Не верьте людям, которые становятся между вами и богом, чтобы тень их скрыла Его от вас. Люди эти имеют дурные намерения. Потому что только от бога исходит сила освобождающая, потому что только от бога исходит любовь соединяющая. Что может сделать для вас человек, который руководится только своею мыслью и законом своей воли? Если он имеет добрые намерения и желает только добра, он все-таки даст вам свою волю вместо закона и свою мысль вместо правила. Это делают все угнетатели. Не стоит разрушать для того, чтобы заместить одно насилие другим. Свобода состоит не в том, чтобы властвовал этот, а не тот, а в том, чтобы никто не властвовал. Там же, где бог не властвует, властвует человек. Царство бога есть царство справедливости в умах и милосердия в сердцах; основа этому -- вера в закон, провозглашенный Христом, закон милосердия, закон справедливости. Закон справедливости учит тому, что все равны перед отцом богом и единым учителем Христом. Закон милосердия учит любви и помощи друг другу, как сыновьям одного отца и ученикам одного учителя.

Если же люди говорят вам: "До нас никто не знал, что такое справедливость; справедливость от нас, верьте нам, и мы устроим вам

такую справедливость, которая удовлетворит вас", -- то такие люди обманывают вас или, если искренно обещают вам свободу, сами обманываются, -- потому что они хотят, чтобы вы признали их господами, и тогда свобода ваша будет только послушанием новым господам этим. Отвечайте им, что господин ваш один бог и вы не хотите другого, и бог освободит вас.

Ламенэ.

4

Хорошо бы было, если бы мудрость была такого свойства, чтобы могла переливаться из того человека, который полон ею, в того, в котором ее нет, как вода переливается через шерсть из одного сосуда в другой до тех пор, пока оба будут равны. Но горе в том, что для восприятия чужой мудрости нужна прежде всего самостоятельная работа.

5

Если вы можете научить человека добру и не делаете этого -- вы теряете брата.

Китайская мудрость.

Делай свое дело жизни, совершенствуя и улучшая свою душу, и будь уверен, что только этим путем ты будешь самым плодотворным образом содействовать улучшению общей жизни.

18-е января

Просвещенный человек -- тот, который знает свое назначение в жизни.

1

Ученый -- тот, кто много знает из книг; образованный -- тот, кто усвоил себе все самые распространенные в его время знания и приемы; просвещенный -- тот, кто понимает смысл *своей* жизни.

2

С тех пор как существует человечество, всегда у всех народов являлись учителя, составлявшие науку о том, что нужнее всего знать человеку. Наука эта учила всегда тому, в чем назначение, и потому истинное благо каждого человека и всех людей. Только по этой науке и можно судить о значении всех других знаний.

Предметов наук *бесчисленное* количество, и без знания того, в чем состоит назначение и благо всех людей, нет возможности выбора в этом бесконечном количестве предметов, и потому без этого знания все остальные знания и искусства остановятся, как они и сделались в наше время в христианском мире, праздной и вредной забавой.

3

Единственное объяснение той безумной жизни, противной сознанию лучших людей всех времен, которую ведут люди нашего времени, заключается в том, что молодые поколения обучаются многим самым трудным предметам: о положении небесных тел, о состоянии земли за миллионы лет, о происхождении организмов и т.п. Не обучаются только тому одному, что всем и всегда нужно, тому, какой смысл человеческой жизни, как надо прожить ее и что думали об этом вопросе и как решили его мудрейшие люди древности. Не только не обучаются этому молодые поколения нашего мира, но вместо этого обучаются, под названием закона бога, самым явным бессмыслицам, в которые не верят и сами обучающие. Под все здание нашей жизни вместо камня положены надутые воздухом пузыри. Как же не валиться этому зданию?

4

Самое обычное явление нашего времени -- видеть то, что люди, считающие себя учеными, образованными и просвещенными, зная бесчисленное количество ненужных вещей, коснеют в самом глубоком невежестве, не только не зная смысла своей жизни, но гордясь этим незнанием. И наоборот, не менее обычное явление встречать среди малограмотных и безграмотных людей, ничего не знающих о химической таблице, паралаксах и свойствах радия, людей истинно просвещенных, знающих смысл своей жизни и не гордящихся этим, а только жалеющих тех мнимо просвещенных людей, которые безграничной самоуверенностью делают неразрушимым свое невежество.

Единое на потребу в науке -- знание того, как должен жить человек. И знание это доступно всем.

19-января

Общественная жизнь может быть улучшена только самоотречением.

1

Говорят: одна ласточка не делает весны. Но неужели оттого, что одна ласточка не делает весны, не лететь той ласточке, которая уже чувствует весну, а дожидаться? Если так дожидаться всякой почке и травке, то весны никогда не будет. Так же и нам для установления царства божия не надо думать о том, первая ли я или тысячная ласточка.

2

Небо и земля вечны. Вечны они потому, что они существуют не для себя. Поэтому они и вечны.

Так же и святой муж отрешается от себя и этим становится вечен. Становясь же вечным, он становится и могущественным и совершает все,

что ему нужно.

Лао-Тсе.

3

В частной и общей жизни один закон: хочешь улучшать жизнь, будь готов отдать ее.

4

В те времена, когда народы ждут только знака, для того чтобы начать величайшее когда-либо бывшее на земле сражение между добром и злом, когда во всех частях света уже слышатся глухие раскаты грома, когда люди чувствуют, что близко то время, когда столкнутся между собой два войска -- войско бога и войско сатаны, и что будущая судьба человечества -- освобождение или порабощение его -- зависит от этого столкновения, в эти торжественные времена надо прежде всего помнить, что звание воина божьего войска можно заслужить, только следуя примеру его вождя, уподобившегося бедным, для того, чтобы спасти людей: отречься от всего, не иметь места, куда преклонить голову, чтобы не разнеживаться, чтобы иметь полную возможность быть сегодня здесь, завтра там, быть везде, где есть опасность, где идет борьба, и предоставить мертвым погребать мертвых. Мертвые же -- те, которые, погрузившись в заботы о преходящем и в хлопоты о вещественном, не знают даже, что в них есть душа, требующая освобождения, что жить -- значит бороться, значит умирать, что только этим путем может совершиться великое освобождение.

Ламенэ.

5

Совершенствование человека измеряется степенью его освобождения от личности. Чем больше освобождается человек от своей личности, тем он

совершеннее.

Тщетны все попытки улучшения жизни без жертвы. Такие попытки только отдаляют возможность улучшения.

20-е января

Смерть и рождение -- два предела. За этими пределами одинаковое что-то.

1

Когда подумаешь о том, что будет с душою после смерти, нельзя не подумать о том, что было с душою до рождения. Если ты идешь куда-нибудь, то, наверное, откуда-нибудь ты вышел. Так и в жизни. Если ты пришел в эту жизнь, то откуда-нибудь. Если будешь жить после, то жил и прежде.

2

Куда мы идем после смерти? Туда, откуда пришли. Там, откуда мы пришли, не было того, что мы называем своим "я", -- от этого-то мы и не помним того, где мы были, долго ли мы там были и что там было. Если мы после смерти придем туда, откуда вышли, то и после смерти не будет того, что мы называем своим "я".

От этого мы никак не можем понять, какая будет наша жизнь после смерти. Одно можно, наверное, сказать, что как нам не было дурно до рождения, так не может быть дурно и после смерти.

3

Когда человек живет хорошей жизнью, то он бывает счастлив сейчас и не

думает о том, что будет после этой жизни. Если же и вспомнит о смерти, то, судя по тому, как хорошо устроена для нас жизнь теперь, верит, что она и после смерти все будет так же хороша. Верить в то, что Бог добр и сделал и делает все для нас самое лучшее, много спокойнее и вернее, чем верить во все блаженства рая.

4

Когда мы рождаемся, наши души кладутся в гроб нашего тела. Гроб этот -- наше тело -- постепенно разрушается, и душа наша все больше и больше освобождается. Когда же тело умирает, душа совсем освобождается.

По Гераклиту.

Человеку не нужно загадывать о том, что будет после этой жизни, а в этой жизни стараться поступать по той воле пославшего нас, которую мы знаем в своем разуме и сердце.

21-е января

Чем больше укрепляется в человеке разум и затихают страсти, тем больше освобождается в нем духовная жизнь любви к богу и ближнему. Счастлив человек, когда он сознательно помогает этому.

1

Если бы мы увидали, что человек, вместо того чтобы покрыть крышу своего дома и вставить окна, всякий раз, когда заходит дождь и ветер, выходил бы наружу и, стоя на ветру и под дождем, сердился бы на тучи и кричал бы на них, приказывая одной идти направо, другой налево, -- мы, наверно, увидав такого человека, сказали бы, что он сумасшедший. А

между тем мы все делаем это самое, когда мы сердимся за то зло, которое делают люди, ругая людей, а не заботясь о том, чтобы искоренить зло в себе. А между тем избавиться от зла в себе -- прикрыть свою крышу, вставить свои окна -- в нашей власти, а искоренить зло из мира также мало в нашей власти, как распоряжаться тучами. Если бы люди, вместо того чтобы учить других, хоть изредка занимались тем, чтобы учить самих себя, -- все меньше и меньше становилось бы зла в мире и все легче и легче было бы жить людям.

2

Пусть ошибки и ложные приемы не смущают тебя. Ничто так не научает, как сознание своей ошибки. Это одно из главных средств самовоспитания.

Карлейль.

3

Охраняйте ваше сердце от чуждых вам забот; не вмешивайтесь в то, что до вас не касается; старайтесь лучше о том, чтобы исправиться и преуспевать на пути к совершенству.

Из "Благочестивых мыслей".

4

Наши жизни составляют для нас нравственное предание, так жизнь предков составляет предание для рода. Совершенный нами великий поступок представляется нам побудительной причиной к тому, чтобы вся жизнь наша соответствовала этому поступку.

Джордж Элиот.

5

Не думай никогда, что не важно то маленькое дурное дело, которое сделал. "Нынче сделал, больше не буду делать". Это неправда: тебе трудно будет удержаться, чтобы не сделать в другой раз то, что ты сделал один раз. Никогда не говори про доброе дело: не стоит и стараться, это так легко, когда захочется, всегда сделаю. Не думай и не говори так. Всегда самое небольшое доброе дело придает силы для доброй жизни, так же как недоброе дело убавляет эти силы.

6

Упало от старого дерева спелое яблоко рядом с молодой яблонькой. И сказала молодая яблонька яблоку: "Здравствуй, яблочко, желаю тебе поскорее сопреть, чтобы сделаться таким же, как я". -- "Сопрей ты сама, коли тебе нравится, невежа этакая, -- сказало яблоко. -- Разве ты не видишь, какое я румяное, хорошее, крепкое, сочное. Я не преть хочу, а хочу радоваться". -- "Да ведь вся твоя красота и все твое тело -- все это только покров на время, во всем этом нет жизни. Жизнь только в том зерне, которое есть в тебе и которого ты само не знаешь". -- "Никакого зерна нет, все глупости", -- сказало яблоко и перестало разговаривать.

Так же думают и люди, которые не сознают того, что в них есть духовная жизнь, и живут одной жизнью животных. Но хочет или не хочет этого человек, так же как и яблоко, чем больше он живет, тем все больше и больше слабеет, исчезает в нем то, что он считал своей жизнью, и все яснее и яснее обозначается истинная, растущая, неумирающая жизнь. Так не лучше ли с самого начала жить не той жизнью, которая умирает, а той, которая не переставая растет и не уничтожается.

Нам кажется, что самая главная на свете работа -- это работа над чем-нибудь видимым: строить дом, пахать поле, кормить скот, собирать плоды, а работа над своей душой, над чем-то невидимым -- это дело неважное, такое, какое можно делать, а можно и не делать.

Между тем только одно это дело, работа над душой, над тем, чтобы делаться с каждым днем лучше и добрее, только эта работа настоящая, а все остальные работы, видимые, полезны только тогда, когда делается эта главная работа над душою.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

Человеку невозможно достигнуть совершенства бога, но он постоянно должен делать усилия для того, чтобы все больше и больше к нему приближаться. Этот путь, идти по которому было от века предписано человеческому роду. Это путь тернистый и тяжелый по тем трудностям, которые встречаются на каждом шагу его. Но это путь утешительный и отрадный по тем плодам, которые он приносит и из которых последний плод -- братский мир, царство мира и любви на земле. Тогда наступит и конечное великое единство. Но единство ведь есть не что иное, как слияние жизни каждого с жизнью всех, и потому для осуществления этого единства нет другого средства, как отрешение от самого себя постольку, поскольку этого требует единство, -- вольный отказ от всего, что разделяет и уединяет. В этом -- все евангельское учение. Оно все -- в милосердии, во всеобщей любви, включающей в себя бога и все его творения. И во всех творениях бога все изменяется прежде всего в этом направлении. Из себялюбия вытекает гордость, любостяжание, чувственные вожделения, зависть, гнев, неприязнь; из чувства общности жизни, основа которого есть бог, рождаются кротость, самоотречение, внутренний мир -- чистые радости, превращающие земные страдания в ничем не нарушаемое блаженство.

Но помните: чем дальше вы будете подвигаться по этому пути, тем большие препятствия вы встретите от детей века, подданных царя прошлого. Они вас будут ненавидеть и преследовать, таскать по судам и ввергать в темницы для того, чтобы заглушить добро в зародыше, -- то добро, семена которого вы рассеваете вокруг вас, -- для того, чтобы продолжать зло, которому они служат. Утвердитесь в сердцах ваших, укрепитесь в мужестве вашем, чтобы не пасть в этой священной борьбе. Завещайте эту борьбу, как самую заветную часть вашего наследства, тем, кто следует за вами. Отдых будет после битвы; битва же продолжится до того дня, когда будет сказано: бог победил, царство его установлено на земле, и у детей его есть отечество.

Ламенэ.

Закон нравственный -- "любить ближнего, как самого себя", как сказано в Евангелии, не прейдет, пока не будет исполнен. Это закон такой же неизбежный, как и закон тяготения, закон химических соединений и как все другие физические законы.

Можно предположить, что и законы физические когда-то колебались, были не общи всем явлениям природы, вырабатывались, но, наконец, стали необходимостью. То же и с нравственным законом: он нами вырабатывается.

Ближайшей целью жизни мира представляется разумному человеку объединение всех существ мира. Сначала одни люди, все более и более подчиняясь закону разума, будут понимать то, что благо жизни достигается не стремлением каждого существа к своему личному благу, а стремлением каждого существа к благу всех других; а потом это же самое будут все больше и больше понимать или будут к этому приведены и все другие существа.

22-е января

Никакие условия не могут сделать того, чтобы убийство перестало быть самым грубым и явным нарушением закона бога, выраженного и во всех религиозных учениях и в совести людей.

1

Где Христос? Где его ученье? Где его можно найти у христианских народностей? В учреждениях -- его там нет; в законах, проникнутых духом неправого неравенства, -- нет его там; в правах, проникнутых эгоизмом, -- его там нет. Где же учение Христа? Оно в грядущем, подготовляемом работой в глубинах человеческой природы; оно в движении, волнующем народы из края в край земли; оно в стремлениях чистых душ и праведных сердец; оно в сознании всех, ибо все сознают, что существующее не может

длиться, потому что оно есть зло, отрицание милосердия, братства, есть наследие Каинова племени, есть нечто уже отринутое, подлежащее рассеянию от дуновения бога.

Ламенэ.

2

Что такое военная служба? А вот что. Как только молодой человек возрос, окреп, может помогать своим родителям, его приводят в приемную, велят раздеться, осмотрят и потом велят на кресте и Евангелии поклясться, что он будет слушаться во всем своих начальников и будет убивать всех тех, кого ему велят убивать. Когда же он исполнит это, противное и разуму, и совести, и даже букве закона Христа, выраженного в Евангелии, приказание, его наряжают в мундир, дают ружье, обучают стрельбе и посылают убивать людей -- своих братьев. Люди, которых ему велят убивать, не сделали ему никакого зла, он никогда не видал их, но стреляет их, потому что поклялся делать это на Евангелии, -- на том самом Евангелии, в котором сказано, что не должно клясться и не только убивать, но и гневаться на брата.

3

Военная служба вообще развращает людей, ставя поступающих в нее в условия совершенной праздности, т.е. отсутствия разумного и полезного труда, и освобождая их от общих человеческих обязанностей, взамен которых выставляет только условную честь полка, мундира, знамени и, с одной стороны, безграничную власть над другими людьми, а с другой -- рабскую покорность высшим себя начальникам.

В особенности развращающе действует на военных их праздная, распущенная жизнь потому, что, если не военный человек ведет такую жизнь, он в глубине души не может не стыдиться ее. Военные же люди считают, что это так должно быть, хвалятся, гордятся такой жизнью, особенно в военное время. "Мы готовы жертвовать жизнью на войне, и потому такая беззаботная, веселая жизнь не только простительна, но и необходима для нас. Мы и ведем ее".

4

Один человек не должен убивать. Если он убил, он преступник, он убийца. Два, десять, сто человек, если они делают это, они убийцы. Но государство или народ может убивать сколько хочет, и это не будет убийство, а хорошее, доброе дело. Только собрать побольше народа, и бойня десятков тысяч людей становится невинным делом. Но сколько именно нужно людей для этого? Вот в чем вопрос. Один не может красть, грабить, но целый народ может. Но сколько именно нужно для этого? Почему один, десять, сто человек не должны нарушать законы бога, а очень много могут?

А. Балу.

В каждом теле человека живет одно и то же божественное начало, и поэтому ни отдельный человек, ни собрание людей не могут иметь права нарушать это установленное соединение божественного начала с человеческим телом, т.е. лишать человека жизни.

23-е января

Из всех грехов только один гнев на брата прямо противен главному благу жизни человеческой -- благу любви, и потому нет греха, более верно лишающего человека лучшего блага жизни.

1

Римский мудрец Сенека говорил, что для того, чтобы удержаться от гнева, самое лучшее средство -- то, чтобы, чувствуя поднимающийся гнев, замереть, ничего не делать: не ходить, не двигаться, не говорить. Если дать волю телу, языку, гнев будет все больше разгораться.

Хорошо тоже, говорит Сенека, для того чтобы отучить себя от гнева, приглядываться на других людей, когда они злятся. Когда глядишь на других людей и видишь, каковы они в гневе, когда видишь, что они становятся похожи на пьяных, на зверей, с красными, злыми, безобразными лицами, с противным хриплым голосом, когда слышишь их сквернословие, вспомни о том, как бы и тебе не быть таким же отвратительным.

2

Часто люди поддаются гневу и не удерживаются от него потому, что думают, что в гневе есть какое-то молодечество. Я, мол, не дал спуску, а так разнес его и т.п. Но это неправда. Чтобы не поддаваться гневу, надо помнить о том, что в гневе нет и не может быть ничего хорошего, что гнев -- это признак слабости, а не силы.

Когда тот, кто гневается, дерется или бьет слабого, ребенка или женщину, даже когда бьет собаку или лошадь, то он этим показывает не силу, а слабость.

3

Как ни вреден гнев для других людей, он более всего вреден тому, кто гневается.

Он всегда более вреден, чем та обида, которая его вызвала.

4

Можно понять, зачем корыстный и скупой человек обижает других: он хочет завладеть их имуществом, чтобы самому обогатиться; он вредит людям для своей выгоды. Злой же человек вредит другим без всякой для себя выгоды, мало того: вредя другим, делает и себе вред.

По Сократу.

5

Тот, чья злоба не имеет границ, -- тот, кто обвит ею, как повиликой, скоро приведет сам себя туда, куда хотел бы втолкнуть его только злейший враг.

Буддийская мудрость. [Дхаммапада.]

6

Злом воздаст тебе твой враг, больно отплатит ненавистник, но несравненно больше зла принесет тебе гнев в твоем сердце.

Ни отец, ни мать, ни родные, ни близкие не сделают тебе столько добра, сколько твое сердце, когда оно простит и забудет обиду.

Буддийская мудрость. [Дхаммапада].

7

Никогда своего гнева на людей не считай справедливым и ни одного человека не называй и не считай пропащим или негодным.

8

Сердится человек только оттого, что не знает, отчего произошло то, на что он сердится. Потому что если бы он знал, то сердился бы не на следствие, а на причину. Но внешняя причина всякого явления так отдалена, что ее нельзя найти; причина же внутренняя -- всегда ты сам.

9

Отчего мы так рады обвинять и так злобно, несправедливо обвиняем? Оттого что обвинение других снимает с нас ответственность. Нам кажется, что нам дурно не оттого, что мы дурны, а оттого, что другие виноваты.

Когда люди злобно спорят друг с другом, ребенок не разубирает того, кто прав и кто виноват, а с грустью бежит от таких людей, осуждая обоих, и он всегда правее и того и другого из спорящих.

24-е января

Куда придет человечество, это не дано знать людям. Выевшая мудрость состоит в том, чтобы знать, куда тебе идти. А это ты знаешь: идти к высшему совершенству.

1

Узок путь, ведущий в жизнь, и немногие находят его. Немногие находят его, потому что большинство идет по широкому пути, по тому, по которому идут все. А настоящий путь -- узкий, только на одного человека. И для того, чтобы найти его, надо идти не с толпой, а за теми одинокими людьми: Буддой, Конфуцием, Сократом, Христом, которые сами для себя и для нас всех, один за другим, прокладывали одну и ту же узкую дорогу.

По Люси Малори.

2

Есть только три разряда людей: одни обрели бога и служат ему; люди эти разумны и счастливы. Другие не нашли и не ищут его; эти безумны и несчастны. Третьи не обрели, но ищут его; эти люди разумны, но еще несчастны.

Блез Паскаль.

3

Где начинается искание истины, там всегда начинается жизнь; как только прекращается искание истины, прекращается и жизнь.

Джон Рёскин.

4

Видеть все вещи в божественном совершенстве, сделать из своей жизни движение к этому совершенству -- в этом удивительная точка зрения мудрецов древности: Сократа, Эпиктета, Марка Аврелия. Есть такое христианство, которое злословит мудрость и хочет не признавать ее. А между тем насколько мудрость, довольствующаяся царством божьим на земле, выше того учения, которое учит тому, что оно возможно только за гробом.

Признак ложного учения -- тот, чтобы откладывать жизнь до другого времени и ценить верующего в свое учение человека выше добродетельного.

По Амиелю.

5

Если человек ищет мудрости, он умен, но если он думает, что нашел ее, он безумен.

Персидская мудрость (из Албитиса).

6

Важно не то место, которое мы занимаем, а то направление, в котором мы движемся.

Гольмс.

Не цели, общие с окружающими тебя людьми, должны определять твою деятельность, а назначение твоей жизни, одинаковое с назначением всех людей мира.

25-е января

Есть знания, необходимые каждому человеку. Пока человек не усвоил этих знаний, все другие знания будут во вред ему.

1

Сократ постоянно указывал своим ученикам на то, что при правильно поставленном образовании в каждой науке надо доходить только до известного предела, который не следует переступать. По геометрии, говорил он, достаточно знать настолько, чтобы при случае быть в силах правильно измерить кусок земли, который продаешь или покупаешь, или чтоб разделить на части наследство, или чтоб суметь распределить работу рабочим. "Это так легко, -- говорил он, -- что при небольшом старании не будешь затрудняться ни над каким измерением, хотя бы пришлось размерять всю землю". Но он не одобрял увлечения большими трудностями в этой науке, и хотя сам лично знал их, но говорил, что они могут занять всю жизнь человека и отвлечь его от других полезных наук, тогда как они ни к чему не нужны. По астрономии он находил желательным знать настолько, чтоб по небесным приметам узнавать часы ночи, дни месяца и времена года, уметь не потерять дорогу, держать направление в море и сменять сторожей. "Эта наука настолько легка, -- прибавлял он, -- что она доступна всякому охотнику, всем мореплавателям, вообще всякому, кто хочет сколько-нибудь ею заняться". Но доходить в ней до того, чтоб изучать различные орбиты, описываемые небесными телами, высчитывать величину планет и звезд, их отдаленность от земли, их движения и изменения, -- это он крайне осуждал, потому что не видел в таких занятиях никакой пользы. Он был такого низкого мнения о них не по неведению, так как сам изучил эти науки, а потому, что не хотел, чтоб на

излишние занятия тратилось время и силы, которые могли быть употреблены на самое нужное человеку: на его нравственное совершенствование.

Ксенофонт.

2

Горе ученым, которые собирают знания, горе самодовольным философам, ненасытным исследователям. Эти дурные богачи ежедневно празднуют на своих умственных пирах, тогда как Лазарь непрестанно голодает. Люди эти наполнены тем, что есть ничто, потому что это пустое знание не содействует ни внутреннему, ни общественному совершенствованию.

Фенелон.

3

Отврати свое зрение от мира обмана и не доверяй своим чувствам, они лгут, но в тебе самом, во внеличном ищи вечного человека.

Буддийская мудрость. [Дхаммапада.]

4

Опытные науки, когда ими занимаются ради них самих, разрабатывая их без руководящей философской мысли, подобны лицу без глаз. Они представляют одно из занятий, подходящих для средних способностей, лишенных, однако, высших дарований, которые были бы только помехой при этих кропотливых изысканиях. Люди с такими средними способностями сосредоточивают все свои силы и все свое уменье на одном

единственном ограниченном научном поле, где они и могут поэтому достигнуть возможно полного знания, при условии совершенного невежества во всех других областях. Их можно сравнить с рабочими в часовых мастерских, из которых одни делают только колеса, другие -- только пружины, третьи -- только цепи.

Шопенгауэр.

5

Лучше знать немного правил жизни, чем выучиться многим бесполезным наукам. Правила жизни удержат тебя от злого, направят на доброе; знание же бесполезных наук только введет тебя в соблазн гордости и помешает тебе ясно понимать нужные тебе правила жизни.

Бойся не незнания, а ложного знания. Лучше ничего не знать, чем считать правдой то, что неправда. Лучше ничего не знать про небо, чем думать, что оно твердое и на нем сидит Бог. Но не много лучше и то, чтобы думать, что то, что нам видимо, как небо, есть бесконечное пространство: бесконечное пространство так же не точно, как и твердое небо.

26-е января

Богатому нельзя не быть немилосердным. Дай он волю естественному чувству милосердия, он скоро перестанет быть богатым.

1

Не крайняя ли несообразность в том, что мы сами сидим за трапезою в смехе и пресыщении, а между тем, слыша, как другие плачут, проходя по улице, не только не обращаем на их плач внимания, но еще негодуем на них и называем их обманщиками? Ты говоришь, обманщики. Но неужели

из-за одного хлеба станет кто-нибудь обманывать? А если ты думаешь, что он обманывает, то тем более тебе надо сжалиться над ним и тем более нужно избавить его от нужды. Если же ты не хочешь подать, то, по крайней мере, не оскорбляй.

Иоанн Златоуст.

2

Прежде отстань от хищения, а потом давай милостыню. Удержи руки от лихоимства и тогда простирай их на милостыню. Если же мы теми же самыми руками одних будем обнажать, а других одевать, то милостыня будет поводом к преступлению. Лучше не оказывать милосердия, чем оказывать такое милосердие.

Иоанн Златоуст.

3

Ни на чем так не видна жестокость жизни богатых, как на их попытках милосердия.

4

У богатого на 3-х человек 15 комнат, и нельзя пустить согреться и переночевать нищего.

У крестьянина 7-ми аршинная изба на 7 душ, и он охотно пускает странника.

5

Мы любим предметы за их несовершенство, которое божественно предопределено для того, чтобы законом человеческой жизни было усилие, а законом человеческого суда милосердие.

Джон Рёскин.

6

Как первое правило мудрости состоит в познании самого себя, -- хотя это всего труднее, -- так и первое правило милосердия состоит в том, чтобы довольствоваться малым, хотя и это так же трудно; и только такой довольный и умиротворенный человек и явится сильным для оказания милосердия другим.

Джон Рёскин.

7

Кто имеет достаток, в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, -- как пребывает в том любовь божия? Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною.

1 Ин. гл. 3, ст. 17--18.

Для того чтобы любить не словом или языком, а делом и истиною, богатому надо давать просящему, как сказал Христос.

А если давать просящему, то, как бы много именья ни было у человека, он скоро перестанет быть богат. А перестанет быть богат, то исполнит то, что Христос сказал богатому юноше.

27-е января

Любовь к людям дает истинное, неотъемлемое внутреннее благо, соединяя человека с другими людьми и богом.

1

Никто не может помешать духовному развитию человека, кроме его самого. Ни физическая слабость, ни умственная неспособность не могут быть препятствием к развитию духовной природы, ибо развитие духовной природы -- только в увеличении любви, а ничто не может препятствовать этому увеличению.

Люси Малори.

2

Разумный человек любит не потому, что ему выгодно, а потому, что он в самой любви находит благо.

3

Не сожалейте о прошлом, какая польза в сожалении? Ложь говорит: сокрушайся; правда говорит: только люби. Удали от себя все воспоминания. Не говори о прошедшем; живи в свете любви, и пусть проходит все остальное.

Персидская мудрость.

4

У китайского мудреца спросили: "В чем наука?" Он сказал: "В том, чтобы знать людей". У него спросили: "В чем добродетель?" Он сказал: "В том, чтобы любить людей".

5

Человек не может достигнуть счастья, потому что чем выше его стремления к мирскому счастью, тем менее они осуществимы. Исполнение долга тоже не может дать счастья. Исполнение это дает мир, а не счастие.
Только божественная, святая любовь и слияние с богом дают истинное благо, потому что если жертва стала радостью, постоянной, растущей, ненарушимой радостью, то душа обеспечена неперестающим благом.

Амиель.

6

Постарайся полюбить того, кого ты не любил, осуждал, кто оскорбил тебя. И если тебе удастся это сделать, то ты испытаешь совершенно новое и удивительное чувство радости. Ты сразу увидишь в этом человеке того же бога, который живет в тебе. И как свет ярче светит после темноты, так и в тебе, когда ты освободишься от нелюбви, сильнее и радостнее разгорится свет любви божеской.

7

Я сознаю в себе силу, которая со временем преобразит мир. Она не толкает и не давит, но я чувствую, как она понемногу и неудержимо влечет меня. И я вижу, что меня что-то притягивает, так же как я бессознательно притягиваю других. Я увлекаю их, и они увлекают меня, и мы сознаем стремление к новому соединению.
И я спросил ту силу, которая была во мне: кто ты?
И она ответила: я -- любовь, владыка неба и хочу быть владыкой земли.
Я -- могущественнейшая из всех сил небесных, и я пришла, чтобы образовать общество будущего.

Кросби.

8

Как мать, рискуя своей жизнью, воспитывает и оберегает свое детище, свое единственное детище, так пусть каждый человек воспитывает и оберегает в себе дружелюбное чувство ко всему живому.

Метта-сутта.

Бесстрашие, спокойствие, радость, которые дают любовь, так велики, что блага мирские, даваемые любовью (любовь людей), незаметны для человека, познавшего внутреннее благо любви.

28-е января

Для того чтобы человеку узнать тот закон, которому он подчинен и который дает ему свободу, ему надо подняться из телесной жизни в духовную.

1

Пославший меня есть истинен, и что я слышал от него, то и говорю миру.
Не поняли, что он говорил им об отце.
Итак, Иисус сказал им: когда вознесете сына человеческого, тогда узнаете, что это я и что ничего не делаю от себя, но как научил меня отец мой, так и говорю.

Ин. гл. 8, ст. 26--28.

1

Признание своей жизни не в своей личности, а в том духе божьем, который живет в каждом человеке, Христос называет вознесением сына человеческого.

2

Христос был истинный пророк. Он видел тайну души. Он видел величие человека. Он был верен тому, что в вас и во мне. Он видел бога воплощенным в человеке. И в состоянии величественного восторга он сказал: "Я божественен, бог действует чрез меня, чрез меня говорит. Хочешь видеть -- смотри на себя, когда ты думаешь и чувствуешь так же, как я теперь думаю и чувствую". И люди услыхали эти слова и в следующем поколении сказали: "Это был Иегова, сошедший с неба. И я убью всех тех, кто скажет, что это был человек".

Способы выражения, его язык. Его притчи заняли место его истины; церкви основывались не на его истинах, а на его сравнениях. И христианство стало мифом также, как прежние поэтические учения греков, египтян.

Он уважал Моисея и пророков, но не считал нужным удерживать их первобытные откровения и подчинял их вечному откровению сердца. Познав тот повелевающий закон, который живет в сердцах людей, он не подчинил этот закон никакому другому. Он признал этот закон самим богом.

Эмерсон.

3

Я и бог -- одно! -- сказал учитель. Но если вы считаете за бога мое тело, то ошибаетесь. Если принимаете за бога мое нетелесное существо, особое от других существ, тоже ошибаетесь. Не ошибетесь только тогда, когда поймете в себе истинное мое я, то, которое действительно едино с богом и одно во всех людях. Для того чтобы познать это я, надо возвысить в себе человека. И когда возвысите, увидите, что между вами и другими людьми нет никакой разницы.

Нам только кажется, что мы отдельные существа, как кажется всякому цветку на яблоне, что он отдельное существо, а все они -- только цвет

одной яблони и все произошли от одного зародыша.

Федор Страхов.

4

Надо жить короткий срок этой жизни по закону вечной жизни.

Торо.

5

"Душа человеческая по природе своей христианка".

Христианство воспринимается людьми всегда как что-то забытое, вдруг вспомнившееся. Христианство поднимает человека на такую высоту, с которой ему открывается радостный мир, подчиненный разумному закону. Чувство, испытываемое человеком, узнающим истину христианства, подобно тому, которое испытал бы человек, запертый в темной, душной башне, когда бы он поднялся на высшую, открытую площадку башни, с которой увидел бы невидный прежде прекрасный мир.

Сознание подчинения закону человеческому порабощает, сознание подчинения божескому закону освобождает.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

СУЩНОСТЬ ХРИСТИАНСКОГО УЧЕНИЯ

Всегда, с самых древних времен, люди чувствовали бедственность, непрочность и бессмысленность своего существования и искали спасения от этой бедственности, непрочности и бессмысленности в вере в бога или

богов, которые могли бы избавлять их от различных бед этой жизни и в будущей жизни давали бы им то благо, которого они желали и не могли получить в этой жизни. И потому с древнейших времен среди разных народов были и разные проповедники, которые учили людей о том, каков тот бог или каковы те боги, которые могут спасать людей, и о том, что нужно делать для того, чтобы угодить этому богу или богам, для того чтобы получить награду в этой или будущей жизни.

Одни религиозные учения учили тому, что бог этот есть солнце и олицетворяется в разных животных; другие учили, что боги -- это небо и земля; третьи учили тому, что бог создал мир и избрал из всех народов один любимый народ; четвертые учили, что есть много богов и что они участвуют в делах людей; пятые учили тому, что бог, приняв образ человека, сошел на землю. И все эти учителя, перемешивая истину с ложью, требовали от людей кроме воздержания от поступков, считавшихся дурными, и исполнения дел, считавшихся добрыми, еще и таинства, и жертвы, и молитвы, которые больше всего другого должны были обеспечивать людям их благо в этом мире и будущем.

Но чем больше жили люди, тем меньше и меньше удовлетворяли эти вероучения требованиям души человеческой.

Люди видели, во-первых, то, что счастье в этом мире, к которому они стремились, не достигается, несмотря на исполнение требований бога или богов.

Во-вторых, вследствие распространения просвещения доверие к тому, что проповедовали религиозные учителя о боге, о будущей жизни и о наградах в ней, не совпадая с уяснившимися понятиями о мире, все ослабевало и ослабевало.

Если прежде люди без колебаний и сомнений могли верить тому, что бог сотворил мир 6000 лет тому назад, что земля есть центр вселенной, что под землей находится ад, что бог сходил на землю и потом улетел на небо и т.п., то теперь уже этому нельзя верить, потому что люди верно знают, что мир существует не 6000 лет, а сотни тысяч лет, что земля не есть центр мира, а только очень маленькая планета в сравнении с другими небесными телами, и знают, что под землей ничто не может быть, так как земля шар; знают, что улететь на небо нельзя, потому что неба нет, а есть только кажущийся свод небесный.

В-третьих, главное -- подрывалось доверие к этим различным учениям тем, что люди, вступая в более близкое общение между собой, узнавали про то, что в каждой стране религиозные учителя проповедуют свое особенное учение, признавая одно свое истинным, и отрицают все другие.

И люди, зная про это, естественно делали вывод о том, что ни одно из этих учений не более истинно, чем другое, и что потому ни одно из них не может быть принято за несомненную и непогрешимую истину.

Недостижимость счастия в этой жизни, все распространяющееся просвещение человечества и общение людей между собой, вследствие которого они узнавали вероучения других народов, делали то, что доверие людей к преподанным им вероучениям все ослабевало и ослабевало. А между тем потребность объяснения смысла жизни и разрешения противоречия между стремлением к счастью и жизни, с одной стороны, и все более и более уяснившимся сознанием неизбежности бедствий и смерти -- с другой, становилось все настоятельнее и настоятельнее.

Человек желает себе блага, видит в этом смысл своей жизни, и чем больше он живет, тем более видит, что благо это для него невозможно; человек желает жизни, продолжения ее и видит, что и он и все существующее вокруг него обречено на неизбежное уничтожение и исчезновение; человек обладает разумом и ищет разумного объяснения явлений жизни и не находит никакого разумного объяснения ни своей, ни чужой жизни. Если в древности сознание этого противоречия между жизнью человеческою, требующей блага и продолжения ее, и неизбежностью смерти и страданий было доступно только лучшим умам, как Соломону, Будде, Сократу, Лао-Тсе и др., то в позднейшее время это стало истиной, доступной всем, и потому разрешение этого противоречия стало нужнее, чем когда-нибудь.

И вот именно в то время, когда разрешение противоречия стремления к благу и жизни с сознанием невозможности их стало особенно мучительно необходимым для человечества, оно и дано было людям христианским учением в его истинном значении.

Древние вероучения своими уверениями о существовании бога-творца, промыслителя и искупителя, старались скрыть противоречие жизни человеческой; христианское же учение, напротив, показывает людям это противоречие во всей его силе; показывает им то, что оно должно быть, и из признания противоречия выводит и разрешение его. Противоречие состоит в следующем.

Действительно, с одной стороны, человек есть животное и не может перестать быть животным, пока он живет в теле; с другой стороны, он есть духовное существо, отрицающее все животные требования человека.

Человек в первое время своей жизни живет, не зная о том, что он живет, так что живет не он сам, но через него живет та сила жизни, которая живет во всем, что мы знаем. Человек начинает жить сам только тогда, когда знает, что он живет. Знает же он, что живет, когда знает, что желает блага себе и что другие существа желают того же. Это знание дает ему пробудившийся в нем разум.

Узнав же то, что он живет и желает блага себе и что того же желают другие существа, человек неизбежно узнает и то, что благо, которого он желает для своего отдельного существа, недоступно ему и что вместо того

блага, которого он желает, ему предстоят неизбежные страдание и смерть и что то же самое предстоит и всем другим существам. И является противоречие, которому человек ищет разрешения такого, при котором его жизнь, такая, какая она есть, имела бы разумный смысл. Он хочет, чтобы жизнь продолжала бы быть тою, какою она была до пробуждения его разума, т.е. совсем животною, или чтобы она была уже совсем духовною. Человек хочет быть зверем или ангелом, но не может быть ни тем ни другим.

И тут-то является то разрешение этого противоречия, которое дает христианское учение. Оно говорит человеку, что он ни зверь, ни ангел, но ангел, рождающийся от зверя, -- духовное существо, рождающееся из животного. Что все наше пребывание в этом мире есть не что иное, как это рождение.

Как только человек пробуждается к разумному сознанию, сознание это говорит ему, что он желает блага; а так разумное сознание его пробудилось в его отдельном существе, -- то ему кажется, что его желание блага относится к его отдельному существу. Но это самое разумное сознание, которое показало ему себя отдельным существом, желающим себе блага, показывает ему и то, что отдельное существо это не соответствует тому желанию блага и жизни, которое он ему приписывает; он видит, что отдельное существо это не может иметь ни блага, ни жизни.

"Что же имеет истинную жизнь?" -- спрашивает он себя и видит, что истинной жизни не имеет ни он, ни те существа, которые окружают его, а только то, что желает блага. И, познав это, человек перестает признавать собою свое отдельное от других, телесное и смертное существо, а признает собою то, нераздельное от других, духовное и потому не смертное существо, которое открыто ему его разумным сознанием.

В этом состоит рождение в человеке нового духовного существа.

Существо, открываемое человеку его разумным сознанием, есть желание блага, есть то же самое желание блага, которое и прежде составляло цель его жизни, но с той разницей, что желание блага прежнего существа относилось к отдельному, одному телесному существу и не сознавало себя, теперешнее же желание блага сознает себя и потому относится ни к чему-либо отдельному, а ко всему существующему.

В первое время пробуждения разума человеку кажется, что желание блага, которое он сознает собою, относится только к тому телу, в которое оно заключено. Но чем яснее и тверже становится разум, тем яснее становится, что истинное существо, истинное "я" человека, как скоро он сознает себя, есть не его тело, не имеющее истинной жизни, а желание блага само в себе, другими словами -- желание блага всему существующему. Желание же блага всему существующему есть то, что дает жизнь всему существующему, то, что мы называем богом.

Так что существо, которое открывается человеку его сознанием, рождающееся существо, -- есть то, что дает жизнь всему существующему, -- есть бог.

По прежним учениям, для познания бога человек должен был верить тому, что ему другие люди говорили о боге, о том, как бог сотворил будто бы мир и людей и потом проявил себя людям; по христианскому же учению, человек непосредственно познает бога своим сознанием в самом себе. В самом себе сознание показывает человеку, что сущность его жизни есть желание блага всему существующему, есть нечто необъяснимое и невыразимое словами, и вместе с тем самое близкое и понятное человеку.

Начало желания блага появилось в человеке сначала как жизнь его отдельного животного существа; потом -- как жизнь тех существ, которые он любил; потом, с тех пор, как пробудилось в нем его разумное сознание, оно проявилось как желание блага всему существующему. Желание же блага всему существующему есть начало всякой жизни, есть любовь, есть бог, как и сказано в Евангелии, что бог есть любовь.

Л. Толстой.

29-е января

Не думай, чтобы мудрость представляла из себя свойство только особенных людей. Мудрость необходима всем людям и потому свойственна всем людям. Мудрость в том, чтобы знать свое назначение и средства исполнять его.

1

Тремя путями можем мы прийти к мудрости: во-первых, путем размышлений, это -- путь самый благородный; во-вторых, путем подражания, это -- путь самый легкий, и, в-третьих, путем опыта, это -- путь самый тяжелый.

Конфуций.

2

Достоинство человека измеряется не той истиной, которой он владеет, а тем трудом, который он приложил для ее приобретения.

Лессинг.

3

Жизнь -- школа, в которой неудача -- лучший учитель, чем удача.

Сулейман Гренадский.

4

Хочешь себя изучить -- посмотри на людей и дела их.
Хочешь людей изучить -- в сердце к себе загляни.

Шиллер.

5

Понимать вещи -- значит побывать в них и потом выйти из них. Нужно, стало быть, пленение и потом освобождение; очарование и потом разочарование; увлечение и охлаждение. Тот же, который находится еще под очарованием, так же как и тот, который не был очарован, -- одинаково не могут понимать. Мы знаем хорошо только то, чему прежде поверили и потом обсудили. Чтобы понимать, надо быть свободным, но прежде этого быть плененным.

Амиель.

6

Когда продолжительность жизни человека или народа нам представляется такой же ничтожной, как и жизнь мушкарки, и, наоборот, жизнь мушкарки также бесконечна, как и жизнь небесного тела со всей его пылью народов, мы чувствуем себя и очень малыми и очень великими, и мы со всей высоты небесных пространств можем рассматривать наше собственное существование и те маленькие вихри, которые волнуют нашу маленькую Европу. Вот что делает мысль свободной.

Амиель.

7

Изнутри или сзади светит через нас свет, -- мы можем знать, что мы ничто, а что всё этот свет. То, что мы обыкновенно называем человеком -- едящее, пьющее, сажающее, считающее существо, -- не представляет нам человека в его истинном свете, но, напротив, показывает нам его в ложном. Истинный человек -- это та душа, которая живет в нем. Если бы он только проявил ее делами, мы бы преклонялись перед ней.

Мудрая пословица говорит: "Бог приходит к нам без звона". Это значит, что нет перегородки между нами и началом всего, нет стены между человеком -- последствием и богом -- причиною.

Эмерсон.

8

Душа сама в себе есть и свой судья и свое прибежище. Не оскорбляй твою сознающую душу -- высшего внутреннего судью.

Many.

Нет таких положений и нет таких незначительных дел, в которых не могла бы проявиться мудрость.

30-е января

Земля не может быть предметом собственности.

1

Когда Сократа спросили, откуда он родом, он сказал, что он гражданин всего мира; он считал себя жителем и гражданином всей вселенной.

Цицерон.

2

Если предположить, что вся обитаемая земля может быть собственностью землевладельцев и что они имеют право на ее поверхность, то все неземлевладельцы не имеют на нее права. Так что неземлевладельцы могут существовать на земле только под условием согласия на то землевладельцев. Они получают право на место, занимаемое их ногами, только под условием согласия на то землевладельцев. Так что если бы эти не пожелали дать им места, они должны бы были быть свержены с земного шара.

Герберт Спенсер.

3

Собственность на землю, подобно собственности на рабов, по самому существу своему отличается от собственности на предметы, созданные трудом.

Отнимите у человека или у народа деньги, товары, скот, ваш грабеж окончится вместе с вашим уходом. Течение времени, конечно, не сделает вашего преступления делом хорошим, но оно уничтожит его последствия. Оно быстро уходит в даль прошлого вместе с людьми, которые участвовали в нем.

Но отнимите у народа землю, и ваш грабеж будет продолжаться вечно. Он будет новым грабежом для каждого нового ряда сменяющихся поколений, для каждого нового года, для каждого нового дня.

Генри Джордж.

4

Мы занимаем остров, на котором живем трудами рук своих. Разбитый в кораблекрушении моряк выброшен на наш берег. В чем его право? Может ли он сказать: я тоже человек, я тоже имею естественное право обрабатывать землю, я могу, на том же основании, как и вы, занимать частицу земли для того, чтобы кормиться своим трудом.

Лавелэ.

5

Причина величайших бедствий -- это грубое и чудовищное утверждение о том, что земля может быть чьей-нибудь частной собственностью. Это так же несправедливо и жестоко, как и рабство.

Ньюмэн.

6

Если есть человек, не имеющий право на землю, то незаконно право на землю -- мое, ваше, всякого человека.

Эмерсон.

7

Земля -- общая наша мать, она кормит нас, дает нам приют, радует и любовно обогревает нас; с минуты рождения и пока мы не успокоимся вечным сном на ее материнской груди; она постоянно своими нежными объятиями лелеет нас.

И вот, несмотря на это, люди толкуют о ее продаже, и, действительно, в наш продажный век земля представляется на рынок для оценки и для так называемой продажи. Но продажа земли, созданной небесным творцом, является дикой нелепостью. Земля может принадлежать только всемогущему Богу и всем сынам человеческим, работающим на ней, или тем, что будут на ней работать. Она представляет собственность не одного какого-либо поколения, но всех прошлых, настоящих и будущих поколений, работающих на ней.

Карлейль.

Никто не может иметь права собственности на землю.

31-е января

Высшая степень дерзости -- это установление одними людьми такого религиозного закона, который не подлежит обсуждению других и должен быть принят другими людьми на веру.

Для чего это может быть нужно людям?

1

Если что правда, то давайте верить в это все: бедные, богатые, мужчины, женщины и дети. Если же это неправда, то не будем верить никто: ни богатые, ни бедные, ни толпы людей, ни женщины, ни дети. Истину надо провозглашать с крыш.

Постоянно нашептывают, что опасно открывать некоторые вещи народу. Говорят: мы знаем, что это неправда, но это так полезно для народа, можно сделать много зла, поколебав его веру.

Но кривые пути остаются кривыми, хотя бы они были предназначены для обмана больших масс народа, а не отдельных личностей. И поэтому мы признаем только одно побуждение: следование истине, которую знаем, куда бы она ни привела нас.

Клиффорд.

2

Невежественность и суеверность народа в значительной степени обусловливается тем, что всегда находились и теперь находятся такие жестокие люди, которые, просветившись сами, употребляют свой свет не на то, на что они должны бы употреблять его, -- на помощь выбивающемуся из мрака невежества народу, -- а только на то, чтобы закреплять его в нем.

3

Странное дело! Во все времена негодяи старались маскировать свои гнусные поступки преданностью интересам религии, нравственности и любви к отечеству.

Гейне.

4

Остерегайтесь книжников, которые любят ходить в длинных одеждах и любят приветствия в народных собраниях, председания в синагогах и предвозлежания на пиршествах, которые поедают домы вдов и лицемерно долго молятся; они примут тем большее осуждение.

Лк. гл. 20, ст. 46--47.

5

А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас учитель -- Христос, все же вы -- братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас отец, который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас наставник -- Христос.

Мф. гл. 23, ст. 8--10.

6

Все учение Христа в том, чтобы исполнять его заповеди. Войдут в царство небесное не те, кто говорит: "Господи! Господи!", а те, кто исполняет волю отца.

Христос учил людей тому, что между богом и человеком не нужно посредников. Он учил тому, что все люди -- сыны бога. Какие же могут быть нужны посредники между отцом и сыном?

ФЕВРАЛЬ

1-е февраля

Никакие рассуждения не могут свести духовное к вещественному и объяснить происхождение духовного от вещественного.

1

Человек считает собою и свое тело, и свою душу. Но заботится человек, всегда, особенно в молодости, только о теле. А между тем главное в каждом человеке -- не тело, а душа. И поэтому заботиться должно больше всего не о теле, а о душе. Привыкни к этому, вспоминай чаще, что жизнь твоя в духе, соблюдай его от всякой житейской грязи, не давай плоти подавлять его, подчини тело духу, и тогда ты исполнишь свое назначение и проживешь жизнь радостно.

По Марку Аврелию.

2

Все дело в том: верить или не верить в действительность духа. Люди разделяются в духовном отношении на живых и мертвых, т.е. на верующих и неверующих.

Неверующий говорит: "Какой там дух... А вот что съел, насладился, то и мое!" И он, много не думая, заботится только о внешнем, делая свои плотские и злые дела, лжет, величается, рабствует и не чувствует в себе потребностей высших: свободы, правды, любви. Такой человек хоронится от света разума, потому что мертв и потому что свет только живому дает жизнь, а мертвое сушит и гноит.

Вера в действительность духовной жизни дает другое направление мыслям человека.

Верующий в духовную жизнь обращает внимание свое вовнутрь, старается разобраться в своих чувствах, в своих мыслях, старается направить свою жизнь сообразно с высшими требованиями: сделать ее свободной, правдивой, любовной; старается своими поступками слагать жизнь свою из таких мыслей и чувств, которые наиболее соответствуют

целям добра. Такой человек ищет истину и тянется к свету, потому что жизнь духа невозможна без света разума, как жизнь мира видимого невозможна без света солнца.

Среди людей нет ни совершенных жителей тьмы, ни совершенных жителей света, а все на распутье, и каждый, имея в себе власть идти, идет туда или сюда. И всякий, верующий в действительность духа, живущий под светом разума, пребывает в царстве Бога и имеет жизнь вечную.

Бука.

3

Пускай ученые, философы придумывают свои предопределения, свои необходимые движения, пусть думают, что мир создавался из ряда случайностей. Я вижу в мире то единство замысла, которое, несмотря на их утверждение, заставляет меня признавать единое начало. Все равно, как если бы они мне сказали, что Илиада составилась из случайно брошенного типографского шрифта. Я бы не колеблясь сказал им на это: это неправда, хотя у меня нет никакой другой причины не верить в это, кроме той, что *не могу верить в это*.

"Все это суеверие", -- говорят ученые. Может быть, и суеверие, отвечаю я, однако что может сделать ваш столь неясный рассудок против суеверия, которое убедительнее его?

Вы говорите: "Нет двух начал, духовного и телесного". Я говорю, что нет ничего общего между моей мыслью и деревом.

И что забавнее всего, это то, что они сами себя взаимно разбивают своими софизмами и готовы присвоить душу скорее камням, чем признать ее в человеке.

Руссо.

4

Я не знаю, может ли собака выбирать, помнить, любить, бояться, воображать, думать; так что, когда мне говорят, что все это в ней не

страсти, не чувства, но естественное и необходимое действие устройства ее организма, который составлен из различных сочетаний частей вещества, то я могу согласиться с таким мнением. Но я мыслю, и я знаю, что я мыслю. Что же может быть общего между тем, что думает, и тем или Другим сочетанием частей вещества, т.е. пространства, поддающегося делению во всех своих направлениях и измерениях, -- в длину, ширину и глубину?

Лабрюйер.

5

Если все только вещество и если мысли во мне, как и во всех людях, есть только следствие сочетаний частиц вещества, то кто же зародил в мире мысль о каких-либо других существах, кроме телесных? Как может быть вещество причиной того, что его отрицает и исключает из своего существования? Как может оно быть в человеке тем, что мыслит, то есть тем, что и служит убеждением человеку, что он не вещество?

Лабрюйер.

6

Метафизика существует в действительности, если и не как наука, то как природная склонность, потому что человеческий разум, подвигаясь неудержимо вперед, побуждаемый к тому не одним только тщеславным желанием многознайства, а и собственной потребностью, доходит до таких вопросов, на которые не может дать ответа никакая опытная деятельность разума и выведенные из нее основы. Таким образом, действительно у всех людей, у которых разум расширился до умозрения, всегда была какая-нибудь метафизика; и она всегда будет у них.

Кант.

Различие духовного от вещественного одинаково ясно самому простому, детскому уму и самому глубокому уму мудреца. Бесполезны рассуждения и споры о духовном и вещественном. Рассуждения эти ничего не объяснят, а только затемнят то, что ясно и бесспорно.

2-е февраля

Жизнь с забвением смерти и жизнь с сознанием ежечасного приближения к смерти -- два совершенно различных состояния.

1

Чем больше перенесена жизнь из области телесной в область духовную, тем менее страшна смерть. Для человека, живущего вполне духовной жизнью, страха этого не может быть.

2

Когда ты твердо убежден и помнишь, что с часу на час тебе предстоит сбросить свою внешнюю оболочку, свое тело, т.е. умереть, тебе легче соблюдать справедливость и поступать по правде, легче покоряться судьбе своей. Думай только о том, как бы не отступить от правды в каждом предстоящем тебе сегодня деле и как бы покорно нести то, что сейчас предстоит тебе. Живи так -- и ты не только встретишь невозмутимо всякие людские толки, пересуды, покушения, -- ты даже не станешь думать о них, но все бедствия, которые могут постигнуть тебя, покажутся тебе не важными, потому что, живя так, все желания твои сольются в одно -- исполнять волю бога. А это ты всегда можешь сделать.

По Марку Аврелию.

3

Думай чаще о смерти и живи так, как будто ты знаешь, что должен скоро умереть.

Как бы ты ни сомневался в том, как поступить, представь себе, что ты умрешь к вечеру, и сомнение тотчас же разрешается, тотчас же ясно, что дело долга и что личные желания.

4

Мысль о близости смерти распределяет все наши поступки по степени их истинной важности для нашей жизни. Приговоренный к немедленной казни не станет заботиться об увеличении, сохранении своего состояния, ни об установлении о себе доброй славы, ни о торжестве своего народа перед другими, ни об открытии новой планеты и т.п., но за минуту перед смертью постарается утешить огорченного, поднимет упавшего старика, перевяжет рану, починит игрушку ребенку...

5

Я люблю свой сад, люблю читать книжку, люблю ласкать детей. Умирая, я лишаюсь этого, и потому мне не хочется умирать, и я боюсь смерти.

Может случиться, что вся моя жизнь составлена из таких временных, мирских желаний и их удовлетворения. Если так, то мне нельзя не бояться того, что прекращает эти желания. Но если эти желания и их удовлетворение изменились во мне и заменились другим желанием -- исполнять волю бога, отдаться ему в том виде, в котором я теперь, и во всех возможных видах, в которых буду, то чем больше заменилась моя воля волей бога, тем меньше не только страшна мне смерть, но тем меньше существует для меня смерть. А если совсем заменяются мои желания блага своей личности желанием исполнения воли бога, то и не будет для меня ничего, кроме жизни.

Заменять мирское, временное вечным -- это путь жизни, и по нем-то надо идти. А как? - Это в своей душе знает каждый из нас.

Вспоминать о смерти значит жить без мысли о ней. О смерти нужно не

вспоминать, а спокойно, радостно жить с сознанием ее постоянного приближения.

3-е февраля

Доброта для души -- то же, что здоровье для тела: она незаметна, когда владеешь ею.

1

Люди истинно добродетельные не считают себя добродетельными, поэтому они добродетельны. Люди не истинно добродетельные никогда не забывают о своей добродетели и потому не бывают добродетельными. Настоящая добродетель не утверждает сама себя и не выказывается. Ненастоящая добродетель утверждает сама себя и выказывается.

Истинное добродушие не знает само себя и не старается выказаться. Неистинное добродушие утверждает само себя и старается выказаться. Истинная справедливость проявляется, когда это нужно, но не старается выказаться. Неистинная справедливость всегда проявляет себя и старается выказаться.

Истинное приличие проявляется, когда нужно, и не старается выказаться. Неистинное приличие проявляется всегда и, когда никто не отвечает на него, силою заставляет исполнять свои правила.

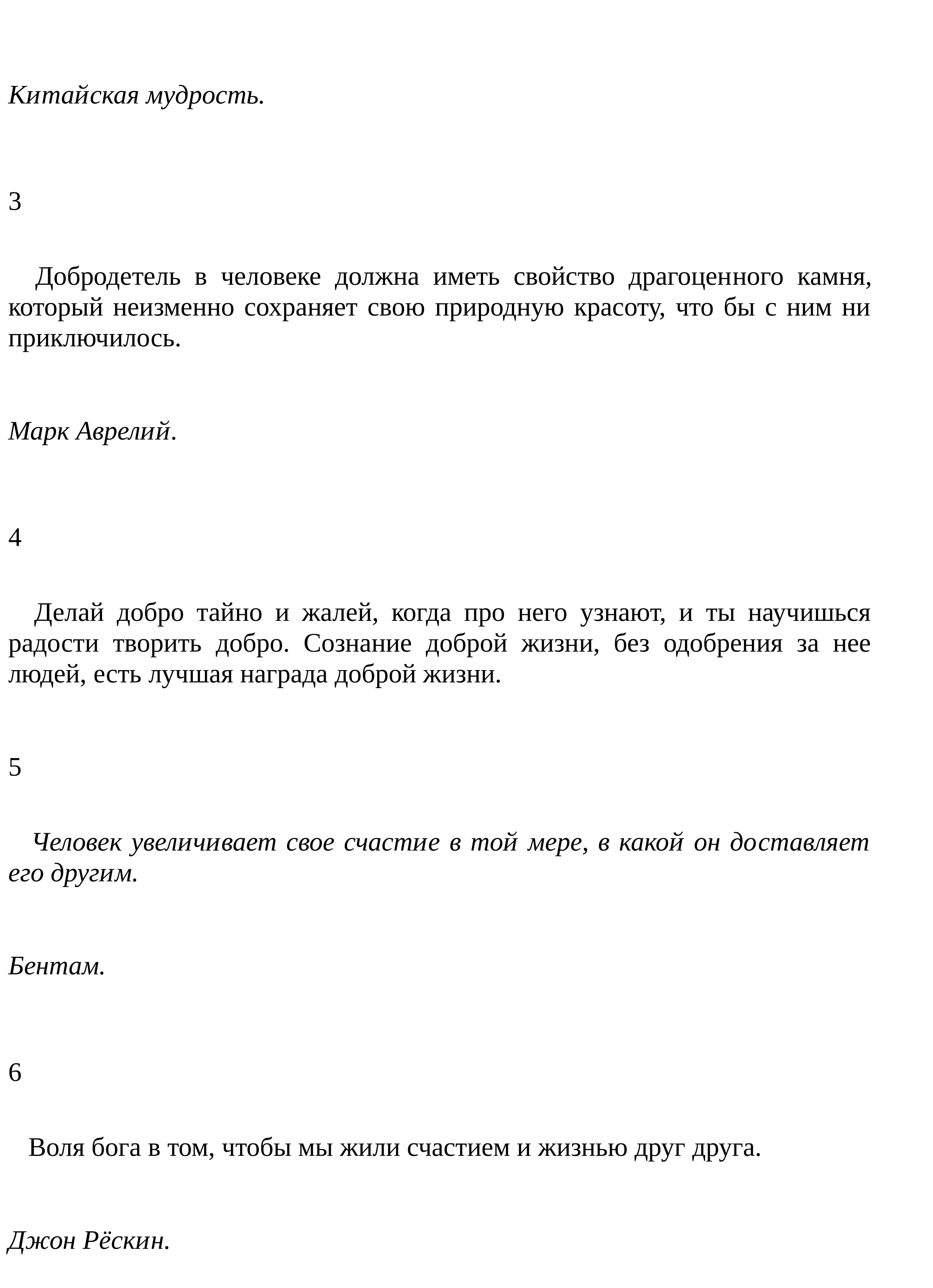
Когда потеряна истинная добродетель, является добродушие, когда потеряно добродушие, является справедливость, когда же потеряна справедливость, является приличие.

Правила приличия -- это только подобия правды и начало всякого беспорядка.

Лао-Тсе.

2

Человек истинной добродетели старается идти прямым путем до конца. Сделать половину дороги и потом ослабеть -- это то, чего надо бояться.

Китайская мудрость.

3

Добродетель в человеке должна иметь свойство драгоценного камня, который неизменно сохраняет свою природную красоту, что бы с ним ни приключилось.

Марк Аврелий.

4

Делай добро тайно и жалей, когда про него узнают, и ты научишься радости творить добро. Сознание доброй жизни, без одобрения за нее людей, есть лучшая награда доброй жизни.

5

Человек увеличивает свое счастие в той мере, в какой он доставляет его другим.

Бентам.

6

Воля бога в том, чтобы мы жили счастием и жизнью друг друга.

Джон Рёскин.

7

Как благо растения -- в свете, и потому, как ничем не закрытое растение не может спрашивать и не спрашивает, в какую сторону ему расти и хорош ли свет, не подождать ли ему другого, лучшего, а берет тот единственный свет, который есть в мире, и тянется к нему, -- так и отрекшийся от блага личности человек не рассуждает о том, как ему любить: тех ли, кого он любит сейчас, или нет ли какой еще лучшей любви, чем та, которая возможна сейчас, а отдает себя той любви, которая доступна ему и есть перед ним.

8

Нет иной любви, как такой, которая отдает душу свою за други своя. Любовь -- только тогда любовь, когда она есть жертва собой. Только когда человек забывает себя и живет жизнью того, кого любит, -- только такая любовь есть истинная, и только в такой любви мы находим благо, награду любви. И только тем, что есть такая любовь в людях, только тем и стоит мир.

Ничто так не украшает жизнь и других людей, как установившаяся привычка быть добрым.

4-е февраля

Свободен человек только тогда, когда он в истине. Истина же открывается разумом.

1

Вспомни, что отличительное свойство разумного существа есть свободное подчинение своей судьбе, а не постыдная борьба с нею, свойственная животным.

Марк Аврелий.

2

Если бы человек не знал, что глаза могут видеть, и никогда не раскрывал бы их, он был бы очень жалок. Так же и еще более жалок человек, если он не понимает того, что ему дан разум для того, чтобы спокойно переносить всякие беды. Если человек живет разумно, то ему легко переносить всякие беды, потому что разум скажет ему, что всякие беды проходят и часто превращаются в добро. А между тем люди, вместо того чтобы смотреть прямо в глаза беде, стараются увернуться от нее. Не лучше ли радоваться тому, что бог дал нам власть не огорчаться тем, что с нами случается помимо нашей воли, и благодарить бога за то, что он подчинил нашу душу только тому, что в нашей власти, -- нашему разуму. Он ведь не подчинил нашей души ни родителям нашим, ни братьям, ни богатству, ни телу нашему, ни смерти. Он подчинил ее одному тому, что от нас зависит, -- нашему разуму.

По Эпиктету.

3

Разбросайте на улице орехи и пряники -- сейчас же прибегут дети, станут подбирать их, подерутся между собою. Взрослые же не станут драться из-за этого. А пустые скорлупки и дети не станут подбирать.

Для разумного человека богатство, почести, слава -- или детские сласти, или пустые скорлупки. Пусть дети подбирают их, пусть дерутся из-за них, пусть целуют руки богачей и правителей и их прислужников: для разумного человека все это -- скорлупки. Если случайно попадет в руки разумного человека какой-нибудь орех, почему же и не съесть его. Но нагибаться для того, чтобы его поднять, бороться из-за него, валить кого-нибудь с ног или самому валиться -- не стоит из-за таких пустяков.

Эпиктет.

Мы не свободны и подчинены и своим страстям, и другим людям в той степени, в какой отступаем от требований разума. Истинное освобождение совершается только разумом.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

РАЗУМ

I

Как во всех вещах этого мира каждое новое средство, новое преимущество и каждое новое превосходство тотчас же вносит с собой и свои невыгоды, так и разум, давая человеку такое великое преимущество перед животными, приносит с собой свои невыгоды и открывает такие пути соблазна, на которые никогда не может попасть животное. Через них приобретают власть над его волей нового рода побуждения, которым животное недоступно, именно *отвлеченные* побуждения, -- просто мысли, которые далеко не всегда извлечены из собственного опыта, а часто порождаются словами и примерами других, внушением и литературой. С возможностью *разумения* тотчас же открывается человеку и возможность *заблуждения*. А каждое заблуждение, рано или поздно, приносит вред, и тем больший, чем оно было больше. За личное заблуждение когда-нибудь придется заплатить, и нередко дорогой ценой; то же, в крупном масштабе, и с заблуждениями целых народов. Поэтому нельзя достаточно напоминать, что надо преследовать и искоренять, как врага человеческого, всякое заблуждение, где бы оно ни встретилось, и что не может быть безвредных и тем более полезных заблуждений. Мыслящий человек должен вступить с ними в борьбу, доложен, даже если бы человечество громко вопило при этом, как больной, которому доктор вскрывает нарыв.

Для массы место настоящего образования заступает своего рода дрессировка. Производится она примером, привычкой и вбиванием накрепко с раннего детства известных понятий, прежде чем накопится настолько опыта рассудка и силы суждения, чтобы бороться против этого. Так-то и прививаются мысли, которые потом сидят так крепко и остаются столь непобедимыми для какого бы то ни было поучения, как если бы они

были *врожденными*; да их часто и считают таковыми даже философы. Таким путем можно с одинаковым успехом привить людям и справедливое, и разумное, и самое нелепое -- приучить их, например, приближаться к тому или иному идолу не иначе, как проникшись священным трепетом, и при произнесении его имени повергаться в прах не только телом, но и всей своей душой; класть добровольно свою жизнь и имущество за слова, за имена, на защиту самых причудливых пустяков; считать за величайшую честь или за величайший позор, по произволу, то или это и, сообразно с этим, уважать или презирать человека от глубины души; воздерживаться от всякой мясной пищи, как в Индостане, или есть еще теплые и трепещущие куски, вырезанные у живого животного, как в Абиссинии; пожирать людей, как в Новой Зеландии, или отдавать своих детей в жертву Молоху; оскоплять самих себя, добровольно бросаться в костер, на котором сжигают покойника, -- словом, можно их приучить *к чему угодно*. Отсюда крестовые походы, распутства изуверных сект, отсюда хилиасты и хлысты, преследования еретиков, аутодафе (костры инквизиции) и все то, что можно найти в длинном свитке человеческих заблуждений.

Трагизм заблуждений и предрассудков -- в практической их стороне, комизм -- в теоретической: нет нелепости, которая, если она внушена сначала хотя троим, не могла бы стать всенародным убеждением.

Таковы невыгодные стороны, которые связаны с присутствием в нас разума.

Шопенгауэр.

II

Заблуждения и несогласия людей в деле искания и признания истины происходят не от чего иного, как от их недоверия к разуму; вследствие этого жизнь человеческая, руководимая обычаями, преданиями, модами, суевериями, предрассудками, насилием и всем, чем угодно, кроме разума, течет сама по себе, а разум существует сам по себе. Часто бывает и то, что если орган разума -- мышление -- и применяется к чему-нибудь, то не к делу искания и распространения истины, а к тому, чтобы во что бы то ни стало оправдать и поддержать обычаи, предания, моды, суеверия, предрассудки.

Заблуждения и несогласия людей в деле признания единой истины -- не

оттого, что разум у людей не один или не может доказать им единую истину, а оттого, что они не верят в него.

Если бы они поверили в свой разум, то нашли бы способ сверять показания разума в себе с показаниями его же в других. А нашедши этот способ взаимной проверки, убедились бы, что разум один, несмотря на то что, вследствие различных степеней силы органа разума -- мышления, он показывает разное.

С разумом то же, что и с зрением. Как орган зрения -- глаза открывают людям различные по величине радиусов физические горизонты не вследствие отсутствия единства законов зрения, а благодаря различию степеней дальнозоркости или точек зрения (в прямом смысле), так и орган разума -- мышление -- открывает людям различные умственные и нравственные горизонты не вследствие отсутствия единства законов мышления, а вследствие различия или степеней умственной дальнозоркости или точек зрения (в переносном смысле).

И как в деле обозрения горизонта, односторонность отдельных частных точек зрения исправляется объединением их в одну общую, например, высочайшую точку зрения (в прямом смысле этого слова), а различие в степенях дальнозоркости уравнивается оптическими приборами: очками, биноклями, телескопами, так и в деле изучения нравственного и духовного горизонтов та же односторонность единичных точек зрения исправляется подобным же объединением их в одну общую, высшую точку зрения; различие же в степенях умственной дальнозоркости уравновешивается при помощи просвещения, причем лучшим органом такого уравнения является слово, исходящее из уст мудрейших людей.

Мудрец помогает *самостоятельному рождению в людях их собственных идей и чувств*, вложенных в них от вечности. Его роль вполне уподобляется роли зрительной трубы, которая не дарует зрения слепому, а лишь усиливает зрение хотя бы самых плохих глаз. Сократ уподоблял мудреца повивальной бабке, которая не дарует женщине ребенка, а лишь помогает ей произвести на свет своего собственного.

Но не в одном различии точек зрения и степеней разумения лежит причина разногласия людей в деле признания единой истины. Причина такого разногласия кроется еще в самолюбии людей, благодаря которому очень часто человек, уже признавший внутренне разумность доводов своего собеседника, все-таки продолжает отстаивать уже раз высказанное им мнение.

Федор Страхов.

5-е февраля

Все, что совершается в жизни отдельного человека и человеческих обществ, имело свое начало в мысли. И потому объяснение всего того, что случается с людьми, -- не в предшествующих событиях, а в предшествовавших событиям мыслях.

1

Едва ли не важнее знать то, о чем не надо думать, чем то, о чем надо думать.

2

Наша жизнь -- следствие наших мыслей, она исходит из наших мыслей. Если человек говорит или действует со злою мыслью -- страдание неотступно следует за ним, как колесо за ногами вола, влекущего повозку.

Наша жизнь -- следствие наших мыслей, она рождается в нашем сердце, она творится нашею мыслью. Если человек говорит или действует с доброю мыслью -- радость следует за ним как тень, никогда не покидающая.

Буддийская мудрость. [Дхаммапада.]

3

Человек не изменится оттого, что выбелится его обиталище. Благо народа не увеличится оттого, что ему дадут возможность больших удовольствий и материальных удобств. Душа творит свое тело. Только мысль устраивает достойное для себя жилище.

Мадзини.

4

Наши привычные мысли придают в нашем уме свойственную им окраску всему, с чем мы приходим в соприкосновение. Ложны эти мысли -- и они извратят наиболее возвышенные истины. Атмосфера, создаваемая вокруг нас нашими привычными мыслями, представляет из себя для каждого из нас нечто более твердое, чем дом, в котором мы живем. Она является чем-то вроде раковины улитки, которую она всюду носит с собой.

Люси Малори.

5

Наша мысль, хорошая или дурная, отправляет нас в рай или в ад, не на небе и не под землей, а здесь, в этой жизни.

Люси Малори.

6

Мысль кажется свободною, но в человеке есть нечто могущественнее ее, могущее управлять ею.

Для того чтобы изменить установившийся ход жизни в себе или в людях, надо бороться не с событиями, а с теми мыслями, которые произвели и производят их.

6-е февраля

Самые захватывающие нас желания -- это желания похотливые, такие желания, которые никогда не удовлетворяются, и чем больше удовлетворяются, тем больше разрастаются.

1

Посмотрите на то, как хочет жить раб. Прежде всего он хочет, чтобы его отпустили на волю. Он думает, что без этого он не может быть ни свободным, ни счастливым. Он говорит так: если бы меня отпустили на волю, я сейчас же был бы вполне счастлив: я не был бы принужден угождать и прислуживаться моему хозяину, я мог бы говорить с кем угодно как с равным себе, я мог бы идти куда хочу, не спрашиваясь ни у кого.

А как только отпустят его на волю, он сейчас же разыскивает, к кому бы подольститься, чтобы пообедать, потому что хозяин больше не кормит его. Для этого он готов идти на всякие мерзости и попадает опять в рабство, более тяжелое, чем прежде.

Когда ему приходится особенно трудно, он вспоминает о прежнем своем рабстве и говорит:

-- А ведь мне недурно было у моего хозяина! Не я о себе заботился, а меня одевали, обували, кормили и, когда я болен бывал, заботились обо мне. Да и служба была нетрудная. А теперь сколько бед! Был у меня один хозяин, а теперь сколько их стало у меня! Скольким людям должен я угождать, чтобы разбогатеть!

Для того чтобы разбогатеть, он терпит всякие невзгоды, а когда получит то, чего хотел, то опять оказывается, что он оплел себя разными неприятными заботами.

И все-таки он не берется за разум. Он думает: вот если бы я стал великим полководцем, все мои несчастия кончились бы: как бы восхваляли меня! И он отправляется в поход. Он терпит всякие лишения, страдает, как каторжный, и все-таки просится в поход во второй и в третий раз. И жизнь его все ухудшается и ухудшается.

Если он хочет избавиться от всех своих бед и несчастий, пусть он опомнится. Пусть он узнает, в чем истинное благо жизни. Истинное благо в том, чтобы на каждом шагу своей жизни поступать согласно законам правды и добра, начертанным в душе каждого человека. Только поступая так, получит человек и истинную свободу, и то благо, которого желает всякое сердце человеческое.

По Эпиктету.

2

Кто охвачен низменной жаждой телесных наслаждений -- этой жаждой, полной отравы, вокруг того обовьются страдания подобно вьющейся повилике.
Кто же побеждает эту жажду, от того отпадают все страдания, как с листка лотоса скатываются дождевые капли.

Буддийская мудрость. [Дхаммапада.]

3

Желают, волнуются, страдают из-за дурного. Истинно хорошее получается часто не только независимо от наших желаний, но противно им и часто только после волнений и страданий из-за дурного.

4

Часто люди гордятся более силою своих желаний, чем силою власти над своими желаниями. Какое странное заблуждение!

Вспомни, как страстно желал ты в прошедшем многого, что теперь вызывает в тебе если не отвращение, то пренебрежение. То же будет и с теми желаниями, которые теперь волнуют тебя.
Вспомни, как много ты потерял, стараясь удовлетворить твои прежние желания. То же будет и теперь. Смиряй, утишай их, это всегда самое выгодное и вместе с тем всегда возможное.

7-е февраля

Самосовершенствование есть и внутренняя работа, и внешняя. Человек не может совершенствоваться без общения с людьми и без воздействия их на него и своего на них.

1

Три соблазна мучают людей: похоти тела, гордость и любовь к богатству. От этого -- бедствия людей. Без похотей, гордости и корыстолюбия все люди жили бы счастливо. Как же избавиться от этих ужасных болезней? Избавиться от них трудно, главное, оттого, что зародыш их в самой природе нашей.

Для избавления себя от них есть только одно средство: работа каждого над самим собою. Часто думают, что помочь могут законы и правительства, но этого не может быть, потому что пишут законы и правят людьми такие же люди, страдающие от тех же соблазнов похоти, гордости и корыстолюбия. И потому на законы и правителей нельзя надеяться. И потому одно, что могут сделать люди для своего блага, это И. уничтожение в себе и похоти, и гордости, и корыстолюбия. Никакое улучшение невозможно, пока каждый не начнет это улучшение с самого себя.

По Ламенэ.

2

Чтобы научиться терпению, нужно практиковаться столько же, как при изучении музыки, а мы между тем, как только учитель приходит, как только выпадает случай поучиться терпению, убегаем от урока.

Джон Рёскин.

3

"Будьте совершенны, как совершенен отец ваш небесный", -- сказано в Евангелии. Это не значит то, что Христос велит человеку быть таким же, как бог, а значит то, что всякий человек должен стараться приближаться к божественному совершенству.

4

Совершенство без всякой примеси -- это бог; приближение к богу -- это жизнь человека. Тот, кто постоянно стремится к своему совершенствованию, тот разумен и может отличить добро от зла. А когда человек знает, что добро -- добро, а зло -- зло, то он прилепляется к добру и удаляется от зла.

Конфуций.

5

Как бы я ни был малообразован, я могу идти по пути разума. Одно, чего мне нужно бояться, это -- самомнения. Высший разум очень прост, но люди не понимают его, потому что думают, что понимают то, чего не понимают.

По Лао-Тсе.

6

Странно! Человек возмущается злом, исходящим извне, от других, -- тем, чего устранить он не может, а не борется со своим собственным злом, хотя это всегда в его власти.

Марк Аврелий.

7

Если бы то время и те силы, которые расходуются теперь на нападки на богатых и на попытки придумать средства к изменению существующего устройства жизни и к установлению справедливого раздела богатств, расходовались бы на дело самоусовершенствования, то быстро наступила бы та перемена к лучшему в нашей государственной, общественной и нравственной жизни, которой мы так желаем. Научись человечество правильно мыслить -- и наш мир сделался бы настолько же счастливым, насколько теперь он несчастен. Но народ не хочет знать той истины, которая освобождает, потому что она противна тем государственным и религиозным заблуждениям, с которыми он свыкся.

Люси Малори.

Нет ничего вреднее для себя и других -- деятельности, исключительно направленной на улучшение своей животной жизни, и нет ничего благотворнее для себя и других -- деятельности, направленной на улучшение своей души.

8-е февраля

Отчего люди так любят осуждать друг друга? Оттого, что всякий человек, осуждая другого, думает, что он не сделал бы того, за что осуждает ближнего. От этого же люди и любят слушать осуждение ближних.

1

Осуждение не только несправедливое, но и справедливое вредит сразу трем: тому, о ком говорят дурно, тому, кому говорят дурное, но более всего тому, кто осуждает. "Скрой чужой грех, бог два простит", -- говорит пословица. И это правда.

2

Злословие так нравится людям, что очень трудно удержаться от того, чтобы не сделать приятное своим собеседникам: не осудить человека.

3

Когда два человека ссорятся -- всегда оба виноваты. И потому прекратиться может ссора только тогда, когда один из двух признает свою вину.

4

Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и рам будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: дай я выну сучок из глаза твоего; а вот в твоем глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.

Мф. гл. 7, ст. 1--5.

5

Постоянно наблюдай за собою и, прежде чем осудить другого, подумай о собственном исправлении.

Из "Благочестивых мыслей".

6

Много вреда можно нанести неосторожной похвалой и осуждением, но главный вред наносится осуждением.

Джон Рёскин.

Перестань осуждать людей -- и ты почувствуешь то, что чувствует пьяница, когда бросит пить, или курильщик курить: почувствуешь, что легче на душе стало.

9-е февраля

Вещественное зло, производимое войной, как оно ни огромно, ничтожно в сравнении с тем злом извращения понятий о добре и зле, которое она вносит в души простых, малодумающих людей рабочего народа.

1

Страсти, возбуждаемые войной, международная ненависть, благоговение перед военной славой, жажда победы или мщения заглушают народную совесть, превращают взаимное расположение людей друг к другу в низменное, безрассудное себялюбие, называемое патриотизм, убивают любовь к свободе, доводят людей до подчинения угнетателям из-за дикого пожелания перерезать горло другим людям или из боязни, чтобы другие люди не перерезали горло им. Страсти, возбуждаемые войной, так извращают религиозное чувство людей, что признанные учителя христианства благословляют, от имени Христа, принадлежности убийства и грабежа и возносят благодарения богу мира за победы, при которых земля покрывается горами искалеченных трупов и печаль наполняет сердца неповинных людей.

Генри Джордж.

2

Ребенок, встречая ребенка улыбкой, выражает доброжелательную радость, также и всякий неразвращенный человек. А между тем человек одного народа, не видя даже иноплеменника, уж ненавидит его и готов наносить ему страдания и смерть. Какие же великие преступники те, кто вызывает в людях эти чувства и поступки!

3

Самое прекрасное оружие есть неблагословенное оружие. И потому разумный человек не полагается на него. Он больше всего дорожит миром и спокойствием. Он побеждает, но не оружием.

Лао-Тсе.

4

"Разделяй и царствуй" -- в этом главная хитрость всех угнетателей. Только возбуждая племенную вражду, международную ненависть и местные предрассудки, только восстанавливая одни народы против других, могут устраиваться и поддерживаться аристократия и самовластие. Поэтому, кто хочет освободить людей, должен поднять их выше ненавистнических чувств, иначе он не достигнет цели.

Генри Джордж.

Война есть такое состояние людей, в котором получают власть и славу

самые низкие и порочные люди.

10-е февраля

Чем выше в своем собственном мнении поднимается человек, тем положение его ненадежнее; чем ниже он опускается, тем тверже его положение.

1

Чтобы быть сильным, надо быть как вода. Нет препятствий -- она течет; плотина -- она остановится; прорвется плотина -- она снова потечет; в четырехугольном сосуде она четырехугольна; в круглом -- она кругла. Оттого, что она так уступчива, она нужнее всего и сильнее всего.

По Лао-Тсе.

2

Смирение состоит в том, чтобы признавать себя грешником и не вменять себе в достоинство свои добрые дела.

3

Чем больше человек углубляется в себя, тем ничтожнее он представляется себе. В этом первый урок мудрости. Будем же смиренными, чтобы быть мудрыми. Будем знать свою слабость, и это даст нам силу.

Чаннинг.

4

Как вода не держится на вершинах, а сливает в низкие места, так и добродетель не удерживается людьми, возвышающими себя, а удерживается только в людях смиренных.

По Талмуду.

5

Мудрый человек огорчается своим бессилием сделать то добро, которого он желает, но не огорчается тем, что люди не знают его или ложно судят о нем.

Китайская мудрость.

6

Несмотря на общее большинству людей малое внимание к своим недостаткам, нет человека, который не знал бы о самом себе чего-либо более дурного, чем то, что он знает о ближнем.

Вольслей.

7

Первая отличительная черта доброго и мудрого человека заключается в сознании, что он знает очень мало, что есть много людей гораздо умнее его, причем он всегда желает узнать, научиться, а не учить.

Желающие же поучать или управлять не могут хорошо ни учить, ни управлять.

Джон Рёскин.

8

Тот, кто лучше всего знает сам себя, тот менее всего себя и уважает.

Старайтесь узнать свои силы. Узнавая же их, не бойтесь умалить, а бойтесь преувеличить их.

11-е февраля

Жизнь человеческая хороша только в той мере, в какой она есть исполнение закона жизни, закона бога.

1

Зло, в виде смерти и страданий, видно человеку только тогда, когда он закон своего плотского, животного существования принимает за закон своей жизни. Только когда он, будучи человеком, спускается на степень животного, только тогда для него становятся страшны и смерть и страдания. Смерть и страдания, как пугала, со всех сторон ухают на него и загоняют на одну открытую ему дорогу человеческой жизни: исполнения закона бога, выражающегося в любви. Смерть и страдания суть только преступления человеком этого закона. Для человека же, вполне живущего по закону бога, нет смерти, нет страдания.

2

Что делать, когда все нас оставляет: здоровье, радость, привязанность, свежесть чувства, память, способность к труду, когда нам кажется, что солнце холодеет, а жизнь как будто теряет все свои прелести? Как быть, когда нет никакой надежды? Одурманиваться или каменеть? Ответ всегда

один: слияние своей воли с волей бога. Будь что будет, если чувствуешь спокойствие совести, если чувствуешь себя примиренным и на своем месте. Будь тем, чем ты должен быть, -- остальное дело божье. И если бы даже не было бога любви, а был бы только закон всего, долг был бы все-таки разгадкой тайны.

Амиель.

3

Исполнение долга не имеет ничего общего с личным наслаждением. У долга свой особый закон, свой особый суд, и если бы ты захотел смешать долг и личное наслаждение, чтобы жить этой смесью, то долг и наслаждение сейчас же сами собою отделились бы друг от друга.

По Канту.

Закон бога мы знаем и из преданий всех религий, и из своего сознания, когда оно не затемнено страстями и обманами мысли, и можем узнать из приложения этого закона к жизни: все те требования закона, которые дают нам неотъемлемое благо, все это требования истинного закона.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

БУДДА

Две тысячи четыреста лет тому назад жил в Индии царь Судходана. У него было две жены, две родные сестры, но детей ни от одной, ни от другой не было. Царь очень огорчался этим, и вдруг, когда он уже перестал надеяться, старшая жена его, Майя, родила сына.

Царь не мог нарадоваться на сына и ничего не жалел для него, чтобы

радовать, веселить и обучать сына всяким наукам. Сидхарта -- так назвали сына -- был мальчик и умный, и красивый, и добрый. Когда Сидхарте минуло 19 лет, отец женил его на его двоюродной сестре и поселил молодых в великолепном дворце, среди прекрасных садов и рощ. Во дворце и садах молодого Сидхарты было все то, чего только может желать человек.

Желая видеть своего любимого сына всегда счастливым и веселым, царь Судходана строго приказал приближенным и слугам Сидхарты не только ничем не огорчать его, но и скрывать от него все то, что могло бы опечалить молодого наследника или навести его на грустные мысли.

Сидхарта не выезжал из своих владений, а в своих владениях он не видал ничего испорченного, нечистого, стареющегося. Слуги старались убирать все то, что могло быть неприятно для вида, не только удаляя все нечистое, но и убирали и срывали с деревьев и кустов завядшие листья. Так что молодой Сидхарта видел вокруг себя только все молодое, здоровое, красивое и веселое.

Так прожил Сидхарта более года после женитьбы. Один раз, катаясь по своим садам, Сидхарта вздумал выехать из своих владений, чтобы посмотреть, как живут другие люди.

Сидхарта приказал своему вознице Чанне везти его в город. Все, что он увидал: улицы, дома, мужчин и женщин в различных одеждах, лавки, товары, все это было ново для Сидхарты и приятно заняло и развлекло его.

Но вдруг на одной из улиц он увидал такого странного человека, каких он никогда не видел. Странный человек сидел скорчившись у стены дома и громко и жалобно стонал. Лицо этого человека было бледно и сморщенно, и он весь дрожал.

-- Что с этим человеком? -- спросил Сидхарта у возницы Чанны.

-- Верно, болен, -- сказал Чанна.

-- Что значит болен?

-- Болен -- значит то, что тело его расстроилось.

-- И что же, ему больно?

-- Должно быть, больно.

-- Почему же это сделалось с ним?

-- Напала болезнь.

-- И на всех так может напасть болезнь?

-- На всех.

Сидхарта больше не спрашивал.

Немного дальше к колеснице Сидхарты подошел старик нищий. Дряхлый, с согнутой спиной, с слезящимися красными глазами, старик насилу переставлял высохшие, трясущиеся ноги и, шамкая беззубым ртом, просил милостыню.

-- Это тоже больной? -- спросил Сидхарта.

-- Нет, это старик, -- сказал Чанна.
-- Что значит старик?
-- Значит: состарился.
-- Отчего же это сделалось?
-- Жил долго.
-- Все люди стареются? Это делается со всеми, кто долго живет?
-- Со всеми.
-- Сделается и со мной, если я долго проживу?
-- Со всеми то же, -- отвечал Чанна.
-- Вези меня домой, -- сказал Сидхарта. Чанна погнал лошадей, но на выезде из города их задержали люди. Они на носилках несли что-то, похожее на человека.
-- Что это? -- спросил Сидхарта.
-- Это мертвый, -- ответил Чанна.
-- Что значит мертвый? -- спросил Сидхарта.
-- Мертвый -- значит, что жизнь кончилась. Сидхарта слез с колесницы и подошел к людям, несушим мертвеца. Мертвец с открытыми, остановившимися, стеклянными глазами, оскаленными зубами и окостеневшими членами лежал так неподвижно, как только лежат мертвецы.
-- Отчего это случилось с ним? -- спросил Сидхарта.
-- Смерть пришла. Все умирают.
-- Все умирают, -- повторил Сидхарта и, вернувшись на колесницу, не поднимая головы, доехал до дома.
Целый день Сидхарта просидел один в дальнем углу сада и не переставая думал о том, что он видел.
"Все люди болеют, все люди стареются, все люди умирают, -- как же могут люди жить, зная, что всякий час они могут заболеть, что они с каждым часом стареются, обезображиваясь и теряя силы, и, кроме того, знают, что всякий час могут умереть, наверное умрут рано или поздно. Как же можно чему-нибудь радоваться, что-нибудь делать, как же жить, зная наверное, что умрешь? Этого не должно быть, -- сказал себе Сидхарта. -- Надо найти избавление от этого. И я найду его. И когда найду, передам его людям. Но для того, чтобы найти это, надо уйти из этого дворца, где все развлекает мои мысли, уйти от жены, от отца и матери и пойти к пустынникам и мудрецам и спросить их, как они понимают обо всем этом".
И, решив это, Сидхарта на следующую ночь позвал своего возницу Чанну, велел оседлать себе лошадь и отворить ворота. Прежде чем уехать из дому, он вошел к своей жене. Она спала. Он не стал будить ее, но, мысленно простившись с нею, тихим шагом, стараясь не разбудить спящих рабов и рабынь, вышел навсегда из своего дворца и, сев на лошадь, один

уехал из родного дома.

Проехав так далеко, как могла везти лошадь, он слез с нее и пустил ее, а сам, переменившись платьем с встретившимся монахом и обрезав себе волосы, пошел к браминским мудрецам-пустынникам и просил их объяснить ему то, что он не понимал: зачем болезнь, старость и смерть и как избавиться от них. Один брамин принял его и передал ему браминское учение. Учение это было в том, что душа человеческая переселяется из одного существа в другие, что всякий человек был в прежней жизни животным и по смерти, смотря по своей жизни, переселяется в высшее или низшее существо. Сидхарта понял это учение, но не принял его. Он прожил у браминов полгода и ушел от них в дремучие леса, где жили знаменитые учителя-пустынники, и прожил с ними шесть лет в посте и трудах. И он так много трудился и постился, что о нем прошла слава в народе, и около него собрались ученики, и люди стали восхвалять его. Но и в учении этих пустынников он не нашел того, чего искал, и на него нашло искушение, и он стал жалеть о том, что покинул, и хотел вернуться к своему отцу и жене. Но он не пошел домой, а ушел от своих почитателей и учеников и удалился в место, где никто не знал его, и думал все о том же: как спастись от болезни, старости и смерти.

Долго он мучился, но один раз, когда он сидел под деревом и думал все о том же, ему вдруг открылось то, чего он искал: открылся путь спасения от страданий, старости и смерти. Путь спасения представился ему в четырех истинах.

Первая истина была в том, что все люди подвержены страданиям. Вторая истина в том, что причина страданий -- страсти. Третья истина в том, что для того, чтобы избавиться от страдания, надо уничтожить в себе страсти. Четвертая истина в том, что для того, чтобы уничтожить страсти, нужно четыре дела.

Первое -- пробуждение сердца; второе -- очищение мыслей; третье -- освобождение себя от недоброжелательства и раздражительности; четвертое -- пробуждение в себе любви не только к людям, но ко всему живому.

Умерщвлять свою плоть излишне, нужнее всего очищение души от дурных помыслов. Истинное же освобождение -- только в любви. Только человек, заменивший любовью свои похотливые желания, порывает цепи невежества, страстей и избавляется от страдания и смерти.

Когда учение это открылось ему, Сидхарта оставил пустыню, перестал поститься и изнурять свое тело и стал ходить по народу и проповедовать открывшуюся ему истину.

Сначала ученики оставили его, но потом, поняв его учение, опять присоединились к нему. И несмотря на то что брамины преследовали Сидхарту-Будду, учение его все более и более распространялось.

Учение свое Сидхарта проповедовал народу в десяти заповедях.

Первая заповедь: не убивай, береги жизнь всего живого.

Вторая заповедь: не крадь, не грабь, не отнимай у людей произведения их труда.

Третья заповедь: будь целомудрен и в мыслях, и в жизни.

Четвертая заповедь: не лги, говори правду, когда нужно, бесстрашно, но любовно.

Пятая заповедь: не говори дурного о людях и не повторяй того дурного, что говорят о людях.

Шестая заповедь: не клянись.

Седьмая заповедь: не трать время на пустые речи, но говори дело или молчи.

Восьмая заповедь: не корыстуйся и не завидуй, а радуйся благу ближнего.

Девятая заповедь: очищай сердце от злобы, никого не ненавидь, а люби всех.

Десятая заповедь: старайся понять истину.

В продолжение пятидесяти лет Будда, переходя из места в место, проповедовал свое учение.

Последние годы Будда был слаб, но все еще ходил и проповедовал. На одном из таких переходов он почувствовал приближение смерти и, остановившись, сказал: "Меня томит жажда". Ученики подали ему воды, он выпил немного, посидел и пошел дальше. Но около реки Харанеавата он опять остановился и, сев под дерево, сказал ученикам своим: "Пришла моя смерть. Помните без меня все, что я говорил вам". Любимый ученик его Ананда, слушая его, не мог сдержаться и, отойдя в сторону, заплакал. Сидхарта тотчас же послал за ним и сказал: "Полно, Ананда! Не плачь, не тревожься. Рано или поздно мы должны расстаться со всем, что нам дорого здесь. Разве на этом свете есть что-нибудь вечное? Друзья мои, -- прибавил он, обращаясь к другим ученикам, -- живите так, как я учил вас. Освобождайтесь от опутывающей людей сети страстей. Идите по тому пути, который я указал вам. Помните всегда, что телесное все разрушается, только истина неразрушима и вечна. В ней ищите спасение".

Это были последние слова его.

Изложил Л.Н. Толстой.

12-е февраля

Нет ничего более несомненного, чем то, что смерть ожидает каждого из нас, а между тем все мы живем так, как будто ее никогда не будет.

1

Кончается ли наша жизнь со смертью, это вопрос самой большой важности, и нельзя не думать об этом. Смотря по тому, верим ли мы или нет в бессмертие, и поступки наши будут разумны или бессмысленны.

Поэтому главная наша забота должна быть в том, чтобы решить вопрос: совсем или не совсем умираем мы в плотской смерти, и если не совсем, то что именно в нас бессмертно. Когда же мы поймем, что есть в нас то, что смертно, и то, что бессмертно, то ясно, что и заботиться мы в этой жизни должны больше о том, что бессмертно, чем о том, что смертно. Люди же обыкновенно поступают как раз обратно.

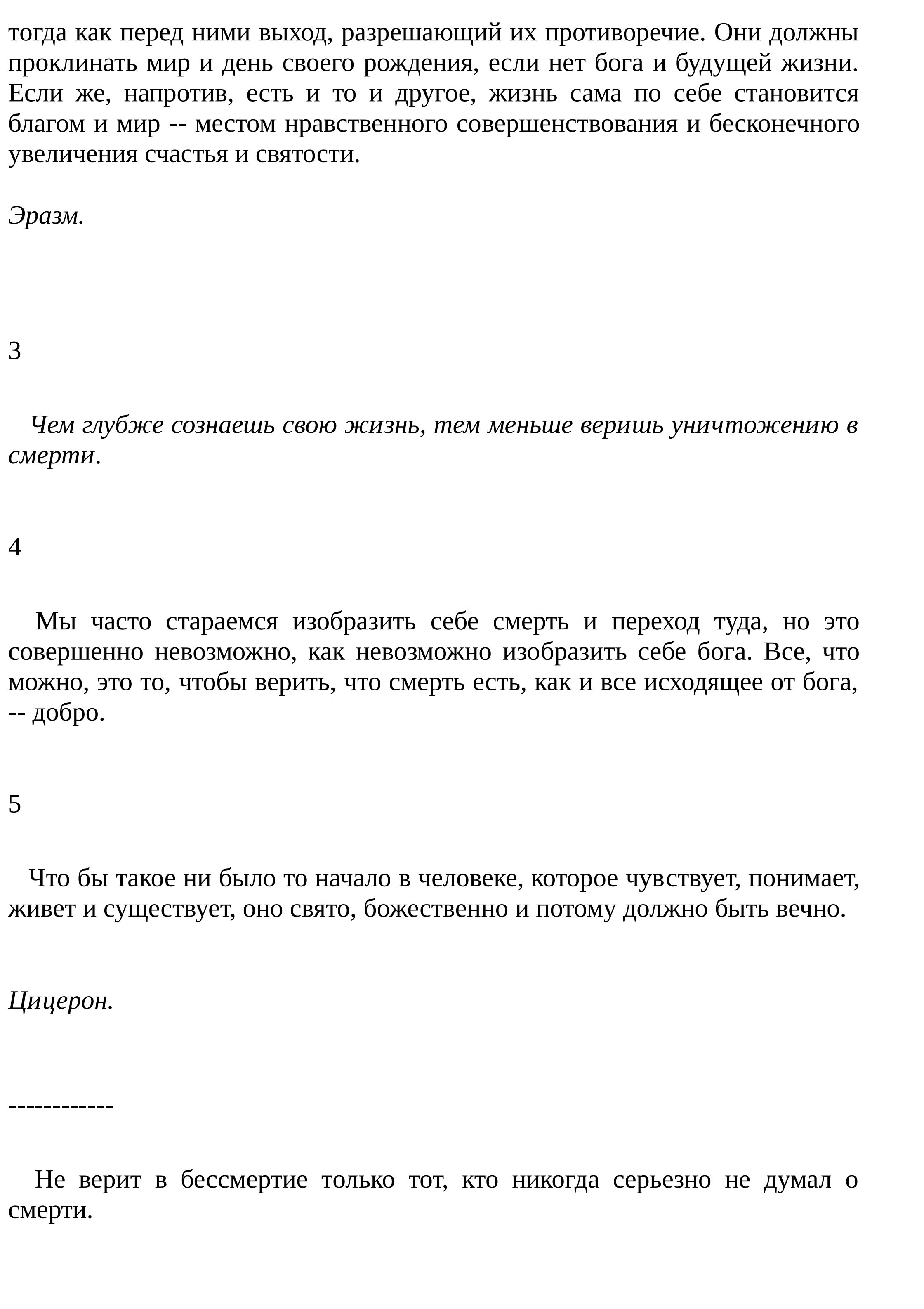
По Паскалю.

2

Это ужасный мир, если страдания в нем не производят добра. Это какое-то злое устройство, сделанное для того, чтобы духовно и телесно мучить людей. Если это так, то мир невыразимо безнравственен, так как он делает зло не для будущего добра, но праздно, бесцельно. Он как будто нарочно заманивает людей только для того, чтобы они страдали. Он бьет нас с рождения, подмешивает горечь ко всякой чаше счастия и делает смерть всегда грозящим ужасом. И, конечно, если нет бога и бессмертия, то понятно высказываемое людьми отвращение к жизни: оно вызывается в них существующим порядком или, скорее, беспорядком -- ужасным нравственным хаосом, как его следует назвать.

Но если только есть бог над нами и вечность перед нами, то изменяется все. Мы прозреваем добро в зле, свет в мраке, и надежда прогоняет отчаяние.

Какое же из двух предположений вероятнее? Разве можно допустить, чтобы нравственные существа -- люди -- были поставлены в необходимость справедливо проклинать существующий порядок мира,

тогда как перед ними выход, разрешающий их противоречие. Они должны проклинать мир и день своего рождения, если нет бога и будущей жизни. Если же, напротив, есть и то и другое, жизнь сама по себе становится благом и мир -- местом нравственного совершенствования и бесконечного увеличения счастья и святости.

Эразм.

3

Чем глубже сознаешь свою жизнь, тем меньше веришь уничтожению в смерти.

4

Мы часто стараемся изобразить себе смерть и переход туда, но это совершенно невозможно, как невозможно изобразить себе бога. Все, что можно, это то, чтобы верить, что смерть есть, как и все исходящее от бога, -- добро.

5

Что бы такое ни было то начало в человеке, которое чувствует, понимает, живет и существует, оно свято, божественно и потому должно быть вечно.

Цицерон.

Не верит в бессмертие только тот, кто никогда серьезно не думал о смерти.

13-е февраля

Религия -- это всем понятная философия.

1

Человек может угодить богу только хорошей жизнью. И потому все, чем, кроме хорошей, чистой, доброй, смиренной жизни, человек думает угодить богу, все это один обман и ложное служение богу.

По Канту.

2

Особенность христианского учения в том, чтобы представлять себе нравственно-хорошее и нравственно-дурное отличающимися одно от другого не как небо и земля, а как небо от ада. Представление ада с его вечными мучениями возмущает душу, но по смыслу своему это представление верно. Оно служит нам предостережением от того, чтобы мы не думали, что добро и зло, царство света и царство тьмы стоят рядом и что есть между ними постоянные переходные ступени. Представление это указывает на то, что добро и зло отделены друг от друга неизмеримой бездной.

По Канту.

3

Первое и самое древнее мнение в отвлеченных вещах -- всегда самое вероятное, потому что здравый человеческий ум тотчас же напал на него. Таково существование всемирного начала -- бога.

По Лессингу.

4

Религия -- это упрощенная и обращенная к сердцу мудрость. Мудрость -- это разумом оправданная религия.

5

Из того, что люди называют религией, вытекают их правила воспитания, их политика, социальная экономия и искусство.

Иосиф Мадзини.

6

Человек без религии, т.е. без какого-либо отношения к миру, так же невозможен, как и человек без сердца. Человек может не знать, что у него есть сердце; но как без сердца, так и без религии человек не может существовать.

7

Надо правила доброй жизни (не убивай, не сердись, не блуди, не плати злом и другие) считать истинными и обязательными для нас не потому, что это божьи заповеди, а надо считать их Божьими заповедями потому, что мы чувствуем, что они внутренне обязательны для нас.

По Канту.

8

"Как же жить, не зная, что будет, не зная, что нас ожидает?" Только тогда и начинается настоящая жизнь, когда не знаешь, что нас ожидает. Только тогда творишь жизнь и исполняешь волю Бога. *Он* знает. Только такая деятельность служит свидетельством веры в Бога и в Его закон. Только тогда и свобода и жизнь.

Религия может осветить философские рассуждения. Философские рассуждения могут подтвердить религиозные истины. И потому ищите общения с истинно религиозными людьми и с истинными философами, как живыми, так и умершими.

14-е февраля

В человеке живет дух божий.

1

Если кто не родится свыше, не может увидеть царствия божия.

Ин. гл. 3, ст. 3.

2

Разум может проясняться только в добром человеке. Человек может быть добрым, только когда в нем прояснен разум. Для доброй жизни нужен свет разума, для света разума нужна добрая жизнь. Одно помогает другому. И потому, если разум не помогает доброй жизни, это не настоящий разум. И если жизнь не помогает разуму, то это не добрая жизнь.

Китайская мудрость.

3

Купец, женившись на царевне, построил ей дворец, накупил ей дорогих нарядов, приставил к ней сотни слуг, всячески стараясь веселить ее. Но царевна скучала и все думала о своей царской породе. Так и душа в человеке. Окружи ее человек всеми земными удовольствиями, она скучает по своему дому, по тому началу -- богу, от которого она вышла.

Талмуд.

4

Хотя люди не знают, что такое добро, но они имеют его в себе.

Конфуций.

5

Жил в древности в Риме мудрец Сенека. Он не знал Христа и его учения, но понимал жизнь так же, как Христос. Вот что писал своему другу: "Ты хорошо делаешь, любезный Люцилий (так звали друга), что стараешься сам своими силами держать себя в хорошем и добром духе. Всякий человек всегда может сам себя так настроить. Для этого не нужно подымать руки к небу или просить сторожа при храме, чтоб он пускал нас поближе к Богу, чтобы он нас лучше расслышал. Бог всегда близко к тебе, он внутри тебя. Да, милый Люцилий, я утверждаю, что в нас святой дух, свидетель и страж всего хорошего и дурного. Он обходится с нами, как мы обходимся с ним. Если мы бережем его, он бережет нас.

В каждом добром человеке живет бог".

6

Так же, как ты не видишь души человека, ты не видишь Бога, но ты познаешь Его в Его творениях. Также не можешь ты не признать божественную силу души, проявляющуюся в ее вечном стремлении к совершенству.

Сенека.

В каждом из нас живет бог. Ничто так не удерживает человека от зла и поможет делать доброе, как память об этом.

15-е февраля

Есть простота естественная, и есть простота мудрости. И та и другая вызывают любовь и уважение.

1

Большинство жизненных задач решаются как алгебраические уравнения: приведением их к самому простому виду.

2

Слова истины всегда без украшений и просты.

Марцеллин.

3

Величайшие истины -- самые простые.

4

Простота всегда привлекательна. От этого привлекательность детей и животных.

5

Природа ничего не знает о том ненавистном разделении, которое люди устроили между собою. Она оделяет людей душевными свойствами, не предпочитая благородных и богатых. Естественные добрые чувства, кажется, даже чаще встречаются среди простых людей.

Лессинг.

6

Когда люди говорят мудрено, хитро и красиво, то они либо хотят обмануть, либо хотят величаться. Таким людям не надо верить, не надо подражать им. Хорошие речи просты, понятны всем и разумны.

7

Простота есть сознание своего человеческого достоинства.

Буаст.

8

Простота всегда бывает следствием возвышенности чувств.

Д'Аламбер.

9

Слово сближает людей, и потому надо стараться говорить так, чтобы все могли понимать тебя и чтобы все, что ты говоришь, была правда.

Избегай всего искусственного, исключительного, всего могущего обратить на тебя внимание. Ничто так, как простота, не содействует сближению людей.

16-е февраля

Чем моложе и маломысленнее человек, тем больше он верит в то, что сущность его жизни в теле. Чем старше и разумнее, тем все более и более понимает он основу жизни и своей и всего мира в духовном.

1

Хорошо почаще вспоминать о том, что наша истинная жизнь -- не одна та наружная, телесная, какую мы проживаем здесь, на земле, но что вместе с этой жизнью есть в нас и другая, внутренняя жизнь -- духовная.

Видимая телесная жизнь наша -- это то же, что леса для постройки здания. Леса сами по себе нужны только до тех пор, пока строится здание. Когда же здание кончено, они не нужны и их снимают. То же и с нашей телесной жизнью. Она нужна только для постройки здания духовной жизни, а когда это здание построено, тело уничтожается.

Когда мы видим огромные, высокие, скрепленные железом леса, тогда как самое здание только чуть поднимается над фундаментом, нам кажется, что все дело в лесах, а не в здании. То же нам кажется, когда мы всю свою

жизнь видим в нашем теле.

Хорошо напоминать и себе и друг другу, что как леса только затем, чтобы можно было построить здание, так и тело наше только затем, чтобы выросла жизнь духовная.

2

Взгляни на небо и на землю и подумай: все это преходяще, все эти и горы, и реки, и различные формы жизни, и произведения природы. Все это проходит. Как только ты ясно поймешь это, тотчас явится просветление, и ты узнаешь то, что есть и не преходит.

Буддийское изречение.

3

Мы удивляемся на величину зданий гор, небесных тел, высчитываем в них миллионы кубических футов, пудов, а все эти кажущиеся столь великими вещи -- ничто в сравнении с тем, что знает про все это. Самое могущественное в мире то, что не видно, не слышно и чего нельзя ощупать.

4

Помни, что смертен не ты, а твое тело, что живо не твое тело, а дух в теле. Не тело твое заставляет твой дух понимать твою жизнь и жизнь мира, а дух, живущий в тебе, двигает, чувствует, вспоминает, предвидит, управляет и руководит твоим телом и твоими поступками. И как невидимая сила управляет твоим телом, так должна быть и та невидимая сила, которая управляет всем миром.

По Цицерону.

Только освободившись от обмана чувств, признающих действительно существующим и важным мир телесный, человек может понять свое истинное назначение и исполнить его.

17-е февраля

Все люди мира имеют одинаковые права на пользование естественными благами мира и одинаковые права на уважение.

1

Мы удивляемся на то, как извращено было христианство, как оно мало, даже совсем не осуществлено в жизни, а между тем разве это могло быть иначе с учением, которое своим требованием поставило истинное равенство людей: все -- сыны бога, все -- братья, жизнь всех одинаково священна. Истинное равенство требует не только уничтожения каст, званий, преимуществ, но уничтожения главного орудия неравенства -- насилия. Равенство не может быть осуществлено, как это думают, гражданскими мероприятиями, оно осуществляется только любовью к богу и людям. Любовь же к богу и людям внушаются не гражданскими мероприятиями, а истинным религиозным учением.

То, что люди могли впасть в грубое заблуждение о том, что свобода, братство и равенство могут быть введены казнями, угрозами казней, насилием, не показывает того, чтобы то, к чему стремились люди, было неверно, а только то, что был неверен тот путь, которым заблуждающиеся люди пытались осуществить свободу, братство и равенство.

2

Говорят, равенство невозможно, потому что всегда будут одни люди сильнее, умнее других. Именно поэтому-то, потому что одни люди сильнее, умнее других, говорит Лихтенберг, особенно и нужно равенство прав людей. Угнетение слабых сильными оттого-то и так ужасно теперь, что кроме неравенства ума и силы есть еще и неравенство прав.

3

Стоит взглянуть на жизнь христианских народов, разделенных на людей, проводящих всю жизнь в одуряющем, убивающем, ненужном им труде, и других, пресыщенных праздностью и всякого рода наслаждениями, чтобы быть пораженным той ужасной степенью неравенства, до которой дошли люди, исповедующие закон христианства, и в особенности той ложью проповеди равенства при устройстве жизни, ужасающей самым жестоким и очевидным неравенством.

4

Никто так, как дети, не осуществляет в жизни истинное равенство. И как преступны взрослые, нарушая в них это святое чувство, научая их тому, что есть императоры, короли, богачи, знаменитости, к которым должно относиться с уважением, и есть слуги, рабочие, нищие, к которым можно относиться с пренебрежением! "И кто соблазнит одного из малых сих..."

Христос открыл людям то, что они всегда знали: то, что все люди равны между собой, равны потому, что один и тот же дух живет во всех них. Но люди с давних времен так разделились между собой на царей, вельмож, богачей, рабочих и нищих, что, хотя и знают, что они все равны, живут, как будто не зная этого, и говорят, что на деле равенство людей не может быть. Не верь этому. Учись у малых детей. Делай так же, как они, сходись со всеми людьми с любовью и лаской и со всеми одинаково. Если одним людям говоришь "ты", то всем говори "ты", если "вы", то всем говори "вы". Если люди возвышают себя, не уважай их больше других. Если же людей унижают, то этих-то унижаемых особенно старайся уважать, чтобы не поддаться дурному примеру.

18-е февраля

Личность каждого человека есть покров, скрывающий живущее в нем божество. Чем больше отрекается человек от своей личности, тем больше

проявляется в нем это божество.

1

Нужно любить только бога и ненавидеть только себя.

Паскаль.

2

Потому любит меня отец, что я отдаю жизнь мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимет ее у меня, но я сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее. Сию заповедь получил я от отца моего.

Ин. гл. 10, ст. 17-18.

3

Чем больше человек заботится о себе, занят собой, чем больше он бережет свою жизнь, тем слабее он делается и тем больше он связан. А напротив: чем меньше человек заботится себе, чем меньше занят собою и бережет себя, тем он сильнее и тем свободнее.

4

Все будет легко и хорошо, если будет сделано с отречением от себя, от своей воли.

5

Слова учения истины прочны у того только, кто отрицает в себе

личность.

Талмуд.

6

Кто хочет душу (жизнь) свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу (жизнь) свою ради меня и Евангелия, тот сбережет ее.

Мф., гл. 8, ст. 35.

7

Кто в своем преходящем, в своем имени и в своей телесности не видит себя, тот знает истину жизни.

Буддийская мудрость. [Дхаммапада.]

8

У человека нет никаких данных для оценки, а тем более права для суждения о результатах жизни, полной безусловной самоотверженности, пока у него не явится смелости самому испытать такую жизнь, по крайней мере на время; но я думаю, что ни один разумный человек не пожелает и ни один честный человек не посмеет отрицать то благотворное влияние, какое имели на его душу и тело хотя те случайные минуты, когда он забывал себя и отрекался от своей личности.

Джон Рёскин.

Стоит вспомнить о себе в середине речи -- и теряешь нить своей мысли. Только когда мы совершенно забываем себя, выходим из себя, только тогда мы можем плодотворно общаться с другими, служить им и влиять на них.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

I

САМООТРЕЧЕНИЕ

И для самых твердых людей бывают часы уныния. Видишь добро, стремишься к нему, хочешь осуществить его -- и все усилия кажутся тщетными, и чувствуешь себя оставленным теми, ради которых пожертвовал собой. Терпишь ненависть, клевету, гонения. Вот тогда-то из сердца и вырывается крик: "Отче, избавь меня от часа сего..." Это испытывал Христос. Один среди мира больного, слепого, глухого, среди учеников, которые не понимали его, среди толпы грубой и равнодушной, среди беспощадных врагов, предвидя казнь, которая должна была быть первым плодом его дела, Христос сказал: "Отче, спаси меня от часа сего", но тут же прибавил, предчувствуя и мучения и крестную смерть: "Но на сей час я пришел".

Да, именно на это, на то, чтобы страдать и умереть и победить страданием, победить смертью.

Вечный пример для тех, кто хочет продолжить его дело! Он учит их, что оно плодоносно лишь чрез самопожертвование, что тот, кто сеет, не жнет, *что если он не умрет, то останется один, а если умрет*, то разовьется, как зерно, брошенное в землю, и *принесет много плода*.

Вы, которые чувствуете, что душа ваша смущается, потому что ваше слово отвергнуто, потому что вы не видите его действия, и что будущее, которое должно было из него выйти, сбудет, как вам кажется, вместе с вами брошено в могилу, в которую сыны сатаны хотели бы схоронить самую правду, -- верьте, напротив, что в это-то именно время и начнется работа жизни, что *на сей час вы пришли*.

Ученики Христа, вы не больше своего учителя, вы должны следовать за ним по пути, который Он проложил вам, исполнить долг для самого долга и, ничего не прося на сей земле, ничего больше не ожидая, сказать, как Дидим: *И мы тоже идем и умираем с ним*. Сейте и сейте под палящим солнцем, под ледяным дождем; сейте всюду, в судилищах и в тюрьмах, на самых местах казни; сейте, жатва придет в свое время.

Ламенэ.

Для того чтобы точно, не на словах, быть в состоянии любить других, надо не любить себя -- тоже не на словах, а на деле. Обыкновенно же бывает так: других мы думаем, что любим, уверяем в этом себя и других, но любим только на словах, себя же любим на деле. Других мы забудем покормить и уложить спать, себя же никогда. И потому для того, чтобы точно любить других на деле, надо выучиться забывать покормить себя и уложить себя спать, так же как мы забываем это сделать относительно других.

Чем больше жертва, тем больше любви, а чем больше любви, тем плодотворнее дела, тем больше пользы людям.

Есть два предела: один тот, чтобы отдать жизнь за други своя; другой тот, чтобы жить, не изменяя условий своей жизни. Между этими двумя пределами находятся все люди: одни на степени учеников Христа, оставивших все и пошедших за ним; другие на степени богатого юноши, тотчас же отвернувшегося и ушедшего, когда ему сказали об изменении жизни. Между этими двумя пределами находятся различные Закхеи, отчасти только изменяющие свою жизнь. Но для того чтобы быть даже Закхеем, надо не переставая стремиться к первому пределу.

Л.Н. Толстой.

II

СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Нехлюдов стоял у края парома, глядя на широкую, быструю реку. Из города донесся по воде гул и медное дрожание большого охотницкого колокола. Стоявший подле Нехлюдова ямщик и все подводники один за другими сняли шапки и перекрестились. Ближе же всех стоявший у перил невысокий, лохматый старик, которого Нехлюдов сначала не заметил, не перекрестился, а, подняв голову, уставился на Нехлюдова. Старик этот был одет в заплатанный озям, суконные штаны и разношенные, заплатанные бродни. За плечами была небольшая сумка, на голове высокая меховая вытертая шапка.

-- Ты что же, старый, не молишься? -- сказал ямщик Нехлюдова, надевая

шапку. -- Аль некрещеный?
-- Кому молиться-то? -- решительно наступающе и быстро выговаривая слог за слогом, сказал лохматый старик.
-- Известно кому -- богу, -- иронически проговорил ямщик.
-- А ты покажи мне, где он? Бог-то?
Что-то было такое серьезное и твердое в выражении лица старика, что ямщик, почувствовав, что он имеет дело с сильным человеком, несколько смутился, но не показывал этого и, стараясь не замолчать и не осрамиться перед прислушивающейся публикой, быстро отвечал:
-- И где? Известно, на небе.
-- А ты был там?
-- Был не был, а все знают, что богу молиться надо.
-- Бога никто же видел нигде же. Единородный сын, сущий в недре отчем. Он явил, -- строго хмурясь, той же скороговоркой сказал старик.
-- Ты, видно, нехристь, дырник. Дыре молишься, -- сказал ямщик, засовывая кнутовище за пояс и оправляя шлею на пристяжной.
Кто-то засмеялся.
-- А ты какой, дедушка, веры? -- спросил немолодой уже человек, с возом стоявший у края парома.
-- Никакой веры у меня нет. Потому никому я, никому не верю, окроме себе, -- так же быстро и решительно ответил старик.
-- Да как же себе верить? -- сказал Нехлюдов, вступая в разговор. -- Можно ошибиться.
-- Ни в жисть, -- тряхнув головой, решительно отвечал старик.
-- Так отчего же разные веры есть? -- спросил Нехлюдов.
-- Оттого и разные веры, что людям верят, а себе не верят. И я людям верил и блудил, как в тайге; так заплутался, что не чаял выбраться. И староверы, и нововеры, и субботники, и хлысты, и поповцы, и беспоповцы, и австрияки, и молокане, и скопцы. Всякая вера себя одна восхваляет. Вот все и расползлись, как кутята (1) слепые. Вер много, а дух один. И в тебе, и во мне, и в нем. Значит, верь всяк своему духу, и вот будут все соединены. Будь

(1) Щенки.

всяк сам себе, и все будут за едино.
Старик говорил громко и все оглядывался, очевидно, желая, чтобы как можно больше людей слушали его.
-- Что же, вы давно так исповедуете? -- спросил Нехлюдов.
-- Я-то? Давно уж. Уж они меня двадцать третий год гонят.
-- Как гонят?
-- Как Христа гнали, так и меня гонят. Хватают да по ссудам, по попам --

по книжникам, по фарисеям и водят; в сумасшедший дом сажали. Да ничего мне сделать нельзя, побитому я свободен. "Как, говорят, тебя зовут?" Думают, я звание какое приму на себя. Да я не принимаю никакого. Я от всего отрекся, нет у меня ни имени, ни места, ни отечества -- ничего нет. Я сам себе. "Зовут как?" -- Человеком. -- "А годов скользко?" -- Я говорю, не считаю, да и счесть нельзя, потому что я всегда был, всегда и буду. -- "Какого, говорят, ты отца и матери?" -- Нет, говорю, у меня ни отца, ни матери, окроме бога и земли. Бог -- отец, земля -- мать. -- "А царя, говорят, признаешь?" -- Отчего не признавать? Он себе царь, а я себе царь. -- "Ну, говорят, с тобой разговаривать". Я говорю: я и не прошу тебя со мной разговаривать. Так и мучают.

-- А куда же вы идете теперь? -- спросил Нехлюдов.

-- А куда бог приведет. Работаю, а нет работы -- прошу, -- закончил старик, заметив, что паром подходит к тому берегу, и победоносно оглянулся на всех, слушавших его.

Паром причалил к другому берегу. Нехлюдов достал кошелек и предложил старику денег. Старик отказался.

-- Я этого не беру. Хлеб беру, -- сказал он.

-- Ну, прощай.

-- Нечего прощать. Ты меня не обидел. А и обидеть меня нельзя, -- сказал старик и стал на плечо надевать снятую сумку.

Между тем перекладную телегу выкатили и запрягли лошадей.

-- И охота вам, барин, разговаривать, -- сказал ямщик Нехлюдову, когда он, дав на чай паромщикам, взлез на телегу. -- Так, бродяжка непутевый.

Л.Н. Толстой. (Из романа "Воскресение".)

19-е февраля

Грех не работать потому, что ты можешь жить не работая.

1

Ничто так, как труд, не облагораживает человека. Без труда не может человек соблюсти свое человеческое достоинство. От этого-то праздные люди так заботятся о внешнем величии: они знают, что без этой

обстановки люди презирали бы их.

2

Физически невозможно, чтобы истинно религиозное понимание и чистая нравственность существовали в тех классах народа, которые не добывают своего хлеба трудами рук своих.

Джон Рёскин.

3

Стоит принять истину совсем и покаяться совсем, чтобы понять, что прав, преимуществ, особенностей в деле жизни никто не имеет и не может иметь, а обязанностям нет конца и нет пределов и что первая и несомненная обязанность человека есть участие в борьбе с природой за свою жизнь и жизнь других людей.

4

Одна из несомненных и чистых радостей есть отдых после труда.

Кант.

5

Богатый и бедный, сильный и слабый, всякий неработающий человек -- негодяй. Всякий человек должен научиться мастерству, настоящему ручному труду. Только работая, можно узнать одну из лучших, чистых радостей. Отдых после труда и радость эта тем больше, чем тяжелее труд.

По Руссо.

6

Работай постоянно, не почитай работу для себя бедствием, и не желай себе за это похвалы.

Марк Аврелий.

7

Самые выдающиеся дарования губятся праздностью.

Монтень.

Справедливость требует, чтобы брать от людей не больше того, что даешь им. Но нет возможности взвесить свои труды и труды других, которыми пользуешься; кроме того, всякий час ты можешь лишиться возможности трудиться, а должен будешь пользоваться трудом других. И потому старайся давать больше, чем берешь, чтобы не быть несправедливым.

20-е февраля

Человечество не переставая идет вперед. Движение вперед должно быть и в вере.

1

Склад жизни людей зависит от их веры. Вера с движением времени становится все проще, понятнее, яснее, согласнее с истинным знанием. И соответственно с упрощением, уяснением веры все больше и больше

соединяются между собой люди.

2

Если человек думает, что мы должны остановиться на том понимании веры, какое открылось нам теперь, то он очень далек от истины. Свет, который мы получили, был нам дан не для того, чтобы мы не перестали смотреть на него, но для того, чтобы благодаря ему нам открывались новые, скрытые еще от нас истины.

По Мильтону.

3

Дух Иисуса, который сильные мира сего силятся задушить с высоты своих тронов и кафедр, тем не менее всюду ярко проявляется. Разве дух евангельский не проник в народы? Разве не начинают они видеть свет? Понятия о правах, об обязанностях не яснее ли стали для каждого? Не слышны ли со всех сторон призывы к законам более справедливым, к учреждениям, охраняющим слабых, основанным на справедливом равенстве? Разве не гаснет прежняя вражда между теми, которых разъединяли государи? Разве народы не чувствуют себя братьями? Уже дрожат притеснители, как будто внутренний голос предсказывает им скорый конец. Встревоженные страшными видениями, цари судорожно сжимают в своих руках те цепи, в которые они заковали народы, на освобождение которых пришел Христос и которые распадутся скоро. Подземный гул тревожит их сон. В тайных глубинах общества совершается работа, остановить которую они не могут всей силой своей власти и непрерывный успех которой повергает их в невыразимую тревогу. Это работа зародыша, готового развиться, работа любви, которая снимет грех с мира, оживит слабеющую жизнь, утешит огорченных, разобьет оковы заключенных, откроет народам новый путь жизни, внутренний закон которой будет уже не насилие, а любовь людей друг к другу.

Ламенэ.

4

Человечество движется вперед только оттого, что движется вперед вера. Движение же вперед веры состоит не в открытии новых религиозных истин, не в отыскании нового отношения человека к миру и к началу его -- нового ничего нет, -- а в откидывании всего лишнего, что было присоединено к религиозному пониманию. Новых религиозных истин нет: с тех пор, как мы знаем разумного человека, отношение его к миру и началу его было установлено такое же, какое оно и теперь. Если же есть движение в религии, то оно не в открывании чего-либо нового, а только в очищении того, что уже открыто и выражено.

5

Вера -- это указатель того высшего, доступного в данное время и в данном обществе лучшим, передовым людям понимания жизни, к которому неизбежно и неизменно приближаются все остальные люди этого общества.

Не надо смешивать прогресса истинного, прогресса религиозного с прогрессом техническим, научным, художественным. Успех технический, научный, художественный может быть очень велик вместе с отсталостью религиозною, как оно происходит в наше время.

Хочешь служить богу -- будь прежде всего работником религиозного прогресса, состоящего в борьбе с суевериями и в уяснении и упрощении религиозного сознания.

21-е февраля

Было время, когда люди ели друг друга; пришло время, когда они перестали это делать, но продолжают еще есть животных. Теперь пришло время, когда люди все больше и больше бросают и эту ужасную привычку.

1

Как странно, что разные общества защиты детей и покровительства животных относятся совершенно безучастно к вегетарианству, тогда как именно потребление мяса и является в большинстве случаев причиной той жестокости, с которой они хотят бороться путем наказания. Исполнение закона любви может содержать жестокость сильнее, чем страх уголовной ответственности. Едва ли есть разница между жестокостью, которая совершается при истязании и убийстве с целью удовлетворить своему чувству гнева, и жестокостью, которая совершается при истязании и убийстве с целью воспользоваться мясом животных, питаясь которым люди разжигают в себе главный очаг жестокости.

Люси Малори.

2

Великая троица проклятий: табак, вино и мясо животных. От этой ужасной троицы и великие бедствия, и великие разорения. Попадая во власть этой троицы, люди приближаются к животным и лишаются и человеческого образа, и лучшего блага человеческой жизни: ясного разумения и доброго сердца.

По Гильсу.

3

В заблуждении о том, что наши деяния относительно животных не имеют нравственного значения, или, говоря языком общепринятой морали, что перед животными не существует никаких обязанностей, в этом заблуждении проявляется возмутительная грубость и варварство.

Шопенгауэр.

4

Один путешественник подошел к африканским людоедам в то время, когда они ели какое-то мясо. Он спросил их, что они едят? Они отвечали, что мясо это было человеческое.

"Неужели вы можете есть это?" -- вскрикнул путешественник. "Отчего же, с солью очень вкусно", -- отвечали ему африканцы. Они так привыкли к тому, что делали, что даже не могли понять, к чему относилось восклицание путешественника.

Так же не понимают мясоеды того возмущения, которое испытывают вегетарианцы при виде свиней, ягнят, быков, поедаемых только потому, что мясо это вкусно с солью.

По Люси Малори.

5

Убийство и поедание животных происходит, главное, оттого, что людей уверяли в том, что животные предназначены Богом на пользование людей и что нет ничего дурного в убийстве животных. Но это неправда. В каких бы книгах ни было написано то, что не грех убивать животных, в сердцах всех нас написано яснее, чем в книгах, что животное надо жалеть так же, как и человека, и мы все знаем это, если не заглушаем в себе совести.

Не смущайтесь тем, что при вашем отказе от мясной пищи все ваши близкие домашние нападут на вас, будут осуждать вас, смеяться над вами. Если бы мясоедение было безразличное дело, мясоеды не нападали бы на вегетарианство; они раздражаются потому, что в наше время уже сознают свой грех, но не в силах еще освободиться от него.

22-е февраля

Все, что было сказано о боге, и все, что можно сказать о нем, все это не удовлетворяет. То, что в боге может понять человек и чего не может выразить, -- это-то нужно всякому человеку и это только дает жизнь ему.

По Агнелусу Силезиусу.

1

Разум, который можно уразуметь, не есть вечный разум. Существо, которое можно назвать, не есть вечное существо.

Лао-Тсе.

2

Есть существо, содержащее в себе все и без которого не было бы ни неба, ни земли; существо это спокойно, бестелесно; свойства его называют разумом, любовью, но само существо не имеет имени. Оно самое отдаленное, и оно самое близкое.

По Лао-Тсе.

3

Бог -- это то бесконечное, что требует от нас праведности.

Мэтью Арнольд.

4

Бог -- это то все, чего мы сознаем себя частью.

5

Безумны те, которые спрашивают, где бог. Бог во всей природе и в душе каждого человека. Веры различны, но бог один. Если человек не познает самого себя, как он познает бога?

Индийская мудрость.

6

Меня никогда не было и не от меня зависело быть когда-нибудь, как не от меня, существующего теперь, зависит перестать быть, -- стало быть, я начал и продолжаю быть силой чего-то такого, что было до меня, что будет после меня и что могущественнее меня. И мне говорят, что нет ничего такого, что мы называем богом.

Лабрюйер.

7

Подобно тому как человек, с рождения запертый в горнице с матовыми стеклами в окне, стал бы называть солнце матовым стеклом, т.е. именем единственного предмета, пропускающего через себя свет солнца в горницу, -- так и Евангелие определяет понятие бога именем того высшего чувства или той высшей человеческой способности, которая служит единственным проводником божественного откровения свыше. А именно называет бога любовью, разумением (словом).

И как лишь освобождение из заключения дает возможность узнику отличить само солнце от освещенного им матового стекла, так точно лишь та или иная степень освобождения от уз телесности, материальности дает душе человеческой возможность более непосредственного единения с сущностью божества.

А до тех пор люди, чтущие выше всего свой разум, будут отождествлять бога с разумом и называть его разумом; люди, чтущие выше всего чувство любви, будут отождествлять бога с любовью и называть его любовью.

И наконец, люди, еще не верящие ни в свой разум, ни в свою любовь и именно вследствие этого слепо и беспрекословно верующие в авторитет чужой личности, будут отождествлять бога с личностью.

Федор Страхов.

Если глаза твои слепнут от солнца, то ты не говоришь, что нет солнца. Не скажешь ты и того, что нет бога, оттого, что твой разум путается и теряется, стараясь понять его.

По Ангелусу Силезиусу.

23-е февраля

Существующее устройство жизни не соответствует ни требованиям совести, ни требованиям рассудка.

1

Большинство деловых людей считает, что самым подходящим порядком вещей в этом мире является попросту тот, при котором огромная и беспорядочная толпа вырывает друг у друга все, что может, и топчет детей и стариков в грязь и фабрикует различные негодные предметы при помощи рабочих, которых можно соблазнить и собрать, а впоследствии разогнать, предоставляя им свободно умирать с голоду.

Джон Рёскин.

2

Представьте себе стаю голубей на ржаном поле. Предоставьте, что 99 из них вместо того, чтобы клевать то, что они хотят, и пользоваться только необходимым, собирают все то, что они могут добыть, в большую кучу и, не оставляя для себя ничего, кроме мякины, сохраняют эту кучу для одного самого слабого и худшего из голубей стаи. Вообразите себе эту картину, как они, сидя кругом, смотрят, как этот один, наевшись, бросает и тратит добро, и как они бросаются и разрывают на куски одного более смелого и более голодного, чем другие, за то только, что он тронул одно зернышко из кучи. Если бы вы видели все это, вы увидали бы только то, что установлено и постоянно делается между людьми.

Палей.

3

Могу ли я видеть без огорчения, как люди употребляют свой ум на то, чтобы ссориться друг с другом, чтоб приготовлять друг другу ловушки, обманывать и выдавать. Могу ли я без слез глядеть на то, что основы добра и зла заброшены или, скорее, неизвестны.

Феогнист.

4

В почве и солнечном свете, в растительном и животном царствах, в рудных месторождениях и силах природы, которыми мы только еще начинаем пользоваться, заключаются неисчерпаемые богатства, из которых люди, руководимые разумом, могли бы удовлетворять все свои материальные потребности. В природе нет причин для бедности -- даже для бедности горбатого или дряхлого. Ибо человек по природе своей --

общественное животное, и если бы не было оскотинивающего влияния хронической нищеты, то семейная любовь и общественное сострадание доставляли бы все необходимое для тех, которые сами не в силах содержать себя.

Генри Джордж.

5

Для улучшения общей жизни необходимо, чтобы в управление общественными делами вкладывалось все более и более разума и любви не только со стороны некоторых лиц, а со стороны всего общества. Мы не можем благоразумно предоставить наши общественные дела государственным людям. Народ сам должен думать, ибо только он может действовать.

Генри Джордж.

6

Сколь устойчивой ни казалась бы нам наша цивилизация, а в ней развиваются уже разрушительные силы. Не в пустынях и лесах, а в городских трущобах и на шоссейных дорогах воспитываются те варвары, которые сделают с нашей цивилизацией то же, что сделали гунны и вандалы с древней.

Генри Джордж.

7

Преображения должны совершаться народом и для народа; до тех пор, пока они, как теперь, являются достоянием и монополией одного класса,

они ведут лишь к замене одного зла другим и не служат к спасению народа.

Мадзини.

Люди -- разумные существа. Для чего же они в общественной жизни руководствуются не разумом, а насилием?

24-е февраля

Для того чтобы истина была услышана, надо, чтобы она была высказана с добротою. Как бы умно и верно ни было то, что сказано с сердцем, оно не передается другому. И потому знай, что если то, что ты говоришь человеку, не воспринимается им, то одно из двух: или то, что ты считаешь истиной, не истина, или ты передаешь ее без доброты, или и то и другое вместе.

1

Единственное средство передавать истину -- это говорить любовно. Только слова любящего человека бывают услышаны.

Торо.

2

Говорить правду -- то же, что хорошо шить, ловко косить, красиво писать. Это дается только тому, кто много шил, много косил, много писал. Как ни старайся, не сделаешь хорошо того, чего не делал много и много раз. И потому для того, чтобы говорить правду, надо приучить себя к этому. А чтобы приучить себя к этому, надо во всяком, хотя бы маленьком деле говорить одну правду.

3

Мы так привыкли притворяться перед другими, что часто притворяемся перед самим собой.

Ларошфуко.

4

В сущности, только собственные основные мысли облагают истинностью и жизнью, только их понимаешь в их настоящем смысле. Чужие, вычитанные мысли -- объедки с чужого стола, платье с плеча чужестранца.

Шопенгауэр.

5

Если человек сробеет перед истиной и, увидев ее, не признает ее, а будет заглушать в себе сознание того, что то, что он считал истиной, есть ложь, то он никогда не узнает, что ему делать.

6

Лучшие умы, любящие истину, не заботятся о присвоении истины в собственность. Они принимают ее с благодарностью везде, где встречают, и не кладут на нее клейма чьего-нибудь имени, потому что истина эта издавна, в вечности уже принадлежала им.

Эмерсон.

Истина не может заставить человека быть недобрым или самоуверенным. Проявления истины всегда кротки, смиренны и просты.

25-е февраля

Молиться -- значит признавать и вспоминать законы вечного и бесконечного существа бога и примерять с ним свои прошедшие и будущие поступки. Полезно делать это как можно чаще.

1

Прежде чем приступить к молитве, испытай себя, способен ли ты сосредоточиться мыслями, иначе не молись.
Кто делает из молитвы своей привычку, молитва того неискренна.

Талмуд.

2

Зачем лишать себя молитвы, этого средства против нашей слабости? Все душевные стремления, которые приближают нас к богу, освобождают нас от мысли о себе. Прося помощи у бога, мы научаемся находить эту помощь в себе. Не он изменяет нас, а мы изменяем себя, приближаясь к нему. Все, чего мы просим у Него как должного, мы сами даем себе.

Руссо.

3

И когда молишься, не будь как лицемеры, которые любят в синагогах и

на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться пред людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись отцу твоему, который втайне; и отец твой, видящий такое, воздаст тебе.

А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны.

Не уподобляйтесь им, ибо знает отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у него.

Мф. гл. 6, ст. 5--8

4

С древних времен признано, что для человека необходима молитва.

Для людей прежнего времени молитва была -- и теперь остается для большинства людей -- обращением, при известных условиях, в известных местах, при известных действиях и словах, к богу или богам для умилостивления их.

Христианское учение не знает таких молитв, но учит тому, что молитва необходима не как средство избавления от мирских бедствий и приобретения мирских благ, а как средство укрепления человека в борьбе с грехами.

5

Молитва состоит в том, чтобы, отрешившись от всего мирского, от всего, что может развлекать мои чувства (магометане прекрасно делают, когда, входя в мечеть или начиная молиться, закрывают пальцами глаза и уши), вызвать в себе божеское начало. Самое лучшее для этого -- то, чему учит Христос: войти одному в клеть и затвориться, т.е. молиться в полном уединении, будет ли оно в клети, в лесу или в поле. Молитва -- в том, чтобы, отрешившись от всего мирского, внешнего, вызвать в себе божественную часть своей души, перенестись в нее, посредством нее вступить в общение с тем, кого она есть частица, сознать себя рабом бога и проверить свою душу, свои поступки, свои желания по требованиям не внешних условий мира, а этой божественной части души.

И такая молитва бывает не праздное умиление и возбуждение, которое производит молитвы общественные с их пением, картинами, освещениями и проповедями, а такая молитва -- помощь, укрепление, возвышение души. Такая молитва есть исповедь, поверка прежних и указание направления будущих поступков.

Хорошо возобновлять свою молитву, т.е. выражение своего отношения к богу. Человек постоянно растет, изменяется, и потому должно изменяться и уясняться и его отношение к богу. Должна изменяться и молитва.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

АРХАНГЕЛ ГАВРИИЛ

Однажды архангел Гавриил услыхал из рая голос бога -- бог благословил какого-то человека. Ангел сказал: "Верно, что важный слуга всевышнего, верно, какой-нибудь святой пустынник, мудрец". Ангел спустился на землю, чтобы найти этого человека, но не мог найти его ни на небе, ни на земле. Тогда он обратился к богу и сказал: "О, господи! Покажи мне путь к этому предмету твоей любви". Бог отвечал: "Поди в деревню, и там в одном маленьком храме ты увидишь огонь". Ангел спустился к храму и там увидел, что человек молится перед идолом. Ангел вернулся к богу и сказал: "О, господи, неужели ты с любовью смотришь на идолопоклонника". Бог сказал: "Я не смотрю на то, что он неверно понимает меня. Понять меня, какой я точно есмь, никто из людей не может. И самый великий мудрец из людей так же далек от истинного понимания того, что такое я, как и этот человек. Я смотрю не на ум, а на сердце. Сердце же этого человека ищет меня и поэтому близко ко мне".

Персидское (Аттар).

МОЛИТВА

...Знает отец ваш, в чем вы имеете

нужду, прежде вашего прошения...

Мф. VI, 8.

-- Нет, нет и нет! Этого не может быть... Доктор! Да разве ничего нельзя? Да что же вы молчите все?!

Так говорила молодая мать, выходя большими, решительными шагами из детской, где умирал от водянки в голове ее первый и единственный трехлетний мальчик.

Тихо разговаривающие между собою муж и доктор замолчали. Муж робко подошел к ней, ласково коснулся рукой ее растрепанной головы и тяжело вздохнул. Доктор стоял, опустив голову, своим молчанием и неподвижностью показывая безнадежность положения.

-- Что ж делать! -- сказал муж. -- Что же делать, милая...

-- Ах, не говори, не говори! -- вскрикнула она как будто злобно, укоризненно и, быстро повернувшись, пошла назад в детскую.

Муж хотел удержать ее.

-- Катя! не ходи...

Она, не отвечая, взглянула на него большими усталыми глазами и вернулась в детскую.

Мальчик лежал на руке няни с подложенной под голову белой подушкой. Глаза его были открыты, но он не глядел ими. Из сжатого ротика пузырилась пена. Няня со строгим, торжественным лицом смотрела куда-то мимо его лица и не пошевелилась при входе матери. Когда мать вплоть подошла к ней и подсунула руку под подушку, чтобы перенять ребенка от няни, няня тихо сказала: "Отходит!" -- и отстранилась от матери. Но мать не послушалась ее и ловким, привычным движением взяла мальчика себе на руки. Длинные вьющиеся волосы мальчика запутались. Она оправила их и взглянула в его лицо.

-- Нет, не могу, -- прошептала она и быстрым, но осторожным движением отдала его няне и вышла из комнаты.

Ребенок болел вторую неделю. Во время болезни мать по нескольку раз в день переходила от отчаяния к надежде. Во все это время она спала едва ли полтора часа в сутки. Все это время она не переставая по нескольку раз в день уходила в свою спальню, становилась перед большим образом спасителя в золотой ризе и молилась богу о том, чтобы он спас ее мальчика. Чернолицый Спаситель держал в маленькой черной руке золоченую книгу, на которой чернью было написано: "Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас". Стоя перед этим

образом, она молилась, все силы своей души вкладывая в свою молитву. И хотя в глубине души и во время молитвы она чувствовала, что не сдвинет горы и что бог сделает не по ее, а по-своему, она все-таки молилась, читала известные молитвы и свои, которые она сочиняла и говорила вслух с особенным напряжением.

Теперь, когда она поняла, что он умер, она почувствовала, что в голове ее что-то сделалось, как будто сорвалось что-то и стало кружиться, и она, придя в свою спальню, с удивлением оглянулась на все свои вещи, как будто не узнавая места. Потом легла на кровать и упала головой не на подушку, а на сложенный халат мужа и потеряла сознание.

И вот во сне она видит, что ее Костя, здоровый, веселый, сидит с своими кудрявыми волосами и тонкой белой шейкой на креслице, болтает пухлыми в икрах ножками и, выпятив губки, старательно усаживает куклу-мальчика на картонную лошадку без одной ноги и с проткнутой спиной.

"Как хорошо, что он жив, -- думает она. -- И как жестоко то, что он умер. Зачем? Разве мог бог, которому я так молилась, допустить, чтобы он умер? Зачем это богу? Разве он мешал кому-нибудь? Разве бог не знает, что в нем вся моя жизнь, что я не могу жить без него? И вдруг взять и измучить это несчастное, милое, невинное существо и разбить мою жизнь, и на все мои мольбы отвечать тем, чтобы у него остановились глаза, чтобы он вытянулся, захолодел, закостенел".

И она опять видит. Вот он идет. Такой маленький, в такие высокие двери идет, размахивая ручонками, как большие ходят. И глядит и улыбается... "Милый! И его-то бог хотел измучить и уморить! Зачем же молиться ему, если он может делать такие ужасы?"

И вдруг Матреша, девочка, помощница няни, начинает что-то говорить очень странное. Мать знает, что это Матреша, а вместе с тем она и Матреша и ангел. "А если она ангел, то отчего у нее нет за спиной крыльев?" -- думает мать. Впрочем, она вспоминает, что кто-то -- она не помнит кто, но кто-то заслуживающий доверия, -- говорил ей, что ангелы бывают теперь и без крыльев. И ангел-Матреша говорит: "Напрасно вы, сударыня, на бога обижаетесь. Ему никак нельзя всех слушать. Они часто о таком просят, что одному сделаешь, другого обидишь. Вот сейчас по всей России молятся, да какие люди! Самые первые архиереи, монахи в соборах, в церквах над мощами, все молятся, чтобы бог дал победы над японцами. А ведь это разве хорошее дело? И молиться об этом не годится, да и угодить-то ему никому нельзя. Японцы тоже молятся, чтобы им победить. А ведь он один у нас, батюшка. Как же ему быть?"

-- Как же ему быть, барыня? -- говорит Матреша.

-- Да, это так. Это старое. Это еще Вольтер говорил. Все это знают, и все это говорят. Я не об этом. А отчего же он не может исполнить просьбу, когда я прошу не о вредном о чем-нибудь, а только о том, чтобы не

уморить моего милого мальчика. Я ведь без него жить не могу, -- говорит мать и чувствует, как он обнимает ее за шею своими пухлыми ручонками, и она своим телом чувствует его тепленькое тельце. "Хорошо, что это не случилось", -- думает она.

-- Да ведь не одно это, барыня, -- пристает Матреша так же бестолково, как всегда, -- ведь не одно это. Бывает, что и один просит, да никак невозможно сделать ему того, что он хочет. Нам это вполне известно. Я-то ведь знаю, потому что я докладываю, -- говорит Матреша-ангел точно таким голосом, каким она вчера, когда барыня посылала ее к барину, говорила няне: "Я-то знаю, что барин дома, потому что я докладывала".

-- Сколько раз приходилось докладывать, -- говорит Матреша, -- что вот хороший человек -- из молодых, все больше просит помочь ему, чтобы он дурных дел не делал, не пьянствовал, не распутничал, просит, чтобы из него, как занозу, вынули порок.

"Как, однако, хорошо говорит Матреша", -- думает барыня.

-- А ему никак нельзя этого, потому каждому надо самому стараться. Только от старания и польза бывает. Вы сами, барыня, давали мне читать сказку о черной курице. Там рассказано, как мальчику черная курица дала за то, что он ее спас от смерти, волшебное конопляное зернышко, такое, что, пока оно у него в штанах и кармане лежало, он не уча все уроки знал, и как он от этого самого зернышка совсем перестал учиться и память потерял. Нельзя ему, батюшке, из людей вынимать зло. И им не просить об этом надо, а самим вырывать, вымывать, вывертывать его из себя.

"Откуда она эти слова знает?" -- думает барыня и говорит:

-- Ты все-таки, Матреша, не отвечаешь мне на вопрос.

-- Дайте срок, все скажу, -- говорит Матреша. -- А то и так бывает: докладываю, что разорилась семья не по своей вине, все плачут, вместо хороших комнат живут в угле, даже чаю нет, просят хоть как-нибудь помочь им. И тоже никак нельзя ему сделать по-ихнему, потому он знает, что это им же не на пользу. Они не видят, а он, батюшка, знает, что, если бы они в достатке жили, они бы вдрызг избаловались.

"Это правда, -- думает барыня. -- Но зачем же она так вульгарно выражается о боге? "Вдрызг"... это совсем нехорошо. Непременно скажу ей при случае"...

-- Но я не про то спрашиваю, -- повторяет опять мать. -- Я спрашиваю: зачем, за что хотел это твой бог взять у меня моего мальчика? -- И мать видит перед собой своего Костю живого и слушает его, как колокольчик, звонкий, детский, его особенный, милый смех. -- Зачем они взяли его у меня? Если бог мог это сделать, то он злой, дурной Бог и совсем не надо его и не хочу знать его.

И что же это такое? Матреша уже совсем не Матреша, а какое-то совсем другое, новое, странное, неясное существо, и говорит это существо не

устами вслух, а каким-то особенным способом, прямо в сердце матери.

-- Жалкое ты, слепое и дерзкое, зазнавшееся создание, -- говорит это существо. -- Ты видишь своего Костю, каким он был неделю тому назад со своими крепенькими, упругими членами и длинными вьющимися волосами и с наивной, ласковой и осмысленной речью. Но разве он всегда был такой? Было время, когда ты радовалась, что он выговаривает "мама" и "баба" и понимает кто -- кто, и еще прежде ты восхищалась тем, что он стоял дыбочки и, качаясь, перебегает мягкими ножками к стулу, а еще прежде вы все восхищались тем, что он, как зверок, ползает по зале, а еще прежде радовались, что он узнает, что держит безволосую головку с дышащим темечком, а еще прежде восхищались тем, что берет сосок и нажимает его своими беззубыми деснами. А еще прежде радовались, что он, весь красный и еще не отделенный от тебя, жалостно кричит, обновляя свои легкие. А еще прежде, за год, где был он, когда его совсем не было? Вы все думаете, что вы стоите и что вам и тем, кого вы любите, следует всегда быть такими, какие они сейчас. Но ведь вы не стоите ни минуты, все вы течете, как река, все летите, как камень, книзу, к смерти, которая рано или поздно, ждет вас. Как же ты не понимаешь, что если он из ничего стал тем, что он был, то он не остановился бы и ни минуты не оставался бы таким, каким был, когда умер; а как из ничего сделался сосунком, из сосунка сделался ребенком, так из ребенка сделался бы мальчиком-школьником, юношей, молодым человеком, взрослым, стареющим, старым. Ты ведь не знаешь, чем он был бы, если бы остался жив. А я знаю.

И вот мать видит в отдельном, ярко освещенном электричеством кабинете ресторана (один раз муж возил ее в такой ресторан), перед столом с остатками ужина видит одутловатого, морщинистого, с подведенными кверху усами, противного, молодящегося старика. Он сидит, глубоко затонув в мягком диване, и пьяными глазами жадно оглядывает развращенную, подкрашенную, с оголенной белой толстой шеей женщину и пьяным языком выкрикивает, повторяя несколько раз, неприличную шутку, очевидно, довольный одобрительным хохотом такой же другой, как он, пары.

-- Неправда, это не он, это не мой Костя! -- вскрикивает мать, с ужасом глядя на гадкого старика, который тем и ужасен, что что-то есть в его взгляде, в его губах, напоминающее особенное Костино. "Хорошо, что это сон, -- думает она. -- Костя настоящий -- вот он". И она видит беленького, голенького, с пухлыми грудками Костю, как он сидит в ванне и, хохоча, болтает ножонками, не только видит, но чувствует, как вдруг он охватывает ее обнаженную по локоть руку и целует, целует и под конец кусает ее, не зная, что бы ему еще сделать с этой милой ему рукой.

"Да, вот это Костя, а не тот ужасный старик", -- говорит она себе. И на этих словах просыпается и с ужасом признает действительность, от

которой уже некуда проснуться.

Она идет в детскую. Няня уже обмыла и убрала Костю. С восковым и утончившимся носиком, с ямочками у ноздрей и приглаженными от лба волосиками он лежит на каком-то возвышении. Вокруг горят свечи и стоят на столике в головах белые, лиловые и розовые гиацинты. Няня поднимается со стула и, подняв брови и вытянув губы, смотрит на поднятое кверху каменно-неподвижное личико. Из другой двери навстречу матери входит Матреша с своим простым, добродушным лицом и заплаканными глазами.

"Как же она мне говорила, что нельзя огорчаться, а сама плакала", -- думает мать. И она переводит свой взгляд на покойника. В первую минуту ее поражает и отталкивает ужасное сходство мертвого личика с тем лицом старика, которого она видела во сне, но она отгоняет эту мысль и, перекрестившись, притрагивается теплыми губами к холодному, восковому лобику, потом целует сложенные остывшие маленькие ручки, и вдруг запах гиацинтов как будто что-то новое говорит ей о том, что его нет и никогда больше не будет, и ее душат рыдания, и она еще раз целует его в лоб, и в первый раз она плачет. Она плачет, но плачет не безнадежными, но покорными, умиленными слезами. Ей больно, но она уже не возмущается, не жалуется, а знает, что то, что было, должно было быть, и потому было хорошо.

-- Грех, матушка, плакать, -- говорит няня и, подойдя к маленькому покойнику, вытирает сложенным платочком слезы матери, оставшиеся на восковом лбу Кости. -- От слез его душеньке тяжело будет. Ему хорошо теперь. Ангельчик безгрешный. А жив бы был, кто знает, что бы было.

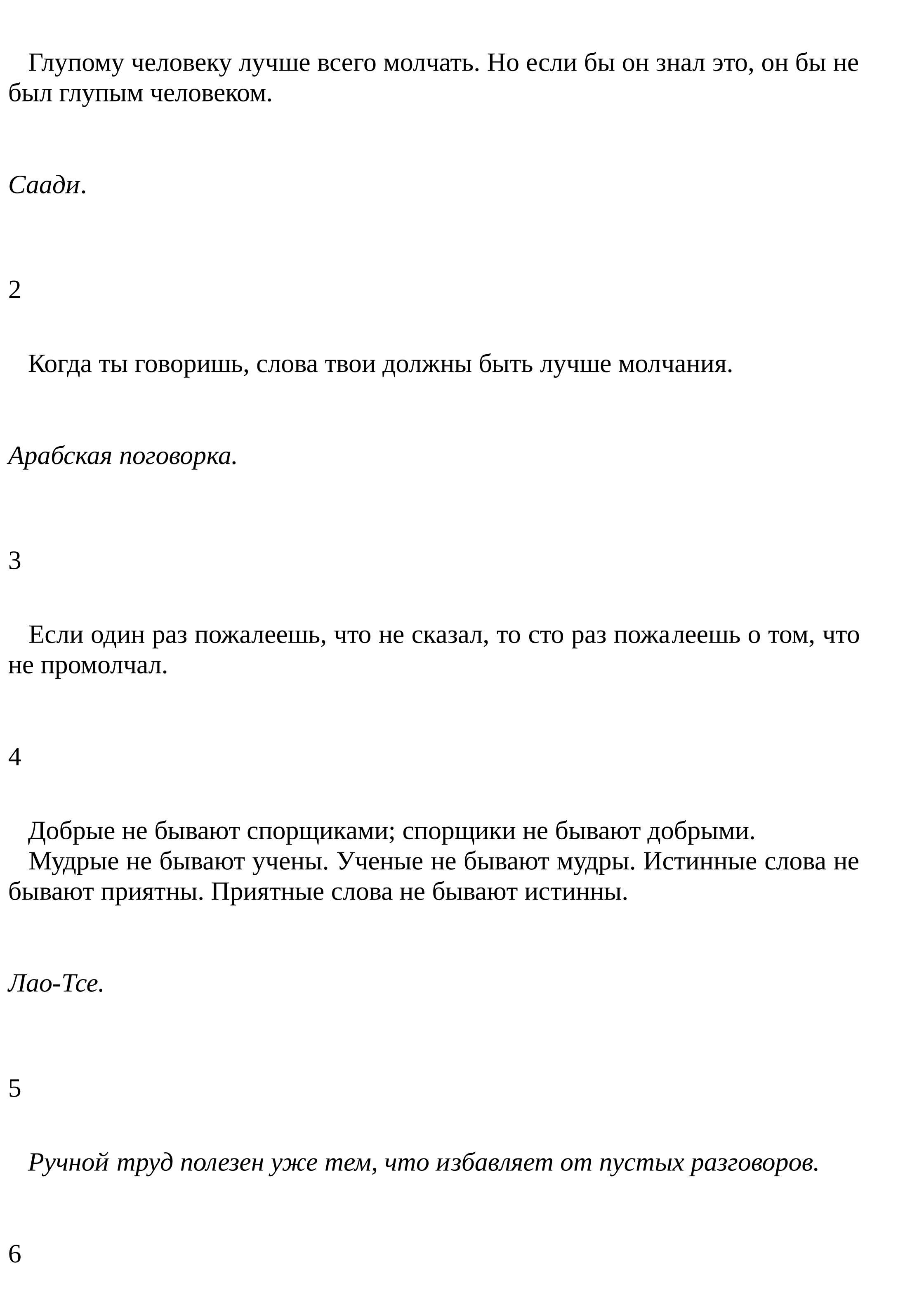
-- Так, так, а все-таки больно, больно! -- говорит мать.

Лев Толстой.

26-е февраля

После долгого разговора постарайся вспомнить все то, о чем было говорено, и ты удивишься, как пусто и ненужно и часто дурно было многое, а иногда и все то, что говорилось.

1

Глупому человеку лучше всего молчать. Но если бы он знал это, он бы не был глупым человеком.

Саади.

2

Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчания.

Арабская поговорка.

3

Если один раз пожалеешь, что не сказал, то сто раз пожалеешь о том, что не промолчал.

4

Добрые не бывают спорщиками; спорщики не бывают добрыми.

Мудрые не бывают учены. Ученые не бывают мудры. Истинные слова не бывают приятны. Приятные слова не бывают истинны.

Лао-Тсе.

5

Ручной труд полезен уже тем, что избавляет от пустых разговоров.

6

Хочешь быть умным, научись разумно спрашивать, внимательно слушать, спокойно отвечать и переставать говорить, когда нечего больше сказать.

Лафатер.

7

Если люди долго спорят, то это доказывает то, что то, о чем они спорят, неясно для них самих.

Вольтер.

8

Сколько нелепостей говорится людьми только из желания сказать что-нибудь новое.

Вольтер.

9

Язык немого лучше языка лгуна.

Турецкая поговорка.

Если имеешь время подумать, прежде чем начинать говорить, то

подумай, стоит ли, нужно ли говорить, не может ли повредить кому-нибудь то, что ты хочешь сказать.

27-е февраля

Благотворение только тогда благотворение, когда оно жертва.

1

Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровища на последние дни.

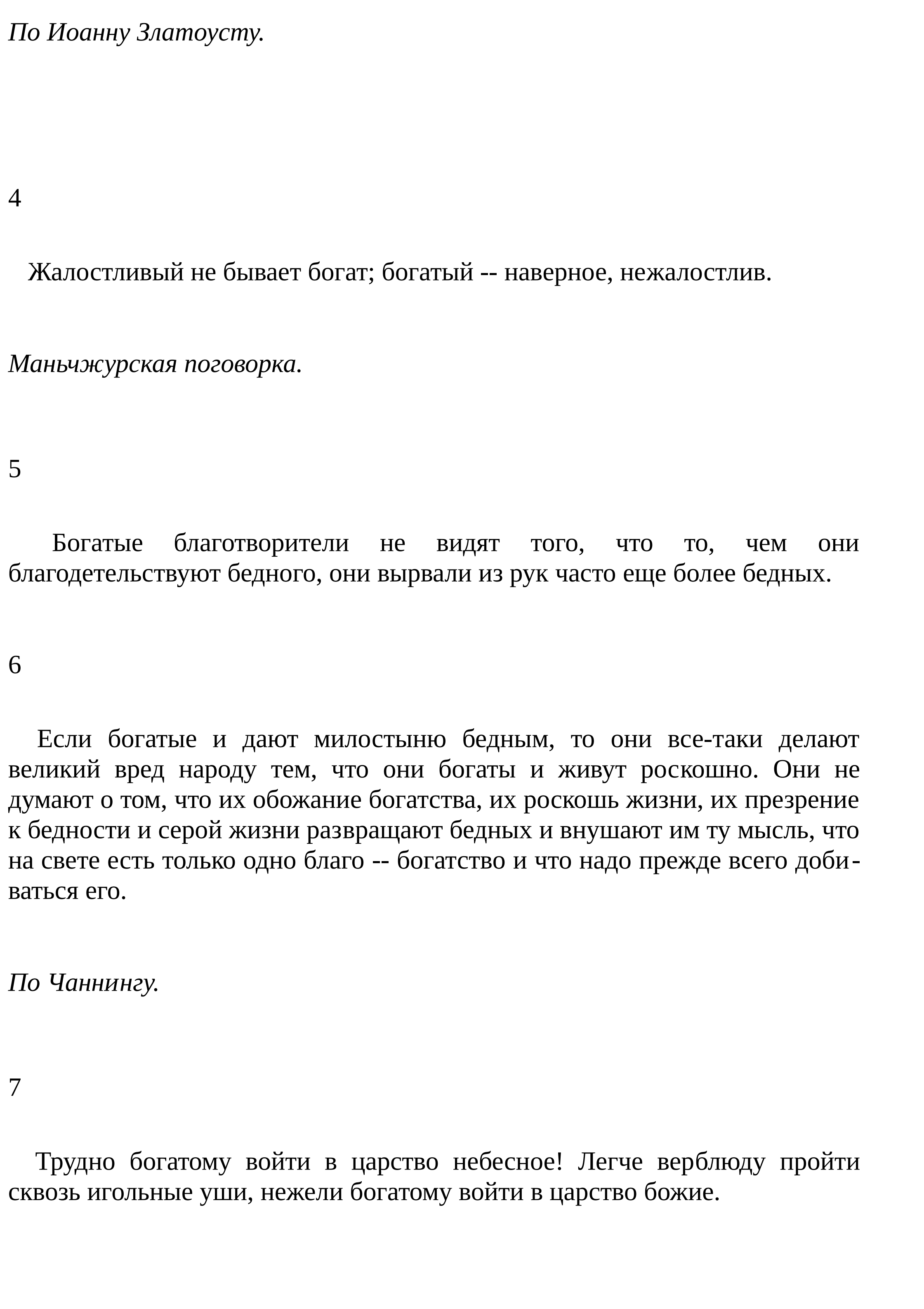
Послан. Иакова, гл. 5, ст. 31.

2

В деньгах, в самых деньгах, в обладании ими есть что-то безнравственное.

3

Если хочешь милости божьей, покажи дела. Но, может быть, и теперь кто-нибудь, как богатый юноша, скажет: "Я все исполнил: не врал, не убивал, не любодействовал". Но Христос сказал, что нужно не это только, а еще что-то другое. Что же такое? "Продай, -- говорит, -- имение твое и дай нищим, и иди за мною" (Мф., гл. 19, ст. 21). Идти же за ним -- значит подражать ему в делах. В каких делах? В любви к ближнему. А если юноша, живя в таком изобилии, мог не раздать свое имение бедным, то как же он мог сказать, что любит ближнего? Если любовь сильна и не на одних словах, то она покажет себя на деле. А богатому показать любовь на деле -- значит отказаться от богатства.

По Иоанну Златоусту.

4

Жалостливый не бывает богат; богатый -- наверное, нежалостлив.

Маньчжурская поговорка.

5

Богатые благотворители не видят того, что то, чем они благодетельствуют бедного, они вырвали из рук часто еще более бедных.

6

Если богатые и дают милостыню бедным, то они все-таки делают великий вред народу тем, что они богаты и живут роскошно. Они не думают о том, что их обожание богатства, их роскошь жизни, их презрение к бедности и серой жизни развращают бедных и внушают им ту мысль, что на свете есть только одно благо -- богатство и что надо прежде всего добиваться его.

По Ченнингу.

7

Трудно богатому войти в царство небесное! Легче верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царство божие.

Мф. гл. 19, ст. 23-24.

Богатством нельзя делать добро. Для того, чтобы богатый мог делать добро, он должен прежде всего освободиться от богатства.

28-е февраля

Искусство есть одно из средств единения людей.

1

Если изящные искусства не проникнуты общими всему человечеству нравственными идеями, которые одни только и соединяют людей, то такие искусства служат только развлечением, в котором люди чувствуют тем большую потребность, чем больше к нему прибегают, чтобы заглушить недовольство самими собою; но этим они делают себя постоянно еще бесполезнее и еще недовольнее.

Кант.

2

Можно допустить, что искусство умрет, но немыслимо, чтобы искусство могло жить, раболепствуя перед богатством и глумясь над бедностью.

Моррис.

3

Искусство есть одно из самых могущественнейших средств внушения. А так как внушено может быть и порочное (и порочное всегда легче внушается), и хорошее, то ни перед какими способами внушения не надо быть больше настороже, как перед внушением искусства.

4

Чем меньше в религиозном учении влияния внушения, тем оно выше, и наоборот.

5

Достоинство искусства и достоинство науки -- в бескорыстном служении на пользу людей.

Джон Рёскин.

6

Художник -- одно из двух: или первосвященник, или более или менее ловкий скоморох.

Иосиф Мадзини.

7

Искусство только тогда на надлежащем своем месте, когда цель его -- нравственное совершенствование. Задача искусства -- поучать любовно. Если же искусство не помогает людям открывать истину, а только доставляет приятное времяпрепровождение, то оно является постыдным, а не возвышенным делом.

Джон Рёскин.

8

Наше искусство, поставившее себе целью поставку потех для богатых классов, не только похоже на проституцию, но есть не что иное, как проституция.

Рассуждения об искусстве -- самые праздные рассуждения. Тот, кто понимает искусство, знает, что каждое искусство говорит своим особенным языком и что говорить об искусстве словами -- бесполезно. Оттого и бывает то, что больше всего говорят об искусстве те, которые не понимают, не чувствуют его.

29-е февраля

Для того чтобы идти, надо знать, куда идешь. То же нужно и для того, чтобы разумно и хорошо жить. Надо знать, куда ведет жизнь и моя, и всех людей.

1

Совершенство свойственно богу. Желать совершенного -- свойственно человеку.

Гёте.

2

Жизнь дана не затем, чтобы веселиться не трудясь. Нет, жизнь -- это борьба и поход. Борьба добра со злом, справедливости с неправдой, свободы с гнетом, любви с похотями личности; жизнь -- это шествие нашего *я* к осуществлению того идеала, который сияет брезжущей зарей нашему уму и нашему сердцу.

Иосиф Мадзини.

3

Мы все знаем, что живем не так, как надо, и не так, как мы могли бы жить. Вот эту-то мысль о том, что жизнь может и должна быть лучше, надо никогда не оставлять. Но помнить об этом надо не затем только, чтобы осуждать теперешнюю жизнь, а затем, чтобы устанавливать лучшую жизнь. Надо верить, что жизнь должна быть лучше, чем теперешняя, и жить так, чтобы она могла становиться лучше.

4

Часто люди говорят: "Человек слаб, святым не сделаешься, нечего и стараться, а будем жить как все". В этих словах большая ошибка. Стараться жить хорошо надо не для того, чтобы сделаться святым, а для того, чтобы становиться лучше, чем был. В этом главное дело жизни всех людей. И в этом благо и каждого человека, и всего человечества.

5

Идеал в тебе самом. Препятствия к достижению его -- в тебе же. Твое положение есть тот материал, из которого ты должен осуществить этот идеал.

Карлейль.

6

Совершенство только тогда совершенство, когда осуществление его возможно только в мысли, когда оно представляется достижимым только в бесконечности и когда поэтому возможность приближения к нему бесконечна.

Надеяться и верить, что добро, которое мы сознаем, осуществится и в нас, и в мире, есть главное условие возможности его осуществления. Не верить же в это и думать, что всегда мы будем такими же плохими, как теперь, и все люди будут всегда жить так же дурно, как живут теперь, есть главное препятствие приближению к его осуществлению.

МАРТ

1-е марта

Страх смерти несвойствен разумному существу. Страх смерти в человеке есть сознание греха.

1

Животное не предвидит неминуемой смерти и поэтому не знает страха смерти. Человек же часто боится смерти. Неужели обладание человеком разумом, открывающим ему неизбежность смерти, ухудшает, в сравнении с животным, его положение? Это было бы так, если бы человек употреблял свой разум на предвидение смерти, а не на улучшение своей жизни. Чем больше живет человек духовной жизнью, тем менее страшна ему смерть. Если человек живет одной духовной жизнью, то смерть совсем не страшна ему. Смерть для такого человека -- только освобождение духа от тела. Он знает, что то, чем он живет, не может уничтожиться.

2

Тот не живет, кто страшится смерти.

Зейме.

Ничто так не утверждает в неуничтожаемости, безвременности своей жизни, ничто так не способствует спокойному принятию смерти, как мысль о том, что, умирая, мы вступаем не в новое состояние, а только возвращаемся в то, в котором были до рождения. Нельзя даже сказать: были, а в то состояние, которое нам так же свойственно, как и то, в котором мы находимся здесь и теперь.

4

Смерть -- это перемена в теле самая большая и самая последняя. Перемены в нашем теле мы все переживали и переживаем сейчас: то мы были голыми комочками мяса, потом стали грудными детьми, потом повыросли волосы, зубы, потом попадали зубы, выросли новые, потом мы стали седеть, плешиветь. И всех этих перемен мы не боялись. Отчего же мы боимся последней перемены? Оттого, что никто не рассказал нам, что с ним случилось после этой перемены. Но ведь никто не скажет про человека, если он уехал от нас и не пишет нам, что его нет, а скажет только, что нет о нем известий. То же самое и об умерших: то, что мы не знаем того, что будет с нами после смерти, как и то, что было с нами до этой жизни, показывает только то, что нам это не дано знать, потому что не нужно знать. Одно мы знаем: что жизнь наша не в переменах тела, а в том, что живет в этом теле. А живет в этом теле существо духовное, а для духовного существа нет ни начала, ни конца, потому что нет времени.

5

Сократ говорил, что если смерть есть такое же состояние, как то, в котором мы бываем, когда спим, теряя всякое сознание жизни, то мы все знаем, что в этом состоянии нет ничего страшного. Если же смерть есть переход к лучшей жизни, как думают многие, то смерть не зло, а благо.

Смерть вернее, чем завтрашний день, чем ночь после дня, зима после лета. Отчего же мы готовимся к завтрашнему дню, и к ночи, к зиме, а не готовимся к смерти? Надо готовиться к ней. А приготовление к смерти одно -- добрая жизнь. Чем лучше жизнь, тем менее страшна смерть и тем легче смерть. Для святого нет смерти.

2-е марта

Чем больше слил человек свою волю с волей бога, тем тверже человек в своих поступках.

1

Мы не знаем и не можем знать, для чего мы живем, какое для жизни мира мы делаем дело, но мы знаем, что если мы покорно исполняем волю пославшего, то делаем, что должно, и нам хорошо. Лошадь, запряженная в воз, не может знать, куда, зачем и что она везет; но если она кротка и смирна и везет, то она знает, что она работает хозяину, и ей хорошо. Так же и люди. "Иго мое благо и бремя мое легко", -- сказал Христос. То, чего хочет от нас бог, легко и благо для нас, если мы только делаем то, что он от нас хочет.

2

Исполняй волю бога, как свою, тогда он будет исполнять твою волю, как свою; поступись своим желанием в угоду его желанию, тогда он сделает, что другие поступятся своими желаниями в угоду твоим желаниям.

Талмуд.

3

Какая сила в человеке, который действует всегда по воле бога и во всем ему покорен!

Марк Аврелий.

4

Когда на большой дороге грабят разбойники, то путешественник не выезжает один: он выжидает, не поедет ли кто-нибудь со стражей, присоединяется к нему и тогда уж не боится разбойников.

Так же поступает в своей жизни и разумный человек. Он говорит себе: "В жизни много всяких бед. Где найти защиту, как уберечься от всего этого? Какого дорожного товарища подождать, чтобы проехать в безопасности? За кем ехать следом -- за тем ли или за другим? За богатым ли, за важным вельможей или за самим царем? Но уберегут ли они меня? Ведь и их грабят и убивают, и они так же бедствуют, как и другие люди. Может быть, еще и то, что тот, с кем я пойду, сам нападет на меня и ограбит. Какого же мне найти себе такого сильного и верного дорожного товарища, который был бы мне защитой и сам не напал бы на меня? За кем мне идти следом?"

Только один есть такой верный товарищ. Товарищ этот -- бог. За ним надо идти, чтобы не попасть в беду. А что значит идти за богом? Это значит желать того, чего он хочет, и не желать того, чего он не хочет. А как достигнуть этого? Понять его законы и следовать им.

По Эпиктету.

5

Только тогда работник будет хорошо исполнять свое дело, когда он поймет свое положение. Учение Христа завладевает человеком только тогда, когда человек ясно поймет, что жизнь его -- не его, а того, кто дал ее, и что цель жизни не в человеке, а в воле того, кто дал ее, и что поэтому надо узнать и делать ее.

6

Ты ничего не желаешь; не думай, что это то, что нужно: нужно желать того, чего хочет бог.

Амиель.

7

Не думай, что твое положение таково, что ты в нем не можешь сделать того, что предназначено человеку. На всякой точке земли мы одинаково близки к небу и к бесконечному.

Амиель.

Путь доброй жизни узкий. Но узнать его легко. Мы познаем его так же легко, как узнаем путь, проложенный досками через трясину. Как только в ту или другую сторону сошел с него, попал в трясину неразумия и зла. Разумный человек, оступившись в трясину, тотчас же ворочается на доски, безумный же все дальше и дальше забивается в трясину, и все труднее и труднее ему выбраться из нее.

3-е марта

Какая еще награда за доброе дело? Награда уже получена в той радости, которую испытал человек, делая доброе дело. Всякая награда уменьшает эту радость.

1

Тот, кто делает добро другому, делает больше всего добра самому себе -- не в том смысле, что ему будет за это награда, а тем, что сознание сделанного добра дает уже большую радость.

Сенека.

2

Один святой жизни человек молился так богу о людях: "О, боже! будь милостив к злым, потому что к добрым ты уже был милостив: им хорошо потому, что они добрые".

Саади.

3

Делать добро и требовать награды -- значит уничтожать действие и силу добра.

Из "Благочестивых мыслей".

4

Очень часто не остается для нас следа одолжений, оказанных нам другими, но никогда не останутся бесследными услуги, оказанные нами другим.

Из "Благочестивых мыслей".

5

Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая.

Мф. гл. 6, ст. 3.

6

Одни люди, если сделают кому-нибудь услугу, ждут себе за это награду или благодарность; другие, хотя и не ждут награды и благодарности, все-таки не забывают того, что они сделали, и считают тех, кому они сделали добро, своими должниками. Но истинное добро -- добро только тогда, когда оно сделано не для другого, а для себя, и человек, сделавший его, не ищет награды, а делает добро так, как плодовое дерево, когда оно вырастит свои плоды и вполне довольно тем, что плодами этими пользуются те, кому они нужны.

По Марку Аврелию.

7

Относитесь хорошо к людям в расчете получить выгоду от их благодарности -- и вы не получите ни малейшей отплаты за вашу доброту; но относитесь к ним хорошо без всяких корыстных соображений -- и вы достигнете и благодарности и пользы. И так во всем: "Кто хочет душу свою сберечь -- потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради меня, тот обретет ее".

Джон Рёскин.

8

Упражняйся во всякой добродетели и избегай всякого порока. Одна добродетель влечет за собою другие, один порок -- другие пороки. Награда добродетели -- добродетель, возмездие за порок -- порок.

Бенчасай.

Радостно делать добро. Радость увеличивается, когда знаешь, что никто не знает про сделанное добро.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

БЕДНЫЕ ЛЮДИ

В рыбачьей хижине сидит у огня Жанна, жена рыбака, и чинит старый парус. На дворе свистит и воет ветер и, плескаясь и разбиваясь о берег, гудят волны... На дворе темно и холодно, на море буря, но в рыбачьей хижине тепло и уютно. Земляной пол чисто выметен; в печи не потух еще огонь; на полке блестит посуда. На кровати с опущенным белым пологом спят пятеро детей под завывание бурного моря. Муж-рыбак с утра вышел на своей лодке в море и не возвращался еще. Слышит рыбачка гул волн и рев ветра. Жутко Жанне.

Старые деревянные часы с хриплым боем пробили десять, одиннадцать... Мужа все нет. Жанна задумывается. Муж не жалеет себя, в холод и бурю ловит рыбу. Она сидит с утра до вечера за работой. И что же? Еле-еле кормятся. А у ребяток все нет обуви: и летом и зимой бегают босиком; и хлеб едят не пшеничный -- хорошо и то, что хватает ржаного. Только и приправы к еде, что рыба. "Ну да слава богу, дети здоровы. Нечего жаловаться, -- думает Жанна и опять прислушивается к буре. -- Где-то он теперь? Сохрани его, господи, спаси и помилуй!" -- говорит она и крестится.

Спать еще рано. Жанна встает, накидывает на голову толстый платок, зажигает фонарь и выходит на улицу посмотреть, не тише ли стало море, не светает ли, и горит ли лампа на маяке, и не видать ли лодки мужа. Но на море ничего не видно. Ветер рвет с нее платок и чем-то оторванным стучит в дверь соседней избушки, и Жанна вспоминает о том, что она еще с

вечера хотела зайти проведать больную соседку. "Некому и приглядеть за ней", -- подумала Жанна и постучала в дверь. Прислушалась... Никто не отвечает.

"Плохое вдовье дело, -- думает Жанна, стоя у порога. -- Хоть и не много детей -- двое, а все одной обдумать надо. А тут еще болезнь! Эх, плохое вдовье дело. Зайду, проведаю". Жанна постучалась еще и еще. Никто не отвечал.

-- Эй, соседка! -- крикнула Жанна. "Уж не случилось ли что", -- подумала она и толкнула дверь.

В избушке было сыро и холодно. Жанна подняла фонарь, чтобы оглядеть, где больная. И первое, что ей бросилось в глаза, это -- постель прямо против двери, и на постели она, соседка, лежит на спине так тихо и неподвижно, как лежат только мертвые. Жанна поднесла фонарь еще ближе. Да, это она. Голова закинута назад; на холодном, посиневшем лице спокойствие смерти. Бледная, мертвая рука, будто потянувшаяся за чем-то, упала и свесилась с соломы. И тут же, недалеко от мертвой матери, двое маленьких детей, кудрявых и толстощеких, прикрытых старым платьем, спят, скорчившись и прижавшись друг к другу белокурыми головками. Видно, мать, умирая, еще успела закутать им ножки старым платком и накрыть их своим платьем. Дыхание их ровно и спокойно. Они спят сладко и крепко.

Жанна снимает колыбельку с детьми и, закутав их платком, несет домой. Сердце ее сильно бьется; она сама не знает, как и зачем она сделала это, но она знает, что не могла не сделать то, что сделала.

Дома она кладет непроснувшихся детей на кровать со своими детьми и торопливо задергивает полог. Она бледна и взволнованна. Точно мучит ее совесть. "Что-то скажет он?.. -- сама с собой говорит она. -- Шутка ли, пятеро своих ребятишек -- мало еще ему было с ними заботы... Это он?.. Нет, нет еще!.. И зачем было брать!.. Прибьет он меня! Да и поделом, я и стою того. Вот он! Нет!.. Ну, тем лучше!.."

Дверь скрипнула, будто кто вошел. Жанна вздрогнула и приподнялась со стула.

"Нет. Опять никого! Господи, и зачем я это сделала?.. Как ему теперь в глаза взгляну?.." И Жанна задумывается и долго сидит молча у кровати.

Дождь перестал; рассвело, но ветер гудит, и море ревет по-прежнему.

Вдруг дверь распахнулась, в комнату ворвалась струя свежего морского воздуха, и высокий смуглый рыбак, волоча за собой мокрые разорванные сети, входит в горницу со словами:

-- Вот и я, Жанна!

-- Ах, это ты! -- говорит Жанна и останавливается, не смея поднять на него глаз.

-- Ну уж ночка! Страх!

-- Да, да, погода была ужасная! Ну а как ловля?

-- Дрянь, совсем дрянь! Ничего не поймал. Только сети разорвал. Плохо, плохо!.. Да, я тебе скажу, и погодка ж была! Кажется, такой ночи и не запомню. Какая там ловля! Слава Богу, что жив домой добрался... Ну, а ты что тут без меня делала?

Рыбак втащил сети в комнату и сел у печки.

-- Я? -- сказала Жанна, бледнея. -- Да что ж я... Сидела шила... Ветер так завывал, что страшно становилось. Боялась за тебя.

-- Да, да, -- пробормотал муж, -- погода чертовски скверная! Да что поделаешь! Оба помолчали.

-- А знаешь, -- сказала Жанна, -- соседка-то Симон умерла.

-- Ну?

-- И не знаю, когда; верно, еще вчера. Да, тяжело ей было умирать. Да и за детей-то, должно быть, как сердце болело! Ведь двое детей -- крошки... Один еще не говорит, а другой чуть начинает ползать...

Жанна замолчала. Рыбак нахмурился; лицо его сделалось серьезно, озабоченно.

-- Ну, дела! -- проговорил он, почесывая в затылке. -- Ну да что станешь делать! Придется взять, а то проснутся, каково им с покойницей? Ну да что уж, как-нибудь перебьемся! Ступай же скорей!

Но Жанна не двигалась с места.

-- Что ж ты? Не хочешь? Что с тобой, Жанна?

-- Вот они, -- сказала Жанна и отдернула полог.

Виктор Гюго. Изложил Л. Н.Толстой.

4-е марта

Обжорство -- самый обыкновенный порок. Мы мало замечаем его только потому, что почти все ему подвержены.

1

Есть грехи против людей и есть грехи против себя. Грехи против людей бывают оттого, что мы не уважаем дух божий в другом человеке. Грехи

против самого себя -- оттого, что не уважаем дух божий в самих себе. Один из самых обыкновенных грехов против самого себя -- это объедение.

2

Если бы не жадность, ни одна птица не попала бы в сети. На эту же приманку ловят и людей. Брюхо -- это цепь на руки и кандалы на ноги. Раб брюха -- всегда раб. Хочешь быть свободен -- прежде всего освобождай себя от брюха. Ешь для того, чтобы утолить голод, а не для того, чтобы получить удовольствие.

По Саади.

3

Объедающийся человек не в состоянии бороться с ленью, а объедающемуся и праздному человеку еще труднее бороться с половой похотью. И потому по всем учениям стремление к воздержанию начинается с борьбы с похотью обжорства, начинается постом.

4

Всякий человек подобен укротителю диких зверей, а эти звери -- его страсти. Вырвать их клыки и когти, зануздать их, приручить, сделать из них домашних животных, слуг, хотя бы и рычащих, но все-таки покорных, -- в этом задача самовоспитания.

Амиель.

5

Бог послал людям пищу, а дьявол -- поваров.

6

Мудрец Сократ сам воздерживался от всего лишнего, такого, что едят не для утоления голода, а для вкуса, и уговаривал своих учеников делать так же. Он говорил, что и для тела, и для души большой вред от лишней еды и питья и советовал никогда не наедаться, а выходить из-за стола, пока еще есть хочется. Он напоминал своим ученикам сказку о мудром Клиссе: как волшебница Цирцея не могла заколдовать его только оттого, что он не стал объедаться, а товарищей его, как только они набросились на ее сладкие кушанья, всех обратила в свиней.

7

Не беда, если тело пострадает от душевной работы, но стыдно, когда самое дорогое в человеке -- душа -- пострадает от тела.

По Талмуду.

8

Наблюдай за твоим ртом: через него входят болезни. Поступай так, чтобы тебе хотелось еще есть, когда ты встаешь от обеда.

Невоздержание в пище не считается грехом только потому, что оно не производит заметного вреда другим. Но есть грехи против сознания человеком своего достоинства. Невоздержание в пище -- один из них.

5-е марта

Как человек не может сам поднять себя, так не может человек и восхвалить себя. Напротив, всякая попытка человека хвалить себя роняет его в глазах людей.

1

Не хвали и не брани себя пред людьми. Если будешь хватить, люди не поверят, если будешь хулить, они подумают о тебе еще хуже, чем ты сказал. И потому самое лучшее -- ничего не говорить о себе.

2

Тот не смиренен, кто говорит про себя, что он смиренен. Тот, кто говорит, я ничего не знаю, -- тот умен; кто говорит, я учен, -- тот болтун. Тот, кто молчит, -- тот умнее и лучше всех.

Вамана Пурана.

3

Персиянин Саади рассказывает, как он раз, сидя при отце своем, во всю ночь не закрывая глаз, читал священную книгу Коран, в то время как все домашние крепко спали. В середине ночи, рассказывает Саади, я, оторвавшись от книги, сказал отцу: "Никто не помолится и не послушает священной книги, а все спят как мертвые". -- "И тебе бы лучше спать, -- сказал отец, -- чем осуждать людей".

4

Тот, кто хвалится, ничего не видит, кроме себя. Лучше бы ему быть слепым, чем видеть только себя.

Саади.

5

Хотите, чтобы о вас хорошо говорили, не говорите о себе хорошего.

Паскаль.

6

Мысль и ее выражение -- слово -- дело серьезное. Нехорошо играть мыслями и словами для оправдания своих поступков.

7

Тот, кто слушает то, что люди говорят про него, никогда не будет спокоен.

8

Льстец льстит только потому, что он невысокого мнения и о себе и о других.

Лабрюйер.

Если хотите доброй славы или хотя не худой славы, не только не хвалите сами себя, но и не позволяйте другим хвалить себя.

6-е марта

Любовь к богу есть любовь сама к себе -- любовь к любви. Любовь эта

есть высшее благо. Такая любовь не допускает возможности нелюбви к какому бы то ни было существу. Как только не любишь хоть одного человека, теряешь уже любовь к богу и благо этой любви.

1

И один из них, законник, искушая его, спросил, говоря: Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: возлюби господа бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки.

Матф. гл. 22, стр. 35--40.

2

Откуда все бедствия и душевные муки? Только от привязанности души к таким вещам, постоянное обладание которыми невозможно, так как они подлежат бесконечным изменениям. Люди ведь боятся и страдают только за любимые ими предметы, и все оскорбления, подозрения, вражды -- все только от этой любви к предметам, которыми человек никогда не может обладать вполне.

Только любовь к предмету вечному и бесконечному дает нашей душе чистую радость; и вот к этому-то благу мы и должны стремиться всеми силами.

И потому высшее благо человека не только зависит от познания бога, но и вполне в нем заключается. Что это так, ясно из того, что совершенство человека возрастает по степени совершенства того предмета, который он любит больше всех других, и обратно. И потому ясно, что человек тем более будет совершенен и причастен к высшему блаженству, чем более он будет любить совершеннейшее существо, т.е. бога, и чем более будет отдаваться этой любви. Потому и наше высшее благо и основа нашего блаженства -- только в познании бога и в любви к нему.

Раз это признано, то очевидно, что средство достижения этой конечной цели человеческих стремлений могут и должны быть признаны заповедями божиими, так как пользование этими средствами

предписывается нам самим богом, поскольку он существует в нашей душе. А потому и правила поведения, ведущие к этой цели, могут быть названы божескими заповедями или божественным законом. Божественный же закон весь вполне заключается в одной высшей заповеди: любить бога как высшее благо, т.е. не из страха наказания и не из любви к другому предмету, а так, чтобы любовь к нему была конечной целью, к которой были бы направлены все наши поступки.

Плотской человек не понимает этого, правило это представляется ему пустым, потому что он о боге имеет только несовершенное понятие и не видит в том высшем благе, которое ему предлагается, ничего осязательного, ничего приятного для чувств, ничего удовлетворяющего тело, источник его наслаждений, так как предлагаемое ему благо заключается только в отвлеченном мышлении, в разуме. Но те люди, которые способны понять, что в человеке нет ничего выше разума и совершеннее чистой души, без сомнения, не могут так думать.

Если же мы рассмотрим внимательно сущность этого божественного закона, то мы увидим, во-первых, то, что закон этот всемирен, т.е. общ всем людям, так как он выведен из природы всех людей; во-вторых, что закон этот не нуждается в поддержке посредством каких бы то ни было исторических рассказов; так как, выводя закон этот исключительно из природы человека, мы найдем его в душе всякого человека, живущего ли в уединении или среди себе подобных. В-третьих, мы увидим и то, что этот природный божественный закон любви к богу не требует от нас никаких богослужебных обрядов, т.е. такого рода действий, которые, будучи сами по себе безразличны, считаются хорошими только в силу признаваемого всеми предания; так как тот природный свет разума, который живет в нас, не требует от нас ничего такого, чего бы мы не были в состоянии понять и ясно представить себе, как хорошее в самом себе и как средство достигнуть блаженства. В-четвертых, мы увидим, наконец, и то, что наградой за исполнение божественного закона будет самый закон, т.е. знание бога и чистая, свободная и непреходящая любовь к нему. Наказанием же для нарушителей закона будет только лишение этих благ, рабство тела и души, всегда переменчивой и всегда смятенной.

Спиноза.

3

Любовь к ближнему без любви к богу -- все равно что растение без корней. Любовь к человеку без любви к богу -- это любовь к тем, кто нас любит, кто нам приятен, кто красивый и веселый. Такая любовь часто

из любви делается враждою. Когда же любишь ближнего оттого, что любишь бога, то любишь и тех, кто не любит нас, кто неприятен нам, кто уродливый, гадкий телом. Эта любовь настоящая и твердая, и такая любовь не ослабевает, а что дальше, то больше укрепляется и все больше и больше дает блага тому, кто испытывает ее.

4

Люди говорят: я не понимаю, что такое значит любить бога. Но кто же понимает, что такое значит любить что бы и кого бы то ни было? Понимает это только тот, кто любит.

Если человек не знает, что такое значит любить искусство, науку, как объяснить ему это, если он не знает, что такое искусство, наука?

Как же объяснить человеку, что значит любить бога, когда он не только не знает того, что такое бог, но гордится тем, что не знает этого.

Говорят, надо бояться бога. Это неправда. Бога надо любить. А как же любить того, кого боишься. Да кроме того, нельзя бояться бога еще и оттого, что бог есть любовь. Как же бояться любви? Не бояться бога надо, а любить его. А если будешь любить бога и не будешь бояться его, то не будешь бояться ничего на свете.

7-е марта

Труд, упражнение своих сил есть необходимое условие жизни. Человек может заставить других делать то, что ему нужно, но не может освободить себя от телесной потребности работы. Если он не будет работать нужное и разумное, он будет работать ненужное и глупое.

1

Человек, как и всякое животное, так сотворен, что ему необходимо работать для того, чтобы не умереть от голода и холода. И работа эта,

чтобы прокормить себя и защитить от непогоды, как для всякого животного, так и для человека, -- не мученье, а радость. Но люди так устроили свою жизнь, что одни сами ничего не работают, а заставляют других за себя работать и скучают оттого, что не знают, что делать, и выдумывают всякие глупости и гадости, чтобы занять себя, а другие работают через силу и скучают работой, скучают оттого, что им приходится работать не на себя, а на других.

Нехорошо и тем и другим. Первым, неработающим, худо оттого, что они от праздности губят свои души, вторым же худо то, что они через силу тратят тело.

Но работающим все-таки лучше, чем неработающим. Душа дороже тела.

2

Если работа для вас главное, а плата вещь второстепенная, то вашим господином будет труд и его творец -- бог. Но если работа для вас вещь второстепенная, а главное плата, то вы рабы платы и творца ее -- дьявола, и притом самого низкого и последнего из дьяволов.

Рёскин.

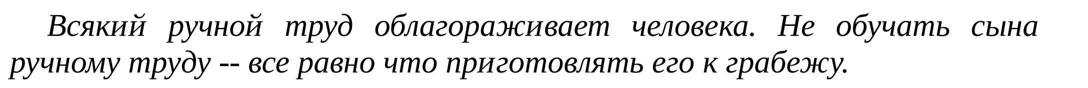
3

Дьявол, ловя людей на свою уду, насаживает разные приманки. Но для праздного человека не нужно никаких, он идет на голый крючок.

4

Европеец восхваляет перед китайцем преимущество машинного производства: "Оно освобождает человека от труда". Но труд есть благо. Освобождение от труда было бы великим бедствием, отвечает китаец.

5

Всякий ручной труд облагораживает человека. Не обучать сына ручному труду -- все равно что приготовлять его к грабежу.

Талмуд.

Без упражнения своих мускулов не может жить животное, не может жить и человек.

Для того же, чтобы упражнение это удовлетворяло, радовало, надо упражнять его на полезное, и лучше всего на служение другим. Это лучшее его употребление.

8-е марта

Молитва -- это напоминание себе своего отношения к бесконечному, к богу.

1

Жизнь путает, раздражает нас, рассеивает наши мысли. От этого-то и бывает так полезна для души молитва. Молитва -- это крепительное лекарство, оно возвращает нам мир и мужество. Она напоминает нам наши грехи, нашу обязанность прощения всех, она говорит нам: "Ты любим -- люби; ты получил -- давай; ты должен умереть -- делай свое дело; побеждай гнев великодушием, зло добром. Что нужды до ложного суждения людей о тебе. Ты не обязан ни угождать им, ни иметь успех. Делай, что должно; пусть будет, что будет. Твой свидетель -- твоя совесть, а твоя совесть -- это бог, который говорит в тебе. Вспоминай и освежай в себе все это -- в этом молитва".

Амиель.

2

Знай, что мы молимся богу и выражаем пред ним свои желания не потому, чтобы его воля подлежала изменению, но потому, что, обращаясь к нему, мы тем самым признаем его, а признавая его власть, душа наша очищается и возвышается.

Талмуд.

3

Молитва обращается к личному богу не потому, что бог личен (я даже знаю наверно, что он не личен, потому что личность есть ограниченность, а бог беспределен), а потому, что я -- личное существо.

У меня зеленое стеклышко на глазу, и я все вижу зеленым; не могу не видеть мира зеленым, хотя и знаю, что он не гаков.

4

Молитва -- это выяснение своего отношения к началу всего; это выяснение своей связи с людьми, своих обязанностей к ним, как к детям одного с нами отца, сведение счетов с самим собою по всем своим действиям и обсуждение своего темного прошлого для того, чтобы уберечься в будущем от ошибок прошедшего.

Талмуд.

5

Хорошо молиться в определенное время. Но если не можешь собраться с мыслями, лучше не молись, не повторяй слова одним языком.

6

Хороша и нужна молитва в уединении, но нужнее всего молитва среди шума людского, когда ты взволнован, увлечен, раздражен. Вспомнить в такие минуты о своей душе и о боге -- в этом самая нужная и лучшая молитва.

Не думай, что можно угодить богу молитвой, а не повиновением ему. Молитва -- это только напоминание себе о том, что ты такое и в чем твое дело жизни.

9-е марта

Война и христианство несовместимы.

1

Стоит человеку сказать себе про дурное дело, что хотя я и знаю, что это дело дурно, нельзя не делать его, -- стоит человеку сказать себе это, и он будет делать самые ужасные дела и не только думать, что дела эти можно делать, но будет еще и гордиться ими. Одно из таких ужасных дел -- война.

2

Вооруженный мир и война если и будут когда-либо уничтожены, то никак не царями, не сильными мира. Война слишком выгодна для них. Война прекратится только тогда, когда те, кто больше всего страдают от войны, поймут, что их судьба в их же руках, и для своего освобождения от бедствий войны употребят самое простое и естественное средство: перестанут повиноваться тем, кто вовлекает их в войну, делает их солдатами.

По Хардюэну.

3

Тем, которые, не понимая нашей веры, хотят, чтобы мы взяли в руки оружие и убивали людей ради общего дела, мы можем ответить: "Ваши жрецы, приставленные к вашим идолам и вашим храмам, блюдут свои руки чистыми для того, чтобы жертвы, которые они приносят вашим богам, совершались бы руками чистыми, не оскверненными кровью и убийством. Какая бы ни началась война, вы никогда не зачисляете их в войско. Если этот обычай разумен, то не гораздо ли еще разумнее то, чтобы мы, христиане, соблюдали свои руки чистыми от всякого осквернения".

Когда мы нашими увещаниями поощряем народы к ненарушению союзов и условий мира, мы гораздо полезнее властителям, чем их воины. Мы истинно участвуем в трудах, имеющих целью общественное благо, когда к нашим увещаниям мы присоединяем еще размышления и упражнения, поучающие людей освобождению от похотей. Да, мы более всех других воюем за благо императора. Правда, мы не служим под его знаменами и не будем служить, если бы он и заставил нас, но мы сражаемся за него добрыми делами.

Ориген (писатель первой половины 3 века).

4

Иисус положил основание новому обществу. До него на принадлежали одному или многим господам, как стада принадлежат своим хозяевам. Князья и сильные мира давили народ всей тяжестью своей гордости и корыстолюбия. Иисус кладет конец этому неустройству, поднимает согбенные головы, освобождает рабов. Он научает их тому, что, будучи равными перед богом, люди свободны, что никто не может иметь сам по себе власти над своими братьями, что равенство и свобода, божественные законы человеческого рода, ненарушимы; что власть не может быть правом; что в общественном устройстве она есть должность, служение, некоторого рода рабство, свободно принятое на себя ввиду общего блага. Таково общество, которое устанавливает Иисус. Это ли мы видим в мире? Это ли учение царствует на земле? Слуги или господа -- князья народов в

нашем мире? В продолжение 19 веков поколение за поколением передают друг другу учение Христа и говорят, что верят в него, а что же изменилось в мире? Народы, задавленные и страдающие, все ждут обещанного освобождения, и не оттого, чтобы слово Христа было неверно или недействительно, но оттого, что народы или не подняли, что осуществление учения должно совершиться их собственными усилиями, их твердой волей, или, заснувши в своем унижении, не сделали того одного, что дает победу, не готовы умереть за истину. Но они проснутся. Уже что-то шевелится среди них; они слышат голос, который говорит: спасение близко.

Ламенэ.

Человек вообще, и в особенности христианин, обязан не участвовать в войне и в приготовлениях к ней ни лично, ни деньгами, ни рассуждениями о ней.

10-е марта

То, что дает жизнь, едино во всем.

1

Все живое боится мучения, все живое боится смерти; пойми самого себя во всяком живом существе, не мучай и не убивай, не причиняй страданий и смерти.

Все живое хочет того же, чего и ты, все живое дорожит своей жизнью; пойми же самого себя во всяком живом существе.

Буддийская мудрость. [Дхаммапада].

2

Все, что ты видишь, все, в чем есть божественное и человеческое, -- все это едино: мы -- члены одного великого тела. Природа создала нас родными, произведя нас на свет из одного и того же материала и для одной и той же цели. Она заложила в нас взаимную любовь и сделала нас общительными, дружелюбными; утвердила в нас стремление к справедливости и чувство долга; по его установлению, губить хуже, чем гибнуть; по ее велению, рука должна быть всегда готова на помощь. Мы рождены для единения. Наш союз подобен каменному своду, который рухнул бы, если бы камни не опирались друг на друга.

Сенека.

3

Счастие свое человек находит только в служении ближним, и благодаря этому служению он становится един с основой жизни мира.

4

Единство свое с человеком я живо сознаю и чувствую. Такое же единство я чувствую (хотя и слабее) между собой и животным. Еще слабее я чувствую его с насекомыми, с растениями, и сознание этого единства совершенно исчезает у меня по отношению к микроскопическим и телескопическим существам. Но то, что у меня нет чувственного органа для познания этого единства, не доказывает того, чтобы оно не существовало.

5

Путь жизни -- один, и все мы рано или поздно сойдемся , на этом пути. Знание этого пути слишком ясно заложено в наше сердце, слишком широка

и заметна эта дорога для того, чтобы не попасть на нее. В конце дороги этой -- бог, и он зовет нас к себе, и как больно смотреть на людей, когда они идут мимо этой дороги, дорогою смерти. Путь жизни широк, но многие не знают его и идут дорогою смерти.

По Гоголю.

Отгоняй от себя все то, что мешает тебе чувствовать твою связь со всем живым.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

I

ЕДИНЕНИЕ

"Каждая личность есть существо, вполне отдельное от всех остальных. Истинное мое бытие -- лишь во мне самом, все же остальное -- не я и мне чуждо". Вот познание, истинность которого удостоверяют плоть и кости, которое лежит в основе всякого себялюбия и реальным выражением которого служит каждый нелюбовный, несправедливый или злобный поступок.

"Мое истинное внутреннее существо живет во всем живом столь же непосредственно, как в моем самосознании оно раскрывается лишь мне самому". Это познание, выражающееся в санскрите неизменной формулой tat-twam-asi, т.е. "все это ты", проявляется в виде сострадания, на котором основывается поэтому всякая истинная, т.е. несвоекорыстная, добродетель и реальным выражением которого служит каждый добрый поступок. На это-то познание и рассчитывает в конце концов всякий призыв к кротости, человеколюбию, милосердию, ибо подобного рода призыв есть напоминание о такой точке зрения, с которой все мы -- одно и то же существо. Напротив, себялюбие, зависть, ненависть, гонение, черствость, мщение, злорадство, жестокость основаны на том, первом познании и держатся его. Умиление и восторг, который мы ощущаем, слыша, еще больше -- видя, а

больше всего -- совершая благородный поступок, имеет свое глубочайшее основание в том, что он вселяет в нас уверенность в том, что под множественностью и разнообразием личностей кроется их единство, действительно существующее и доступное нам, так как оно обнаружилось на деле.

Проявление того или другого рода познания из этих двух сказывается не только в отдельных поступках, но и во всем свойстве сознания и состояния духа людей. У человека с добрым характером сознание это совсем иное, чем у человека с злым характером. Человек с злым характером всюду чувствует твердую перегородку между собой и всем, что вне его. Мир для него -- не я, и его отношение к нему -- с самого начала враждебное; потому основное настроение его всегда -- неприязненность, подозрительность, зависть, злорадство. Человек же доброго характера живет не в себе одном, а во внешнем мире, который он сознает односущным себе; другие для него -- не не я, а "все я же и я". И потому его отношение к каждому -- всегда дружественное: он чувствует свое родство со всеми существами, принимает непосредственное участие в их благополучии и несчастии и доверчиво предполагает и в них ту же участливость. И в нем твердо укрепляются мир и то уверенное, покойное, довольное состояние духа, от которого каждому делается хорошо вблизи него.

Шопенгауэр.

II

МОРСКОЕ ПЛАВАНИЕ

Я плыл из Гамбурга в Лондон. Нас было двое пассажиров: я да маленькая обезьяна, самка из породы уистити, которую один гамбургский купец отправлял в подарок своему английскому компаньону.

Она была привязана тонкой цепочкой к одной из скамеек на палубе и металась и пищала жалобно, по-птичьи.

Всякий раз, когда я проходил мимо, она протягивала мне свою черную холодную ручку и взглядывала на меня своими грустными, почти человеческими глазенками. Я брал ее руку, и она переставала пищать и метаться.

Стоял полный штиль. Море растянулось кругом неподвижной скатертью

свинцового цвета.

Непрестанно и жалобно, не хуже писка обезьяны, звякал небольшой колокол у кормы.

Изредка всплывал тюлень и, круто кувыркнувшись, уходил под едва возмущенную гладь.

А капитан, молчаливый человек с загорелым сумрачным лицом, курил короткую трубку и сердито плевал в застывшее море.

На все мои вопросы он отвечал отрывистым ворчанием; поневоле приходилось обращаться к моему единственному спутнику -- обезьяне.

Я садился возле нее; она переставала пищать и опять протягивала мне руки.

Снотворной сыростью обдавал нас обоих неподвижный туман; и, погруженные в одинаковую бессознательную думу, мы пребывали друг возле друга словно родные.

Я улыбаюсь теперь... но тогда во мне было другое чувство.

Все мы -- дети одной матери, и мне было приятно, что бедный зверок так доверчиво утихал и прислонялся ко мне, словно к родному.

Ив. Тургенев.

11-е марта

Как пища есть необходимое условие жизни отдельного человека, так брак есть необходимое условие жизни человечества; и как злоупотребление пищей порождает зло для отдельного человека, так и злоупотребления брака порождают величайший вред для отдельного человека и для человечества.

1

Сожительство, последствием которого может быть деторождение, есть истинный, действительный брак; всякие же обряды, заявления, условия не составляют брака и употребляются большею частью для того, чтобы признать все предшествующие сожительства не браком.

2

Ты можешь пренебречь своею обязанностью перед супругом или супругой, можешь избавиться от той печали, которую дают тебе эти обязанности, можешь уйти. Но что же ты найдешь?

Ту же печаль, но без сознания исполненной обязанности.

Джордж Элиот.

3

Брак, как условие, есть обязательство двух людей разных полов иметь детей только друг от друга. Нарушение этого условия есть обман, измена и преступление.

4

Великое дело то, когда две души чувствуют, что они соединены навеки с тем, чтобы поддерживать друг друга во всяком труде, во всяком горе, помогать друг другу во всяком страдании и быть соединенным друг с другом в те молчаливые невыразимые минуты последнего прощания.

Джордж Элиот.

5

Какого великого блага могут достигнуть два любящие супруга, если они поставят своей целью совершенствование и будут помогать в этом друг другу: напоминанием, советом, примером?

6

И приступили ко Христу фарисеи и, искушая его, говорили ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею?

Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью (Быт. 1, 27; 2, 24). Так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что бог сочетал, того человек да не разлучает.

Мф. гл. 19, ст. 3, 4, 5, 6.

7

Всякий, разводящийся с женою своею и женящийся на другой, прелюбодействует, и всякий, женящийся на разведенной с мужем, прелюбодействует.

Лк. гл. 16, ст. 18.

Соединение мужчины и женщины для продолжения рода человеческого есть дело такое великое и важное и для каждого отдельного человека, и для всего человечества, что делать его нельзя кое-как и как кому вздумается и как кому приятно, а надо делать его так, как решили о нем и обдумали его жившие прежде нас мудрые и святые люди.

12-е марта

Дела человека -- его жизнь. И дела его становятся его судьбой, хорошей или дурной. В этом закон нашей жизни, и потому для человека важнее всего в мире то, что он сейчас делает.

Индийская Агни Пурана.

1

У персиян есть такой рассказ:
Душа после смерти летела на небо, и вот навстречу ей появилась ужасная женщина, безобразная, грязная, вся в гнойных ранах. "Зачем ты здесь, такая отвратительная и мерзкая, хуже всякого дьявола? -- спросила душа. -- Кто ты?" Ужасная женщина отвечала:
-- Я -- твои дела.

2

Делать добрые дела, быть милосердным, кротким, смиренным, говорить хорошие речи, желать добра другим, иметь чистое сердце, всегда поучаться, всегда говорить правду, удерживать гнев, быть терпеливым и довольным, быть дружелюбным, стыдливым, уважительным к старым, почитать родите лей и учителей -- все это друзья добрых и враги злых.
Говорить неправду, красть, нечистым взглядом смотреть на женщин, обманывать, браниться, желать зла ближнему, быть гордым, праздным, клеветником, скупым, непочтительным, бесстыдным, горячим, брать чужое, быть мстительным, упрямым, завистливым, делать зло ближнему, быть суеверным -- все это друзья злого и враги доброго.

Персидский катехизис.

3

Важны не рассуждения о доброй жизни, а добрые дела.

Талмуд.

4

Никогда не откладывай доброго дела, если можешь сделать его нынче, потому что смерть не разбирает того, сделал ли или не сделал человек то, что должно. Смерть никого и ничего не дожидается. У нее нет ни врагов, ни друзей.

Индийская Агни Пурана.

5

Когда ты явился на свет, ты плакал, а кругом все радовались; сделай же так, чтобы, когда ты будешь покидать свет, все плакали, а ты один улыбался.

Индийское изречение.

6

Только когда исполнишь ту истину, которую знаешь, откроется тебе новая истина.

Люси Малори.

Как ни сильно влияние прошедших дел на направление жизни, человек все-таки всегда усилием духа может изменить его.

13-е марта

Условие мудрости -- нравственная чистота; последствие ее -- душевный

мир.

1

Хороший человек заботится больше о том, чтобы делать то, что должно, чем о том, что с ним случается. Делать то, что должно, -- мое дело, говорит такой человек, то, что случается, -- дело божье. И что бы ни случилось, ничто не может помешать мне делать то, что я должен.

2

Человек, который поставит себе за правило делать то, что ему хочется, недолго будет хотеть делать то, что делает.

3

Когда мы чувствуем себя всего слабее телом, мы можем быть всего сильнее духом.

Люси Малори.

4

Самым лучшим доказательством мудрости является непрерывно хорошее расположение духа.

Монтэнь.

5

Делай только то, что духовно поднимает тебя, и будь уверен, что этим

самым ты более всего можешь быть полезен обществу.

6

Когда что-либо тебя огорчает и мучает, подумай: 1) как много еще более неприятного могло бы с тобою случиться и случается с другими людьми; 2) вспомни, как в прежнее время огорчали и точно так же, как теперь, мучили тебя события или обстоятельства, о которых теперь ты вспоминаешь спокойно и совершенно равнодушно, и 3) главное -- подумай о том, что то, что огорчает и мучит тебя, есть только испытание, на котором ты можешь проявить свою духовную силу и укрепить ее.

7

Души людей бывают временами в состоянии наибольшего совершенства, временами же в состоянии наибольшей развращенности. Дорожи хорошими часами, удерживай их и прогоняй от себя дурные и тогда все чаще и чаще будешь жить хорошими часами и реже и реже дурными.

По Бэкону.

8

Мудрым может быть только тот, кто не считает себя мудрым. А не считает себя мудрым только тот, кто всегда видит перед собой совершенство бога.

9

Очень богат тот, кому нечего терять.

Китайская пословица.

Мудрость бесконечна -- чем дальше подвигаешься к ней, тем она становится нужнее.

Человек всегда может делаться лучше.

14-е марта

Любовь влечет людей к единению; разум, единый у всех, утверждает это единение.

1

Человек мыслит -- так он создан. Ясно, что он должен мыслить разумно. Разумно мыслящий человек прежде всего думает о том, для какой цели он должен жить: он думает о своей душе, о боге. Посмотрите же, о чем думают мирские люди? О чем угодно, только не об этом. Они думают о плясках, о музыке, о пении; они думают о постройках, о богатстве, о власти; они завидуют положению богачей и царей. Но они вовсе не думают о том, что значит быть человеком.

Паскаль.

2

Одна из главных обязанностей человека состоит в том, чтобы заставить светить во всю силу то светлое начало разума, которое мы получаем от неба.

Китайская мудрость.

3

Только то, что признают и не могут не признавать все люди, только то есть проявление истинного разума.

4

Кто хочет сделаться истинным человеком, тот должен отбросить угождение миру; кто хочет жить истинной жизнью, тот пусть не руководится тем, что принято считать добром, а пусть тщательно доискивается, где и что есть истинное добро. Нет ничего святее и производительнее самостоятельной душевной пытливости. Прежде всего установите в себе такое отношение к явлениям жизни, а потом уже решайте сами для себя все возникающие вопросы.

Эмерсон.

5

Мы оскорбляем истину, когда, сомневаясь в ее силе, разрешаем или запрещаем выражение тех или других мыслей. Пусть истина и ложь вступают врукопашную: истина непобедима в свободной и равной борьбе. Опровержением лжи она уничтожает ее лучше всяких запрещений.

Мильтон.

6

Наше церковное христианство построено на пустых и шатких основаниях; полагающиеся на него находятся в постоянной опасности и всегда чего-то боятся. Сильно выраженное сомнение, потрясающее все его основы, вызывает гром и молнии со стороны представителей церкви, и чем основательнее сомнения, тем сильнее тревога.

Разве люди боятся, чтобы горы провалились? Церковное же предание

ежеминутно готово разрушиться. "Может -- справедливо, может -- нет" -- вот все, что могут о нем сказать люди, полагающиеся на него. Тем не менее из него сделали основу религии. Авторитет принимается за истину, и слепое доверие стало сущностью религии.

Паркер.

Ничто не может изменить решения разума. Все, что мы знаем, мы знаем через разум. И потому не верь тем, которые говорят, что не надо следовать разуму. Те, которые говорят так, подобны людям, которые советовали бы затушить свет единственного фонаря, руководящего нами во мраке.

15-е марта

Только тот знает истинную любовь, кто любит людей неприятных, враждебных. Проверка истинной любви -- любовь к врагам.

1

Любить человека, любящего нас, приятного нам можно человеческой любовью; но только врага можно любить божескою. Любя человеческой любовью, можно от любви перейти к ненависти; но божеская любовь не может измениться. Ничто, даже смерть, не может разрушить ее. Она есть сущность души.

2

Если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая нам за то благодарность? ибо и грешники то же делают. И если взаймы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за это благодарность? ибо и грешники дают взаймы грешникам, чтобы получить обратно столько же.

Но вы любите врагов ваших и благотворите и взаймы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами всевышнего, ибо он благ и к неблагодарным и злым. Итак, будьте милосерды, как и отец ваш милосерд.

Лк. гл. 6, ст. 33--36.

3

Любите врагов ваших -- и не будет у вас врага.

Учение 12 апостолов.

4

"Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего (Лев. 19, 17--18). А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас; да будете сынами отца вашего небесного; ибо он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных".

Мф. гл. 5, ст. 43--45.

Если бог равняет всех людей, не делает разницы между злыми и добрыми -- а он знает сердца людей, -- как можем мы, не зная того, что делается в сердцах людей, по одной видимости разделять их и любить одних и не любить других.

5

Страстность предпочтения одних людей другим, называемая неверно любовью, есть только дичок, на котором может быть привита истинная

любовь и дать плоды ее. Но как дичок не есть яблоня и не дает плодов или дает плоды горькие вместо сладких, так и пристрастие не есть любовь и не дает добра людям или производит еще большее зло.

6

Росток любви, при появлении своем нежный, не терпящий прикосновения, могуществен только при своем разроете. Все, что будут делать над ним люди, только хуже для него. Ему нужно одно -- чтобы ничто не скрывало от него солнца разума, которое одно возвращает.

7

Совершеннейший из людей тот, кто любит всех ближних своих и делает им добро без разбора, хороши ли они или дурны.

Магомет.

8

Противополагай кротость развращенности: острый меч не разрезает мягкий шелк.

Нежными словами и добротой можно на волоске вести слона.

Саади.

Всякий раз, когда кто-нибудь обидит тебя и ты почувствуешь зло к человеку, постарайся вспомнить о том, что все люди одинаковые сыны божии и что, как бы ни был тебе неприятен человек, ты не должен переставать любить его, как брата, такого же, как и ты, сына божия.

16-е марта

Главное зло науки нашего времени в том, что она, не будучи в состоянии изучать все и не зная, без помощи религии, *что должно* изучать, изучает только *нужное* и *приятное* для самих людей науки, живущих неправильной жизнью.

Нужнее же всего им -- существующий, выгодный для них порядок.

Приятнее же -- удовлетворение праздной любознательности.

1

Изучение естественной истории дошло наконец в Германии до безумия. Хотя для бога насекомое и человек -- равноценны, однако для нашего разума это не так. Как много должен человек привести в порядок, прежде чем он дойдет до птиц и мотыльков! Изучи свою душу; приучи свой ум к осторожности в суждениях, сердце -- к миролюбию. Научись познавать человека и вооружись мужеством говорить правду на благо твоих ближних. Навостри ум свой математикой, если не найдешь для этого никакого иного средства; остерегайся только классификации букашек, поверхностное знание которой совершенно бесполезно, а точное уводит в бесконечность.

"Но бог бесконечен в насекомом так же, как и в солнце", -- скажешь ты. Я охотно признаю это. Он неизмерим и в песке морском, разновидностей которого еще никто не систематизировал. Если ты не чувствуешь особенного призвания ловить жемчуг в тех странах, где этот песок находится, оставайся здесь и возделывай свое поле: оно потребует всего твоего прилежания, и не забывай, что вместимость твоего мозга конечна. Там, где сидит какая-нибудь история бабочки, нашлось бы, может быть, место для мыслей мудрецов, которые могли бы вдохновить тебя.

Лихтенберг.

2

Мудрость не в том, что много знать. Всего знать мы никак не можем. Мудрость не в том, чтобы знать как можно больше, а в том, чтобы знать, какие знания самые нужные, какие менее и какие еще менее нужны. Из

всех же знаний, нужных человеку, самое важное знание того, как жить хорошо, т.е. жить так, чтобы делать как можно меньше зла и как можно больше добра. В наше же время люди учатся всяким ненужным наукам, а не учатся этой одной, самой нужной.

3

В чем самая великая дерзость? В том, чтобы не допускать для бога таких соображений, которые непонятны нам.

Кальвин.

4

Много говорит тот, кто мало знает; кто знает, тот больше молчит.

Бывает это оттого, что кто мало знает, считает важным все то, что он знает, и хочет рассказать это всем. Тот же, кто много знает, знает и то, что можно знать еще гораздо больше того, что он знает, и потому говорит только, когда это нужно другим, а если его не спрашивают -- молчит.

По Руссо.

5

Когда истинный ученый поймет требования разума, он старается осуществить их. Когда обыкновенный ученый услышит о требованиям разума, он временами будет удовлетворять им, временами осуществляя, временами же не осуществляя их. Когда плохой ученый услышит о требованиях разума, он глумится над ними. Если бы над разумом не глумились, разум не был бы разумом.

Лао-Тсе.

6

Значительным и необходимым доказательством ума и понимания служит уже то, если человек знает, какие вопросы можно задавать. Ибо если вопрос сам по себе нелеп и вызывает ненужные ответы, то такой вопрос, кроме того, что он срамит того, кто его задает, имеет еще и то неудобство, что неосторожный слушатель невольно даст на него нелепый ответ. И получится смехотворное зрелище, как один, по словам древних, доит козла, а другой подставляет решето.

Кант.

Если бы все знания были знания истины, то всякое знание было бы полезно. Но так как за знание часто выдаются знания ложных рассуждений людей, то нельзя быть достаточно строгим в выборе тех знаний, которые хочешь приобрести.

17-е марта

Спасение от дурного устройства мира только в одном -- в распространении среди людей истинной веры.

1

Никогда не было ни одного серьезного шага в деле усовершенствования человеческого общества без того, чтобы главная причина этого усовершенствования не была бы вера. И потому всякое учение, не основанное на вере, всегда было и будет бессильно улучшить общественный строй. Ему, может быть, удастся создать прекрасные формы, но этим форумам будет вечно недоставать той искры, которую Прометей похитил с неба.

Мадзини.

2

"Ищите прежде всего царства божия и правды его, и все остальное приложится вам". Первый шаг к естественному и здоровому устройству общества всегда в обеспечении за всеми людьми их естественных, равных и неотчуждаемых прав на материальный мир. Достигнуть этого не значит сделать все необходимое, но значит сделать все остальное более легким. И пока это не будет достигнуто, ничто другое не принесет никакой пользы.

Генри Джордж.

3

Общество не может существовать без общей веры и общей цели; общественная деятельность должна заключаться в приложении к. жизни начал, установленных религией.

Мадзини.

4

Апостолы жили так, что у всех было одно сердце и одна душа. А если бы они были несогласны между собою, то никто не знал бы о Христовой вере. Ведь и теперь язычники не принимают христианства потому, что не видят в христианах единения и любви. Ничто не привлекает так людей, как добродетель, и ничто так не отталкивает, как порок. От этого и отвращаются люди от христианства, потому что, когда человек видит, что тот, кому заповедано любить и врагов, лихоимствует, грабит, воюет, возбуждает ко вражде и обращается с людьми как с дикими зверями, он не может верить учению о любви. Когда же видит, что христианин боится смерти, то уже никак не поверит в бессмертие. Мы, христиане, виноваты в том, что они не верят в Христово учение. Может быть, мы скажем: "Берите пример с старинных святых людей". Но люди хотят видеть добродетельных теперешних людей. Покажи нам, говорят, веру от дел твоих, а дел нет. Напротив, они видят, что мы хуже зверей терзаем ближнего своего. Вот что

удерживает людей от христианского учения. Мы говорим, что исповедуем его, а только отпугиваем от него людей.

По Иоанну Златоусту.

5

Христианство, если только оно искренно принято, действует как самый страшный динамит, разрывая все старое и открывая новые бесконечные горизонты.

Если ты видишь, что устройство общества дурно и ты хочешь исправить его, то знай, что для этого есть только одно средство: то, чтобы все люди стали лучше; а для того, чтобы люди стали лучше, в твоей власти только одно: самому сделаться лучше.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ НАСИЛИЕМ

"Вы слышали, что сказано: "око за око и зуб за зуб". А я говорю вам: "не противься злому" (Мф., гл. 5, ст. 38, 39).

Христос учит тому, чтобы не противиться злу. Учение это истинно, потому что оно вырывает с корнем зло из сердца и обиженного и обижающего. Учение это запрещает делать то, от чего умножается, а не прекращается зло в мире. Когда один человек нападает на другого, обижает его, он этим зажигает в другом чувство ненависти, корень всякого зла. Что же нам сделать, чтобы потушить это чувство зла? Неужели сделать то самое, что вызывает это чувство зла, -- обидеть другого, т.е. повторить дурное дело? Поступить так -- значит вместо того, чтобы изгнать дьявола, усилить его. Сатану нельзя изгнать сатаною, неправду

нельзя очистить неправдою, и зло нельзя победить злом.

Поэтому *непротивление* злу злом есть единственное средство победить зло. Оно убивает злое чувство и в том, кто сделал зло, и в том, что понес его.

"Но, спрашивают, если мысль учения и верна, то исполнимо ли оно?" Так же исполнимо, как всякое добро, предписываемое законом божьим. Добро во всех обстоятельствах не может быть исполняемо без самоотречения, лишения, страдания и, в крайних случаях, без потери самой жизни. Но тот, кто дорожит жизнью более, чем исполнением воли бога, уже мертв для единственной истинной жизни. Такой человек, стараясь спасти свою жизнь, потеряет ее. Кроме того, и вообще там, где непротивление стоит пожертвования одною жизнью или каким-нибудь существенным благом жизни, противление стоит тысячи таких жертв.

Непротивление сохраняет, противление разрушает.

Несравненно безопаснее поступать справедливо, чем несправедливо; сносить обиду, чем противиться ей насилием, -- безопаснее даже в отношении к настоящей жизни. Если бы все люди не противились злу злом, наш мир был бы блажен.

"Но когда лишь немногие будут так поступать, что станется с ними?" Если бы так поступал даже только один человек, а все остальные согласились бы распять его, то не более ли славно было бы ему умереть, молясь за врагов своих, чем быть царем, нося корону, обрызганную кровью убитых? Но один ли или тысячи людей твердо решили не противиться злу злом -- все равно, они, среди просвещенных ли или среди диких ближних, гораздо больше безопасны от насилия, чем те, которые полагаются на насилие. Разбойник, убийца, обманщик скорее оставит их в покое, чем тех, кто сопротивляется оружием. Взявшие меч от меча погибнут, а ищущие мира, поступающие дружественно, безобидно, забывающие и прощающие обиды большею частью наслаждаются миром или если умирают, то умирают благословляемыми.

Таким образом, если бы все соблюдали заповедь непротивления, то, очевидно, не было бы ни обиды, ни злодейства. Если бы таких было большинство, то они установили бы управление любви и доброжелательства даже над обижающими, никогда не противясь злу злом, никогда не употребляя насилия. Если бы таких людей было довольно многочисленное меньшинство, то они оказали бы такое нравственное влияние на общество, что всякое жестокое наказание было бы отменено, а насилие и вражда заменились бы миром и любовью. Если бы их было только малое меньшинство, то оно редко испытывало бы что-нибудь худшее, чем презрение мира, а мир между тем, сам того не чувствуя и не будучи за то благодарен, постоянно становился бы мудрее и лучше.

И если бы, в самом худшем случае, некоторые из членов меньшинства

были бы гонимы до смерти, то эти погибшие за правду оставили бы по себе свое учение, уже освященное их мученической кровью.

Балу (1).

---

(1) Руководитель одной из американских духовных общин Адин Балу, скончавшийся в августе 1890 года, в продолжение 50 лет писал и издавал книги преимущественно о вопросе непротивления злу насилием. В сочинениях этих, прекрасных по ясности и красоте изложения, вопрос рассмотрен со всех возможных сторон. Одним из главных сочинений его является "Катехизис непротивления".

18-е марта

Осуждение другого всегда неверно, потому что никто никогда не может знать того, что происходило и происходит в душе этого другого.

1

Мы часто судим о людях: одного называем добрым, другого злым, одного глупым, другого умным. А этого нельзя делать. Человек течет, как река. Он каждый день тот же и не тот же: был глуп, стал умен; был зол, стал добр, и наоборот. Нельзя судить человека. Ты осудил, а он уже другой.

2

Если ты так счастлив, что всегда говоришь только то, что есть на самом деле, отвергаешь то, что ложно, сомневаешься только в том, что сомнительно, желаешь только добра и пользы, то ты не будешь негодовать на злых и безрассудных людей.

"Да ведь они воры и мошенники!" -- говоришь ты. А что такое вор и мошенник? Ведь это человек порочный и заблудший. А такого человека жалеть надо, а не гневаться на него. Если ты можешь, то убеди его в том, что для него самого нехорошо так жить, как он живет, и он перестанет делать зло. А если он еще не понимает этого, то неудивительно, что он скверно живет.

"Но неужто, -- скажешь ты, -- таких людей не должно наказывать!" Не говори так. А лучше скажи: этот человек заблуждается в том, что важнее всего на свете. Он слеп не телесной слепотой, но духовной. И как только ты себе скажешь это, так ты и поймешь, как ты был жесток к нему. Если у человека глаза заболели и он лишился зрения, то ведь ты не скажешь, что его надо за это наказать. Так почему же ты хочешь наказать такого человека, который лишен того, что дороже глаз, лишен самого большого блага -- умения жить разумно? Не сердиться нужно на таких людей, а только жалеть их. Пожалей же этих несчастных и старайся, чтобы их заблуждения не обозлили тебя. Вспомни, как часто ты сам заблуждался и согрешал, и понегодуй лучше на себя за то, что в душе твоей гнездятся злоба и жестокость.

Эпиктет.

3

Если будешь помнить свои собственные недостатки и будешь стараться исправлять их, то и в мысль не придет осуждать других, да и некогда будет.

4

Не осуждай ближнего своего, пока не будешь на его месте.

Талмуд.

5

Прощай другим многое, себе ничего.

Публилий Сириус.

Я знаю про себя, что я не хочу делать зла, а если и делаю, то оттого, что не могу удержаться. Все другие, если они делают зло, то также оттого, что не могут удержаться. Так зачем я думаю об них дурное и осуждаю их?

19-е марта

Как превратно должно быть то устройство мира, при котором люди богатые, живущие трудами бедных, обстраиваемые, питаемые, одеваемые бедными, могут думать, что они -- благодетели бедных!

1

Падает камень на кувшин -- горе кувшину, падает кувшин на камень -- горе кувшину; так или иначе, все горе кувшину.

Талмуд.

2

Если богатые люди могут благодетельствовать бедным своим богатством, то это происходит оттого, что правительство, покровительствуя некоторым, вводит имущественное неравенство и тем порождает необходимость в благотворительности. А при таких условиях помощь, которую богатый окажет бедному, заслуживает ли вообще имени благотворительности, которой любят кичиться, как заслугой?

Кант.

3

Удовольствия богачей приобретаются слезами бедняков.

4

Пусть мы не похищаем золота и стольких-то десятин земли; но все же посредством какого-нибудь обмана и утайки делаем то же самое в меньших размерах и сколько можем. Когда, например, в торговых обязательствах и при покупке или продаже чего-либо мы спорим и усиливаемся заплатить меньше, чем следует, и всячески стараемся об этом, -- не разбой ли это? Не варварство ли и хищение? Не говори мне, что ты отнял не дом, не рабов. Несправедливость определяется не ценностью того, что похищается, а намерением похитителей. Несправедливость и справедливость имеют одинаковую силу, как в большом, так и в малом. И я одинаково называю вором того, кто, отрезав кошелек, возьмет чужие деньги, так и того, кто, покупая что-нибудь на рынке, удержит часть настоящей цены. И грабитель не тот только, кто разломает стену и похитит что-либо из дому, но и тот, кто нарушит справедливость и отнимет что-либо у ближнего.

Иоанн Златоуст.

5

"Не будь грабителем бедного, потому что он беден", -- говорит Соломон. А между тем это "ограбление бедного, потому что он беден", -- самое обыкновенное дело: богатый всегда пользуется нуждой бедного для того, чтобы заставить его на себя работать или купить то, что он продает, по самой низкой цене.

Ограбление богатого на больших дорогах за то, что он богат, гораздо реже встречается, потому что грабить богатого спасено, бедного же можно

грабить, ничем не рискуя.

Джон Рёскин.

6

Правда, что богатство -- это скопление труда; но обыкновенно один человек производит труд, а другой -- скопление. И это-то мудрыми людьми называется "разделением труда"!

С английского.

Праведное богатство может быть только среди людей достаточных. Там же, где, как у нас, на каждого богача приходятся сотни бедных, нельзя быть праведно богатым.

20-е марта

Тот, кто живет для исполнения воли божией, не может быть чувствительным к суждениям людей.

1

Надо думать так, как будто всякий может видеть то, что делается в нашей душе.

Сенека.

2

Живи открыто.

Огюст Конт.

3

Нехорошо скрывать дурные дела, но еще хуже делать их открыто, гордиться ими.

4

Стыд перед людьми -- хорошее чувство, но лучше всего стыд перед самим собой.

5

Ничто вернее того, чего человек стыдится и чего не стыдится, не показывает ту ступень нравственного совершенства, на которой он находится.

6

Не скрывайте ничего, когда вас спрашивают, но не рассказывайте про свои дурные дела без надобности.

7

Как хорошо бы было, если бы в людях страх перед богом был так же силен, как страх перед людьми. Перед людьми человек надеется скрыть свои дурные дела; перед богом же нельзя скрывать: надо не делать.

8

Перед людьми утаишь, а перед богом не утаишь.

Пословица.

9

Почти всегда дурно то, что люди стараются скрыть.

10

Хорошо скрывать только свои добрые дела.

11

Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы.

Лк. гл. 8, ст. 17.

Живи так, чтобы тебе не было нужды скрывать, а также не было охоты являть перед людьми дела твоей жизни.

21-е марта

Жизнь мы знаем только здесь, в этом мире, и потому если есть смысл в нашей жизни, то он должен быть здесь, в этом мире.

1

Нет успокоения ни тому, кто живет для мирских целей среди людей, ни тому, кто живет для духовных целей один. Успокоение получает только тот, кто живет для служения богу среди людей.

2

Не желай смерти потому, что тебе тяжело жить. Вся тяжесть мира на плечах каждого нравственного существа заставляет его исполнять свое призвание. Единственное средство избавления от этой тяжести -- это исполнение своего призвания. Тебя отпустят, только когда ты сделаешь назначенное тебе дело.

Эмерсон.

3

Жизнь истинная только в настоящем. То, что было, того уже нет, нет и того, что будет, -- есть только то, что сейчас. И об том, чтобы сейчас жить хорошо, только об этом всеми силами души и надо стараться. Если люди учат тому, что в этой жизни надо жить для будущей жизни, не верьте им. Жизнь мы знаем и проживаем только эту. И потому все силы надо направить на то, чтобы эту жизнь -- и не только всю эту жизнь, но всякий час этой жизни прожить как можно лучше.

4

Жизнь -- не страдание и не наслаждение, а дело, которое мы обязаны делать и честно довести его до конца.

Токвиль.

5

Ты страдаешь, и тебе кажется, что ты не можешь жить так хорошо, как бы ты хотел, что ты лучше сделал бы то, что считаешь должным, если бы жизнь твоя была другая. Познай же ту истину, что в этой жизни, в тех условиях, в которых ты сейчас, ты всегда можешь сделать то, что должно.

По Карлейлю.

Здесь, в этом мире, место нашего служения, и потому на исполнение служения здесь и должны быть направлены все наши силы.

22-е марта

Если правда обличает нашу жизнь, то все-таки лучше признать правду, чем скрывать ее: жизнь наша может измениться, правда же всегда останется правдою и не перестанет обличать нас.

1

Нам следовало бы жить, как будто мы на виду у всех. Нам следовало бы мыслить так, как будто бы сокровеннейшие уголки души нашей доступны чьему-либо взору. Зачем скрывать что-либо от людей? От бога скрыть ничего невозможно. Все божеское и человеческое учение сводится к одной истине: к той, что мы все -- члены одного великого тела. Природа соединила нас в одну семью, и все мы созданы так, чтобы сообща, помогая друг другу, проживать нашу жизнь.

По Сенеке.

2

Христианское откровение было учением о равенстве людей, о том, что бог есть отец, а люди -- братья. Оно ударяло в самый корень того ужасного насилия, которое душило цивилизованный мир; оно разбивало цепи рабов и уничтожало ту великую неправду, которая давала возможность кучке людей роскошествовать на счет массы и лишало рабочих людей произведений их труда. Вот почему преследовалось первое христианство, и вот почему, когда стало ясно, что его нельзя уничтожить, правящие классы приняли его и извратили. Оно перестало в своем торжестве быть истинным христианством первых времен и сделалось служителем богатых людей.

По Генри Джорджу.

3

Твой брат по рождению -- разумею рождение духовное -- погибает от голода, а ты изнемогаешь от пресыщения. Брат ходит с обнаженным телом, а ты и для одежд устрояешь одежды, чтобы охранять их от червей чрез такие покровы. А не гораздо ли лучше было бы прикрыть ими тела бедных? Тогда и одежды остались бы целыми, и ты был бы свободен от лишней заботы. Ибо, если не хочешь, чтобы одежды твои съедены были молью, -- отдай их бедным: они умеют хорошо вытряхивать одежды. Если люди, упоенные богатством, заграждают свой слух для моих слов, зато заметят их живущие в бедности. Но как, скажешь, идет это к бедным? Ведь у них нет ни золота, ни многих одежд? Но у них есть хлеб и холодная вода и ноги, чтобы посетить больных: есть язык и слово, чтобы утешить несчастного; дом и кров, чтобы принять странника.

Иоанн Златоуст.

4

Ошибка всех добрых людей в наше время состоит в том, что, вежливо протягивая руку злым, поддерживая их в их зле и часто даже содействуя им, они надеются отвратить последствия зла.

Утром они, чтобы удовлетворить сердечной потребности, помогают нужде двух или трех разоренных семей, а по вечерам обедают с разорителями этих семей, завидуют им и подготовляются следовать примеру богатого спекулятора, разорившего две или три тысячи людей. Таким образом, они разрушают в несколько часов больше, чем в силах исправить в течение десятков лет. Они подобны, в лучшем случае, людям, которые, пытаясь накормить голодающее население в тылу всеистребляющей армии, стараются все более увеличить численность этой армии и быстроту ее передвижения.

Джон Рёскин.

5

Вы толкаете человека в яму и затем говорите ему, что он должен быть доволен тем положением, в которое поставило его провидение. Таково наше современное христианство. Вы говорите: "мы не толкали его". Да, конечно, мы до тех пор не будем сознавать всего, что делаем и чего не делаем, пока каждое утро не будем задавать себе вопроса, как нам в течение дня делать не то, что выгодно, а что свойственно человеку.

Джон Рёскин.

Если правда не указывает нам того, что мы должны делать, то она всегда укажет нам то, что мы не должны делать или должны перестать делать.

23-е марта

Земля, как воздух и солнце, -- достояние всех и не может быть предметом собственности.

1

Вы все странники в этом мире. Иди на север, юг, запад или восток, -- везде, где ты остановишься, найдется человек, который прогонит тебя, говоря: "Это моя земля". И, обойдя все страны мира, вы вернетесь, узнав, что нигде нет несчастного куска земли, где бы ваша жена могла родить и где бы вы могли остановиться возделывать землю, и где ваши дети могли бы похоронить ваши кости.

Ламенэ.

2

Бросить человека посреди Атлантического океана, сказав ему, что он волен идти на берег, было бы не большим издевательством над ним, чем помещение его на земле, сплошь захваченной в частную собственность, сказав ему при этом, что он -- свободный человек, волен работать на себя и пользоваться своим заработком.

Генри Джордж.

3

Незаконное право земельной собственности лишило больше чем половину людей каждого народа их естественного наследия.

Томас Пэм.

4

Поместите сто человек на острове, из которого нет выхода, и сделаете ли вы одного из этих людей полным властелином над остальными 99, или полным властелином земли всего острова, не будет никакой разницы.

Генри Джордж.

5

Разве это не рабство, что хотя в Англии довольно земли, чтобы содержать в десять раз больше людей, чем теперь, все-таки многие должны просить милостыню у своих братьев, или тяжело работать за поденную плату, или умирать с голода, воровать, или быть повешенными, как люди, недостойные жить на земле.

Джерард Винстэнлой.

6

Право на собственность земли означает голод, жажду, отсутствие одежд, труд, потраченный даром, захват произведений готового труда, уничтожение домов, нищету, болезни, смерть родителей, детей, жен, отчаяние и одичание в сердцах бедных, когда законная сила поражает их в самые чувствительные и жизненные права человечества. Все это заключается в праве земельной собственности.

Кардинал Манинг.

Тот, кто владеет земельной собственностью в большем размере того, что

нужно ему для пропитания своего и своей семьи, не только участник, но и виновник той нужды, тех бедствий и того развращения, от которых страдают народные массы.

24-е марта

Только тот, кто исполняет закон бога, познает и самого бога. И чем кто ближе исполняет закон бога, тем яснее и лучше он познает бога.

1

Иисус говорит ей: поверь мне, что наступает время, когда и не на горе сей и не в Иерусалиме будете поклоняться отцу.

Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться отцу в духе и истине, ибо таких поклонников отец ищет себе. Бог есть дух; и поклоняющиеся ему должны поклоняться в духе и истине.

Ин. гл.4, ст. 21, 23. 24.

2

Нет ни одного верующего человека, на которого бы не находили минуты сомнения в существовании бога. И эти сомнения не вредны, напротив, они ведут к высшему пониманию бога.

Тот бог, которого знал, стал привычен, и не веришь больше в него. Веришь вполне в бога только тогда, когда он вновь открывается, а открывается он тебе с новой стороны, когда ты всей душой ищешь его. А сторон -- бесчисленное количество.

3

Моисей говорит богу: "О господи, где я найду тебя?" Бог сказал: "Когда ты ищешь меня, ты уже нашел меня".

У мудреца спросили, почему он знает, что есть бог? Он сказал: "Разве

нужен факел, чтобы видеть солнце?"

Нет у нас слов, чтобы сказать, что такое бог, но мы без слов знаем, что он есть.

Арабская мудрость.

4

Два рода людей знают бога: люди со смиренным сердцем, все равно -- умные ли они или глупые, и люди истинно разумные. Только люди гордые и среднего разума не знают бога.

По Паскалю.

5

Как всякую вещь можно узнать, только близко подойдя к ней, так и бога узнаешь, когда приблизишься к нему. А приблизиться к богу можно только добрыми делами: тем, чтобы исполнять его закон. И чем больше познаешь бога, тем охотнее исполняешь его закон. И чем лучше исполняешь закон, тем ближе узнаешь бога. Одно помогает другому.

У евреев считается грехом называть имя бога. И они правы -- бог есть дух. А всякое имя -- телесно, не духовно.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

СУРАТСКАЯ КОФЕЙНАЯ

Была в индийском городе Сурате кофейная. И сходились туда из разных земель проезжие и иностранцы и часто беседовали.

Зашел туда раз персидский ученый богослов. Он всю жизнь изучал сущность божества и читал и писал о том книги. Долго думал, читал и писал он о боге, зашел у него ум за разум, спуталось у него все в голове, и дошел он до того, что перестал верить в бога.

Узнал про это царь и изгнал его из персидского царства. Так-то, всю жизнь рассуждая о первой причине, запутался несчастный богослов и, вместо того чтобы понять, что у него уже не стало разума, стал думать, что не стало больше высшего разума, управляющего миром.

Был у этого богослова раб африканец, ходивший за ним повсюду. Когда богослов вошел в кофейную, африканец остался на дворе, за дверью, и сел на камень на припеке солнца; он сидел и отгонял от себя мух. А сам богослов лег на диван в кофейной и велел подать себе чашку опиума. Когда он выпил чашку и опиум начал расшевеливать его мозг, он обратился к своему рабу.

-- Что, раб презренный, -- сказал богослов, -- скажи мне, как ты думаешь: есть бог или нет?

-- Разумеется, есть! -- сказал раб и тотчас достал из-за пояса маленького деревянного идола. -- Вот, -- сказал раб, -- вот тот бог, который меня хранит с тех пор, как я живу на свете. Бог этот сделан из сука того самого священного дерева, которому поклоняются все в нашей стране.

Услыхали этот разговор между богословом и рабом бывшие в кофейной и удивились.

Удивительным показался им вопрос господина и еще более удивительным ответ раба.

Один брамин, слышавший слова раба, обратился к нему и оказал:

-- Несчастный безумец! разве можно думать, чтобы бог мог находиться за поясом у человека? Бог есть один -- Брама. И этот Брама больше всего мира, потому что он сотворил весь мир. Брама есть единый, великий бог, тот бог, которому построены храмы на берегах реки Гангеса, тот бог, которому служит его единственные жрецы -- брамины. Одни эти жрецы знают истинного бога. Прошло уже сто двадцать тысяч лет, и сколько ни было переворотов в мире, жрецы эти остаются такими же, какими были всегда, потому что Брама, единый, истинный бог, покровительствует им.

Так сказал брамин, думая убедить всех; но бывший тут же еврейский меняла возразил ему.

-- Нет, -- сказал он. -- Храм истинного бога не в Индии!.. И бог покровительствует не касте браминов! Истинный бог есть бог не браминов, а бог Авраама, Исаака и Иакова. И покровительствует истинный бог только одному своему народу, израильскому. Бог с начала мира не переставая любил и любит один наш народ. И если теперь и рассеян наш народ по земле, то это только испытание, а бог, как и обещал, соберет опять народ свой в Иерусалим, с тем чтобы, восстановив чудо древности.

Иерусалимский храм, поставить израиля владыкой над всеми народами.
Так сказал еврей и заплакал. Он хотел продолжать речь, но бывший тут итальянец перебил его.
-- Неправду вы говорите, -- сказал итальянец еврею. -- Вы приписываете богу несправедливость. Бог не может любить один народ больше других. Напротив, если он даже и покровительствовал прежде Израилю, то вот уже 1800 лет прошло с тех пор, как бог разгневался и в знак своего гнева прекратил существование его и рассеял этот народ по земле, так что вера эта не только не распространяется, но только кое-где остается. Бог не оказывает предпочтения никакому народу, а призывает всех тех, которые хотят спастись, в лоно единой римско-католической церкви, вне которой нет спасения.
Так сказал итальянец. Но бывший тут протестантский пастор, побледнев, отвечал католическому миссионеру:
-- Как можете вы говорить, что спасение возможно только в вашем исповедании? Знайте же, что спасены будут только те, которые, по Евангелию, будут служить богу в духе и истине по закону Иисуса.
Тогда турок, служивший в суратской таможне, который тут же сидел, куря трубку с важным видом, обратился к обоим христианам.
-- Напрасно вы так уверены в истине своей римской веры, -- сказал он. -- Ваша вера уже около шестисот лет тому назад заменена истинною верой Магомета. И как вы сами видите, истинная вера Магомета все больше и больше распространяется и в Европе, и в Африке, и в Азии, и даже в просвещенном Китае. Вы сами признаете, что евреи отвержены богом, и доказательством тому приводите то, что евреи в унижении и вера их не распространяется. Признайте же истинность веры Магомета, потому что она находится в величии и постоянно распространяется. Спасутся только верующие в последнего пророка божия, Магомета. И то только последователи Омара, а не Али, так как последователи Али -- неверные.
При этих словах персидский богослов, принадлежащий к секте Али, хотел возразить. Но в кофейной в это время поднялся великий спор между всеми бывшими тут иностранцами разных вер и исповеданий. Были тут христиане абиссинские, индийские ламы, измаилиты и огнепоклонники.
Все спорили о сущности бога и о том, как нужно почитать его. Каждый утверждал, что только в его стране знают истинного бога и знают, как надо почитать его.
Все спорили, кричали. Один только бывший тут китаец, ученик Конфуция, сидел смирно в углу кофейной и не вступал в спор. Он пил чай, слушал, что говорили, но сам молчал.
Турок, заметив его среди спора, обратился к нему и сказал:
-- Поддержи хоть ты меня, добрый китаец. Ты молчишь, но ты мог бы сказать кое-что в мою пользу. Я знаю, что у вас, в Китае, вводятся теперь

разные веры. Ваши торговцы не раз говорили мне, что ваши китайцы из всех других вер считают магометанскую самой лучшей и охотно принимают ее. Поддержи же мои слова и скажи, что ты думаешь об истинном боге и его пророке.

-- Да, да, скажи, что ты думаешь, -- обратились к нему и другие.

Китаец, ученик Конфуция, закрыл глаза, подумал и потом, открыв их, выпростал руки из широких рукавов своей одежды, сложил их на груди и заговорил тихим и спокойным голосом.

-- Господа, -- сказал он, -- мне кажется, что самолюбие людей более всего другого мешает их согласию в деле веры. Если вы потрудитесь меня выслушать, я объясню вам это примером.

Я выехал из Китая в Сурат на английском пароходе, обошедшем вокруг света. По пути мы пристали к восточному берегу острова Суматры, чтобы набрать воды. В полдень мы пошли на землю и сели на берегу моря в тени кокосовых пальм, недалеко от деревни жителей острова. Нас сидело несколько человек из различных земель.

Пока мы сидели, к нам подошел слепой.

Человек этот ослеп, как мы узнали после, оттого, что слишком долго и упорно смотрел на солнце, потому что захотел понять, что такое солнце. Он хотел это узнать, чтобы завладеть светом солнца.

Бился он долго, пускал в дело все науки: хотелось ему захватить несколько лучей солнца, поймать их и закупорить в бутылку.

Долго он бился и все смотрел на солнце и ничего не мог сделать, а сделалось с ним только то, что от солнца у него заболели глаза, и он ослеп. Тогда он сказал себе:

-- Свет солнечный не жидкость, потому что если бы он был жидкостью, то можно было бы переливать его и он колебался бы от ветра, как вода. Свет солнечный тоже не огонь, потому что, если б это был огонь, он бы тух в воде. Свет тоже не дух, потому что он виден, и не тело, потому что нельзя им двигать. А так как свет солнечный не жидкость, не огонь, не дух, не тело, то свет солнечный -- ничто.

Так он рассудил, и в одно время оттого, что все смотрел на солнце и все думал о нем, потерял и зрение и разум.

Когда же он стал совсем слеп, тогда уже совершенно уверился в том, что солнца нет.

С этим слепцом подошел и его раб. Он посадил своего господина в тень кокосового дерева, поднял с земли кокосовый орех и стал из него делать

ночник. Он сделал светильню из волокна кокосового, выжал из ореха масло в скорлупу и обмакнул в него светильню.

Пока раб делал свой ночник, слепой, вздохнув, сказал ему:

-- Ну что, раб, правду я тебе сказал, что нет солнца? Видишь, как темно. А говорят -- солнце... Да и что такое солнце?

-- А не знаю я, что такое солнце, -- сказал раб. -- Мне нет до него дела. А вот свет знаю. Вот я сделал ночник: мне и будет светло, и тебе могу им службу оказать и все найти в своем шалаше.

И раб взял в руку свою скорлупу. "Вот, говорит, мое солнце". Тут же сидел хромой с костылем. Он услыхал это и засмеялся.

-- Ты, видно, от рождения слеп, -- сказал он слепому, -- что не знаешь, что такое солнце. Я тебе скажу, что оно такое: солнце -- огненный шар, и шар этот каждый день выходит из моря и каждый вечер садится в горах нашего острова; это мы все видим, и ты бы видел, если бы был зрячий.

Рыбак, сидевший тут же, услыхал эти слова и сказал хромому:

-- И видно же, что ты нигде не был дальше твоего острова. Если бы ты был не хром да поездил бы по морю, ты бы знал, что солнце садится не в горах нашего острова, а как выходит из моря, так вечером опять и садится в море. Я говорю верно, потому что каждый день вижу это своими глазами.

Услыхал это индеец.

-- Удивляюсь, -- сказал он, -- как может умный человек говорить такие глупости. Разве возможно, чтобы огненный шар спускался в воду и не потухал? Солнце вовсе не огненный шар, а солнце -- божество, божество это называется Дэва. Божество это ездит на колеснице по небу вокруг золотой горы Мерува.

-- Бывает, что злые змеи Рагу и Кету нападают на Дэва и проглатывают его, и тогда делается темно. Но жрецы наши молятся о том, чтобы божество освободилось, и тогда оно освобождается. Только такие невежественные люди, как вы, никогда не ездившие дальше своего острова, могут воображать, что солнце светит только на их остров.

Тогда заговорил бывший тут же хозяин египетского судна.

-- Нет, -- сказал он, -- и это неправда: солнце не божество и не ходит только вокруг Индии и ее золотой горы. Я много плавал и по Черному морю, и по берегам Аравии, был и на Мадагаскаре и на Филиппинских островах, -- солнце освещает все земли, а не одну Индию; оно не ходит кругом одной Егоры, но оно встает у берегов Японии и потому и острова те называются Я пен, то есть, на их языке, рождение солнца, и садится оно далеко-далеко на западе, за островами Англии. Я это хорошо знаю, потому что и сам видел много и слышал много от деда. А дед мой плавал до самых краев моря.

Он хотел еще говорить, но английский матрос нашего корабля перебил его.

-- Нет земли, кроме Англии, -- сказал он, -- где бы лучше знали о том, как ходит солнце. Солнце, мы все это знаем в Англии, нигде не встает и нигде не ложится. А оно ходит беспрестанно вокруг земли. Мы это хорошо знаем, потому что сами вот только что обошли вокруг земли и нигде не натолкнулись на солнце. Везде оно так же, как здесь, утром показывается и вечером скрывается.

И англичанин взял палку, начертил на песке круг и стал толковать, как ходит солнце по небу вокруг земли. Но он не сумел растолковать хорошо и, показав на кормчего своего корабля, сказал:

-- Он, впрочем, более меня учен и лучше вам все это растолкует.

Кормчий был человек разумный и слушал разговор молча, пока его не спросили. Но теперь, когда все обратились к нему, он начал говорить и сказал:

-- Все вы обманываете друг друга и сами обманываетесь. Солнце не вертится вокруг земли, а земля вертится вокруг солнца, и сама еще вертится, поворачивая к солнцу в продолжение двадцати четырех часов и Японию, и Филиппинские острова, и Суматру, на которой мы сидим, и Африку, и Европу, и Азию, и множество еще других земель. Солнце светит не для одной горы, не для одного острова, не для одного моря и даже не для одной земли, а для многих таких же планет, как и земля. Все это каждый из вас мог бы понять, если бы смотрел вверх на небо, а не себе под ноги и не думал бы, что солнце светит только для одного него или для одной его родины.

Так сказал мудрый кормчий, много ездивший по свету и много смотревший вверх на небо.

-- Да, заблуждения и несогласия людей в вере -- от самолюбия, -- продолжал китаец, ученик Конфуция. -- Что с солнцем, то же и с богом. Каждому человеку хочется, чтобы у него был свой особенный бог или, по крайней мере. Бог его родной земли. Каждый народ хочет заключить в своем храме того, кого не может объять весь мир.

-- И может ли какой храм сравниться с тем, который сам бог построил для того, чтобы соединить в нем всех людей в одно исповедание и одну веру?

-- Все человеческие храмы сделаны по образцу этого храма -- мира божия. Во всех храмах есть купели, есть своды, светильники, образа, надписи, книги законов, жертвы, алтари и жрецы. В каком же храме есть такая купель, как океан, такой свод, каков свод небесный, такие

светильники, каковы солнце, луна и звезды, такие образа, каковы живые, любящие, помогающие друг другу люди? Где надписи о благости бога, столь же понятные, как те благодеяния, которые повсюду рассеяны богом для счастия людей? Где такая книга закона, столь ясная каждому, как та, которая написана в его сердце? Где жертвы, подобные тем жертвам самоотречения, которые любящие люди приносят своим ближним? И где алтарь, подобный сердцу доброго человека, на котором сам бог принимает жертву?

-- Чем выше будет понимать человек бога, тем лучше он будет знать его. А чем лучше будет знать он бога, тем больше будет приближаться к нему, подражать его благости, милосердию и любви к людям.

-- И потому пусть тот, который видит весь свет солнца, наполняющий мир, пусть тот не осуждает и не презирает того суеверного человека, который в своем идоле видит только один луч того же света, пусть не презирает и того неверующего, который ослеп и вовсе не видит света.

Так сказал китаец, ученик Конфуция, и все бывшие в кофейной замолчали и не спорили больше о том, чья вера лучше.

Бернарден де Сен-Пьер (перевод Л.Н.Толстого).

25-е марта

Люди век людям помогают, говорит пословица. Без такой помощи не могут жить люди. Помощь эта должна бы быть взаимная, но жизнь наша так сложилась, что одни люди помогают, а другие только пользуются этой помощью.

1

Всякий человек пользуется трудами других людей, и потому для того, чтобы не быть вором, надо самому трудиться и отдавать другим людям свои труды за то, что берешь от них.

Взвесить, сколько берешь и сколько даешь, никак нельзя, и потому, чтобы не быть вором, надо стараться брать себе чужих трудов как можно меньше, а давать своих другим людям как можно больше.

2

Приобретая каждый предмет и пользуясь им, помни, что это -- произведение человеческого труда и что, тратя, уничтожая, портя его, ты уничтожаешь труд, тратишь жизнь человеческую.

3

Какие бы посредники ни стояли между тобою и приобретенным предметом, предмет этот сделан твоим братом-человеком, труд которого ты обязан уважать. Выразить же это уважение ты можешь только своим бережливым отношением к произведениям труда братьев и трудом для них.

Джон Рёскин.

4

У богатых, кроме отношения их к труду других, выражаемого покупкой, есть прямое отношение к трудящимся, к прислуге. Ни на чем так не видно наше непризнание христианства, как на нашем отношении к прислуге. Люди отдают все свое время на служение нам, исполняя за нас самую грязную, неприятную и бессмысленную работу, и мы большею частью думаем, что мы в расчете с ними, если отдали условленные деньги. Но ведь они братья наши, и если склад нашей жизни таков, что эти люди должны служить нам за деньги, то наименьшее, что мы можем сделать, это то, чтобы установить с ними человеческие отношения.

Если они служат нам, то почему бы нам не есть вместе с ними и одинаково с ними? Почему бы нам не отдыхать, не веселиться и не поучаться вместе с ними?

5

Смотрите на все ваши дарования и знания как на средства помощи другим.

Сильному и мудрому даны его дары не для того, чтобы угнетать, а чтобы помогать и поддерживать слабого.

Джон Рёскин.

Мало того, что помощь людям должна быть взаимна: люди, принимающие помощь от своих братьев, должны отплачивать за нее не только деньгами, но еще и уважением и благодарностью.

26-е марта

Главное изменение жизни народов -- это изменение их верований.

1

Иисус, приближаясь к пределу своей жизни, занят преимущественно двумя вопросами: вопросом о том злоупотреблении, которое сделают из его имени, и об окончательном, после глубоких и разрушительных потрясений, утверждении его закона. Христос перед смертью говорил своим ученикам и всем людям, что явятся после него лжехриста и лжепророки и что надо остерегаться их, как бы они ни удивляли людей. Он говорит, что они будут могущественны и что могущество их соблазнит людей.

Он говорит о том, как будет можно узнать то, что учение их ложно. Узнать это можно по тому же, по чему мы узнаем хорошее дерево от дурного -- по плодам. Если не будет в учении презрения к прелестям мира сего, не будет отречения от себя, не будет милосердия и любви ко всем без всякого разделения, везде, где этого не будет, не будет истинного христианского учения, а будут лжехристы и лжепророки. И Христос говорит, что их будет много. Они будут являться один за другим до тех пор, пока не придет тот день и час, про который знает только отец небесный.

Но час этот придет, придет время, когда все заколеблется в человеческих обществах, когда одни народы опрокинутся на другие, когда власти и силы начнут падать и сделается всеобщее смятение. Тогда-то, говорит Христос,

и будет конец старого мира и начало нового мира и установления царства божия. И время этого нового мира недалеко, говорит Христос, потому что уже видно, что старый мир, мир лжехристов, лжепророков, уходит. И народы уже с радостью поднимают голову и оглядываются во все стороны, чтобы приветствовать пришествие царства божия.

По Ламенэ.

2

Когда в древности народ был несчастен, пророки говорили ему: "Ты забыл бога, отступил от божьих путей, -- иначе несчастие не постигло бы тебя. Ты жил не по вечным законам и не руководился ими, а следовал законам лжи, обмана, сознательно не почитая действительности, и теперь ты видишь, что долготерпение природы истощилось".

Все это вполне понятно простым, неразвращенным людям. Но в последнее время явились люди, которые природу считают мертвой, чем-то вроде недельных часов, сделанных много тысяч лет тому назад; они все еще тикают, но никуда не годятся. На таких людей никакие увещания и обличения не могут действовать. Но, к счастью, не все люди такие, и есть люди, понимающие то, что если жизнь их дурна, то виноваты в этом только они сами.

По Карлейлю.

3

Как пьяный человек, стоящий на краю пропасти, отвечает глупым смехом и непристойными речами на предостережения людей, желающих удержать его от падения, так и наш мир, опьяненный разного рода нечистыми вожделениями, насмехается над пророками, хотящими спасти его от грозящей ему участи. Как и в древнее время, можно сказать теперь: "О Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз я хотел собрать детей твоих, как птица

собирает птенцов своих под крылья, но ты не хотел этого".

Люси Малори.

4

Человечество есть вечно учащийся человек. Отдельные люди умирают, но истина, до которой они додумались, та правда, которую они высказали, не погибает вместе с ними. Человечество хранит все это, и человек из могил умерших пользуется тем, что добыто людьми, жившими до него. Каждый из нас родится в мире верований человечества, жившего до нас; и каждый бессознательно вносит что-нибудь более или менее ценное для жизни человечества, которое ему унаследует. Воспитание человечества совершается подобно тем восточным пирамидам, для которых каждый проходивший мимо клал по камню. Мы, минутные жильцы, отзываемые для пополнения нашего воспитания в иное место, уходим; но воспитание человечества, хотя и медленно, но совершается непрерывно.

По Мадзини.

Большая ошибка думать, что вера может быть одна на все времена. Чем больше живут люди, тем вера их становится понятнее и проще, тверже.

И чем понятнее, проще и тверже вера, тем согласнее и лучше жизнь людей.

Верить в то, что одна и та же вера годится для всех времен и не должна изменяться, все равно что верить в то, что те сказки, прибаутки, какие рассказывала тебе мать, когда ты был младенцем, -- истинная правда, и тебе нельзя перестать верить в них.

27-е марта

Чем больше человек верит в бога, тем меньше он боится людей.

1

Не падай духом и не отчаивайся, если тебе не вполне удается в поступках твоих исполнить все то хорошее, что ты желал бы.

Если ты упал с высоты своей, старайся снова подняться, -- кротко претерпеть испытание жизни и охотно, сознательно прийти назад к своим основам.

Марк Аврелий.

2

Кто людей боится, тот бога не боится. А кто бога боится, тот людей не боится.

3

Почитай того, чья жизнь есть неперестающая победа, -- того, кто, благодаря тому, что стремится к бесконечному и истинному, находит поддержку не в похвалах, а в труде, -- кто не блестит и не хочет блестеть. Он, вперед зная, что пострадает за это, избрал ту добродетель, которая подвергается ругательствам, ту истину, для истребления которой соединяются все разрозненные враги ее. Высшая добродетель всегда противна мирскому закону.

Эмерсон.

4

Всякая великая истина, для того чтобы войти в сознание человечества,

должна неизбежно пройти три ступени. Первая ступень: "Это так нелепо, что не стоит и обсуждать". Вторая ступень: "Это безнравственно и противно религии". Третья ступень: "Да это давно уже все известно".

5

Тот, кто ничего не боится и готов всегда отдать свою жизнь за истину, гораздо сильнее того, кого все боятся и кто держит в своей власти жизнь других людей.

6

Ищи лучшего человека среди тех, кого осуждает мир.

7

Делай то, что ты считаешь должным, не ожидая за это никакой славы. Помни, что глупый человек -- плохой судья разумных поступков.

Если хочешь спастись от власти людей, отдайся власти бога. Если сознаешь себя во власти бога, то люди не могут ничего сделать тебе.

28-е марта

Мудрость достигается внутренней работой в уединении и такой же работой над самим собою в общении с людьми.

1

Слушай, будь внимателен, но говори мало. Никогда не говори, если тебя не спрашивают, но если тебя спрашивают, отвечай тотчас же и коротко и не стыдись, если ты должен признаться, что не знаешь того, о чем тебя

спрашивают.

Не спорь ради спора.

Не хвастайся.

Не ищи высшего места и не принимай, если даже тебе и предложат его.

В безразличных делах, т.е. таких, где не приходится изменять долгу, сообразуйся с привычками и желаниями тех, с кем живешь.

Не старайся делать что-либо, не составляющее твоей обязанности и не содействующее удобству твоих сожителей, а то эта привычка сделается идолом. А каждый человек должен разбивать своих идолов.

Суфийская мудрость.

2

Лишь чужими глазами можно видеть свои недостатки.

Китайская пословица.

3

Каждый человек имеет в другом зеркало, в котором он может ясно разглядеть свои собственные пороки, недостатки и всякого рода дурные стороны; но мы большею частью поступаем при этом, как собака, которая лает на зеркало в том предположении, что видит там не себя, а другую собаку.

Шопенгауэр.

4

"Познай самого себя" есть основное правило. Но неужели вы думаете, что можно познать себя, всматриваясь в себя? Нет. Вы можете познать себя только присматриваясь к тому, что вне вас. Сравнивайте ваши силы с

силами других, ваши интересы с их интересами; старайтесь думать о своих интересах как о чем-то второстепенном, преклоняйтесь перед достоинствами других, исходя из уверенности, что в вас, вероятно, нет ничего особенного.

Джон Рёскин.

5

Если мы сойдемся трое, то я наверное найду двух учителей. Доброму человеку я буду стараться подражать, а глядя на дурного человека, буду стараться исправить себя.

Китайская мудрость.

6

Многому я научился у своих наставников, еще более у своих товарищей, но более всего у своих учеников.

Талмуд.

7

Когда видишь святого человека, думай о себе, не можешь ли и ты быть таким же. Когда видишь развратника, подумай о себе, нет ли и в тебе тех же пороков.

Китайская мудрость.

8

"Будь осторожен, когда хочешь в человеке бить по дьяволу, как бы не задеть в нем бога". Это значит то, что, осуждая человека, не забывай того, что в нем дух божий.

9

"С грехом ссорься, с грешником мирись". Ненавидь дурное в человеке, а человека люби.

10

Любовь истинная не на словах, а на деле не только не может быть глупа, но только одна любовь дает истинную проницательность и мудрость.

Живя с людьми, не забывай того, что ты узнал в уединении. И в уединении обдумывай то, что узнал из общения с людьми.

29-е марта

Если чувствуешь иногда, что, несмотря на все желание победить страсть, страсть преодолевает тебя, то не думай, что ты не можешь победить страсть. Это доказывает только то, что на этот раз ты не мог этого сделать. Возница не бросает вожжей оттого, что не сразу остановит коней, но продолжает тянуть -- и кони останавливаются. Так и ты: не удержался один раз, продолжай бороться и наверное победишь ты, а не страсти.

1

Настраивать свой ум выше своих влечений -- это и есть смысл воздержания. О нем один из отцов церкви говорит, что это не добродетель, а великое дело добродетели.

Джонсон.

2

Приучайся повелевать над жадностью, сном, роскошью, гневом.

3

Тот, кто победил себя, гораздо больший победитель, чем тот, кто победил тысячу раз тысячу людей в сражении. Лучше победить себя, чем всех других людей.

Тот, кто победил других людей в сражении, может быть побежден, но тот, кто победил себя и владеет собою, останется навсегда победителем.

Дхаммапада.

4

Владеть собою настолько, чтобы уважать других, как самого себя, и поступать с ними так, как мы желаем, чтобы с нами поступали, -- вот что можно назвать учением о человеколюбии. Выше этого нет ничего.

Конфуций.

5

Молодой человек! отказывай себе в удовлетворении твоих желаний (в увеселениях, в роскоши и т.п.), если и не из намерения совсем отказаться от удовлетворения их, то из желания иметь в виду все более возрастающее наслаждение. Такая бережливость по отношению к твоему жизненному

чувству сделает тебя, благодаря отсрочке наслаждения, в действительности богаче. Сознание, что наслаждение находится в твоей власти, плодотворнее и обширнее, чем удовлетворенное посредством этого наслаждения чувство, потому что вместе с удовлетворением оно уничтожается.

Кант.

6

Страсть в сердце человека сначала -- паутина, потом -- толстая веревка.

Страсть вначале -- как чужой, после -- как гость и, наконец, как хозяин дома.

Талмуд.

7

Всякая невоздержанность есть зачаток самоубийства; это невидимый поток под домом, который рано или поздно подмоет его фундамент.

Блекки.

8

Истинно могуч тот, кто побеждает самого себя.

Восточная мудрость.

9

Главные мои желания в том, чтобы никогда не сердиться, всегда говорить правду, говорить ее любовно, так, чтобы никого не оскорбить, быть терпимым с нетерпимыми, добрым с осуждающими, свободным от страсти среди страстных. Вот в чем мои главные желания.

Дхаммапада.

Воздержание не достигается сразу, но всегда может быть достигнуто. Жизнь всякого человека идет не к усилению страстей, а к ослаблению их.
Время помогает усилиям и воздержанию.

30-е марта

Истинная доброта -- не только добродетель и радость, но и орудие борьбы, гораздо более могущественное, чем насилие.

1

Правда, что трудно быть добрым с человеком порочным, лживым, особенно с тем, кто оскорбляет нас, но с ним-то, с этим именно человеком, и нужно быть добрым и для него, и для себя.

2

Тогда Петр приступил к нему и сказал: Господи, сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня, до семи ли раз?
Иисус говорит ему: не говорю тебе до семи, но до семижды семидесяти раз.

Мф. гл. 18, ст. 21--22.

3

Если ты знаешь, как надо жить людям для их блага, и желаешь добра людям, то будешь высказывать им это и высказывать так, чтобы они поверили тебе. Для того же, чтобы они поверили тебе и поняли тебя, тебе надо постараться передавать свои мысли спокойно и с добротой.

А между тем как часто мы поступаем как раз наоборот. Мы хорошо умеем беседовать с человеком, согласным или почти согласным с нами; когда же мы видим, что собеседник наш не верит в ту истину, которую мы признаем, или даже не понимает ее и, несмотря на наши усилия объяснить ему, он продолжает не соглашаться с нами и, как нам кажется, упрямится или извращает наши слова, то как легко мы теряем наше спокойствие и раздражаемся! Мы или начинаем сердиться и говорить нашему собеседнику неприятности, или прекращаем разговор, думая, что с таким непонятливым или упрямым человеком не стоит и рассуждать.

Когда ты хочешь показать твоему собеседнику в разговоре какую-нибудь истину, то самое главное при этом -- не раздражаться и не сказать ни одного недоброго или обидного слова.

По Эпиктету.

4

Если ты заметил в ком-либо ошибку, поправь его кротко и укажи ему, в чем он ошибся. Если же он не слушает тебя, вини одного себя или, еще лучше, никого не вини, а продолжай быть кротким.

Марк Аврелий.

Если ты разошелся с человеком, если он недоволен тобой, если он не

согласился с тобой, когда ты был прав, виноват не он, а, наверное, ты тем, что ты не был добр, когда имел с ним дело.

31-е марта

Каяться -- значит видеть всю степень своей порочности, своей слабости. Покаяние есть порицание всего дурного в себе, есть чистка души, приготовление ее к принятию добра.

1

Если добрый человек не признает своих ошибок, а старается всегда оправдывать себя, то он очень скоро из доброго сделается очень недобрым.

2

Присуще ли тебе нечто такое, что достойно порицания, сам спеши признать это.

3

Ничто так не размягчает сердца, как сознание своей вины, и ничто так не окаменяет его, как желание быть всегда правым.

По Талмуду.

4

Если человек и чувствует в душе себя виноватым пред богом, но не признается в своей вине ни перед другими людьми, ни перед собой, то такой человек всегда охотно обвинит других людей, и в особенности тех, перед кем виноват.

5

Добрый человек -- это тот, кто помнит свои грехи и забывает свое добро, а злой -- наоборот, тот, кто помнит свое добро и забывает свои грехи.

Не прощай себе, и тогда легко будешь прощать другим.

Талмуд.

6

Тот, кто свои прежние злые дела покрыл добрыми, светит в этом мрачном мире подобно месяцу в облачной ночи.

Буддийская мудрость. [Дхаммапада].

7

Хорошо каяться в грехах, когда еще в силах. Каяться -- значит очищать свою душу и готовиться к доброй жизни, и потому хорошо каяться, пока еще силы жизни не оставили человека. Надо подливать масла, пока еще не погасла светильня.

По Талмуду.

Сознание человеком своей конечности среди бесконечного мира и своей греховности, т.е. неисполнения всего того, что он мог бы и должен был сделать, но не сделал, всегда было и всегда будет до тех пор, пока человек будет человеком.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

КОРНЕЙ ВАСИЛЬЕВ

I

Корнею Васильеву было пятьдесят четыре года, когда он в последний раз приезжал в деревню. В густых курчавых волосах у него не было еще ни одного седого волоса, и только в черной бороде у скул пробивалась седина. Лицо у него было гладкое, румяное, загривок широкий и крепкий, и все сильное тело обложилось жиром от сытой городской жизни.

Он двадцать лет тому назад отбыл военную службу и вернулся со службы с деньгами. Сначала он завел лавку, потом оставил лавку и стал торговать скотиной. Ездил в Черкассы за "товаром" (скотиной) и пригонял в Москву.

В селе Гаях, в его каменном, крытом железом доме, жила старуха мать, жена с двумя детьми (девочка и мальчик), еще сирота племянник, немой 15-летний малый, и работник. Корней был два раза женат. Первая жена его была слабая, больная женщина и умерла без детей, и он уже немолодым вдовцом женился второй раз на здоровой красивой девушке, дочери бедной вдовы из соседней деревни. Дети были от второй жены.

Корней так выгодно продал последний "товар" в Москве, что у него собралось около трех тысяч денег. Узнав от земляка, что недалеко от его села выгодно продается у разорившегося помещика роща, он вздумал заняться еще и лесом. Он знал это дело и еще до службы жил помощником приказчика у купца в роще.

На железнодорожной станции, с которой сворачивали в Гаи, Корней встретил земляка, гаевского кривого Кузьму. Кузьма к каждому поезду выезжал из Гаев за седоками на своей парочке плохеньких косматых лошаденок. Кузьма был беден и оттого не любил всех богатых, а особенно богача Корнея, которого он звал Корнюшкой.

Корней в полушубке и тулупе, с чемоданчиком в руке вышел на крыльцо станции и, выпятив брюхо, остановился, отдуваясь и оглядываясь. Было утро. Погода была тихая, пасмурная, с легким морозцем.

-- Что ж не нашел седоков, дядя Кузьма? -- сказал он. -- Свезешь, что ли?

-- Что ж, давай рублевку. Свезу.

-- Ну и семь гривен довольно.

-- Брюхо наел, а тридцать копеек у бедного человека оттянуть хочешь.

-- Ну ладно, давай, что ль, -- сказал Корней. И, уложив в маленькие санки чемодан и узел, он широко уселся на заднем месте.

Кузьма остался на козлах.
-- Ладно. Трогай.
Выехали из ухабов у станции на гладкую дорожку.
-- Ну а что, как у вас, не у нас, а у вас на деревне? -- спросил Корней.
-- Да хорошего мало.
-- А что так? Моя старуха жива?
-- Старуха-то жива. Надысь в церкви была. Старуха твоя жива. Жива и молодая хозяйка твоя. Что ей делается. Работника нового взяла.
И Кузьма засмеялся как-то чудно, как показалось Корнею.
-- Какого работника? А Петра что?
-- Петра заболел. Взяла Евстигнея Белого из Каменки, -- сказал Кузьма, -- из своей деревни, значит.
-- Вот как? -- сказал Корней.
Еще когда Корней сватал Марфу, в народе что-то бабы болтали про Евстигнея.
-- Так-то, Корней Васильич, -- сказал Кузьма. -- Очень уж бабы нынче волю забрали.
-- Что и говорить! -- промолвил Корней. -- А стара твоя сивая стала, -- прибавил он, желая прекратить разговор.
-- Я и сам не молод. По хозяину, -- проговорил Кузьма в ответ на слова Корнея, постегивая косматого кривоногого мерина.
На полдороге был постоялый двор. Корней велел остановить и вошел в дом. Кузьма приворотил лошадь к пустому корыту и оправлял шлею, не глядя на Корнея и ожидая, что он позовет его.
-- Заходи, что ль, дядя Кузьма, -- сказал Корней, выходя на крыльцо, -- выпьешь стаканчик.
-- Ну что ж, -- отвечал Кузьма, делая вид, что не торопится.
Корней потребовал бутылку водки и поднес Кузьме. Кузьма, не евши с утра, тотчас же захмелел. И как только захмелел, стал шепотом, пригибаясь к Корнею, рассказывать ему, что говорили в деревне. А говорили, что Марфа, его жена, взяла в работники своего прежнего полюбовника и живет с ним.
-- Мне что ж. Мне тебя жалко, -- говорил пьяный Кузьма. -- Только нехорошо, народ смеется. Видно, греха не боится. Ну да погоди же ты, говорю. Дай срок, сам приедет. Так-то, брат, Корней Васильич.
Корней молча слушал то, что говорил Кузьма, и густые брови все ниже и ниже спускались над блестящими, черными как уголь глазами.
-- Что ж, поить будешь? -- сказал он только, когда бутылка была выпита, -- а нет, так и едем.
Он расплатился с хозяином и вышел на улицу.
Домой он приехал сумерками. Первый встретил его тот самый Евстигней Белый, про которого он не мог не думать всю дорогу. Корней поздоровался

с ним. Увидав худощавое, белобрысое лицо заторопившегося Евстигнея, Корней только недоуменно покачал головой. "Наврал, старый пес, -- подумал он на слова Кузьмы. -- А кто их знает. Да уж я дознаюсь".

Кузьма стоял у лошади и подмигивал своим одним глазом на Евстигнея.

-- У нас, значит, живешь? -- спросил Корней.

-- Что ж, надо где-нибудь работать, -- отвечал Евстигней.

-- Топлена горница-то?

-- А то как же? Матвевна тама, -- отвечал Евстигней. Корней поднялся на крыльцо. Марфа, услыхав голоса, вышла в сени и, увидав мужа, вспыхнула и торопливо и особенно ласково поздоровалась с ним.

-- А мы с матушкой уж и ждать перестали, -- сказала она и вслед за Корнеем вошла в горницу.

-- Ну что, как живете без меня?

-- Живем все по-старому, -- сказала она и, подхватив на руки двухлетнюю дочку, которая тянула ее за юбку и просила молока, большими решительными шагами вошла в сени.

Корнеева мать с такими же черными глазами, как у Корнея, с трудом волоча ноги в валенках, вошла в горницу.

-- Спасибо проведать приехал, -- сказала она, покачивая трясущейся головой.

Корней рассказал матери, по какому делу заехал, и, вспомнив про Кузьму, пошел вынести ему деньги. Только он отворил дверь в сени, как прямо перед собой он увидал у двери на двор Марфу и Евстигнея. Они близко стояли друг от друга, и она говорила что-то. Увидав Корнея, Евстигней шмыгнул во двор, а Марфа подошла к самовару, поправляя гудевшую над ним трубу.

Корней молча прошел мимо ее согнутой спины и, взяв узел, позвал Кузьму пить чай в большую избу. Перед чаем Корней роздал московские гостинцы домашним: матери шерстяной платок, Федьке книжку с картинками, немому племяннику жилетку и жене ситец на платье. За чаем Корней сидел насупившись и молчал. Только изредка неохотно улыбался, глядя на немого, который забавлял всех своей радостью. Он не мог нарадоваться на жилетку. Он укладывал и развертывал ее, надевал ее и целовал свою руку, глядя на Корнея, и улыбался.

После чая и ужина Корней тотчас же ушел в горницу, где спал с Марфой и маленькой дочкой. Марфа оставалась в большой избе убирать посуду. Корней сидел один у стола, облокотившись на руку, и ждал. Злоба на жену все больше и больше ворочалась в нем. Он достал со стены счеты, вынул из кармана записную книжку и, чтобы развлечь мысли, стал считать. Он считал, поглядывая на дверь и прислушиваясь к голосам в большой избе.

Несколько раз он слышал, как отворялась дверь в избу и кто-то выходил в сени, но это все была не она. Наконец послышались ее шаги, дернулась

дверь, отлипла, и она, румяная, красивая, в красном платке, вошла с девочкой на руках.

-- Небось с дороги-то уморился, -- сказала она, улыбаясь, как будто не замечая его угрюмого вида. Корней взглянул на неё и стал опять считать, хотя считать уж нечего было.

-- Уж не рано, -- сказала она и, спустив с рук девочку, прошла за перегородку.

Он слышал, как она убирала постель и укладывала спать дочку.

"Люди смеются, -- вспомнил он слова Кузьмы. -- Погоди же ты..." -- подумал он, с трудом переводя дыхание, и медленным движением встал, положил обгрызок карандаша в жилетный карман, повесил счеты на гвоздь, снял пиджак и подошел к двери перегородки. Она стояла лицом к иконам и молилась. Он остановился, ожидая. Она долго крестилась, кланялась и шепотом говорила молитвы. Ему казалось, что она давно перечитала все молитвы и нарочно по нескольку раз повторяет их. Но вот она положила земной поклон, выпрямилась, прошептала в себя какие-то молитвенные слова и повернулась к нему лицом.

--А Агашка-то уж спит, -- сказала она, указывая на девочку, и, улыбаясь, села на заскрипевшую кровать.

-- Евстигней давно здесь? -- сказал Корней, входя в дверь. Она спокойным движением перекинула одну толстую косу через плечо на грудь и начала быстрыми пальцами расплетать ее. Она прямо смотрела на него, и глаза ее смеялись.

-- Евстигней-то? А кто его знает, недели две али три.

-- Ты живешь с ним? -- проговорил Корней. Она выпустила из рук косу, но тотчас же поймала опять свои жесткие густые волосы и опять стала плести.

-- Чего не выдумают. Живу с Евстигнеем? -- сказала она, особенно звучно произнося слово Евстигней. -- Выдумают же! Тебе кто сказал?

-- Говори: правда, нет ли? -- сказал Корней и сжал в кулаки засунутые в карманы могучие руки.

-- Будет болтать пустое. Снять сапоги-то?

-- Я тебя спрашиваю, -- повторил он.

-- Ишь добро какое. На Евстигнея польстилась, -- сказала она. -- И кто только наврал тебе?

-- Что ты с ним в сенях говорила?

-- Что говорила. Говорила, на бочку обруч набить надо. Да ты что ко мне пристал?

-- Я тебе велю: говори правду. Убью, сволочь поганая. Он схватил ее за косу.

Она выдернула у него из руки косу, лицо ее скосилось от боли.

-- Только на то тебя и взять, что драться. Что я от тебя хорошего видела?

От такого житья не знаю что сделаешь.

-- Что сделаешь? -- проговорил он, надвигаясь на нее.

-- За что полкосы выдрал? Во, так шмотами и лезут. Что пристал. И правда что...

Она не договорила. Он схватил ее за руку, сдернул с кровати и стал бить по голове, по бокам, по груди. Чем больше он бил, тем больше разгоралась в нем злоба. Она кричала, защищалась, хотела уйти, но он не пускал ее. Девочка проснулась и бросилась к матери.

-- Мамка, -- ревела она.

Корней ухватил девочку за руку, оторвал от матери и как котенка бросил в угол. Девочка визгнула, и несколько секунд ее не слышно было.

-- Разбойник! Ребенка убил, -- кричала Марфа и хотела подняться к дочери.

Но он опять схватил ее и так ударил в грудь, что она упала навзничь и тоже перестала кричать. Только девочка кричала отчаянно, не переводя духа.

Старуха без платка, с растрепанными седыми волосами, с трясущейся головой, шатаясь, вошла в каморку и, не глядя ни ;на Корнея, ни на Марфу, подошла к внучке, заливавшейся ; отчаянными слезами, и подняла ее.

Корней стоял, тяжело дыша и оглядываясь, как будто спросонья, не понимая, где он и кто тут с ним.

Марфа подняла голову и, стоная, вытирала окровавленное лицо рубахой.

-- Злодей постылый! -- проговорила она. -- И живу с Евстигнеем и жила. На, убей до смерти. И Агашка не твоя дочь; с ним прижила, -- быстро выговорила она и закрыла локтем лицо, ожидая удара.

Но Корней как будто ничего не понимал и только сопел и оглядывался.

-- Ты глянь, что с девчонкой сделал: руку вышиб, -- сказала старуха, показывая ему вывернутую, висящую ручку не переставая заливавшейся криками девочки. Корней повернулся и молча вышел в сени и на крыльцо.

На дворе было все так же морозно и пасмурно. Снежинки инея падали ему на горевшие щеки и лоб. Он сел на приступай и ел горстями снег, собирая его на перилах. Из-за дверей слышно было, как стонала Марфа и жалостно плакала девочка; потом отворилась дверь в сени, и он слышал, как мать с девочкой вышла из горницы и прошла через сени в большую избу. Он встал и вошел в горницу. Завернутая лампа горела малым светом на столе. Из-за перегородки слышались усилившиеся, как только он вошел, стоны Марфы. Он молча оделся, достал из-под лавки чемодан, уложил в него свои вещи и завязал его веревкой.

-- За что убил меня? За что? Что я тебе сделала? -- заговорила Марфа жалостным голосом. Корней, не отвечая, поднял чемодан и понес к двери. -- Каторжник. Разбойник! Погоди ж ты. Али на тебя суда нет? -- совсем другим голосом злобно проговорила она.

Корней, не отвечая, толкнул дверь ногой и так сильно захлопнул ее, что задрожали стены.

Войдя в большую избу, Корней разбудил немого и велел ему запрягать лошадь. Немой, не сразу проснувшись, удивленно-вопросительно поглядывал на дядю и обеими руками расчесывал голову. Поняв наконец, что от него требовали, он вскочил, надел валенки, рваный полушубок, взял фонарь и пошел на двор.

Уж было совсем светло, когда Корней выехал с немым в маленьких пошевнях за ворота и поехал назад по той же дороге, по которой с вечера приехал с Кузьмою.

Он приехал на станцию за пять минут до отхода поезда. Немой видел, как он брал билет, как взял чемодан и как сел в вагон, кивнув ему головой, и как вагон укатился из вида.

У Марфы кроме побоев на лице были сломаны два ребра и разбита голова. Но сильная, здоровая, молодая женщина справилась через полгода, так что не осталось никаких следов побоев. Девочка же на век осталась полукалекой. У нее были переломаны две кости руки, и рука осталась кривая.

Про Корнея же с тех пор, как он ушел, никто ничего не знал. Не знали, жив ли он или умер.

II

Прошло семнадцать лет. Была глухая осень. Солнце ходило низко, и в четвертом часу вечера уж смеркалось. Андреевское стадо возвращалось в деревню. Пастух, отслужив срок, до заговенья ушел, и гоняли скотину очередные бабы и ребята.

Стадо только что вышло с овсяного жнивья на грязную, испещренную раздвоенно-копытными следами, черноземную, взрытую колеями, большую грунтовую дорогу и с неперестающим мычанием и блеянием подвигалось к деревне. По дороге впереди стада шел в потемневшем от дождя, заплатанном зипуне, в большой шапке, с кожаным мешком за сутуловатой спиной высокий старик с седой бородой и курчавыми седыми волосами; только одни густые брови были у него черные. Он шел, тяжело двигая по грязи мокрыми и разбившимися грубыми хохлацкими сапогами и через шаг равномерно подпираясь дубовой клюкой. Когда стадо догнало его, он, опершись на клюку, остановился. Гнавшая стадо молодайка, покрывшись с головой дерюжкой, в подтыканной юбке и мужских сапогах, перебегала быстрыми ногами то на ту, то на другую сторону дороги, подгоняя отстающих овец и свиней. Поравнявшись с стариком, она

остановилась, оглядывая его.
-- Здорово, дедушка, -- сказала она звучным, нежным, молодым голосом.
-- Здорово, умница, -- проговорил старик.
-- Что ж, ночевать, что ль?
-- Да, видно, так. Уморился, -- хрипло проговорил старик.
-- А ты, дед, к десятскому не ходи, -- ласково проговорила молодайка. -- Иди прямо к нам, третья изба с краю. Странных людей свекровь так пущает.
-- Третья изба. Зиновеева, значит? -- сказал старик, как-то значительно поводя черными бровями.
-- А ты разве знаешь?
-- Бывал.
-- Ты чего, Федюшка, слюни распустил, хромая-то вовсе отстала, -- крикнула молодайка, указывая на ковылявшую позади стада трехногую овцу, и, взмахнув правой рукой хворостиной и как-то странно снизу кривой левой рукой перехватив дерюжку на голове, побежала назад за отставшей хромой мокрой черной овцой.
Старик был Корней. А молодайка была та самая Агашка, которой он выломил руку семнадцать лет тому назад. Она была выдана в Андреевку, в богатую семью, за четыре версты от Гаев.

III

Корней Васильев из сильного, богатого, гордого человека стал тем, что он был теперь: старым побирушкой, у которого ничего не было, кроме изношенной одежи на теле, солдатского билета и двух рубах в сумке. Вся эта перемена сделалась так понемногу, что он не мог бы сказать, когда это началось и когда сделалось. Одно, что он знал, в чем был твердо уверен, это то, что виною его несчастия была его злодейка жена. Ему странно и больно было вспоминать то, что он был прежде. И когда он вспоминал про это, он с ненавистью вспоминал про ту, кого он считал причиной всего того дурного, что он испытал в эти семнадцать лет.
В ту ночь, когда он избил жену, он поехал к помещику, где продавалась роща. Рощи не довелось купить. Она была уже куплена, и он вернулся в Москву и там запил. Он и прежде пивал, но теперь пьянствовал без просыпу две недели и, когда опомнился, уехал на низ за скотиной. Покупка была неудачная, и он понес убыток. Он поехал в другой раз. И вторая покупка не задалась. И через год у него из трех тысяч осталось двадцать пять рублей, и пришлось наниматься к хозяевам. Он и прежде пил, а теперь стал выпивать чаще и чаще.

Сначала он прожил год приказчиком у скотопромышленника, но дорогой запил, и купец расчел его. Потом он нашел по знакомству место торговца вином, но и тут прожил недолго. Запутался в расчетах, и ему отказали. Домой ехать и стыдно было, и злоба брала. "Проживут и без меня. Может, и мальчишка-то не мой", -- думал он.

Все шло хуже и хуже. Без вина он не мог жить. Стал наниматься уж не в приказчики, а в погонщики к скотине, потом и в эту должность не стали брать.

Чем хуже ему становилось, тем больше он обвинял ее и тем больше разгоралась его злоба на нее.

В последний раз Корней нанялся в погонщики к скотине к незнакомому хозяину. Скотина заболела. Корней не был виноват, но хозяин рассердился и рассчитал и приказчика, и его. Наниматься некуда было, и Корней решил идти странствовать. Состроил он себе сапоги хорошие, сумку, взял чаю, сахару, денег восемь рублей и пошел в Киев. В Киеве ему не понравилось, и он пошел на Кавказ в Новый Афон. Не доходя Нового Афона, его захватила лихорадка. Он вдруг ослабел. Денег оставалось рубль семьдесят копеек, знакомых никого не было, и он решил идти домой к сыну. "Может, она и померла теперь, злодейка моя, -- думал он. -- А жива, так хоть перед смертью выскажу ей все; чтоб знала она, мерзавка, что со мной сделала", -- думал он и пошел к дому.

Лихорадка трепала его через день. Он слабел все больше и больше, так что не мог уходить больше 10, 15 верст в день. Не доходя 200 верст до дому, деньги все вышли, и он шел уж Христовым именем и ночевал по отводу десятского. "Радуйся, до чего довела меня!" -- думал он про жену, и по старой привычке старые и слабые руки сжимались в кулаки. Но и бить некого было, да и силы в кулаках уже не было.

Две недели шел он эти двести верст, и совсем больной и слабый добрел до того места, в четырех верстах от дома, где встретился, не узнав ее и не быв узнан, с той Агашкой, которая считалась, но не была его дочерью и которой он выломал руку.

IV

Он сделал, как сказала ему Агафья. Дойдя до Зиновеева двора, он попросился ночевать. Его пустили.

Войдя в избу, он, как и всегда делал, перекрестился на иконы и поздоровался с хозяевами.

-- Застыл, дед! Иди, иди на печь, -- сказала сморщенная веселая старушка хозяйка, убиравшаяся у стола.

Муж Агафьи, моложавый мужик, сидел на лавке у стола и заправлял лампу.

-- И мокрый же ты, дед! -- сказал он. -- Да что станешь делать. Сушись!

Корней разделся, разулся, повесил против печки онучи и влез на печь.

В избу вошла и Агафья с кувшином. Она уже успела пригнать стадо и убраться с скотиной.

-- А не бывал старик странный? -- спросила она. -- Я велела к нам заходить.

-- А вот он, -- сказал хозяин, указывая на печь, где, потирая мохнатые костлявые ноги, сидел Корней.

К чаю хозяева кликнули и Корнея. Он слез и сел на краю лавки. Ему подали чашку и кусок сахара.

Разговор шел про погоду, про уборку. Не дается в руки хлеб. У помещиков проросли копны в поле. Только начнут возить, опять дождь. Мужички свезли. А у господ там дуром преет. А мыша в снопах -- страсть.

Корней рассказал, что он видел по дороге целое поле полно копен. Молодайка налила ему пятую чашку жидкого, чуть желтого чаю и подала.

-- Ничего. Пей, дедушка, на здоровье, -- сказала она на его отказ.

-- Что ж это рука у тебя неисправная? -- спросил он у нее, осторожно принимая от нее полную чашку и пошевеливая бровями.

-- С мальства еще сломали, -- сказала говорливая старушка свекровь. -- Это ее отец нашу Агашу убить хотел.

-- С чего ж это? -- спросил Корней. И, глядя на лицо молодайки, ему вспомнился вдруг Евстигней Белый с его голубыми глазами, и рука, державшая чашку, так задрожала, что он розлил половину чая, пока донес ее до стола.

-- А такой был в Гаях у нас человек, отец ей, Корней Васильевым звали. Богатей был. Так возгордился на жену. Ее избил и ее вот испортил.

Корней молчал, взглядывая из-под не переставая шевелившихся черных бровей то на хозяина, то на Агашу.

-- За что же? -- спросил он, откусывая сахар.

-- Кто их знает. Про нашу сестру всякое сболтнут, а ты отвечай, -- говорила старуха. -- Из-за работника что-то у них вышло. Работник малый хороший был, из нашей деревни. Он и помер у них в доме.

-- Помер? -- переспросил Корней и откашлялся.

-- Давно помер... У них мы и взяли молодайку. Жили хорошо. Первые на селе были. Пока жив был хозяин.

-- А он что же? -- спросил Корней.

-- Тоже помер, должно. С того раза пропал. Лет пятнадцать будет.

-- Больше никак, мне мамушка сказывала, меня она только кормить бросила.

-- Что ж ты на него не обижаешься за то, что он руку... -- начал было

Корней и вдруг захлюпал.

-- Разве он чужой -- отец ведь. Что ж, еще пей с холоду-то. Налить, что ль?

Корней не отвечал и всхлипывая плакал.

-- Чего ж ты?

-- Ничего, так, спаси Христос.

И Корней дрожащими руками ухватился за столбик и за полати и полез большими худыми ногами на печь.

-- Вишь ты! -- сказала старушка сыну, подмигивая на старика.

V

На другой день Корней поднялся раньше всех. Он слез с печи, размял высохшие подвертки; с трудом обул заскоружшие сапоги и надел мешок.

-- Что ж, дед, позавтракал бы? -- сказала старуха.

-- Спаси бог. Пойду.

-- Так вот возьми хоть лепешек вчерашних. Я тебе в мешок положу.

Корней поблагодарил и простился.

-- Заходи, когда назад пойдешь, живы будем... На дворе был тяжелый осенний туман, закрывающий все. Но Корней хорошо знал дорогу, знал всякий спуск и подъем, и всякий куст, и все ветлы по дороге, и леса направо и налево, хотя за семнадцать лет одни срубили и из старых стали молодыми, а другие из молодых стали старыми.

Деревня Гаи была все та же, только построились с краю новые дома, каких не было прежде. И из деревянных домов стали кирпичные. Его каменный дом был такой же, только постарел. Крыша была давно не крашена, и на угле выбитые были кирпичи, и крыльцо покривилось.

В то время как он подходил к своему прежнему дому, из скрипучих ворот вышла матка с жеребенком, старый мерин, чалый и третьяк. Старый чалый был весь в ту матку, которую Корней за год до своего ухода привел с ярмонки. "Должно, это тот самый, что у нее тогда в брюхе был. Та же вислозадина и та же широкая грудь и косматые ноги", -- подумал он.

Лошадей гнал поить черноглазый мальчишка в новых лапотках. "Должно, внук, Федькин сын, значит, в него черноглазый", -- подумал Корней.

Мальчик посмотрел на незнакомого старика и побежал за заигравшим по грязи стригуном. За мальчиком бежала собака, такая же черная, как прежний Волчок. "Неужели Волчок?" -- подумал он. И вспомнил, что тому .было бы двадцать лет.

Он подошел к крыльцу и с трудом взошел на те ступеньки, на которых он

тогда сидел, глотая снег с перил, и отворил дверь в сени.

-- Чего лезешь не спросясь? -- окликнул его женский голос из избы. Он узнал ее голос. И вот она сама, сухая, жилистая, морщинистая старуха высунулась из двери. Корней ждал той молодой красивой Марфы, которая оскорбила его. Он ненавидел ее и хотел укорить, и вдруг вместо нее перед ним была какая-то старуха. -- Милостыни, так под окном проси, -- пронзительным, скрипучим голосом проговорила она.

-- Я не милостыни, -- сказал Корней.

-- Так чего же ты? Чего еще?

Она вдруг остановилась. И он по лицу ее увидел, что она узнала его.

-- Мало ли вас шляется. Ступай, ступай. С богом.

Корней привалился спиной к стене и, упираясь на клюку, пристально смотрел на нее и с удивлением чувствовал, что у него не было в душе той злобы на нее, которую он столько лет носил в себе, но какая-то умиленная слабость вдруг овладела им.

-- Марфа! помирать будем.

-- Ступай, ступай с богом, -- быстро и злобно говорила она.

-- Больше ничего не скажешь?

-- Нечего мне говорить, -- сказала она. -- Ступай с богом. Ступай, ступай. Много вас, чертей, дармоедов, шляется.

Она быстрыми шагами вернулась в избу и захлопнула дверь.

-- Чего ж ругать-то, -- послышался мужской голос, и в дверь вошел с топором за поясом черноватый мужик, такой же, как был Корней сорок лет тому назад, только поменьше и похудее, но с такими же черными блестящими глазами.

Это был тот самый Федька, которому он семнадцать лет тому назад подарил книжку с картинками. Это он упрекнул мать за то, что она не пожалела нищего. С ним вместе вошел и тоже с топором за поясом немой племянник. Теперь это был взрослый, с редкой бородкой, морщинистый жилистый человек, с длинной шеей, решительным и внимательно пронизывающим взглядом. Оба мужика только позавтракали и шли в лес.

-- Сейчас, дедка, -- сказал Федор и указал немому сначала на старика, а потом на горницу и показал рукою, как режут хлеб.

Федор вышел на улицу, а немой вернулся в избу. Корней все стоял, опустив голову, прислонившись к стене и опираясь на клюку. Он чувствовал большую слабость и с трудом удерживал рыдания. Немой вышел из избы с большим пахучим ломтем свежего черного хлеба и, перекрестившись, подал Корнею. Когда Корней, приняв хлеб, тоже перекрестился, немой обратился к двери в избу, провел двумя руками по лицу и начал делать вид, что плюет. Он выражал этим неодобрение тетке. Вдруг он замер и, разинув рот, уставился на Корнея, как будто узнавая. Корней не мог больше удерживать слезы и, вытирая глаза, нос и седую

бороду полой кафтана, отвернулся от немого и вышел на крыльцо. Он испытывал какое-то особенное, умиленное, восторженное чувство смирения, унижения перед людьми, перед нею, перед сыном, перед всеми людьми, и чувство это и радостно и больно раздирало его душу.

Марфа смотрела из окна и спокойно вздохнула только тогда, когда увидала, что старик скрылся за углом дома.

Когда Марфа уверилась, что старик ушел, она села за стан и стала ткать. Она ударила раз десяток бердом, но руки не шли, она остановилась и стала думать и вспоминать, каким она сейчас видела Корнея, -- она знала, что это был он -- тот самый, который убивал ее и прежде любил ее, и ей было страшно за то, что она сейчас сделала. Не то она сделала, что надо было. А как же надо было обойтись с ним? Ведь он не сказал, что он Корней и что он домой пришел.

И она опять взялась за челнок и продолжала ткать до самого вечера.

VI

Корней с трудом добрел к вечеру до Андреевки и опять попросился ночевать к Зиновеевым. Его приняли.

-- Что ж, дед, не пошел дальше?

-- Не пошел. Ослаб. Видно, назад пойду. Ночевать пустите?

-- Место не пролежишь. Иди сушись.

Всю ночь Корнея трепала лихорадка. Перед утром он забылся, а когда проснулся, домашние все разошлись по своим делам, и в избе оставалась одна Агафья.

Он лежал на хорах, на сухом кафтане, который подостлала ему старуха. Агафья вынимала хлебы из печи.-- Умница, -- позвал он ее слабым голосом, -- подойди ко мне.

-- Сейчас, дед, -- отвечала она, высаживая хлебы. -- Напиться, что ль? Кваску?

Он не отвечал.

Высадив последний хлеб, она подошла к нему с ковшичком кваса. Он не поворотился к ней и не стал пить, а как лежал кверху лицом, так и стал говорить, не поворачиваясь.

-- Гаша, -- сказал он тихим голосом, -- время мое доспело. Я помирать хочу. Так вот ты прости меня Христа ради.

-- Бог простит. Что ж, ты мне худого не делал...

Он помолчал.

-- А еще вот что: сходи ты, умница, к матери, скажи ей... странник, мол, скажи... вчерашний странник, скажи...

Он стал всхлипывать.

-- А ты разве был у наших?

-- Был. Скажи, странник вчерашний... странник, скажи... -- опять он остановился от рыданий и, наконец, собравшись с силами, договорил: -- Попрощаться к ней приходил, -- сказал он и стал шарить у себя около груди.

-- Скажу, дед, скажу. А ты чего ищешь? -- сказала Агафья.

Старик, не отвечая, сморщившись от усилия, достал своей худой волосатой рукой бумагу из-за пазухи и подал ей.

-- А это вот отдай, кто спросит. Билет мой солдатский. Слава богу, развязались все грехи. -- И лицо его сложилось в торжественное выражение. Брови поднялись, глаза уставились в потолок, и он затих.

-- Свечку, -- проговорил он, не шевеля губами. Агафья поняла. Достала от икон обгоревшую восковую свечку, зажгла и подала ему. Он прихватил ее большим пальцем.

Агафья отошла убрать в сундучок его билет, и когда подошла к нему, свеча валилась у него из руки, и остановившиеся глаза уже не видели, и грудь не дышала. Агафья перекрестилась, задула свечу, достала полотенце чистое и закрыла его лицо.

Во всю ночь эту Марфа не могла заснуть и все думала о Корнее. Наутро она надела зипун, накрылась платком и пошла узнавать, где вчерашний старик. Очень скоро она узнала, что старик в Андреевке. Марфа взяла из плетня палку и пошла в Андреевку. Чем дальше она шла, тем все страшнее и страшнее ей становилось. "Попрощаемся с ним, возьмем домой, грех развяжем. Пускай хоть помрет дома при сыне", -- думала она.

Когда Марфа стала подходить к дочернему двору, она увидала большую толпу народа у избы. Одни стояли в сенях, другие под окнами. Все уж знали, что тот самый знаменитый богач Корней Васильев, который двадцать лет тому назад гремел по округе, бедным странником помер в доме дочери. Изба тоже была полна народа. Бабы перешептывались, вздыхали и охали.

Когда Марфа вошла в избу и народ расступился, пропуская ее, она под святыми увидала обмытое, убранное, прикрытое полотном мертвое тело, над которым грамотный Филипп Кононыч, подражая дьячкам, читал нараспев славянские слова псалтыря.

Ни простить, ни просить прощенья уже нельзя было. А по строгому, прекрасному, старому лицу Корнея нельзя было понять, прощает ли он или еще гневается.

Л. Н. Толстой.

АПРЕЛЬ

1-е апреля

Наук бесчисленное множество, и всякая наука бесконечна, можно все дальше и дальше идти к ней. И потому во всякой науке самое первое и главное -- это знать, какие предметы самые важные, какие менее важные, какие еще менее важны и какие еще и еще менее важны. Узнать это нужно для того, что так как всего изучить нельзя, то надо изучить самое нужное.

1

В наше время накопляется огромное количество знаний, достойных изучения. Скоро наши способности будут слишком слабы, а жизнь слишком коротка, чтобы усвоить хотя бы одну только наиболее полезную часть этих знаний. К нашим слугам полное изобилие богатств, но, восприняв их, мы должны снова отбрасывать многое как бесполезный хлам. Было бы лучше иногда не обременять себя им.

Кант.

2

При нашем преждевременном и часто слишком обильном чтении, дающем нам так много непереваренного материала, наша память становится обыкновенно хозяином наших чувств и вкусов; поэтому-то нам часто необходимо большое усилие мысли, чтобы вернуть первобытную невинность нашему чувству, найти *себя* среди мусора чужих мыслей и взглядов, чтобы *самим* начать чувствовать и говорить и, я почти готов сказать, чтобы начать когда-нибудь *самим* существовать.

Лихтенберг.

3

Персидский мудрец говорит: "Когда я был молод, я сказал себе: хочу познать всю науку. И я дошел до того, что оставалось уже немного вещей, которых я не знал, но когда я стал стар, я увидал, что жизнь моя прошла, и я не знал ничего".

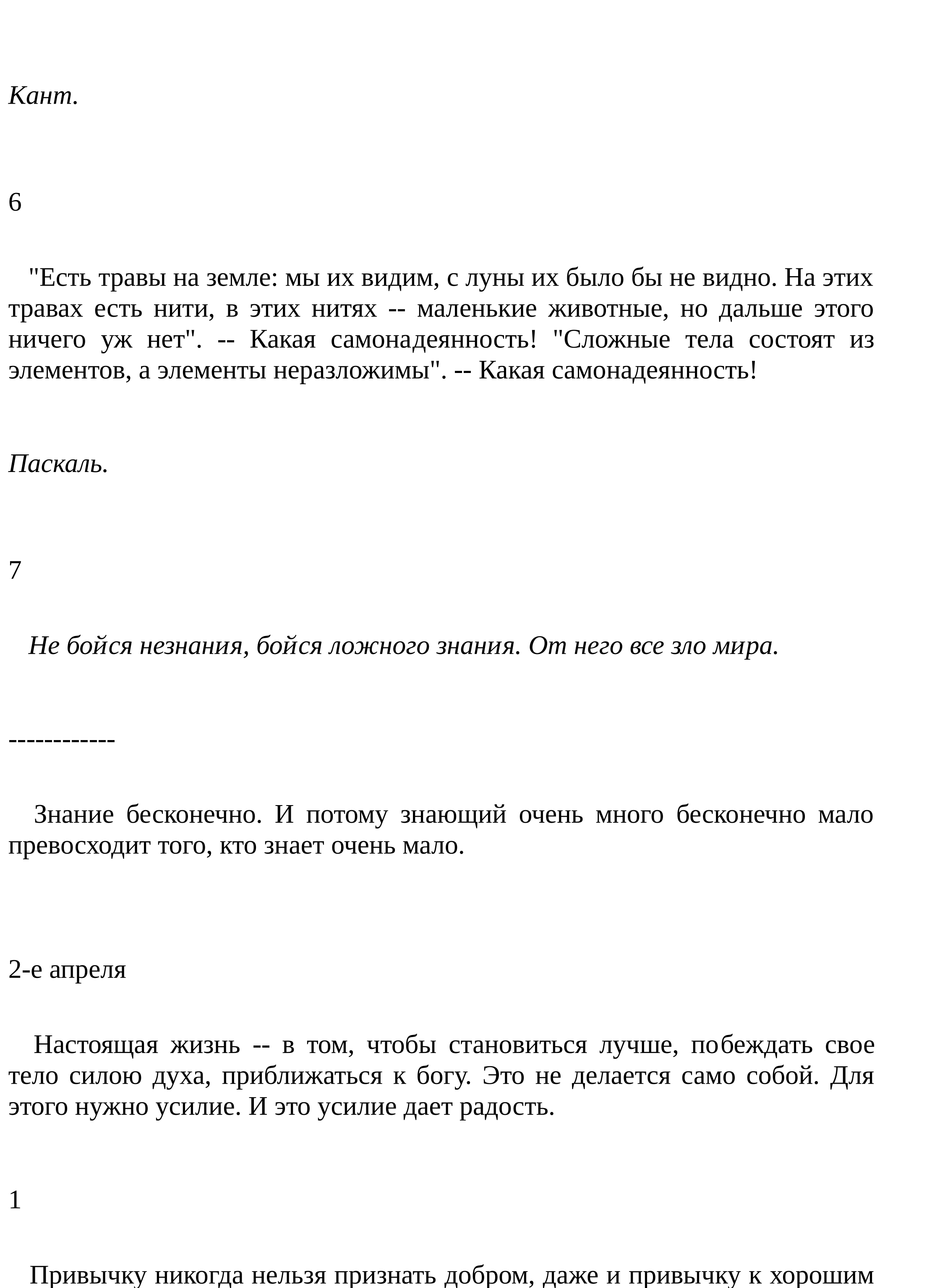
4

Выбросьте из вашего сердца и ума мысль познать все на небе и на земле. Очень немного вообще существует такого, что мы можем когда-либо познать как относительно путей Провиденья, так и законов существования. Но и этого немногого достаточно, вполне достаточно: стремиться к большему не благо для нас. И будьте уверены, что за пределами действительных нужд нашего скромного существования и того царства, которым каждому из нас предназначено управлять в невозмутимом самообладании, т.е. самим собою, своими мыслями, словами, поступками, всякое увеличение труда усиливает безумие, всякое увеличение знания усиливает горе.

Джон Рёскин.

5

Наблюдения и вычисления астрономов научили нас многому, достойному удивления; но самый, важный результат их наследовании, пожалуй, тот, что они обнаружили перед нами бездну всего того. что мы не можем знать: без этих человеческих знаний разум никогда не мог бы представить себе всю огромность этой бездны, а размышление об этом может произвести большую перемену в определении конечных целей деятельности нашего разума.

Кант.

6

"Есть травы на земле: мы их видим, с луны их было бы не видно. На этих травах есть нити, в этих нитях -- маленькие животные, но дальше этого ничего уж нет". -- Какая самонадеянность! "Сложные тела состоят из элементов, а элементы неразложимы". -- Какая самонадеянность!

Паскаль.

7

Не бойся незнания, бойся ложного знания. От него все зло мира.

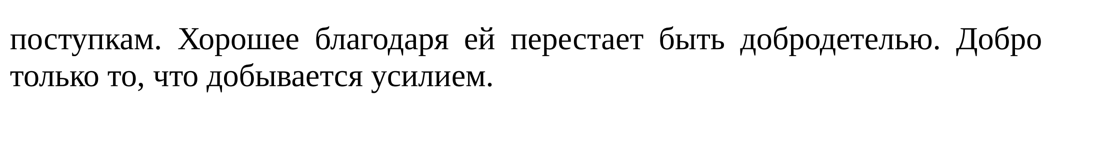
Знание бесконечно. И потому знающий очень много бесконечно мало превосходит того, кто знает очень мало.

2-е апреля

Настоящая жизнь -- в том, чтобы становиться лучше, побеждать свое тело силою духа, приближаться к богу. Это не делается само собой. Для этого нужно усилие. И это усилие дает радость.

1

Привычку никогда нельзя признать добром, даже и привычку к хорошим

поступкам. Хорошее благодаря ей перестает быть добродетелью. Добро только то, что добывается усилием.

2

Неси свое бремя и знай, что в нем твое благо; извлеки из него то, что нужно для разумной жизни твоей, как желудок извлекает из пищи все нужное для плоти или как огонь, который разгорается светлее, когда в него что-нибудь бросят.

Марк Аврелий.

3

Чем больше отталкиваешь свой крест, тем он становится тяжелее.

Амиель.

4

Будь всегда внимателен к тому, что делаешь, и ничего не считай недостойным внимания.

Конфуций.

5

Постоянное исполнение незаметных обязанностей с простым и нравственно возвышенным чувством укрепляет характер до той степени, при которой он будет мужественно и сильно действовать в шуме мира и на плахе.

Эмерсон.

6

Рост есть медленный процесс, а не судорожный взрыв. Так же невозможно победить грех судорогою раскаяния, как познать целую науку мгновенным порывом мысли. Действительное средство внутреннего совершенствования -- только в постоянном, терпеливом усилии, руководимом мудрым рассуждением.

Чаннинг.

Нравственное усилие и радость сознания жизни чередуются так же, как телесный труд и радость отдыха. Без труда телесного нет радости отдыха; без усилия нравственного нет радости сознания жизни.

3-е апреля

Когда мы умираем, то может быть только одно из двух: или то, что я считаю собою, перейдет в другое отдельное существо, или я перестану быть отдельным существом и сольюсь с богом. То или другое -- в обоих случаях будет хорошо.

1

Если жизнь есть сон, а смерть -- пробуждение, то тогда то, что я вижу себя отдельным от всего существом, есть сновидение.

По Шопенгауэру.

2

Смерть есть разрушение того тела, посредством которого я воспринимал мир, каким он представляется в этой жизни; это разрушение того стекла, через которое я смотрел. О том, будет ли оно заменено другим, или то, что смотрело через окно, сольется со всем, -- мы не можем знать.

3

Известный предел жизни должен существовать, так же, как плоды деревьев и земли, так же, как времена года, все должно начинаться, продолжаться и проходить. Мудрые люди охотно подчиняются этому порядку.

Цицерон.

4

На вопрос о том, буду ли я, я -- отдельный от всего мира -- жить после смерти, на этот вопрос есть только один ответ: если лучше, чтобы продолжалась отдельная жизнь после смерти, она будет продолжаться; если же не лучше, то она прекратится.

Все, что я знаю о боге, заставляет меня верить в то, что то, что он сделал, -- самое лучшее для нас.

По Эмерсону.

5

Смерть так легко избавляет от всех затруднений и бедствий, что неверующие в бессмертие люди должны бы были желать ее. Люди же, верующие в бессмертие, ожидающие новой жизни, еще больше должны бы были желать ее. Если и те и другие не желают ее, то только потому, что при умирании люди страдают. Страдание удерживает людей от смерти.

6

Никто не знает, что такое смерть, зло она или добро. А все люди боятся ее, как будто знают наверное, что она зло.

Платон.

7

Если человек и знает, что, когда гремит гром, молния уже ударила и потому гром не может убить, он всегда все-таки пугается громового удара. То же и со смертью. Если мы и знаем, что телесная смерть разрушает только тело, но не жизнь духа, мы все-таки не можем не бояться ее. Но человек просвещенный, поборов в себе этот страх, памятует о том, что жизнь его не в теле, а в духе; непросвещенному же человеку кажется, что со смертью погибает все, и он так боится ее и прячется от нее, как глупый человек прячется от громового удара, тогда как удар этот никак уже не может убить его.

Надо жить так, чтобы не бояться смерти и не желать ее.

4-е апреля

Жизнь должна и может быть неперестающей радостью

1

Жизнь здесь -- не юдоль плача, не место испытания, а нечто такое, лучше чего мы ничего не можем себе представить. Радость этой жизни бесконечна, только бы мы пользовались ею для того, для чего она дана нам.

2

Недоброе расположение человека к другим людям делает его несчастным и отравляет жизнь другим. Любовное же настроение как маслом смазывает колеса жизни и делает ее легкою и приятною и для него, и для всех тех, с кем он общается.

3

Люди большею частью так относятся к своим удовольствиям, что огорчаются, если теряют их. Но прав только тот человек, который умеет радоваться и вместе с тем не огорчаться, когда проходит причина его радости.

Паскаль.

4

Попробуй, может быть, тебе удастся прожить, как человеку, довольному своей судьбой, приобретшему внутренний мир любовью и добрыми делами.

Марк Аврелий.

5

Главный секрет для сохранения веселости в том, чтобы не позволять пустякам тревожить нас и вместе с тем ценить те маленькие удовольствия, которые выпадают нам на долю.

Смайльс.

6

Никогда не ищите удовольствия, но будьте всегда готовы находить во всем удовольствие. Если ваши руки заняты, а сердце свободно, то самая ничтожная вещь досадит вам удовольствие, и вы найдете долю интересного и приятного во всем, что услышите. Но если вы обратите удовольствие в цель вашей жизни, то настанет день, когда самые комические сцены не вызовут у вас истинного смеха.

Джон Рескин.

7

Истинно мудрый человек всегда весел.

Главное средство жить радостно -- это верить, что жизнь дана на радость. Если радость кончается, ищи, в чем ты ошибся.

5-е апреля

Избежать исполнения закона труда можно только грехом: или

совершением насилия, участием в нем, или лестью и угодничеством перед насилием.

1

Лучше лишиться жизни, чем льстить низким. Нищета лучше, чем роскошь через служение богатым. Не стоять у дверей богатого и не говорить голосом просителя -- это лучшая жизнь.

Инд. Гитопадезе.

2

Лучше человеку умереть голодной смертью, чем лишиться невинности ради добывания хлеба.

Торо.

3

Были два брата: один служил у царя, а другой питался трудом рук своих. Богатый брат сказал раз бедному:

-- Зачем ты не поступаешь на служение к царю? Ты бы избавился от тяжести труда.

На это бедный сказал:

-- А зачем ты не трудишься, чтобы избавиться от тяжести унижения? Мудрецы сказали, что лучше спокойно есть хлеб своего труда, чем носить золотой пояс и быть слугою другого. Лучше месить руками известь и глину, чем складывать их на груди в знак своего рабства. Лучше довольствоваться куском хлеба, чем рабски гнуть спину.

Саади.

4

Как ни прекрасна одежда, жалованная царем, своя грубая одежда лучше, и хотя вкусны яства богатых, лучше кусок хлеба со своего стола.

Саади.

5

Лучше, много лучше каждому человеку взять веревку и пойти в лес за дровами и продать вязанку дров на пищу, чем просить ее у людей. Если люди не дадут, будет стыдно и досадно, а если дадут, будет еще хуже: будешь обязан перед теми, кто дал.

Магомет.

6

Кто не работает землю, тому земля говорит: "За то, что ты не работаешь меня правой и левой рукой, вечно будешь стоять у чужих дверей вместе со всеми попрошайками, вечно будешь пользоваться отбросами богатых".

Зороастр.

7

Хорошо жить людям, если они убеждены в том, что трудовая жизнь уважительнее праздной, -- убеждены в этом и живут так я сообразно этому и ценят и уважают людей.

Если не хочешь трудиться -- или насилуй, или унижайся.

6-е апреля

Люди занимаются самыми различными, почитаемыми ими очень важными делами, но почти никогда не занимаются тем единственным делом, которое одно предназначено им и включает все остальные -- улучшением своей души, освобождением божественного начала души. То, что именно это дело предназначено человеку, видно из того, что это единственная цель, для достижения которой человеку нет препятствий.

1

В молодых годах люди верят, что та добродетель, которую мы желаем себе и другим, возможна, и что назначение человека в постоянном совершенствовании, и что возможно и даже легко исправить все человечество, уничтожить все пороки и несчастия. Мечты эти не смешны, а напротив, в них гораздо больше истины, чем в суждениях старых, завязших в соблазнах людей, когда люди эти, проведшие всю жизнь не так, как это свойственно человеку, советуют другим ничего не желать, не искать, а жить как живется. Ошибка мечтаний молодости только в том, что совершенствование себя, своей души юноши переносят на других, и еще в том, что то, что должно совершиться в будущем, они хотят видеть сейчас.

2

Я считаю, что нельзя лучше жить, как стараясь делаться лучше, и что нет большего удовольствия, как чувствовать, что действительно становишься лучше. Это -- счастие, которое я не переставал испытывать до сих пор, и о том, что счастье это настоящее, говорит мне моя совесть.

Сократ.

3

Мы должны благодарить тех, которые указывают нам наши недостатки. Хотя недостатки наши от этого указания и. не пропадают, потому что их слишком много у нас, но зато, когда недостатки наши нам известны, то они начинают тревожить нашу душу, не дают совести глохнуть, и мы стараемся исправиться и освободиться от них.

Паскаль.

4

Состояние нашего сознания имеет для нас больше значения, чем суждение всего внешнего мира, ибо мы живем в своем сознании непрерывно и вечно. Наше счастие или несчастие зависит не от того, как другие относятся к нам, а от того, как мы относимся к себе. Улучшайте себя, свою душу, и вы сделаете этим самое лучшее, что можете сделать и для себя, и для других.

Люси Малори.

5

Самое лучшее счастие -- чувствовать себя в конце года лучше, чем в начале.

Торо.

6

"Будьте совершенны, как отец ваш небесный" -- значит: старайтесь освободить в себе божеское начало своей жизни.

Совершенствоваться нельзя, живя постоянно в суете мирской, и еще меньше возможно, живя постоянно в уединении. Самое выгодное условие для совершенствования -- это то, чтобы в уединении вырабатывать и утверждать свое мировоззрение и потом, живя в мире, применять его к делу.

7-е апреля

Платить добром за зло и естественнее, и легче, и разумнее, чем платить злом за зло.

1

И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону. Иисус же говорил: Отче! прости им, ибо не знают, что делают.

Лк. гл. 23, ст. 33--34.

2

Никто никогда не уставал доставлять себе всевозможные блага. Но ведь величайшее благо, которое человек может себе доставить, это действовать сообразно со своей высшей природой, а высшая, божественная природа твоей души велит тебе не уставая делать добро другим, как высшее благо для самого себя.

Марк Аврелий.

3

Плати добром за зло.

Талмуд.

4

Чем отомстить своему врагу? Стараться делать ему как можно больше добра.

Эпиктет.

5

Побеждай гнев кротостью, зло добром, скупого щедростью, лгуна правдой.

Дхаммапада.

6

Обращаясь с ближними так, как они того заслуживают, мы делаем их только хуже. Обращаясь же с ними так, как будто они лучше того, что они в действительности, мы заставляем их становиться лучше.

Гёте.

7

Отвечай добром за зло -- и ты уничтожишь в злом человеке все удовольствие, которое он получает от зла.

8

Учи свое сердце, а не учись у него.

Буддийское изречение.

Тот, кто хоть раз испытал радость отплатить добром за зло, тот никогда уж не пропустит случая получить эту радость.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ДОБРО

В мире внешней природы, у растений, у животных нет ни добра, ни зла; нет также этого и в живом, неосмысленном теле человеческом. Грань эта, отделяющая добро от зла, начинается в душе человека его способностью сознавать и разуметь. В душе человека с юных лет идет непрестанная борьба со злом. И там, и только там, в своей душе, борьба со злом и свойственна человеку, и плодотворна. Борьба же со злом вне этой области и не свойственна человеку, и неплодотворна. Это самое и говорит заповедь Христа о непротивлении злу насилием. Заповедь о непротивлении злом злому, точно и ясно определяет место для борьбы со злом. Место это -- в самом себе.

Пределы насилия для каждого разумного человека ограничиваются своим телом, своею плотью, потому что в этом насилии духа над плотью состоит работа и питание: души. Другой же человек, чужая плоть имеет своего однородного хозяина, и насилие, направленное на нее, не имеет разумного оправдания; оно не нужно. Учение о непротивлении злому

имеет именно эту самую цель -- цель обнаружения ненужности насилия, направленного на другого.

Кто возьмется утверждать, чтобы человек сам, своей волею, не мог управиться сам в себе, чтобы он не. мог понимать и делать все то, что требуется от него для жизни того мира, в котором он живет? Утверждать это -- значит отрицать данную богом человеку свободу жизни, свободу спасти себя или погубить, отрицать свое разумное существо, утверждать это -- значит отрицать человека, Воля человека может простираться за пределы его существа, но кто решится утверждать, чтобы она была там необходима? Кто решится утверждать, чтобы в жизни мира мог быть ущерб от его. человеческого личного невмешательства? Утверждать это -- значит говорить о недостаточности воли божией, значит отрицать бога. Мирское зло именно в том и состоит, что люди простирают свою волк? за пределы своего существа, т.е. ставят свою волю на место воли божией. Святотатство это обнаруживается заповедью о непротивлении злому.

Успех оправдывает дело: победил, так и прав; правда в победе. Таково плотское, животное, языческое понимание об истине -- понятие, по которому слово "истина" только пустой звук. "Что такое истина? Вот ужо повесят тебя с твоей истиной!" -- сказал Пилат. Но Христос видит истину, и видит ее на противоположном конце: прав побежденный. Если ты лично в борьбе с человеком победил силою, то знай, что не прав непременно ты, что истина не на твоей стороне. Истина в побежденном, в побежденном бог, побежденный воплощает в себе понятие о господстве бога -- первое и основное понятие разумного существа. Таково положение человека на земле, и единственный путь из этого на первый взгляд печального положения -- это не противиться злому, не бороться с человеком, признать себя навсегда побежденным заранее, быть навсегда побежденным богом, -- путь, который освещается и возвеличивается истинною религиею, разумением о жизни человека.

Непротивление, устраняя борьбу, освобождает вероятность и возможность успокоения, освобождает поле для иного, духовного взаимодействия, в котором уже другие силы и другие интересы. Призвание же человека на земле, как показано это в Евангелии искушением Иисуса от дьявола и беседою с Никодимом, именно в том и состоит, чтобы освобождать и выше всего возвеличивать в мире людей божественную способность человека сознавать и разуметь, -- освобождать и возвеличивать это разумное сознание, этого сына человеческого, этого сына божия в человеке. Не противиться -- значит пробуждать, воскрешать сына божия, воскрешать Христа; противиться -- угнетать, распинать его. Человек -- разумное существо. Благо разумного существа -- в торжестве и господстве разума. Для торжества же и господства разума необходимо прежде всего успокоение страстей плоти. И как в жизни одного человека, так и в

общественной жизни народов никогда не может утвердиться господство разума на почве страстей, гордости, суда, власти, насилия. Заповедью о непротивлении злому достигается осуществление в жизни этой аксиомы мудрости.

Разумение и сознание заложено богом в души всех людей, и Евангелие внушает ценить это дороже всего. "Кто скажет брату своему: "рака", подлежит суду, а кто скажет: "безумный", подлежит геенне огненной". Только души человеческие находят в сознании и разумении единение и любовь; во внешнем же мире каждое существо любит само себя больше всего остального мира. Заповедь о непротивлении злому, определяя место для борьбы со злом, разрушает вопрос вечного противоречия между внешним миром розни и вражды и духовным миром единения и любви и соединяет их в одно царство бога, как об этом вдохновенно сказал Иисус Нафанаилу: "Отныне уничтожается грань между небом и землею, и силы неба будут так же служить человеку, как служат ему силы земли" (Ин. 1, 51).

Бука.

8-е апреля

Люди думают, что если они назовут преступление убийства "войною", то убийство перестанет быть убийством, преступлением.

1

Можно разными способами отрицать Христа: во-первых, можно грубо кощунствовать, издеваться над величием -- но такой способ не опасен. Религия слишком дорога людям, чтобы чьи-либо насмешки могли отнять ее у них. Но есть другой способ: это называть Христа господом и не исполнять его заповедей; заглушать его словами свободную мысль и прикрывать, освящать его именем все безумия, заблуждения и грехи людей. Этот второй способ особенно опасен.

Теодор Паркер.

2

Неправда, чтобы война против чужеземца была священна; неправда, чтобы земля алкала крови. Земля просит у неба воды своих рек и чистой росы его облаков, а не крови. Война проклята богом и даже теми людьми, которые в ней участвуют.

Альфред де Виньи.

3

Только беззакония ваши были средостением между вами и богом вашим, и грехи ваши закрыли лицо бога от вас, чтобы он не слышал: потому что руки ваши осквернены кровью и персты ваши беззаконием; уста ваши говорят ложь, язык ваш произносит неправду. Никто не поднимает голову за правду, и никто не вступает за истину; уповают на пустое и говорят ложь, зачинают беду и рождают беззаконие. Дела их суть дела греховные, и руки их производят насилие; ноги их бегут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови; помышления их -- помышления греховные; опустошение и гибель на пути их; они не знают пути мира, и нет правосудия на стезях их; они сами искривили свои пути; никто, ходящий по ним, не знает мира. Потому-то и далеко от нас правосудие, и правда не доходит до нас; мы ожидаем света, но вот тьма; ждем сиянья, но ходим во мраке; ощупываем стену, как слепые, и ощупью ходим, как безглазые; в полдень спотыкаемся, как в сумерки; между живыми как мертвецы.

Исаии гл. 59, ст. 2--10.

4

Изумительное и ужасное совершается в сей земле: пророки пророчествуют ложь, и священники господствуют при посредстве их, и

народ Мой любит это. Что же вы будете делать после всего этого?

Иеремии, гл. 5, ст. 30--31.

5

И по причине умножения беззакония во многих охладеет любовь.

Мф. гл. 24, ст. 12.

6

Ныне ваше время и власть тьмы.

Лк. гл. 22, ст. 53.

7

Война -- это занавес, за которым люди и народы предаются таким грехам, которых мир не потерпел бы иначе.

Спрингфильд.

8

Перекуют они мечи свои на плуги и копья свои на серпы, не поднимет народ на народ меча и не будут более учиться воевать, но каждый будет сидеть под своею виноградною лозою и под своею смоковницей, и никто не будет устрашать их. Ибо уста господа Саваофа изрекли это.

Михея, гл. 4, ст. 3--4.

Преступление убийства -- всегда преступление, кто бы ни разрешал его и какое бы ни было его оправдание. И потому убийцы, совершающие убийства или приготовляющиеся к ним, -- преступники, по отношению к которым нужно не уважение, одобрение и восхищение, а сожаление, исправление и увещание.

9-е апреля

Любовь к добру и вера в бессмертие -- нераздельны.

1

Никто не может сказать, что он знает то, что есть будущая жизнь. Наше убеждение в этом основано не на логической, но на нравственной достоверности, и потому я не, могу сказать, что несомненно то, что есть бог и мое бессмертие, но я должен сказать, что я нравственно убежден, что есть бог и что мое "я" бессмертно. Это значит то, что вера в бога и в другой мир так связана с моей природой, что вера эта не может быть отделена от меня.

Кант.

2

Чем жизнь наша становится духовнее, тем более мы верим в бессмертие. По мере того как природа наша удаляется от животной грубости, уничтожаются и ее сомнения. Покрывало снимается с будущего, мрак рассеивается, и мы здесь уже чувствуем свое бессмертие.

По Мартино.

3

Все, что я видел и знаю, учит меня верить тому, чего я не видел и не знаю. То, что готовит для нас провидение в будущем, что бы это ни было, должно быть нечто величественное, благое, в том же роде, как и те дела его, которые мы знаем здесь. Наше будущее должно соответствовать тому самому высшему, что мы можем только вообразить, живя в этой жизни.

Эмерсон.

4

В смерти нет ничего страшного; смерть представляется страшной только в той мере, в какой мы отступаем в этой жизни от вечного закона.

5

Мы в мире подобны ребенку, который вошел в комнату, где ученый человек говорит о своей науке. Ребенок не слышал начала и уходит прежде конца. Он услыхал кое-что, но не понял того, что услыхал. Великая речь бога начата много веков прежде, чем мы начали свое учение, и будет продолжаться и тогда, когда мы будем прахом. Мы слышали только часть ее и не поняли большую часть того, что слышали. Но все-таки хотя и немного и смутно, но мы поняли что-то великое и торжественное.

Давид Томас.

6

Кто истинно любит бога, тот не будет стремиться к тому, чтобы бог любил его. Ему достаточно самому любить бога.

Спиноза.

Тот, кто всем существом любит добро (бога), не может сомневаться в своем бессмертии.

10-е апреля

Совершающееся все большее и большее освобождение божественного начала в людях ведет неизбежно к изменению существующего порядка и устройству иного.

1

Чем дольше я живу, тем больше дела передо мной. Мы живем в важное время. Никогда людям не предстояло столько дела. Наш век есть век революции в лучшем смысле этого слова -- не материальной, но нравственной революции. Вырабатывается высшая идея общественного устройства и человеческого совершенства. Мы не доживем до жатвы, но сеять с верою есть великое счастье.

Чаннинг.

2

Прислушайтесь к тому глубокому недовольству теперешней формой христианства, которое распространяется в обществе, выражается ропотом, иногда озлоблением, печалью. Все жаждут пришествия царства бога. И оно приближается.

Более чистое христианство хотя и медленно, но все более и более занимает место того, которое называется этим именем.

Чаннинг.

3

Как сухость (отсутствие сырости) в природе зависит от двух противоположных друг другу причин: от большого холода (зимних морозов) и большого тепла (летних жаров), так и решительность характера (отсутствие колебаний) в человеке обусловлено двумя противоположными друг другу причинами: чисто языческим самосознанием человека, с одной стороны, и чисто христианским -- с другой.

И как весною, т, е. при переходном времени от зимы к лету, наблюдается меньше всего сухости, а, наоборот, обнаруживается больше всего сырости, так и в человеке во время его переходного состояния от язычества к христианству меньше всего обнаруживается решительность в характере, а, наоборот, проявляется больше всего колебания относительно того, что ему сделать и как поступить.

Не радоваться как весеннему времени, так и переходному состоянию от язычества к христианству могут только люди, не понимающие того, чем это время и состояние вызваны. Люди же, понимающие, что весенняя сырость в природе и нерешительность, колебания в человеке вызваны переходным состоянием в природе а в человеке, а именно поворотом солнца к лету в первом случае и повышением жизнепонимания во втором, не только не будут печалиться наблюдаемою ими сыростью и нерешительностью, но будут радоваться тому и другому как явным признакам приближения лета в природе и царства божия в человечестве.

Федор Страхов.

4

В наше время общего религиозного сознания братства людей истинная наука должна указать способы применения этого сознания к жизни, искусство же должно переводить это сознание в чувство.

5

Чем более отдалена цель, тем более необходимо идти вперед. Не спеша, но и не отдыхая.

Мадзини.

6

Я вижу перед собой народ в ливрее рабства и политического бесправия, народ в лохмотьях, голодный, измученный, подбирающий крохи, которые оскорбительно бросаются ему с роскошного пира богачей, или же вижу его мечущимся в порыве грозного мятежа, опьяненного зверской злобой и дикой радостью, и вспоминаю при этом, что эти озверевшие лица носят на себе отпечаток перста божьего и имеют общее с нами назначение. Обращаю потом взоры к будущему, и передо мною рисуется народ, восстающий во всем его величии, как братья по вере, соединенные одними общими узами равенства и любви; вижу этот народ будущего, не развращенный роскошью, не озверяемый нищетой, проникнутый сознанием своего человеческого достоинства. И при этом видении сердце мое мучительно сжимается за настоящее и радостно трепещет за будущее.

Мадзини.

"Да не смущается сердце ваше: веруйте в бога и в меня веруйте", т.е. веруйте в божественность вашей природы, которую Христос открыл вам. Сознание этой божественности не может не быть признано человеком и потому не может не быть осуществлено.

11-е апреля

В нравственном мире все связано еще теснее, чем в плотском. Всякий

обман влечет за собой ряд обманов, всякая жестокость -- ряд жестокостей.

1

Если человек раз нарушил легкую заповедь, то он в конце не остановится пред нарушением важной. Если он преступил заповедь: "Люби ближнего твоего, как самого себя", то он впоследствии будет нарушать и запреты: не мсти и не имей злобы и не возненавидь брата твоего, -- и дойдет, наконец, до пролития крови.

Талмуд.

2

Часто люди гордятся чистотой своей совести только потому, что они обладают короткой памятью.

Жонизад Рафезский.

3

Пусть человек не думает легкомысленно о зле, говоря в сердце своем: оно ведь не коснется меня. Малыми каплями наполняется водный сосуд; весь наполняется злом безумец, мало-помалу творя злое.

Пусть человек не думает небрежно о добре, говоря в сердце своем: нет во мне сил воспринять добро. Как капля за каплей вода наполняет сосуд, так и мало-помалу, творя доброе, весь наполняется добром человек, стремящийся к благу.

Буддийская мудрость. [Дхаммапада].

4

Есть пороки в нас, которые держатся только другими нашими пороками и которые пропадают, когда мы уничтожаем основные пороки, как падают ветви, если подрубить ствол.

Паскаль.

5

Уничтожь один порок, а десять исчезнут.

Род.

6

Совесть есть указание того пути, по которому должно идти. Люди сбиваются с этого пути и тогда делают одни из двух: или жизнь направляют по пути совести, или скрывают от себя указания своей совести. Для первого есть один только способ -- увеличение в себе света и вниманием тому, что он освещает; для второго -- для скрытия от себя указаний совести -- есть два способа: внешний и внутренний. Внешний способ состоит в занятиях, отвлекающих внимание от указаний совести; внутренний состоит в затемнении самой совести. Бойся этого. Только сойди с пути добра -- и не успеешь опомниться, как завязнешь в зле.

Следи за зарождением зла. Есть голос души, которой указывает это зарождение: становится неловко, стыдно. Верь этому голосу. Остановись и ищи, и ты найдешь зарождающийся обман.

12-е апреля

На известной степени углубления в себя человек сознает в себе нечто сверхчеловеческое.

1

Бог уже потому существует, что мы существуем. Называйте это богом или как хотите, но бесспорно то, что в нас есть жизнь, не созданная нами, а дарованная нам, и источник ее называйте богом или как хотите.

Мадзини.

2

Воображение творит призраки и боится их -- это простительно ему потому, что оно воображение. Но чтобы ум подчинялся и боялся тех рассуждений, которые он порождает, непростительно ему потому, что он не может и не должен быть обманут. А между тем суеверие величины есть обман ума, творящего понятие пространства. Сотворенное же не может быть больше творца, сын не больше отца. Тут необходима поправка. Ум должен освободиться от пространства, дающего ему ложное понятие о нем самом. Но освобождение это возможно только тогда, когда мы научимся видеть пространство в уме, вместо того чтобы видеть ум в пространстве. Как же так? Возвратив пространство к его основному свойству. Пространство есть условие деятельности ума.

Поэтому бог везде, не занимая миллиардов кубических верст, ни в сто раз меньше, ни в сто раз больше.

В сознании мир не имеет пространства, но при рассуждении о нем нужны небеса в небесах.

Время и число также не нужны для сознания, а находятся только в уме; поэтому человек не меньше, а больше самого огромного пространства и бесконечного времени и числа,

Амиель.

3

Когда я, стоя в лесу, смотрю на козявку, которая ползет по земле, стараясь спрятаться от меня в еловых иглах, и спрашиваю себя, зачем она так робка и прячет свою голову от меня, когда я, может быть, готов быть ее благодетелем и сообщить ей и всему ее роду, может быть, весьма радостные сведения, -- я невольно вспоминаю о том большом благодетеле, который стоит надо мною, человеком-козявкою.

Торо.

4

Нет бога только для того, кто его не ищет. Только начни искать его -- и он в тебе и ты в нем.

5

Бога искать -- все равно, что воду сетью зачерпывать. Пока зачерпываешь -- вода находится в сети. Как потащил -- ничего не захватил.

Пока ищешь бога мыслью и делом -- бог в тебе. Как только решил, что нашел бога, и успокоился -- потерял его.

Федор Страхов.

6

Удивительно, как мог я не видеть прежде той несомненной истины, что за этим миром и нашей жизнью в нем есть кто-то, что-то знающее, для чего существует этот мир, и мы в тем, как в кипятке пузыри, вскакиваем, лопаемся и исчезаем.

В этом великом единении существ, где все тихо говорите боге, неверующий видит одно только вечное безмолвие.

Руссо.

Если человек не сознает бога, то он никакого права не имеет заключать из этого, что его нет.

13-е апреля

Духовное, божественное начало нашей жизни мы сознаем, с одной стороны, разумом, с другой стороны -- любовью.

1

Свойство мудрого человека состоит в трех вещах: первое -- делать самому то, что он советует делать другим, второе -- никогда не поступать против справедливости и третье -- терпеливо переносить слабости людей, окружающих его.

2

Великие мысли исходят из сердца.

Вовенарг.

3

Наши нравственные чувства так переплетены с умственными силами, что мы не можем затронуть одних, не затронув и других. Большой ум, при отсутствии нравственного чувства, источник великих бедствий.

Джон Рёскин.

4

Все исследуй. Верь только тому, что согласно с разумом.

5

Разум и ум -- два совершенно различных свойства. Есть много людей с большим умом, лишенных разума. Ум есть способность понимать и соображать жизненные, мирские условия; разум же есть божественная сущность души, открывающая ей ее отношение к миру и богу. Разум не только не одно и то же, что ум, но противоположен ему: разум освобождает человека от тех соблазнов и обманов, которые накладывает на человека ум. В этом главная деятельность разума; уничтожая соблазны, разум освобождает сущность души человеческой -- любовь и дает ей возможность проявлять себя.

6

Обыкновенно делают различие между разумом и совестью, говоря, что добрые дела важнее сильного мышления. Но таким разделением неразрывно соединенных сил души мы калечим нашу природу. Отнимите мысль о добродетели, что останется? Без силы мысли то, что мы называем совестью, вырождается в мечтания, преувеличение, оправдание зла. Самые жестокие дела на свете были совершены во имя совести. Люди ненавидели, убивали друг друга по долгу совести.

Чаннинг.

Разумный человек не может быть зол. Добрый человек всегда разумен. Увеличивай в себе доброту упражнением разума и разум упражнением в любви.

14-е апреля

Не может быть благоустройства в обществе, разделенном на богатых -- властвующих и бедных -- повинующихся.

1

Нужно сознаться, что мы с нашим поклонением маммоне пришли к странным заключениям. Мы говорим, что живем в обществе и между тем открыто проповедуем Полнейшее разделение и крайнюю обособленность. Наша жизнь представляет не картину взаимной помощи, а поприще взаимной вражды, прикрытую строго точными законами войны, под именем честного соперничества и т.п. Мы совсем забыли то, что все междучеловеческие отношения не сводятся к плате наличными деньгами. "Что мне за дело до умирающих с голода рабочих? -- говорит богатый фабрикант. -- Разве я открыто не нанимал их на рынке и не уплатил им до последнего гроша все, что следовало им по уговору. Какое же мне еще дело до них?" Да, поклонение маммоне очень грустная вера. Когда Каин из собственной выгоды убил брата своего Авеля и его спросили: "Где твой брат?" -- он тоже отвечал: "Разве я сторож брата моего?" Так же говорит и фабрикант: "Разве я не отдал брату его плату -- все, что он заслужил?"

Карлейль.

2

Так как человек может жить лишь от земли и на земле, то, сделав землю, на которой он должен существовать, собственностью другого, мы столь же полно поработим его, как сделав собственностью другого его плоть и кровь. И в конце концов, на известной степени общественного развития, рабство, вытекающее из захвата земли, в силу того, что отношения между хозяином и рабом бывают при нем менее прямыми и явными, становится более жестоким и более развращающим, чем рабство, делающее собственностью тела людей.

Генри Джордж.

3

Сколько средств, чтобы быть счастливым, сколько удобств, о которых не имели понятия наши предки! И что же, счастливы ли мы? Если малое число более счастливо, то большинство тем более несчастно. Увеличивая средства жизни для малого числа богатых, мы заставили большинство быть и считать себя несчастными. Какое может быть счастие, которое приобретается в ущерб счастию других!

Руссо.

4

Положим, что я спас утопающего, но перед этим я выговорил у него большую часть его собственности. Тут, очевидно, услуга за услугу. Он ценит свою жизнь дороже своей собственности. Но что сказать о таком уговоре? А между тем так отбирается собственность людей, потому что миллионы людей владеют или самым малым или ничтожным, и им за их труды, т.е. за их собственность, дают средства существования.

Вольтер.

5

Бродяга есть необходимое дополнение к миллионеру.

Генри Джордж.

6

Вы не можете основать Христова братства там, где, с одной стороны, невежество, нищета, рабство и развращенность, а с другой стороны, культура, богатство и власть мешают взаимно уважать и любить друг друга.

Иосиф Мадзини.

Быть угнетателем-господином хуже, чем быть покорным рабом. Не тяготись бедностью, тяготись излишеством.

Если ты получаешь доход, не заработавши его, то кто-нибудь другой зарабатывает его не получая.

Маймонид.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

УЛИЧНЫЙ ТОРГОВЕЦ

Жером Кренкебиль, торговец овощами, возил по городу свою тележку и покрикивал: "Капусты, моркови, репы!" А когда у него бывал порей, он кричал: "Свежая спаржа!" -- так как порей -- спаржа бедняков. Однажды,

20 октября, в час пополудни, когда он спускался по улице Монмартр, из лавки вышла мадам Баяр, жена сапожника, и подошла к тележке с овощами. Презрительно подняв пучок порея, она сказала:

-- Не очень-то хорош ваш порей. Почем пучок?

-- Пятнадцать су, хозяйка. Лучше не найдете.

-- Пятнадцать су за такой плохой порей? И она с отвращением бросила пучок обратно в тележку. В это время подошел полицейский, номер 64, и сказал Кренкебилю:

-- Проезжайте!

Кренкебиль уже целых пятьдесят лет ездил с утра до вечера. Приказание полицейского показалось ему законным и вполне в порядке вещей. Готовый его исполнить, он попросил хозяйку взять поскорее, что ей было по вкусу.

-- Мне нужно еще сначала выбрать товар, -- сердито заметила сапожница.

И она снова принялась перетрогивать все пучки порея, выбрала себе тот, который показался ей лучше других, и крепко прижала его к груди.

-- Я дам вам четырнадцать су. Этого вполне достаточно. Я сейчас принесу вам их из лавки, у меня нет с собой.

И, захватив свой порей, она вернулась в лавку, куда только что вошла покупательница с ребенком на руках.

В эту минуту полицейский, номер 64, во второй раз сказал Кренкебилю:

-- Проезжайте!

-- Я дожидаюсь денег, -- ответил Кренкебиль.

-- Я вам не говорю, чтобы вы не дожидались денег; я приказываю вам только проезжать, -- строго сказал полицейский.

Между тем сапожница примеряла в своей лавке голубые башмачки полуторагодовалому ребенку. Покупательница сильно торопилась, и зеленые головки порея спокойно лежали на конторке.

Кренкебиль, в течение целых пятидесяти лет возивший по улицам города свою тележку, умел повиноваться представителям власти. Но на этот раз он попал в исключительное положение между правом и обязанностью. Он мало смыслил в законах и не понял того, что пользование личным правом не освобождало его от исполнения общественных обязанностей. Он слишком сосредоточил свое внимание на своем праве получить четырнадцать су и недостаточно серьезно отнесся к своей обязанности возить тележку и проезжать вперед, все вперед. Он не двигался.

В третий раз полицейский, номер 64, спокойно и без всякого раздражения отдал ему приказание проезжать:

-- Разве вы не слышите, что я приказываю вам проезжать?

У Кренкебиля была слишком важная в его глазах причина оставаться на месте. И он снова .просто, и безыскусственно изложил ее:

-- Господи, боже мой! Да ведь я же говорю вам, что дожидаюсь денег.

Полицейский ответил ему на это:

-- Может быть, вы желаете, чтобы я привлек вас к ответственности за неисполнение полицейских правил? Если вы этого желаете, то вам стоит только заявить.

На эти слова Кренкебиль только медленно пожал плечами, уныло взглянул на полицейского и поднял свой взор к небу. И взор этот говорил:

"Бог видит, какой я противник законам!.."

Может быть, потому, что он не понял выражения этого взора или не нашел в нем достаточного оправдания неповиновению, полицейский снова резким и суровым тоном спросил торговца, понял ли тот его.

Как раз в эту минуту в улице Монмартр было необыкновенное скопление повозок. Извозчики, дрожки, мебельные фуры, омнибусы и тележки, прижатые одна к другой, Мазалось, были неразрывно связаны между собой. Отовсюду раздавались крики и проклятия.

Кучера лениво обменивались издалека крепкими ругательствами с сидельцами из лавок, а кондуктора омнибусов, считая Кренкебиля причиной замешательства, называли его "гадким пореем".

Между тем на тротуаре собрались любопытные и прислушивались к спору. И полицейский, видя, что за ним наблюдают, думал теперь только о том, чтобы показать свою власть;

-- Хорошо, -- сказал он и вынул из кармана грязную записную книжечку и очень короткий карандаш.

Кренкебиль упорствовал, повинуясь какой-то внутренней силе. Впрочем, ему и невозможно было теперь двинуться ни взад ни вперед. Колесо его тележки, к несчастию, зацепилось за колесо повозки молочника.

И в отчаянии теребя свои волосы, он воскликнул:

-- Да ведь я же говорю вам, что жду денег! Что это еще за несчастие! Вот беда, так беда! Господи, боже ты мой!

Полицейский, номер 64, счел себя оскорбленным этими словами, выражающими, впрочем, больше отчаяние, чем протест. И так как всякое оскорбление облекалось для него в традиционную, правильную, освященную обычаем и, можно даже сказать, почти обрядовую форму выражения: "Смерть коровам!" (1) -- то в этой именно форме он воспринял и реализовал в своем мозгу слова преступника.

(1) "Коровами" на воровском жаргоне Парижа зовут полицейских. Это выражение считается для них очень оскорбительным. -- *Примеч. пер.*

-- А! Вы сказали: "Смерть коровам?" Хорошо, следуйте за мной.

Торговец с крайним недоумением и отчаянием взглянул своими широко

раскрытыми глазами на полицейского, номер 64, и, скрестив руки на своей синей блузе, воскликнул:

-- Я сказал: "Смерть коровам?" Я?.. О!..

Арест этот был встречен смехом лавочных сидельцев и уличных мальчишек. Он отвечал страсти всякой человеческой толпы к низким и жестоким зрелищам. Но в это время сквозь толпу зевак пробился старик, одетый во все черное и в высокой шляпе. Он подошел к полицейскому и сказал ему тихим, кротким, но очень твердым голосом:

-- Вы ошиблись. Этот человек не оскорблял вас.

-- Не суйтесь не в свое дело, -- ответил ему полицейский, не сопровождая на этот раз своих слов угрозами, так как он обращался к хорошо одетому человеку.

С большим спокойствием и сдержанностью старик продолжал настаивать. Тогда полицейский объявил ему, что он должен объясняться у комиссара полиции:

Между тем Кренкебиль снова воскликнул:

-- И я сказал: "Смерть коровам!" О-о!..

Когда он произносил эти странные слова, из лавки к нему вышла мадам Баяр, сапожница, с деньгами в руках. Но полицейский уже держал его за шиворот, и мадам Баяр, считая, что не стоит отдавать своего долга человеку, которого ведут в полицию, положила свои четырнадцать су обратно в карман передника.

Поняв вдруг, что тележка его задержана, личная свобода потеряна и под его ногами разверзлась пропасть и померкло солнце, Кренкебиль пробормотал:

-- Все равно!

У комиссара незнакомый старик объяснил, что, будучи задержан на улице, чрезвычайным скоплением экипажей, он сделался свидетелем происшествия. Он утверждал, что полицейский отнюдь не был оскорблен, что он просто ошибся. Старик сказал свое имя и звание: Давид Матье, главный врач больницы Амбруаз-Паре, кавалер Почетного легиона.

Кренкебиль, арест которого продолжался, провел ночь в полиции, а наутро его переправили в арестантской тележке в тюрьму.

Тюрьма не показалась ему ни унизительной, ни тяжелой. Она представилась ему скорее необходимой. Что его особенно поразило в ней, это чистота стен и пола.

Он сказал:

-- Для такого места здесь очень чисто. Правду можно сказать: тут хоть ешь с полу.

Оставшись один, он хотел подвинуть свою табуретку, но увидел, что она прикована к стене. Старик громко выразил свое удивление:

-- Вот так штука! Ни за что я бы не выдумал ничего подобного, ни за что!

Он сел и с удивлением трогал руками все окружающее. Тишина и уединение удручали его. Ему было скучно, и он с тревогой думал о своей тележке, полной капусты, моркови, сельдерея и салата. Он с тоской спрашивал себя: "Куда они дели мою тележку?"

На третий день к нему пришел его адвокат, господин Лемерль, один из самых младших членов суда.

Кренкебиль попробовал рассказать ему свое дело, что для него было далеко не легко, так как он не привык владеть словом. Может быть, при некоторой помощи он и справился бы с этим, но адвокат его только недоверчиво покачивал головой на все, что говорил старик, и, перелистывая бумаги, бормотал про себя: "Гм! гм?.. я ничего этого не вижу в деле..."

Потом, с усталым видом и покручивая свои белокурые усики, он сказал ему:

-- В ваших интересах, может быть, было бы лучше во всем признаться; я с своей стороны считаю вашу систему полного отрицания очень неудачною.

Может быть, Кренкебиль теперь и в самом деле признался бы, если бы он только знал, в чем ему нужно признаваться.

Господин президент Бурриш посвятил целых шесть минут допросу Кренкебиля. Этот допрос мог пролить несколько более света, если бы обвиняемый отвечал на предлагаемые ему вопросы. Но Кренкебиль не привык вести споры, и, кроме того, в таком обществе страх и уважение закрывали ему рот. Итак, он хранил молчание, а президент сам давал ответы; они подтверждали обвинение. Президент кончил:

-- Наконец, вы признаете, что оказали: "Смерть коровам!"

Только теперь из горла обвиняемого Кренкебиля послышались звуки, напоминающие шум старого железа или звон разбитого стекла.

-- Я сказал: "Смерть коровам!", потому что господин полицейский сказал: "Смерть коровам!" Тогда только я сказал: "Смерть коровам!" -- Он хотел дать понять, что изумленный таким непредвиденным обвинением, он, растерявшись, повторил страшные слова, которые можно приписывать ему и которых он, разумеется, не произносил.

Господин президент Бурриш понял его не так.

-- Вы заявляете, -- сказал он, -- что полицейский первый произнес эти слова?

Кренкебиль отказался объяснять. Это было слишком трудно для него.

-- Вы не настаиваете. И вы имеете на это полное основание, -- сказал президент.

И он велел позвать свидетелей.

Полицейский, номер 64, носящий имя Бастиен Матро, поклялся, что будет говорить правду и только одну правду. Потом он изложил следующее:

-- Отправляя свою службу двадцатого октября, в час пополудни, я заметил в улице Монмартр человека, показавшегося мне уличным торговцем. Тележка его незаконно стояла на месте, у дома номер триста двадцать восемь, что послужило поводом к скоплению здесь экипажей. Я три раза отдал ему приказание проезжать, но он отказался удовлетворить его. Когда же я предупредил его, что составлю протокол, он крикнул мне: "Смерть коровам!" -- что мне показалось очень оскорбительным.

Это простое и сжатое объяснение было с видимою благосклонностью выслушано трибуналом. Защита представила госпожу Баяр, сапожницу, и господина Давида Матье, главного доктора больницы Амбруаз-Паре, кавалера Почетного легиона. Госпожа Баяр ничего не видела и ничего не слыхала. Доктор Матье находился в толпе, собравшейся вокруг полицейского, который заставил торговца проезжать. Его показание вызвало курьезный инцидент.

-- Я был свидетелем происшествия, -- сказал он. -- Я заметил, что полицейский ошибся: его никто не оскорбил. Я подошел и заметил ему это. Но полицейский все-таки арестовал торговца и пригласил меня следовать за ним к комиссару полиции, что я и сделал. Я дал уже мое показание перед комиссаром.

-- Можете сесть, -- сказал президент. -- Привратник, позовите опять свидетеля Матро.

-- Матро, когда вы арестовали обвиняемого, не заметил ли вам господин доктор Матье, что вы ошиблись?

-- То есть он меня оскорбил, господин президент.

-- Что же он вам сказал?

-- Он сказал: "Смерть коровам!" Ропот и смех пробежал по зале.

-- Можете уйти, -- поспешно сказал президент, и он предупредил публику, что если эти неприличные манифестации повторятся, то он очистит залу. Между тем защита торжествовала, и все в эту минуту думали, что Кренкебиль будет оправдан.

Когда тишина снова восстановилась в зале, поднялся господин Лемерль. Он начал свою защитительную речь похвалой агентам полиции, "этим скромным служителям общества, которые за ничтожное жалованье переносят усталость, подвергаются беспрерывным опасностям и ежедневно совершают геройские дела. Это все бывшие солдаты, которые и остаются солдатами. Солдаты!.. Уже одно это слово говорит все..." И господин Лемерль принялся приводить высшие соображения насчет военных добродетелей. По его словам, он сам был из тех, "которые не позволяют затронуть армию, эту национальную армию, к которой он имел

честь принадлежать".

Президент кивнул головой.

Господин Лемерль был в самом деле лейтенантом милиции. Он был также националистским кандидатом в квартале Виель-Одриет.

Адвокат продолжал:

-- Нет, разумеется, я хорошо знаю те скромные и драгоценные услуги, которые ежедневно оказывают эти охранители спокойствия доблестному населению Парижа. И я никогда бы не согласился, господа, взять на себя защиту Кренкебиля, если бы я видел в нем оскорбителя бывшего солдата. Моего клиента обвиняют в том, что он сказал: "Смерть коровам!" Смысл этой фразы всем известен. Если вы заглянете в известный словарь, вы там прочтете: "Корова, лентяй, тунеядец. Лениво валяется, как корова, вместо того чтобы работать. Корова, продающаяся полиции: полицейский шпион". "Смерть коровам!" -- говорится в известном кругу людей. Но весь вопрос в том, как сказал это Кренкебиль? И даже сказал ли он это? Позвольте мне, господа, в этом усомниться. Я не подозреваю полицейского Матро ни в каком дурном намерении. Но он, как мы уже заметили, отправляет тяжелую службу. Он иногда утомлен ею, измучен. При таких условиях он легко мог быть жертвою некоторого рода галлюцинации. И если он вам говорит, господа, что доктор Давид Матье, кавалер Почетного легиона, главный врач больницы Амбруаз-Паре, представитель науки и человек из общества, тоже крикнул ему: "Смерть коровам!" -- мы вынуждены признать, что Матро есть жертва психоза и, если выражение не покажется вам слишком сильным, жертва бреда преследования.

-- И даже в том случае, если бы Кренкебиль в самом деле крикнул: "Смерть коровам!" -- нужно еще узнать, имеют ли эти слова характер преступления в его устах. Кренкебиль -- незаконный сын уличной торговки, погибшей от пьянства и разврата; он родился алкоголиком. Вы видите его здесь отупевшим от шестидесяти лет нищеты, и вы скажете, господа, что он не ответственен.

Господин Лемерль сел, и президент Бурриш прочел сквозь зубы приговор, осуждавший Жерома Кренкебиля к двум неделям тюремного заключения и 50 франкам штрафа. Трибунал основывал свое мнение на показании полицейского Матро.

Когда Кренкебиля вели длинными и темными коридорами здания суда, старик почувствовал страшную потребность в сочувствии. Он обернулся к сопровождавшему его сторожу и три раза назвал его:

-- Служивый!... Служивый!.. А?.. Служивый! -- старик вздохнул. -- Если бы мне две недели тому назад сказали, что со мной случится то, что случилось!..

Потом он высказал следующую мысль:

-- Слишком скоро говорят они, эти господа. Они хорошо говорят, только

слишком уж скоро. С ними нельзя столковаться... Служивый, как вам кажется, скоро они говорят?

Но солдат шагал, не говоря ни слова и не поворачивая головы. Кренкебиль спросил его:

-- Почему же вы мне не отвечаете? Солдат продолжал хранить молчание. Старик с горечью заметил ему:

-- Ведь и с собакой разговаривают. Почему же вы ничего не говорите мне? Может быть, вы никогда не открываете рта; значит, вы боитесь проветривать его иногда.

Отведенный снова в тюрьму, Кренкебиль в встревоженном удивлении сел на свой прикованный к стене табурет. Он не понимал путем, что судьи его ошиблись. Под величием форм трибунал скрыл от него свои слабости. Ему трудно было поверить, что прав был он, а не эти важные чиновники, рассуждений которых он не понимал. Ему и в голову не приходило, чтобы в таком торжественном обряде что-нибудь хромало. Не бывая ни в церкви, ни в Елисейских полях, он во всю свою жизнь не видал ничего великолепнее суда исправительной полиции. Он хорошо знал, что не говорил: "Смерть коровам!" Но если его приговорили за эти слова к двум неделям тюремного заключения, то все дело представлялось в его мозгу какой-то величественной тайной, одним из тех догматов веры, с которыми набожные люди соглашаются, не понимая их, -- каким-то таинственным откровением, величественным и ужасным в одно и то же время.

Этот бедный старик признавал себя виновным в том, что он как-то мистически оскорбил полицейского, номер 64, подобно тому как маленький мальчик, принимающийся учить катехизис, считает себя виновным в грехе Евы. Сажая его в тюрьму, ему сказали, что он кричал: "Смерть коровам!" Следовательно, он это действительно кричал каким-нибудь таинственным, ему самому неизвестным способом. Он был перенесен в сверхъестественный мир, и суд над ним показался ему каким-то апокалипсисом.

Если он не мог составить себе ясного представления о своем преступлении, то не более ясно было у него и представление о наказании. Его осуждение казалось ему торжественным и величественным обрядом, ослепительным событием, которого нельзя понять, нельзя оспаривать и которое не должно ни радовать, ни огорчать.

Выйдя из тюрьмы, Кренкебиль по-прежнему возил свою тележку по улице Монмартр и кричал: "Капусты, репы, моркови!" Он не гордился своим приключением и не стыдился его. У него не осталось от него также и тяжелого воспоминания. В его мозгу оно имело вид театрального представления, путешествия, сна. Одна старушка, подойдя к тележке и

выбирая сельдерей, спросила его:
-- Что с вами случилось, дядя Кренкебиль? Целых три недели мы вас не видели. Уж не были ли больны? Вы побледнели немного.
-- Я барином жил это время, мадам Мальош, -- сказал старик.
Ничто не изменилось в его жизни, кроме того, что в этот день он чаще, чем обыкновенно, заходил в кабак, потому что ему все казалось, что теперь праздник и что он познакомится с очень добрыми людьми. Он немного навеселе вернулся в свой угол. Растянувшись на матраце и укрывшись вместо одеяла мешками, которые ему одолжил торговец каштанами с угла, старик подумал: "На тюрьму нечего жаловаться; там все есть, что нужно человеку. Но все-таки у себя дома лучше".
Его благосостояние продолжалось недолго. Скоро он заметил, что его покупательницы кисло смотрели на него.
-- Прекрасный сельдерей, мадам Куантро!
-- Мне ничего не нужно.
-- Как вам ничего не нужно? Ведь не воздухом же вы питаетесь!
Но мадам Куантро, ни слова ему не ответив, гордо вернулась в свою большую булочную. Лавочницы и привратницы, так недавно еще с нетерпением ожидавшие его засыпанной зеленью и цветами тележки, теперь отворачивались от него. Подъехав к сапожной лавке, откуда начались все его приключения, он крикнул:
-- Мадам Баяр, мадам Баяр, вы должны мне еще пятнадцать су.
Но мадам Баяр, сидевшая у своей конторки, не удостоила даже повернуть голову.
Вся улица Монмартр знала, что Кренкебиль вышел из тюрьмы, и никто не хотел больше знать его. Слух об его заключении дошел и до предместья, и до шумного угла улицы Рише. Там около полудня он заметил мадам Лор, его добрую и верную покупательницу. Она нагнулась над тележкой маленького Мартэна и ощупывала большой кочан капусты.
При виде этого у Кренкебиля сжалось сердце. Он толкнул своей тележкой повозку маленького Мартэна и жалобным тоном сказал мадам Лор:
-- Нехорошо с вашей стороны изменять мне. Мадам Лор ни слова не ответила Кренкебилю, разыгрывая оскорбленную.
И старый уличный торговец, почувствовав обиду, заорал во все горло:
-- Ах ты, шлюха!
Мадам Лор уронила свою капусту и закричала:
-- Убирайся ты, старый негодяй! Тоже, выйдут из тюрьмы и оскорбляют еще людей!
Кренкебиль в спокойном состоянии никогда не упрекнул бы мадам Лор за ее поведение. Но на этот раз старик вышел из себя. Он три раза назвал мадам Лор шлюхой, негодной и стервой. И эта сцена окончательно

уронила Кренкебиля в глазах всего предместья Монмартр и улицы Рише.

Старик ушел, ворча про себя:

-- Этакая шлюха! Другой такой шлюхи и не встретишь.

Самое худшее то, что не одна она обращалась с ним, как с каким-то отверженным. Никто не хотел его больше знать.

И характер его стал портиться. Поссорившись с мадам Лор, он стал теперь вздорить со всеми. За всякий пустяк он говорил грубости своим постоянным покупательницам, а если они долго выбирали товар, он прямо называл их трещотками и лентяйками; в кабаке он тоже постоянно ругался с товарищами. Его друг, торговец каштанами, просто не узнавал его и объявил, что дядя Кренкебиль стал настоящим дикобразом. Отрицать этого было нельзя: он сделался неуживчивым, сварливым человеком, грубым и дерзким на язык. Находясь в необразованном обществе, ему, разумеется, было труднее, чем какому-нибудь профессору общественных наук в университете, высказать свои мысли о несовершенстве современного строя и о необходимых изменениях в нем, да и самые мысли плохо и беспорядочно укладывались в его голове.

Несчастие сделало его несправедливым, и он мстил теперь тем, кто вовсе не желал ему зла или был даже иногда слабее его. Так, он однажды больно ударил Альфонса, маленького сына кабатчика, за то, что тот спросил его, хорошо ли было в тюрьме.

-- Ах ты, гадкий мальчишка! -- крикнул он на него. -- Это твоему отцу следовало бы сидеть в тюрьме, а не наживать себе барыши, торгуя отравой.

Наконец он окончательно упал духом. В таком состоянии человек не может уже больше подняться. Все прохожие толкают его ногами.

Пришла нищета, самая черная нищета. Старый уличный торговец, уносивший когда-то из предместья Монмартр полные карманы пятифранковых монет, не имел теперь ни одного су. Стояла зима. Выгнанный из своего угла, он спал теперь в сарае, под телегами. После почти целого месяца дождей сточные трубы переполнились и залили сарай.

Сидя на корточках в своей тележке над вонючей водой, в обществе крыс, пауков и голодных кошек, старик размышлял в темноте. Не евши целый день и не имея теперь даже мешков, чтобы укрыться, он вспоминал те дни, когда правительство давало ему кров и пищу. Он позавидовал участи узников, не страдающих ни от голода, ни от холода, и ему вдруг пришла в голову мысль:

"Я ведь теперь знаю способ; почему бы мне им не воспользоваться?" Он встал и вышел на улицу. Было не позже одиннадцати часов ночи. Стояла

темная и сырая погода. Падала какая-то изморось, холоднее и пронзительнее всякого дождя. Редкие прохожие жались у стен.

Кренкебиль прошел мимо церкви св. Евстафия и повернул в улицу Монмартр. Она была совершенно пуста. Страж порядка стоял на тротуаре, у входа в церковь, под газовым рожком; кругом огня видно было, как падал мелкий дождик. Полицейский был укрыт капюшоном и имел совершенно окоченелый вид. Но потому ли, что он предпочитал свет мраку или просто устал ходить, но он неподвижно стоял под своим канделябром, точно около близкого друга. Этот дрожащий огонек был его единственным собеседником в темную безлюдную ночь. Его неподвижность казалась почти нечеловеческою; отражение его сапог на мокром тротуаре, превратившемся в озеро, удлиняло вниз его фигуру и придавало ему издали вид гигантской амфибии, наполовину вышедшей из воды. Вблизи полицейский в своем капюшоне походил на монаха и на военного. Крупные черты его лица, казавшиеся еще крупнее от тени капюшона, были спокойны и печальны. У него были короткие, густые и уже поседевшие усы. Это был старый сержант лет за сорок.

Кренкебиль тихонько подошел к нему и дрожащим и слабым голосом сказал:

-- Смерть коровам!

Потом он стал ждать действия этих священных слов. Но никакого действия не последовало. Полицейский стоял молча и неподвижно, скрестив руки под своим широким плащом. Его широко раскрытые глаза, светящиеся в темноте, внимательно, печально и с некоторым презрением смотрели на старика. Кренкебиль, удивленный, но все еще сохраняя остаток решимости, пробормотал:

-- Ведь я вам сказал: смерть коровам!

Наступило долгое молчание, в продолжение которого только сыпал дождик и царила глубокая тьма. Наконец полицейский проговорил:

-- Этого не следует говорить... Я вам серьезно советую не говорить этого. В ваши лета следовало бы быть немного опытнее... Проходите своей дорогой.

-- Почему же вы не арестуете меня? -- спросил Кренкебиль.

Полицейский покачал головой под своим мокрым капюшоном:

-- Если бы хватать всех грубиянов, которые говорят то, чего не следует, то слишком много было бы работы!.. И к чему бы это послужило?

Кренкебиль, подавленный этим великодушным презрением, долго в недоумении стоял молча среди большой лужи. Но прежде, чем уйти, он попытался объясниться.

-- Я ведь не для вас сказал: "Смерть коровам!" И не для кого-либо другого. Это я сказал ради одной определенной цели.

Полицейский ответил ему с строгим спокойствием:

-- Ради какой-либо цели или ради чего другого, но это вовсе не следовало говорить, потому что, когда человек исполняет свои обязанности и терпит при этом немало страданий, его не следует оскорблять пустыми словами... Я вам повторяю, чтобы вы проходили своей дорогой.

И Кренкебиль, опустив голову и размахивая руками, исчез под дождем в темноте ночи.

Анатоль Франс.

15-е апреля

Последствия наших поступков никогда не могут быть доступны нам, потому что последствия наших поступков в бесконечном мире представляются нам бесконечными.

1

Наши поступки -- *это наше, последствия же их* -- *дело небес*.

Франциск.

2

Ты -- поденщик; отработай свой день и получи поденную плату.

Талмуд.

3

Тщетны усилия людей проникнуть в тайну бытия бога: их дело только в

том, чтобы соблюдать закон его.

Талмуд.

4

Исполняй долг свой, а последствия предоставь возложившему его на тебя.

Талмуд.

5

Результаты ваших дел оценят другие; старайтесь только о том, чтобы сердце ваше сейчас, в настоящую минуту, было чисто и правдиво.

По Джону Рёскину.

6

Святой муж заботится о внутреннем, а не о внешнем; он пренебрегает внешним, а избирает внутреннее.

Лао-Тсе.

7

Одно из определенных условий труда человека состоит в том, что чем отдаленнее цель наших стремлений, чем меньше мы желаем сами видеть

плоды наших трудов, тем больше и обширнее будет мера нашего успеха.

Джон Рёскин.

8

Самые важные и нужные для самого и для других дела человека -- это те, последствия которых он не увидит.

9

Каждый человеческий поступок тем почетнее, лучше и великолепнее, чем отдаленнее его последствия.

Джон Рёскин.

10

Поступок, совершенный без всяких соображений о каких бы то ни было последствиях, ввиду только исполнения воли бога, есть наилучший поступок, который может быть совершен человеком.

11

В мире, как порох в мине, скрыты огромные залежи зла и неправды. Когда нам приходится делать в эту мину новые вклады тех же зла и лжи, то, по-видимому, мы не нарушаем этим общего спокойствия и равновесия людского общежития; когда же в виде вклада в, мину мы приносим не зло и ложь, а добро и правду, то добро и правда как искры взрывают порох зла и лжи, и зло и ложь обнаруживаются, делаются явными.

Воздерживаться от совершения добра людям и продолжать участвовать в поддержании царящей неправды только во избежание взрыва пороха в мине -- значит не понимать значения взрыва пороха, который лишь

разряжает накопившееся зло и тем не увеличивает, а уменьшает его количество.
Христос, сам признавший, что принес своим учением не мир, но меч и разделение на земле, не смущался тем злом, которое вызывал таким образом наружу, а радовался явному столкновению добра со злом и света с тьмою, которое и должно доставить явное торжество свету и добру.

Федор Страхов.

12

Жизнь Христа особенно важна как образец невозможности для человека видеть плоды своих трудов. И тем меньше, чем важнее дело. Моисей мог войти со своим народом в обетованную землю, но Христос никак не мог видеть плодов своего учения, если бы он жил до сих пор. А мы хотим делать дело божье, а награду получать людскую.

Если ты можешь видеть все последствия своей деятельности, то знай, что эта деятельность ничтожна.

16-е апреля

Признание достоинства человека в себе и других несовместимо ни с подчинением, ни с покровительством, ни с благодетельствованием одного человека другому.

1

Всякий человек может требовать уважения к себе и точно так же должен уважать ближнего.
Ни один человек не может быть ни орудием, ни целью. В этом состоит его достоинство. И как он не может располагать собою ни за какую цену

(что было бы противно его достоинству), так же не имеет он права отступать от обязательного, равного уважения ко всем людям, т.е. он обязан в действительности признавать достоинство человеческого звания в каждом человеке и потому должен выражать это уважение по отношению к каждому человеку.

Кант.

2

В своих рассуждениях о благе трудящихся представители власти впадают в тон снисходительного покровительства. Людей, сознающих истинное достоинство труда, этот тон оскорбляет более, чем могло бы их оскорбить открыто выраженное презрение во всех изъявлениях их сочувствия слышится признание, что нищета есть естественное состояние трудящихся, в которое они должны впадать всюду, где им благосклонно не покровительствуют. Никто и вида не показывает, чтобы землевладельцы или капиталисты нуждались в покровительстве. Они, говорят нам, могут сами позаботиться о себе; лишь бедным рабочим надо покровительствовать.

Генри Джордж.

3

Покровительство массам во все времена было предлогом к насилию -- оправданием монархии, аристократии и преимуществ разного рода. Но есть ли хоть один пример в истории мира, когда, при монархическом ли, при республиканском ли правлении, покровительство рабочим массам не означало бы их угнетения? Покровительство, какое оказывали трудящимся люди, державшие в своих руках законодательную власть, в лучших случаях было лишь покровительством, какое человек оказывает скотине. Он покровительствует ей, чтобы пользоваться затем ее силой и мясом.

Генри Джордж.

4

Самые ничтожные мелочи содействуют образованию характера.
Не говори, что мелочи -- пустяки. Только истинно нравственный человек видит всю значительность мелочей.

5

Есть верующие люди, которые имеют обычай кланяться в ноги перед каждым человеком, с которым они входят в сношение. Они говорят, что делают это потому, что в каждом человеке живет дух божий. Как ни странен этот обычай, основание его глубоко истинно.

6

Человек робок и все выпрашивает себе снисхождения. Он едва отваживается сказать: я есмь, я мыслю.

Эмерсон.

Человек, служа другому, должен знать, что он не подчиняется, не покровительствует, не благодетельствует, а исполняет свою обязанность -- не перед человеком, а перед вечным законом.

17-е апреля

Христианство -- это учение о божественном в человеке.

1

Христианство -- простое дело, очень простое: любовь к человеку, любовь к богу. Будь совершенен, как отец твой небесный; живи в боге, т.е. делай наилучшие дела, лучшим способом и ради наилучших целей.

Все это очень просто: малое дитя может понять это; и так прекрасно, что великий ум не придумает ничего прекраснее.

Паркер.

2

От Моисея до Иисуса совершилось великое умственное и религиозное развитие среди отдельных людей и народов. От времени Иисуса до нашего это движение как в отдельных людях, так и в народах было еще значительнее. Старые заблуждения откинуты, и новые истины вошли в сознание человечества. Один человек не может быть так же велик, как человечество. Если великий человек настолько впереди своих собратий, что они не понимают его, -- приходит время, когда они сначала догоняют, потом обгоняют его и уходят так далеко, что в свою очередь становятся непонятными для тех, которые стоят на том месте, где стоял прежний великий человек, и тогда нужен новый великий человек, и он является и открывает дальнейший путь.

Паркер.

3

Без ясного понимания смысла своей жизни, без того, что называется верой, человек всякую минуту может отречься от всего того, во имя чего он жил, и начать жить во имя того, что он проклинал.

4

Человеку не может быть доступна цель его жизни. Знать может человек только ее направление.

5

Сущность всех религиозных учений -- в любви. Особенность христианского учения о любви -- в том, что оно ясно и точно определило главное условие любви, условие, нарушение которого уничтожает возможность любви.

Условие это есть непротивление злу насилием.

6

Любовь христианская вытекает из сознания единства божественного начала в себе и во всех людях, и не только в людях, но и во всем живом.

Хотите быть спокойны и сильны -- утверждайте в себе веру.

18-е апреля

Важно не количество знаний, а качество их. Можно знать очень многое, не зная самого нужного.

1

Не стыдно и не вредно не знать. Всего знать никто не может, а стыдно и вредно притворяться, что знаешь, чего не знаешь

2

Люди не могут знать и понимать всего того, что делается на свете, и потому суждения их о многих вещах неверны. Неведение человека бывает двоякое: одно неведение есть чистое, природное неведение, в котором люди рождаются; другое неведение -- так сказать, неведение истинно-мудрого. Когда человек изучит все науки и узнает все то, что люди знали и знают, то он увидит, что эти знания все, вместе взятые, так ничтожны, что по ним нет возможности действительно понять мир божий, и он убедится в том, что ученые люди, в сущности, все так же ничего не знают, как и простые, неученые. Но есть люди верхогляды, которые кое-чему поучились, нахватались верхушек разных наук и зазнались. Они ушли от природного неведения, но не успели дойти до истинной мудрости тех ученых, которые поняли несовершенство и ничтожество всех человеческих знаний. Эти-то люди, считающие себя умниками, и мутят мир. Они обо всем судят самоуверенно и опрометчиво и, разумеется, постоянно ошибаются. Они умеют бросать пыль в глаза, и часто люди к ним относятся с уважением, но простой народ их презирает, видя их бесполезность; они же презирают народ, считай его невежественным.

Паскаль.

3

Если бы только одним людям разрешено было производить пищу, а всем остальным было бы запрещено это делать, или бы они были поставлены в невозможность производить пищу, то пища была бы нехороша. Это самое случилось с науками и искусствами, монополию которых присвоила одна каста, но только с той разницей, что в телесной пище не может быть очень больших отклонений от естественности; в духовной же пище могут быть самые большие отклонения.

4

Мудрость -- предмет великий и обширный, она требует всего свободного времени, которое может быть посвящено ей. С каким бы количеством вопросов ты ни успел справиться, тебе все-таки придется промучиться над множеством вопросов, подлежащих исследованию и решению. Эти вопросы так обширны" так многочисленны, что требуют отстранения из сознания всего излишнего для того, чтобы предоставить полный простор работе ума. Тратить ли мне свою жизнь на одни слова? А часто бывает, что ученые больше думают о разговорах, нежели о жизни. Заметь, какое зло порождает чрезмерное мудрствование и как оно может быть опасно для истины.

Сенека.

5

Методическая болтовня высших училищ зачастую есть только общее соглашение уклоняться от решения трудно разрешимых вопросов, придавая словам неясный, изменчивый смысл, потому что удобное и большей частью равнодушное "не знаю" неохотно выслушивается в академиях.

Кант.

6

Истине приходится преодолевать тысячу препятствий, чтобы невредимо добраться до бумаги и с бумаги снова до головы. Лжецы -- самые слабые враги истины. Самые опасные враги истины -- это, во-первых, восторженный писатель, говорящий о всех вещах и рассматривающий все вещи, как иные люди, когда они подвыпили; во-вторых, это человек, считающий себя знатоком людей, который в каждом поступке человека видит или хочет видеть отраженною всю его жизнь, и, наконец, добродетельный, благочестивый человек, всему верящий из почтения, ничего не исследующий из выученного им до пятнадцати лет и строящий

то немногое, что он подвергает исследованию на неисследованном основании. Вот эти-то люди -- самые опасные враги истины.

Лихтенберг.

7

Самыми горячими защитниками всякой науки, не выносящими малейшего косого взгляда на нее, бывают обыкновенно такие личности, которые недалеко ушли в ней и тайно сознают за собой этот недостаток.

Лихтенберг.

8

Культура -- это фанера, которой чаще бывает покрыто невежество, чем просвещение.

Люси Малори.

9

Ученый, ничего не производящий, подобен туче, не дающей дождя.

Восточная мудрость.

10

Плохи главным образом те писатели, которые свои непосредственные мысли тщатся выразить словами, подходящими для мыслей, хорошо

продуманных. Если бы они не делали этого, а высказывали бы свои мысли соответствующими словами, они всегда вносили бы свою часть, содействующую улучшению целого, и были бы достойны внимания.

Лихтенберг.

Для истинного знания вреднее всего употребление понятий и слов не вполне ясных. А это-то самое и делают мнимые ученые, придумывая для неясного понятия неясные, несуществующие, выдуманные слова.

19-е апреля

Человек, не сознающий благодетельности страданий, еще не начинал жить разумной, т.е. истинной, жизнью.

1

Все великое совершается в человечестве лишь при условии страдания. Иисус знал, что этого надо было ожидать и ему, и он все предвидел: и ненависть тех, власть которых он пришел разрушить, и их тайные заговоры, и их насилия, и неблагодарную измену того народа, которого болезнь он излечивал, которого в пустыне старого общества он питал небесным хлебом своего слова; он предвидел и крест, и смерть, и оставление своими, еще более горестное, чем самая смерть. И мысль эта не покидала его, но это ни на минуту не останавливает его. Если телесная природа его отталкивает "чашу сию", воля более сильная принимает ее без колебания. И в этом он дает всем тем, кто продолжит его дело, -- всем тем, кто, как он, придет трудиться для спасения людей, для освобождения их от бремени заблуждения и зла, -- дает им пример, который должен быть всегда памятен. Если люди хотят достичь цели, к которой ведет Христос, надо, чтобы и они шли тем же путем. Только этой ценой люди служат людям. Вы хотите, чтобы они были истинно братьями, вы призываете их к законам их общей природы, вы боретесь против всякого притеснения,

всякого беззакония, всякого лицемерия; вы призываете на землю царство справедливости, долга, правды, любви -- как же могут те, которых власть основана на противном, не подняться против вас? Разве они могут без борьбы оставить вас разрушать их храм и строить другой: не такой, как их -- уже не дело рук человеческих, -- но вечный храм, основы которого положил сам бог? Оставьте эту надежду, если когда-либо вы и были так легкомысленны, что имели ее. Вы выпьете чашу до последней капли. Вас возьмут как воров; против вас будут искать ложных свидетельств, а на то, которое вы сами о себе дадите, подымется крик: он богохульствует! и судьи скажут: он достоин смерти. Когда это случится, радуйтесь: это последнее знамение -- знамение того, что вы истинно посланы отцом.

Ламенэ.

2

Как мрак ночи открывает небесные светила, так только страдания открывают все значение жизни.

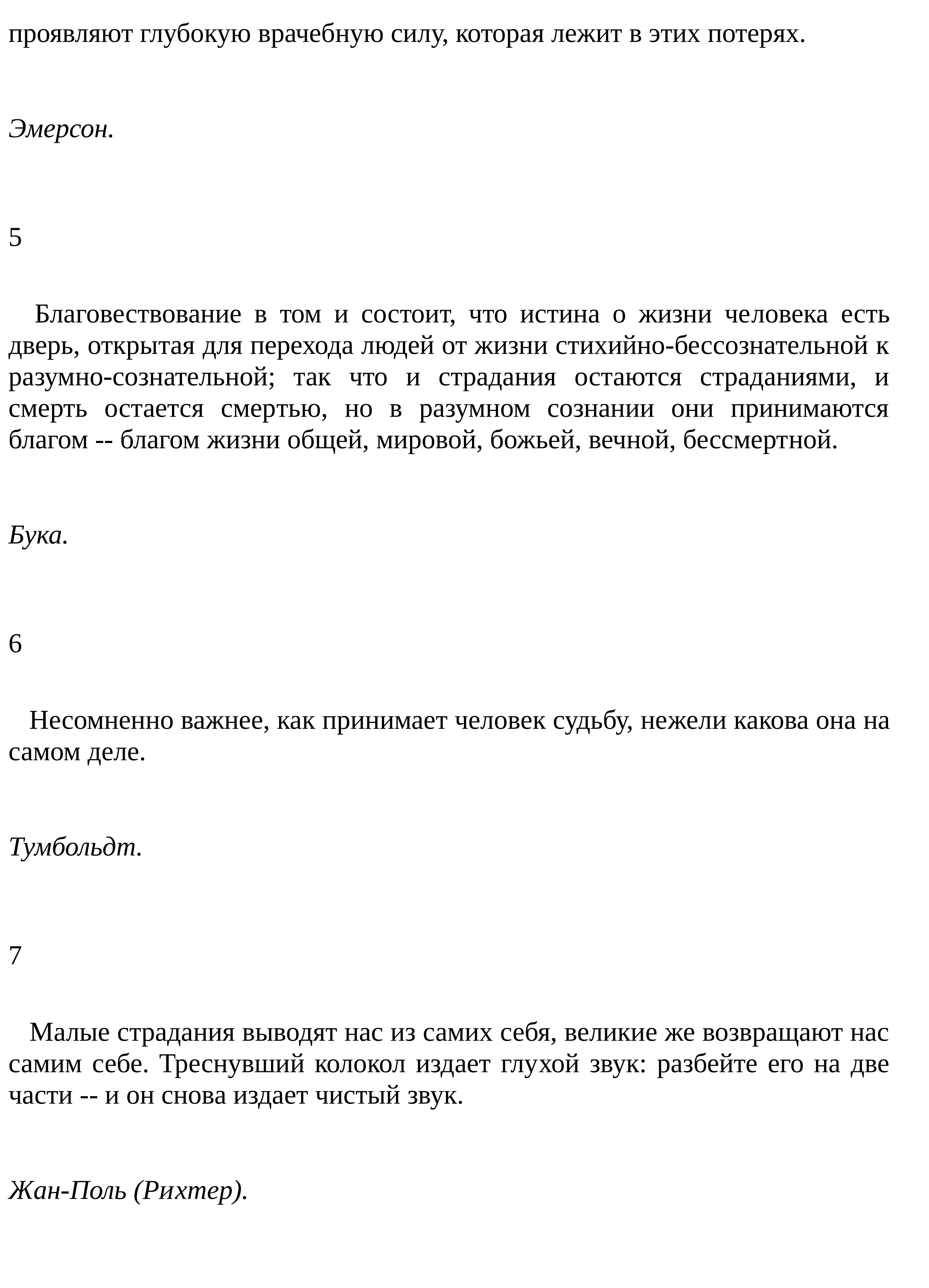
Торо.

3

Без страданий не может быть духовного роста, невозможно увеличение жизни -- от этого-то страдания и сопутствуют всегда смерти. Страдание -- необходимое и благодетельное условие жизни. От этого-то и говорят в народе, что бог любит того, кого посещают бедствия.

4

Болезнь, лишение члена, жестокое разочарование, потеря имущества, потеря друзей кажется в первое время невозвратимой потерей. Но года

проявляют глубокую врачебную силу, которая лежит в этих потерях.

Эмерсон.

5

Благовествование в том и состоит, что истина о жизни человека есть дверь, открытая для перехода людей от жизни стихийно-бессознательной к разумно-сознательной; так что и страдания остаются страданиями, и смерть остается смертью, но в разумном сознании они принимаются благом -- благом жизни общей, мировой, божьей, вечной, бессмертной.

Бука.

6

Несомненно важнее, как принимает человек судьбу, нежели какова она на самом деле.

Тумбольдт.

7

Малые страдания выводят нас из самих себя, великие же возвращают нас самим себе. Треснувший колокол издает глухой звук: разбейте его на две части -- и он снова издает чистый звук.

Жан-Поль (Рихтер).

8

Сила и благодать религии в том, что она объясняет человеку смысл его существования и его конечное назначение. Когда же (как мы все сделали это в наш век науки и умственной свободы) мы откинули все основы нравственности, вытекающей из религии, нет уже никакого средства узнать, зачем мы явились в этот мир и что нам в нем делать.

Тайна судьбы обнимает нас со всех сторон своими могущественными вопросами, и, действительно, надо совсем не думать, чтобы не чувствовать мучительную, ужасающую бессмысленность жизни. Телесные страдания, нравственное зло, боли души, счастие злых, унижение праведного -- все это можно было бы перенести, если бы можно было понять внутренний порядок устройства мира, если бы можно было предполагать в этом провидение. Верующий радуется на свои раны, он терпеливо переносит несправедливости и насилия своих врагов; грех, даже преступления не лишают его надежды. Но для человека, в котором погашена всякая вера, зло и страдания теряют смысл, и жизнь представляется только как отвратительная шутка.

Анатоль Франс.

Человек, живущий духовной жизнью, не может не видеть, что страдания подвигают его к желанной цели совершенствования, и для такого человека страдание теряет всю свою горечь и становится благом.

20-е апреля

Самоотречение для человека, сознающего свою духовность, есть такое же благо, как и удовлетворение страстей и похотей для человека, живущего животной жизнью.

1

Тот добр, кто делает добро другим. Если он страдает за то, что делает добро, он еще лучше; если страдает от тех, кому он делает добро, он

достигает высшей доброты, усилить которую может только увеличение страданий за то, что он продолжает делать; если он умрет за это -- это самое высшее совершенство.

Лабрюйер.

2

Кто любит отца или мать более, нежели меня, недостоин меня, и кто любит сына или дочь более, нежели меня, недостоин меня; и кто не берет креста своего и не следует за мной, тот недостоин меня. Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради меня сбережет ее.

Мф. гл. 10, ст. 37-39.

3

Для человека нет высшего блага, как бескорыстно работать для блага других, -- работать для вечного блага. Когда люди подчинятся общему интересу, как подчиняются они теперь своим личным стремлениям; тогда они узнают мир и счастие, и пред ними раскроются те бесконечные проявления небесной мудрости, которых они не видят теперь.

Люси Малори.

4

Тогда Иисус сказал ученикам своим: если кто хочет идти за мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за мною; ибо кто хочет душу (жизнь) свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради меня, тот обретет ее. Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?

Мф. гл. 16, ст. 24-26.

5

Как огонь уничтожает свечу, так добро уничтожает личную жизнь.

Как тает воск от лица огня, так сознание личной жизни уничтожается участием в добре.

Смерть разрушает тело, как разрушают леса, когда здание построено. И тот, чье здание построено, радуется разрушению лесов, т.е. своего тела.

6

Есть всегда темное пятно в нашем солнечном свете: это тень, которая падает от нашей личности.

Карлейль.

7

Себялюбие -- это тюрьма для духа, которая лишает счастья так же верно, как острог лишает физической свободы.

Люси Малори.

8

Мы лишь тогда истинно живем для себя, когда живем для других. Это кажется странным, но испытай, и ты на опыте убедишься.

Если человек живет духовной жизнью, то отречение от мирских благ не может представляться ему заслугой. Он не может поступить иначе. Он при этом улучшает, а не ухудшает свое положение.

21-е апреля

Предстоящее изменение устройства жизни людей нашего христианского мира состоит в замене насилия любовью, в признании возможности, легкости, блаженства жизни, основанной не на насилии и страхе его, а на любви.

1

Трудно приучиться к тому, чтобы не жалеть людей в том, в чем она сами о себе жалеют; в потере имущества, семьи, красоты, здоровья, людской славы, а жалеть их в том, в чем они истинно жалки: в потере их нравственности, чистоты разума, добрых привычек. А между тем такое отношение к людям необходимо для того, чтобы исполнять свои обязанности к ним.

2

Сие заповедую вам, да любите друг друга. Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы вас; а как вы не от мира, но я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир.

Ин. гл. 15, ст. 17-19.

3

Люди думают, что есть положения, в которых можно обращаться с

человеком без любви, а таких положений нет. С вещами можно обращаться без любви: можно рубить деревья, делать кирпичи, ковать железо без любви, но с людьми нельзя обращаться без любви, так же как нельзя обращаться с пчелами без осторожности. Свойство пчел таково, что если станешь обращаться с ними без осторожности, то им повредишь и себе. То же и с людьми.

И это не может быть иначе, потому что взаимная любовь между людьми есть основной закон жизни человеческой. Правда, что человек не может заставить себя любить, как он может заставить себя работать; но из этого не следует, что можно обращаться с людьми без любви, особенно если чего-нибудь требуешь от них. Не чувствуешь любви к людям -- сиди смирно, занимайся собой, вещами, чем хочешь, но только не людьми. Как есть можно без вреда и с пользой только тогда, когда хочется есть, так и с людьми можно обращаться с пользой и без вреда только тогда, когда любишь. Только позволь себе обращаться с людьми без любви -- и нет пределов жестокости и зверства по отношению других людей, и нет пределов страдания для себя.

4

До тех пор, пока я не увижу того, чтобы соблюдалось важнейшее правило Христа -- любовь к врагам, -- до тех пор я не перестану сомневаться в том, чтобы выдающие себя за христиан были ими.

Лессинг.

5

Как только допущены такие условия, при которых человек может делать ближнему то, чего он не хотел бы для себя: всякого рода насилия, как всякие наказания и даже убийство, так все учение о любви становится пустыми словами.

6

Не должно делать ни малейшего зла для того, чтобы доставить успех

величайшему благу.

Паскаль.

7

Самой губительной ошибкой, которая когда-либо была сделана в мире, было отделение политической науки от нравственной.

Шелли.

Живи не так, чтобы, будучи согласным с миром, быть готовым продолжать такую жизнь. Если ты так живешь, ты отдаляешь приближение царства любви. Живи так, чтобы возможно было наступление этого царства. А для того чтобы жить так, оснуй свою жизнь не на насилии, а на любви.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ИЗ ПИСЬМА

Перед человеком мир, который был до него и останется после него, и он знает, что мир этот вечен и что он желал бы участвовать в этой вечности. Раз человек был призван к жизни, он требует своей доли в той жизни вечной, которая окружает его, возбуждает его подсмеивается над ним и уничтожает его. Он знает, что начался, и не хочет кончиться. Он громко призывает, он тихим голосом молит о достоверности, которая постоянно ускользает от него для его же счастия, потому что достоверное знание было бы для него неподвижностью и смертью, так как сильнейший двигатель человеческой энергии есть неизвестное. Человек не может установиться в достоверности и носится в неопределенных стремлениях к совершенству, и как бы далеко он ни отклонялся в скептицизм, в

отрицание вследствие гордости, любопытства, злобы, моды -- он всегда возвращается к надежде, без которой он не может жить.

Так что бывает иногда затмение, но нет никогда полного исчезновения человеческого, стремления к совершенству. Через него проходят философские туманы, как облака перед месяцем, но белое светило продолжает свое шествие и вдруг появляется из-за них нетронутым и блестящим. Эта неудержимая потребность совершенства в человеке объясняет то, что человек бросался с таким доверием, с таким восторгом, без разумного контроля в различные религиозные учения, которые, обещая ему бесконечное, предлагали его ему сообразно его природе и ставили его в известные рамки, всегда необходимые даже для совершенства.

Но вот уже давно, при каждой станции движения человечества, новые люди выходят из мрака во все большем и большем количестве, в особенности за последние 100 лет, и люди эти во имя разума, науки, наблюдения отрицают то, что считалось истинами, объявляют их относительными и хотят разрушить те учения, которые их содержат.

А между тем та сила, какая бы она ни была, которая сотворила мир, так как он, как мне кажется, все-таки не мог сотвориться сам, сделав нас своими орудиями, удержала за собой право знать, зачем она нас сделала и куда она нас ведет. Сила эта, несмотря на все намерения, которые ей приписывали, и на все требования, которые к ней предъявляли, -- сила эта, как кажется, желает удержать свою тайну, и потому (я скажу здесь все, что думаю) мне кажется, что человечество начинает отказываться от желания проникнуть в нее. Человечество обращалось к религиям, которые ничего не доказали ему, потому что они были различны; обращалось к философиям, которые не более тога разъясняли ему, потому что они были противоречивы; оно постарается теперь управиться одно со своим простым инстинктом и своим здравым смыслом, и, так как оно живет на земле, не зная зачем и как, оно постарается быть настолько счастливым, насколько это возможно, теми средствами, которые предоставляет ему наша планета.

Есть люди, которые предлагают как средство против всех затруднений в жизни труд. Лекарство известное, и от этого оно не менее хорошо, но оно всегда было я продолжает быть недостаточным. Пусть работает человек своими мускулами или своим умом, все-таки никогда не может быть его единственной заботой приобретение пищи, наживание состояния или приобретение славы. Все те, которые ограничивают себя этими целями, чувствуют и тогда, когда они достигли их, что им еще недостает чего-то: дело в том, что, что бы ни производил человек, что бы ни говорил, что бы ему ни говорили, он состоит не только из тела, которое надо кормить, и ума, который надо образовать и развивать, -- у него, несомненно, есть еще и душа, которая еще заявляет свои требования. Эта-то душа находится в

неперестающем труде, в постоянном развитии и стремлении к свету и истине. До тех пор, пока она не получит весь свет и не завоюет всю истину, она будет мучить человека.

И вот она никогда так не занимала, никогда не налагала с такой силой свою власть на человека, как в наше время. Она, так сказать, разлита во всем том воздухе, который вдыхает мир. Те несколько индивидуальных душ, которые отдельно желали общественного перерождения, мало-помалу отыскали, призвали друг друга, сблизились, соединились, поняли себя и составили группу, центр притяжения, к которому стремятся теперь другие души с четырех концов света, как летят жаворонки на зеркало: они составили, таким образом, общую душу, с тем чтобы люди вперед осуществляли сообща, сознательно и неудержимо предстоящее единение и правильное движение вперед народов, недавно еще враждебных друг другу. Эту новую душу я нахожу и узнаю в явлениях, которые кажутся более всего отрицающими ее.

Эти вооружения всех народов, эти угрозы, которые делают друг другу их правители, эти возобновления гонений известных народностей, эти враждебности между соотечественниками суть явления дурного вида, но не дурного предзнаменования. Это -- последние судороги того, что должно исчезнуть. Болезнь в этом случае есть только энергическое усилие живого существа освободиться от смертоносного начала. Те, которые воспользовались и надеялись еще долго и всегда пользоваться заблуждениями прошедшего, соединяются с целью помешать всякому изменению. Вследствие этого -- эти вооружения, эти угрозы, эти гонения, но, если вы вглядитесь внимательнее, вы увидите, что все это только внешнее. Все это огромно, но пусто.

Во всем этом уже нет души: она перешла в иное место. Все эти миллионы вооруженных людей, которые каждый день упражняются ввиду всеобщей истребительной войны, не ненавидят уже тех, с которыми они должны сражаться, ни один из их начальников не смеет объявить войны. Что касается до упреков, даже заражающих, которые слышатся снизу, то уже сверху начинает отвечать им признающее их справедливость великое и истинное сострадание.

Взаимное понимание неизбежно наступит в определенное время и более близкое, чем мы полагаем. Я не знаю, происходит ли это оттого, что я скоро уйду из этого мира и. что свет, исходящий из-под горизонта, освещающий меня, уже затемняет мне зрение, но я думаю, что наш мир вступает в эпоху осуществления слов: "любите друг друга", без рассуждения о том, кто сказал эти слова: бог или человек.

Спиритуалистическое движение, заметное со всех сторон, которым столько самолюбивых и наивных людей думают управлять, будет, безусловно, человечно. Люди, которые ничего не делают с умеренностью,

будут охвачены безумием, бешенством любить друг друга. Это сначала, очевидно, не совершится само собой. Будут недоразумения, может быть, и кровавые: так уж мы воспитаны и приучены ненавидеть друг друга часто теми самыми людьми, которые призваны научить нас любви. Но так как очевидно, что этот великий закон братства должен когда-нибудь совершиться, я убежден, что наступают времена, в которые мы неудержимо пожелаем, чтобы это совершилось.

Александр Дюма.

22-е апреля

Познание себя есть познание Бога.

1

Иисус же возгласил и сказал: верующий в меня не в меня верует, но в пославшего меня; и видящий меня видит пославшего меня. Я, свет, пришел в мир, чтобы всякий верующий в меня не оставался во тьме. И если кто услышит мои слова и не поверит, я не сужу его, ибо я пришел не судить мир, но спасти мир. Отвергающий меня и не принимающий слов моих имеет судью себе: слово, которое я говорил; оно будет судить его в последний день. Ибо я говорил не от себя; но пославший меня отец. Он дал мне заповедь, что сказать и что говорить. И я знаю, что заповедь его есть жизнь вечная. Итак, что я говорю, говорю, как сказал мне отец.

Ин. гл. 12, ст. 44-50.

2

Величайшее знание есть знание самого себя: кто себя познает, тот познает и бога.

3

Основное свойство человека -- более или менее любить одно и не любить другое -- не происходит от пространственных и временных условий; но, напротив, пространственные и временные условия действуют или не действуют на человека только потому, что человек, входя в мир, уже имеет весьма определенное свойство любить одно и не любить другое. Только от этого и происходит то, что люди, рожденные и воспитанные в совершенно одинаковых пространственных и временных условиях, представляют часто самую резкую противоположность своего внутреннего *я*.

4

Без чистоты души зачем поклонение богу? Зачем говорить: я пойду на поклонение богу? Как может поклоняться богу тот, кто делает зло?

Святость не в лесах, не на небе, не на земле, не в священных реках. Очисти свое тело, и ты увидишь его. Преврати тело в храм, откинь дурные мысли и созерцай бога внутренним оком. Когда мы познаем его, мы познаем самих себя. Без личного опыта одно писание не уничтожит наших страхов, так же как темнота не разгоняется написанным огнем. Какая бы ни была твоя вера и твои молитвы, пока в тебе нет правды, ты не достигнешь пути блага. Тот, кто познает истину, тот родится снова.

Источник истинного блага -- в сердце: безумен тот, кто ищет его в ином месте. Он подобен пастуху, ищущему ягненка, который у него за пазухой.

Зачем вы собираете камни и строите великие храмы? Зачем мучаете себя так, тогда как бог живет постоянно внутри вас?

Дворная собака лучше, чем безжизненный идол в доме, и лучше, чем все полубоги, великий бог мира.

Тот свет, который, как утренняя звезда, живет внутри сердца каждого человека, этот свет -- наше прибежище.

Вамана Пурана.

5

Странно кричать человеку, который не знает себя, чтобы он от самого себя переходил к богу! Хорошо говорить это человеку, который знает себя.

Паскаль.

Человек может перенести свое *я* из области подчиненной, непостоянной и бедственной в то, что свободно, неизменно и радостно: в сознание своей духовной, божественной сущности.

23-е апреля

Истинное добро всегда просто.

Простота так привлекательна, так выгодна, что удивительно, как мало людей бывают просты.

1

Не ищи счастия за морем. Благодарение всевышнему, что нужное он сделал нетрудным, а трудное -- ненужным.

Григорий Сковорода.

2

Все истинно хорошие вещи дешевы, все вредные -- дороги.

Торо.

3

Каждое приобретение так называемого прогресса сопряжено с некоторым лишением: общество обогатится, например, новым изобретением, а между тем утратит некоторое свойство, врожденное каждому из нас. Образованный человек имеет экипажи, но едва владеет своими ногами. У него прекрасные женевские часы, но ему не узнать часа по солнцу. Он купит астрономический календарь и, полагаясь на то, что найдет в нем все нужное, не сумеет отличить ни одной звезды на небе, не подметит ни осеннего, ни весеннего равноденствия.

Разумный человек, откидывая все излишнее, в конце концов возвращается к тому, что для него необходимо.

Эмерсон.

4

Почти все наши расходы делаются для того, чтобы быть похожими на других.

Эмерсон.

5

Служи общему делу -- делай дело любви -- словом, воздержанием, усилием: тут не сказал словечка дурного, не сделал того, что было бы хуже, тут преодолел робость и ложный стыд и сделал и сказал то, что надо, что хорошо, то, что любовно, -- все крошечные, незаметные поступки и слова, и из этих-то горчичных зерен вырастает дерево любви, закрывающее ветвями весь мир.

6

Не нужно искать подвигов. Если только будешь делать то, что от тебя

требуется сейчас в том положении, в котором ты находишься, наилучшим образом, по-христиански, вовсю, то жизнь будет полна, и нечего будет искать подвигов.

7

Всякое величайшее дело делается в условиях незаметности, скромности, простоты: ни пахать, ни строить, ни пасти скотину, ни мыслить даже нельзя при громе и блеске. Великие, истинные дела -- всегда просты, скромны.

Менее всего просты люди, желающие казаться простыми. Умышленная простота есть самая большая и неприятная искусственность.

24-е апреля

Истинное мужество в борьбе свойственно только тому, кто знает, что его союзник -- бог.

1

В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: я победил мир.

Ин. гл. 16, ст. 33

2

Подвизайся за истину до смерти -- и бог поборет за тебя.

Иисус, сын Сирахов.

3

Счастлив тот, кто, отвергнув побуждения и причины, по которым обыкновенно действует человечество, решается иметь доверие к самому себе. Высока должна быть душа, тверда воля, ясен взгляд у того, кто может заменить себе общество, обычай, постановления и довести себя до того, чтобы одно внутреннее убеждение имело над ним ту же силу, какую для других имеет "железная необходимость".

Эмерсон.

4

Что бы ни случилось, не теряй бодрости. Ничего дурного, не свойственного тебе, как человеку, случиться не может.

5

Все неопределенно, гуманно и мимолетно, одна добродетель и ясна и не может быть сокрушена никаким насилием.

Цицерон.

6

Человек, отрекающийся от своей личности, могуществен, потому что личность скрывала в нем бога. Как скоро он откинул личность, действует в нем уже не он, а бог.

7

Раз римская императрица потеряла свои драгоценности. Тогда было объявлено по всей империи следующее: "Кто найдет и возвратит потерю в течение тридцати дней, получит богатое вознаграждение; если же кто возвратит их после тридцати дней, то будет казнен смертью". Еврейский раввин Самуил вскоре нашел потерянные драгоценности, но возвратил их по истечении тридцати дней. "Ты был за границей?" -- спросила его императрица. "Нет, я был дома", -- ответил он. "Но ты, может быть, не знал о том, что было объявлено?" -- "Нет, знал", -- сказал Самуил. "Так отчего же ты не возвратил их до истечения тридцати дней? Ведь ты подлежишь смертной казни".

"Я хотел тебе показать, -- сказал Самуил, -- что не из страха перед наказанием я возвратил тебе твою потерю, а из страха перед господом богом".

Не жди совершения того божьего дела, которому ты служишь, но знай, что каждое твое усилие не останется бесплодно и подвигает дело.

25-е апреля

Человек может сознавать себя телесным и духовным существом. Сознавая себя телесным, человек не может быть свободен. Для духовного же существа не может быть даже вопроса о какой-нибудь несвободе.

1

Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово мое и верующий в пославшего меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь. Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас сына божия и, услышавши, оживут. Ибо как отец имеет жизнь в самом себе, так и сыну дал иметь жизнь в самом себе.

Ин. гл. 5, ст. 21--26

2

Что такое "любовь к богу" как не усиленное стремление внести в свое существование наивысшую творческую энергию. Божественная творческая сила заключается во всем, но величайшее ее проявление в этом мире -- в человеке; для того же, чтоб она действовала, человек должен признавать ее.

Не признавая того, что он может творить наилучшее, человек неизбежно творит наихудшее.

Из "Передовой мысли мира".

3

Я знаю, что надо постоянно наблюдать за собою, знаю, что Небо знает все и что его законы неизменны. Я знаю, что оно видит все, входит во все, присутствует во всем. Небо проникает в глубину всех сердец так же, как дневной свет освещает темную комнату. Мы должны стремиться отражать его свет так же, как два музыкальные инструмента, одинаково настроенные, отвечают друг другу.

Китайский Ши-Кинг.

4

Природа человека пряма. Если эта естественная прямота потеряется во время жизни, то человек не может быть счастлив.

Китайская мудрость.

5

Когда думаешь о свойствах души, то гораздо труднее понять, что такое душа, заключенная в теле, где она живет, как в чужой стране, чем то, что она такое, когда она освободится от тела и соединится с тем, кого она себя чувствует частью.

По Цицерону.

6

Только когда истинно, от всей души скажешь, что во всем том, в чем ты знаешь волю бога, ты не имеешь своей, а делаешь только то, что Он хочет, только тогда ты сделаешься вполне свободным.

Эпиктет.

Человек чувствует свою свободу в той мере, в которой он переносит свою жизнь из плотского существования в духовное.

26-е апреля

Сознание бога просто и доступно всякому. Познание его недоступно никакому человеку.

1

Человек разумный и скромный, с развитым, но ограниченным умом, чувствует свои пределы и не выходит из них и в этих пределах находит понятие своей души и своего творца, сознавая невозможность довести эти понятия до полной ясности и созерцать их так, как только чистый дух мог бы созерцать их. Он с покорностью останавливается перед ними и не дотрагивается до покрова, удовлетворяясь сознанием того, что стоит перед высоким существом. До этого предела только полезна и нужна философия. То, что сверх этого, есть праздные отвлеченности, не свойственные человеку, от которых воздерживается разумный человек и которые чужды человеку толпы.

Все народы мира знают и чтут бога; хотя каждый одевает его по-своему, но под всеми этими одеждами все тот же бог. Избранное меньшинство с более высокими требованиями учения, не удовлетворяясь данными простого здравого смысла, ищет бога более отвлеченного. Я не осуждаю этих людей. Но оно не право, если, становясь на место всего человечества, это меньшинство утверждает, что бог скрыт от людей, потому что оно не видит его. Я признаю, что может случиться, что хитрые проделки людей могут на время убедить большинство, что нет бога, но эта мода не может продолжаться. И так или иначе, человек будет всегда нуждаться в боге. Если бы, противно закону природы, божество проявилось бы нам с еще большей очевидностью, я уверен, что люди, противные богу, придумали бы новые тонкости, чтобы отрицать его. Разум всегда подчиняется тому, чего требует сердце.

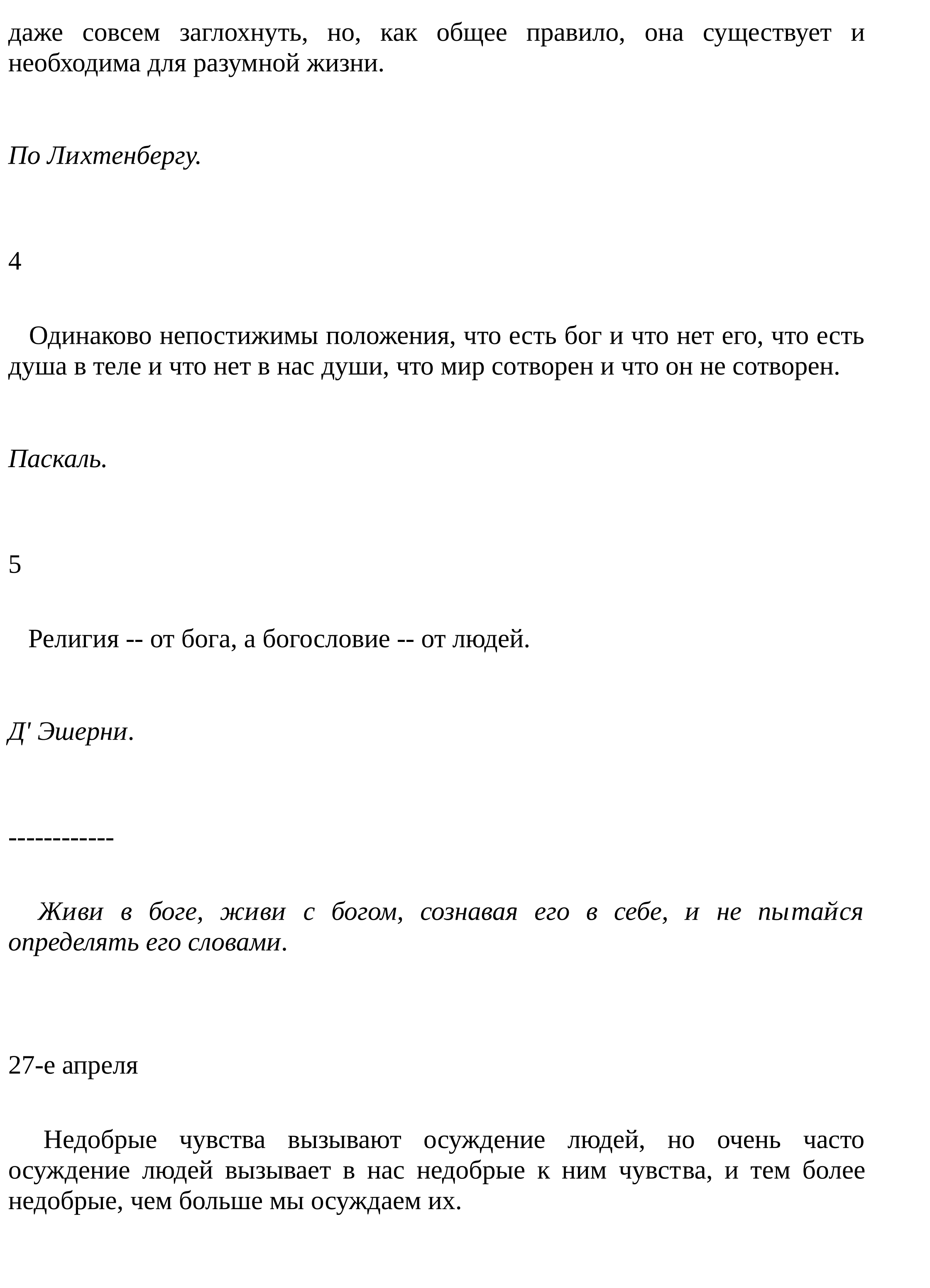
Руссо.

2

Самое для меня несомненное из всего на свете -- это мое сознание себя в настоящем.

3

Вера в бога так же свойственна природе человека, как способность его ходить на двух ногах; вера эта может у некоторых людей видоизменяться и

даже совсем заглохнуть, но, как общее правило, она существует и необходима для разумной жизни.

По Лихтенбергу.

4

Одинаково непостижимы положения, что есть бог и что нет его, что есть душа в теле и что нет в нас души, что мир сотворен и что он не сотворен.

Паскаль.

5

Религия -- от бога, а богословие -- от людей.

Д' Эшерни.

Живи в боге, живи с богом, сознавая его в себе, и не пытайся определять его словами.

27-е апреля

Недобрые чувства вызывают осуждение людей, но очень часто осуждение людей вызывает в нас недобрые к ним чувства, и тем более недобрые, чем больше мы осуждаем их.

1

Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? Или, как скажешь брату твоему: дай я выну сучок из глаза твоего, а вот в твоем глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.

Мф. гл. 7, ст. 1--5.

2

Одно из самых обычных и распространенных суеверий то, что каждый человек имеет свои определенные свойства, что бывает человек добрый, злой, умный, глупый, горячий, холодный и т. д. Люди не бывают такими.

Мы можем сказать про человека, что он чаще бывает добр, чем зол, чаще умен, чем глуп, чаще горяч, чем холоден, и наоборот, но будет неправда, если мы скажем про одного человека, что он всегда добрый или умный, а про другого, что он всегда злой или глупый. А мы всегда так делим людей. И это неверно.

3

Вы видите слабость ближнего, но не знаете, что, может быть, один из его поступков приятнее богу, чем вся ваша жизнь. Если даже ваш ближний имел несчастие пасть, то вы не видали слез, пролитых им прежде, ни последующего затем раскаяния, и, между тем как бог, свидетель его скорби и сокрушения, уже оправдал его, вы продолжаете осуждать его.

Из "Благочестивых мыслей".

4

Если между двумя людьми есть вражда, то виноваты оба. Какую бы величину ни помножить на нуль, будет нуль. Если же произведена вражда, то вражда была и в каждом из враждующих.

5

Если произошла ссора между людьми, то виноваты в ней, хотя бы в самых различных степенях, непременно оба ссорящиеся. Ведь при полной безупречности поведения одной из сторон так же невозможно возгореться ссоре, как невозможно зажечься спичке об абсолютно гладкую поверхность, например о зеркало.

Б.

6

Пойми хорошенько и постоянно помни, что человек всегда поступает так, как ему кажется лучше для себя. Если это на самом деле лучше для него, то он прав: если же он ошибается, то ему же хуже, потому что за всяким заблуждением непременно следует и страдание.

Если ты будешь постоянно помнить это, то ты ни на кого не станешь ни сердиться, ни возмущаться, никого не будешь ни попрекать, ни бранить и ни с кем не будешь враждовать.

Эпиктет.

Живя с близким человеком, хорошо уговориться о том, чтобы останавливать друг друга, как скоро тот или другой начнет осуждать ближнего.

28-е апреля

Несомненное условие счастия есть труд: во-первых, любимый и свободный труд; во-вторых, труд телесный, дающий аппетит и крепкий, успокаивающий сон.

1

Жизнь аркадских пастушков и наша возлюбленная придворная жизнь обе нелепы и неестественны, хотя и привлекательны. Ибо никогда не может быть истинного удовольствия там, где удовольствия превращаются в занятия. Только отдохновения от занятий, редкие и краткие и без подготовки, бывают истинно приятны и полезны.

Кант.

2

Телесный труд не только не исключает возможность умственной деятельности, не только улучшает ее достоинство, но и поощряет ее.

3

Ручной труд есть долг и счастие для всех; деятельность ума и воображения есть деятельность исключительная; она становится долгом и счастием только для тех, которые к ней призваны. Призвание можно распознать и доказать только жертвой, которую приносит ученый или художник своему покою и благосостоянию, чтобы отдаться своему призванию.

4

Надобно бы было включить вечную праздность в муки ада, а ее-то, напротив, поместили среди радостей рая.

Монтескье.

5

В самом низком труде душа человека успокаивается, как только он берется за работу. Сомненья, печаль, уныние, негодование, самоотчаяние -- все эти бесы караулят бедняка, как и всякого человека, но он бодро возьмется за работу, и все бесы не смеют подойти к нему и только издали ворчат на него. Человек стал человеком.

Карлейль.

6

Труд есть потребность, лишение которой составляет страдание, но никак не добродетель. Возведение труда в достоинство есть такое же уродство, каким бы было возведение питания человека в достоинство и добродетель.

Хочешь доброго расположения духа: трудись до усталости, но не через силу. Хорошее душевное состояние нарушается всегда праздностью и только иногда чрезмерным трудом.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ЗЕРНО С КУРИНОЕ ЯЙЦО

Нашли раз ребята в овраге штучку с куриное яйцо, с дорожкой посредине и похоже на зерно. Увидал у ребят штучку проезжий, купил за пятак, повез в город, продал царю за редкость.

Позвал царь мудрецов, велел им узнать, что за штука такая -- яйцо или зерно? Думали, думали мудрецы -- не могли ответа дать. Лежала эта штучка на окне, влетела курица, стала клевать, проклевала дыру; все и увидали, что зерно. Пришли мудрецы, сказали царю: "Это -- зерно ржаное".

Удивился царь. Велел мудрецам узнать, где и когда это зерно родилось? Думали, думали мудрецы, искали в книгах -- ничего не нашли. Пришли к царю, говорят: "Не можем дать ответа. В книгах наших ничего про это не написано; надо у мужиков спросить, не слыхал ли кто от стариков, когда и где такое зерно сеяли?"

Послал царь, велел к себе старого мужика привести. Разыскали старика старого, привели к царю. Пришел старик зеленый, беззубый, насилу вошел на двух костылях.

Показал ему царь зерно, да не видит уже старик; кое-как половину разглядел, половину руками ощупал.

Стал его царь спрашивать: "Не знаешь ли, дедушка, где такое зерно родилось? Сам на своей поле не севал ли хлеба такого? Или на своем веку не покупывал ли где такого зерна?

Глух был старик, насилу-насилу расслышал, насилу-насилу понял. Стал ответ держать: "Нет, -- говорит, -- на своем поле хлеба такого севать не севал, и жинать не жинал, и покупывать не покупывал. Когда покупали хлеб, все такое же зерно мелкое было, как и теперь. А надо, -- говорит, -- у моего батюшки спросить; может, он слыхал, где такое зерно рожалось?"

Послал царь за отцом старика, велел к себе привести. Нашли и отца старикова, привели к царю. Пришел старик старый на одном костыле. Стал ему царь зерно показывать. Старик еще видит глазами, хорошо разглядел. Стал царь его спрашивать: "Не знаешь ли, старичок, где такое зерно родилось? Сам на своем поле не севал ли хлеба такого? Или на своем веку не покупывал ли где такого зерна?"

Хоть и крепонек на ухо был старик, а расслышал лучше сына. "Нет, -- говорит, -- на своем поле такого зерна севать не севал и жинать не жинал. А покупать не покупывал, потому что на моем веку денег еще и в заводе не было. Все своим хлебом кормились, а по нужде -- друг с дружкой делились. Не знаю я, где такое зерно родилось. Хоть и крупнее теперешнего и умолотнее наше зерно было, а такого видать не видал. Слыхал я от батюшки -- в его время хлеб лучше против нашего раживался и умолотней и крупней был. Его спросить надо".

Послал царь за отцом стариковым. Нашли и деда; привели к царю. Вошел старик к царю без костылей; вошел легко -- глаза светлые, слышит хорошо и говорит внятно. Показал царь зерно деду. Поглядел дед, повертел. "Давно, -- говорит, -- не видал я старинного хлебушка". Откусил дед зерна, пожевал крупинку.

-- Оно самое, -- говорит.

-- Скажи же мне, дедушка, где такое зерно родилось? На своем поле не севал ли ты такой хлеб? Или на своем веку где у людей не покупывал ли?

И сказал старик: "Хлеб такой на моем веку везде раживался. Этим хлебом, -- говорит, -- я век свой кормился и людей кормил".

И спросил царь: "Так скажи же мне, дедушка, покупал ли ты где такое зерно, или сам на своем поле сеял?"

Усмехнулся старик.

-- В мое время, -- говорит, -- и вздумать никто не мог такого греха, чтобы хлеб продавать, покупать. А про деньги и не знали; хлеба у всех своего вволю было. Я сам такой хлеб сеял, и жал, и молотил.

И спросил царь: "Так скажи же мне, дедушка, где ты такой хлеб сеял и где твое поле было?"

И сказал дед: "Мое поле было -- земля божья. Где вспахал, там и поле. Земля вольная была. Своей земли не знали. Своим только труды свои называли".

-- Скажи же, -- говорит царь, -- мне еще два дела: одно дело -- отчего прежде такое зерно рожалось, а нынче не родится? А другое дело -- отчего твой внук шел на двух костылях, сын твой пришел на одном костыле, а ты вот пришел и вовсе легко, глаза у тебя светлые и зубы крепкие, и речь ясная и приветная? Отчего, скажи, дедушка, эти два дела сталися?

И сказал старик: "Оттого оба дела сталися, что перестали люди своими трудами жить -- на чужие стали зариться. В старину не так жили: в старину жили по-божьи; своим владели, чужим не корыстовались".

Лев Толстой.

29-е апреля

Человек может одинаково исполнить свое назначение в болезненном, как и в здоровом состоянии.

1

Если бы человек не сомневался в неразрушимости своей жизни после

смерти, то все болезни представлялись бы ему только приближением к переходу из одной жизни в другую -- переходу скорее желательному, чем нежелательному, -- и тогда он переносил бы боль от болезни так же, как мы переносим боль от напряжения труда, который, мы знаем, кончится добром. Во время болей мы имели бы объяснение совершающегося с нами и готовились бы к новому состоянию.

2

Обыкновенно думают, что можно служить богу и быть полезным людям, только будучи здоровым. Неправда! Часто напротив. Христос больше всего послужил богу и людям, будучи совсем умирающим на кресте, когда он прощал убивающим его. То же может делать всякий человек больной. И нельзя сказать, какое состояние: здоровья или болезни -- более удобно для служения богу и людям.

3

С тех пор как люди стали думать, они признали, что ничто столь не содействует нравственной жизни людей, как памятование о смерти. Ложно же направленное врачебное искусство: вместо того, чтобы заботиться об облегчении страданий, ставит себе целью избавлять людей от смерти и научает их надеяться на избавление от смерти, на удаление от себя мысли о смерти и тем лишает людей главного побуждения к нравственной жизни.

4

Для себя только, для служения себе нужно побольше здоровья, силы, а для служения богу не только не нужно, но часто -- напротив.

5

Как часто, имея дело с больными, мы забываем то, что главное, что нужно больному, это не скрывание от него приближающейся смерти, а, напротив, призвание его к сознанию своей духовной, растущей божественной природы, не подлежащей уменьшению или смерти.

Болезни почти всегда, уничтожая телесную силу, освобождают силу духовную. И для человека, перенесшего свое сознание духовную область, они не лишают его блага, а, напротив, увеличивают его.

30-е апреля

Казалось бы, нельзя жить, не зная, для чего живешь, и что первое, что человек должен уяснить себе, это смысл своей жизни -- тем более что были и есть люди, знающие этот смысл. А между тем большинство людей, считающих себя образованными, гордятся тем, что дошли до той кажущейся им высоты, при которой они видят, что жизнь не имеет никакого смысла.

1

Есть два различных и противоположных воззрения людей на жизнь.

Одни говорят: я вижу себя, рожденное от своих родителей существо, так же как и все другие окружающие меня живые существа, живущие в известных, подлежащих моему исследованию и изучению условиях, и изучаю себя и другие существа, как живые, так и неживые, и те условия, в которых они находятся, и сообразно с этим изучением устанавливаю свою жизнь. Вопросы о происхождении я исследую точно так же и наблюдением и опытом достигаю все большего и большего знания. Вопросы же о том, откуда произошел весь этот мир, зачем он существует и зачем я существую в нем, я оставляю неотвеченными, так как не вижу возможности так же определенно, ясно и доказательно ответить на них, как я отвечаю на вопросы об условиях существующего в мире. И потому ответы на эти вопросы, состоящие в том, что существует бог, от которого я произошел, и что этот бог для известной своей цели определил закон моей жизни, эти ответы на вопросы я не признаю, как не имеющие той ясности и доказательности, которые имеют ответы на вопросы о причинах и условиях различных жизненных явлений.

Так говорит неверующий человек и, не допуская возможности, какого-

либо другого знания, кроме того, которое приобретается наблюдением, рассуждениями над этими наблюдениями, он, если и не прав, то совершенно разумно последователен.

Христианин же, признающий бога, говорит: я сознаю себя живущим только потому, что я сознаю себя разумным, сознавая же себя разумным, я не могу не признать того, что жизнь моя и всего существующего должна быть также разумна. Для того же, чтобы быть разумной, она должна иметь цель. Цель же этой жизни должна быть вне меня -- в том существе, для достижения цели которого существую я и все, что существует. Существо это есть, и я должен в жизни исполнить закон (волю) его. Вопросы же о том, каково то существо, которое требует от меня исполнения своего закона, и когда возникла эта разумная жизнь во мне, и как она возникает в других существах во времени и пространстве, т. е. что такое бог: личный или безличный, как он сотворил и сотворил ли он мир, и когда во мне возникла душа, в каком возрасте, и как она возникает в других, и откуда она взялась, и куда уйдет, и в каком месте тела живет, -- все эти вопросы я должен оставить неотвеченными, потому что знаю вперед, что в области наблюдения и рассуждения над ними я никогда не приду к окончательному ответу, так как все скроется в бесконечности времени и пространства. По этому самому я не признаю даваемых наукой ответов о том, как зачался мир, как зачинается душа и в какой части головного мозга она находится.

В первом случае: неверующий человек, признавая себя только животным существом и потому признавая только то, что подлежит внешним чувствам, не признает духовного начала и примиряется с нарушающей требования разума бессмысленностью своего существования.

Во втором случае: христианин, признавая себя только разумным существом и потому признавая только то, что соответствует требованиям разума, не признает действительности данных внешнего опыта и потому считает данные эти фантастическими и ошибочными.

Оба одинаково правы. Но разница -- и существенная -- между ними в том, что по первому мировоззрению все в мире строго научно, логично и разумно, за исключением самой жизни человека и всего мира, не имеющих никакого смысла; и потому из такого мировоззрения, несмотря на все попытки противного, вытекает очень много интересных и забавных соображений, но не вытекает ничего нужного для руководства жизни; тогда как по второму мировоззрению жизнь человека и всего мира получает определенный и разумный смысл и самое прямое, простое и доступное всем приложение его к жизни, причем не нарушается и возможность научных исследований, которые ставятся при этом на свойственное им место.

2

Жизнь есть то, что открывается через сознание, и она всегда и везде есть. Наше заблуждение в том, что то, что закрывает от нас жизнь, мы называем жизнью.

3

Истинная цель жизни в том, чтобы узнать жизнь бесконечную.

4

Человек не может знать, зачем он живет; но не может не знать, как ему надо жить.

Работник на большом заводе не знает, зачем он делает то, что делает; но знает, если он хороший работник, как надо делать то, что он делает.

5

Есть между людьми два взгляда на жизнь. Одни смотрят на жизнь со стороны чувственной, личной, полагая, что мир устроен для них и что бог выдуман на потребу человеку, и возмущаются бессмысленными страданиями и бессмысленной смертью. Другие имеют взгляд на жизнь противоположный, духовный, по которому, наоборот, человек живет для мира, для бога и по которому ясно, что если человек страдает и умирает, то, стало быть, так надо для жизни мира, так угодно богу. По этому второму взгляду есть смысл и нашего рождения, и нашей страдальческой жизни, и нашей страдальческой смерти; по этому взгляду мир устроен разумно и целесообразно, тогда как по первому взгляду все бессмысленно и нецелесообразно.

И сообразно этим двум взглядам на жизнь люди двумя путями приходят к истине, к одной цели. По первому, чувственному взгляду человек, не желая быть побежденным, борется, встречает отовсюду неудачу, огорчения, утомление, пресыщение и болезни, наполняет жизнь страданием, но в конце концов покоряется силе вещей, т. е. закону и воле бога, покоряется бессознательно, невольно, как раб на цепи, с гораздо большим трудом и с гораздо меньшим благом для себя. По второму же, божескому взгляду

человек сознательно идет навстречу истине и, как разумное дитя небесного отца, отца истины, обходит мимо все те страдания, которые составляют удел бессознательного раба на цепи. А радости жизни, радости и блага не искусственные, а настоящие, природные и потому самые драгоценные, даются равно всем, независимо от взгляда; и как по первому взгляду пользуются ими люди, так не отнимаются они от людей и по второму взгляду на жизнь.

Бука.

Каждое существо имеет органы, указывающие ему на место в мире. Для человека этот орган есть разум.

Если разум не указывает тебе твоего места в мире и твоего назначения, то знай, что виновато в этом не дурное устройство мира, не твой разум, а ложное направление, которое ты дал ему.

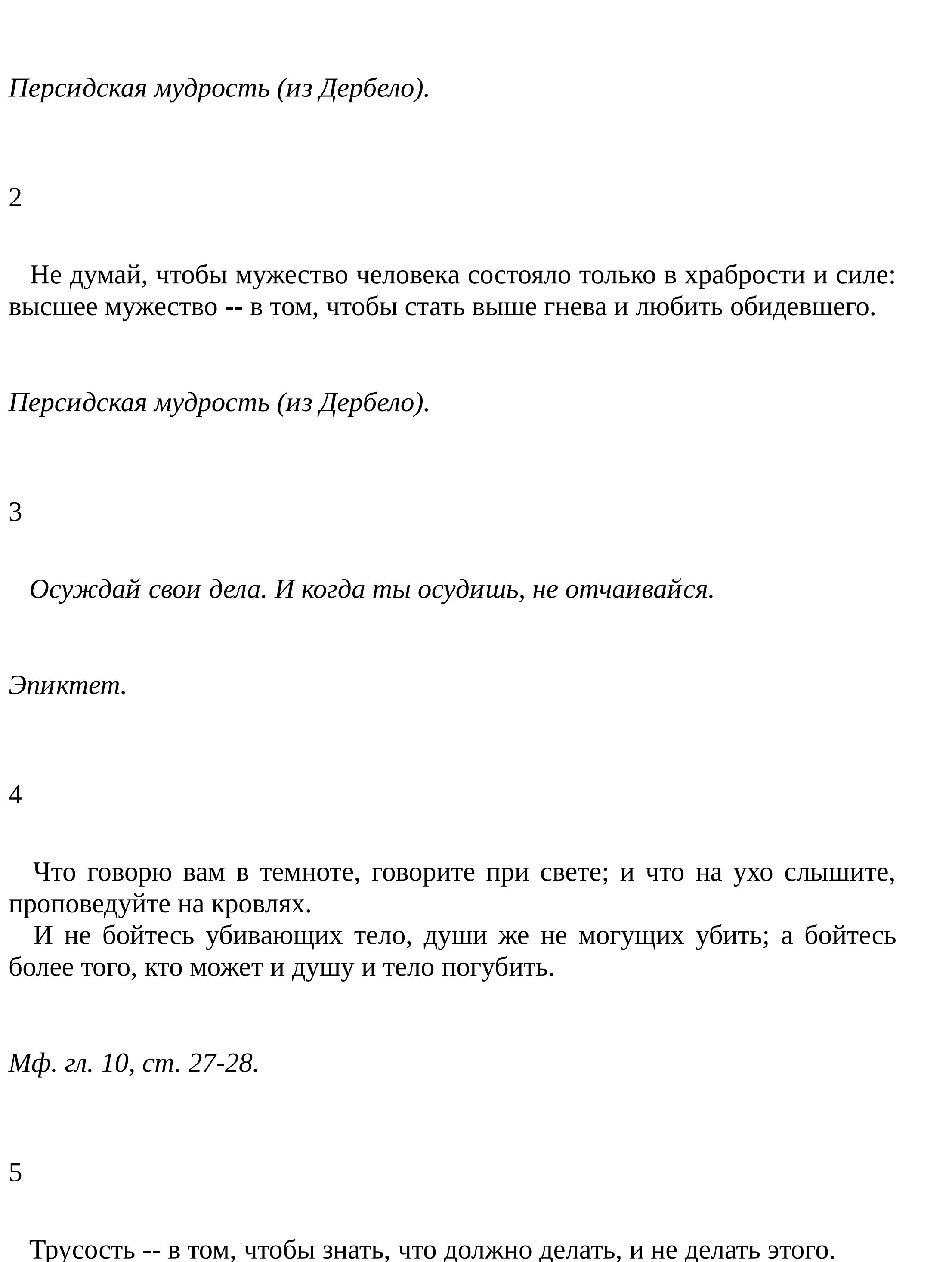
МАЙ

1-е мая

Для человека, полагающего свою жизнь в духовном совершенствовании, не может быть страха перед внешними событиями.

1

Абу Ганифах умер в тюрьме в Багдаде, Куда он был ввергнут калифом Альманзором за то, что отказался признать учение Кадда. Этот знаменитый учитель, получив раз тяжелый удар, сказал тому человеку, который ударил его: "Я могу воздать обидой за обиду, но я не сделаю этого. Я могу жаловаться на тебя калифу, но не буду жаловаться. Я могу в своих молитвах передать богу о том оскорблении, которое ты сделал мне, но я воздержусь от этого. В день суда я буду иметь возможность; призвать на тебя божественное мщение, но, если бы день этот наступил сейчас и мои мольбы были бы услышаны, я вступил бы в рай только вместе с тобою".

Персидская мудрость (из Дербело).

2

Не думай, чтобы мужество человека состояло только в храбрости и силе: высшее мужество -- в том, чтобы стать выше гнева и любить обидевшего.

Персидская мудрость (из Дербело).

3

Осуждай свои дела. И когда ты осудишь, не отчаивайся.

Эпиктет.

4

Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях.

И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить.

Мф. гл. 10, ст. 27-28.

5

Трусость -- в том, чтобы знать, что должно делать, и не делать этого.

Конфуций.

6

Никакое горе так не велико, как страх перед ним.

Чокке.

7

Если меня кто оскорбил, это -- его дело, такова его наклонность, таков его нрав; у меня свой нрав -- такой, какой, по моему мнению, свойственен человеку, и я останусь в своих поступках верен своему нраву.

Марк Аврелий.

8

"Не разъедай своего сердца, -- говорят мудрецы, -- не оплакивай прошлого, похороненного прошлого". Делай то, что должно, и, как звезда, не отдыхай и не спеши.

Хаджи Абдул Гезди.

Если ты чего боишься, то знай, что причина твоего страха не вне тебя, а в тебе.

2-е мая

Люди не соглашаются с истиной чаще всего оттого, что они чувствуют себя оскорбленными той формой, в которой предлагается им истина.

1

Зарождающаяся ссора подобна пробивающемуся сквозь плотину потоку: как только он пробился, ты уже не удержишь его.

Талмуд.

2

Человек легко может затеять спор, но, как разгоревшийся огонь, трудно бывает потушить его.

3

Как только мы почувствовали гнев во время спора, мы уже спорим не за истину, а за себя.

Карлейль.

4

Я не могу никогда убедить другого человека иначе, как только его же собственными мыслями. Значит, я должен предположить, что у него хороший и верный рассудок; в противном случае бесполезно надеяться, что я могу привлечь его на мою сторону моими доводами. Точно так же я не могу тронуть сердце другого иначе, как его же собственными чувствами. Значит, я должен предположить, что другой человек обладает известной добротой сердца; в противном случае он никогда не почувствует

отвращения к пороку и побуждения к добродетели при моем описании порока и при моем восхвалении добродетели.

Кант.

5

Старайся, чтобы в споре слова твои были мягки, а доводы тверды. Надо не досадить противнику, а убедить его.

Вилькинс.

6

Ничто так не содействует торжеству разума, как спокойствие тех, которые служат ему. Истина страдает часто более от горячности своих защитников, чем от нападок своих противников.

Пэн.

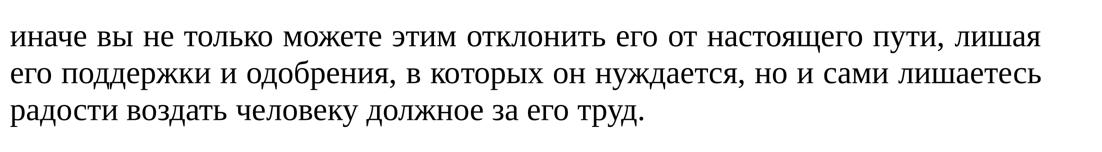
7

Пусть говорящий -- безумец, слушатель, будь мудр!

Кроткий ответ удаляет злобу; обидные слова возбуждают гнев.

8

Если человек заслуживает похвалы, старайтесь не отказывать ему в ней,

иначе вы не только можете этим отклонить его от настоящего пути, лишая его поддержки и одобрения, в которых он нуждается, но и сами лишаетесь радости воздать человеку должное за его труд.

Джон Рёскин.

Если ты знаешь истину, или хотя думаешь, что знаешь ее, то передавай ее как можно проще, а главное, как можно мягче, любовнее к тому, кому передаешь ее.

3-е мая

В чем бы ни полагали люди свое назначение и благо, наука будет учением об этом назначении и благе.

1

Умные люди учатся для того, чтобы знать; ничтожные -- для того, чтобы их знали.

Восточная мудрость.

2

То, что называется у нас наукой и искусством, есть произведение праздного ума и чувства, имеющее целью щекотать такие же праздные умы и чувства. Науки и искусства наши непонятны и ничего не говорят народу, потому что не имеют в виду его блага.

3

Человек живет только для того, чтобы, насколько это позволяют его силы и его положение, содействовать благу своему и своих ближних. Чтобы скорее достигнуть при этом своей конечной цели, он пользуется опытом предшественников. Он учится.

Учиться помимо этой цели, просто для того, чтобы иметь возможность *пересказать* все, что другие *сделали*, значит заниматься последней из наук. Такой человек так же мало может называться действительно ученым, как каталог -- книгой. Быть человеком значит не только знать, но и делать для будущих поколений то же, что предшествовавшие сделали для нас. Неужели я должен проводить жизнь в изучении *истории ученых* только для того, чтобы не открыть снова того, что было уже открыто прежде? Повторяют же умышленно одну и ту же мысль дважды, и никакой беды в этом нет, если она только выражена с новой стороны. Если ты думал сам, то твое открытие того, что раньше открыто, будет все-таки нужно.

Лихтенберг.

4

Чтобы достигнуть нравственного совершенства, нужно прежде всего заботиться о душевной чистоте. А душевная чистота достигается в том только случае, когда сердце ищет правды и воля стремится к святости. И все это зависит от *истинного* знания.

Конфуций.

5

Если спросят тебя, как узнать пророка, отвечай: это тот, кто дает мне знание о моем собственном сердце.

Персидский Дэзатир.

6

Когда люди занимаются учением для самих себя, учение это полезно для них; когда же люди делают это для других, чтобы казаться учеными, ученость эта не только бесполезна, невредна.

Китайская мудрость.

7

Люди часто ближе к существенной истине в своих суевериях, чем в своей науке.

Торо.

Цель жизни всякого отдельного человека одна: совершенствование в добре. И потому нужны только те знания, которые ведут к этому.

4-е мая

Всякая мысль, выраженная словами, есть сила, действие которой беспредельно.

1

Можно быть одиноким в своей частной и временной среде, но каждая из наших мыслей и каждое из наших чувств находит, находило и будет находить свои отголосок в человечестве. Для некоторых людей, которых большая часть человечества признает своими вождями и просветителями,

отголосок этот огромен и раздается с особенной силой; но нет человека, мысли которого не производили бы на других такого же, хотя и во много раз меньшего действия. Всякое искреннее проявление души, всякое заявление личного убеждения служит кому-нибудь или чему-нибудь -- даже если не знают об этом и даже когда зажимают вам рот или накидывают мертвую петлю на шею. Слово, сказанное кому-нибудь, сохраняет неразрушимое действие и, как всякой движение, превращается в иные формы, но не уничтожается.

Амиель.

2

Добрые правила, исходящие из сердца человека, так же полезны, как хорошие примеры.

Сенека.

3

Мысли, которые вы имеете и высказываете, превращаются в конце концов в способность делать добро или зло, которое в своем развитии или росте возвращается к вам же.

Люси Малори.

4

Сильные, коротко выраженные мысли много содействуют улучшению жизни.

Цицерон.

5

Невинность и детство священны. Сеятель, кидающий семена, отец или мать, которые бросают в душу ребёнка плодотворное слово, совершают священное дело и должны бы всегда совершать его религиозно, с благоговением и молитвой, ибо они трудятся для царствия божия. Всякий посев есть дело таинственное: попадает ли семя на земную почву или в души человеческие. Всякий человек подобен земледельцу; вся задача его, если ее хорошо понять, заключается в разработке жизни и рассевании ее повсюду; таково призвание человечества, и призвание это свято. И слово -- его главное орудие.

Мы слишком часто забываем, что слово в одно и то же время -- и посев и откровение. Последствия слова, сказанного вовремя, неисчислимы. О, как глубоко значение слова, но мы тупы, потому что мы телесны! Мы видим камни, деревья по сторонам дороги, обстановку наших жилищ, мы видим все, что есть вещество. Но мы не замечаем вереницы невидимых мыслей, которые наполняют воздух и постоянно бьют своим крылом вокруг каждого из нас.

Амиель.

6

Мысль есть разумная жизненная сила, которая, выходя из человека, делает или дело проклятия, или дело благословения, смотря по своему качеству.

Люси Малори.

7

Истина, выраженная словами, есть могущественнейшая сила в жизни людей. Мы не сознаем эту силу только потому, что последствия ее не

тотчас обнаруживаются.

Пользуйся добрыми мыслями людей и если не можешь воздать им тем же, то, по крайней мере, не распространяй неясных и потому ложных своих или чужих мыслей.

5-е мая

Основа воспитания -- религиозное учение, т. е. объяснение смысла и назначения жизни.

1

Люди считают преступлением ложь перед судом и неблагородными поступками неправдивые слова в общении с равными, но с детьми говорить всякий вздор и всякую ложь считается не только не неправильным, но, напротив, почти необходимым. А как ясно, казалось бы, то, что с детьми-то и надо быть особенно осторожным в том, что говорится им старшими.

2

Религиозное учение как объяснение смысла и назначения жизни, отвечавшее запросам людей тысячу лет тому назад, не может удовлетворить людей нашего времени. А детей прежде всего учат тому, что отвечало требованию людей тысячи лет тому назад, -- это ужасная ошибка.

"Если бы только, можно было воспитывать детей так, чтобы все неясное оставалось им вполне непонятным!" (Лихтенберг).

Слова эти значат то, что детям не надо внушать, как это обыкновенно делается, что все невероятности суеверия могут иметь основание. Дети, принимая такое суждение, приучаются к неясным полудоказательствам и считают понятным непонятное.

3

О чем мы узнаем слишком много и преждевременно в детском возрасте, из того мы, наверное, не будем знать ничего после и в старости, и человек, любящий основательность, под конец становится софистом своих юношеских заблуждений.

Кант.

4

Надо передавать детям только то, что они могут понять так, чтобы, и будучи взрослыми, они ничего не могли бы прибавить к такому пониманию.

5

Будь правдив всегда, и особенно с ребенком. Исполняй обещанное ему, иначе приучишь его ко лжи.

Талмуд.

6

Хорошо бы расследовать вопрос о том: не вредно ли слишком полировать детей при воспитании? Мы еще недостаточно знаем человека, чтобы не предоставить выполнение этого случаю, если можно так выразиться. Я уверен, что если бы нашим педагогам удалось достигнуть своей дали, -- я хочу сказать: если бы они оказались в состоянии воспитывать детей вполне так, как они хотят этого, -- то мы не имели бы более ни одного истинно великого человека. Самому нужному в жизни нас обыкновенно никто не учил.

Избави бог, чтобы человек, учителем которого является вся природа, сделался бы куском воска, на котором отпечатал бы свой возвышенный

образ какой-нибудь профессор.

Лихтенберг.

Не говори воспитываемому и в особенности не выдавай за священную, непререкаемую истину того, во что ты или совсем не веришь, или в чем хотя сомневаешься. Поступать так -- великое преступление.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ВОСПИТАНИЕ

Каждый человек обладает особенным дарованием и способен выполнить определенную задачу. Нужно постараться открыть в ребенке это особенное Дарование и соответственно ему направлять его образование. После общего обучения тем отраслям знания, которые хороши для всех людей, нужно направлять образование на развитие тех особенных дарований, которые в нем найдены. Воспитание -- значит питание способностей ребенка, а не создание тех новых способностей, которых в нем нет. Последнее невозможно.

Но одно необходимо для всех детей. Необходимо дать им верное понятие о жизни и о том, что представляет из себя тот мир, в который они посланы для выполнения их человеческой задачи.

Жизнь -- долг, задача, посланничество. Ради всего святого не проповедуйте им учений о счастье ни личном, ни общем. Вера в личное счастье сделает ребенка себялюбцем; вера в общее счастье рано или поздно приведет его к тому же. Он будет мечтать о том, чего не может осуществить, и в молодости бороться за это неосуществимое; затем, когда он найдет, что не может скоро осуществить мечты своей души, он сосредоточится на себе и постарается завоевать личное счастье и, таким образом, погрязнет в себялюбии.

Учите его, что жизнь имеет смысл лишь как задача или долг; что счастье, солнце счастья, сияющее путнику, может улыбнуться и ему, и тогда он должен радоваться и благословлять за него бога; но поиски за счастьем ведут человека только к погибели и, вероятнее всего, к лишению его

возможности когда-либо наслаждаться счастьем. Учите его, что совершенствовать себя нравственно и умственно ради совершенствования своих собратьев -- людей есть его прямая обязанность, что он должен добиваться истины и затем служить ей словом и делом, воплощая ее в жизни бестрепетно и непрестанно, что для определения истины ему даны два руководства: свое собственное сознание, своя совесть и предание, или сознание всего человечества.

Иосиф Мадзини.

ИЗ ПИСЬМА О ВОСПИТАНИИ

В основу всякого воспитания должно стать прежде всего то, что заброшено в наших школах: религиозное понимание жизни, и не столько в форме преподавания, сколько в форме руководящего начала всей воспитательной деятельности. Религиозное понимание жизни, которое, по моему разумению, может и должно стать основой жизни людей нашего времени, выраженное наиболее кратко, будет такое: смысл нашей жизни состоит в исполнении воли того бесконечного начала, которого мы сознаем себя частью; воля же эта -- в соединении всего живого и прежде всего людей: в братстве их, в служении друг другу. С другого конца это же религиозное понимание жизни выразится так: дело жизни есть единение со всем живым -- прежде всего братство людей, служение друг другу -И это так потому, что мы живы только В той мере, в Которой сознаем себя частью всего бесконечного, закон же бесконечного есть это единение. Во всяком случае жизненное проявление религиозного понимания -- единение всего, достигаемое любовью, есть прежде всего братство людей: оно -- Практический, главный закон жизни, и оно-то и должно быть поставлено в основу воспитания, и потому хорошо и должно быть развиваемо в детях все то, что ведет к единению, и подавляемо все, что ведет к обратному.

Дети находятся, всегда -- и тем более, чем моложе -- в том состоянии, которое врачи называют первой степенью внушения, И учатся воспитываются дети только благодаря этому их состоянию. (Эта их способность ко внушению отдает их в полную власть старших, и потому нельзя быть достаточно внимательным к тому, что и как мы внушаем им.) Так что учатся и воспитываются люди всегда только через внушение, совершающееся двояко: сознательно и бессознательно. Все, чему мы обучаем детей -- от молитв и басен до танцев и музыки, -- все это сознательное внушение; все то, чему независимо от нашего желания

подражают дети -- в особенности в нашей жизни, в наших поступках, -- есть бессознательное внушение. Сознательное внушение -- это обучение, образование; бессознательное -- это пример, воспитание в тесном смысле, или, как я назову, это просвещение. На первое в нашем обществе направлены все усилия; второе же невольно, вследствие того, что наша жизнь дурна, находится в пренебрежении. Люди, воспитатели, или, самое обыкновенное, скрывают свою жизнь и вообще жизнь взрослых от детей, ставя их в исключительные условия (корпуса, институты, пансионы и т. п.), или переводят то, что должно происходить бессознательно, в области сознательного: предписывают нравственные, жизненные правила, при которых необходимо прибавлять: fais ce que je dis, mais ne fais pas ce que je fais (делай то, что я говорю, но не делай того, что я делаю).

От этого происходит то, что в нашем обществе так несоответственно далеко ушло образование и так не только отстало, но совершенно, отсутствует истинное воспитание, иди просвещение. Если где оно и есть, то только в бедных рабочих семьях. А между тем из двух сторон воздействия на детей, бессознательного и сознательного, без всякого сравнения важнее и для отдельных личностей, и для общества людей -- первое, т. е. бессознательное нравственное просвещение.

Живет какая-нибудь семья банкира, землевладельца, чиновника, художника, писателя богатой жизнью -- живет, не пьянствует, не распутничает, не бранясь, не обижая людей, и хочет дать нравственное воспитание детям; но это так же невозможно, как невозможно выучить детей новому языку, не говоря на этом языке и не показывая им книг, написанных на этом языке. Дети будут слушать правила о нравственности, об уважении к людям, но бессознательно будут не только подражать, но и усвоят себе, как правило, то, что одни люди призваны чистить сапоги и платье, носить воду и нечистоты, готовить кушанье, а другие -- пачкать платье, горницы, есть кушанья и т. п. Если только серьезно понимать религиозную основу жизни -- братство людей, то нельзя не видеть, что люди, живущие на деньги, отобранные от других, и заставляющие этих других за эти деньги служить себе, живут безнравственной жизнью, и никакие проповеди их не избавят их детей от бессознательного безнравственного внушения, которое или останется в них на всю жизнь, извращая все их суждения о явлениях жизни, или с великими усилиями и трудом будет, после многих страданий и ошибок, разрушено ими.

Итак, воспитание, бессознательное вкушение, есть самое важное. Для того же, чтобы оно было хорошее, нравственное, нужно, страшно сказать, чтобы вся жизнь воспитателя была хорошая. Что назвать хорошею жизнью? -- спросят. Степеней хорошества бесконечно много, но одна есть общая и главная черта хорошей жизни: это стремление усовершенствованию в любви. Вот это самое, если есть в воспитателях и если этим

заразятся дети, то воспитание будет недурное.

Для того чтобы воспитание детей было успешно, надо, чтобы воспитывающие люди не переставая воспитывали себя, помогали бы друг другу все более и более осуществлять то, к чему стремятся. Средств же для этого, кроме главного -- внутреннего, работы каждого человека над своей душой, -- может быть очень много. Надо искать их, обдумывать, прилагать, обсуждать...

Все это намеки на одну сторону дела -- воспитание. Теперь об образовании. Об образовании я думаю вот что: наука, учение есть не что иное, как передача того, что думали самые умные люди. Умные же люди думали всегда в трех разных направлениях мысли -- думали: 1) философски, религиозно о значении своей жизни -- религия, и философия, 2) опытно, делая выводы из известным образом обставленных наблюдений, -- естественные науки: механика, физика, химия, физиология, и 3) думали математически, делая выводы из положений своей мысли: математика и математические науки. Все эти три рода наук -- настоящие науки. Нельзя подделаться под знание их, и не может быть полузнания: знаешь или не знаешь. Все эти три рода наук космополитичны, все они не только не разъединяют, но соединяют людей. Все они доступны всем людям и удовлетворяют требованию братства людей. Науки же юридические и специально исторические суть не науки или науки вредные и должны быть исключены. Но, кроме того, что существуют три отрасли наук, существуют и три способа передачи этих знаний. (Пожалуйста, не думайте, что я подгоняю к трем; мне хотелось, чтобы было четыре или десять, но вышло по три.)

Первый способ передачи -- самый обычный -- слова. Но слова на разных языках, и потому является еще наука -- языки, опять соответствующая требованию братства людей (может быть, нужно и преподавание эсперанто, если бы было время и ученики желали бы). Второй способ -- это пластическое искусство, рисование или лепка, -- наука о том, как для глаза передать то, что знаешь, другому. И третий способ -- музыка, пение, -- наука, как передать свое настроение, чувство.

Кроме этих шести отраслей преподавания должна быть введена еще седьмая: преподавание мастерства и опять соответствующее требованию братства, т. е. такое, которое всем нужно: слесарное, столярное, плотничное, швейное... Так что преподавание распадается на семь предметов.

Какую часть времени употребить на каждое, кроме обязательного труда для *своего* обслуживания, решит склонность каждого ученика.

Мне представляется так: преподаватели для себя распределяют часы, но ученики вольны приходить или нет. Как ни странно это кажется нам, так уродливо поставившим образование, полная свобода обучения, т. е. чтобы

ученик, ученица сами бы приходили учиться, когда хотят, -- есть необходимое условие всякого плодотворного обучения, так же как необходимое условие питания есть то, чтобы питающемуся хотелось есть. Разница только в том, что в материальных делах вред отступления от свободы сейчас же проявляется, сейчас же будет рвота или расстройство желудка, в духовных же вредные последствий проявятся не так скоро, может быть через года. Только при полной свободе можно вести лучших учеников до тех пределов, до которых они могут дойти, а не задерживать Их ради слабых, а они, лучшие ученики, -- самые нужные, Только при свободе можно избежать обычного явления: вызывания отвращения к предметам, которые, если бы преподавать в свое время и свободно, были бы любимы; только при свободе возможно узнать, к какой специальности какой ученик имеет склонность, только свобода не нарушает воспитательного влияния. А то я буду говорить ученику, что не надо в жизни насилие, а над ним буду совершать самое тяжелое -- умственное насилие.

Знаю я, что это трудно, но что же делать, когда поймешь, что всякое отступление от свободы губительно для самого дела образования. Да и не так трудно, когда твердо решишься не делать глупого.

Лев Толстой.

6-е мая

Сострадание к животным так естественно нам, что мы только привычкой, преданием, внушением можем быть доведены до безжалостности к страданию и смерти животных.

1

Сострадание к животным так тесно связано с добротой характера, что можно с уверенностью утверждать, что не может быть добрым человеком тот, кто жесток с животными. Сострадание к животным проистекает из одного источника с добрым отношением к человеку. Так, например, человек чуткий при напоминании, что он, находясь в скверном расположении духа, в гневе, или разгорячившись от вина, побил свою собаку, лошадь, обезьяну -- незаслуженно, или напрасно, или чересчур больно, --

почувствует такое же недовольство собой, как и при напоминании об обиде, нанесенной человеку, которое мы в этом случае называем карающим голосом совести.

Шопенгауэр.

2

Бойтесь бога, не мучьте животных. Пользуйтесь ими, пока они служат охотно, и отпускайте их, когда они устали, и давайте вволю пищи и питья бессловесным.

Магомет.

3

Мясная пища не может быть добыта без вреда животным, а убийство животных затрудняет путь к блаженству. Пусть поэтому человек воздерживается от мясоедения.

Из браминского закона Ману.

4

Не потому человек, выше других животных, что он может бессердечно мучить их, но потому, что он жалеет их.

Буддийская мудрость [Дхаммапада].

5

Не позволяй своим детям убивать насекомых: с этого начинается человекоубийство.

Пифагор.

Те радости, которые дает человеку чувство жалости и сострадания к животным, окупают ему во много раз те удовольствия, которых он лишится отказом от охоты и употребления мяса.

7-е мая

Ошибается человек, надеющийся найти благо вне себя как в этой жизни, так и в будущей.

1

Я обошел всю землю, отыскивая руководящий свет. Я без отдыха искал его и днем и ночью, и наконец, я услыхал проповедника, который открыл мне истину. Проповедник этот был в моей душе, и тот свет, который я искал по всему миру, был во мне.

Суфийская мудрость.

2

Мы являемся и собственными спасителями, и собственными губителями. Ничто внешнее человеку не может причинить ему зла. Если он живет по законам своего бытия, то никакое зло не заденет его даже среди

разрушения вещества и гибели миров.

Люси Малори.

3

Христос стремится к преобразованию внутреннего человека противно тому, что делают фарисеи, которые заняты только внешностью. Он упрекает их в том, что они уничтожили своими преданиями заповедь божию. Когда дух жизни оставляет тех, которые берут на себя поучение людей, когда учреждения теряют свою первую силу и ослабевают, совершаются две вещи: увеличиваются, усложняются обычаи внешнего богопочитания, и им приписывают воображаемую действительность, уверяя людей, что внешнее богопочитание заменяет действительную добродетель и освобождает от исполнения настоящего закона. И тогда среди обществ, подверженных такому бедственному учению, образуется как бы *ложная совесть*. Целые народы, часто с большим рвением, соблюдают отвлеченную веру и вместе с тем спокойно коснеют в пренебрежении самых священных обязанностей и в развращении, захватывающем всю их жизнь. Они моют руки перед тем, как есть телесный хлеб, очищают медные сосуды, не заботясь об очищении души. Сердце заброшено, а из сердца исходят кучей те страшные грехи, которые перечисляет Иисус. Иисус говорит напротив того: "Спуститесь в сердце свое, чтобы из него вырвать корни всего дурного. Внешнее не важно. И добро и зло во внутреннем". Вот чему учит Христос. Кто же учит другому, тот учит не как Христос, тот не ученик Христа, тот злоупотребляет именем Христа, чтобы обманывать людей; он из тех лжепророков, о которых сказал сам Христос: "Берегитесь тех, которые придут к вам в овечьей шкуре, а внутри волки хищные". И еще: "Все те, которые говорят: господи, господи, которые молятся языком, а желаниями своими пребывают во зле, не войдут в царство небесное".

Ламенэ.

4

В судьбе нет случайностей; человек создает, а не встречает свою судьбу.

Вильмен.

5

Сам совершаешь грех, сам замышляешь зло, сам убегаешь от греха, сам очищаешь помыслы, сам собой ты порочен или чист, другому не спасти тебя.

Дхаммапада.

6

Тело твое -- это город, полный добра и зла. Ты -- султан, а разум -- твой великий визирь.

Сейф Мулук.

7

Счастье и несчастье человека -- не в собственности и не в золоте; счастье и несчастье -- в его душе.

Не тот добр, кто не делает несправедливостей, а тот. кто не чувствует ни малейшей охоты к этому.

Мудрый чувствует себя как дома в каждой стране; отечеством для благородной души служит вся вселенная.

Демокрит Абдерский.

Ничто так не ослабляет силы человека, как надежда в чем-либо, кроме своего усилия, найти спасение и благо.

8-е мая

Нет ничего привлекательнее смирения с добротой. Но надо искать его: оно не выставляется.

1

Ахав сказал человеку, который шел за ним, ругая его: "Если тебе есть еще что сказать против меня, то говори это прежде, чем мы войдем в город, а то другие услышат и нападут на тебя".

Египетская мудрость.

2

Был же и спор между ними, кто из них должен почитаться большим. Он же сказал им: цари господствуют над народами, и владеющие имя благодетелями называются; а вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий, как служащий. Ибо кто больше: возлежащий или служащий? Не возлежащий ли? А я посреди вас, как служащий.

Лк. гл . 22, ст. 24--27.

3

Однажды зимой Франциск шел с братом Львом из Перузы к

Порционкюлю; было так холодно, что они дрожали от стужи. Франциск позвал брата Льва, который шел впереди, и сказал ему: "О брат Лев, дай бог, чтобы наши братья подавали по всей земле пример святой жизни; запиши, однако, что не в этом радость совершенная".

Пройдя немного далее, Франциск опять позвал брата Льва: "И запиши еще, брат Лев, что если наши братья будут исцелять больных, изгонять бесов, будут делать слепых зрячими или будут воскрешать четырехдневноумерших, -- запиши, что и в этом не будет радости совершенной".

И, пройдя еще далее, Франциск сказал Льву: "Запиши еще, брат Лев, что если бы наши братья знали все языки, все науки и все писания, если бы они пророчествовали не только про будущее, но знали бы все тайны совести и души, -- запиши, что и в этом нет радости совершенной".

Пройдя еще далее, Франциск опять позвал Льва и сказал:

"И еще запиши, брат Лев, овечка божия, что если бы мы научились говорить на языках ангельских, если бы мы узнали течение звезд и если бы нам открылись все клады земли, и мы познали бы все тайны жизни птиц, рыб, всех животных, людей, деревьев, камней и вод, -- запиши, что и это не было бы радостью совершенною".

И, пройдя еще немного, Франциск опять позвал брата Льва и сказал ему: "Запиши еще, что если бы мы были такими проповедниками, что обратили бы всех язычников в веру Христа, -- запиши, что и в этом не было бы радости совершенной".

Тогда брат Лев сказал Франциску: "В чем же, брат Франциск, радость совершенная?"

И Франциск отвечал: "А вот в чем: в том, что если, когда мы придем в Порционкюль грязные, мокрые, окоченелые от холода и голодные и попросимся пустить нас, а привратник скажет нам: "Что вы, бродяги, шатаетесь по свету, соблазняете народ, крадете милостыню бедных людей, убирайтесь отсюда!" -- и не отворит нам. И если мы тогда не обидимся и со смирением и любовью подумаем, что привратник прав, что сам бог внушил ему так поступить с нами, и мокрые, холодные и голодные пробудем в снегу и в воде до утра без ропота на привратника, тогда, брат Лев, только тогда будет радость совершенная".

4

То, что реки и моря властвуют над теми долинами, по которым текут, происходит оттого, что они ниже их.

Поэтому святой человек, если он хочет быть выше народа, должен стать ниже его. Если он хочет руководить им, то должен быть позади него.

Поэтому святой человек если и стоит выше народа, народ не чувствует этого. Если стоит и впереди народа, народ не видит этого и не страдает от этого. Он не спорит ни с кем, никто в мире не спорит с ним. От этого-то мир не переставая и восхваляет его

Лао-Тсе.

5

Мудрецу сказали о том, что его считают дурным человеком. Он отвечал: "Хорошо еще, что они не все знают про меня, они бы еще не то сказали".

Избегай суждения о себе и главное сравнения себя с другими. Сравнивай себя только с совершенством.

9-е мая

Жизнь есть непрестающее изменение: ослабление плотской и усиление, увеличение духовной жизни.

1

Борьба с собой и насилие над собой не могут не быть вследствие наших прежних грехов; но это насилие над собой -- любовное, законное. Мать вырывает ребенка своего из пасти зверя. Ребенку больно, но он, конечно, должен приписать свое страдание не матери своей, спасающей его, а зверю, желающему удержать его. Так же точно и человек должен относиться к борьбе добра со злом: добро, как мать, вырывает нашу душу от зла, и хотя борьба эта и мучительна для нас, но она необходима и дает нам

благо. Плохо было бы для нас, если бы не было этой борьбы. Без нее мы не могли бы быть добры.

Паскаль.

2

По мере того как свет увеличивается в нас, мы видим себя худшими, чем мы прежде думали. Мы удивляемся на свою прежнюю слепоту по мере того, как видим выступающий" из нашего сердца целый рой постыдных чувствований. Мы никогда не воображали, что могли хранить в себе такие гадости, и с ужасом смотрим на их появление. Но не надо ни удивляться, ни отчаиваться. Мы не стали хуже, чем были, напротив.

Фенелон.

3

Пока живешь -- поучайся. Не жди, чтоб старость принесла с собой мудрость.

Солон.

4

Нам нужно главным образом освободиться от нелепой мысли, будто небо исправит со временем наши крупные ошибки. Если вы неряшливо приготовляете какое-нибудь кушанье, то вы не рассчитываете, что провидение сделает его вкусным; и точно так же, если вы в течение целого ряда безумных лет ложно направляли свою жизнь, то не должны ожидать, что божественное вмешательство направит и устроит вас к лучшему.

Джон Рёскин.

5

Добродетель всегда двигается вперед и все-таки всегда начинается сначала.

Кант.

6

Доброта голубя -- не добродетель. Голубь не добродетельнее волка. Добродетель и ее степени начинаются только тогда, когда начинается усилие.

7

Если бы богу было угодно, он бы сделал всех нас одним народом, но он испытывает нас.

Где бы вы ни были, все стремитесь изо всех сил к добру: придет день, когда бог соединит всех вас.

Коран.

Нельзя останавливаться на пути самосовершенствования. *Как только ты почувствуешь больший интерес к внешнему миру, чем к своей душе, знай, что ты остановился; мир движется мимо тебя, а ты стоишь.*

10-е мая

Действительно существует только духовное. Все телесное есть только видимость.

1

Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить богу и мамоне.

Мф. гл. 6, ст. 24.

Два господина эти: душа и тело.

2

Нельзя заботиться зараз и о душе своей, и о мирских благах. Если хочешь мирских благ, откажись от души; если хочешь уберечь свою душу, отрекись от мирских благ. Иначе ты будешь постоянно раздваиваться и не получишь ни того ни другого.

Эпиктет.

3

Если люди думают, что существует только то, что они могут ощупать руками, то такие люди еще очень невежественны.

Платон.

4

Человек может жить двояко: истинной (внутренней) жизнью или жизнью ложной, призрачной (внешней). Под внутренней жизнью я понимаю ту жизнь, когда человек уже не живет одними впечатлениями, но когда сквозь все видит одну пристань и берег -- бога и во имя Его стремится и спешит употребить в дело данный ему талант, а не зарыть его в землю, -- зная, что не для своих удовольствий дана ему жизнь.

Гоголь.

5

Чувство долга заставляет нас чувствовать действительность вещественного мира и участвовать в его жизни и вместе с тем отрывает нас от него и показывает нам его недействительность.

По Амиелю.

6

Действительно только то, что невидимо, неосязаемо, что духовно и что мы познаем в себе и собою. Все же видимое, осязаемое есть произведение наших чувств и потому только кажущееся.

7

Есть учения тела и учения духа. Берегитесь первых, они ведут народы к рабству. Кто трудится лишь для тела, тот кует себе кандалы, в которые он скоро будет закован. Горе тому, кто живет чувственной жизнью, забывая о жизни духа, будь то человек или целый народ, который пал настолько, что весь погрузился в интересы плоти и этими интересами питается, откармливается -- готовит пир червям. Лишь учения духа дают свободу, жизнь, спасение; ими одними то, что было уже мертво, возрождается вновь к, жизни. Слушайте же голос духа вы, которые хотите возродиться,

которые хотите выйти из могилы старого мира, полного гнили и костей. Откуда этот голос приходит, никто не знает, ибо это не голос чего-либо известного. Этот голос не услышишь с кафедр, не услышишь в общественных собраниях, где люди собираются слушать пустые слова безразличного учения. Он -- как дуновение из пустыни, о котором никто не может сказать: здесь это дуновение зародилось или там. Докуда дойдет этот голос -- неизвестно; сегодня он здесь, а завтра там, всюду, где находит уши внимательные и сердца приготовленные. И неизвестно, до каких пределов доведет он тех, кто скажет этому голосу: руководи мною.

Ламенэ.

8

В сущности, есть только один предмет изучения: это разные виды и превращения духа. Все другие предметы сводятся к этому же; все другие изучения сводятся к тому же.

Амиель.

9

Я могу послать свои мысли к разным людям; они пересекут моря и овладеют всеми землями, если только в них будет божественная сила любви и мудрости. Мои мысли суть духовные части моего я и, следовательно, могут находиться в тысячах мест сразу, в то время как мое тело во всякий данный момент может находиться только в одном каком-либо месте.

Люси Малори.

10

Природа несправедлива. Если мы -- произведение природы, то почему же

мы недовольны несправедливостью природы? Почему следствие восстает против причины? Происходит ли это возмущение от пустого и детского тщеславия? Нет, это крик, вырвавшийся из глубины нашего существа, признающего себя независимым от природы и требующего, во что бы то ни стало справедливости! Небо и земля могут уничтожиться, но добро должно существовать, и несправедливость должна быть уничтожена. Таково сознание всего человечества. Дух не зависит от природы.

По Амиелю.

Нам всегда кажется, что самое ясное, понятное, самое действительно существующее -- это все телесное, познаваемое нашими чувствами, а между тем это-то и есть самое неясное, непонятное, противоречивое и недействительное.

11-е мая

Совершенство так далеко от нас, что, как ни различны наши жизни, расстояние наше от совершенства одинаково для всех нас.

1

Тот, кто не имеет представления о совершенстве, довольствуется тем, что есть, не спорит с действительностью, которая становится для него тождественной со справедливостью, с благом, с красотою. Для такого человека нет движения, нет жизни.

По Амиелю.

2

Двигающая сила во всех совершенствованиях как личностей, так и народов не есть знание того, что есть, а представление того, что может быть.

Мартино.

3

"Человек слаб, надо дать задачу по силам", -- говорят люди. Это все равно что сказать: руки мои слабы, и я не могу провести линию, которая была бы кратчайшая между двумя точками; поэтому я, чтобы облегчить себя, желая проводить прямую, возьму за образец кривую или ломаную.

Чем слабее моя рука, тем совершеннее мне нужен образец.

4

"Будьте совершенны, как отец ваш небесный".

Совершенство бога, т. е. совершенство высшего добра всех, есть то, к чему стремится все человечество.

5

Христианское учение о совершенстве есть то единое учение, которое может руководить человечеством.

Нельзя, не должно заменять данное в учении Христа представление о совершенстве внешними правилами, а надо твердо держать это представление перед собой во всей чистоте его и, главное, верить в него.

Плавающему недалеко от берега можно говорить: держись того возвышения, мыса, берега и т. п. Но когда пловцы удалились от берега, руководством им должны и могут служить только недостижимые светила и компас, показывающий направление. И то и другое дано нам.

Как бы ни пал человек, он всегда может видеть то совершенство, к которому он может идти.

12-е мая

Жизнь есть непрестающее приближение к смерти, и потому жизнь может быть благом только тогда, когда смерть не представляется злом.

1

Дней лет наших -- семьдесят лет, а при большей крепости -- восемьдесят лет; и самая лучшая пора их -- труд и болезнь, ибо проходит быстро, и мы летим.

Пс. 89, ст. 10.

2

Когда мы во всей силе здоровья и ума, мы думаем о людях и о самых ничтожных заботах, а не о боге: точно как будто приличия и обычай требуют того, чтобы мы думали о боге только в таком состоянии, когда у нас остается разума лишь настолько, чтобы признаться, что мы уже не владеем им.

Лабрюйер.

3

Представьте себе толпу людей в цепях. Все они приговорены к смерти, и каждый день одни из них умерщвляются на глазах у других. Остающиеся, видя этих умирающих и ожидающих своей очереди, видят свою

собственную участь.

Как надо жить людям, когда они в таком положении? Неужели заниматься тем, чтобы бить, мучить, убивать друг друга? Самые злые разбойники в таком положении не будут делать зла друг другу. А между тем все люди находятся в этом положении -- и что же они делают?

По Паскалю.

4

Мы видим, как человек, занимающий важное место, падает и скоропостижно умирает; как другой заметно, понемногу тает, каждый день ослабевая, и наконец потухает. Такие поразительные события остаются незамеченными, никого не затрагивая. Люди не обращают на них больше внимания, чем на цветок, который вянет, или на падающий лист. Они завидуют оставшимся местам или осведомляются, заняты ли они и кем.

Лабрюйер.

5

"Здесь я буду обитать во время дождей, там я поселюсь летом". Так мечтает безумец и не помышляет о смерти, а она внезапно приходит и уносит человека озабоченного, корыстного, рассеянного.

Ни сын, ни отец, ни родные и близкие -- никто не поможет нам, когда поразит нас смерть; благой и мудрый, ясно сознавши смысл этого, расчищает путь, ведущий к успокоению.

Буддийская мудрости.

6

Человек приходит в мир со сжатыми ладонями и как бы говорит: весь мир мой, а уходит из него с открытыми ладонями и как бы говорит: смотрите, ничего не беру с собой.

Талмуд.

7

И сказал Христос притчу: у одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собой: что мне делать? некуда мне собрать плодов моих. И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы; покойся, ешь, пей, веселись. Но бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?

Лк. гл. 12. ст. 16--20.

8

"Мне принадлежат эти сыновья, мне принадлежат эти богатства" -- вот мысли безумца. Как могут сыновья и богатства принадлежать ему, когда он сам не принадлежит себе?

Буддийская мудрость.

9

Мы беззаботно стремимся в пропасть, держа перед собою заслон, чтобы не видеть ее.

Паскаль.

10

Живи так, как будто ты сейчас должен проститься с жизнью, как будто время, оставленное тебе, есть неожиданный подарок.

Марк Аврелий.

11

Вся твоя жизнь -- это крошечная частица бесконечного времени. Так смотри же сделай из нее все, что возможно.

Саид бен Хамед.

Помни, что ты не живешь в мире, а проходишь через него.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

СМЕРТЬ В ГОСПИТАЛЕ

И вот теперь, как я пишу это, ярко припоминается мне один умирающий, чахоточный, тот самый Михайлов, который лежал почти против меня. Самого Михайлова, впрочем, я мало знал. Это был еще очень молодой человек, лет двадцати пяти, не более, высокий, тонкий и чрезвычайно благообразной наружности. Он жил в особом отделении и был до странности молчалив, всегда как-то тихо, как-то спокойно-грустный. Точно он "засыхал" в остроге.

Так по крайней мере о нем потом выражались арестанты, между которыми он ставил о себе хорошую память. Вспоминаю только, что у него были прекрасные глаза. Он умер часа в три пополудни, в морозный и ясный день. Помню, солнце так и пронизывало крепкими, косыми лучами

зеленые, слегка подмерзшие стекла в окнах нашей палаты. Целый поток их лился на несчастного. Умер он не в памяти, и тяжело долго отходил, несколько часов сряду. Еще с утра глаза его уже начинали не узнавать подходивших к нему. Его хотели как-нибудь облегчить, видели, что ему очень тяжело; дышал он трудно, глубоко, с хрипением; грудь его высоко; подымалась, точно ему воздуху было мало. Он сбил с себя одеяло, всю одежду и, наконец, начал срывать с себя рубашку. Страшно было смотреть на это длинное-длинное тело, с высохшими до кости ногами и руками, с опавшим животом, с поднятою грудью, с ребрами, отчетливо рисовавшимися, точно у скелета. На всем теле его остались один только деревянный крест с ладонкой и кандалы, в которое, кажется, он бы теперь мог продеть иссохшую ногу. За, полчаса до смерти его все у нас как будто притихли, стали разговаривать чуть не шепотом. Кто ходил, ступал как-то неслышно. Разговаривали меж собой мало, о вещах посторонних, изредка только взглядывали на умиравшего, который хрипел все более и более. Наконец он блуждающей и нетвердой рукой нащупал на груди свою ладонку и начал рвать ее с себя, точно и та была ему в тягость, беспокоила, давила его. Сняли и ладонку. Минут через десять он умер. Стукнули в дверь караульному, дали знать. Вошел сторож, тупо посмотрел на мертвеца и отправился к фельдшеру. Фельдшер, молодой и добрый малый, явился скоро; быстрыми шагами, ступая громко по притихшей палате, подошел к покойнику и с каким-то особенно развязным видом взял его за пульс, пощупал, махнул рукою и вышел. Тотчас же отправились дать знать караулу: преступник был важный, особого отделения; его и за мертвого-то признать надо было с особыми церемониями.

В ожидании караульных кто-то из арестантов тихим голосом подал мысль, что не худо бы закрыть покойнику глаза. Другой внимательно его выслушал, молча подошел к мертвецу и закрыл глаза. Увидев тут же лежавший на подушке крест, взял его, осмотрел и молча надел его опять Михайлову на шею, надел и перекрестился. Между тем мертвое лицо костенело; луч света играл на нем, рот был полураскрыт; два ряда белых молодых зубов сверкали из-под тонких, прилипших к деснам губ. Наконец вошел караульный унтер-офицер при тесаке и в каске, за ним два сторожа. Он подходил, все более и более замедляя шаги, с недоумением посматривая на затихших и со всех сторон сурово глядевших на него арестантов. Подойдя на шаг к мертвецу, он остановился как вкопанный, точно оробел. Совершенно обнаженный, иссохший труп, в одних кандалах, поразил его, и он вдруг отстегнул чешую, снял каску, чего вовсе не требовалось, и широко перекрестился. Это было суровое, седое, служилое лицо. Помню, в это же самое мгновение тут же стоял Чекунов, тоже седой старик. Все время он молча и пристально смотрел в лицо унтер-офицера, прямо в упор, и с каким-то странным вниманием вглядывался в каждый

жест его. Но глаза их встретились, и у Чекунова вдруг отчего-то дрогнула нижняя губа. Он как-то странно скривил ее, оскалил зубы и быстро, точно нечаянно, кивнув унтер-офицеру на мертвеца, проговорил:

-- Тоже ведь мать была -- и пошел прочь.

Но вот труп стали под ни мать, подняли вместе с койкой; солома захрустела, кандалы звонко, среди всеобщей тишины, брякнули об пол... Их подобрали. Тело понесли. Вдруг все громко заговорили. Слышно было, как унтер-офицер, уже в коридоре, посылал кого-то за кузнецом. Следовало расковать мертвеца...

Достоевский (из "Записок из Мертвого дома").

13-е мая

Каждому человеку самому надо решить для себя вопросы о смысле жизни и смерти.

1

Мудрый человек требует всего только от себя; ничтожный же человек требует всего от других.

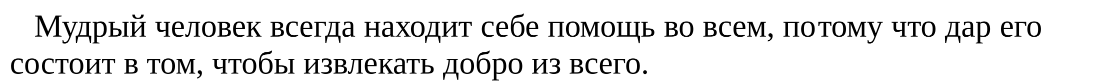
Китайская мудрость.

2

Душа не учится; она только вспоминает то, что она всегда знала.

Дауд ель Гаффир.

3

Мудрый человек всегда находит себе помощь во всем, потому что дар его состоит в том, чтобы извлекать добро из всего.

Джон Рескин.

4

Политическая победа, увеличение дохода, выздоровление ваших больных, возвращение отсутствующих друзей или что-нибудь еще в том же роде благоприятное поднимает ваш дух, и вы думаете, что настанут для вас лучшие дни. Не верьте этому. Ничто не принесет вам мира, кроме вас самих.

Эмерсон.

5

Тщетно будете вы искать во внешнем мире ответов на вопросы, касающиеся назначения жизни. Ответы на все ваши вопросы находятся внутри вас, но лишь в зародышах. Вы должны вырастить ваши ответы хорошей жизнью. Это единственный путь к мудрости.

Люси Малори.

6

Горе тому, кто ищет товарища, потому что верный товарищ -- только он сам, ищущий же не может быть верным товарищем сам себе.

Торо.

7

Истина заученная только прилипает к нам, как искусственный член, вставной зуб, восковой нос и самое большее -- как нос из чужой кожи. Истина же, приобретенная собственным мышлением, подобна настоящему члену тела; только она одна действительно принадлежит нам.

Шопенгауэр.

Если на вопросы о жизни и смерти человек принимает ответы других, прежде живших, мудрых людей, то все-таки выбор и признание этих ответов зависит от него самого.

14-е мая

Сознание божественности души дает бесстрашие перед всеми бедствиями жизни.

1

Мы знаем, что душа божественна. Не могу сказать, соберутся ли опять в телесной оболочке те удивительные свойства, которые живут во мне теперь; также не могу сказать о том, имели ли они прежде своего появления здесь такую же естественную историю, как то тело, которое я вижу перед собою; но одно я знаю верно, что свойства эти не начинали существовать, не могут быть больны вместе с болезнью моего тела, не могут быть похоронены ни в каком гробу, но что они были прежде, чем был мир. И это дает мне веру, мужество и надежду.

Душа все знает. Никакое сообщение не может удивить ее. Ничто не может быть больше ее. Пусть боится, кто хочет. Душа живет в своем

прирожденном царстве, она пространнее пространства и старее времени.

Эмерсон.

2

Бог живет во всех людях, но не все люди живут в боге. В этом причина страданий людей.

Как лампа не может гореть без огня, так не может человек жить без бога.

Браминская мудрость [Рамакришна].

3

Ты боишься, что тебя будут презирать за твою кротость, но люди справедливые не могут презирать тебя за это, а до других людей тебе дела нет, -- не обращай внимания на их суждения. Не станет же искусный столяр огорчаться тем, что человек, ничего не понимающий в столярном деле, не одобряет его хорошей работы.

Не думай, что злые люди могут повредить тебе. Разве может кто-нибудь повредить твоей душе? Так чем же ты смущаешься?

Я смеюсь про себя над теми, которые думают, что они могут повредить мне: они не знают, ни кто я, ни того, в чем я полагаю добро и зло; они не знают, что они не могут даже прикоснуться до того, что есть воистину мое и чем одним я живу.

Эпиктет.

4

Все вещи мира принадлежат мне; творение и разрушение происходят

по моей воле; мир только скорлупа, я его ядро, как же мне бояться того, что прах вернется к праху? Я не прах. Покорись богу и живи в мире.

Персидская мудрость.

5

Разум спрашивает, как и почему? Любовь говорит: я -- любовь. И, не отвечая на вопрос, вполне удовлетворяет спрашивающего.

Не бойся никого и ничего. То, что в тебе самое дорогое, не может пострадать ни от кого и ни от чего.

15-е мая

Правдивость не есть добродетель, но признак отсутствия пороков.

1

Истине никогда не вредила насмешка, но рост истины останавливается в насмехающемся.

Люси Малори.

2

Самая обычная и распространенная причина лжи есть желание обмануть не людей, а самого себя. Эта же ложь я самая вредная.

3

Тысячи путей ведут к заблуждению; к истине -- только один.

Руссо.

4

Нет несчастия хуже того, когда человек начинает бояться истины, чтобы она не обличила его.

5

Только одна самоочевидная правда должна осуществляться людьми.

Конфуций.

6

Нельзя утверждать никакой неправды, не присочинив для нее еще другой неправды.

Лессинг.

7

Как, кажется, легко говорить правду, а как много нужно внутренней работы, чтобы достигнуть этого.

Степень правдивости человека есть указатель степени его нравственного

совершенства.

8

Правдивость -- единственная монета, которой везде ход.

Китайская пословица.

9

Будем правдивы. В этом тайна красноречия и добродетели, в этом нравственное влияние, в этом высшее правило искусства и жизни.

Амиель.

Очень обычная ошибка думать, что есть такие дела, в которых можно отступить от правды. Последствия, и внутренние и внешние, всякой самой малой неправды во много раз вреднее той неловкости, неприятности, которая может произойти от высказывания правды.

16-е мая

Без религии никогда не жило и не может жить человечество.

1

Ученые люди нашего времени решили, что религия не нужна, что наука заменит или уже заменила ее, а между тем, как прежде, так и теперь, без религии никогда не жило и не может жить ни одно человеческое общество, ни один разумный человек, (я говорю *разумный человек* -- неразумный же человек, так же как и животное, может жить и без религии).

А не может жить без религии разумный человек потому, что религия дает разумному человеку понимание своего отношения к бесконечному миру, среди которого он живет, и вытекающее из этого понимания руководство в его поступках.

Пчела, собирающая корм, не может иметь никаких сомнений о том, хорошо или дурно собирать его. Но человек, собирая жатву или плоды, не может не думать о том, не уничтожает ли он на будущее время произрастания хлеба или плодов, и о том, не отнимает ли он этим собиранием пищу у ближних. Не может не думать он и о том, что будет из тех детей, которых он кормит, и многое другое. Самые важные вопросы поведения в жизни не могут разумным человеком быть решены окончательно именно по обилию последствий, которых он не может не видеть. Всякий разумный человек, если не знает, то чувствует, что в самых важных вопросах жизни ему нельзя руководствоваться ни личными побуждениями чувств, ни соображениями о ближайших последствиях его деятельности, потому что последствий этих он видит слишком много различных и часто противоречивых, т. е. таких, которые также, вероятно, могут быть благодетельны или зловредны как для него, так и для других людей.

Поэтому разумный человек не может удовлетвориться теми соображениями, которые руководят поступками животных. Человек может рассматривать себя как животное среди животных, живущих сегодняшним днем; он может, рассматривать себя и как члена семьи, и как члена общества, народа, живущего веками; может и даже непременно должен (потому что к этому неудержимо влечет его разум) рассматривать себя как часть всего бесконечного мира, живущего бесконечное время. И потому разумный человек должен был установлять и всегда установлял, кроме отношения к ближайшим явлениям жизни, свое отношение ко всему бесконечному по времени и пространству миру, понимая его как одно целое. И такое установление отношения человека к тому целому, которого он, чувствует себя частью и из которого он выводит руководство в своих поступках, и есть то, что называлось и называется религией.

И потому религия всегда была и не может перестать быть необходимостью и неустранимым условием жизни разумного человека и разумного человечества.

2

Чем сильнее в человеке религиозное чувство, тем яснее бывает представление того, что должно быть, и тем определеннее руководство поступков.

Не имеющие или в малой степени имеющие это чувство руководятся, напротив, тем. Что было, -- прошедшим, преданием, и их-то, этих людей, толпа называет религиозными. Человек же истинно религиозный пренебрегает прошедшим и, руководясь только тем, что должно быть, часто представляется толпе безбожником.

3

То, что видишь часто людей, жертвующих всем, даже жизнью, ради суеверий: дуэли, война, самоубийства, а редко таких, которые отдавали бы жизнь за истину, происходит оттого, что Можно без убеждения легко отдать жизнь под влиянием внушения, производимого одобрением толпы, и очень трудно быть настолько твердо убежденным в истине, чтобы быть готовым умереть за нее в несогласии с толпою.

4

Достаточно заткнуть себе уши в зале, где танцуют, чтобы вообразить себя в доме сумасшедших. На человека, уничтожившего себе религиозное сознание, все религиозные поступки человечества должны производить такое же впечатление. Но опасно ставить себя вне закона человеческого рода и считать себя правее всех остальных людей.

Амиель.

5

Часто говорят, что религия утратила свою власть над людьми. Но этого нет и не может быть. Это происходит оттого, что люди, думающие так, наблюдают только известный класс людей, лишенный религиозного

чувства.

Если человек живет бедственно, то причина всегда одна: отсутствие веры; то же и с обществом людей.

17-е мая

Радость совершенная, по словам Франциска Ассизского, в том, чтобы перенесть незаслуженный укор, потерпеть от него телесное страдание и не испытать враждебности к причине укора и страдания, радость в сознании настоящей веры и любви, такой, какую не может нарушить ни зло людей, ни свои страдания.

1

Смотрите не творите милостыни вашей перед людьми, с тем чтобы они видели вас, иначе не будет вам награды от отца вашего небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собой, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою.

Мф. гл. 6, ст. 1--2.

2

Выше всего то, когда тебя осуждают за доброе дело и ты не огорчаешься, а радуешься.

По Марку Аврелию.

3

Быть неизвестным людям или не понимаемым ими и не печалиться об этом -- есть свойство истинно добродетельного человека.

Китайская мудрость.

4

Ругают, осуждают -- радуйся; хвалят, Одобряют -- бойся, огорчайся.

5

Клевета, ложное дурное мнение, от которого нельзя оправдаться, есть лучшая школа добра.

6

Хорошо приучить себя к тому, чтобы, встречаясь с людьми, ожидать и ждать от них (для испытания себя, для уничтожения своей гордости) не одобрения и похвалы, а, напротив, унижения, оскорбления и превратного о тебе мнения.

То, что называется юродством, т. е. поведением, вызывающим осуждение и нападки людей, несправедливо в той мере, в которой оно вызывает дурные поступки людей, но понятно и желательно, как единственная поверка своей любви к богу и ближнему.

18-е мая

Нельзя сказать, что сознание божественности своей души дает могущество. Сознание это поднимает человека в ту область, в которой нет уже понятия силы и слабости, следовательно -- могущества.

1

Небо ближе, чем земля, к людям, очистившим свои души и свободным от сомнения.

Даже те, которые имеют все то знание, которое можно получить от пяти чувств, не найдут в нем выгоды, если они не знают истинную природу вещей.

Истинное знание относительно всякой вещи есть понимание о том, что в этой вещи есть истинное существо.

Индийский Курал.

2

Пусть не думают, что для души есть другое рождение помимо познания истинного существа.

Те, кто вступил на этот путь, уже не возвращаются.

Индийский Курал.

3

Человек есть существо могущественное, и тот, кто сознает могущество своей души и знает, что он слабеет, когда ищет силу вне себя, -- тот, обуздав тело и дух, делается истинным властелином, идет прямо и совершает чудеса. Он похож на человека, который, стоя на своих ногах, естественно, сильнее упавшего на землю.

Эмерсон.

4

У тебя спросят: почему ты знаешь бога? Отвечай: потому что он в моем сердце. Если бы это была неправда, люди были бы совершенно беспомощны. Смотри на самосущего не этими твоими глазами, а глазами твоего сердца. Разве может знать бога тот, кто не знает сам себя? Истинное самосознание есть знание бога.

Персидская мудрость.

5

Кто может тебе сделать что-нибудь дурное и кто может быть могущественнее тебя, когда ты соединишься с богом? И ты можешь сделать это.

6

Одно мы знаем или можем знать, если захотим, а именно, что сердце и совесть человека божественны, что в отрицании зла и признании добра человек сам является воплощенным божеством, что его радость в любви, его страдания в гневе, его негодование при виде несправедливости, его слава в самопожертвовании являются вечными, неоспоримыми доказательствами его единства с верховным Властелином.

Джон Рёскин.

Человек, признающий божественность своей души и живущий ею, имеет

все то, чего может желать для своего блага.

19-е мая

Основа всех вер одна и та же.

1

Одно есть несомненное проявление божества -- это законы добра, которые человек чувствует в себе и в признании которых он не то что соединяется, а волею-неволею соединен с другими людьми.

2

Только кажется, что человечество занято торговлей, договорами, войнами, науками, искусствами; одно дело только для него важно и одно только дело оно делает -- оно уясняет себе те нравственные законы, которыми оно живет. И это уяснение нравственного закона есть не только главное, но единственное дело всего человечества.

3

Мудреца спросили: есть ли такое слово, которое может было бы исполнять для своего блага до конца жизни?

Мудрец сказал: есть слово *шу*; смысл этого слова такой: чего мы не хотим, что бы нам делали, не надо делать другим.

Китайская мудрость.

4

"Заповедь эта, которую Я заповедую тебе сегодня, не недоступна для тебя и не далека не на небе она, чтобы можно было сказать: кто взошел бы для нас на небо, и достал ее нам, и возвестил ее нам, и мы исполнили бы

ее? И не за морем она, чтобы можно было сказать: кто сходил бы для нас за море, и достал ее нам, и возвестил ее нам, и мы исполнили бы се? Но весьма близко к тебе это слово: оно в устах твоих и в сердце твоем, чтобы исполнять его".

Второзаконие, гл. 30, ст. 11--14.

Так написано было в еврейской книге, больше чем за 2000 лет до нас.

5

Поступай так, чтобы ты мог сказать каждому: поступай так, как я.

По Канту.

6

Источник наших обязанностей -- в боге. Определение наших обязанностей заключается в его законе. Все больше раскрывать и применять этот закон -- такова задача человечества.

Иосиф Мадзини.

7

Разумность, наблюдаемая в природе, побуждающая человека делать должное и удерживающая от дурного, становится законом не потому, что записана в книгах, но потому, что это закон одинаково вечный, божественный, как и разум человеческий. И потому истинный, непреложный закон, повелевающий и запрещающий, есть разум высшего существа.

Цицерон.

Вспоминай при каждом столкновении с людьми закон взаимности: то, чтобы поступать с другими как хочешь, чтобы поступали с тобой. Это может сделаться привычкой.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ЗАКОН НАСИЛИЯ И ЗАКОН ЛЮБВИ

Христианину нельзя насильничать. Сказано так: "Если кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую". Смысл этих слов тот, что если тебя ударили, то лучше, чем отдать удар за удар, подставь щеку. Таков закон бога для христианина. Кто бы ни сделал насилие и для чего бы оно ни было сделано, все равно -- зло, как зло убийства, блуда, -- все равно, для чего бы оно ни было сделано, и кто бы ни сделал его, и один ли человек, или миллионы людей, -- зло все зло, потому что перед богом все люди равны и потому что заповедь божия не похожа на заповеди человеческие с их исключениями, примечаниями и обходами по времени и месту. Заповедь божия одна для всех людей, потому что дух, живущий в нас, один и тот же во всех. Для христианина в крайнем случае лучше быть убитым, чем убийцей; лучше подвергнуться насилию, чем самому насильничать. Если меня люди обидят, то я, как христианин, должен рассуждать так: я тоже обижал людей, и потому хорошо, что бог посылает мне испытание для моего вразумления и очищения от грехов. Если же меня люди обидят в правоте, тогда мне вдвойне хорошо, потому что я через это становлюсь товарищ передовых бойцов за жизнь, за свет, за свободу. Нельзя спасти душу свою злом, нельзя прийти к добру дорогою зла, как нельзя прийти домой, идя прочь от дома. Сатана сатану не изгоняет: зло не побеждается злом, а только накладывается зло на зло и укрепляется. Зло побеждается только противным духом, правдивостью и добром. Добром, только добром и терпением и страданием можно и следует гасить зло.

Но люди не живут по закону христианскому, закону разумения, смирения, самоотвержения, прощения и братской любви; а живут по закону животному, звериному, по которому "кто кого может, тот того и гложет". Можно допустить, что человек употребит насилие над

горячечным больным, над пьяным, над сумасшедшим, над глупым ребенком не с целью делать ему зло, а с целью предупредить беду. Можно терпеть, простить и допустить такое насилие как неизбежное зло, но не возвеличивать. Когда же закон звериной жизни возводится в дело общественное как закон для всех, возвеличивается как закон будто бы божественный, то это для людей разумных, особенно для христиан, становится уже делом противоестественным, антихристовым, хулою на дух Христов -- это грех непростительный.

Христос и антихрист живут от века, как две противоположные силы. Жить по Христу -- значит жить по-человечески, любить людей, делать добро и за зло воздавать добром. Жить по антихристу -- значит жить по-звериному, любить только себя и за зло и за добро воздавать злом. Чем больше в своей обыкновенной, ежечасной жизни мы будем стараться жить по Христу, тем больше будет любви и счастья между людьми. Чем больше мы будем придерживаться учения антихриста, тем жизнь людей будет бедственнее. Заповедь о непротивлении злому ясно показывает два разные пути: путь истины, путь Христов, путь искренности мысли и чувства -- путь жизни; и другой путь: путь обмана, путь дьявола, путь всякого лицемерия -- путь смерти. И пусть страшно взять на себя крест заповеди о непротивлении злому, пусть страшно отдать себя в жертву злодею, но мы знаем, где дорога добра, дорога спасения. Будем же употреблять усилие, чтобы идти по ней, и будем освещать этот путь светом своего разумения и зная, что мы не упираемся в стену, а что впереди есть дорога и свет.

Не противиться злому силою не значит, что нужно отказаться от охраны и жизни, и трудов своих, и других людей, а значит только, что охранять все это нужно иным способом, так, чтобы охрана эта не была противна разуму. Охранять жизнь и труды других людей и свои нужно тем, чтобы стараться пробудить в нападающем злодее доброе чувство. А для того чтобы человек мог это сделать, надо, чтобы он сам был добр и разумен. Если я вижу, например, что один человек намерен убить другого, то лучшее, что я могу сделать, это поставить самого себя на место убиваемого -- и защитить, накрыть собою того человека и, если можно, спасти, утащить, спрятать его -- все равно, как я стал бы спасать человека из пламени пожара или утопающего: либо самому погибнуть, либо спасти. Если же я оказываюсь бессилен в этом способе, потому что я сам заблудший грешник, то это мое бессилие не дает мне права пробуждать в себе зверя и вносить беспорядок в мир злом насилия и его оправданием.

Бука.

20-е мая

Для человека, как животного существа, не может быть речи о свободе. Вся его жизнь обусловлена рядом причин. Но если человек сознает себя духовным существом, то для него не может быть речи о несвободе. Понятие несвободы неприменимо к проявлению разума, сознания, любви.

1

Помни, что разумение твое, имея свойство жизни в самом себе, делает тебя свободным, если ты не подгибаешь его служению плоти. Душа человека, просвещенная разумением, свободная от страстей, затмевающих этот свет, есть настоящая твердыня, и нет прибежища для человека, которое было бы вернее и неприступнее для зла. Кто не знает этого, тот слеп, а кто, зная, не входит в твердыню разумения, тот злосчастный.

Марк Аврелий.

2

Познаете истину, и истина сделает вас свободными.

Ин. гл. 8, ст. 32.

3

Зла не существует для вещественной природы, но зло существует для каждого человека, которому дано сознание добра и свобода выбора между добром и злом.

Марк Аврелий.

4

Свободным человеком бывает только тот, с которым случается все так, как он того хочет. Но значит ли это, что с ним непременно случится все то, что ему вздумается? Нисколько.

Вещь грамота, например, научает нас писать буквами и словам ми все, что мы захотим; но для написания хоть своего имени я не могу писать такие буквы, какие мне вздумается: этак я никогда не напишу своего имени. А я должен пожелать писать именно такие буквы, какие нужны, и в том порядке, который нужен. И во всем так. Мы бы никогда ничему не научились, если бы делали так, как только нам вздумается. Значит, для того чтобы быть свободным человеком, не следует желать всего того, что только придет в голову. Напротив того, свободный человек должен выучиться желать и соглашаться со всем тем, что с ним случается, потому что то, что с человеком случается, случается только по воле того, кто управляет всем миром.

Эпиктет

5

Мы гораздо яснее сознаем, что наша воля свободна, чем то, что все совершающееся должно иметь свою причину. Разве нельзя было бы обратить этот аргумент и сказать: наши понятия о причине и следствии должны быть очень неправильны, так как наша воля не могла бы быть свободна, если бы они были справедливы.

Лихтенберг.

6

Быть высоконравственным -- значит быть свободным душой. Люди, постоянно гневающиеся на кого-нибудь, беспрестанно боящиеся чего-нибудь и всецело предающиеся страстям не могут быть свободны душой.

Конфуций.

Люди, отрицающие свободу, подобны слепым, отрицающим цвета: они не знают той области, в которой люди свободны.

21-е мая

Чтобы поверить в добро, надо начать делать его.

1

Украшай каждый проходящий день добрым делом.

2

Всего лучше начинать каждый день так: думать при пробуждении о том, нельзя ли в этот день доставить радость хоть одному человеку.

Ницше.

3

Доброта -- это наша обязанность. Тот, кто часто исполняет ее и видит, как его добрые намерения осуществляются, в конце концов начинает действительно любить того, для кого сделал добро. Слова: "Люби ближнего своего, как самого себя" -- не значат то, что ты должен сначала его полюбить и уже затем, как следствие своей любви, делать ему добро. Нет, ты должен делать добро твоему ближнему, и эта твоя деятельность зажжет в тебе любовь к человечеству, которая и будет последствием твоей

деятельности, направленной на добро.

Кант.

4

Добрая воля хороша не тем, что она выполняет, -- не своей пригодностью к достижению какой-нибудь намеченной цели, а сама по себе; рассматриваемая сама по себе, без всякого сравнения, она имеет гораздо более высокую цену, чем все, что посредством ее могло быть когда-либо выполнено на пользу кого бы то ни было, даже на пользу всех людей. Если бы по особенному несчастью или по причине слишком скудных способностей такая воля была бы совершенно лишена возможности выполнить свое намерение, если бы при ее величайшем напряжении все-таки ничего не было бы ею сделано и осталась бы только одна добрая воля (конечно, не как одно голое желание, а как применение всех средств, какие только в нашей власти), то и в таком случае такая воля все-таки сверкала бы сама для себя как драгоценный алмаз, как нечто такое, в чем в нем самом заключается величайшая ценность.

По Канту.

5

Никто не может иметь понятия о добре, пока не начал творить его. И никто не может истинно любить его, пока не делал его часто и с жертвой. И никто не может найти успокоения в нем, пока не делает его всегда.

Мартино.

6

Сделал ли ты своему ближнему зло, хотя бы и небольшое, считай таковое

большим, а сделал ты ему большое добро, считай его маловажным; небольшое же добро, оказанное тебе другим, считай большим.

Благословение божие снизойдет на того, кто дает бедному; двойное благословение почиет на том, кто при этом встречает и провожает его ласково.

Талмуд.

7

Делая добро, будь благодарен за это.

8

Твердо знайте и глубоко чувствуйте, что вы должны каждый день вашей жизни посвящать благу других, делая для них все, что можете. Делая, а не болтая.

Джон Рескин.

Если не можешь приучить себя к тому, чтобы искать случая сделать добро, как охотник ищет своей дичи, то по крайней мере не упускай случая делать добро.

22-е мая

Самые великие изменения и все в природе совершается незаметно, медленным нарастанием, а не взрывами. То же самое и в духовной жизни.

1

Все истинные мысли -- живые мысли и проявляют свою жизнь в том, что способны питать и изменяться. Но изменяются они подобно дереву, а не облаку.

Джон Рескин.

2

Все истинно великое совершается медленным, незаметным ростом.

3

Совершенство отдельных людей и общества никогда не достигается на все времена, ибо для каждого времени есть свое совершенство.

Люси Малори.

4

Жизнь должна быть рождением души. Животное должно быть очеловечено, плоть должна быть претворена в дух; телесная деятельность должна быть превращена в мысль, в сознание, в разум, справедливость, великодушие, как свеча в свет и теплоту. Эта высшая алхимия оправдывает наше присутствие на земле; в этом наше призвание и наше достоинство.

Амиель.

5

Как нельзя разбить яйца, в котором сидит цыпленок, без опасности для его жизни, так не может один человек освободить другого без опасности для его духовной жизни. Когда дух достигнет известного роста, он сам разобьет свои оковы.

Люси Малори.

6

Жизнь есть непрекращающееся чудо. Зная, что такое рост, мы знаем сокровеннейшую из тайн природы.

Люси Малори.

Ничто так не вредно для нравственного совершенствования, как сознание своего преуспеяния.

К счастью, путь истинного нравственного улучшения совершается так незаметно, что человек и не может видеть своих успехов иначе, как после долгих промежутков времени.

Если ты думаешь, что ты совершенствуешься, замечаешь это, -- знай, что ты заблуждаешься, остановился или идешь назад.

23-е мая

Чем к меньшему мы привыкли, тем меньше нам угрожает лишений.

1

Воздержание не означает подавления силы, не означает приостановки в добре, в проявлении любви или веры, но, наоборот, проявление силы духовной, препятствующей делать то, что человек считает дурным.

Джон Рескин.

2

Как дым изгоняет пчел из улья, так обжорство изгоняет духовные дары и совершенства ума.

Василий Великий.

3

Великое благо иметь то, чего мы желаем; еще более великое благо ничего не желать, кроме того, что мы имеем.

Менедем.

4

Ночная бабочка летит в огонь лампы, не зная боли ожога, и рыба глотает червяка на удочке, не зная опасности; а вот мы не расстаемся с чувственными наслаждениями, хотя отлично знаем, что они опутаны сетью бедствий. Такова бездонная глубина безрассудства.

Индусская пословица.

5

Наши желания -- то же, что маленькие дети, которые всегда беспокойны и всегда просят у матери то того, то другого и никогда не довольны ничем. Чем более им уступают, тем более они делаются докучливыми.

Из "Благочестивых мыслей".

6

Кто мудр? -- У всех чему-нибудь научающийся.
Кто силен? -- Себя обуздывающий.
Кто богат? -- Довольствующийся своей участью.

Талмуд.

7

То, от чего человек отказался, не может причинить ему страдания. Тот, кто уничтожил в себе гордость, говорящую "я", "мое", тот перешел в высший мир.

Индийский Курал.

8

Чем больше торопишься, тем меньше успеваешь.

9

Никто никогда не раскаивался, что съел слишком мало.

10

Природа требует мало, воображение -- *много.*

11

Из наслаждения возникает печаль, из наслаждения возникает страх; кто свободен от наслаждений, нет для того уже ни печали, ни страха.

Буддийская мудрость [Дхаммапада]

12

Славнее господства над землей, прекраснее восхождения до небес, славнее владычества над мирами -- святая радость первых ступеней освобождения.

Буддийская мудрость [Дхаммапада].

Увеличение потребностей не есть усовершенствование, как это часто думают, напротив: чем больше ограничил человек свои потребности, тем больше в нем сознания своего человеческого достоинства, тем он свободнее, мужественнее и, главное, способнее служить богу и людям.

24-е мая

Бог не есть любовь. Любовь есть только одно из проявлений бога в человеке.

1

Что мы любим детей божиих, узнаем из того, когда любим бога и соблюдаем заповеди его. Ибо это есть любовь к богу, чтобы мы соблюдали заповеди его. И заповеди его не тяжки.

1-е Послание Иоанна, 5, гл. ст. 2--3

2

Один из книжников, слыша прения и видя, что Иисус хорошо им отвечал, подошел и спросил его: какая первая из всех заповедей?

Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, израиль! Господь бог наш есть господь единый. И возлюби господа бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоей: вот первая заповедь.

Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной, большей сих, заповеди нет.

Мрк. гл. 12, ст. 28--31.

3

Эпикурейство приводит к отчаянию. Философия долга менее безотрадна. Но спасение заключается в согласии долга и счастья, в соединении личной воли с волей божественной, в вере, что эта высшая воля управляема любовью.

Амиель.

4

Человеколюбие включает справедливость.

Вовенарг.

5

Мудрец сказал: мое учение просто, и смысл его легко постигнуть. Оно все состоит в том, чтобы любить ближнего, как самого себя.

Китайская мудрость.

6

Цель жизни есть проникновение всех ее явлений любовью, есть медленное, постепенное претворение злой жизни в добрую, -- есть творчество истинной жизни (потому что истинная жизнь есть только жизнь любовная), есть рождение истинной, т. е. любовной, жизни.

7

Доброта есть нечто самобытное и действительное. Сколько в человеке доброты, столько в нем и жизни. Сознание этого закона законов пробуждает в душе чувство, которое мы называем религиозным и которое составляет наше высшее счастье.

Эмерсон.

8

Для того чтобы быть счастливым, надо одно -- любить, и любить с самоотвержением, любить всех и все, раскидывать на все стороны паутину любви: кто попадется, того и брать.

9

Кто из живых людей не знает того блаженного чувства, хоть раз

испытанного, и чаще всего в самом раннем детстве, при котором хочется любить всех: и близких, и отца, и мать, и братьев, и злых людей, и врагов, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного, чтобы всем было хорошо, чтобы все были счастливы, и еще более хочется того, чтобы самому сделать так, чтобы всем было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда всем было хорошо и радостно. Это-то и есть и это одно есть та любовь, в которой жизнь человека.

10

Если есть в тебе силы деятельности, то пусть деятельность твоя будет любовна; если нет сил и ты слаб, то слабость твоя пусть будет любовная.

11

Добродетель человеколюбия недалеко от нас: стоит только пожелать иметь человеколюбие, и оно само придет к тебе.

Очисти свою душу от всего засоряющего ее, и останется одна любовь. И любовь эта, отыскивая для себя предмет, не удовольствуется тобою, а изберет предметом все живое и то, что живит живое, -- бога.

25-е мая

Нравственность человека видна в его отношении к слову.

1

Если кто из вас думает, что он благочестив, и не обуздывает своего языка, но обольщает свое сердце, у того пустое благочестие.

Посл. Иакова, гл. 1, ст. 26.

2

Внимание к чужим недостаткам происходит от нерадения о себе. Часто, осуждая ближнего, мы впадаем в те же ошибки, которые только что порицали. Кто не занят спасением своей души и не старается исправиться, тот легко впадает в искушение и увлекается дурным примером.

Из "Благочестивых мыслей".

3

Если вы узнали о слабостях ближнего, не сообщайте о них никому.

4

Не пересказывайте обидных и оскорбительных слов, не говорите ни другу, ни недругу о недостатках ближнего и не открывайте того, что знаете дурного в его поведении. Слушая осуждение ближнего, старайтесь заглушить его.

Из "Благочестивых мыслей".

5

Нет более очевидного вреда для человека быстрых умственных способностей, как соблазн остроумного осуждения и насмешки над ближним.

Осуждение остроумное -- под соусом труп. Без соуса отвратился бы, а под соусом не заметишь, как проглотишь.

6

Не слушайте никогда тех, которые говорят дурно о других и хорошо о вас.

Не думать вперед о том, что ты скажешь, можно только тогда, когда чувствуешь себя спокойным, добрым и любящим. Но чем ты неспокойнее, недобродушнее и раздраженнее, тем больше берегись согрешить словом.

26-е мая

Смертью мы называем и самое уничтожение жизни и минуты или часы умирания. Первое -- вне нашей власти, второе же, умирание, есть последнее и огромной важности дело жизни.

1

Смерть может быть согласием и потому нравственным поступком. Животное издыхает, человек должен вручить свою душу ее создателю.

Амиель.

2

Великое слово, приписываемое Христу, это его молитва перед смертью о тех, которые не знают, что творят.

3

Слова и поступки умирающего имеют великую власть над людьми, и потому как ни важно хорошо жить, едва ли не важнее всего хорошо умереть. Дурная, непокорная смерть ослабляет влияние хорошей жизни; хорошая, покорная, твердая смерть искупляет дурную жизнь.

4

Когда из одной сцены декорации переносятся в другую, видно, что то, что мы считали действительностью, есть только представление. *Так и в минуту смерти должно быть видно человеку то, что было действительностью и что было декорацией*.

5

Умирающий с трудом понимает все живое, но при этом чувствуется, что он не понимает живого не потому, что он лишен сил понимания, а потому, что он понимает что-то другое, такое, чего не понимают и не могут понимать живые и что поглощает его всего.

6

В минуту смерти человека свеча, при которой он читал исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхивает более ярким, чем когда-нибудь, светом, освещает ему все то, что прежде было во мраке, трещит, меркнет и навсегда потухает.

То, что умирает, отчасти причастно уже вечности. Кажется, что умирающий говорит с нами из-за гроба. То, что он говорит нам, кажется нам повелением. Мы представляем его себе почти пророком. Очевидно, что для того, который чувствует уходящую жизнь и открывающийся гроб, наступило время значительных речей. Сущность его природы должна проявиться. То божественное, которое находится в нем, не может уже скрываться.

Амиель.

Готовься к смерти не в том смысле, как обыкновенно понимают приготовление, полагая эту готовность в исполнение обрядов или в заботе о мирских делах, а готовься к тому, чтобы наилучшим образом умереть, т. е. воспользоваться теми торжественными минутами смерти, во время которых человек уже находится как бы в ином мире и слова и поступки его получают особенную власть над остающимися.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

СУД НАД СОКРАТОМ И ЕГО ЗАЩИТА

(*По "Апологии" Платона*)

Обвинения, возведенные на Сократа, состояли: 1) в том, что он не признает государственную религию, и 2) в том, что он развращает юношей, научая их неверию в государственную религию.

С Сократом случилось то же, что потом случилось с Христом и с большинством пророков и учителей человечества. Сократ указывал людям открывшийся ему в его сознании разумный путь жизни и, указывая этот путь, не мог не отрицать тех ложных учений, на которых основывалась общественная жизнь того времени. И большинство афинян, будучи не в силах вступить на указываемый им путь, хотя и признавая его истинным, не могло терпеть осуждения всего того, что оно считало священным, и, чтобы избавиться от обличителя и разрушителя установленного порядка, предало Сократа суду, который должен был кончиться смертью приговоренного. Сократ знал это и потому не защищался, а только воспользовался судом, чтобы высказать афинянам, почему он поступает так, как поступал, и почему и впредь, если бы ему оставили жизнь, он будет продолжать поступать так же.

Судьи признали Сократа виновным и приговорили его к смертной казни. Спокойно выслушав приговор, Сократ обратился к судьям с следующею речью:

"Люди скажут теперь, -- сказал он, -- что вы, граждане афинские, неосновательно умертвили мудреца Сократа; скажут, что я был мудрец, хотя я и вовсе не мудрец, только для того, чтобы укорить вас; скажут, что вы неосновательно умертвили меня, потому что, если бы вы немного обождали, это случилось бы само собою, так как я по своему возрасту уж и так близок к смерти. Еще же хочу сказать вам -- тем, которые

приговаривают меня, -- то, что вы напрасно, приговорив меня к смерти, думаете, что я не знаю, чем бы я мог спастись от смерти. Я знаю это, но не делаю, потому что считаю это недостойным себя. Я знаю, что вам бы приятно было слушать, если бы я рыдал, стонал, делал и говорил много другого. Но ни мне, ни кому-либо другому не следует стараться спасаться от смерти недостойным образом. Во всех, опасностях есть средства избежать смерти, если только не уважать себя. Избежать смерти нетрудно, гораздо труднее избежать зла: зло быстрее смерти и скорее захватит. Я вот тяжел и стар, и меня захватила смерть, а вы, мои обвинители, вы бодры и быстры, и вас захватило нечто более быстрое -- зло. Так что меня, присужденного вами, постигнет Смерть; вас же, присудивших меня. Постигнет зло и позор, к которым вас приговаривает истина. И я останусь при своем наказании, а вы при своем. Все это так и должно было быть, и все к лучшему.

Кроме того, я хочу еще предсказать кое-что вам, моим обвинителям. Ведь перед смертью люди яснее провидят будущее. Так вот я и предсказываю вам, сограждане, то, что вы будете наказаны тотчас же после моей смерти, -- наказанием гораздо более тяжким, чем то, к которому вы меня приговорили. А именно, что с вами случится противное тому, что вы ожидали. Умертвив меня, вы возбудите против себя всех тех осуждающих вас, которых я сдерживал, хотя вы этого и не замечали, и осудители эти будут для вас тем неприятны, что они моложе, и вам будет еще тяжелее переносить их нападки. Так что моя смерть не избавит вас от порицания за вашу дурную жизнь. Вот это я и хотел предсказать вам, моим осудителям. Нельзя избавиться от порицания, умерщвляя людей. Самое простое и действительное средство для этого одно: жить лучше.

Теперь обращаюсь еще к вам, к тем, которые на суде не обвиняли, а оправдывали меня. В последний раз беседуя с вами, я хочу рассказать вам нечто удивительное, случившееся со мной нынче, и то, что я вывожу из этого необыкновенного случая. Во всей моей жизни, в самых важных и самых незначительных обстоятельствах я всегда слышал таинственный голос в моей душе, который предупреждал меня и удерживал от поступков, которые могли принести мне несчастье. Нынче же, как вы сами видите, несмотря на то что со мной случилось обстоятельство, которое считается обыкновенно крайним бедствием, -- нынче этот голос не предупреждал и не удерживал меня ни поутру, когда я выходил из дому, ни в то время, когда я входил сюда -- в суд, ни во время моей речи.

Что же это значит? А то, я думаю, что то, что нынче случилось со мною, не только не зло, а благо. Ведь, в самом деле, одно из двух: смерть есть полное уничтожение и исчезновение сознания или же, согласно преданию, только перемена и переселение души из одного места в другое. Если смерть есть полное уничтожение сознания и подобна глубокому сну без

сновидений, то смерть -- несомненное благо, потому что пускай каждый вспомнит проведенною им ночь в таком сне без сновидений и пусть сравнит с этой ночью те другие ночи и дни со всеми их страхами, тревогами, неудовлетворенными желаниями, которые он испытывал и наяву и в сновидениях, и я уверен, что всякий немного найдет дней и ночей счастливее ночи без сновидений. Так что если смерть -- такой сон, то я по крайней мере считаю ее благом. Если, же смерть есть переход из этого мира в другой и если правда то, что говорят. будто бы там находятся все прежде нас умершие мудрые и святые люди, то разве может быть благо больше того, чтобы жить там с этими существами? Я желал бы умереть не раз, а сто раз, только бы попасть в это место.

Так что и вам, судьи, и всем людям, я думаю, следует не бояться смерти и помнить одно: для доброго человека нет никакого зла ни в жизни, нив смерти.

И потому, хотя намерение тех, которые осудили меня, было то, чтобы сделать мне зло, я не сержусь ни на осудивших меня, ни на обвинителей.

Однако уже время расходиться: мне -- с тем, чтобы умереть, вам -- чтобы жить. Кому из нас лучше -- знает только бог".

Вскоре после суда смертный приговор над Сократом был исполнен тем, что он выпил чашу с ядом и спокойно умер среди своих учеников. Подробности о его кончине описаны его учеником Платоном в разговоре "Федон".

27-мая

Часто вся деятельность ума людей направляется не на то, чтобы открыть истину, а на то, чтобы скрыть ее. Такая деятельность ума -- главная причина соблазнов.

1

Суд имеет целью только сохранение общества в настоящем положении и для этого преследует и казнит как тех, которые стоят выше общего уровня и хотят поднять его, так и тех, которые стоят ниже его.

2

Во всяком нравственном практическом предписании есть возможность противоречия этого предписания с другими предписаниями, вытекающими из той же основы.

Воздержание: что же, не есть и сделаться неспособным служить людям? Не убивать животных: что же, дать им съесть себя? Не пить вино: что же, не причащаться, не лечиться вином? Быть целомудренным: что же, желать прекращения рода человеческого? Не противиться злу насилием: что же, дать убить человеку самого себя и других?

Отыскивание этих противоречий показывает только то, что человек, занятый этим, не хочет следовать нравственному правилу.

Все одна и та же история: из-за одного человека, которому нужно лечиться вином, -- не противиться пьянству. Из-за страха прекращения рода человеческого -- не воздерживаться от распутства. Из-за одного воображаемого насильника -- убивать, казнить, заточать.

3

Человек не может сделать всего, но то, что он не может сделать всего, не доказывает того, чтобы он должен был делать дурное.

Торо

4

С тех пор как есть люди, разумные существа, они различали добро от зла и пользовались тем, что до них в этом различении сделали люди, -- боролись со злом, искали истинный, наилучший путь и медленно, но неотступно подвигались на этом пути. И всегда, заграждая этот путь, становились перед людьми различные обманы, имеющие целью показать им, что этого не нужно делать, а нужно жить, как живется.

5

Я люблю мужиков: они недостаточно учены, чтобы рассуждать превратно.

Монтескье.

6

Удивляешься иногда, зачем человек защищает самые странные, неразумные положения: религиозные, политические, научные. Поищи -- и ты найдешь, что он защищает свое положение.

Как только поступок объясняется сложным рассуждением, будь уверен, что поступок дурной. Решения совести прямы и просты.

28-мая

Для языческого мира богатство составляет славу и величие. Для христианина богатство есть обличение его слабости или лжи. Сказать: богатый христианин -- все равно что сказать: безногий скакун.

1

Люди так погрязли в материальных интересах, что на проявления души человеческой, выражающиеся в отношениях к людям, смотрят только с точки зрения улучшения своего имущественного положения. Их уважение измеряется богатством того и другого, а не внутренним достоинством человека, Но человек истинно просвещенный стыдится своих владений, своих денег из уважения к своему разумному *я*.

Эмерсон.

2

Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящих на вас. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельствовать против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровища на последние дни. Вот плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха господа Саваофа.

Послание Иакова гл. 5, ст. 1--4.

3

Я вижу всюду заговор богачей, ищущих своей собственной выгоды под именем и предлогом общего блага.

Томас Мор.

4

Бедность научает нас и мудрости и терпению. Ведь и Лазарь жил в бедности и, однако, был увенчан; и Иаков желал иметь только хлеб, и Иосиф находился в крайней бедности и был не только рабом, но и узником, и, однако ж, поэтому мы еще более удивляемся ему. Мы не столько восхваляем его в том случае, когда он раздавал пшеницу, сколько в том, когда находился в темнице, -- не столько тогда, когда имел на себе царский венец, сколько тогда, когда был в оковах, -- не тогда, когда восседал на троне, а когда подвергался козням и был продан. Итак, представляя себе все это и помышляя о венцах, сплетаемых этими подвигами, будем удивляться не богатству и почестям, не удовольствиям и владычеству, а бедности, оковам, узам и терпению ради добродетели.

Иоанн Златоуст.

5

Обладание богатством есть школа гордости, жестокости, самодовольного невежества и разврата.

Пюисьё.

6

Бесчувственность богачей не так жестока, как их сострадание.

По Руссо.

Не уважать надо богатых, а удаляться от их жизни, жалеть их. Богатому должно не гордиться своим богатством, а стыдиться его.

29-е мая

Жизнь есть сознание своей божественной сущности, заключенной в пределах.

1

Единственная непосредственная достоверность есть достоверность сознания.

Декарт.

2

Берклей и Фихте правы и Эмерсон тоже: мир есть только подобие чего-то; волшебные сказки, легенды так же истинны, как и естественная история, -- даже более, так как они -- более понятные подобия. Истинно существует только душа. Что же все остальное? Тень, предлог, образ, подобие и сновидение. Одно сознаваемое нами духовно. Мир -- это какая-то игра, цель которой -- образование и усиление души. Истинно есть только сознание и солнце его -- любовь.

По Амиелю.

3

Под ногами морозная, твердая земля, кругом огромные деревья, над головой пасмурное небо, тело свое чувствуют занят мыслями, -- а между тем знаю, чувствую всем существом, что и крепкая, морозная земля, и деревья, и небо, и мое тело, и мои мысли -- случайно, что все это только произведения моих пяти чувств, мое представление, мир, построенный мною, что все это таково только потому, что я составляю такую, а не иную часть мира, что таково мое отделение от мира. Знаю, что стоит мне умереть -- и все это не исчезнет, но видоизменится, как бывают превращения в театрах: из кустов, камней сделаются дворцы, башни и т. п. Смерть произведет во мне такое превращение, если только я не совсем уничтожусь, а перейду в другое, иначе отделенное от мира существо. Теперь я себя, свое тело со своими чувствами считаю собою, тогда же совсем иначе выделится что-то в меня. И тогда весь мир, оставаясь таким же для тех, которые живут в нем, для меня станет другим. Ведь мир такой, а не иной только потому, что я считаю собою то, а не другое отделенное от мира существо. А отделенных от мира существ может быть бесчисленное количество.

4

Ищите бога в своем собственном сердце, вы не найдете его больше нигде.

Алманзор дар Гафед.

5

Жизнь наша есть наше сознание себя вечным, бесконечным, т. е. безвременным и внепространственным духом, ограниченным условиями временных и пространственных явлений.

Человеческое сознание есть сознание божества.

30-е мая

Земля так же мало может быть предметом купли и продажи, как и личность человека. Продажа и покупка земли есть только скрытая продажа личности.

1

Сущность рабства заключается в предоставлении одному человеку власти брать труд другого, не вознаграждая его. Частная собственность на землю предоставляет эту власть в такой же мере, как и право собственности на раба. Рабовладелец должен оставлять своему рабу из добываемого его трудом столько, сколько тому требуется для жизни. И разве более этого получает огромная масса рабочих в так называемых свободных странах.

Генри Джордж.

2

Земля есть торжественный дар, который природа сделала человеку; *рождение каждого есть право на владение землею*. Право это так же естественно, как право ребенка на грудь своей матери.

Мармонтель.

3

Так как я рожден для земли, то земля и дана мне для того, чтобы брать из нее, что мне нужно для обработки и посадки, и я имею право требовать себе свою долю.

Эмерсон.

4

Человек в нашем обществе не может спать, не платя за то место, на котором он спит. Воздух, вода и солнечный свет принадлежат ему только на большой дороге. Единственное право, признанное за ним законом, -- это ходить по этой большой дороге до тех пор, пока он не зашатается от усталости, потому что он не может остановиться, а должен ходить.

Грант Аллен.

5

Тела мужчин и женщин, а тем более их души не должны быть покупаемы или продаваемы, а также и земля, вода, воздух, потому что эти вещи -- необходимые условия поддержания тел и душ людских.

Джон Рёскин.

6

Нельзя без большого греха участвовать в продаже, покупке, закреплении, управлении земельной собственностью.

Люди стремятся в жизни не к тому, чтобы делать то, что они считают хорошим, а к тому, чтобы называть как можно больше вещей своими.

31-е мая

Как человек, не привыкший к роскоши, но случайно попавший в нее, с целью возвысить себя в глазах людей, делает вид, что роскошь так привычна ему, что он не только не удивляется ей, но пренебрегает ею, так и неразумный человек, считая признаком возвышенного мировоззрения пренебрежение к радостям жизни, делает вид, что жизнь ему надоела, что он может представить себе нечто гораздо лучшее.

1

Быть счастливым, иметь жизнь вечную, быть в боге, быть спасенным -- все это одно и то же: это решение задачи, цель существования. И блаженство растет, как может расти и горе. Неизменно мирный и вечный рост, все более глубокое вникновение, все более сильное и глубокое овладение небесной радостью -- вот в чем счастие. Счастию нет границ, потому что в боге нет ни дна, ни берегов, а счастье есть овладение богом через любовь.

Амиель.

2

Главная причина нашего недовольства жизнью есть ни на чем не основанное предположение о том, что мы имеем право на ничем не нарушаемое счастье, что мы рождены для такого счастья.

Нам дано ни с чем не сравнимое благо жизни, со всеми ее радостями, и мы говорим: мало радостей. Нам дают величайшие радости жизни: общения с миром телесным и духовным; мы говорим: зачем так мало жизни, зачем она кончается? Надо продолжить ее.

Только бы мы понимали и ценили все то великое благо жизни, которое дает нам возможность общения через любовь с миром телесным и духовным, -- мы никогда не подумали бы о том, что можно желать чего-нибудь еще.

3

Лучшее богопочитание есть благодарная радость.

Лессинг.

4

Радость духа есть признак его силы.

Эмерсон.

5

Надо верить в возможность счастья, чтобы быть счастливым.

6

Дайте величайшие блага, те самые, которых он желал бы, человеку, нарушающему закон своей жизни, закон бога, и он будет несчастным. Отнимите у человека, положившего свое благо в исполнении закона, все то, что считается людьми благом, и он все-таки будет счастлив.

7

Человек испортил себе желудок и жалуется на обед. То же и с людьми, недовольными жизнью.

Мы не имеем никакого права быть недовольными этой жизнью. Если нам кажется, что мы недовольны ею, то это значит только то, что мы имеем основание быть недовольными собою.

ИЮНЬ

1-е июня

Лучше ничего не делать, чем делать вредное.

1

Часто люди с гордостью отказываются от невинных увеселений, говоря, что им некогда, потому что у них есть дело. А между тем, не говоря уже о том, что добродушная, веселая игра нужнее и важнее многих дел, то дело, которым хвастаются занятые люди, часто бывает такое, что лучше бы его никогда не делать.

2

Занимаясь делом -- не дурным (дурным никак и никогда не надо заниматься), но безразличным и даже добрым и предаваясь хорошим

удовольствиям, надо помнить, что есть требования души (совесть), которые важнее всяких удовольствий и дел; и все такие дела должны быть сейчас же оставлены, как скоро совесть призывает к исполнению своего требования. А между тем дела и удовольствия имеют свойство так поглощать людей, что добрые, нравственные люди на нравственные требования отвечают: "Мне некогда, мне надо испытать купленных волов, надо похоронить умершего отца".

Надо помнить значение слов: пусть мертвые хоронят мертвых.

3

Люди жестокие стараются всегда быть занятыми для того, чтобы в своих занятиях находить оправдание своей жестокости.

4

Как лошадь на колесе не может не идти, так и человек не может ничего не делать. И потому в том, что человек работает, заслуги столько же, как и в том, что человек дышит; важно то, что человек делает.

5

Очень обычное заблуждение -- считать удовольствия, увеселения неважным и даже дурным делом (магометанство, старинное православие, пуританство). Удовольствие так же важно, как и труд; оно -- награда труда. Труд не может продолжаться беспрерывно. Необходимый отдых, естественно, украшается удовольствиями,

Удовольствия только тогда нехороши, когда для них, во-первых, нужен труд других людей (для приготовления тенниса, театра, скачек и т. п.). Во-вторых, когда удовольствия переходят в острую борьбу соревнования, как это часто бывает в играх ловкости, и, в-третьих, когда удовольствия устраиваются только для немногих. Если этого нет, то удовольствие, в особенности для молодежи, не только недурное, но хорошее дело.

6

Нет дела более пустого и бесполезного и более вредного для души, как забота об увеличении имущества, и нет дела, которое бы так затягивало,

как это, и которому приписывалась бы такая важность.

Дело и удовольствие, правильно чередуясь, делают жизнь радостной. Но не всякое дело и не всякие удовольствия.

2-е июня

Назначение женщины и мужчины одно и то же: служение богу. Но способы служения того и другого пола различны и точно определены. И потому каждый пол должен служить богу своим, определенным для него способом. Главное, исключительное дело женщины, ей только одной предоставленное и необходимое для жизни и совершенствования человечества, -- это рождение и первое воспитание детей, И потому на это дело и на то, что соприкасается с ним, должны быть направлены все силы и внимание женщины. Женщина может делать все то, что делает мужчина, но мужчина не может делать того, что делает женщина (деторождение и первое воспитание). И потому женщина должна полагать все силы на то, чтобы хорошо делать то дело (деторождения и первого воспитания), которое она одна может делать.

1

Женщина, мать семейства, которая не умеет быть счастлива дома, не будет счастлива нигде.

2

Служение человечеству само собою разделяется на две части: одно -- увеличение блага в существующем человечестве, другое -- продолжение самого человечества. К первому призваны преимущественно мужчины; ко второму призваны преимущественно женщины.

3

Мужчина и женщина -- те две ноты, без которых струны человеческой души не дают правильного и полного аккорда.

Иосиф Мадзини.

4

Существует странное, укоренившееся заблуждение о том, что стряпня, шитье, стирка, нянчанье составляют исключительно женское дело и что делать это мужчине -- даже стыдно. А между тем стыдно обратное: стыдно мужчине, часто незанятому, проводить время за пустяками или ничего не делать, в то время как усталая, часто слабая, беременная женщина через силу стряпает, стирает или нянчит больного ребенка.

5

Весь мир и все в нем прекрасно, но самое прекрасное в мире -- это добродетельная женщина.

Магомет.

6

Добродетели женщины и мужчины одни и те же: воздержание, правдивость, доброта. Но в женщине те же добродетели получают особенную прелесть.

7

Деторождение есть для женщины школа самоотречения. Воспитав в себе способность самоотречения, женщина легко проявляет ее и в других условиях жизни.

8

Женщина, старающаяся походить на мужчину, так же уродлива, как женоподобный мужчина.

9

Истинное и прочное соединение мужчины и женщины -- только в духовном общении. Половое общение без духовного -- источник страданий для обоих супругов.

10

Женщина делает большое дело: рожает детей, но не рожает мыслей, это делает мужчина. Женщина всегда только следует тому, что внесено мужчиной и что уже распространено, и дальше распространяет. Так и мужчина только воспитывает детей, а не рожает.

Пока ты не замужем и с тех пор, как ты освободилась от деторождения, делай все то, что делает мужчина; но знай, что дело, в котором ничто не может заменить женщины, это -- деторождение и первое воспитание.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ДУШЕЧКА

Оленька, дочь отставного коллежского асессора. Племянникова, сидела у себя во дворе на крылечке, задумавшись. Было жарко, назойливо приставали мухи, и было так приятно думать, что скоро уже вечер. С востока надвигались темные дождевые тучи, и оттуда изредка потягивало влагой.

Среди двора стоял Кукин, антрепренер и содержатель увеселительного сада "Тиволи", квартировавший тут же во дворе, во флигеле, и глядел на небо.

-- Опять! -- говорил он с отчаянием. -- Опять будет дождь! Каждый день дожди, каждый день дожди -- точно нарочно! Ведь это петля! Это разоренье! Каждый день страшные убытки!

Он всплеснул руками и продолжал, обращаясь к Оленьке:

-- Вот вам, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хоть плачь! Работаешь, стараешься, мучишься, ночей не спишь, все думаешь, как бы лучше, -- и что же? С одной стороны, публика -- невежественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерию, великолепных куплетистов, но разве ей это нужно? Разве она в этом понимает что-нибудь? Ей нужен балаган! Ей подавай пошлость! С другой стороны/взгляните на погоду Почти каждый вечер дождь. Как зарядило с десятого мая, так потом весь май и июнь, просто ужас! Публика не ходит, но ведь я за аренду плачу? Артистам плачу?

На другой день под вечер опять надвигались тучи, и Кукин говорил с истерическим хохотом:

-- Ну, что ж? И пускай! Пускай хоть весь сад зальет, хоть меня самого! Чтоб мне не было счастья ни на этом, ни на том свете! Пускай артисты подают на меня в суд! Что суд? Хоть на каторгу в Сибирь! Хоть на эшафот! Ха-ха-ха!

И на третий день то же...

Оленька слушала Кукина молча, серьезно, и, случалось, слезы выступали у нее на глазах. В конце концов несчастья Кукина тронули ее, она его полюбила. Он был мал ростом тощ, с желтым лицом, с зачесанными височками, говорил жидким тенорком, и на лице у него всегда было написано отчаяние, но все же он возбудил в ней настоящее, глубокое чувство. Она постоянно любила кого-нибудь и не могла без этого. Раньше она любила своего папашу, который теперь сидел больной, В темной комнате, в кресле и тяжело дышал; любила свою тетю, которая иногда; раз в два года приезжала из Брянска; а еще раньше, когда училась в прогимназии, любила своего учителя, французского языка. Это была тихая, добродушная, жалостливая барышня с кротким, мягким взглядом, очень здоровая. Глядя на ее полные, розовые щеки, на мягкую белую шею с темной родинкой, на добрую, наивную улыбку, которая бывала на ее лице, когда она слушала что-нибудь приятное, мужчины тоже улыбались, а гостьи-дамы не могли удержаться, чтобы вдруг среди разговора не схватите ее за руку и не проговорить в порыве удовольствия:

-- Душечка!

Дом, в котором она жила со дня рождения и который в завещании был записан на ее имя, находился на окраине города, в Цыганской Слободке,

недалеко от сада "Тиволи"; по вечерам и по ночам ей слышно было, как в саду играла музыка, как лопались с треском ракеты, и ей казалось, что это Кукин воюет со своей судьбой и берет приступом своего главного врага -- равнодушную публику; сердце у нее сладко замирало, спать совсем не хотелось, и когда под утро он возвращался домой, она тихо стучала в окошко из своей спальни и, показывая ему сквозь занавески только лицо и одно плечо, ласково улыбалась...

Он сделал предложение, и они повенчались.

Он был счастлив, но так как в день свадьбы и потом ночью шел дождь, то с его лица не сходило выражение отчаяния.

После свадьбы жили хорошо. Она сидела у него в кассе, смотрела за порядками в саду, записывала расходы, выдавала жалованье, и ее розовые щеки, милая, наивная, похожая на сияние улыбка мелькали то в окошечке кассы, то за кулисами, то в буфете. И она уже говорила своим знакомым, что самое замечательное, самое важное и нужное на свете -- это театр и что получить истинное наслаждение и стать образованным и гуманным можно только в театре.

-- Но разве публика понимает это? -- говорила она. -- Ей нужен балаган! Вчера у нас шел "Фауст наизнанку", и почти все ложи были пустые, а если бы мы с Ванечкой поставили какую-нибудь пошлость, то, поверьте, театр был бы битком набит. Завтра мы с Ванечкой ставим "Орфея в аду", приходите.

И что говорил о театре и об актерах Кукин, то повторяла и она. Публику она так же, как и он, презирала за равнодушие к искусству и за невежество, на репетициях вмешивалась, поправляла актеров, смотрела за поведением музыкантов, и когда в местной газете неодобрительно отзывались о театре, то она плакала и потом ходила в редакцию объясняться.

Актеры любили ее и называли "мы с Ванечкой" и "душечкой"; она жалела их и давала им понемножку взаймы, и если, случалось, ее обманывали, то она только потихоньку плакала, но мужу не жаловалась.

И зимой жили хорошо. Сняли городской театр на всю зиму и сдавали его на короткие сроки то малороссийской труппе, то фокуснику, то местным любителям. Оленька полнела и вся сияла от удовольствия, а Кукин худел и желтел и жаловался на страшные убытки, хотя всю зиму дела шли недурно. По ночам он кашлял, а она поила его малиной и липовым цветом, натирала одеколоном, кутала в свои мягкие шали.

-- Какой ты у меня славненький! -- говорила она совершенно искренно. Приглаживая ему волосы. -- Какой ты у меня хорошенький!

В Великом посту он уехал в Москву набирать труппу, а она без него не могла спать, все сидела у окна и смотрела на звезды. И в это время она сравнивала себя с курами, которые тоже всю ночь не спят и испытывают беспокойство, когда в курятнике нет петуха. Кукин задержался в Москве и

писал, что вернется к Святой, и в письмах уже делал распоряжения насчет "Тиволи". Но под Страстной понедельник, поздно вечером, вдруг раздался зловещий стук в ворота; кто-то бил калитку, как в бочку: бум! бум! бум! Сонная кухарка, шлепая босыми ногами по лужам, побежала отворять.

-- Отворите, сделайте милость! -- говорил кто-то за воротами глухим басом. -- Вам телеграмма!

Оленька и раньше получала телеграммы от мужа, но теперь почему-то так и обомлела. Дрожащими руками она распечатала телеграмму и прочла следующее:

"Иван Петрович скончался сегодня скоропостижно сючала ждем распоряжений хохороны вторник".

Так и было напечатано в телеграмме: "хохороны" и какое-то еще непонятное слово "сючала"; подпись была режиссера опереточной труппы.

-- Голубчик мой! -- зарыдала Оленька. -- Ванечка мой миленький, голубчик мой! Зачем же я с тобой повстречалася? Зачем я тебя узнала и полюбила? На кого ты покинул свою бедную Оленьку, бедную, несчастную?"

Кукина похоронили во вторник, в Москве, на Ваганькове; Оленька вернулась домой в среду, и как только вошла к себе, то повалилась на постель и зарыдала так громко, что слышно было на улице и в соседних дворах.

-- Душечка! -- говорили соседки, крестясь. -- Душечка Ольга Семеновна, матушка, как убивается!

Три месяца спустя как-то Оленька возвращалась от обедни, печальная, в глубоком трауре. Случилось, что с нею шел рядом, тоже возвращавшийся из церкви, один из ее соседей, Василий Андреич Пустовалов, управляющий лесным складом купца Бабакаева. Он был в соломенной шляпе и в белом жилете с золотой цепочкой и походил больше на помещика, чем на торговца.

-- Всякая вещь имеет свой порядок, Ольга Семеновна, -- говорил он степенно, с сочувствием в голосе, -- и если кто и наших ближних умирает, то, значит, так Богу угодно, и в этом случае мы должны себя помнить и переносить с покорностью.

Доведя Оленьку до калитки, он простился и пошел далее, После этого весь день слышался ей его степенный голос, и едва она закрывала глаза, как мерещилась его темная борода. Он ей очень понравился. И, по-видимому, она тоже произвела на него впечатление, потому что немного погодя к ней пришла пить кофе одна пожилая дама, мало ей знакомая, которая, как только села за стол, то немедля заговорила о Пустовалове, о том, что он хороший, солидный человек и что за него с удовольствием пойдет всякая невеста. Через три дня пришел с визитом и сам Пустовалов; он сидел недолго, минут десять, и говорил мало, но Оленька его полюбила,

так полюбила, что всю ночь не спала и горела как в лихорадке, а утром послала за пожилой дамой. Скоро ее просватали, потом была свадьба.

Пустовалов и Оленька, поженившись, жили хорошо. Обыкновенно он сидел в лесном складе до обеда, потом уходил по делам, и его сменяла Оленька, которая сидела в конторе до вечера и писала, там счета и отпускала товар.

-- Теперь лес с каждым годом дорожает на двадцать процентов, -- говорила она покупателям и знакомым. -- Помилуйте, прежде мы торговали местным лесом, теперь же Васечка должен каждый год ездить за лесом в Могилевскую губернию. А какой тариф! -- говорила она, в ужасе закрывая обе щеки руками. -- Какой тариф!

Ей казалось, что она торгует лесом уже давно-давно, что в жизни самое важное и нужное -- это лес, и что-то родное, трогательное слышалось ей в словах: балка, кругляк, тес, шелевка, безымянка, решетник, лафет, горбыль...

Какие мысли были у мужа, такие и у нее. Если он думал, что в комнате жарко или что дела теперь стали тихие, то так думала и она. Муж ее не любил никаких развлечений и в праздники сидел дома, и она тоже.

-- И все вы дома или в конторе, -- говорили знакомые. -- Вы бы сходили в театр, душечка, или в цирк.

-- Нам с Васечкой некогда по театрам ходить, -- отвечала она степенно. -- Мы люди труда, нам не до пустяков. В театрах этих что хорошего?

По субботам Пустовалов и она ходили ко всенощной, в праздники -- к ранней обедне, и, возвращаясь из церкви, шли рядышком, с умиленными лицами, от обоих хорошо пахло, и ее шелковое платье приятно шумело; а дома пили чай со сдобным хлебом и с разными вареньями, потом кушали пирог. Каждый день в полдень во дворе и за воротами на улице вкусно пахло борщом и жареной бараниной или уткой, а в постные дни -- рыбой, и мимо ворот нельзя было пройти без того, чтобы не захотелось есть. В конторе всегда кипел самовар, и покупателей угощали чаем с бубликами. Раз в неделю супруги ходили в баню и возвращались оттуда рядышком, оба красные.

-- Ничего, живем хорошо, -- говорила Оленька знакомым, -- слава богу! Дай бог всякому жить, как мы с Васечкой.

Когда Пустовалов уезжал в Могилевскую губернию за лесом, она сильно скучала и по ночам не спала, плакала. Иногда по вечерам приходил к ней полковой ветеринарный врач Смирнин, молодой человек, квартировавший у нее во флигеле. Он рассказывал ей что-нибудь или играл с нею в карты, и ее это развлекало. Особенно интересны были рассказы из его собственной семейной жизни; он был женат и имел сына, но с женой разошелся, так как она ему изменила и теперь он ее ненавидел и высылал ей ежемесячно по сорока рублей на содержание сына. И, слушая об этом, Оленька вздыхала и

покачивала головой, и ей было жаль его.
-- Ну, спаси вас. Господи, -- говорила она, прощаясь с ним и провожая его со свечой до лестницы. -- Спасибо, что поскучали со мной, дай бог вам здоровья, царица небесная...
И все она выражалась так степенно, так рассудительно, подражая мужу; ветеринар уже скрывался внизу за дверью, она окликала его и говорила:
-- Знаете, Владимир Платоныч, вы бы помирились с вашей женой. Простили бы ее хоть ради сына!.. Мальчишечка-то небось все понимает.
А когда возвращался Пустовалов, она рассказывала ему вполголоса про ветеринара и его несчастную семейную жизнь, и оба вздыхали и покачивали головами и говорили о мальчике, который, вероятно, скучает по отце, потом, по какому-то странному течению мыслей, оба становились перед образами, клали земные поклоны и молились, чтобы бог послал им детей.
И так прожили Пустоваловы тихо и смирно, в любви и полном согласии шесть лет. Но вот как-то зимой Василий Андреич в складе, напившись горячего чаю, вышел без шапки отпускать лес, простудился и занемог. Его лечили лучшие доктора, но болезнь взяла свое, и он умер, проболев четыре месяца. И Оленька опять овдовела.
-- На кого же ты меня покинул, голубчик мой? -- рыдала она, похоронив мужа. -- Как же я теперь буду жить без тебя, горькая я и несчастная! Люди добрые, пожалейте меня, сироту круглую...
Она ходила в черном платье с плерезами и уже отказалась навсегда от шляпки и перчаток, выходила из дому редко, только в церковь или на могилку мужа, и жила дома как монашенка. И только когда прошло шесть месяцев, она сняла плерезы и стала открывать на окнах ставни. Иногда уже видели по утрам, как она ходила за провизией на базар со своей кухаркой, но о том, как она жила у себя теперь и что делалось у нее в доме, можно было только догадываться. По тому, например, догадывались, что видели, как она в своем садике пила чай с ветеринаром, а он читал ей вслух газету, и еще по тому, что, встретясь на почте с одной знакомой дамой, она сказала:
-- У нас в городе нет правильного ветеринарного надзора, и от этого много болезней. То и дело слышишь, люди заболевают от молока и заражаются от лошадей и коров. О здоровье домашних животных, в сущности, надо заботиться так же, как о здоровье людей.
Она повторяла мысли ветеринара и теперь была обо всем такого же мнения, как он. Было ясно, что она не могла прожить без привязанности и одного года и нашла свое новое счастье у себя во флигеле. Другую бы осудили за это, но об Оленьке никто не мог подумать дурно, все было так понятно в ее жизни. Она и ветеринар никому не говорили о перемене, какая произошла в их отношениях, и старались скрыть, но это им не

удавалось, потому что у Оленьки не могло быть тайн. Когда к нему приходили гости, его сослуживцы по полку, то она, наливая им чай или подавая ужинать, начинала говорить о чуме на рогатом скоте, о жемчужиной болезни, о городских бойнях, а он страшно конфузился и, когда уходили гости, хватал ее за руку и шипел сердито:

-- Я ведь просил тебя не говорить о том, чего ты не понимаешь! Когда мы, ветеринары, говорим между собой, то, пожалуйста, не вмешивайся. Это, наконец, скучно!

А она смотрела на него с изумлением и с тревогой и спрашивала:

-- Володечка, о чем же мне говорить?!

И она со слезами на глазах обнимала его, умоляла не сердиться, и оба были счастливы.

Но, однако, это счастье продолжалось недолго. Ветеринар уехал вместе с полком, уехал навсегда, так как полк перевели куда-то очень далеко, чуть ли не в Сибирь. И Оленька осталась одна.

Теперь уже она была совершенно одна. Отец давно уже умер, и кресло его валялось на чердаке, запыленное, без одной ножки. Она похудела и подурнела, и на улице встречные уже не глядели на нее, как прежде, и не улыбались ей; очевидно, лучшие годы уже прошли, остались позади, и теперь начиналась какая-то новая жизнь, неизвестная, о которой лучше не думать. По вечерам Оленька сидела на крылечке, и ей слышно было, как в "Тиволи" играла музыка и лопались ракеты, но это уже не вызывало никаких мыслей. Глядела она безучастно на свой пустой двор, ни о чем не думала, ничего не хотела; ела и пила она точно поневоле.

А главное, что хуже всего, у нее уже не было никаких мнений. Она видела кругом себя предметы и понимала все, что происходило кругом, но ни о чем не могла составить мнения и не знала, о чем ей говорить. Видит, например, как стоит бутылка, или идет дождь, или едет мужик на телеге, но для чего эта бутылка, или дождь, или мужик, какой в них смысл, сказать не может. При Кукине и Пустовалове и потом при ветеринаре Оленька могла объяснить все и сказала бы свое мнение о чем угодно, теперь же и среди мыслей и в сердце у нее была такая же пустота, как и на дворе.

Город мало-помалу расширялся во все стороны. Цыганскую Слободку уже называли улицей, и там, где были сад "Тиволи" и лесные склады, выросли уже дома и образовался ряд переулков. Как быстро бежит время! Дом у Оленьки потемнел, крыша заржавела, сарай покосился, и весь двор порос бурьяном и колючей крапивой. Сама Оленька постарела подурнела; летом она сидит на крылечке, а зимой сидит у окна и глядит на снег. Повеет ли весной, донесет ли ветер звон соборных колоколов, и вдруг нахлынут воспоминания о прошлом, сладко сожмется сердце и из глаз польются обильные слезы, но это только на минуту, а там опять пустота, и неизвестно, зачем живешь. Черная кошечка Брыска ласкается и мягко

мурлычет, но не трогают Оленьку эти кошачьи ласки. Это ли ей нужно? Ей бы такую любовь, которая захватила бы все ее существо, всю душу, разум, дала бы ей мысли, направление жизни, согрела бы ее стареющую кровь. И она стряхивает с подола черную Брыску и говорит ей с досадой:

-- Поди, поди. Нечего тут!

И так день за днем, год за годом, -- и ни одной радости, и нет никакого мнения. Что сказала Мавра кухарка, то и хорошо.

В один жаркий июльский день, под Вечер, когда по улице гнали городское стадо и весь двор наполнился облаками пыли, вдруг кто-то постучал в калитку. Оленька пошла сама отворять и, как взглянула, так и обомлела: за воротами стоял ветеринар Смирнин, уже седой и в штатском платье. Ей вдруг вспомнилось все, она не удержалась, заплакала и положила ему голову на грудь, не сказавши ни одного слова, и в сильном волнении не заметила, как оба потом вошли в дом, как сели чай пить.

-- Голубчик мой! -- бормотала она, дрожа от радости. -- Владимир Платоныч! Откуда бог принес?

-- Хочу здесь совсем поселиться, -- рассказывал он. --

Подал в отставку и вот приехал попробовать счастья на воле, пожить оседлой жизнью. Да и сына пора уж отдавать в гимназию. Вырос. Я-то, знаете ли, помирился с женой.

-- А где же она? -- спросила Оленька.

-- Она с сыном в гостинице, а я вот хожу и квартиру ищу,

-- Господи, батюшка, да возьмите у меня дом! Чем не квартира? Ах, господи, да я с вас ничего и не возьму, -- заволновалась Оленька и опять заплакала. -- Живите тут, а с меня и флигеля довольно. Радость-то, господи!

На другой день уже красили на доме крышу и белили стены, и Оленька, подбоченясь, ходила по двору и распоряжалась. На лице ее засветилась прежняя улыбка, и вся она ожила, посвежела, точно очнулась от долгого сна. Приехала жена ветеринара, худая, некрасивая дама с короткими волосами и с капризным выражением, и с нею мальчик, Саша, маленький не по летам (ему шел уже десятый год), полный, с ясными голубыми глазами и с ямочками на щеках. И едва мальчик вошел во двор, как побежал за кошкой, тотчас же послышался его веселый радостный смех.

-- Тетенька, это ваша кошка? -- спросил он у Оленьки- -- Когда она у вас ощенится, то, пожалуйста, подарите нам одного котеночка. Мама очень боится мышей.

Оленька поговорила с ним, напоила его чаем, и сердце у нее в груди стало вдруг теплым и сладко сжалось, точно этот мальчик был ее родной сын. И когда вечером он, сидя в столовой, повторял уроки, она смотрела на него с умилением и с жалостью и шептала:

-- Голубчик мой, красавчик... Деточка моя, и уродился же ты такой

умненький, такой беленький!

-- Островом называется, -- прочел он, -- часть суши, со всех сторон окруженная водою.

-- Островом называется часть суши... -- повторила она, и это было ее первое мнение, которое она высказала с уверенностью после стольких лет молчания и пустоты в мыслях.

И она уже имела свои мнения и за ужином говорила с родителями Саши о том, как теперь детям трудно учиться в гимназиях, но что все-таки классическое образование лучше реального, так как из гимназии всюду открыта дорога: хочешь -- иди в доктора, хочешь -- в инженеры.

Саша стал ходить в гимназию. Его мать уехала в Харьков к сестре и не возвращалась; отец его каждый день уезжал куда-то осматривать гурты и, случалось, не живал дома дня по три, и Оленьке казалось, что Сашу совсем забросили, что он лишний в доме, что он умирает с голода; и она перевела его к себе во флигель и устроила его там в маленькой комнате.

И вот уже прошло полгода, как Саша живет у нее во флигеле. Каждое утро Оленька входит в его комнату; он крепко спит, подложив руку подтеку, не дышит. Ей жаль будить его.

-- Сашенька, -- говорит она печально, -- вставай, голубчик! В гимназию пора.

Он встает, одевается, молится Богу, потом садится чай пить; выпивает три стакана чаю и съедает два больших бублика и полфранцузского хлеба с маслом. Он еще не совсем очнулся от сна и потому не в духе.

-- А ты, Сашенька, не твердо выучил басню, -- говорит Оленька и гладит на него так, будто провожает его в дальнюю дорогу. -- Забота мне с тобой. Уж ты старайся, голубчик, учись... Слушайся учителей.

-- Ах, оставьте, пожалуйста! -- говорит Саша. Затем он идет по улице в гимназию, сам маленький, но в большом картузе, с ранцем на спине. За ним бесшумно идет Оленька.

-- Сашенька-а! -- окликает она.

Он оглядывается, а она сует ему в руку финик или карамельку. Когда поворачивают в тот переулок, где стоит гимназия, ему становится совестно, что за ним идет высокая, полная женщина; он оглядывается и говорит:

-- Вы, тетя, идите домой, а теперь уже я сам дойду.

Она останавливается и смотрит ему вслед, не мигая, пока он не скрывается в подъезде гимназии. Ах, как она его любит! Из ее прежних привязанностей ни одна не была такою глубокой, никогда еще раньше ее душа не покорялась так беззаветно, бескорыстно и с такой отрадой, как теперь, когда в ней все более и более разгоралось материнское чувство. За этого чужого ей мальчика, за его ямочки на щеках, за картуз она отдала бы всю свою жизнь, отдала бы с радостью, со слезами умиления. Почему? А

кто ж его знает -- почему?

Проводив Сашу в гимназию, она возвращается домой тихо, такая довольная, покойная, любвеобильная; ее лицо, помолодевшее за последние полгода, улыбается, сияет; встречные, глядя на нее, испытывают удовольствие и говорят ей:

-- Здравствуйте, душечка Ольга Семеновна! Как поживаете, душечка?

-- Трудно теперь стало в гимназии учиться, -- рассказывает она на базаре. -- Шутка ли, вчера в первом классе задали басню наизусть, да перевод латинский, да задачу... Ну, где тут маленькому?

И она начинает говорить об учителях, об уроках, об учебниках, -- то же самое, что говорит о них Саша.

В третьем часу вместе обедают, вечером вместе готовят уроки и плачут. Укладывая его в постель, она долго крестит его и шепчет молитву, потом, ложась спать, грезит о том будущем, далеком и туманном, когда Саша, кончив курс, станет доктором или инженером, будет иметь собственный большой дом, лошадей, коляску, женится и у него родятся дети... Она засыпает и все думает о том же, и слезы текут у нее по щекам из закрытых глаз. Ц черная кошечка лежит у нее под боком и мурлычет:

--Мур... мур... мур...

Вдруг сильный стук в калитку. Оленька просыпается и не дышит от страха; сердце у нее сильно бьется. Проходит полминуты, и опять стук.

"Это телеграмма из Харькова, -- думает она, начиная дрожать всем телом. -- Мать требует Сашу к себе в Харьков... О господи!"

Она в отчаянии у нее холодеют голова, ноги, руки, и кажется, что несчастнее ее нет человека на всем свете. Но проходит еще минута, слышатся голоса: это ветеринар вернулся домой из куба.

"Ну, слава богу!" -- думает она.

От сердца мало-помалу отстает тяжесть, опять становится легко; она ложится и думает о Саше, который спит крепко в соседней комнате и изредка говорит в бреду:

-- Я тебе. Пошел вон! Не дерись!

Антон Чехов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РАССКАЗУ ЧЕХОВА "ДУШЕЧКА"

Есть глубокий по смыслу рассказ в "Книге Чисел" о том, как Валак, царь

Моавитский, пригласил к себе Валаама для того, чтобы проклясть приблизившийся к его пределам народ израильский. Валак обещал Валааму за это много даров, и Валаам, соблазнившись, поехал к Валаку, но, на пути был остановлен ангелом, которого видела ослица, но не видал Валаам. Несмотря на эту остановку, Валаам приехал к Валаку и взошел с иим на гору, где был приготовлен жертвенник с убитыми тельцами и овцами для проклятия. Валак ждал проклятия, но Валаам вместо проклятия благословил народ израильский.

23 гл. (11) "И сказал тогда Валак Валааму: что ты со мной делаешь? Я взял тебя, чтобы проклясть врагов моих, а ты вот благословляешь?

(12) И отвечал Валаам и оказал: не должен ли я в полности сказать-то, что влагает Господь в уста мои?

(13) И сказал ему Валак: пойди со мной на другое место... и прокляни его оттуда". И взял его на другое место, где тоже были приготовлены жертвы. Но Валаам опять вместо проклятья благословил.

Так было и на третьем месте.

24 гл. (10) "И воспламенился гнев Валака на Валаама, и всплеснул он руками своими, и сказал Валак Валааму: я призвал тебя проклясть врагов моих, а ты благословляешь и вот уж третий раз.

(11) Итак, ступай на свое место; я хотел почтить тебя, не вот господь лишает тебя чести".

Итак и ушел Валаам, не получив даров, потому что вместо проклятья благословил врагов Валака.

То, что случилось с Валааком, очень часто случается с настоящими поэтами-художниками. Соблазняясь ли обещаниями Валака -- популярностью или своим ложным, навеянным взглядом, поэт не видит даже того ангела, который останавливает его и которого видит ослица, и хочет проклинать, и вот благословляет.

Это самое случилось с настоящим поэтом-художником Чеховым, когда он писал этот прелестный рассказ "Душечка".

Автор, очевидно, хочет посмеяться над жалким по его рассуждению (но не по чувству) существом "Душечки", то разделяющей заботы Кукина с его театром, то ушедшей в интересы лесной торговли, то под влиянием ветеринара считающей самым важным делом борьбу с жемчужной болезнью, то, наконец, поглощенной вопросами грамматики и интересами гимназистика в большой фуражке. Смешна и фамилия Кукина, смешна даже его болезнь и телеграмма, извещающая об его смерти, смешон лесоторговец с своим степенством, смешон ветеринар, смешон и мальчик, но не смешна, а свята, удивительная душа "Душечки", со своей способностью отдаваться всем существом своим тому, кого она любит.

Я думаю, что в рассуждении, не в чувстве автора, когда он писал "Душечку", носилось неясное представление о новой женщине, об ее

равноправности с мужчиной, развитой, ученой, самостоятельной, работающей не хуже, если не лучше, мужчины на пользу обществу, о той самой женщине, которая подняла и поддерживает женский вопрос, и он, начав писать "Душечку", хотел показать, какою не должна быть женщина. Валак общественного мнения пригласил Чехова проклясть слабую, покоряющуюся, преданную мужчине, неразвитую женщину, и Чехов пошел на гору, и были возложены тельцы и овны, но, начав говорить, поэт благословил то, что хотел проклинать. Я по крайней мере, несмотря на чудный, веселый комизм всего произведения, не могу без слез читать некоторые места этого удивительного рассказа. Меня трогает и рассказ о том, как она с полным самоотречением любит Кукина и все, что любит Кукин, и также лесоторговца, и также ветеринара, и еще больше о том, как она страдает, оставшись одна, когда ей некого любить, и как она, наконец, со всей силой и женского и материнского чувства (которого непосредственно не испытала) отдалась безграничной любви к будущему человеку, гимназистику в большом картузе.

Автор заставляет ее любить смешного Кукина, ничтожного лесоторговца и неприятного ветеринара, но Любовь не менее свята, будет ли ее предметом Кукин или Спиноза, Паскаль, Шиллер, и будут ли предметы ее сменяться так же быстро, как у "Душечки", или предмет будет один во всю жизнь.

Давно как-то мне случилось прочесть в "Новом времени" прекрасный фельетон господина Ата о женщинах. Автор высказал в этом фельетоне замечательно умную и глубокую мысль о женщинах. "Женщины, -- говорит он, -- стараются нам доказать, что они могут делать все то же, что и мы, мужчины. Я не только не спорю с этим, -- говорит автор, -- но готов согласиться, что женщины могут делать все то, что делают мужчины, и даже, может быть, и лучше, но горе в том, что мужчины не могут делать ничего, близко подходящего к тому, что могут делать женщины".

Да, это, несомненно, так, и это касается не одного рождения, кормления и первого воспитания детей, но мужчины не могут делать того высшего, лучшего и наиболее приближающего человека к богу дела, -- дела любви, дела полного отдания себя тому, кого любишь, которое так хорошо и естественно делали, делают и будут делать хорошие женщины. Что бы было с миром, что бы было с нами, мужчинами, если бы у женщин не было этого свойства и они не проявляли бы его? Без женщин-врачей, телеграфисток, адвокатов, ученых, сочинительниц мы обойдемся, но без матерей, помощниц, подруг, утешительниц, любящих в мужчине все то лучшее, что есть в нем, и незаметным внушением вызывающих и поддерживающих в нем все это лучшее, -- без таких женщин плохо было бы жить на свете. Не было бы Марии и Магдалины у Христа, не было бы Клары у Франциска Ассизского, не было бы на каторге жен декабристов,

не было бы у духоборов их жен, которые не удерживали мужей, а поддерживали их в их мученичестве за правду, не было бы тысяч и тысяч безызвестных самых лучших, как все безвестное, женщин, утешительниц пьяных, слабых, развратных людей, тех, для которых нужнее, чем кому-нибудь, утешения любви. В этой любви, обращена ли она к Кукину или к Христу, главная, великая, ничем не заменимая сила женщины.

Удивительное недоразумение весь так называемый женский вопрос, охвативший, как это должно быть со всякой пошлостью, большинство женщин и даже мужчин!

"Женщина хочет совершенствоваться", -- что может быть законнее и справедливее этого?

Но ведь дело женщины по самому ее назначению другое, чем дело мужчины. И потому и идеал совершенства женщины не может быть тот же, как идеал совершенства мужчины. Допустим, что мы не знаем, в чем этот идеал, во всяком случае несомненно то, что не идеал совершенства мужчины. А между тем к достижению этого мужского идеала направлена теперь вся та смешная и недобрая деятельность модного женского движения, которое теперь так путает женщин.

Боюсь, что Чехов, писавши "Душечку", находился под влиянием этого недоразумения.

Он, как Валаам, намеревался проклясть, но бог поэзии запретил ему и велел благословить, и он благословил и невольно одел таким чудным светом это милое существо, что оно навсегда останется образцом того, чем может быть женщина для того, чтобы быть счастливой самой и делать счастливыми тех, с кем ее сводит судьба.

Рассказ этот оттого такой прекрасный, что он вышел бессознательно.

Я учился ездить на велосипеде в манеже, в котором делаются смотры дивизиям. На другом конце манежа училась ездить дама. Я подумал о том, как бы мне не помешать этой даме, и стал смотреть на нее. И, глядя на нее, я стал невольно все больше и больше приближаться к ней, и, несмотря на то, что она, заметив опасность, спешила удалиться, я наехал на нее и свалил, т. е. сделал совершенно противоположное тому, что хотел, только потому, что направил на нее усиленное внимание.

То же самое, только обратное, случилось с Чеховым: он хотел свалить Душечку и обратил на нее усиленное внимание поэта и вознес ее.

Л. Толстой.

3-е июня

Знают они это или не знают этого, все существа неразрывно связаны между собой.

1

Сын человеческий, не обманул ли ты своих братьев? Нет, нет, ибо ты сказал им: "Придите ко мне, и я успокою вас". Но они не пришли к тебе, не восприняли учение твое сердцем и делами, не покорились велениям твоим, не возлюбили друг друга, как дети одного отца. Если бы они точно пришли к тебе, то любили бы друг друга, были бы все едино, а если бы они были все едино -- где та сила, которая могла бы помешать им утвердить справедливость именовать царство божие? Теперь же они бессильны, потому что, разъединенный, каждый из них слаб и стоит один против заблудших угнетателей. Они бессильны, потому что у них нет ни веры, которая все побеждает, ни любви, которая сильнее самой веры. Они бессильны, потому что они застыли в своем себялюбии, потому что в них нет того самого, в силу чего люди приносят себя в жертву, в силу чего борются не один день, а все дни, никогда не уставая, никогда не теряя надежды. Они бессильны, потому что они боятся людей, потому что они не понимают того; что ты сказал им, а именно то, что сберегший свою жизнь потеряет ее, а что потерявший ее ради того, чтобы основать царство закона твоего, спасет ее.

Ламенэ.

2

Человек, который считает только свою личность истинно существующей, другие же существа -- призраками, за которыми он признает некоторое относительное существование только потому, что они могут способствовать или противодействовать его целям, такой человек, чувствуя себя отделенным неизмеримо глубокой пропастью от всех других существ, не может, признавая себя существующим только в своей личности, не видеть того, что с его смертью гибнет не только то одно, что

существовало, т. е. он сам, но вместе с ним и весь мир.

Человек же, во всех других и во всем живом видящий свое собственное существо, сливающийся через свою жизнь с существованием всего живого, такой человек теряет при смерти лишь небольшую долю своего существования: такой человек продолжает существовать во всех других -- в тех, в ком он всегда узнавал и любил свое существо и себя самого; для такого человека исчезает обман, отделявший его сознание от сознания остальных.

В этом-то если не исключительно, то главным образом и коренится различие того, как встречают свой смертный час особенно добрые и особенно злые люди.

По Шопенгауэру.

3

Никогда не буду искать и не буду принимать отдельного, личного спасения. Не хочу получать успокоения один; но всегда и везде буду жить и трудиться, стремясь к всеобщему спасению всякого существа во всех мирах. До тех пор пока все, не будут освобождены, не покину мира греха, печали и борьбы.

Китайский Кван-Хин.

4

Разумные существа, призванные трудиться вместе за одной и той же работой, исполняют в общей мировой жизни то назначение, которому служат члены в человеческом теле. Они сотворены для разумного единодействия. В сознании, что ты -- член великого духовного братства, есть что-то ободряющее и утешительное.

Марк Аврелий.

5

Человечество живо начинает сознавать то, что все должны подниматься или падать вместе. Люди все больше и больше прислушиваются к тому голосу, который не переставая говорит внутри нас.

Люси Малори.

Не думай, чтобы могло быть благо отдельного существа или чтобы зло отдельного существа не было бы злом всего мира и не отразилось бы на тебе.

4-е июня

Благодаря извращению христианства жизнь наша стала хуже языческой.

1

Человек должен быть рабом. Выбор для него только в том, чьим: если своих страстей, то непременно и людей; если же своего духовного начала, то только бога.
Всякому лестно иметь высшего хозяина.

2

Жестокость в наше время еще больше развивается вследствие тонкого поощрения себялюбия учением о том, что все то, что считается злом, приводит все-таки к благу. Учение это практически ведет к тому, что мы хотя и употребляем те же серьезные усилия, чтобы избежать всего для нас неприятного, однако самодовольно и спокойно следим за действием того зла, которое испытывают другие.

Джон Рёскин.

3

"Нищих вы всегда имеете с собой". Никакие слова писания не перетолковывались с такими дьявольскими целями, как именно эти слова. Если, несмотря на все наши успехи, мы до сего времени еще имеем у себя нищих людей, которые не по своей вине не могут встать в здоровые и нормальные жизненные условия, то совершается это по нашей вине и к нашему стыду. Всякий, кто посмотрит вокруг себя, увидит, что только неправда, отнимающая естественные удобства у трудящихся и лишающая их плодов их трудов, что только она мешает нам всем быть богатыми.

Генри Джордж.

4

Большая часть преступлений и зла мира совершается по недоверию к разуму: "Верь или будь проклят". В этом главная причина зла. Принимая без рассуждения то, что он должен бы был разбирать своим разумом, человек в конце концов отвыкает от рассуждения и действительно подпадает проклятию сам и вводит в грех своих ближних. Спасение людей лишь в том, чтобы научиться мыслить самостоятельно, для того чтобы верно направлять свою мысль.

Эмерсон.

5

Система, по которой действуют все народы мира, основана на самом грубом обмане, на самом глубоком невежестве или на соединении обоих; так что ни при каких видоизменениях тех основ, на которых держится эта система, она не может произвести добро для людей; напротив -- практические последствия ее должны всегда быть зло.

Роберт Овен.

6

Чем большим уважением окружены предметы, обычаи, законы, тем внимательнее надо исследовать их право на уважение.

Исправление существующего зла жизни не может начаться ни с чего другого, как только с обличения религиозной лжи и свободного установления религиозной истины в самом себе каждым отдельным человеком.

5-е июня

Весь внешний мир, каким мы его видим, таков только для нас. Сказать, что этот мир действительно такой, каким мы его видим, это все равно что сказать, что не может быть существ с иными, чем мы, внешними чувствами.

1

Людям кажется странной мысль о том, что все вещественное -- только наше представление. "Все-таки стол есть, и всегда... И уйду из комнаты, он есть, и для всех он есть такой же, какой и для меня", -- говорят обыкновенно. Ну а когда закрутишь два пальца и катаешь один шарик, чувствуешь несомненно два? Ведь точно так же всякий раз, как я так возьму шарик, будет два, и для всякого, кто возьмет такой шарик, будет два, а между тем двух шариков нет. Точно так же и стол только для закрученных пальцев моих чувств -- стол, а он, может быть, полстола, одна сотая стола, может быть, совсем даже не стол, а что-нибудь совсем другое.

2

Я смотрю и видимые линии пригоняю к форме, живущей в моем представлении. Вижу белое на горизонте и невольно даю этому белому форму церкви. Не так ли и все то, что мы видим в этом мире, получает ту форму, которая уже живет в нашем представлении, вынесенном из прежней жизни?

3

Я думаю, что вопрос, имеют ли предметы вне нас самостоятельное существование, поистине лишен разумного смысла. Мы по нашей природе вынуждены об известных предметах нашего восприятия говорить: они находятся вне нас; мы не можем иначе. Вопрос о том, действительно ли существует то, что мы признаем существующим, так же нелеп, как такой, например: действительно ли синяя краска синяя. Мы выйти из этого вопроса не можем. Я говорю, что вещи суть вне меня, так как я вынужден их так рассматривать; впрочем, это вне меня сущее может иметь какое угодно устройство; об этом судить мы не в состоянии.

Лихтенберг.

4

Закон жизни в том, что невидимое производит видимое. Причина скрыта, последствия видны. Причина бесконечна, последствия конечны. Верить в невидимое -- значит верить в причину всякой силы; признавать только видимое -- значит верить в причину всякой силы; признавать только видимое -- значит быть бесполезным, неплодотворным, преходящим, смертным.

Люси Малори.

5

Двумя способами представляем мы себе предметы действительно существующими: или поскольку мы их наблюдаем в их соотношении с известным местом и временем, или поскольку мы думаем, что они содержатся в боге и вытекают из необходимости божественной природы. Такими предметами мы признаем все духовное.

По Спинозе.

Внешний мир в действительности, сам по себе, не такой, каким мы его познаем. И потому все, что вещественно в этом мире, неважно. Что же важно? То, что, наверное, такое же везде, всегда и одно и то же для всех существ: духовное начало нашей жизни.

6-е июня

Зло, совершенное человеком, не только лишает человека его истинного блага, умаляя его душу, но часто возвращается и в этом мире на совершившего его.

1

Зло в этом мире не тотчас дает плоды, но, как земля, понемногу и в свое время. И плоды эти ужасны.

Индийские Ману.

2

Не делать зла даже врагам -- в этом главная добродетель. Наверное

погибает тот, кто обдумывает погибель другого.

Не делай зла. Бедность не может служить оправданием зла. Если будешь делать зло, станешь еще беднее.

Люди могут избежать последствий злобы своих врагов, но никогда не избегнут последствий своих грехов. Эта тень их будет следовать по пятам их до тех пор, пока не погубит их.

Пусть не делает зла другому тот, кто не хочет того, чтобы печали преследовали его.

Если человек любит себя, пусть он не делает зла, как бы мало оно ни было.

Индийский Курал.

3

Как верно то, что камень, брошенный кверху, не остается там, но возвращается на землю, так же верно и то, что, смотря по добрым или злым делам твоим, будет отмерено тебе исполнение желаний твоего сердца, в каком бы виде и в какой бы мир ты ни вступил.

Сингалезское буддийское.

4

Злой человек счастлив, пока сделанное им зло не созрело; но когда оно созрело, тогда злой человек познает зло. Зло возвращается на того, кто его сделал, так же как пыль, брошенная против ветра.

Ни на небе, ни на море, ни в глубине гор, нет во всем мире места, в котором человек мог бы освободиться от злого дела.

Дхаммапада.

5

Обдумывающий месть поддерживает свои раны. Они бы зажили, если бы он этого не делал.

Бэкон.

Делать зло так же опасно, как дразнить дикого зверя. Большей частью в этом мире и в самой грубой форме зло возвращается на того, кто его сделал.

7-е июня

Смирение дает радости, недоступные самодовольному и гордому.

1

Мир между людьми есть необходимое условие хорошей жизни; главное же препятствие для мира -- наша гордость; только смирение, готовность перенести унижение, быть оклеветанным, ложно понятым, только при такой готовности человек может вносить мир в отношение свое к другим людям и людей между собой.

2

Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас. Возьмите иго мое на себя и научитесь от меня; ибо я кроток и смирен сердцем; и найдете покой душам вашим. Ибо иго мое благо и бремя мое легко.

Мф. гл. 11, ст. 28-30.

3

Когда свет осуждает нас, клевещет на нас, мы не должны сердиться, а скорее рассмотреть, нет ли в осуждениях этих какого основания.

Юм.

4

Если твое самолюбие страдает при воспоминании о том, что в былое время ты пренебрегал мудростью, не жил, как живут мудрецы, и едва ли заслужишь славу мудреца, то не тужи об этом. Если ты не прослывешь за мудреца, тем лучше. Будь доволен, если можешь теперь, сейчас же, начать жить так, как того требует твоя совесть.

Марк Аврелий.

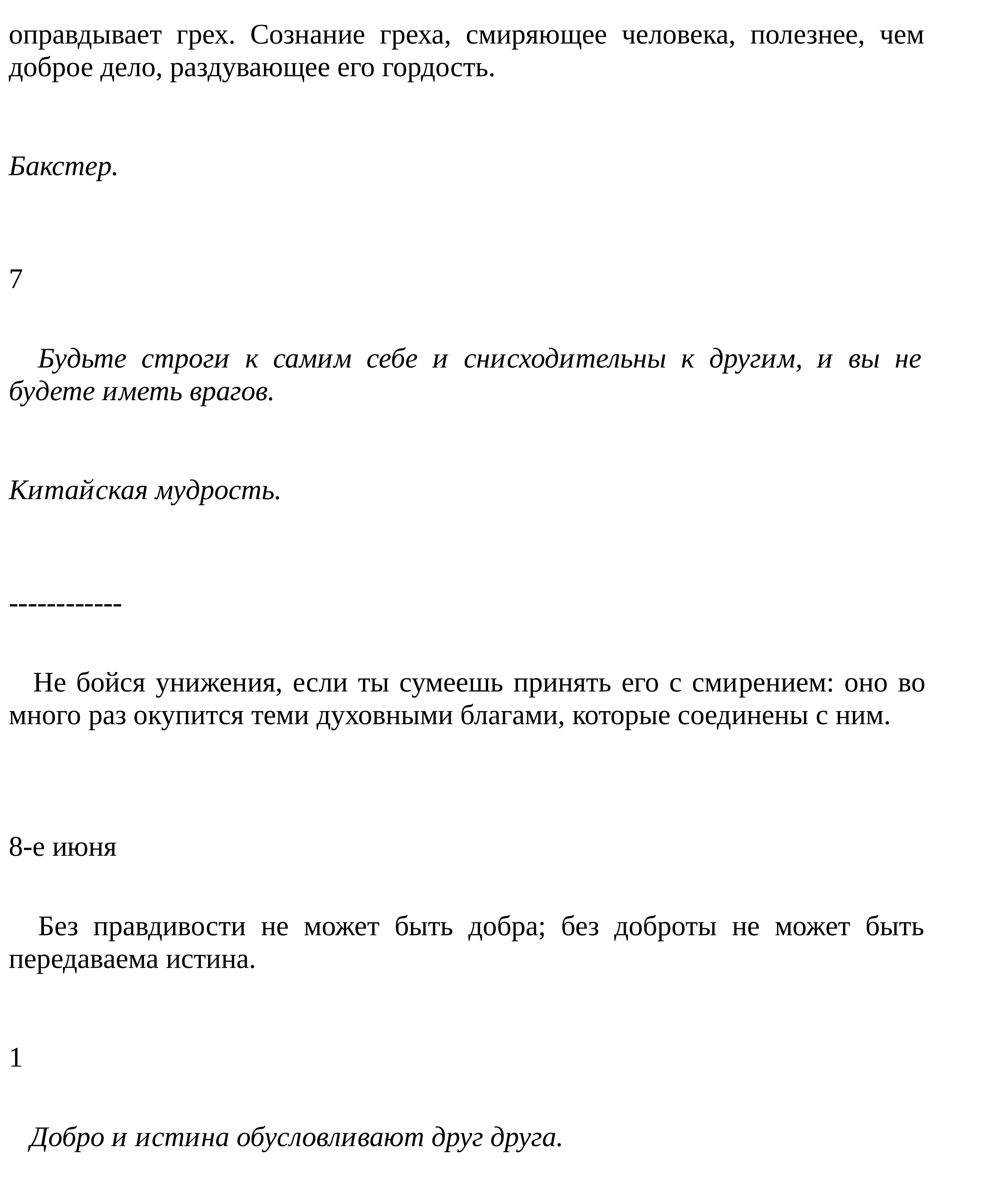
5

Первое, чему человек должен научиться раньше, чем он может успевать на пути к счастью, это -- смирение. Надменность, властность и тщеславие должны уступить место кротости и мягкости. *Надменность ничего не может приобрести, так как предполагает, что уже все имеет.*

Из "Передовой мысли мира".

6

Гордость защищает не только себя, но и все другие грехи человека, потому что она ненавидит укоризну и отталкивает лечение, она прячет и

оправдывает грех. Сознание греха, смиряющее человека, полезнее, чем доброе дело, раздувающее его гордость.

Бакстер.

7

Будьте строги к самим себе и снисходительны к другим, и вы не будете иметь врагов.

Китайская мудрость.

Не бойся унижения, если ты сумеешь принять его с смирением: оно во много раз окупится теми духовными благами, которые соединены с ним.

8-е июня

Без правдивости не может быть добра; без доброты не может быть передаваема истина.

1

Добро и истина обусловливают друг друга.

2

Те, кто знают истину, равны тем, которые любят ее; а те, которые любят ее, не равны тем, которые с любовью творят ее.

Конфуций.

3

Что вы зовете меня: господи! господи! -- и не делаете того, что я говорю?
Всякий приходящий ко мне и слушающий слова мои и исполняющий их, скажу вам, кому подобен.
Он подобен человеку, строящему дом, который копал, углубился и положил основание на камне, почему, когда случилось наводнение и вода наперла на этот дом, то не могла поколебать его, потому что он основан был на камне.
А слушающий и неисполняющий подобен человеку, построившему дом на земле без основания, который, когда наперла на него вода, тотчас же обрушился; и разрушение дома сего было великое.

Лк. гл. 6, ст. 46--49.

4

Отвечайте добротою на ненависть. Рассматривайте трудность, когда она еще легка. Обращайтесь с большой вещью, когда она еще мала. Самые трудные предприятия мира возникают, когда они легки. Самые великие предприятия возникают, когда они еще малы.

Лао-Тсе.

5

Есть два пути, ведущие к добродетели: быть справедливым и не делать зла живым существам.

Книга Ману.

6

Истина никогда яростно не ополчается против зла: ее наглядность, очевидность и внутренняя мощь сильнее всего поражает зло.

Торо.

7

Всякая злость происходит от бессилия.

Руссо.

Нет ничего хуже притворства доброты. Притворство доброты отталкивает больше, чем откровенная злоба.

9-е июня

Существующее устройство христианских обществ противно христианскому закону в его истинном значении.

1

Все почти усилия человеческого ума направляются не на то, чтобы облегчить труд трудящихся, а только на то, чтобы облегчить и украсить праздность празднующих.

2

Люди нашего времени устроили себе жизнь, противную и нравственной и физической природе человека, и все силы своего ума напрягают на то, чтобы уверить человека, что это-то и есть самая настоящая жизнь. Все, что называется в наше время культурой: наши науки, искусства, усовершенствования, -- все это только попытки обмануть нравственные требования человека.

3

Если бы кто взглянул на наш мир, сколько увидел бы он безрассудства, сколько пролил бы слез, каким посмеялся бы смехом, сколько почувствовал бы ненависти! Мы, действительно, поступаем так, что наши дела и смешны, и глупы, и жалки, и ненавистны. Вот один кормит собак, чтобы ловить диких зверей, а сам впадает в зверство; другой -- волов и ослов, чтобы возить камни, а презирает людей, умирающих от голода; тратит бездну золота, чтобы соорудить каменных людей, а настоящих, которые от бедствий сделались каменными, оставляет в небрежении. Иной собирает драгоценные камешки и с большим трудом убирает ими стены, а, видя нагие члены нищих, нисколько не трогается. Одни к своим одеждам придумывают еще одежды, а другие не имеют, чем покрыть и нагого тела,

Иной расточает все на блудниц и тунеядцев, другой на комедиантов и плясунов, иной на пышные постройки, на покупку сел и домов. Один вычисляет проценты, другой проценты на проценты, иной сочиняет бумаги, наполненные многими убийствами, Даже ночью не имеет отдыха, неусыпно бодрствуя на пагубу других. Едва настал день, один бежит на прибыль неправедную, другой на трату распутную, а иные на кражу государственную. Вообще об излишнем и преступном много заботы, а о необходимом нет и мысли.

Иоанн Златоуст.

4

Так же как противно закону природы то, чтобы дитя управляло взрослыми или безумный мудрым человеком, так же противно закону природы и то, чтобы горсть людей была пресыщена излишествами, в то время как голодная толпа не имеет необходимого.

Руссо.

5

В века людоедства сильные пожирали слабых, попросту поедали их тела. Но, несмотря на все установленные людьми законы, несмотря на успехи наук, сильные, бессердечные люди до сих пор продолжают жить на счет слабых, несчастных и глупых. Правда, они не едят их мяса, не пьют их крови, но они все равно живут от их лишений и нужды. Бедняки, калечащие себя работой и проводящие всю свою жизнь лишь в заботах о прокормлении себя и своих семей, в сущности, поедаются своими собратьями. Видя распадение цивилизованного мира, его беспокойство и слезы, разбитые надежды и жалкую действительность, голодовки и преступления, унижение и позор, невольно приходишь к заключению, что людоедство было не более жестокой формой существования на чужой счет.

Люси Малори.

Есть, было и всегда будет для человека только одно дело, на которое стоит положить всю жизнь. Дело это есть любовное общение с людьми и разрушение тех преград, которые воздвигли люди между собой.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

НЕУЖЕЛИ ТАК НАДО?

Стоит среди полей, обнесенный стеною чугунолитейный завод, с не переставая дымящимися огромными трубами, с гремящими цепями, домнами, с подъездной железной дорогой и раскинутыми домиками заведующих и рабочих. На заводе этом и в шахтах его, как муравьи, копаются рабочие люди: одни на 100 аршин под землею, в темных, узких, душных, сырых, постоянно угрожающих смертью проходах, с утра до ночи или с ночи до утра выбивают руду; другие в темноте, согнувшись, подвозят эту руду или глину к дудке и везут назад пустые вагончики и опять наполняют их, и так работают по двенадцати, четырнадцати часов в день всю неделю.

Так работают в шахтах. На самой домне работают одни у печей при удушающей жаре, другие у спуска растопленной руды и шлака. Третьи -- машинисты, кочегары, слесаря, кирпичники, плотники -- в мастерских, также по двенадцати, четырнадцати часов всю неделю.

По воскресеньям все эти люди получают расчет, моются, а иногда и немытые напиваются в трактирах и кабаках, со всех сторон окружающих завод и заманивающих рабочих, и с раннего утра в понедельник опять становятся на ту же работу. Тут же около завода мужики пашут на измученных, захудалых лошадях чужое поле. Мужики эти встали на заре, если они не провели ночь в ночном, т. е. не ночевали у болота -- единственное место, где они могут накормить лошадь, -- встали они на заре, приехали домой, запрягли лошадь и, захватив краюху хлеба, поехали пахать чужое поле.

Другие же мужики тут же, недалеко от завода, сидят на шоссейной дороге, пригородив себе из рогожки защиту, и бьют шоссейный камень. Ноги у этих людей избиты, руки в мозолях, все тело грязно, и не только лицо, волосы и бородат но и легкие их пропитаны известковой пылью.

Взяв из неразбитой кучи большой неразбитый камень, люди эти, укладывая его между обутыми в лапти и обмотанными ветошками ступнями ног, бьют по камню тяжелым молотом до тех пор, пока камень рассядется; а когда рассядется, берут разбитые куски и бьют по ним до тех пор, пока и эти не разобьются на мелкий щебень; и опять берут целые камни и опять сначала... И так работают эти люди от утренней летней зари до ночи -- 15, 16 часов, отдыхая только часа два после обеда, и два раза, в завтрак и в полдень, подкрепляют себя хлебом и водою.

И так живут все эти люди и в шахтах, и на заводе, и пахари, и каменобойцы, с молодых лет и до старости; и так же живут в непосильных трудах их жены и матери, наживая маточные болезни; и так же живут их отцы и дети, плохо накормленные, плохо одетые, в сверхсильной, губящей здоровье работе, с утра и до вечера, с молодости и до старости.

А вот мимо завода, мимо каменобойцев; мимо пашущих мужиков, встречая и обгоняя оборванных мужчин и женщин с котомками, бредущих

из места в место и кормящихся Христовым; именем, катится, позвякивая бубенцами, коляска, запряженная одномастной, гнедой четверней пятивершковых коней, из которых худший стоит всего двора каждого из любующихся на эту четверню мужиков. В коляске сидят две барышни, блестя яркими цветами зонтиков и лент и перьев шляп, стоящих каждая дороже той лошади, на которой пашет мужик свое поле; на переднем месте сидит блестящий на солнце галунами и пуговицами офицер в свежевымытом кителе; на козлах грузный кучер в шелковых синих рукавах рубахи и бархатной поддевке. Он чуть не задавил богомолок и не сбил в канаву проезжавшего порожнем мужика, в его испачканной рудой рубахе, трясущегося на телеге.

-- А это не видишь? -- говорит кучер, показывая кнут недостаточно скоро свернувшему мужику, и мужик одной рукой дергает за вожжу, а другой испуганно снимает шапку с головы.

За коляской беззвучно несутся, блестя на солнце никелированными частями машин, два велосипедиста и одна велосипедистка и весело смеются, перегоняя и пугая крестящихся богомолок.

Стороной же от шоссе едут два верховых: мужчина на английском жеребце и дама на иноходце. Не говоря о цене лошадей и седла, одна черная шляпа с лиловым вуалем стоит два месяца работы каменобойцев, а за стик -- хлыст модный английский -- заплачено столько, сколько получит за неделю подземной работы тот малый, который идет довольный тем, что нанялся в шахты, и сторонится, любуясь на гладкие фигуры лошадей и всадников и на жирную, иноземную, огромную собаку в дорогом ошейнике, бегущую с высунутым языком за ними.

Неподалеку за этой компанией едут на телеге улыбающаяся, с завитыми кудряшками, нарядная девица в белом фартуке и толстый, румяный мужчина с расчесанными бакенбардами, с папироской в зубах, что-то нашептывающий девице. В телеге видны самовар, узлы в салфетках, мороженица.

Это -- прислуга людей, едущих в коляске, верхом и на велосипедах. Нынешний день не представляет для них ничего исключительного. Они живут так все лето и почти каждый день делают прогулки, а иногда, как нынче, -- с чаем, напитками и сладостями, с тем, чтобы есть и пить не в одном и том же, а в новом месте.

Господа эти -- три семьи, живущие в деревне и на даче. Одна семья помещика -- владельца 2000 десятин земли, другая -- чиновника, получающего 3000 р. жалованья, третья -- самая богатая семья -- дети фабриканта.

Все эти люди нисколько не удивлены и не тронуты видом всей той нищеты и каторжного труда, которые окружают их, Они считают, что все это так и должно быть. Занимает их совсем другое.

-- Нет, это невозможно, -- говорит дама верхом, оглядываясь на собаку, -- я не могу видеть этого. -- И она останавливает коляску. Все говорят вместе по-французски, смеются и сажают собаку в коляску и едут дальше, застилая облаками известковой пыли каменобойцев и прохожих по дороге.

И коляска, и верховые, и велосипедисты промелькнули, как существа из другого мира, а заводские каменобойцы, мужики-пахари продолжают свою тяжелую, однообразную, чужую работу, которая кончится вместе с их жизнью.

"Живут же люди", -- думают они, провожая глазами проехавших. И еще мучительнее представляется им их мучительное существование.

Неужели это так надо?

Лев Толстой.

10-е июня

В душе нашей есть нечто такое, что не подлежит смерти. Мы можем сознавать это нечто и можем не сознавать его.

1

Знающий других людей умен; знающий самого себя -- просвещен.

Побеждающий других силен; побеждающий самого себя -- могуществен.

Тот же, кто, умирая, знает, что он не уничтожается, -- вечен.

Лао-Тсе.

2

И родятся и живут люди только как некоторые подробности бога, которые поэтому уничтожиться не могут, -- скрыться из глаз наших могут,

но не уничтожиться.

3

То, что один человек дольше проходил через открытое мне поле зрения, а другой быстро прошел через него, никак не может заставить меня приписать большей действительной жизни первому и меньше второму. Я несомненно знаю, что если я видел проходящего мимо моего окна человека, -- скоро ли или медленно, все равно, -- я несомненно знаю, что этот человек был и до того времени, когда я увидал его, и будет продолжать быть и скрывшись из моих глаз.

4

Я не верю ни в одну из существующих религий и потому не могу быть заподозрен в том, что слепо следую какому-либо преданию или влияниям воспитания. Но я в продолжение всей моей жизни думал настолько глубоко, насколько был способен, о законе нашей жизни. Я отыскивал его в истории человечества и в моем собственном сознании, и я пришел к ненарушимому убеждению, что смерти не существует; что жизнь не может быть иная, как вечная; что бесконечное совершенствование есть закон жизни, что всякая способность, всякая мысль, всякое стремление, вложенное в меня, должно иметь свое практическое развитие; что в нас есть мысли, стремления, далеко превосходящие возможности нашей земной жизни; что именно то, что в нас есть эти стремления и мы не можем проследить их происхождения от наших чувств, служит доказательством того, что они входят в нас из области, находящейся вне земли, и могут быть осуществлены только вне ее; что ничто не погибает здесь на земле, кроме разных видов вещества, что думать, что мы умираем, потому что умирает наше тело, -- *все равно что думать, что работник умер, потому что орудия его износились.*

Иосиф Мадзини.

5

Тот, кто знает, что основа жизни его -- дух, вне всякой опасности. Затворяя врата своих чувств в конце жизни, он не испытывает никакого беспокойства.

По Лао-Тсе.

6

Бог есть жизнь вечная и всемирная в бесконечном времени и пространстве. Он -- все, что есть, и нет другого бога, кроме бога. Все в нем, и ничто не существует вне его. И потому всякое существование есть проявление Его жизни, и всякая жизнь при рождении выходит не из несуществования, а из него и при смерти не перестает существовать, а возвращается к нему.

Анфантен.

7

Истинная жизнь -- вне времени и пространства, и потому смерть может только изменить проявление жизни в этой мире, но никак не уничтожить самую жизнь.

8

Веру в бессмертие нельзя принять от кого-нибудь, нельзя себя убедить в бессмертии. Чтобы была вера в бессмертие, надо, чтобы оно было, а чтобы оно было, надо понимать свой жизнь в том, в чем она бессмертна.

9

Верить в будущую жизнь может только тот, кто установил в своем сознании тоновое отношение к миру, которое не умещается в этой жизни.

Живи той частью твоей души, которая сознает себя бессмертной, которая не боится смерти. Эта часть души есть любовь.

11-е июня

Все внешние изменения нашей жизни ничтожны в сравнении с теми изменениями, которые совершаются в наших мыслях.

1

Для того чтобы могла произойти перемена в чувствах и поступках человека, должна произойти прежде всего перемена в его мыслях. Для того же, чтобы могла произойти перемена в мыслях, человеку необходимо сосредоточиться в сознании своей духовной природы и ее требований.

2

Эпохи нашей жизни определяются незаметными нам, совершаемыми по нашей воле поступками: браком, получением места и т. п., но мыслями, которые приходят во время прогулки, среди ночи, за едою, в особенности теми мыслями, которые, охватывая все наше прошедшее, говорят нам: ты поступил так, но лучше было бы поступить иначе. И все наши дальнейшие поступки, как рабы, служат этим мыслям: исполняют их волю.

Торо.

3

Каждая мысль, на которой останавливается человек, все равно, выражает

он ее или нет, непременно или вредит, или помогает его жизни.

Люси Малори.

4

Чтобы избегать грехов и побеждать их, прежде всего надо признать то, что корень каждого греха -- в дурных мыслях. Мы все -- только последствия того, что мы думаем.

Будда.

5

Определяет судьбу человека то, как он понимает себя.

Торо.

6

Беспорядочная мысль делает с нашим умом то же, что сделал бы с нашим домом беспорядочный человек, приглашенный нами пожить у нас.

Люси Малори.

7

Мы ясно видим изменения, совершающиеся в области вещественной жизни: ездили и возили гужом, -- теперь паром, жгли лучину, сало, -- теперь газ, электричество; но мы не видим таких же изменений в духовном

мире людей. А эти изменения -- самые важные.

Мы жалеем о потерянном кошельке с деньгами, но добрую мысль, которая пришла нам или которую мы услыхали или прочли, -- мысль, которая, если бы мы запомнили ее, приложили к жизни, могла бы сделать много добра, -- мы теряем, забывая, и не жалеем о том, что дороже миллионов.

12-е июня

Страдания -- необходимые условия роста как физического, так и духовного.

1

Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир.

Ин. гл. 16, ст. 20--21.

2

Мы жалуемся на страдания. А страдания, всякие страдания всегда нам на благо. Иногда нам видно, что телесные страдания нам на пользу, как это бывает, когда дети растут или когда назревает нарыв и т. п. Но иногда мы не видим пользы от страданий и телесных и духовных, и тогда мы жалуемся. А не знаем того, что все страдания нам на благо: помогают нам становиться лучше и приближаться к богу.

3

Облегчает горесть страданий, во-первых, живое представление о гораздо худших, чем твои, страданиях других людей, и, во-вторых, сознание того, что перенесение страданий может быть дурное -- возмущенное и хорошее -- покорное.

4

Растем мы вот как. В каждой мысли каждого человека лежит уже высшая мысль; в том характере, который проявляет человек нынче, уже готовится высший характер. Юноша откидывает иллюзии детства, муж откидывает незнание и бурные страсти юношества, старец откидывает себялюбие мужа и становится все более и более всемирною душою. Он поднимается на высшую и на более твердую ступень жизни. Внешние отношения и условия вымирают, и он все больше входит в бога и бог в него, -- до тех пор. Пока не спадает с него последняя одежда себялюбия, и он соединяется с богом, сливает свою волю с его волей и участвует в его величии.

Эмерсон.

5

По мере совершения мудрых дел все более и более жизни прибывает к человеку.

Джон Рёскин.

6

При тяжелом душевном состоянии надо не сдаваться, не высказываться

никому, кроме бога. Важно молчать, перетерпеть. То страдания перейдут к другим и заставят их страдать, а то перегорят в тебе и помогут тебе возвыситься, приблизиться немного к совершенству.

7

Добродетель и сила души укрепляются и совершенствуются в несчастии, в страданиях, в болезни. Поэтому вы не должны опасаться испытаний, которые могут пасть на вашу долю, но переносить их с твердостью. Каждое испытание более и более приближает вас к богу.

Из "Благочестивее мыслей".

8

Бедствие -- это оселок для человеческой жизни.

Флетчер.

Ищи в страданиях их значения для твоего душевного роста, и уничтожится горечь страдания.

13-е июня

Разум есть отличительное от животных свойство человека.

1

Будда говорил: в размышлениях, в жизни, в разговоре, в изучении я никогда не забываю главного: требований разума.

2

Разумное и нравственное всегда совпадают.

3

Если самоуверенный человек будет общаться с мудрым человеком всю свою жизнь, он так же мало познает истину как ложка познает вкус того, что она передает в рот.

Восточная мудрость.

4

То, что мы признаем достоинство в самом звания "человек", обязывает нас уважать в человеке и то, как он пользуется своим разумом. Человек должен не упрекать другого за его несообразности, не называть их глупостями, не говорить, что они нелепы, но, наоборот, должен предположить, что в основе их должно быть что-нибудь разумное, и стараться найти это. К этому присоединяются еще дальнейшие обязанности: раскрыть те ложные представления, которые его обманули, таким образом, объяснив причину его заблуждения, поддери жать его доверие к своему разуму. И в самом деле, как можем мы убедить человека, когда мы не признали в нем разума? Тоже самое относится и к упрекам в пороках. Такие упреки никогда не должны доходить до презрения порочного человека. Не должно отрицать в человеке его нравственное достоинство, не должно предполагать невозможность восстановления его нравственного характера, так как такое предположение противно понятию человека, как нравственного существа, не могущего никогда потерять способности доброй воли.

Кант.

5

Я не могу никого сделать лучше иначе, как только посредством остатков добра, заключающихся в нем самом. Я не могу никого сделать умнее иначе, как только посредством остатков благоразумия, заключающихся в нем.

Кант.

6

Люди, уверяющие других, что разум не может быть руководителем жизни; -- это те люди, которые, отказавшись от разума, испортили свою жизнь и не хотят изменить ее.

Разум один во всех людях. Общение людей основано на разуме. И потому для каждого человека обязательны требования единого для всех разума.

14-я июня

Как мало нужно усилия для того, чтобы не осуждать ближнего, и как облегчается жизнь того, кто не осуждает других. А как мало людей делают это усилие.

1

В житиях святых есть рассказ про то, как старец, увидев во сне умершего слабого по жизни монаха в лучшем месте рая и спросив, за что удостоился

этот нестоящий, со многими слабостями монах такого великого блага, получил ответ: за то, что он в жизни своей не осудил никого.

2

Итак, неизвинителен ты, всякий человек, судящий другого, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя другого, делаешь то же.

Римлян. гл. 2, ст. 1

3

Не осуждайте чужих поступков. Осуждая других, мы себя напрасно тревожим и впадаем в большие ошибки. Вникайте в самих себя, и труд ваш не останется тщетным.

Из "Благочестивых мыслей".

4

Чем строже и безжалостнее осудишь себя, тем справедливее и снисходительнее будешь судить других.

Конфуций.

5

Не ищи славы в бесславии других.

Человеку доброму подобает скрывать позор других, даже тех, которые

нанесли ему вред.
Не напоминай кающемуся про его прежние прегрешения.

Талмуд.

6

Легко замечать заблуждения других, но трудно заметить свои; любят разбираться в ошибках своих ближних, но скрывают свои, как вор старается спрятать свою отмычку.
Человек любит осуждать других; он смотрит только на ошибки людей, а его собственные страсти разрастаются все более и более, удаляя его от улучшения.

Буддийская мудрость. [Дхаммапада.]

7

До тех пор, пока ты сам грешен, не говори ни слова о грехах других.

Таблички бабидов.

Отучи себя от осуждения на словах, и ты почувствуешь в своей душе увеличение способности любви, почувствуешь увеличение жизни и блага.

15-е июня

Любить бога -- значит любить то высшее добро, какое мы только можем

себе представить.

1

Часто говорят: я не понимаю любви к богу. Вернее сказать: я не понимаю никакой любви без любви к богу.

2

Истинная любовь к богу есть нравственное чувство, основанное на ясном понимании высшего совершенства. Так что любовь к богу совпадает вполне с любовью к добродетели, справедливости, доброте.

Чаннинг.

3

Человек, усвоивший себе знание закона, но чуждый любви к богу, подобен тому казначею, коему вручены внутренние ключи без внешних.

Талмуд.

4

Исполнять божьи заповеди надо по любви к богу, а не из страха перед ним.

Талмуд.

5

Каким чувствует себя в душе человек, таким, в сущности, бывает и его бог: или он добрый, любящий, справедливый, или мстительный, гневный и злобный.

Люси Малори.

6

Если любишь человека, не любя в нем бога, т. е. добро, то такою любовью готовишь себе разочарование и страдания.

7

Тот, кто говорит, что любит бога, но не любит ближнего, тот обманывает людей. Тот же, кто говорит, что любит ближнего, но не любит бога, тот обманывает самого себя.

Вполне достойно любви только совершенство. Для того чтобы испытать совершенную любовь, мы должны или приписать совершенство несовершенному предмету нашей любви, или любить совершенство -- бога.

16-е июня

Улучшить устройство общественной жизни может только нравственное совершенствование людей.

1

Если государство достигает своей цели, то установит такое же состояние, как если бы повсюду воцарилась полная справедливость в складе мыслей. Но внутренняя сущность и происхождение этих двух состояний -- подобия справедливости и полной справедливости -- прямо противоположны. Именно в последнем случае состояние было бы такое, что никто не хотел бы творить несправедливостей; первом же случае такое, что никто не хотел бы терпеть несправедливостей, и избранные средства совершенно отвечали бы этой цели. Так, достигнуть внешней цели можно двумя противоположными средствами. Так, хищный зверь в наморднике столь же безвреден, как и травоядное. Дальше же этого предела государство не может вести: стало быть, оно не может развернуть перед нами картину, какая сложилась бы при взаимной благожелательности и любви между всеми.

Шопенгауэр.

2

Против окна, у которого я пишу, огромный бык привязан за кольцо, продетое сквозь ноздри. Пощипывая траву, он обмотал свою веревку вокруг столба и, как узник, стоит теперь томимый голодом ввиду роскошной травы, лишенный возможности даже вскинуть голову, чтобы отогнать мух, которые кусают его плечи. Он много раз делал тщетные усилия, чтобы освободиться, но всякий раз, жалобно промычав, затихала чтобы молча страдать.

Этот бык, обладающий мощной силой, но не имеющий достаточного соображения, чтобы понять, как ему можно освободиться, страдающий от голода посреди изобилия и делающийся беспомощной жертвой слабейших созданий, -- представляется мне как бы эмблемой рабочих классов.

Во всех странах люди, трудом которых создается изобилие богатства, бьются в бедности. В то время как прогрессирующая цивилизация расширяет горизонт мысли и пробуждает новые желания, эти люди опускаются, ради удовлетворении своих животных потребностей, до уровня скотского существования. Сознавая всю горечь неправды, чувствуя в тайниках души, что они созданы совсем не для такой несчастной жизни, -- люди эти тоже по временам борются и протестуют. Но до тех пор, пока они не научатся связывать следствие с причиной, до тех пор. Пока они не поймут, каким образом они спутаны и как они могут освободиться, -- до тех пор их усилия и протесты будут столь же тщетными, как усилия и

жалобные мычания запутавшегося быка, -- будут даже более тщетными. Я выйду из комнаты и отгоню быка, направляя его так, чтобы развернулась; веревка, тогда как людей никто не направит к свободе. До, тех пор пока они не станут пользоваться разумом, которым они одарены, никто не поможет им никто не сделает их свободными.

Истинная власть, при всевозможных видах правления, в действительности всегда находится в руках массы. И в действительности совсем не короли или аристократы, совсем не землевладельцы или капиталисты порабощают повсюду народ. Его порабощает его невежество.

Генри Джордж.

3

Нельзя бороться против дурной организации не только насилием, но даже хорошей организацией. Отчего не организовать труд!

Можно заняться и этим. Но не надо забывать, что, организуя труд, мы достигаем не благополучия человечества, а лишь успешности и производительности самого труда.

Благополучие же человечества может быть достигнуто только самостоятельным нравственно-религиозным путем.

Ведь досадно и возмутительно не столько то, что существует дурное общественное устройство, сколько то, что человек породил его, терпит его и даже пользуется им ради своих корыстных целей.

А что более возмущает, с тем и надо начинать бороться.

Федор Страхов.

4

Мы живем в эпоху дисциплины, культуры и цивилизации, но далеко еще не в эпоху морали. При настоящем состоянии людей: можно сказать, что счастье государств растет вместе с несчастием людей. И еще вопрос: не счастливее ли мы были бы в первобытном состояния, когда у нас не было бы этой культуры, чем в нашем настоящем состоянии?

Ибо как можно сделать людей счастливыми, когда их не делают нравственными и мудрыми!

Кант.

Побороть общее зло жизни можно только одним средством: нравственным усовершенствованием своей жизни.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ПЕРВОЕ ГОРЕ

Когда Гриша выходил на балкон, ему стоило только прищурить свои большие синие глаза, чтобы видеть за открытыми воротами конюшни круглый светлый зад Ловкого в его стойле, ряд уздечек на перегородке и кучера Игната в его старой безрукавке и с неугасимой трубкой в зубах. Обыкновенно Гриша недолго противился искушению: он засовывал обе руки в карманы своих коротеньких штанишек, спускался с лесенки балкона и шел через большой заросший двор прямо в конюшню.

-- Ну что? -- спрашивал он Игната, оглядывая знакомую и милую ему обстановку каретного сарая. -- Левая все еще хромает?

-- Хромает еще, хромает! -- с полной готовностью поддержать разговор отвечал Игнат.

-- А хомут починил?

-- Да вот починяю.

-- Смотри: сегодня моего Королька никому не давать!

-- Да разве моя воля? Скажут: надо на станцию ехать либо в село, запрягай Королька... Я и запрягу.

-- Что это, право! Все мою лошадь, все мою... -- ворчливо замечал мальчик. -- А овса ей всыпал?

-- Откуда же я возьму, ежели мне не приказано? -- отвечал Игнат, и бородатое, обыкновенно хмурое лицо его принимало лукавое выражение. -- Папенька не велел.

-- Без овса! -- отчаянно вскрикивал Гриша, и гневные слезы навертывались у него на глазах. Игнат весело и ласково смеялся.

-- Ишь, порох какой! Право, порох, -- успокоительно говорил он. -- Да уж будьте покойны: не обижу я вашего Королька. У других отниму, а Королек у меня всегда в полном удовольствии.

Он ласково заглядывал в глаза мальчику и проводил по его голове своей корявой, грубой рукой. Гриша успокаивался и начинал свой обычный обход. Он садился поочередно во все экипажи, взлезал на козлы и делал попутно свои замечания.

-- Хо-орошая тележка! -- говорил он тоном знатока.

-- Дурного в ней нет! -- сочувственно отзывался Игнат.

-- И прочная?

-- Дегтем вымажешься, баловник! -- предостерегал кучер. -- Нянюшка будет браниться.

Игнат служил в усадьбе первый год, но очень быстро сошелся с маленьким барином, и между ними завязалась странная, но искренняя дружба.

-- Вот как я у Луховских господ жил, -- начинал Игнат, -- была у них лошадь...

-- Ты у них до нас жил?

-- Нет. До вас жил я тут у одного купца... Конечно, нужда... Без нужды дня бы у него не прожил!.. Тоже в суд!.. А за что меня в суд? Разве я чужое брал?

-- А разве тебя купец хотел судить?

-- Чего уж там хотел! Прямо, значит, подал жалобу. Будто я у него лошадь и телегу увел. Жалованья не платил целый год, а отпустить тоже не отпускает. Живи! Мы с бабой и так и этак. Пользуется, значит, что пачпорта не было. Что ты тут делать будешь? Взяли мы с Матреной, с бабой моей, ночью лошадь в телегу запрягли, да и... домой. Не пешком же нам было идти, да еще с ребенком малым, до дому-то верст шестьдесят будет. Хватился купец, а нас и след простыл. Лошадь я бы ему вернул. Неужто взял бы? А он, вишь, рассвирепел, что даровой работник ушел, да в суд, да жалобу: так, мол, и так, обокрали.

-- И судили тебя?

-- Говорят, судили.

-- Ну как же?

-- А вот и так же! -- неопределенно отвечал Игнат, и густые брови его озабоченно хмурились, и все лицо надолго принимало угрюмое, почти страдальческое выражение.

-- А ты бы сказал, что не виноват, -- советовал Гриша серьезно.

-- Да разве меня спрашивали? У нас суды-то какие? Где она, соколик, правда-то? Судили, судили, да вором меня и сделали. Вот как!

-- Как сделали? -- жадно допытывался мальчик.

-- А вот так! -- хмурясь и горько усмехаясь, отвечал Игнат.

Иногда разговор принимал другое направление.
-- Разве Матрена твоя жена? -- спрашивал Гриша.
-- А то чья же! -- добродушно отзывался Игнат.
-- Чего же она не с тобой, а все в землянке хлебы печет? Игнат улыбался.
-- А чего ей тут со мной? Сказки мне, что ли, сказывать?
-- Зачем сказки? -- горячо возражал мальчик. -- Мама сказки папе не рассказывает, так живет... А Полька, значит, твоя дочь?
-- Значит, дочь.
-- А еще у вас дети были?
-- Нет, только и всего.
-- Отчего у вас больше не было? Игнат смеялся и крутил головой.
-- Ну уж и ребенок! -- говорил он.
-- Чего смеешься? -- слегка обижаясь и объясняя свою мысль, продолжал Гриша. -- Вот у папы с мамой трое детей... Игнат! -- ласково просил он тут же, заглядывая в глаза своего приятеля. -- Когда уедем в город, ты уж побереги моего Королька.
-- Уберегу! Уберегу! -- обещал Игнат. -- Да только, милый, как бы мне раньше вашего не уехать.
-- А куда? -- удивленно спрашивал мальчик.
-- А вот... туда! -- с своей обычной загадочной манерой отвечал Игнат.
Нередко задушевную беседу друзей прерывала старуха-няня.
-- Гришенька! Здесь, что ли? -- спрашивала она, заглядывая в сарай. -- И что это, право, -- ворчливо продолжая! она, -- господское дите, а в конюшне живмя живет. Вот пожалуюсь маме! Скажите на милость: приятеля себе нашел! Иди сейчас, иди! А ты, непутевый, -- обращалась она к Игнату, -- чем тебе ребенка образумить, ты его пуще заманиваешь.
-- Да я что же, Анна Герасимовна? Я ничего, -- сконфуженно оправдывался Игнат. -- Если бы я его дурному учил...
-- Еще бы тебя в учителя! -- презрительно замечала няня. -- Иди, баловник, иди!
Отца и мать Гриша видел большей частью только за столом. Отец всегда был занят, мать целыми днями сидела у себя, в спальне и считалась нездоровой. Когда у нее не болела голова, то болело что-нибудь другое, что не позволяло ей переносить шумного общества детей и даже яркого света дня. Когда Грише приходила голову мысль забежать к ней, она, ласкала его, порывисто целовала несчетное число раз и сейчас же просила уйти и не беспокоить ее.
Иногда Гриша сопротивлялся.
-- Мама, -- говорил он, -- я буду сидеть тихо, очень тихо, Он садился в кресло и складывал руки на коленях.
-- Ты здоров? -- с беспокойством спрашивала мать.
-- Да, -- рассеянно отвечал он, занятый какой-нибудь посторонней

мыслью, и сейчас же переходил на интересующий его вопрос.

Говорил он шепотом, чтобы не нарушать общего настроения тишины и спокойствия.

-- Мама, -- шептал он, -- отчего, когда жарко, непременно вспотеешь?

-- А тебе жарко? -- спрашивала мать.

-- Жарко... А ты думаешь, я в двух рубашках?

-- Разве в одной?

-- Конечно, в одной! Вот! -- звонко вскрикивал Гриша и, расстегнув ворот ситцевой косоворотки, показывал свою голую грудь.

Мать болезненно морщилась.

-- Зачем ты кричишь? -- упрекала она.

-- Ах, я забыл! -- виновато говорил мальчик и умолкал. -- Мама! -- шептал он опять минуту спустя, -- скажи: зачем хвост?

-- Какой хвост?

-- А у лошадей, у собак?

-- Как зачем? Так, просто хвост. Так уж устроено.

-- Ан не просто! А мух махать. Чем бы им мух-то махать? Болтовня мальчика начинала раздражать нервную женщину, но она еще терпела молча, в полной уверенности, что Грише самому надоест полумрак комнаты и он уйдет. Но Гриша скользил по спинке кресла, укладывался спиной на сиденье и задирал ноги, закладывая их одну на другую.

-- Мама! -- говорил он опять, -- а ты знаешь, где заводятся блохи?

Мать брезгливо морщилась и закрывала глаза.

-- Ну уж, Гриша! Что это за разговор!

-- В гужах. Если заведутся блохи, надо гужи выбросить и уж новые...

-- Вот что значит, что ты все по конюшням! С осени найму тебе гувернантку. Мне стыдно за тебя!

-- Отчего стыдно-то? -- Опрашивал мальчик.

-- Ну хорошо. Ну иди! Иди к няне и сестрам. Все ты или один, или с мужиками.

Гриша глубоко вздыхал. Нехотя поднимался с кресла и опять вздыхал: ему еще Не хотелось уходить из прохладной комнаты, от своей грустной, больной, но все же нежно любимой мамы.

-- Поцелуй меня! -- тихо говорила мать. Он целовал, терся лицом об ее лицо, а она нащупывала под рубашкой его острые плечики, и впадала в жалобный тон:

-- Худой ты у меня! Бледненький! Гриша, отчего ты такой?

-- Шалю! -- отвечал по привычке мальчик, но сострадательная нежность матери действовала на его нервы и жалобила его.

-- Ты у меня плохонький! И тебе нелегко! И у тебя часто невесело на душонке, мой мальчик!

И случалось, что, тронутый ее жалостью и непонятными еще для него

словами, Гриша вдруг начинал рыдать на ее плече.

-- Что ты? О чем ты? -- испуганно допрашивала его мать и трогала его голову, чтоб узнать, нет ли жару.

Но Гриша сейчас же успокаивался и уходил. И не успевал он дойти до двери, как уже забывал о своих беспричинных слезах, занятый какой-нибудь новой интересной мыслью. Что-то еще вздрагивало и всхлипывало в груди, а он уже радостно нащупывал в кармане забытую веревку и соображал, какое бы сделать из нее наилучшее употребление.

А между тем первое серьезное горе уже висело над его головой.

В одно утро отец, не отрываясь от газеты, сказал маме через стол:

-- Да... ты знаешь? За Игнатом приехали!

-- Приехали? Уже? -- испуганно переспросила мама словно обдумывая что-то, опустила на стол недопитую чашку.

-- Неужели ничего нельзя было сделать? Ведь у них дети, -- тихо сказала она.

-- Что ж прикажешь? -- сказал отец, пожав плечами. -- Не связываться же с этим мерзавцем... Ну как его там? С купцом этим... Я его немного знаю: кулак и мошенник.

-- Ну вот видишь, тем более, -- сказала мама.

-- Чего же тем более? Увел лошадь, да еще замок сломан, ну, значит, воровство со взломом... Дело ясно.

-- Но что же им было делать? -- спросила мама. -- Ведь этот человек воспользовался какой-то задержкой с паспортом, не платил жалованья, вымогал даровую работу... Ведь Игнат просто убежал из рабства...

-- А уводить лошадь все-таки не следовало! Ну будет, что теперь толковать! -- с досадой ответил отец и опять углубился в газету.

Гриша жадно слушал и ничего не понимал.

-- Мама, куда везут Игната? -- спросил он, широко раскрывая глаза.

Мать рассеянно поглядела на него. но вдруг вспомнила о дружбе мальчика с кучером, чуть-чуть нахмурилась и отвела глаза.

-- Кто приехал за Игнатом, мама? -- продолжал допытываться Гриша.

-- Отчего не сказать ему? -- недовольным тоном заговорил отец. -- Что это за вечная боязнь огорчить, повлиять на нервы? И выйдет какая-то мокрая курица, тряпка, а не человек.

-- Боже мой, да говори сам, разве я мешаю! -- со слезами на глазах вскрикнула мама, подняла руки к вискам и вышла из-за стола.

-- Вечные сцены! Вечные сцены! -- закричал ей вслед отец.

-- Твоего Игната везут в острог за кражу со взломом. Понимаешь? -- сказал он жестко. Гриша побледнел. -- Игната за кражу, а его жену Матрену за пособничество. Его на три года, а ее на полтора.

-- А Польку? -- спросил Гриша.

-- А Польку... Ну что ж Польку? Конечно, ее не в острог... Я уж не знаю, куда ее... Польку.

Гриша в упор глядел на отца, и глаза его делались блестящими и злыми. Он бледнел все сильнее, но он боялся отца и сдерживался, насколько мог.

-- Это за что же? -- вызывающим тоном спросил он.

-- Он украл, тебе говорят. Или все равно что украл.

-- Совсем не все равно!.. И сам же ты сказал, что купец -- мошенник.

-- Ну сказал.

-- Так что же это? Как же это? Разве это можно? Отец вдруг рассердился.

-- Пожалуйста, пожалуйста, без историй! Разбаловали так, что сил нет никаких.

Сдерживаясь насколько мог, Гриша встал и вышел из комнаты. Но только он очутился за дверью, как гнев и обида на кого-то словно стиснули ему горло. Он побежал по коридору и выскочил на балкон. Его первой мыслью было повидать Игната, но ворота конюшни были заперты, и это означало, что Игната там нет. Гриша побежал в девичью. Там у стола сидела няня и пила чай, а против нее сидел какой-то незнакомый Грише мужчина в военной форме. Военный, манерно отставляя локоть, доставал из банки варенье и ел, запивая его чаем. Гриша сейчас же узнал нянину банку и понял, что няня угощает военного, но он был так занят неожиданной вестью об отъезде Игната, что не обратил внимания на присутствие нянининого гостя.

-- Няня, кто приехал за Игнатом? -- дрожащим голосом спросил он.

Няня ответила не сразу.

-- Да, отвезут теперь твоего голубчика; не будешь больше от няньки бегать.

-- Кто приехал, няня?

-- Теперь уж не отвертится... Кто приехал-то? Да вот кто приехал.

Гриша понял не сразу. Тот, кто должен был везти Игната и Матрену в тюрьму, представлялся ему огромным, страшным и отвратительным на вид, а на него глядело загорелое, добродушное лицо нянининого гостя и улыбалось не то смущенной, не то просто глупой улыбкой. Кроме него и няни, никого больше в комнате не было. Наконец Гриша понял.

-- Ты? -- удивленно и недоверчиво спросил он, глядя в упор на военного.

-- Я-с! -- осклабляясь в широкую улыбку, ответил тот, видимо колеблясь, встать ли ему перед барчонком или продолжать сидеть.

-- Ты? Ты... ты негодный!.. Я тебя... я тебя расколочу! взвизгнул он и бросился вперед.

Но вдруг лицо его передернулось, углы рта задрожали, он заплакал громко и жалобно, как плачут беспомощные огорченные дети. Урядник смущенно смеялся и оглядывался по сторонам, разводя руками...

Гриша убежал в детскую, забился в угол около своей кровати и прижался

к стене, держась обеими руками за грудь. Бессильное негодование все еще клокотало в нем и искало себе выхода. Он увидал на полу сестрину куклу, стал топтать ее ногами и, наконец, отшвырнул ее в другой конец комнаты. На стене висела его собственная картинка; он сорвал ее и бросил на пол. От такой усиленной деятельности нервная напряженность его несколько ослабла: он сел, прислонился лбом к железу кроватки, затих и стал мечтать... Он мечтал о силе...

Ему нужна была сила, чтобы мстить, чтобы покарать всех этих жестоких и виноватых людей: судей, которые осудили Игната, урядника, который должен был увезти его; няню за то, что она угощала урядника вареньем, и даже отца... На отца

Гриша негодовал за его видимое равнодушие к судьбе Игната. Он должен был заступиться, должен был прогнать урядника, а он оставался спокойным, читал свои газеты и даже сказал, что Игнат "все равно что вор".

Грише хотелось отомстить всем этим людям, так жестоко обижавшим его друга. Он думал о том, как он накажет отца, няню, урядника, и, придумывая наказания, ковырял ногтем отставшую краску на железе. Вдруг он насторожился: ему послышался громкий говор отца и в ответ ему робкий полос Игната. Мигом он вскочил и выбежал в девичью. Среди комнаты, низко опустив голову, стояли Игнат и Матрена и переминались с ноги на ногу. Около Матрены, уткнувшись носом в сборки ее платья, стояла Полька, а мать глядела на нее сверху, и на лице ее было больше тупого недоумения, чем, страха и горя. Сзади них из-за дверей выглядывали любопытные лица дворни.

-- Ну, ладно, -- громко говорил Гришин отец, -- теперь уж поздно и ничего не поделаешь. Насчет Польки не беспокойтесь. Худо ей не будет, а в животе и смерти один бог волен. Обещаемся ее беречь. С богом, Игнат! Что ж делать?!

Отец махнул рукой, как бы давая понять, что прощание кончено, но никто не трогался с места. Игнат молчал и тупо глядел себе под ноги.

-- Да, мы обещаемся, -- дрожащим голосом прибавила мама, протянула руку к Польке, но сейчас же опустила ее и отвернулась.

-- Дела теперь уже не поправишь! -- опять заговорил отец, видимо, начинавший тяготиться немой сценой отчаяния этих людей. -- Уж надо как-нибудь... Срок не так велик, переживешь. Что же делать?

Матрена тихо отстранила Польку, сделала шаг вперед и молча повалилась барыне в ноги, касаясь лбом пола.

-- Матрена! -- вскрикнула та, и слезы сразу брызнули у нее из глаз. -- Не кланяйся мне, Матрена! Поверь ты мне: я уберегу твою девочку... Не кланяйся в ноги!

Она наклонилась, дотронулась дрожащей рукой до плеча Матрены и сама

опустилась на пол рядом с ней.

-- Надо терпеть... Всем надо терпеть! -- торопливо шептала она. -- Всем надо...

-- Ну довольно, довольно! -- не скрывая своего нетерпения, заговорил отец. -- Я очень огорчен. Я был доволен тобой, Игнат. Отбудешь срок, приходи опять. Возьму. И не беспокойся за дочь. С богом теперь!

Он взял за руку жену и хотел увести ее с собой, но та освободила руку и еще раз крепко обняла Матрену.

-- Надо терпеть! -- шепнула она еще раз;

Матрена встала. Она обвела комнату недоумевающим взглядом и остановилась на Грише. Один миг женщина и мальчик глядели друг другу в глаза, потом Гриша робко опустил ресницы и двинулся вперед.

-- Прощай! -- сказал он очень тихо и очень ласково. Но Матрена продолжала глядеть на него молча, все еще недоумевая над чем-то. Тогда Гриша направился к Игнату. Он протянул руку, Игнат взял ее и вдруг наклонился к самому лицу ребенка.

-- Польку... будешь жалеть? -- спросил он.

-- Буду! -- серьезно и торжественно ответил Гриша и смелым, блестящим взором взглянул в печальные глаза своего друга. Игнат провел рукой по голове мальчика, истово перекрестился на образ и направился к двери.

-- Матрена! -- позвал кто-то из дворни. -- Матрена! Игнат-то вышел. Ждут тебя, поди! Телега у крыльца.

Молодая женщина встрепенулась, тупое выражение недоумения сменилось испугом. Рядом с ней, по-прежнему уткнувшись лицом в складки платья, стояла Полька и дрожала всем телом. Она медленно повернулась и вышла.

Мальчик, сдерживая рыдания, сначала шагом, потом бегом вбежал в детскую и сел опять за кровать, мрачно смотря перед собой. В коридоре послышались шаги отца. Он вошел в детскую и остановился перед Гришей.

-- Что ты тут сидишь? Иди к няньке, -- сказал он. Мальчик молчал и не трогался с места.

-- Гриша! -- строго крикнул отец. -- Тебе я говорю или нет?

Ребенок поднял голову и остановил на нем серьезный, неприязненный и пристальный взгляд.

-- Послушай, -- невольно смягчаясь, заговорил отец, -- ты, кажется, сердишься на меня? Я-то тут при чем? Разве я виноват? Это мне тебя следовало бы хорошенько отчитать: как ты смел кричать на урядника? Да говори же -- нетерпеливо крикнул он, чувствуя, что упорный взгляд сына раздражает и как будто стесняет его.

-- Пусть... -- тихо и спокойно сказал Гриша.

-- Что пусть?

-- Пусть ты меня бранишь. Мне теперь все равно. Отец немного растерялся.

-- Ну прекрасно! -- сказал он. -- А я с тобой теперь и говорить не хочу.

Он повернулся и направился к двери.

-- По-твоему, -- крикнул ему вслед Гриша, -- по-твоему, его вареньем кормить, как няня? Отец остановился.

-- Всякий делает свое дело, -- заметил он, -- исполняет свой долг. Уряднику приказано было ехать за Игнатом, он поехал. Он хороший, добрый человек, а ты обидел его. И ты обидел меня, няньку... За что?

Гриша медленно опустил глаза, и на лице его ясно выразилось недоумение и боль.

-- Нехорошо, брат! -- укоризненно заключил отец и вышел из комнаты.

Гриша сидел неподвижно.

"Нехорошо, брат! -- вспомнился ему укоризненный, почти ласковый голос отца. -- Нехорошо?.. Обидел?.. -- мучительно раздумывал мальчик. -- Я обидел... А они все... Игната... за что?"

Гриша опустил голову и по-детски нахмурился.

"Всякий делает свое дело... А как же вышло такое нехорошее, злое дело?.."

Он поднял глаза, и в его остановившемся взгляде застыл мучительно тяжелый вопрос.

Л. Авилова.

17-е июня

Бедствия войн и военных приготовлений не только не соответствуют тем причинам, которые выставляются в их оправдание, но причины их большей частью так ничтожны, что не стоят обсуждения и совершенно неизвестны тем, которые гибнут в войнах.

1

Безумие современных войн оправдывается династическим интересом, национальностью, европейским равновесием, честью. Оправдание войн

честью самое странное, потому что нет ни одного народа, который не осквернил бы себя во имя чести всеми преступлениями и постыдными поступками. Нет ни одного, который во имя чести не испытал бы всевозможных унижений. Если же и существует честь в народах, то какой же странный способ поддерживать ее войной, т. е. всеми теми преступлениями, которыми бесчестит себя частный человек: поджигательством, грабежами, убийством.

Анатоль Франс.

2

Вы спрашиваете: необходима ли еще война между цивилизованными народами? Я отвечаю: не только "уже" не необходима, но никогда не была необходима. Не иногда, но всегда она нарушала правильное историческое развитие человечества, нарушала справедливость, задерживала прогресс.

Если последствия войн иногда и бывали выгодны для общей цивилизации, то вредных последствий было гораздо больше. Мы не видим их потому, что только часть вредных последствий тотчас же очевидна. Большая часть их, и самые важные, незаметны нам. И потому мы не можем допустить слово "еще". Допущение этого слова дает право защитникам войны утверждать, что спор между нами есть дело только временного соответствия и личной оценки, и разногласие наше тогда сведется к тому, что мы считаем войну бесполезной, тогда как они считают ее еще полезной. Они охотно согласятся с нами, с такой постановкой вопроса и скажут, что война Действительно может сделаться бесполезной и даже вредной только завтра, но не нынче. Нынче же они считают нужным произвести над народом те страшные кровопускания, называемые войнами, которые совершаются только для удовлетворения личных честолюбии самого малого меньшинства.

Потому что такова была и такова теперь единственная причина войн: власть, почести, богатства малого числа людей в ущерб массам, естественное легковерие которых и предрассудки, вызываемые и поддерживаемые этим меньшинством делают войны возможными.

Гастон Мох.

3

Удивительно, до какой степени самое ничтожное несогласие может превратиться в священную войну. Когда Англия и Франция объявили войну России в 1855 году, то это произошло по такому ничтожному обстоятельству, что надо долго рыться в дипломатических архивах, чтобы понять эту причину. А вместе с тем последствием этого странного недоразумения была смерть 500 тысяч добрых людей и израсходование от 5 до 6 миллиардов.

В сущности, причины были, но такие, в которых не признаются. Наполеон III хотел посредством союза с Англией и счастливой войны утвердить свою, преступного происхождения, власть; русские хотели захватить Константинополь; англичане хотели утвердить могущество своей торговли и помешать влиянию русских на Востоке. Под тем или другим видом это всегда тот же дух завоевания и насилия.

Рише.

4

Иногда один властитель нападает на другого из страха, чтобы тот не напал на него. Иногда начинают войну потому; что неприятель слишком силен, а иногда потому, что он слишком слаб, иногда наши соседи желают того, чем мы владеем, или владеют тем, чего нам недостает. Тогда начинается война и продолжается до тех пор, покуда они захватят то, что им нужно, или отдадут то, что нужно нам.

Джонатан Свифт.

5

Ни на каком из поступков людей не видна с такой ясностью сила внушения, подчинения не разуму, а преданию, как на войне. Люди, миллионы людей делают с восторгом, с гордостью дело, признаваемое ими всеми глупым, гадким, вредным, опасным, разорительным,

мучительным, злодейским и ни на что не нужным, знают и повторяют все доводы против этого дела -- и продолжают делать его.

Поводы, выставляемые правительством к войнам и содержанию войск, всегда ширмы, за которыми скрываются совсем другие побуждения.

18-е июня

Сознание долга дает нам сознание божественности нашей души, и, наоборот, сознание божественности нашей души дает нам сознание долга.

1

В нашей душе есть нечто такое, что мы, если обратим на него как следует внимание, будем всегда наблюдать с величайшим удивлением (а где удивление законно, там оно в то же время действует на нашу душу возвышающе), -- это нечто -- первоначальные нравственные наклонности, заложенные в нас.

Кант.

2

Достоинство человека -- в том духовном начале, которое называется иногда разумом, иногда совестью. Начало это, поднимаясь выше местного и временного, содержит несомненную истину и вечную правду. В среде несовершенного оно видит совершенство. Оно всеобще, беспристрастно и всегда в противоречии со всем тем, что пристрастно и себялюбиво в человеческой природе. Это начало властно говорит каждому из нас, что ближний наш столь же драгоценен, как и мы, и что его права столь же священны, как и наши. Оно велит нам воспринимать истину, как бы она ни

противна была нашей гордости, и быть справедливым, как бы это ни было невыгодно нам. Оно же, это начало, призывает нас к тому, что прекрасно, свято и счастливо, в ком бы мы ни встретили эти свойства. *Начало это есть луч божества в человеке*.

Чаннинг.

3

Люди достигают небесной радости, достигают блаженства в телесной жизни. Такие люди чисты, потому что поглощены только желанием доброй жизни. Когда же ум и сердце чисты, то им открывается божество.

Браминская мудрость (Вишну Пурана).

4

Новая, тайная, радостная и сверхъестественная красота представляется человеку, когда сердце его открывается добродетели. Он познает тогда то, что выше его. Он знает тогда, что существо его беспредельно, познает, что, как ни низок он теперь, он рожден для добра, для совершенства. То, что он почитает, уже принадлежит ему, хотя он еще не ощущает его. *Он должен*, -- он знает теперь значение этого великого слова.

Эмерсон.

Голос совести -- голос бога.

19-е июня

Совесть есть сознание своего духовного начала. И только тогда, когда она есть такое сознание, она -- верный руководитель жизни людей.

1

В период сознательной жизни человек часто может заметить в себе два раздельных существа: одно -- слепое, чувственное, и другое -- зрячее, духовное. Слепое, животное, ест, пьет, отдыхает, спит, плодится и движется, как движется заведенная машина; зрячее, духовное, существо, связанное с животным, само ничего не делает, но только оценивает деятельность животного существа тем, что совпадает с ним, когда одобряет эту деятельность, и расходится с ним, когда не одобряет ее.

Зрячее -- это духовное существо, проявление которого в просторечии мы называем совестью, можно сравнить со стрелкою компаса, которая всегда показывала бы одним концом на добро, другим, противоположным, на зло, и не видно нам до тех пор, пока мы не отклоняемся от даваемого им направления, т. е. от добра ко злу. Но стоит сделать поступок, противный направлению совести, и появляется сознание духовного существа, указывающее отклонение животной деятельности от направления, указываемого совестью.

Бог дал вам предание, или сознание всего человечества, и ваше личное сознание, т. е. вашу совесть, как те два крыла, при помощи которых вы можете приближаться и возноситься к нему и познавать истину. Зачем же вы хотите подрезать одно из этих крыльев? Зачем уединяться от мира или поглощаться миром? Зачем заглушать или голос своей совести, или голос человечества? Оба они священны. Бог говорит вам и тем и другим. Каждый раз, как они совпадают, когда голос вашего сознания или совести подтверждается сознанием человечества, вы находитесь в присутствии бога и можете быть уверены, что нашли истину или прочли по крайней мере часть закона бога, так как один голос служит проверкой другого.

Иосиф Мадзини.

3

Люди говорят о предании нравственного учения, или религии, и о совести как о двух раздельных руководителях человека. В действительности же есть только один руководитель -- совесть, потому что только совесть признает или не признает предания нравственного учения, или религии.

4

Совесть! ты -- божественный, бессмертный и небесный голос, ты -- единственный верный руководитель невежественного и ограниченного, но разумного и свободного существа, ты -- непогрешимый судья добра, ты одна делаешь человека подобным богу! От тебя превосходство его природы и нравственности его поступков. Без тебя нет во мне ничего, возвышающего меня над животным, кроме печального преимущества путаться в заблуждениях вследствие беспорядочного рассудка и разума без руководства.

Руссо.

5

Ты молод и переживаешь время увлечений, страстей. Тем более в этой поре слушай голос своей совести, почитай его выше всего. Не отступай от него ни ради похоти, ни ради страсти, ни ради подчинения людским внушениям, обычаям хотя бы их называли законом. Всегда спрашивай себя: согласно ли это с моей совестью? Будь мужественен и самоотвержен ради требований совести. Не бойся того, что разойдешься мнением людей.

Паркер.

6

Человек как будто всегда слышит за собой голос, но может повернуть голову и увидать говорящего. Голос этот говорит на всех языках, управляет

всеми людьми, но никто никогда не видал говорящего. Если только человек станет точно повиноваться этому голосу, примет его в себя так, что не будет более в мыслях отделять себя от него, ему будет казаться, что он сам есть этот голос, он сольется с ним. И чем внимательнее он будет слушать этот голос, тем большая мудрость сообщится ему, и голос этот разрастётся в величественный и торжественный призыв, который откроет ему блаженную жизнь. Но если он занят делами мирскими, а не той истиной, ради которой дела должны быть делами, тогда голос этот становится слаб и слышится только как слабое жужжание.

Эмерсон.

7

От нас зависит, заглушить ли нашу совесть или озариться от нее светом, прислушиваясь к ней: если она повелевает нам сделать что-нибудь и мы этого не исполняем, если она продолжает нас, предупреждать и мы все-таки не внимаем ей, то голос ее начинает мало-помалу ослабевать и, наконец, совершенно замолкает. Поэтому постоянно прислушивайтесь к ней. Не обращая внимания на ничтожные проступки, мы легко можем впасть в большие прегрешения. Незначительные погрешности чаще всего прививают нам опасные привычки. Постараемся пресечь зло, пока оно еще не пустило в нас глубоких корней. Зло и добро возрастают в нас по мере того, как мы допускаем их в наше сердце.

Из "Благочестивых мыслей".

Берегись всего того, что не одобряется твоею совестью.

20-е июня

Было время, когда люди ели человеческое мясо и не находили в этом ничего дурного. И теперь еще есть такие дикие люди. Переставали люди есть человеческое мясо понемногу. Так же и теперь понемногу перестают есть мясо животных, *и очень скоро придет время, когда люди будут чувствовать такое же отвращение к мясу животных, какое они чувствуют теперь к человеческому.*

По Ламартину.

1

Как теперь считается гнусным и позорным подкидывать детей, устраивать бой гладиаторов, мучить пленников и совершать другие зверства, никому не казавшиеся прежде ни предосудительными, ни противными чувству справедливости, так подходит время, когда будет считаться безнравственным и непозволительным убивать животных и употреблять в пищу их трупы.

Д-р Циммерман.

2

Если вы увидите детей, мучающих для своей забавы котенка или птичку, вы останавливаете их и учите их жалости к живым существам, а сами идете на охоту, на стрельбу голубей, на скачку и садитесь за обед, для которого убито несколько живых существ, т. е. делаете то самое, от чего вы удерживаете детей.

Неужели это кричащее противоречие не сделается явным и не остановит людей?

3

Воздержание от мяса все больше и больше распространяется. Едва ли теперь есть сколько-нибудь значительный город, в котором не было бы от

одной до дюжины и более вегетарианских столовых, где готовят пищу без мяса.

Люси Малори.

4

"Мы не можем заявлять прав на животных, существующих на суше, которые питаются одинаковой пищей, вдыхают тот же воздух, пьют ту же воду, что и мы; при их умерщвлении они смущают нас своими ужасающими криками и заставляют стыдиться нашего поступка".

Так думал Плутарх, исключая почему-то водных животных. Мы же по отношению земнородных животных стали далеко позади его.

5

Не поднимай руки против брата твоего и не проливай крови никаких живых существ, населяющих землю, -- ни людей, ни домашних животных, ни зверей, ни птиц; в глубине твоей души вещий голос запрещает тебе проливать кровь, ибо в ней жизнь, а жизнь ты не можешь вернуть.

Ламартин.

В наше время, когда ясна преступность убийства животных для удовольствия или вкуса, охота и мясоедение уже не суть безразличные, но прямо дурные поступки, влекущие за собой, как всякий дурной сознательно совершаемый поступок, много еще худших поступков.

21-е июня

Страдания жизни неразумной приводят к сознанию необходимости разумной жизни.

1

Я, как разбойник, знал, что жил и живу скверно, видел, что большинство людей вокруг меня живет так же. Я так же, как разбойник, знал, что я несчастлив и страдаю и что вокруг меня люди так же несчастливы и страдают, и не видел никакого выхода, кроме смерти, из этого положения. Я так же, как разбойник к кресту, был пригвожден какой-то силой к этой жизни страданий и зла. И как разбойника ожидал страшный мрак смерти после бессмысленных страданий и зла жизни, так и меня ожидало то же.

Во всем этом я был совершенно подобен разбойнику, но различие мое от разбойника было в том, что он умирал уже, а я еще жил. Разбойник мог поверить тому, что спасение его будет там, за гробом, а я не мог поверить этому, потому что, кроме жизни за гробом, мне предстояла еще жизнь здесь. А я не понимал этой жизни. Она мне казалась ужасною. И вдруг я услыхал слова Христа, понял их, и жизнь и смерть перестали мне казаться злом, и вместо отчаяния я испытал радость и счастие жизни, не нарушимые смертью.

2

Большинство людей -- блудные сыновья и дочери, которые растрачивают свои жизненные силы и средства на то, что не имеет никакой цены. Они отходят все дальше и дальше от "отчего дома", питаясь, как блудный сын, рожками; наконец, духовная бедность заставляет их вернуться к "отчему дому", и им приходится тогда, как младенцам, с самого начала изучать путь истинной жизни.

Люси Малори.

3

Тремя путями мы познаем мудрость: *размышлением*-- самый благородный путь; *подражанием* -- это самый легкий и третий, *опытный*

-- это самый тяжелый.

Конфуций.

4

При всяком постигшем тебя страдании думай не столько о том, как тебе избавиться от страдания, сколько о том, чего, каких усилий для нравственного совершенствования оно требует от тебя.

Все бедствия и всего человечества и отдельных людей не бесполезны и ведут человечество и людей, хотя и окольным путем, все к той же одной цели, которая поставлена людям: проявлению Бога каждым человеком в себе и во всем человечестве.

22-е июня

Истинная религия одна для всех людей.

1

Дурно то, что люди не знают бога, но хуже всего то, что люди признают богом то, что не есть бог.

Лактанций.

2

Различие религий -- какое странное выражение! Конечно, могут быть различные веры в исторические события, передаваемые от поколения к поколению для укрепления религии. Точно так же могут быть и различные религиозные книги (Зендавеста, Веды, Коран и т. д.). Но может быть только одна действительная для всех времен *религия*. Все же различны веры не могут содержать в себе ничего иного, как только вспомогательное средство для религии, которое является случайно и может быть различным, смотря по различию времен и места.

Кант.

3

Верить можно только в то, про что мы знаем, что оно несомненно есть, но чего мы не можем обнять разумом и выразил словами.

4

Большинству людей мы оказываем слишком много чести, когда говорим про них, что они исповедуют ту или иную религию. Ибо они не знают и не ищут никакой религии; уставная церковная вера -- вот все, что они подразумевают под этим словом. И так называемые религиозные войны, которые так часто потрясали мир и заливали его кровью, никогда не были не чем иным, как только препирательствами из-за церковной веры; и люди, жаловавшиеся на религиозные угнетения, жаловались, в сущности, не на то, что им препятствовали принадлежать к их религии, ибо этого не может сделать никакая внешняя сила, а на то, что им не позволяли следовать публично их церковной вере.

Кант.

5

Утверждение о том, что ты во лжи, а я в истине, есть самое жестокое

слово, которое может один человек сказать другому, в особенности когда это касается самого важного на свете дела. А между тем это самое говорят друг другу люди, спорящие о религии.

6

Если ты мусульманин, иди и живи с христианами; если христианин -- живи с евреями; если католик -- живи с православными. Какая бы ни была твоя религия, общайся с людьми других верований. Если речи их не возмущают тебя и ты можешь свободно общаться с ними, ты достиг мира. Гафиз сказал: предмет всех религий один и тот же; все люди ищут любви, и весь мир есть обиталище любви, зачем же говорить о мечети или о церкви!

Суфийская мудрость.

7

Истинно верующий человек -- не тот, который слепо следует известному учению или Библии, а тот, который полагает свою веру в чистой совести и ясной мысли -- вернейших выразителях воли бога.

Герберт Бигелов.

Не бойтесь сомнений -- смело исследуйте разумом предлагаемые вам положения веры.

23-е июня

Свободным может быть только тот, кто сущность жизни своей полагает

не в телесной, а в духовной жизни.

1

Раб, довольный своим положением, вдвойне раб, потому что не одно его тело в рабстве, но и душа его.

Бурке.

2

Если люди делают зло, они делают зло самим себе; тебе же они не могут сделать зла. Ты рожден не для того, чтобы творить зло и грешить вместе с людьми, но для того, чтобы помогать им в добрых делах и в этом находить свое счастье.

Знай и помни, что если человек несчастен, то он сам в этом виноват, потому что бог создал всех людей для их счастья, а не для того, чтобы они были несчастны.

Из всего того, что бог предоставляет нам в этой жизни, он одну часть отдал в наше полное распоряжение: она составляет как бы нашу собственность; другая же часть находится вне нашей власти, так сказать, не принадлежит нам: все, что другие могут связать, насиловать, отнять у нас, не принадлежит нам, а все то, чему никто и ничто не может помешать и повредить, составляет нашу собственность. И бог по своей благости дал нам в нашу собственность как раз то, что и есть настоящее благо. Значит, бог не враг нам; он поступил с нами как добрый отец: он не дал нам только того, что не может дать нам блага.

И потому мудрый человек заботится только о том, чтобы исполнять волю божию, и размышляет о глубине своей души так: если ты желаешь, господи, чтобы я еще жил, то я буду жить так, как ты велишь, буду распоряжаться тою свободой, которою ты дал мне во всем, что принадлежит мне.

Но если я тебе больше не нужен, то пусть будет по-твоему.

Я до сих пор жил на земле единственно для того, чтобы служить тебе; если же ты пошлешь мне смерть, то я уйду из мира, повинуясь тебе, как служитель, понимающий приказания и запрещения своего хозяина. А пока я остаюсь на земле, я хочу быть тем, чем ты хочешь, чтобы я был.

Эпиктет.

3

Мир -- великое благо, но если мир достигается рабством, то он становится не благом, а бедствием. Мир -- это свобода, основанная на признании прав всякого человека, рабство -- это отрицание прав человека, его человеческого достоинства. И потому, надо жертвовать всем для достижения мира и еще больше для избавления от рабства.

По Цицерону.

4

Помни, что изменить свое мнение и следовать тому, что исправляет твою ошибку, -- более соответствует свободе, чем настойчивость в своей ошибке.

Марк Аврелий.

5

Я назову только ту душу свободной, которая действует по внутренним мотивам неизменных начал, свободно воспринятых ею. Я назову свободной только ту душу, которая не подчиняется рабству обычая, которая не довольствуется старыми, приобретенными добродетелями, которая не замыкается в определенные правила, которая забывает то, что позади, а прислушивается к призывам совести и радуется тому, что может стремиться к новым и высшим задачам.

Channing.

6

Только та есть действительная обязанность, которая не имеет целью наше рабство. Только то есть знание, которое содействует нашей свободе.

Всякая другая обязанность -- только новое ярмо. Всякое другое знание -- только праздная выдумка.

Вишну Пурана.

Нет середины: будь рабом бога или людей.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ДОБРОВОЛЬНОЕ РАБСТВО (1)

Врачи советуют не заниматься неизлечимыми ранами; и я боюсь, что я поступаю глупо, желая давать советы народу, который давно потерял всякое понимание и который тем, что не замечает уже своей болезни, показывает, что болезнь его смертельна.

(1) Этьен де ла Боэти родился в 1530 г. и 16-ти лет написал речь о добровольном рабстве, выдержка из которой здесь приводится. Де ла Боэти был членом суда в Бордо и близким другом Монтэня. Монтэнь высоко ценил его как писателя и как человека и составил описание его болезни и смерти. Де ла Боэти умер в 1563 году. Издатель его речи прекрасно говорит о ней, что чтение таких речей есть питание тем мозгам костей львов (moëlle de lion), которого, к несчастию, лишены современные поколения.

Прежде всего несомненно то, что если бы мы жили теми правилами и поучениями, которые дала нам природа, то мы были бы покорны своим родителям, подчинялись бы разуму и не были бы ничьими рабами. О повиновении каждого своему отцу и матери свидетельствуют все люди -- каждый сам в себе или для себя. О разуме же я думаю, что он есть естественное свойство души, и если люди поддерживают его в себе, то он расцветает в добродетель.

Но в чем нельзя сомневаться и что вполне ясно и очевидно, это то, что природа сделала нас всех одинаковыми, -- как бы вылила в одну форму, -- с тем чтобы мы считали друг друга товарищами или, скорее, братьями; и если при дележе наших способностей она дала некоторым телесные и духовные преимущества, то она все-таки не хотела посеять вражды между нами, не хотела, чтобы более сильные и умные, как разбойники в лесу, нападали бы на слабых; но скорее, надо думать, что, наделив одних большими способностями в сравнении с другими, она создала тем самым возможность братской любви, в силу которой более сильные помогали бы тем, которые нуждаются в их помощи.

И если эта добрая мать-природа дала нам один и тот внешний вид для того, чтобы каждый мог видеть и узнавать себя в другом; если она всем нам дала великий дар слова для того, чтобы мы, сделав обычай из взаимного обмена мыслей и общения наших воль, узнавали друг друга и сближались все более и более; если она старалась всеми средствами объединить и сплотить наше общество, связав его при помощи общения как бы в крепкий узел, и так как, наконец, это ее стремление к объединению подтверждается и природой всех вещей в мире, то нет сомнения, что мы должны быть сотоварищами и что никто не может думать, чтобы природа одними определила быть рабами, а другим -- господами.

И поистине излишне разбирать, естественна ли свобода, так как никто не может не чувствовать страданий, находясь в рабстве, и нет на свете ничего столь невыносимого, как унижение. Следовательно, нужно признать, что свобода, естественна и что нам от рождения свойственна не только свобода, но и потребность защищать се. Но если бы случилось, что мы усомнились бы в этом или до такой степени загрубели, что утеряли бы способность познания нашего блага и естественных наших стремлений, то удостоились бы чести поучиться этому самому у грубых животных. Животные, если люди окажутся не слишком глухи, будут кричать им: "Да здравствует свобода!" В самом деле, многие из них умирают, лишь только их лишают свободы. Другие -- и большие и малые, -- когда их ловят, отбиваются всеми силами: и клювом, и когтями, и рогами, показывая этим, как они дорожат тем, что теряют, когда же они пойманы, показывают весьма недвусмысленно, насколько они сознают свое Несчастие, и

продолжают свою жизнь больше для того, чтобы сокрушаться о потерянном, чем для того, чтобы довольствоваться своим рабством. Мы приучаем коня к службе чуть не с самого его рождения; но сколько бы мы ни ласкали его, когда дело приходит к тому, чтобы смирить его, он начнет кусать удила и рваться как бы для того, чтобы хоть этим показать, что служит он не по собственному желанию, но по нашему принуждению. Так что все существа, которые имеют чувства, сознают зло подчинения и стремятся к свободе. Животные, которые ниже человека, не могут привыкнуть покоряться иначе, как против воли. Что же за странное явление, что один только человек до такой степени изменил своей природе, что, рожденный для того, чтобы жить свободно, потерял даже воспоминание о свободе и желание возвратить ее!

Есть три рода тиранов (я говорю о злых государях): одни властвуют по выбору народа, другие -- по силе оружия, третьи -- по наследству. Те, которые властвуют по праву войны, держат себя так, что видно, что они властвуют по праву победы. Те, которые рождены государями, не лучше первых: будучи воспитаны в преданиях, тирании, они с молоком матери всасывают природу тиранов, пользуются подчиненными им народами как унаследованными рабами; смотря по своему расположению -- корыстолюбивы ли они или расточительны, -- они распоряжаются государством как .своим наследством. Тот же, который получил свое право от народа, казалось, должен бы был быть более способен; и я думаю, он был бы таким, если бы он не чувствовал себя превознесенным над другими, если бы не был окружен лестью, и тем, что называют величием, с которыми он не хочет расстаться, если бы он не пользовался своею властью для того, чтобы передать ее своим детям. И странное дело, эти самые государи, властвующие по выбору народа, превосходят всех других тиранов всякого рода пороками и даже жестокостью. Помимо усиления рабства -- урезывания свободы у своих подданных, той свободы, которой и без того так мало у них осталось, -- они не видят иных средств утверждения своей власти. Так что, говоря по правде, хотя я и вижу некоторое различие между указанными мною тремя родами тиранов, однако, в сущности, они все одинаковы, и хотя достигают власти различными путями, однако способ властвования у них всегда один и тот же. Что же касается завоевателей, то они считают, что на завоеванных они имеют такое же право, как на свою добычу. Наследники же их поступают с подданными, как со своими естественными рабами.

Но если бы в наше время родились люди совсем новые, не привыкшие ни к подчинению, ни к свободе, -- люди, которые не знали бы ни того ни другого, и если бы этим людям предложили одно из двух: или быть подданными, или жить свободно, -- что бы они выбрали? Нетрудно решить, что они предпочли бы повиноваться лучше одному разуму, чем

служить одному человеку. Но это только в том случае, если бы они не были похожи на тех израильтян, которые без принуждения и без всякой надобности создали себе тирана. Историю этого народа я никогда не читаю без чувства досады, которое доводит меня до того, что я делаюсь бесчеловечен и радуюсь тем бедствиям, которые израильтяне сами на себя накликал Что же касается до всех людей, то в той мере, в которой они -- люди, нужно одно из двух для того, чтобы их подчинить, -- нужно или принудить, или обмануть их.

Удивительно, как народ, как скоро он подчинен, впадает тотчас же в такое забвение свободы, что ему трудно проснуться, чтобы возвратить ее. Он служит так охотно, что, глядя на него, думаешь, что он потерял не свободу свою, а свое рабство. Правда, что сначала люди бывают принуждаемы и побеждаемы силой; но следующее поколение, никогда не видавшее свободы и не знающее, что это такое, служит уже без сожаления и добровольно делает то, что его предшественники делали по принуждению. От этого люди, рожденные под игом и потому воспитанные в рабстве, принимают за естественное состояние то, в котором они родились, принимают его, не заглядывая вперед, а довольствуясь жизнью в том положении, а каком они родились, и не думая добиваться ни иных прав, ни иных благ, кроме тех, которые они находят. Ведь как бы ни был расточителен и небрежен наследник, он все же когда-нибудь да просмотрит свои акты наследства, чтобы узнать, всеми ли своими правами он пользуется, не отняли ли чего-нибудь у него или у его предшественника. Но привычка, которая вообще имеет над нами великую власть, ни в чем не имеет над нами такой силы, как в том, чтобы научить нас быть рабами и приучить с легкостью проглатывать горький яд рабства подобно Митридату, понемногу приучившему себя к самоотравлению.

....

Во всех странах и во всяком воздухе противно рабство и приятна свобода, и потому надо жалеть тех, которые родились с игом на шее. Но надо и извинять таких людей, так как они никогда не видали даже тени свободы и потому не замечают всего зла рабства. Ведь никто не сожалеет о том, чего никогда не имел, и приходит сожаление только после потерянного удовольствия.

Для человека естественно быть свободным и желать быть им, но вместе с тем его природа такова, что он привыкает ко всему.

Итак, мы скажем, что человеку естественны все вещи, к которым он привыкает. Так что первая причина добровольного рабства есть привычка -- та привычка, по которой самые лучшие кони сначала грызут свои удила,

а потом играют ими, сначала рвутся из-под седла, а под конец как бы с гордостью гарцуют в своей сбруе. Люди говорят, что они всегда были подданными, что их отцы жили таковыми, -- думают, что должны переносить неволю, заставляют себя верить в это и на основании давности оправдывают власть тех, которые их тиранят. Но среди таких покорных встречаются и благородные люди, которые, чувствуя тяжесть ига, желают свергнуть его и никогда не привыкают к подчинению. Эти люди, как Улисс, который на море и на земле желал видеть дым своего родного очага, помнят о своих естественных правах и о свободных своих предках; обладая ясным пониманием и проницательным умом, они не довольствуются, подобно грубой толпе, только тем, что у них под ногами, но имеют головы на плечах, -- головы, воспитанные образованием и наукой. И эти люди, если бы свобода совсем покинула мир, если бы навсегда была потеряна для людей, все-таки чувствовали бы ее в своем духе и любили бы ее, так как рабство им всегда противно, как бы его ни наряжали.

Турецкий султан догадался об этом. Он решил, что книги и ученье более всего пробуждают в людях сознание самих себя и ненависть к тирании. Говорят, что в его владениях есть только такие ученые, которые ему нужны. И от этого, как бы ни были многочисленны люди, сохранившие в себе, несмотря ни на что, преданность свободе, они при всем их желании и рвении не имеют никакого влияния; и это потому, что, при полном отсутствии свободы говорить и даже думать, они не могут знать друг друга.

Итак, главная причина, по которой люди добровольно отдаются в рабство, в том, что они рождаются и воспитываются в этом положении. От этой причины происходит и другая -- та, что под властью тиранов люди легко делаются трусливыми и женственными. Тиран никогда не думает, чтобы его власть была прочная, и потому старается, чтобы под его властью не было ни одного достойного человека.

Эта хитрость, при помощи которой тираны одуряют своих подданных, ни на чем так ясно не обнаруживается, как на том, что сделал Кир с лидийцами после того, как завладел их главным городом Лидией и взял в плен Креза, этого богатого государя, и увез его с собой. Когда ему объявили, что лидийцы возмутились, он скоро вновь покорил их; но не желая разрушать такой прекрасный город и постоянно держать там армию, чтобы сохранять его за собой, он придумал другое средство: он устроил там увеселительные места, трактиры, публичные дома, зрелища и сделал предписание, чтобы все жители пользовались всем этим. И этот способ оказался столь действительным, что после этого ему уже не нужно было воевать с лидийцами. Эти несчастные люди забавлялись тем, что придумывали разные новые игры; так что римляне от них заимствовали

слово, которым мы называем провождением времени: "ludi".

Тираны не признают открыто того, что они хотят развратить своих подданных, но то, что Кир откровенно применив то в действительности делают все. Так как свойство простого народа в городах таково, что он бывает подозрителен лишь тем, которые его любят, и прост и податлив по отношению к тем, которые его обманывают. Не думаю, чтобы нашлась какая-либо птица, которая бы лучше ловилась на приманка или рыба, которая лучше попадала бы на крючок, чем все на роды попадаются в рабство из-за малейшего перышка, которым им, как говорится, помажут по губам (так что надо удивляться, как они легко поддаются, лишь только пощекочут их). Театры, игры, представления, шутовства, гладиаторы, странные животные, картины и другие подобные глупости составляли для древних приманку рабства, цену их свободы и оружие тирании. Таковы были приемы приманок древних тиранов, употреблявшиеся ими с целью усыпления их подданных под их игом. Таким образом, одуренные этими забавами, увеселяемые пустыми зрелищами, устраиваемыми перед их глазами, народы привыкали рабствовать не хуже, чем малые дети, которые выучиваются читать лишь для того, чтобы знать содержание блестящих картинок в книжках.

Ассирийские цари и после них мидийские показывались народу по возможности реже, чтобы народ думал, что они представляют из себя нечто необычайно великое, и чтобы так и оставался в этом заблуждении, ибо людям свойственна преувеличивать в своем воображения то, чего они не могут видеть. Таким образом, народы, наводившиеся под властью ассирийского владычества, были приучены рабствовать при помощи этой тайны и тем охотнее рабствовали, чем меньше знали своего господина; а иногда и совсем не знали, есть ля он, и все по доверию боялись того, кого никто не видал. Первые цари Египта показывались не иначе, как имея иногда ветку, а иногда огонь на голове, и выходили в масках и этим возбуждали в своих подданных уважение и удивление; тогда как люди, не слишком раболепные и глупые, мне кажется сочли бы их только забавными и смешными. Прямо жалки, и ничтожны те уловки, которыми пользовались тираны древности ради утверждения своей тирании в народе, столь податливом на их обманы. Не было такой сети, в которую не попадался бы народ; и никогда тираны легче не обманывали народ, легче не подчиняли его, как когда сами смеялись над ним. Итак, было ли такое время, когда бы тираны, ради утверждения своей власти, не приучали народ не только к повиновению и рабству, но и к обожанию?

Все, что я сказал до сих пор о том, как тираны учат людей повиноваться им, касается простого и грубого народа.

Теперь же я подхожу к вопросу, который составляет секрет и главное оружие тирании. Тот, кто думает, что тираны охраняют, себя оружием

стражи и орудиями крепости, тот очень заблуждается; правда, они пользуются этим, но больше для формы и для страха, чем на самом деле полагаются на них. Телохранители не допускают во дворцы не тех людей, которые опасны, а лишь тех ничтожных людей, которые не могут причинить тирану никакого вреда.

Если мы подсчитаем число убитых римских императоров, то увидим, что их телохранители не столько избавляли их от опасностей, сколько убивали их. Не оружие и не вооруженные люди -- конные и пешие -- защищают тиранов, но, как ни трудно этому поверить, три или четыре человека поддерживают тирана и держат для него всю страну в рабстве. Всегда круг приближенных тирана состоял из пяти или шести человек; эти люди или сами вкрадывались к нему в доверие, или были приближаемы им, чтобы быть соучастниками его жестокостей, товарищами его удовольствий, устроителями его наслаждений и сообщниками его грабительств. Эти шестеро заставляют своего начальника быть злым не только его собственной, но еще и их злостью. Эти шестеро имеют шестьсот, находящихся под их властью и относящихся к шестерым так же, как шестеро относятся к тиранам. Шестьсот же имеют под собой шесть тысяч, которых они возвысили, которым дали управление провинциями или денежными делами, с тем чтобы они служили их корыстолюбию и жестокости и чтобы делали зло, которое может продолжаться только при них и только ими избавляется от законной кары. За этими следует еще большая свита. И тот, кому охота забавляться -- распутывать эту сеть, увидит, что не только шесть тысяч, но сотни тысяч, миллионы скованы этой цепью с тираном. Ради этого умножаются должности, которые все суть поддержка тирании, и все занимающие эти должности люди имеют тут свои выгоды, и этими выгодами они связаны с тиранами, и людей, которым тирания выгодна, такое множество, что их наберется почти столько же, сколько тех, которым свобода была бы радостна. И как доктора говорят, что если есть в нашем теле что-нибудь испорченное, то тотчас же к этому больному месту приливают все дурные соки, так же точно и к государю как скоро он делается тираном, собирается все дурное -- все подонки государства, куча воров и негодяев, не способных ни на что, но корыстолюбивых и алчных, -- собираются, чтобы участвовать в добыче, чтобы быть под большим тираном маленькими тиранятами. Так делают большие грабители и знаменитые корсары. Одни делают разведки, другие останавливают путешественников; одни караулят, другие в засаде; одни убивают, другие грабят, и хотя между ними есть различие, ибо одни -- слуги, а другие -- начальники, -- все они участники в добыче.

Так что тиран подчиняет одних подданных посредством других и бывает охраняем теми, которых, если бы они не были негодяи, он бы должен был опасаться. Но, как говорится, "чтобы колоть дрова, делают клинья из того

же дерева", -- так и его телохранители таковы же, как и он. Бывает, что и они страдают от него; но эти оставленные богом, потерянные люди готовы переносить зло, только бы им быть в состояний делать его не тому, кто делает зло им, но тем, которые переносят его и не могут иначе.

Ла Боэти.

ОРЕЛ

Проживал у нас тоже некоторое время в остроге орел (Карагуш), из породы степных, небольших орлов. Кто-то принес его в острог раненого и измученного. Вся каторга обступила его; он не мог летать: правое крыло его висело по земле, одна нога была вывихнута. Помню, как он яростно оглядывался кругом, осматривая любопытную толпу, и разевал свой горбатый клюв, готовясь дорого продать свою жизнь.

Когда на него насмотрелись и стали расходиться, он отковылял, хромая, прискакивая на одной ноге и помахивая здоровым крылом, в самый дальний конец острога, где забился в углу, плотно прижавшись к палям. Тут он прожил у нас месяца три и во все время ни разу не вышел из своего угла. Сначала приходили часто глядеть на него, натравливали на него собаку. Шарик кидался на него с яростью, но, видимо, боялся подступить ближе, что очень потешало арестантов.

-- Зверь! -- говорили они, -- не дается!

Потом и Шарик стал больно обижать его; страх прошел, и он, когда натравливали, изловчался хватать его за больное крыло. Орел защищался изо всех сил когтями и клювом и гордо и дико, как раненый король, забившись в свой угол, оглядывал любопытных, приходивших его рассматривать. Наконец всем он наскучил, все его бросили и забыли, и, однако ж, каждый день можно было видеть возле него клочки свежего мяса и черепок с водой. Кто-нибудь да наблюдал же его. Он сначала есть не хотел, не ел несколько дней; наконец стал принимать пищу, но никогда из рук или при людях.

Мне случалось не раз издали наблюдать его. Не видя никого и думая, что он один, он иногда решался недалеко выходить из угла и ковылять вдоль паль, шагов на двенадцать от своего места, потом возвращался назад, потом опять выходил, точно делал моцион.

Завидя меня, он тотчас же изо всех сил, хромая и прискакивая, спешил на свое место и, откинув назад голову; разинув клюв, ощетинившись, тотчас

же приготовлялся к бою. Никакими ласками я не мог смягчить его: он кусался и бился, говядины от меня не брал и все время, бывало, как я над ним стою, пристально-пристально смотрит мне в глаза своим злым пронзительным взглядом. Одиноко и злобно он ожидал смерти, не доверяя никому и не примиряясь ни с кем.

Наконец арестанты точно вспомнили о нем, и хоть никто не заботился, никто и не поминал о нем месяца два, но вдруг во всех точно явилось к нему сочувствие. Заговорили, что надо вынести орла.

-- Пусть хоть околеет, да не в остроге, -- говорили одни.

-- Вестимо, птица вольная, суровая, не приучишь к острогу-то, -- поддакивали другие.

-- Знать, он не так, как мы, -- прибавил кто-то.

-- Вишь, сморозил: то птица, а мы, значит, человеки.

-- Орел, братцы, есть царь лесов... -- начал краснобай Скуратов, но его на этот раз не стали слушать,

Раз после обеда, когда пробил барабан на работу, взяли орла, зажав ему клюв рукой, потому что он начал жестоко драться, и понесли из острога.

Дошли до вала. Человек двенадцать, бывших в этой партии, с любопытством желали видеть, куда пойдет орел. Странное дело: все были чем-то довольны, точно отчасти сами они получили свободу.

-- Ишь, собачье мясо: добро ему творишь, а он все кусается! -- говорил державший его, почти с любовью смотря злую птицу.

-- Отпущай его, Микитка!

-- Ему, знать, черта в чемодане не строй. Ему волю подавай, заправскую волю-волюшку.

Орла бросили с валу в степь. Это было глубокою осенью, в холодный и сумрачный день. Ветер свистал в голой степи и шумел в пожелтелой, иссохшей, клочковатой степной траве Орел пустился прямо, махая больным крылом и как бы торопясь уходить от нас куда глаза глядят.

Арестанты с любопытством следили, как мелькала в траве его голова.

-- Вишь его! -- задумчиво проговорил один.

-- И не оглянется! -- прибавил другой.

-- Ни разу-то, братцы, не оглянулся, бежит себе!

-- А ты думал, благодарить воротится? -- заметил третий.

-- Знамо дело, воля! Волю почуял.

-- Слобода, значит.

-- И не видать уж, братцы...

-- Чего стоять-то? Марш! -- закричали конвойные; и все молча поплелись на работу.

Ф. М. Достоевский (из "Записок из Мертвого дома").

24-е июня

Памятование о смерти учит человека выбирать из предстоящих дел такие, которые всегда закончены. А эти дела -- самые нужные.

1

Говорят, что в человеке особенно сильно желание сохранения своей жизни. Это справедливо. Но большая доля этого желания воспитана людьми. Человек по природе своей заботится о сохранении своей жизни только в той мере, в которой он имеет для этого средства. Как только он чувствует себя лишенным этих средств, он успокаивается я перестает бесполезно мучиться. Средство покорности дано нам самой природой. Дикие, так же как и животные, не отбиваются от смерти и переносят ее без жалоб. Когда же это средство утеряно, устанавливается другое, происходящее от разума, но немногие пользуются им.

Руссо.

2

Как скоро тебе придется умереть! А все еще ты не можешь освободиться от притворства и страстей, не можешь отстать от предрассудка считать, что мирское внешнее может вредить человеку, не можешь сделаться кротким со всяким.

Марк Аврелий.

3

Разумный человек думает больше о жизни, чем о смерти.

Спиноза.

4

Для духа нет смерти, и потому живущий духовной жизнью человек свободен от смерти.

5

Если хочешь привыкнуть без страха помышлять о смерти, то попробуй всмотреться и живо войти в положение тех людей, которые из всех сил привержены были к жизни. Им представлялось, что смерть постигла их преждевременно. Между тем самые долголетние, похоронившие многих, наконец все-таки умерли. Как краток этот промежуток времени, как много вмещается в нем горя, зла и как хрупок сосуд жизни!

Стоит ли говорить об этом мгновении! Подумай -- за тобой вечность, впереди тоже вечность. Между этими двумя безднами, какую может для тебя составить разницу -- проживешь ли ты три дня или три века.

Марк Аврелий.

6

Загромождение мешает свободе, а загромождение происходит от откладывания. Уметь быть готовым -- значит уметь кончать. Ничто не сделано, что не окончено. Дела, которые мы оставляем за собой, впоследствии опять восстанут перед нами и затруднят наш путь. Пусть каждый наш день управится с тем, что его касается, очистит свои дела, пусть бережет последующий день, и тогда мы всегда будем готовы. Уметь быть готовым -- в сущности значит уметь умереть.

Амиель.

7

Часто говорят: "Мне уже не к чему, мне уже помирать пора". Все, что не к чему, потому что помирать пора, не к чему было и когда-либо делать. А есть дело, которое всегда нужно и, чем ближе к смерти, тем нужнее, -- дело души: растить, воспитывать душу.

8

При каждом разрешении вопроса: поступать так или этак? -- спроси себя, как бы ты поступил, если бы знал, что ты умрешь к вечеру, и притом никто никогда не узнал бы о том, как ты поступил.

Смерть учит людей умению кончать свои дела. Из всех же дел есть только один род дел, которые всегда вполне закончены, -- это дела любви, не ищущей награды.

25-е июня

Чем свободнее человек от угождения людям, от тщеславия, тем легче ему служить богу, и наоборот.

1

Живи не так, чтобы другие думали о тебе известным образом, а чтобы ты сам думал о себе хорошо.

Люси Малори.

2

Те самые недостатки, которые в других тяжелы и несносны, в нас самих точно и ничего не весят: их не чувствуешь; некоторые, говоря о другом и представляя его в ужасном виде, не замечают, что рисуют самих себя.

Ничто быстрее не исправляло бы нас от наших недостатков, как если бы мы были в силах видеть в других самих себя. На таком расстоянии увидав наши недостатки, каковы они в действительности, мы возненавидели бы их, как они того стоят.

Лабрюйер.

3

Успокоение добрых -- в их совести, а не в устах людей.

4

Человек обладает непреодолимым стремлением верить, что его не видят, когда он ничего не видит, -- как дети, которые закрывают глаза, чтобы их не увидали.

Очень полезно представить себе то впечатление, которое наша жизнь, наши поступки производят на других.

5

Самое быстрое и верное средство прослыть добродетельным человеком -- это работать над собой, с тем чтобы быть им. Рассмотрите все добродетели, и вы увидите, что все они увеличиваются трудом и упражнением.

Беседы Сократа.

6

Осуждают того, кто молчит; осаждают того, кто много говорит; осуждают и того, кто мало говорит. Нет того человека, которого бы не осуждали.

Дхаммапада.

7

Похвальная черта в человеке -- это стыдливость: стыдливый не скоро согрешит.

8

Никогда не оправдывайтесь.

9

Предпочитай чужого человека, любящего правду, своим ближним, не уважающим ее.

Демофил.

10

Назовете ли вы счастливым того человека, который полагает свое счастье в детях своих, в друзьях, в вещах непрочных и гибнущих? В одно мгновение может рухнуть все его благополучие. Не признавайте другой опоры себе, кроме вас самих и божества.

Демофил.

11

Тщеславие есть чувство самое несообразное с истинной горестью, и вместе с тем чувство это так крепко привито к натуре человека, что очень редко даже самое сильное горе изгоняет его.

Тщеславие в горести выражается желанием казаться или огорченным, или несчастным, или твердым; и эти низкие желания, в которых мы не признаемся, но которые почти никогда -- даже в самой сильной печали -- не оставляют нас лишают нас того сострадания, которое обыкновенно вызывает в людях горе ближнего.

К самым добрым, поступкам примешивается доля тщеславия, желания похвалы людской. Это желание безвредно только тогда, когда человек может сказать себе, что, заслужи он за свое поведение порицание вместо похвалы, он не изменил бы его.

26-е июня

Любовь показывает человеку цель его жизни; разум показывает средства исполнения ее.

1

Солнце непрестанно изливает свой свет на весь мир, но свет его не исчерпывается этим; точно так же должен светить твой разум, разливаясь по всем направлениям. Он льется всюду, не исчерпываясь, и, когда встречает препятствие, не должен проявлять ни раздражительности, ни гнева, а освещать спокойно все то, что жаждет принять его, не падая, не утомляясь, покрывая все обращенное к свету и вставляя в тени только то,

что само отвращается от лица его.

Марк Аврелий.

2

В сравнении с окружающим его миром человек -- не более как слабый тростник; но он -- тростник, одаренный разумением.

Какого-нибудь пустяка достаточно, чтобы убить человека. И все-таки человек выше всяких тварей, выше всего земного, потому что он и умирая будет разумом своим сознавать, что он умирает. Человек может сознать ничтожество своего тела перед природою. Природа же ничего не сознает.

Все наше преимущество заключается в нашей Способности разуметь. Одно только разумение возвышает нас над остальным миром. Будем же ценить и поддерживать наше разумение, и оно осветит нам всю нашу жизнь, укажет нам, в чем добро, в чем зло.

Паскаль.

3

Человек отличается от животных лишь своим разумом. Иные развивают его, но многие пренебрегают им: точно как будто хотят отречься от того, что отличает их от скотов.

Восточная мудрость.

4

Я прославляю христианство потому, что оно расширяет, усиливает и возвышает мою разумную природу. Если бы я не мог оставаться разумным, будучи христианином, то я не колебался бы в выборе. Я чувствую себя обязанным пожертвовать ради христианства собственностью, славой и

жизнью, но ни для какой религии я не должен жертвовать тем разумом, который возвышает меня над животным и делает меня человеком. Я не знаю большего святотатства, как отречение от высшей способности, полученной от бога. Поступая так, мы противопоставляем нашу телесную природу тому божественному началу, которое живет в нас. Разум есть высшее выражение нашей мыслящей природы. Он соответствует единству бога и вселенной и стремится сделать душу отражением, зеркалом высшего единства.

Чаннинг.

Если бы у человека не было разума, он бы не мог отличать хорошее от дурного, не мог бы искать истинного блага и обладать им.

27-е июня

Добрая жизнь дается только тому, кто не переставая старается о ней.

1

Для того чтобы добиться доброй жизни, надо не брезгать никаким добрым делом. Нужно не менее силы для маленьких добрых дел, чем для самого большого и громкого хорошего дела.

2

Царство небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его.

Мф. гл. 11, ст. 12.

3

Если человек знает, в чем добродетель, и не делает того, чего она требует от него, то он делает то же, что путешественник, если он, зная, что, только продолжая путь, он найдёт пристанище и пищу, остановится и будет дожидаться того, чтобы пристанище само пришло к нему.

4

Чтобы не пролить полный сосуд, нужно внимательно держать его прямо.
Чтобы лезвие было остро, нужно постоянно точить его.
То же и с твоей душой, если ты ищешь истинного блага.

Лао-Тсе.

5

Если и есть великое и доброе для вас, оно не явится к вам по первому или второму зову, не явится к вам легко, без труда и усилия.

Эмерсон.

6

Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам. Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят.

Мф. гл. 7, ст. 7--8.

7

Старайтесь жить жизнью, наиболее соответствующей добродетели, говорил Пифагор. Она может быть наиболее трудною, но по мере привычки к ней она становится наиболее радостной.

8

Животным бог дал все, что им нужно. Но человеку он не дал этого, человек сам должен добыть все, что ему необходимо. Высшая мудрость человека не родилась вместе с ним, он должен трудиться, чтобы достичь ее, и чем более его труды, тем более награда. Он не может приблизиться к совершенной мудрости, если он не сделает великого усилия.

Таблички бабидов.

Если хочешь блага, исполняй закон бога. Исполнение же закона бога возможно только усилием. Усилие не только вознаграждается радостной жизнью, но само усилие дает самое большое благо жизни.

28-е июня

Семейная связь только тогда тверда и дает благо людям, когда она не только семейная, но и религиозная, когда все члены семьи верят одному богу и закону его.

Без этого семья -- источник не радости, но страдания.

1

Эгоизм семейный жесточе эгоизма личного. Человек, который устыдится пожертвовать благами другого для себя одного, считает своей

обязанностью пользоваться несчастием, нуждою людей для блага семьи.

2

Самое обычное и несправедливое оправдание своих дурных поступков,-- это благо семьи.

Скаредность, взяточничество, угнетение рабочих, нечестные промыслы -- все это оправдывается любовью к семье.

3

Связи семьи и отечества не могут и не должны ограничивать душу. Человек со дня рождения окружен малым числом людей, с тем чтобы нежность этих людей вызывала в нем чувство любви к человеку. Но когда привязанности семейные и народные становятся исключительными и благодаря этому исключают всеобщие требования человеческого рода, тогда вместо того, чтобы быть воспитательницами сердца, они становятся его могилой.

Чаннинг.

4

Любовь к семье есть чувство себялюбивое и потому может быть причиной, но не оправданием несправедливых, недобрых поступков.

5

И дали знать ему: мать и братья твои стоят вне, желая видеть тебя. Он сказал им в ответ: мать моя и братья мои, суть слушающие слово божие и исполняющие его.

Лк. гл. 8, ст. 20-21.

6

Кто любит отца или мать более, нежели меня, недостоин меня; и кто любит сына или дочь более, нежели меня, недостоин меня.

Мф. гл. 10. ст. 31.

7

"Если кто приходит ко мне и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, а братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником" (Ев. Лк. 14, 26). "Возненавидит" -- в этом стихе не значит то, чтобы Христос отвергал семью или учил ненависти к ней, а значит только то, что сказано в стихе 24 8-й гл. Луки, -- то, что Христу и ученикам и подражателям его близки и любезны люди не по семейным связям, а по связи их с богом и потому друг с другом.

Стихи эти обыкновенно соблазняют людей, имеющих в виду состояние человека распутного и более нравственно высокое состояние человека семейного, но не имеющих в виду состояния человека религиозного, для которого состояние семейное не есть высшее состояние, а, напротив, большей частью представляет преграду для достижения этого высшего состояния.

8

Одни люди ищут блага во власти, другие в любознательности, в науках, третьи в наслаждениях. Эти три рода вожделений образовали три различных школы, и все философы следовали какой-либо из трех. Те же, которые более других приблизились к истинной философии, поняли, что всеобщее благо -- предмет стремления всех людей -- не должно заключаться ни в одной из частных вещей, которыми могут владеть только некоторые и которые, будучи разделены, скорее огорчают их обладателя отсутствием недостающей части, чем доставляют наслаждение тою частью, которая ему принадлежит. Они поняли, что истинное благо должно быть таково, чтобы им могли обладать все сразу, без убыли его и без завис-

ти, и чтобы никто не мог потерять его помимо своей воли.

Паскаль.

В любви к семье нет, в нравственном смысле, ничего ни хорошего, ни дурного, как ив любви к своей личности: и то и другое -- естественные явления. Любовь к семье, так же как и к своей личности, переходя свойственные ей границы, может быть пороком, но никогда не может быть добродетелью.

29-е июня

Уныние есть такое состояние души, при котором человек не видит смысла ни в своей, ни во всей жизни мира.

1

Есть люди, которые, находясь в унынии или раздражении, любуются на свое состояние, даже гордятся им. Это все равно как, выпустив вожжи от лошади, которая несет тебя под гору, ты еще стал бы хлестать ее кнутом.

2

Уныние и дурное расположение духа не только мучительно для окружающих, но и заразительно, и потому порядочный человек, так же как он все неприятные для других дела делает в уединении, так же в уединении предается и своему унынию и раздражению.

3

Думать, что внешние причины влияют на душевное состояние человека, есть вредное и очень обычное заблуждение. Состояние тела, усталость, голод, болезнь влияют на душевное состояние человека, сознающего духовную основу своей жизни, только в том смысле, что ослабляют его деятельность, но не изменяют ее направления. Только люди, живущие одной внешней жизнью (дети, нерелигиозные люди) изменяют вследствие внешних причин все свое отношение к жизни: впадают в уныние или раздражение и осуждают и ненавидят то, что прежде хвалили и любили.

4

Не верь себе, когда все представляется тебе в мрачном свете, все кажутся виноватыми, всем хочется сказать и даже сделать злое. Смотри на себя в таком состоянии, как на пьяного, ничего не предпринимая, и дожидайся, когда пройдет это состояние. Чем меньше будешь делать, находясь в этом состоянии, тем скорее оно пройдет: это воздержание так же нужно, как для пьяного сон.

5

Большинство людей, которых называют злыми, сделались такими только оттого, что принимали свое дурное расположение духа за свое законное состояние и отдавались ему.

6

Когда мир кажется некрасивым, люди неприятными и недобрыми и все дела их глупыми и гадкими, спеши воспользоваться этим состоянием, обратив внимание на себя, и ты увидишь в себе то, чего не видал прежде, и это признание своей гадости будет на пользу тебе.

7

Мало бывает несчастий безысходных; отчаяние более обманчиво, чем надежда.

Вовенарг.

8

Никогда не унывай.

9

Человек обязан быть счастлив; если он несчастлив, то он виноват.

10

Мне кажется, что человек должен за первое правило себе поставить -- быть счастливым и довольным. Надо стыдиться, как дурного поступка, своего недовольства и знать, что если у меня или во мне что-нибудь не ладится, то мне не рассказывать надо об этом другим и не жаловаться, а поскорее постараться поправить то, что не ладится.

11

Помоги мне, господи, не переставая радоваться, исполняя в чистоте, смирении и любви волю твою.

12

И физические страдания и периоды упадка духа -- удел здешней жизни, и надо дожидаться, пока пройдет и то и другое или сама жизнь эта.

Когда испытываешь чувство недовольства всем окружающим и своим положением, уйди, как улитка в свою раковину, в сознание своего

назначения в мире и выжидай времени, когда пройдут те условия, которые -- ввели тебя в это состояние, и ты будешь опять в силах делать свое дело жизни.

30-е июня

Стоит человеку отвернуться от разрушения внешних вопросов и поставить себе единый, истинно свойственный человеку внутренний вопрос: как ему лучше прижить свою жизнь? -- чтобы все внешние вопросы получили наилучшее разрешение.

1

Мы не знаем, не можем знать, в чем состоит общее благо, но твердо знаем, что достижение этого общего блага возможно только при исполнении каждым, следовательно и мною, того закона добра, который открыт каждому человеку.

2

Истинная жизнь происходит не там, где совершаются большие внешние изменения, где передвигаются, сталкиваются, дерутся, убивают друг, друга, а она происходит только там, где совершаются чуть-чуточные, незаметные изменение в духовном сознании людей.

3

Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом; а одно только на потребу. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее.

Лк. гл. 10, ст. 41--42.

4

Народы земли трепещут и содрогаются. Всюду чувствуется какая-то работа сил, как бы подготовляющая землетрясение. Никогда еще человек не имел за собой такой огромной ответственности. Каждый момент приносит с собой все более и более важные заботы. Чувствуется, что что-то великое должно совершиться. Но пред явлением Христа мир ждал великих событий и, однако, не принял его, когда он пришел. Так и теперь мир может испытывать *муки родов* пред его *новым пришествием* и все не понимать того, что происходит.

Люси Малори.

5

Существует два рода социализма. Оба они преследуют наибольшее благосостояние всех.

Один стремится достигнуть всеобщего счастья; другой -- дать возможность всякому быть счастливым по-своему.

Один признает власть государства; другой не признает никакой власти.

Один требует монополии для государства; другой желает уничтожения всех монополий.

Один желает, чтобы управляемый класс стал правящим; другой желает уничтожения классов.

Один верит в социальную войну; другой верит только в дела мира.

Существует только эти два социализма. Один в возрасте детства; другой -- возмужалости. Один уже прошлое; другой -- будущее. Один должен дать место другому. И каждый из нас должен выбрать между этими двумя социализмами или же совсем не признавать себя социалистом.

Эрнест Лесинь.

6

"Когда среди 100 человек один властвует над 99 -- это несправедливо, это

деспотизм; когда 10 властвуют над 90 -- это также несправедливо, это олигархия; когда же 51 властвуют над 49 (и то только в воображении -- в сущности же опять 10 или 11 из этих 51) -- тогда это совершенно справедливо, это свобода!"

Может ли быть что-нибудь смешнее, по своей очевидной нелепости, такого рассуждения. А между тем это самое рассуждение служит основой деятельности всех улучшателей государственного устройства.

7

Трудно различить голос истины среди криков возбужденных партий.

Шиллер.

8

Человек, желающий служить правде и справедливости, должен быть готовым остаться в одиночестве.

Берсье.

9

Нет такой политической алхимии, посредством которой можно бы было получить золотое поведение из свинцовых инстинктов.

Герберт Спенсер.

10

Когда бы люди захотели, вместо того чтобы спасать мир спасать

себя; вместо того чтобы освобождать человечество, себя освобождать, -- как много бы они сделали для спасения мира и для освобождения человечества!

Герцен.

Чем больше будут верить люди в то, что они могут быть приведены чем-то внешним, действующим само собою, помимо их воли, к изменению и улучшению своей жизни, тем труднее совершится это изменение и улучшение.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ЯГОДЫ

Стояли жаркие, безветренные июньские дни. Лист в лесу сочен, густ и зелен, только кое-где срываются пожелтевшие березовые и липовые листы. Кусты шиповника осыпаны душистыми цветами, в лесных лугах сплошной медовый клевер, рожь густая, рослая, темнеет и волнуется, до половины налилась, в низах перекликаются коростели, в овсах и ржах то хрипят, то щелкают перепела, соловей в лесу только изредка сделает колено и замолкнет, сухой жар печет. По дорогам лежит неподвижно на палец сухая пыль и поднимается густым облаком, уносимым то вправо, то влево случайным слабым дуновением.

Крестьяне доделывают постройки, возят навоз, скотина голодает на высохшем пару, ожидая отавы. Коровы и телята зыкаются с поднятыми крючковато хвостами, бегают от пастухов со стойла. Ребята стерегут лошадей по дорогам и обрезам. Бабы таскают из леса мешки травы, девки и девочки вперегонку друг с другом ползают между кустов по срубленному лесу, собирают ягоды и носят продавать дачникам.

Дачники в разукрашенных, архитектурно вычурных домиках, лениво гуляют под зонтиками, в легких, чистых, дорогих одеждах по усыпанным песком дорожкам или сидят в тени дерев, беседок, у крашеных столиков и, томясь от жары, пьют чай или прохладительные напитки.

У великолепной дачи Николая Семеныча, с башней, верандой,

балкончиком, галереями - все свеженькое, новенькое, чистенькое - стоит ямская с бубенцами тройка в коляске, привезшая из города за 15 "взад-назад", как говорит ямщик, петербургского барина.

Барин этот - известный либеральный деятель, участвовавший во всех комитетах, комиссиях, подношениях, хитро составленных, как будто верноподданнических, а в сущности самых либеральных адресов. Он приехал из города, в котором он, как всегда, страшно занятой человек, пробудет только сутки, к своему другу, товарищу детства и почти единомышленнику.

Они немного только расходятся в способах применения конституционных начал. Петербуржец - больше европеец, с маленьким пристрастием даже к социализму, получает очень большое жалованье по местам, которые он занимает. Николай же Семеныч - чисто русский человек, православный, с оттенком славянофильства, владеет многими тысячами десятин земли.

Они пообедали в саду обедом из пяти кушаний, но от жару почти ничего не ели, так что труды сорокарублевого повара и его помощников, особенно усердно работавших для гостя, пропали почти даром. Покушали только ботвинью ледяную с свежей белорыбицей и разноцветное мороженое в красивой форме и разукрашенное разными сахарными волосами и бисквитами. Обедали гость, либеральный врач, учитель детей - студент, отчаянный социал-демократ, революционер, которого Николай Семеныч умел держать в узде, Мари - жена Николая Семеныча, и трое детей, из которых меньшой только приходил к пирожному.

Обед был немножко натянут, потому что Мари, сама очень нервная женщина, была озабочена расстройством желудка Гоги, - так (как и водится у порядочных людей) назывался меньшой мальчик Николай, - и еще оттого, что, как только начинался политический разговор между гостем и Николаем Семенычем, отчаянный студент, желая показать, что он ни перед кем не стесняется высказывать свои убеждения, врывался в разговор, и гость замолкал, Николай же Семеныч утишал революционера.

Обедали в семь часов. После обеда приятели сидели на веранде, прохлаждаясь холодным нарзаном с легким белым пивом, и беседовали.

Разногласие их прежде всего выразилось в вопросе о том, какие должны быть выборы, двухстепенные или одностепенные, и они горячо начали было спорить, когда их позвали к чаю в защищенную сетками от мух столовую. За чаем шел общий разговор с Мари, которую разговор этот не мог занимать, так как она вся была поглощена мыслью о признаках расстройства желудка Гоги. Разговор шел о живописи, и Мари доказывала, что в декадентской живописи есть un je ne sais quoi, которое нельзя отрицать. Она в эту минуту вовсе не думала о декадентской живописи, но говорила то, что говорила много раз. Гостю уже совсем это было не нужно,

но он слыхал, что говорят против декадентства, и говорил все это так похоже, что никто бы не догадался о том, что ему не было никакого дела до декадентства или недекадентства. Николай же Семеныч, глядя на жену, чувствовал, что она чем-то недовольна и что будет, пожалуй, какая-нибудь неприятность - кроме того, ему очень скучно было слушать то, что она говорила и что он слышал, ему казалось, больше чем сто раз.

Зажгли дорогие бронзовые лампы и фонари на дворе, детей уложили спать, подвергнув больного Гогу лечебным операциям.

Гость с Николаем Семенычем и доктором вышли на веранду. Лакей подал свечи с колпаками и еще нарзану, и начался около двенадцати часов уж настоящий, оживленный разговор о том, какие должны были быть приняты государственные меры в настоящее, важное для России время. Оба не переставая курили, разговаривая.

Снаружи, за воротами дачи побрякивали бубенчиками ямщицкие лошади, стоявшие без корма, и то зевал, то храпел тоже без корма сидевший в коляске старик ямщик, двадцать лет живший у одного хозяина и все свое жалованье, за исключением рублей трех или пяти, которые он пропивал, отсылавший домой брату. Когда уж с разных дач стали перекликаться петухи, и особенно один громкий, тонкий в соседней даче, ямщик усомнился, не забыли ли его, сошел с коляски и вошел в дачу. Он видел, что его седок сидел и пил что-то и в промежутках громко говорил. Он забоялся и пошел отыскивать лакея. Лакей в ливрейном пиджачке сидя спал в передней. Ямщик разбудил его. Лакей, бывший дворовый, кормивший своей службой (служба была выгодная - пятнадцать рублей жалованья и от господ на чай в год рублей иногда до ста) свою большую семью - пять девок и два мальчика, вскочил и, оправившись и отряхнувшись, пошел к господам сказать, что ямщик беспокоится, просит отпустить.

Когда лакей вошел, спор был в самом разгаре. Подошедший к ним доктор участвовал в нем.

- Не могу я допустить, - говорил гость, - чтобы русский народ должен бы был идти по каким-то иным путям развития. Прежде всего нужна свобода - свобода политическая - та свобода - как это всем известно, наибольшая свобода - при соблюдении наибольших прав других людей.

Гость чувствовал, что он запутался и что-то не так говорит, но в горячке спора он не мог хорошенько вспомнить, как надо говорить.

- Это так, - отвечал Николай Семеныч, не слушая гостя и только желая высказать свою мысль, которая ему особенно нравилась. - Это так, но достигается это другим путем - не большинством голосов, а всеобщим согласием. Посмотрите на решения мира.

- Ах, этот мир.

- Нельзя отрицать, - сказал доктор, - что у славянских пародов есть свой

особенный взгляд. Например, польское право veto. Я не утверждаю, чтобы это было лучше.

- Позвольте, я доскажу всю мою мысль, - начал Николай Семеныч. - Русский народ имеет особенные свойства. Свойства эти...

Но пришедший с заспанными глазами в своей ливрее Иван прервал его:

- Ямщик беспокоится...

- Скажите ему (петербургский гость всем лакеям говорил "вы" и гордился этим), что я поеду скоро. И за лишнее заплачу.

- Слушаю-с.

Иван ушел, и Николай Семеныч мог досказать всю свою мысль. Но я гость и доктор слышали ее двадцать раз (или, по крайней мере, им так казалось) и стали опровергать ее, особенно гость, примерами истории. Он отлично знал историю.

Доктор был на стороне гостя и любовался его эрудицией и был рад случаю знакомства с ним.

Разговор так затянулся, что стало светло за лесом на другой стороне дороги и соловей проснулся, но собеседники все курили и разговаривали, разговаривали и курили.

Может быть, разговор продолжался бы еще, но из двери вышла горничная.

Горничная эта была сирота, которая, чтобы кормиться, должна была поступить в услужение. Сначала она жила у купцов, где приказчик соблазнил ее и она родила. Ребенок ее умер, она поступила к чиновнику, где сын гимназист не давал ей покоя, потом поступила помощницей горничной к Николаю Семенычу и считала себя счастливой, что ее не преследовали более своей похотью господа и платили исправно жалованье. Она вошла доложить, что барыня зовут доктора и Николая Семеныча.

"Ну, - подумал Николай Семеныч, - верно, с Гогой что-нибудь".

- А что? - спросил он.

- Николай Николаевич что-то нездоровы, - сказала горничная. Николай Николаевич, "они" - это был одержимый поносом объевшийся Гога.

- Ну и пора, - сказал гость, - смотрите, как светло. Как мы засиделись, - сказал он, улыбаясь, как бы хваля себя и своих собеседников за то, что они так долго и много говорили, и простился.

Иван долго бегал усталыми ногами за шляпой и зонтиком гостя, которые сам гость засунул в самые неподходящие места. Иван надеялся получить на чай, но гость, всегда щедрый и никак не пожалевший бы дать ему рубль, увлеченный разговором, совсем забыл про это и вспомнил только дорогой, что он ничего не дал лакею. "Ну, нечего делать".

Ямщик влез на козлы, подобрал вожжи, сел бочком и тронул. Бубенчики звенели. Петербуржец, покачиваясь на мягких рессорах, ехал и думал об ограниченности и предвзятости мыслей своего приятеля.

То же самое думал Николай Семеныч, не сразу пошедший к жене. "Ужасна эта петербургская ограниченная узость. Не могут они выйти из этого", - думал он.

К жене же он медлил входить, потому что от этого свидания теперь не ожидал ничего хорошего. Дело все было в ягодах. Мальчики вчера принесли ягоду. Николай Семеныч купил, не торговавшись, две тарелки не совсем спелых ягод. Дети прибежали, прося себе, начали есть прямо с тарелок. Мари еще не выходила. И когда вышла и узнала, что Гоге дано было ягод, ужасно рассердилась, так как у него желудок уже был расстроен. Она стала упрекать мужа, он ее. И вышел неприятный разговор, почти ссора. К вечеру, точно, Гога нехорошо сходил. Николай Семеныч думал, что этим кончится, но призыв доктора обозначал, что дело приняло дурной оборот.

Когда он вошел к жене, она, в пестром шелковом халате, который ей очень нравился, но о котором она теперь не думала, стояла в детской с доктором над горшком и светила ему туда текущей свечкой.

Доктор с внимательным видом, в пенсне, смотрел туда, палочкой ворочая вонючее содержимое.

- Да, - сказал он значительно.

- Все эти проклятые ягоды.

- Ну отчего же ягоды, - робко сказал Николай Семеныч.

- Отчего ягоды? Ты вот накормил его, а я ночь не сплю, и ребенок умрет...

- Ну, не умрет, - улыбаясь, сказал доктор, - маленький прием висмута и осторожность. Дадим сейчас.

- Он заснул, - сказала Мари.

- Ну, лучше не тревожить, завтра я зайду.

- Пожалуйста.

Доктор ушел, Николай Семеныч остался один и еще долго не мог успокоить жену. Когда он заснул, было уж совсем светло.

В соседней деревне в это самое время возвращались из ночного мужики и ребята. Некоторые были на одной, у некоторых были лошади в поводу и позади бежали стригуны и двухлетки.

Тараска Резунов, малый лет двенадцати, в полушубке, но босой, в картузе, на пегой кобыле с мерином в поводу и таким же пегим, как мать, стригуном, обогнал всех и поскакал в гору к деревне. Черная собака весело бежала впереди лошадей, оглядываясь на них. Пегий сытый стригун сзади взбрыкивал своими белыми в чулках ногами то в ту, то в другую сторону.

Тараска подъехал к избе, слез, привязал лошадей у ворот и вошел в сени.

- Эй вы, заспалися! - закричал он на сестер и брата, спавших в сенях на

дерюжке.

Мать, спавшая рядом с ними, встала уже доить корову.

Ольгушка вскочила, оправляя обеими руками взлохмаченные длинные белесые волосы, Федька же, спавший с ней, все еще лежал, уткнувшись головой в шубу, и только потирал заскорузлой пяткой высунувшуюся из-под кафтана стройную детскую ножку.

Ребята с вечера собирались за ягодами, и Тараска обещал разбудить сестру и малого, как только вернется из ночного.

Он так и сделал. В ночном, сидя под кустом, он падал от сна; теперь же разгулялся и решил не ложиться спать, а идти с девками за ягодами. Мать дала ему кружку молока. Ломоть хлеба он сам отрезал себе и уселся за стол на высокой лавке и стал есть.

Когда он в одной рубашке и портках, быстрыми шагами прокладывая отчетливые следы босых ног по пыли, пошел по дороге, по которой лежали уже несколько таких же, одних побольше, других поменьше, босых следов с четко опечатанными пальчиками, девки уже красными и белыми пятнышками виднелись далеко впереди на темной зелени рощи. (Они с вечера приготовили себе горшочек и кружечку и, не завтракая и не запасшись хлебом, перекрестились раза два на передний угол и побежали на улицу.) Тараска догнал их за большим лесом, только что они свернули с дороги.

Роса лежала на траве, на кустах, даже на нижних ветвях дерев, и голые ножонки девочек тотчас намокли и сначала захолодели, а потом разогрелись, ступая то по мягкой траве, то по неровностям сухой земли. Ягодное место было по сведенному лесу. Девчонки вошли прежде в прошлогоднюю вырубку. Молодая поросль только что поднималась, и между сочных молодых кустов выдавались места с невысокой травой, в которой зрели и прятались розовато-белые еще и кое-где красные ягоды.

Девчонки, перегнувшись вдвое, ягодку за ягодкой выбирали своими маленькими загорелыми ручонками и клали какую похуже в рот, какую получше в кружку.

- Ольгушка! сюда иди. Тут бяда сколько.

- Ну? Вре! Ау! - перекликались они, далеко не расходясь, когда заходили за кусты.

Тараска ушел от них дальше за овраг в прежде, за год, срубленный лес, на котором молодая поросль, особенно ореховая и кленовая, была выше человеческого роста. Трава была сочное и гуще, и когда попадались места с земляникой, ягоды были крупнее и сочнее под защитой травы.

- Грушка!

- Аась!

- А как волк?

- Ну что ж волк? Ты что ж пужаешь. А я небось не боюсь, - говорила

Грушка, и, забывшись, она, думая о волке, клала ягоду за ягодой, и самые лучшие, не в кружку, а в рот.

- А Тараска-то наш ушел за овраг. Тараска-а!

- Я-о! - отвечал Тараска из-за оврага. - Идите сюда.

- А и то пойдем, тама больше.

И девчата полезли вниз в овраг, держась за кусты, а из оврага отвершками на другую сторону, и тут, на припоре солнца, сразу напали на полянку с мелкой травой, сплошь усыпанную ягодами. Обе молчали и не переставая работали и руками и губами.

Вдруг что-то шарахнулось и среди тишины с страшным, как им показалось, грохотом затрещало по траве и кустам.

Грушка упала от страха и рассыпала до половины кружки набранные ягоды.

- Мамушка! - завизжала она и заплакала.

- Заяц это, заяц! Тараска! Заяц. Вон он, - кричала Ольгушка, указывая на серо-бурую спинку с ушами, мелькавшую между кустов. - Ты чего? - обратилась Ольгушка к Грушке, когда заяц скрылся.

- Я думала, волк, - отвечала Грушка и вдруг тотчас же после ужаса и слез отчаяния расхохоталась.

- Вот дура-то.

- Страсть испугалась! - говорила Грушка, заливаясь звонким, как колокольчик, хохотом.

Подобрали ягоды и пошли дальше. Солнце уже взошло и светлыми яркими пятнами и тенями расцветило зелень и блестело в каплях росы, о которую вымокли девчонки теперь по самый пояс.

Девчата были уж почти на конце леса, все уходя дальше и дальше, в надежде что чем дальше, то больше будет ягод, когда в разных местах послышались звонкие ауканья девок и баб, вышедших позднее и также собиравших ягоды.

В завтрак кружка и горшочек были уже наполовину полны, когда девчата сошлись с теткой Акулиной, тоже вышедшей по ягоды. За теткой Акулиной ковылял на толстых кривых ножонках крошечный толстопузый мальчик в одной рубашонке и без шапки.

- Увязался со мной, - сказала Акулина девчатам, взяв мальчика на руки.

- И оставить не с кем.

- А мы сейчас зайца здорового выпугнули. Как затрещи-ит - жуть...

- Вишь ты! - сказала Акулина и спустила опять с рук малого.

Переговорившись так, девочки разошлись с Акулиной и продолжали свое дело.

- Знать, посидим таперича, - сказала Ольгушка, садясь под густую тень орехового куста. - Уморилася. Эх хлебушка не взяли, поесть бы теперь.

- И мне хочется, - сказала Грушка.

- Что это тетка Акулина кричит больно чего-то? Чуешь? Ау, тетка Акулина!

- Ольгушка-а! - отозвалась Акулина.

- Чаго!

- Малый не с вами? - кричала Акулина из-за отвершка.

- Нету.

Но вот зашелестели кусты, и из-за отвершка показалась сама тетка Акулина с подобранной выше колеи юбкой, с кошелкой на руке.

- Малого не видали?

- Нету.

- Вот грех какой! Мишка-а-а!

- Мишка-а-а!

Никто не отзывался.

- Ох, горюшко, заплутается он. В большой лес забредет. Ольгушка вскочила и пошла с Грушкой искать в одну сторону, тетка Акулина в другую. Не переставая звонкими голосами кликали Мишку, но никто не откликался.

- Уморилась, - говорила Грушка, отставая, но Ольгушка не переставая аукала и шла то вправо, то влево, поглядывая но сторонам.

Акулинин голос отчаянный слышался далеко к большому лесу. Ольгушка уже хотела бросить искать и идти домой, когда в одном сочном кусте, около пня липовой молодой поросли, она услыхала упорный и сердитый, отчаянный писк какой-то птицы, вероятно, с птенцами, чем-то недовольной. Птица, очевидно, чего-то боялась и на что-то сердилась. Ольгушка оглянулась на куст, обросший густой и высокой с белыми цветами травой, и под самым им увидала синенькую, не похожую ни на какие лесные травы кучку. Она остановилась, пригляделась. Это был Мишка. И его-то боялась и на него сердилась птица.

Мишка лежал на толстом брюхе, подложив ручонки под голову и вытянув пухлые кривые ножонки, и сладко спал.

Ольгушка покликала мать и, разбудивши малого, дала ему ягод.

И долго потом Ольгушка всем, кого встречала, и дома матери, и отцу, и соседям рассказывала, как она искала и как нашла Акулининова малого.

Солнце уж совсем вышло из-за леса и жарко пекло землю и все, что было на ней.

- Ольгушка! Купаться, - пригласили Ольгу сошедшиеся с ней девочки. И все большим хороводом пошли с песнями к реке. Барахтаясь, визжа и болтая ногами, девчата не заметили, как с запада заходила черная низкая туча, как солнце стало скрываться и открываться и как запахло цветами и березовым листом и стало погромыхивать. Не успели девки одеться, как полил дождь и измочил их до нитки.

В прилипших к телу и потемневших рубашонках девчонки прибежали

домой, поели и понесли на поле, где отец перепахивал картофель, обедать.

Когда они вернулись и пообедали, рубашонки уж высохли. Перебрав землянику и уложив ее в чашки, они понесли ее на дачу к Николаю Семенычу, где хорошо платили; но на этот раз им отказали.

Мари, сидевшая под зонтиком в большом кресле и томившаяся от жара, увидав девочек с ягодами, замахала на них веером.

- Не надо, не надо.

Но Валя, старший, двенадцатилетний мальчик, отдыхавший от переутомления классической гимназии и игравший в крокет с соседями, увидав ягоды, подбежал к Ольгушке и спросил:

- Сколько?

Она сказала:

- Тридцать копеек.

- Много, - сказал он. Он потому сказал "много", что так всегда говорили большие. - Подожди, только зайди за угол, - сказал он и побежал к няне.

Ольгушка с Грушкой между тем любовались на зеркальный шар, в котором виднелись какие-то маленькие дома, леса, сады. И этот шар и многое другое было для них не удивительно, потому что они ожидали всего самого чудесного от таинственного и непонятного для них мира людей-господ.

Валя побежал к няне и стал просить у нее тридцать копеек. Няня сказала, что довольно двадцать, и достала ему из сундучка деньги. И он, обходя отца, который только что встал после вчерашней тяжелой ночи, курил и читал газеты, отдал двугривенный девочкам и, пересыпав ягоды в тарелку, напустился на них.

Вернувшись домой, Ольгушка развязала зубами узелок в платке, в котором был завязан двугривенный, и отдала его матери. Мать спрятала деньги и собрала белье на речку.

Тараска же, с завтрака пропахивавший с отцом картофель, спал в это время в тени густого темного дуба, тут же сидел и отец его, поглядывая на спутанную отпряженную лошадь, которая паслась на рубеже чужой земли и всякую минуту могла зайти в овсы или чужие луга.

Все в семье Николая Семеныча было нынче так, как обыкновенно. Все было исправно. Завтрак из трех блюд был готов, мухи давно ели его, но никто не шел, потому что никому не хотелось есть.

Николай Семеныч был доволен справедливостью своих суждений, которая выяснялась из того, что он прочел нынче в газетах. Мари была спокойна, потому что Гога сходил хорошо. Доктор был доволен тем, что предложенные им средства принесли пользу. Валя был доволен тем, что съел целую тарелку земляники.

ИЮЛЬ

1-е июля

Душа человека божественна.

1

Всякая истина имеет своим началом бога. Когда она проявляется в человеке, то это не показывает того, чтобы она исходила из человека, но только, что человек имеет свойство такой прозрачности, что может проявлять ее.

Паскаль.

2

Когда дождевая вода течет по желобам, то нам кажется, что она вытекает из них, тогда как в действительности она падает с неба! То же и со святыми поучениями, которые высказывают нам божественные люди. Кажется, что они исходят от них, в действительности же они исходят от бога.

Рамакришна.

3

Ставить свои духовные силы вне зависимости от силы божеской -- это, по учению Лао-Тсе, все равно что верить, что мех не есть прибор, лишь пропускающий через себя воздух, а самостоятельный источник, сам из себя его производящий, и что мех мог бы дуть и в безвоздушном пространстве.

4

Я испытываю с особенной силой то, что человек во всем том, что он делает или может делать прекрасного, великого и доброго, есть только орудие чего-то или кого-то высшего его. Это чувство есть вера. Человек верующий присутствует с трепетом священной радости при этих совершающихся *чрез него, а не от него* чудесах, которые происходят в нем. Он отдает им в распоряжение свою волю, стараясь почтительно стереться, ради того чтобы как можно меньше извратить высшее дело этой силы, которая на время пользуется им для исполнения своего дела. Он обезличивается и уничтожается; он чувствует, что его "я" должно исчезнуть, когда говорит святой дух, когда действует бог. Так пророк слышит призыв, так молодая мать чувствует, как двигается плод в ее утробе. До тех пор пока мы чувствуем свое "я", мы ограниченны, себялюбивы, пленники; когда же мы в согласии с жизнью мира отзываемся на голос бога, наше "я" исчезает.

Амиель.

5

Если мы только на один миг отрешимся от своего маленького "я", не будем замышлять злого, будем только чистым стеклом, отражающим лучи, -- чего только мы не отразим! Все мироздание развернется в лучезарном блеске вокруг нас.

Торо.

6

Истинная мудрость учит нас тому, что основы мыслей всякого человека живут в его более скромных братьях и что те свойства, которые выказывает ученый в своих глубочайших открытиях, совершенно те же самые, как и те, которые обыкновенный человек употребляет в своих ежедневных жизненных трудах.

Истинное понимание великих людей состоит в том, что они только примеры и проявления нашей общей природы, показывающие то, что свойственно всем душам, хотя оно и раскрывается еще лишь в немногих. Свет, исходящий от них, есть не что иное, как слабое откровение той силы, которая таится в каждом человеческом существе. Они не диво, не чудо, но естественное развитие человеческой души.

Из "Передовой мысли мира".

7

Истинное дело человека на земле в том, чтобы держать свое существо в согласии с вечным; тогда только всемогущая сила любви и разума может изливаться через него, как через чистый канал.

Из "Передовой мысли мира".

8

Жизнь дана нам, как ребенок дан няньке, чтобы возрастить его. Это самое говорит притча о талантах.

Мф. гл. 24, ст. 14-30.

Держи себя в чистоте от зла, с тем чтобы сила божия могла проходить через тебя. В этом прохождении силы божией -- великое благо.

2-е июля

Ни в какой области нет такого злоупотребления словом, как в оценке произведений -- в особенности мнимого -- искусства.

1

Мы только тогда бываем вполне удовлетворены впечатлением от художественного произведения, когда оно оставляет после себя нечто такое, чего мы, при всем усилии мысли, не можем довести до полной ясности.

Шопенгауэр.

2

Искусство есть такое воздействие на людей, при котором в душах их таинственное становится очевидным, смутное делается ясным, сложное -- простым, случайное -- необходимым. Истинный художник всегда упрощает.

По Амиелю.

3

Если целый мир, как представление, есть лишь видимость, то искусство есть разъяснение этой видимости, камер-обскура, показывающая предметы чище и позволяющая лучше обозревать и охватывать их. Искусство есть зрелище в зрелище, сцена на сцене, как в "Гамлете".

Шопенгауэр.

4

Человек, одаренный обыкновенными чувствами, сообразует мысли с вещами; художник сообразует вещи со своими мыслями. Обыкновенный человек считает природу неизменно укрепленной и твердой; художник -- текучей, переливающейся и кладет на нее отпечаток своего существа. Для него непокорный мир покорен и податлив; он одевает прах и камни человеческими свойствами и превращает их в выражения разума.

Эмерсон.

5

Помните, что ничего нельзя делать прекрасного из соперничества, ничего благородного из гордости.

Джон Рёскин.

6

Науки и искусства могут быть нужны народу только тогда, когда люди, живущие среди народа и как народ, не заявляя никаких прав, будут предлагать ему свои научные и художественные услуги, принять или не принять которые будет зависеть от воли народа.

7

Есть два несомненных признака истинной науки и истинного искусства: первый, внутренний -- тот, что служитель науки и искусства не для выгоды, а с самоотвержением исполняет свое призвание, и второй, внешний -- тот, что произведение его понятно всем людям.

8

Наука и искусство так же тесно связаны между собой, как легкие и сердце, так что если один орган извращен, то и другой не может правильно действовать.
Наука истинная изучает и вводит в сознание людей те истины знания, которые людьми известного времени и общества считаются самыми важными. Искусство же переводит эти истины из области знания в область чувства.

Занятие искусством хотя и не такое высокое дело, каким считают его обыкновенно те, которые занимаются им, но дело небесполезное и доброе, если оно соединяет людей и вызывает в них добрые чувства; занятие же искусством таким, которое одобряется богатыми классами нашего мира, -- искусством, разъединяющим людей и вызывающим в них недобрые чувства, есть дело не только бесполезное, но вредное.

3-е июля

Человек бывает несвободен только настолько, насколько он жизнь свою полагает в своем животном.

1

Говорят, что для человека самое большое благо есть его свобода. Если свобода есть благо, то человек свободный не может быть несчастным. Значит, если ты видишь, что человек несчастен, страдает, ноет, -- знай, что этот человек несвободный: он непременно кем-нибудь или чем-нибудь порабощен.
Если свобода есть благо, то свободный человек не может быть добровольным рабом. И потому, если ты увидишь, что человек унижается перед другими, льстит им, -- знай, что человек этот также не свободен. Он раб, который добивается или обеда, или выгодной должности, или еще чего-нибудь, вообще добивается того, чтобы распоряжаться тем, что не принадлежит ему.

Свободный человек распоряжается только тем, чем можно распоряжаться беспрепятственно. А распоряжаться вполне беспрепятственно можно только самим собою. И потому если ты увидишь, что человек хочет распоряжаться не самим собою, а другими, то знай, что он не свободен: он сделался рабом своего желания властвовать над людьми.

Эпиктет.

2

Без внутренней свободы внешняя свобода ничего не стоит. Какая мне польза, если я не подавлен внешним насилием, но вследствие незнания, порока, эгоизма, страха я не управляю своей душой. Я назову только того человека свободным, который не замкнут в себе или своей секте, который побеждает гордость, гнев, леность и готов отдать себя в жертву за благо человечества.

Чаннинг.

3

Ничего не делается без веры. Сомнение убивает человека, убивает народы. Почему освобождение народов так трудно, так тяжело, так длительно? Потому что у них нет веры в их право, в непобедимую силу их права. Почему всюду угнетенные классы стонут в ожидании облегчения, которое так и не приходит? Потому что у них нет веры ни в себя, ни в бога, всегда готового спасти их, но не без их участия, потому что преимущество свободных существ -- быть тем, чем они хотят быть, как и наказание их в том, чтобы быть тем, чем их хотят сделать, когда они покорно склоняются под гнетом несправедливости и угнетения. Но и тогда бог не оставляет их. Для пробуждения их он посылает вестников своего милосердия. вкладывает в них свое слово, облекает их своим могуществом -- и мир вдруг колеблется, толпы сбегаются слушать, народы волнуются, они подымаются, как забродившее тесто; смутное представление лучшего

будущего является их воображению. При виде его они трепещут, они проникаются чувством избытка жизни.

Но вот являются и угнетатели, фарисеи и книжники. Смущенные, встревоженные, дрожащие за свою пошатнувшуюся власть, они или душат посланцев отца небесного или, если могут, клевещут и на учение их, и на дела; они в самом деле добра, творимого этими посланцами, находят предлоги для осуждения их. Они говорят: "Правда, мы не можем отрицать этого, -- эти люди изгоняют бесов, но они изгоняют их силой князя бесовского". Подымите, подымите голову, и поверх той тьмы, которую эти лицемеры стараются сгустить вокруг вас, на востоке вы увидите уже восстающее солнце, которое скоро осветит вас своим полным светом и согреет своими лучами.

Ламенэ.

4

Чтобы сделаться истинно свободным, ты должен всегда быть готовым отдать богу то, что ты от него получил. Ты должен соединить свою волю с волей бога. Только в том, что противно воле бога, человек может быть несвободен. Желая же только того, чего желает бог: правды, любви, ты не можешь быть несвободен. Нет такого положения, в котором ты бы не мог проявить правду и любовь, и потому нет того положения, в котором ты бы мог быть лишен свободы. Если же ты не хочешь этого, то ты на всю жизнь останешься рабом между рабами, хотя бы у тебя и были всевозможные мирские почести, хотя бы ты и сделался самим царем.

По Эпиктету.

5

Где нет свободы, там жизнь сводится к жизни животного.

Иосиф Мадзини.

6

Не будь рабом одного или немногих. Делаясь рабом всех, ты делаешься другом всех.

По Цицерону.

7

Человеческое достоинство и свобода свойственны нам. Будем же хранить их или умрем с достоинством.

Цицерон.

Если ты чувствуешь себя несвободным, ищи причину в себе.

4-е июля

Наказание есть понятие, из которого начинает вырастать человечество.

1

Другую притчу предложил он им, говоря:
Царство небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем. Когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел. Когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Пришедши же рабы домовладыки сказали ему: господин! не

доброе ли семя сеял ты на поле твоем? откуда же на нем плевелы? Он же сказал им: враг человек сделал это. А рабы сказали: хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но он сказал: нет, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы.

Мф. гл. 13, ст. 24-29.

2

Когда ребенок бьет тот пол, о который он ударился, -- это очень неразумно, но так же понятно, как то, что человек прыгает, когда он больно зашибся. Понятно также, когда человек, получив удар, под влиянием боли, отвечает тем же ударившему. Но делать хладнокровно зло человеку, потому что он сделал зло когда-то прежде, и объяснять это разумными доводами было бы совершенно непонятно, если бы человек не имел способности и склонности придумывать разумные объяснения своим дурным поступкам.

3

Люди так поверили в те оправдания, которые они придумали своей мстительности, что они приписали мстительность богу, назвав мстительность справедливостью, возмездием.

4

Человек сделал зло. И вот другой человек или люди для противодействия этому злу не находят ничего лучшего, как сделать еще другое зло, которое они называют наказанием.

5

Всякое наказание основывается никак не на рассуждении и не на чувстве

справедливости, а на одном дурном желании сделать зло тому, кто сделал зло тебе или другому.

6

Наказание, прилагаемое к воспитанию, к общественному устройству, к религиозному пониманию, не только не содействовало и не содействует улучшению детей, обществ и всех людей, верящих в наказание за гробом, но произвело и производит неисчислимые бедствия, ожесточая детей, развращая общество и обещанием ада лишая добродетель её главной основы.

7

Уже много лет тому назад люди начали понимать неразумность наказания и стали придумывать различные теории устрашения, пресечения, исправления. Но все эти теории падают одна за другой, потому что в основе их всех только месть и все теории стараются только скрыть эту основу. Придумывают очень многое, но не решаются сделать одного нужного, а именно того, чтобы ничего не делать, а оставить того, кто согрешил, каяться или не каяться, исправляться или не исправляться; самим же придумывающим теории и прилагающим их -- жить доброй жизнью.

8

Наказание и весь уголовный закон будет таким же предметом недоумения и удивления будущих поколений, каким для нас представляется людоедство, принесение людей в жертву божеству и т. п. "Как могли они не видеть всю бессмысленность, жестокость и зловредность того, что они делали?" -- скажут наши потомки.

9

Смертная казнь представляет самое очевидное доказательство того, что устройство нашего общества совершенно чуждо христианству.

10

Накладывать наказание все равно что греть огонь. Всякое преступление несет всегда с собой и более Жестокое, и более разумное, и более удобопринимаемое наказание, чем то, которое могут наложить люди.

11

Большинство людей, наполняющих наши тюрьмы и умирающих на виселицах, это все существа, обездоленные тем самым законом, который присваивает себе право наказы-

Герберт Бигелов.

Надо знать и помнить, что желание наказать есть низшее, животное чувство, которое требует своего подавления, а не возведения в разумную деятельность.

5-е июля

Зло может делать только сам человек. То же, что совершается помимо воли человека, все благо.

1

Соломон и Иов лучше всего знали и лучше всего говорили о ничтожестве мирской жизни; один был самым счастливым, другой -- самым несчастным; один испытал суетность удовольствий, другой --

действительность бедствий.

Паскаль.

2

Всякому созданию полезно не только все то, что посылается ему Провидением, но и в то самое время, когда оно посылается.

Марк Аврелий.

3

Жизнь человека есть стремление к благу; к чему он стремится, то и дано ему -- жизнь, не могущая быть смертью, и благо, не могущее быть злом.

4

Когда же не плоть, а ты будешь глава в человеке? Когда поймешь ты блаженство любви ко всякому, когда освободишь себя разумением жизни от скорбей и похотей, не нуждаясь для своего счастья, чтобы люди служили тебе своею жизнью или смертью; когда поймешь ты, что истинное благо всегда в твоей власти и не зависит от других людей?

Марк Аврелий.

5

Убедись, что нет у тебя иной собственности, кроме твоей души. Избери решительно самый лучший образ жизни, привычка сделает его приятным для тебя. Богатство -- якорь ненадежный, а слава -- и того хуже. То же и

тело, то же и власть, то же и почет: все это ничтожно и бессильно. В чем же надежный якорь для жизни? Только в добродетели. Таков уж божественный закон, что только добродетель держится твердо и непоколебимо; все же остальное -- ничто.

Пифагор Самосский.

6

Ты уже несчастен, если страшишься несчастья, а кто его заслуживает, тот его вечно страшится.

Китайская пословица.

7

Истинной природе человека свойственно приобретать жизненное, неиссякаемое духовное состояние. Зависимости же от внешних материальных благ доводит нас до рабского подчинения людям и случайностям.

Эмерсон.

8

Одни говорят: войди в самого себя, и ты найдешь покой. В этом еще не вся правда.

Другие, напротив, говорят: выйди из самого себя, постарайся забыться и найти счастье в развлечениях. И это несправедливо, хотя бы только потому, что этим путем нельзя избавиться, например, от болезней.

Покой и счастье -- не внутри нас, не вне нас; они -- в боге, который и внутри и вне нас.

Паскаль.

9

Внешние препятствия не делают вреда человеку, сильному духом, ибо вред есть все то, что обезображивает и ослабляет, -- как бывает с животными, которых препятствия озлобляют; человеку же, встречающему их с тою силою духа, которая ему дана, всякое препятствие прибавляет нравственной красоты и силы.

Марк Аврелий.

10

Все от бога и потому все благо, -- зло есть только не видимое нами по близорукости благо.

Все внешние бедствия, которые могут постигнуть человека, понявшего то, что зло для него может быть только в его поступках, ничто в сравнении с благом того спокойствия и свободы, которое он испытывает.

6-е июля

Ни описания, ни вид ужасов войны не останавливают людей от участия в войне. Одна из причин этого та, что, созерцая ужасы войны, всякий невольно приходит к невыраженному, смутному соображению о том, что если столь ужасное дело существует и допускается, то существует, вероятно, и скрытые от него причины того ужасного дела. Это соображение делает то, что люди, часто не злые, защищают войну,

отыскивая ее благодетельные стороны, как отыскивают благодетельность стихийных явлений, забывая то, что они сами ее делают.

1

Мысль с ужасом останавливается перед неизбежно ожидающей нас в конце века катастрофой, и надо приготавливаться к ней. В продолжение 20 лет (теперь уже более 50) все усилия знания истощаются на то, чтобы изобретать орудия разрушения, и скоро будет достаточно нескольких пушечных выстрелов, чтобы уничтожить целую армию. Под ружьем теперь уже не так, как прежде, несколько тысяч продажных бедняков, но народы, целые народы готовятся убивать друг друга. Для того чтобы приготовить их к убийству, разжигают их ненависть, уверяя их, что их ненавидят, и кроткие люди верят этому, и вот-вот толпы мирных граждан, получив нелепое приказание убивать друг друга, бог знает из-за какого смешного распределения границ или каких-нибудь торговых, колониальных интересов, бросятся друг на друга с жестокостью диких зверей.

И пойдут они, как бараны, на бойню, зная, на что они идут, зная, что они оставляют своих жен, что дети их будут голодать, но они будут идти, до такой степени опьяненные звучными и лживыми словами, до такой степени обманутые, что, воображая, что бойня составляет их обязанность, будут просить бога благословить их кровавые дела. И будут они идти, растаптывая урожаи, которые они сеяли, сжигая города, которые они строили, с восторженным пением, криками радости, праздничной музыкой, будут идти без возмущения, покорные и смиренные, несмотря на то, что в них сила и что, если бы они могли согласиться, они установили бы здравый смысл и братство вместо диких хитростей дипломатов.

Род.

2

Очевидец рассказывает, что он увидал в русско-японскую войну, войдя на палубу "Варяга". Зрелище было ужасное. Везде кровь, обрывки мяса, туловища без голов, оторванные руки, запах крови, от которого тошнило самых привычных. Боевая башня более всего пострадала. Гранату

разорвало на ее вершине и убило молодого офицера, который руководил наводкой. От несчастного осталась только сжатая рука, державшая инструмент. Из четырех людей, бывших с командиром, два были разорваны в куски, два другие сильно ранены (им отрезали обе ноги и потом должны были еще раз отрезать их); командир отделался ударом осколка в висок.

И это не все. Нейтральные не могут принять на свои пароходы раненых, потому что гангрена и горячка заразительны.

Гангрена и гнойные, госпитальные заражения составляют вместе с голодом, пожаром, разорениями, болезнями, тифом, оспой тоже часть военной славы. Такова война.

А между тем Жозеф Местр так воспевал благодеяния войны:

"Когда человеческая душа вследствие изнеженности теряет свою упругость, становится неверующей и усваивает гнилостные пороки, которые следуют за излишками цивилизации, она может быть восстановлена только в крови".

Но бедняки, из которых делается пушечное мясо, имеют право не соглашаться с этим.

К несчастью, они не имеют мужества своих убеждений. От этого все зло. Привыкнув издавна позволять убивать себя ради вопросов, которых они не понимают, они продолжают это делать, воображая, что все идет очень хорошо.

От этого-то теперь там лежат трупы, которые под водой поедают морские раки.

В то время когда картечь разбивала все вокруг них, едва ли они рады были думать, что все это делается для их блага, чтобы восстановить душу их современников, потерявшую свою упругость от излишка цивилизации.

Несчастные, вероятно, не читали Жозефа Местра. Я советую читать его раненым между двумя перевязками. Они узнают, что война так же необходима, как и палач, потому что, как и он, она есть проявление справедливости бога.

И эта великая мысль будет служить им утешением в то время, когда пила хирурга будет распиливать их кости.

Гардюен.

3

Война более ужасна, чем когда-либо. Искусный артист этого дела, гениальный убийца г-н Мольтке, такими странными словами отвечал делегатам мира:

"Война свята, божественное учреждение, один из священных законов мира. Она поддерживает в людях все великие и благородные чувства: честь, бескорыстие, добродетель, храбрость -- одним словом, спасает людей от отвратительного материализма".

Так что соединиться в стада четырехсот тысяч человек, ходить без отдыха день и ночь, ни о чем не думать, ничего не изучать, ничему не научаться, ничего не читать, не быть полезным никому, загнивать в нечистоте, спать в грязи, жить, как скоты, в постоянном одурении, грабить города, сжигать деревни, разорять народы, потом, встретив такое же другое скопище человеческого мяса, бросаться на него, проливать озера крови, покрывать поля разорванным мясом и кучами трупов устилать землю, быть искалеченным, быть размозженным без пользы для кого бы то ни было и, наконец, издохнуть где-нибудь на чужом поле, тогда как ваши родители, ваша жена и дети дома умирают с голода, -- это называется спасать людей от отвратительного материализма.

Гюи де Мопассан.

4

Прошло время рассуждать о вреде войны. Об этом все уже сказано. Теперь осталось одно, с чего следовало начать каждому человеку: не делать того, что он считает недолжным.

Неправда, что существование войны доказывает ее необходимость. Совесть человечества говорит, что это неправда и войны не должно быть.

7-е июля

Отрицать бога -- значит отрицать себя как духовное, разумное существо.

1

Бога и душу я знаю не путем определения, но совершенно другим путем. Определение разрушает во мне это знание. Я несомненно знаю, что есть бог и что моя душа есть. Но это знание несомненно для меня потому только, что я неизбежно приведен к нему. К несомненности знания бога я приведен вопросом: откуда я? К знанию души я приведен вопросом: что я такое?

Откуда я?

Я родился от своей матери, а та от бабушки, от прабабушки, а самая последняя от кого? И я неизбежно прихожу к богу.

Кто такой я?

Ноги -- не я, руки -- не я, голова -- не я, чувства -- не я, даже мысли -- не я. Что же я?

Я -- я, -- моя душа.

С какой бы стороны я ни пришел к богу, будет то же самое: начало моей мысли, моего разума -- бог; начало моей любви -- он же; начало вещественности -- он же.

То же и с понятием души. Обращусь ли я к своему стремлению к истине, я знаю, что стремление к истине есть невещественная основа меня -- моя душа; обращусь ли я на чувство своей любви к добру, я тоже причину этой любви нахожу в своей душе.

2

Самый неверующий человек, хочет он или не хочет этого, признает бога. Он не может не признавать того, что есть закон его жизни, -- закон, которому он может подчиняться или от которого может уклоняться. Вот это-то признание вьющего, недоступного человеку и известного ему закона своей жизни и есть бог или хотя проявление его.

Бог проявляется в лучших мыслях, в правде речи, в искренности поступка и духом своим дает благоденствие и вечность миру.

Зендавеста.

4

Бог есть. Мы не должны и нам не нужно это доказывать. Всякая попытка доказать его бытие есть уже кощунство; всякое же отрицание его есть безумие. Бог живет в нашей совести, в сознании человечества, в окружающей нас вселенной. Наше сознание, наша совесть взывает к нему во все наиболее торжественные минуты горя и радости. Отрицать бога под сводом звездного неба ночи, у гроба дорогих людей или при казни мученика может только или очень жалкий, или очень преступный человек.

Мадзини.

5

Жизнь мира совершается по чьей-то воле -- кто-то этою жизнью всего мира и нашими жизнями делает свое какое-то дело. Тот, кто это делает, и есть то, что мы называем богом.

Люди не верят в бога только тогда, когда они верят лжи, выдаваемой за бога.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ПАСКАЛЬ

Ни одна страсть не удерживает людей так долго в своей власти, не скрывает от них так прочно, иногда до самого конца, тщету временной мирской жизни и ни одна не отдаляет так людей от понимания смысла человеческой жизни и ее истинного блага, как страсть славы людской, в какой бы форме она ни проявлялась: мелочного тщеславия, честолюбия, славолюбия.

Всякая похоть носит в себе свое наказание и страдания, которые сопутствуют ее удовлетворению, обличают ее ничтожество. Кроме того,

всякая похоть ослабевает с годами, славолюбие же с годами все больше и больше разгорается. Главное же то, что забота о славе людской всегда соединяется с мыслью о служении людям, и человеку легко обманываться, когда он ищет одобрения людей, что он живет не для себя, а для блага тех людей, одобрения которых он добивается. И потому это самая коварная и опасная страсть и труднее всех других искореняемая. Освобождаются от этой страсти только люди с большими душевными силами.

Большие душевные силы дают этим людям возможность быстро достигнуть большой славы, и эти же душевные силы дают им возможность увидать ничтожество ее.

Таким человеком был Паскаль. Таким же был близкий нам русский человек Гоголь (я по Гоголю, думаю, понял Паскаля). И тот и другой, хотя с совсем различными свойствами и с совершенно различным складом и размером ума, пережили одно и то же. Оба очень скоро достигли той славы, которой страстно желали; и оба, достигнув ее, тотчас же поняли всю тщету того, что казалось им самым высоким, самым драгоценным в мире благом, и оба ужаснулись тому соблазну, во власти которого находились. Они все силы души положили на то, чтобы показать людям весь ужас того заблуждения, из которого они только что вышли, и чем сильнее было разочарование, тем настоятельнее представлялась им необходимость такой цели, такого назначения жизни, которое ничем не могло бы быть нарушено.

В этом причина того страстного отношения к вере как нашего Гоголя, так и Паскаля; в этом же и причина пренебрежения их ко всему сделанному ими прежде. Ведь все это делалось для славы. А слава прошла, и в ней ничего не было, кроме обмана. Стало быть, не нужно и ничтожно было все то, что делалось для ее приобретения. Важно одно, только одно: то, чего не было, то, что было заслонено мирскими желаниями славы. Важно и нужно было одно: та вера, которая дает. смысл этой преходящей жизни и твердое направление всей ее деятельности. И это сознание необходимости веры и невозможности жить без нее так поражает таких людей, что они не могут не удивляться на то, как могли они сами, как могут вообще люди жить без веры, объясняющей им смысл их жизни и ожидающей их смерти.

Таким человеком был Паскаль, и в этом его великая, неоценимая и далеко неоцененная заслуга.

Паскаль родился в Клёрмоне в 1623 году. Отец его был известный математик. Мальчик, как и все дети, подражая отцу с первого детства, занялся математикой, и у него обнаружились необыкновенные способности. Отец, не желая преждевременно развивать ребенка, не давал ему математических книг; но мальчик, слушая разговоры отца с его знакомыми математиками, сам стал вновь выдумывать геометрию. Отец, увидав эти необыкновенные для ребенка работы, был так поражен этим,

что пришел в восхищение, расплакался от умиления и с тех пор сам стал преподавать сыну математику. Мальчик скоро не только усвоил все то, что открыл ему отец, но стал делать сам математические открытия. Успехи его обратили на себя внимание не только близких, но и ученых, и Паскаль очень молодым приобрел известность замечательного математика. Слава выдающегося, несмотря на молодые годы, ученого поощряла его к занятиям, большие способности давали ему возможность увеличивать славу, и Паскаль все свое время и силы посвятил научным занятиям и исследованиям. Но здоровье его с детства было слабое, усиленные же занятия еще более ослабили его, и в юношеском возрасте он тяжело заболел. После болезни он, по просьбе отца, сократил свои занятия до двух часов в день, свободное же время употреблял на чтение философских сочинений.

Он прочел Эпиктета, Декарта и опыты Монтэня. Книга Монтэня особенно поразила его -- она возмутила его своим скептицизмом и равнодушием к религии. Паскаль всегда был религиозен и по-детски верил тому католическому учению, в котором был воспитан. Книга Монтэня, вызвав в нем сомнения, заставила его задуматься над вопросами веры, в особенности же о том, насколько необходима вера для разумной жизни человека, и он стал еще строже к себе в исполнении религиозных обязанностей и кроме философских сочинений, стал читать книги религиозного содержания. В числе этих книг ему попалась книга голландского теолога Янсена "Преобразования внутреннего человека".

В книге этой было рассуждение о том, что, кроме похоти плоти, есть еще и похоть духа, состоящая в удовлетворении человеческой пытливости, в основе которой лежит то же, что и во всякой похоти: эгоизм и самолюбие, и что такая утонченная похоть более всего другого удаляет человека от бога. Книга эта сильно поразила Паскаля. Со свойственной великим душам правдивостью он почувствовал истинность этого рассуждения по отношению к себе, и несмотря на то, что отказаться от занятий наукой и от связанной с нею славы было для него великим лишением, или именно потому, что это было для него великим лишением, он решил оставить соблазнявшие его занятия наукой и все свои силы направил на разъяснение для себя и для других тех вопросов веры, которые все сильнее и сильнее занимали его.

Ничего не известно об отношении Паскаля к женщинам и какое влияние имели на его жизнь соблазны женской любви. Биографы его на основании его небольшого сочинения "Discouts sur les passions de l'amour" (1), в котором он говорит, что величайшее счастье, доступное человеку, -- любовь есть чувство чистое, духовное и должно служить источником всего возвышенного и благородного, делают заключение, что Паскаль в своей молодости был влюблен в женщину, стоявшую выше его по положению и

не отвечавшую его любви. Во всяком случае, если и была такая любовь, она не имела никаких последствий для жизни Паскаля. Главные интересы его молодой жизни заключались в борьбе между его стремлениями занятиям наукой и к славе, которую они давали ему, и сознанием пустоты, ничтожества этих занятий и зловредности соблазна славолюбия и желанием все свои силы посвятить только служению богу.

(1) ["Рассуждение о страданиях любви",]

Так, уже в тот период его жизни, когда он решил отказаться от занятий наукой, ему случилось прочесть исследования Торичелли о пустоте. Чувствуя, что вопрос этот решается неверно и что возможно более точное определение, Паскаль не мог удержаться от желания проверить эти опыты. Проверяя же их, он сделал свое знаменитое открытие о тяжести воздуха. Открытие это обратило на него внимание всего ученого мира. Ему писали, его посещали ученые и восхваляли его. И борьба с соблазном славы людской стала еще труднее.

Для борьбы этой Паскаль носил на теле пояс с гвоздями, обращенными к телу, и всякий раз, как ему казалось, что при чтении или выслушивании себе похвал в нем поднимается чувство честолюбия, гордости, он прижимал пояс локтем к боку, гвозди кололи его тело, и он вспоминал весь тот ход мыслей и чувств, которые отвлекали его от соблазна славы.

В 1651 году с Паскалем случилось событие, казалось бы, неважное, но сильно поразившее его и имевшее большое влияние на его душевное состояние. На мосту Нельи он упал из экипажа и был на волоске от смерти. В это же время умер отец Паскаля. Это двойное напоминание о смерти заставило Паскаля еще больше, чем прежде, углубиться в вопросы жизни и смерти.

Религиозное настроение все более и более захватывало жизнь Паскаля, так что в 1655 году он совершенно удалился от мира. Он переехал в Янсенистекую общину Пор-Рояля и стал жить там жизнью почти монашеской, обдумывая и приготавливая то большое сочинение, в котором он хотел показать, во-первых, необходимость религии для разумной жизни людской и, во-вторых, истинность той религии, которую он сам исповедывал. Но и здесь соблазны славы людской не оставили Паскаля.

Янсенистская община Пор-Рояля, в которой жил Паскаль, вызвала к себе враждебность могущественного ордена иезуитов, и происки иезуитов сделали то, что существовавшие при Пор-Рояле школы мужская и женская были закрыты, и самому монастырю Пор-Рояля угрожала опасность быть закрытым.

Живя среди янсенистов и разделяя их учение, Паскаль не мог оставаться равнодушным к положению своих единоверцев и, увлекшись их спором с

иезуитами, написал в защиту янсенистов книгу, которую он назвал "Письмами провинциала". В сочинении этом Паскаль не столько оправдывал и защищал учение янсенистов, сколько осуждал врагов их -- иезуитов, обличая безнравственность их учения. Книга имела большой успех, но слава эта уже не могла соблазнить Паскаля.

Вся жизнь его была уже неперестающим служением богу.

Он установил себе правила жизни и строго следовал им, не уклоняясь от них ни по лени, ни по болезни. Бедность он считал основанием добродетели. "В бедности и нищете, -- говорил он, -- не только нет зла, но в них наше благо. Христос был беден и нищ и не имел, где главу преклонить". Отдавая все, что мог, бедным, Паскаль жил так, что у него было лишь необходимое; он обходился по возможности без прислуги, допуская ее, только когда он по болезни не мог двигаться. Жилище его было самое простое, как и пища и одежда. Он сам убирал свои комнаты и приносил себе обед. Болезнь его все усиливалась, и он не переставал страдать. Но страдания свои он переносил не только с терпением, удивлявшим его близких, но даже с радостью и благодарностью. "Не жалейте, -- говорил он тем, которые соболезновали его положению, -- болезнь есть естественное состояние христианина, потому что в этом положении христианин бывает таким, каким должен быть всегда. Она приучает к лишению всяких благ и чувственных удовольствий, приучает удерживаться от страстей, которые всю жизнь обуревают человека, быть без честолюбия, без жадности, быть всегда в ожидании смерти".

Та роскошь, которой пытались окружить его любящие его родные, тяготила его. Он просил сестру перевести его в больницу для неизлечимых больных, чтобы провести с ними последние дни своей жизни, но сестра не исполнила его желания, и он умер у себя.

Последние часы он был без сознания. Только перед самым концом он приподнялся с постели и с ясным и радостном выражением сказал: "Не оставь меня, господи". Это были его последние слова.

Он скончался 19 августа 1662 года.

Человеку для его блага нужны две веры: одно -- верить, что *есть* объяснение смысла жизни, и другое -- *найти* это наилучшее объяснение жизни.

Паскаль сделал, как никто, первое дело. Судьба, бог не дали ему сделать второго.

Как человек, умирающий от жажды, набрасывается на ту воду, которая есть перед ним, не разбирая ее качества, так Паскаль, не разбирая качества того католицизма, в котором он был воспитан, видел в нем истину и спасение людей. Довольно, что вода, довольно, что вера.

Само собою разумеется, что никто не имеет права гадать о том, что могло

бы быть, но нельзя себе представить гениального, правдивого перед самим собой Паскаля, верующего в католичество. Он не успел подвергнуть его той силе мысли, которую он направил на доказательство необходимости веры, и потому в душе его догматический католицизм остался целым. Он, не трогая его, опирался на него. Опирался на то, что было и есть в нем истинного. Он взял из него напряженную работу самосовершенствования, борьбу с соблазнами, отвращение к богатству и твердую веру в милосердного бога, которому он отдавал, умирая, свою душу.

Он умер, сделав только одну часть работы, -- не доделав, даже не начав делать другую. Но от того, что не сделана эта вторая часть работы, не менее драгоценна первая удивительная книга "Мыслей", собранная из разрозненных клочков бумаги, на которых больной, умирающий Паскаль записывал свои мысли.

Удивительная судьба этой книги.

Является пророческая книга -- толпа стоит в недоумении, пораженная силой пророческого слова, встревожена, хочет понять и уяснить, узнать, что делать. И вот приходит один из тех людей, которые, как говорил Паскаль, думают, что знают, и поэтому мутят мир; приходят эти люди и говорят: "Тут нечего понимать и уяснять, все это очень просто. Этот Паскаль (то же самое было с Гоголем), как вы видите, верил в троицу, в причастие; ясно, что он был больной, ненормальный и потому по своей слабости и болезни все понимал навыворот. Лучшее доказательство этого то, что он отверг, отрекся даже от того хорошего, что сам сделал и что нам нравится (потому, что мы это понимаем), и приписывал большую важность совершенно бесполезным "мистическим" рассуждениям о судьбе человека, о будущей, жизни. Поэтому надо брать из него не то, что он сам считал важным, а то, что мы можем понять и что нам нравится".

И толпа рада: то она не понимала, ей надо было усилие, чтобы подняться до той высоты, на которую ее хотел поднять Паскаль, а тут все совершенно просто. Паскаль открыл закон, по которому делают насосы. Насосы очень полезны, и это очень хорошо; а все то, что он там говорит о боге, бессмертии, все это пустяки, потому что он верил в троицу, Библию. Нам не нужно усилия, чтобы подниматься до него; напротив, мы с высоты своей нормальности можем покровительственно и снисходительно признавать его заслуги, несмотря на его ненормальность.

Паскаль показывает людям, что люди без религии -- или животные, или сумасшедшие, тыкает носом в их безобразие и безумие, показывает им, что никакая наука не может заменить религию. Но Паскаль верил в бога, в троицу, в Библию, и потому для них дело решенное, что и то, что он им говорил о безумии их жизни и тщете науки, -- неправда. Та самая наука, та самая суета жизни, то самое безумие, которое так неотразимо выяснено им, эта самая суета, эта самая наука, это самое безумие они считают

настоящей жизнью, истиной, а рассуждения Паскаля считают плодом его болезненной ненормальности. Им нельзя не признать силы мысли и слова этого человека, и они причисляют его к классикам, но содержание его книги ненужно им. Им кажется, что они стоят неизмеримо выше того высшего душевного состояния религиозного сознания, до которого только может достигнуть человек и на котором стоит Паскаль, и потому значение удивительной книги безнадежно скрыто от них.

Да, ничто так не зловредно, не пагубно для истинного прогресса человечества, как эти ловко обставленные всякого рода современными украшениями рассуждения людей qui croyent savoir (которые думают, что знают) и которые, по мнению Паскаля, bouleversent le monde (мутят мир).

Но свет и во тьме светит, и есть люди, которые, не разделяя веры Паскаля в католичество, но понимая то, что он, несмотря на свой великий ум, мог верить в католичество (предпочитая верить в него, чем ни во что не верить), понимают и все значение его удивительной книги, неотразимо доказывающей людям необходимость веры, невозможность человеческой жизни без веры, т. е. без определенного, твердого отношения к человеку и миру и Началу его.

И поняв это, люди не могут не найти и тех, соответствующих их степени их нравственного и умственного развития, ответов той веры на вопросы, поставленные Паскалем.

В этом его великая заслуга.

Л. Н. Толстой.

8-е июля

Чувство, разрешающее все противоречия жизни человеческой и дающее наибольшее благо человеку, знают все люди. Чувство это -- любовь.

1

Как победить дурное расположение духа? Прежде всего смирением: когда знаешь свою слабость, зачем раздражаться, когда другие указывают на нее? Это нелюбезно с их стороны, но они правы. Потом рассуждением: в конце концов останешься все-таки тем, чем был, и если слишком уважал

себя, то приходится только изменить о себе мнение; неучтивость ближнего оставляет нас такими, какими мы и были. Главное же -- прощением: есть только одно средство не ненавидеть тех, которые делаю нам зло и обиды, -- это делать им добро, победить свой гнев добротою; их не переменишь этой победой над своими чувствами, но обуздаешь себя.

Амиель.

2

Какая цена глазам, в которых нет доброты? Доброта есть истинное богатство. Собственностью владеют и добрые и злые. Стой на истинном пути, соображай и будь добр; хотя бы ты и изучил правила всех религиозных учении, только доброта даст тебе благо. Тот, в душе которого живет доброта, никогда не вступит в область мрака и печали. Никакое зло не постигнет того, кто добр и служит всем существам.

Индийский Курал.

3

Любовь уничтожает смерть и превращает ее в пустой призрак; она же обращает жизнь из бессмыслицы в нечто осмысленное и из несчастия делает счастие.

4

Ничем нельзя вынуть из раны отравленного жала, как только бальзамом молчаливого и предупредительного милосердия. Зачем позволять себе раздражаться на человеческую злобу, на неблагодарность, на зависть, даже на коварство? Перекорам, жалобам, наказаниям никогда не будет конца. Самое простое -- стереть все. Обиды, упреки, вспышки возмущают душу. Надо иметь средство исцеления от этих зол. Оно очищает все в вещественном мире; любовь -- в мире духовном.

Амиель.

5

Если вы сознательно не добры ко всем, то будете часто сознательно жестоки ко многим.

Джон Рёскин.

6

Любовь выводит человека из себя, из своей личности, и потому, если личность страдает, любовь избавляет от страданий.

7

Чем меньше любви, тем больше человек подвержен мучительности страдания; чем больше любви, тем меньше мучительности страдания; жизнь же вполне разумная, вся деятельность которой проявляется только в любви, исключает возможность всякого страдания. Мучительность страдания -- это только та боль, которую испытывают люди при попытках разрывания цепи любви, которая соединяет жизнь человеческую с жизнью мира.

Когда тебе тяжело, когда ты боишься людей и себя, когда ты запутался в рассуждениях и делах, скажи себе: буду любить тех, с кем меня сводит жизнь, и старайся делать это, и увидишь, как всё пройдет, облегчится, распутается, и тебе нечего ни желать, ни бояться.

9-е июля

Ошибочно думают, что многознание есть достоинство. Важно не количество, а качество знания.

1

Сократ хотя и считал глупость несовместимой с мудростью, не называл невежество глупостью. Но не знать самого себя и воображать себе, что знаешь то, чего не знаешь, вот что он называл безумием.

Ксенофонт.

2

Мы живем в век философии, наук и разума. Кажется, что все науки соединились, чтобы осветить путь в этом лабиринте человеческой жизни. Огромные библиотеки открыты для всех, везде гимназии, школы, университеты дают нам с детства возможность воспользоваться мудростью людей, проявившейся в продолжение тысячелетий. Все, казалось бы, содействует образованию нашего ума и утверждению разума. Что же, стали ли мы лучше или мудрее от всего этого? Лучше ли мы знаем путь и назначение нашего призвания? Лучше ли мы знаем, в чем наши обязанности и, главное, благо жизни? Что приобрели мы от всего этого тщетного знания, кроме вражды, ненависти, неизвестности и сомнений? Всякое религиозное учение и секта доказывает, что она одна нашла истину. Всякий писатель один знает, в чем наше благо. Один доказывает нам, что нет тела, другой -- что нет души, третий -- что между душой и телом нет связи, четвертый -- что человек животное, пятый -- что бог только зеркало.

Руссо.

3

Какое огромное преимущество на стороне того человека, который ничего не знает о предмете и, что очень редко, -- знает, что ничего не знает о нем, перед тем, кто действительно кое-что знает, но думает, что он знает все! Какое огромное преимущество на стороне первого!

Торо.

4

Как много ненужного чтения могли бы мы избегнуть при самостоятельном мышлении!

Разве чтение и учение одно и то же? Кто-то не без основания утверждал, что книгопечатание если и способствовало более широкому распространению учености, то в ущерб ее качеству и содержанию. Слишком много читать вредно для мышления. Величайшие мыслители, встречавшиеся мне среди ученых, которых я изучал, были как раз наименее начитанными.

Если бы людей учили, как они должны мыслить, а не только тому, что они должны мыслить, -- недоразумение было бы предотвращено.

Лихтенберг.

5

Не бойся незнания, бойся ложного знания. От него все зло мира.

6

Человек, который умеет скрывать свою глупость, лучше, чем человек, который хочет выказать свою мудрость.

7

Чтобы достигнуть нравственного совершенства, нужно прежде всего заботиться о душевной чистоте. А душевная чистота достигается в том только случае, когда сердце ищет правды и воля стремится к святости. И все это зависит от истинного знания.

Конфуций.

8

Ум укрепляется или расслабляется чтением решительно так же, как тело свежим или гнилым воздухом.

Джон Рёскин.

Сомнительно знание, вызывающее споры.

10-е июля

В нашем мире истинная вера большей частью заменена общественным мнением: люди верят не в бога, а в то, чему учат люди.

1

Главный и самый обычный способ отрицать существование бога состоит в том, чтобы признавать всегда безусловно справедливым общественное

мнение и не придавать никакого значения своему сознанию бога.

Джон Рескин.

2

Бог предоставляет каждой душе выбор между истиной и спокойствием. Выбирай одно из двух. Нельзя иметь и то и другое. Как маятник, колеблется человек между тем и другим. Тот, в ком преобладает любовь к спокойствию, воспримет первую встретившуюся ему веру, философию, политическую партию, -- чаще всего ту, которую исповедывал его отец, и он получит спокойствие, удобство и общественное уважение, но он затворит дверь перед истиной.

Эмерсон.

3

Несчастие и зло людей происходит не столько оттого, что люди не знают своих обязанностей, сколько оттого, что они признают своими обязанностями не то, что есть их обязанность.

4

У церкви, у государства, у общества имеются известные типичные формы, в которые отливается мысль молодежи. И когда приходит время, в которое должны бы были проявиться особенности нового поколения, оказывается, что мысль его уже окостенела в этих формах и не может принять в себя ничего нового.

Люси Малори.

5

Вера не устанавливается большинством голосов. Тот, кто в большинстве голосов видит признак истинности веры, не знает того, что есть вера.

6

Каждое общество, исходящее из положения, что "нет бога", приходит к некоторым неожиданным результатам. Так как мировой порядок представляется такому обществу рядом случайностей и бесконечных обманов, то какие-нибудь единичные случайности или обманы не могут, конечно, уже никого удивить. И потому все те ужасы, которые совершаются в нашей жизни, уже никого не поражают и не удивляют. Все это вполне в порядке вещей.

Карлейль.

7

Причина того бедственного положения, в которое впало наше общество, заключается в том, что люди высших классов живут без всякой веры, стараясь заменить отсутствие веры одни -- лицемерием, притворяясь, что они еще верят во внешние религиозные формы, другие -- смелым провозглашением своего неверия, третьи -- утонченным скептицизмом, четвертые -- признанием законности эгоизма и возведением его в религиозное учение.

Причина болезни -- непринятие учения Христа в его истинном, т. е. полном, значении. Исцеление от болезни только в одном -- в признании этого учения во всем его значении. А это признание в наше время не только возможно, но и необходимо.

Основная причина того зла, от которого страдают теперь люди, -- это то,

что у большинства людей нашего времени нет никакой веры.

11-е июля

Истинное милосердие -- только милосердие сильного, отдающего свои труды и усилия слабому.

1

Подача милостыни только тогда доброе дело, когда то, что подается, есть произведение труда.

Пословица говорит: сухая рука прижимиста, потная рука торовата. Так и в "Учении 12 апостолов" сказано: пусть милостыня твоя потом выходит из руки твоей.

2

Мощь дана человеку не для того, чтобы он давил слабого, а чтобы он поддерживал его и помогал ему.

Джон Рёскин.

3

Всякое доброе дело есть милосердие. Дать воды жаждущему -- это милосердие. Принять камни с дороги -- это милосердие. Убеждать ближних, чтобы они были добродетельны, -- милосердие. Указать страннику его путь -- тоже милосердие. Улыбнуться, глядя в лицо ближнего, -- милосердие.

Предание Мишкат (Магомет).

4

Всякому, просящему у тебя, давай и от взявшего у тебя не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними.

Лк. гл. 5, ст. 30--31.

5

То, что ты отдал, -- твое, а то, что ты удержал, -- потерянное.

Восточная мудрость.

6

Хвалили человека, раздавшего все свое имение. "Меня не за что хвалить, -- сказал этот человек, -- я ничего еще не сделал. Я только, подойдя к реке, через которую мне надо переплыть, разделся, чтобы одежда не мешала мне. Дело в том, как я поплыву".

Если богатый человек будет истинно милосерд, он скоро перестанет быть богатым.

12-е июля

Основание любви есть сознание каждым человеком единства духовного начала, живущего во всех людях.

1

Все, что вносит единение между людьми, есть благо и красота; все, что их разъединяет, -- зло и уродство. Все люди знают эту истину. Она запечатлена в нашем сердце.

2

Какое ужасное страдание -- знать, что я страдаю и лишаюсь жизни не от завала горы, не от бактерий, а от людей, от братьев, которые должны бы любить и которые вот ненавидят меня, если заставляют страдать! Это чувство подобно тому, которое должен испытывать самоубийца.

3

Нет такого дурного дела, за которое был бы наказан только тот, кто его сделал. Мы не можем так уединиться, чтобы то зло, которое есть в нас, не распространялось. Наши дела, как наши дети: они живут и действуют независимо от нашей воли.

Джордж Элиот.

4

Я до такой степени убежден, что человек все делает из собственной выгоды (понимая это слово надлежащим образом), что верю, что это так же необходимо для мировой жизни, как чувствительность для сохранения жизни тела. Наша "первопричина" так мудро сумела связать интересы одной части с интересами других, что мы не можем сделать себе истинного добра иначе, как сделав его ближнему.

Лихтенберг.

5

Никто один не может достигнуть истины; только камень за камнем, с участием всех, миллионами поколений, от праотца Адама и до нашего времени, воздвигается тот храм, который должен быть достойным жилищем великого бога.

6

Жизнь человека есть самодвижущийся круг, который из бесконечно малого расходится во все стороны, в новые и все большие круги, не имеющие конца.

Эмерсон.

7

Всякое неподдельное благодеяние, всякая вполне и поистине бескорыстная помощь, имеющая, стало быть, в виду исключительно чужую нужду, оказывается, строго говоря, при исследовании дела до последних основ, поступком таинственным и необъяснимым, потому что вытекает из таинственного сознания единства всего существующего и не поддается никакому иному объяснению. В самом деле, подать хотя бы милостыню, не имея в виду, даже в отдаленных соображениях, ничего другого, как только уменьшить нужду, давящую другого, -- возможно лишь потому, что подающий познает, что то, что является ему сейчас под видом того жалкого нищего, есть он же сам, потому что он узнает свое собственное существо само по себе в этом ином, чуждом явлении.

Шопенгауэр.

Мы внешне отделены и внутренно связаны со всеми живыми

существами.

Некоторые из колебаний духовного мира мы чувствуем, некоторые еще не дошли до нас, но они идут, как идут колебания света от звезд, еще не видимых для нашего глаза.

13-е июля

Нельзя приводить существующий порядок в оправдание своих поступков. Существующий порядок не есть что-либо постоянное; он подлежит постоянному изменению, переходу от худшего к лучшему. И переход этот может совершиться только благодаря нашему несогласию с существующим устройством.

1

Пока развитое меньшинство, поглощая жизнь поколений, едва догадывалось, отчего ему так ловко жить, пока большинство, работая день и ночь, не совсем догадывалось, что вся выгода работы -- для других, и те и другие считали это естественным порядком, -- мир антропофагии мог держаться Люди часто принимают предрассудок, привычку за истину -- и тогда она их не теснит. Но когда они однажды поняли, что их истина вздор, -- дело кончено. Тогда только силою можно заставить делать то, что человек считает нелепым:

Герцен.

2

Все наши благотворительные учреждения, все наши карательные законы, все наши ограничения и запрещения, которыми мы стараемся предупредить и пресечь преступления -- что такое они, в лучшем случае, как не выдумки дурака, который, взвалив весь груз в корзинку с одной стороны осла, решил помочь несчастному животному, навалив столько же камней в корзинку с другой его стороны?

Генри Джордж.

3

Отвратительная бедность, кишащая в самых центрах нашей цивилизации, преступления, развращенность и хищничество, порождаемые ею, являются следствием наших законов о земле, не желающих знать простого закона справедливости, настолько простого и ясного, что его признают даже наиболее грубые из дикарей. То, что по самой природе своей является нашим правом от рождения, сделано исключительной собственностью некоторых лиц, и то, что в силу естественного закона должно бы быть общим фондом, из которого покрывались бы все наши общественные нужды, мы отдаем немногим людям, с тем чтобы они господствовали над своими собратиями. И вот одни обжираются, в то время как другие голодают, и средств расточается более, чем сколько нужно было, чтобы содержать всех в роскоши.

Генри Джордж.

4

Мудрое потребление гораздо труднее мудрого производства. Что двадцать человек с трудом произведут, то один легко может потребить, и вопрос жизни, как для каждого отдельного лица, так и для целого народа, состоит не в том, сколько он произведет, а в том, на что эти продукты тратятся.

Люди обыкновенно утверждают, что личная практическая деятельность бессильна сколько-нибудь повлиять на изменение или задержку обширной системы современной промышленности или способов производства и торговли.

Я же, вдумываясь в ту массу умных разговоров, которая входит в одно длинное ухо мира и выходит из другого, не производя ни малейшего впечатления на его ум, испытываю иногда непреодолимое желание попытаться весь остаток жизни употребить на то, чтобы молча делать то

дело, которое я считаю разумным, и никогда ни о чем больше не говорить.

Джон Рёскин.

5

Не должны ли мы стремиться к такому идеалу народной жизни, при котором возвышение по ступеням общественной лестницы будет не столько пленять, сколько страшить лучших людей?

Джон Рёскин.

6

Мы очень много изучали и усовершенствовали в последнее время великое изобретение цивилизации -- разделение труден только мы даем ему ложное название. Правильно выражаясь, надо сказать: не работа разделена, но люди разделены на частицы людей, разломлены на маленькие кусочки, на крошки; так что та малая часть рассудка, которая, оставлена в человеке, недостаточна, чтобы сделать целую булавку целый гвоздь, и истощается на то, чтобы сделать кончик булавки или шляпку гвоздя. Правда, что хорошо и желательно делать много булавок в день; но если бы только мы могли видеть, каким песком мы полируем их -- песком человеческой души, то мы бы подумали о том, что это тоже и невыгодно.

Можно заковывать, мучить людей, запрягать их, как скот, убивать, как летних мух, и все-таки такие люди в известном смысле, в самом лучшем смысле, могут оставаться свободными. Но давить в них бессмертные души, душить и превращать в гниющие обрубки младенческие ростки их человеческого разума, употреблять их мясо и кожу на ремни, для того чтобы двигать машинами, -- вот в чем истинное рабство. Только это унижение и превращение человека в машину заставляет рабочих безумно, разрушительно и тщетно бороться за свободу, сущности которой они сами не понимают. Озлобление их против богатства и против господ вызвано не давлением голода, не уколами оскорбленной гордости (эти две причины производили свое действие всегда; но основы общества не были никогда так расшатаны, как теперь). Дело не в том, что Люди дурно питаются, но в

том, что они не испытывают удовольствия от той работы, посредством которой они добывают хлеб, и потому Они смотрят на богатство как на единственное средство удовольствия.

Не в том дело, что люди страдают от презрения к ним высших классов, но в том, что они не могут переносить свое собственное к себе презрение за то, что чувствуют, что труд, к которому они приговорены, унизителен, развращает их, делает их чем-то меньше людей. Никогда высшие классы не проявляли столько любви и симпатии к низшим, как теперь, а между тем никогда они не были так ненавидимы ими.

Джон Рёскин.

7

Если государство управляется на началах разума, то надо стыдиться, если есть бедность и нищета; если же государство управляется не на началах разума, то надо стыдиться богатства и почестей.

Китайская мудрость.

Для осуществления закона бога, насколько он выяснен нам, нужно наше усилие, и усилие это делается людьми, и, как ни медленно, мы все-таки приближаемся к этому осуществлению.

14-е июля

Царство божие есть осуществление среди людей закона бога и той мере, в которой он открыт им.

1

Куда денется нищета, если каждый будет искать прежде всего царствия божия и правды его? То есть если, добровольно покоряясь закону бога, каждый будет стремиться к добросовестному исполнению обязанностей, налагаемых этим законом?

Нищета -- дочь несправедливости, любостяжания, преступного презрения к священным обязанностям человечества, -- столь общего и постоянного нарушения их, что мы, вследствие ужасающего помрачения нашей совести, привыкли даже считать нищету необходимым условием порядка жизни. Итак, да приидет царствие твое, господи; да будет закон твой законом обновления мира; да не будет нагота уделом трех четвертей человеческою рода; да будет мир не жилищем ожесточенных и вредящих друг другу врагов, а жилищем братьев рвущихся друг к другу на помощь Умножаясь ежедневно, да сплотятся сыны божии для уничтожения зла, для низложения храма сатаны и для построения твоего храма из его развалин.

Ламенэ.

2

Тогда только можно будет с полным основанием сказать, что пришло к нам Царствие Божие, когда открыто признана будет необходимость перехода церковной веры во всеобщую разумную религию. Пусть полное осуществление этого царствия бесконечно удалено от нас; но в этом установлении всеобщей разумной религии вместо церковных вер, как в развивающемся и потом размножающемся зародыше, содержится уже все то, что должно просветить мир и овладеть им.

В жизни мира тысячи лет как один день. Мы должны терпеливо работать над этим осуществлением и ждать его.

Кант.

3

Царство божие на земле -- это конечная цель и желание человечества

("Да приидет царствие твое"). Христос приблизил к нам это царство, но люди не поняли его и воздвигли у нас царство попов, а не царство бога.

Кант.

4

Приходит время, когда обрядовое, словесное богослужение, притягивающее людей к себе своей поэзией и благолепием, и насильническое общественное устройство, считающееся неизбежным условием жизни, будут вытеснены разумением о жизни человека! Приходит время царства небесного, царства бога на земле, когда сама жизнь наша в наших делах вся наполнится сознательным исполнением закона бога.

Требуется одно главное, требуется понять религию в ее истинном значении: не в смысле колдовства и мороченья людей, а в смысле истинной науки, разумения о жизни человека, -- понять так, чтобы под богослужением разуметь не что-нибудь таинственное, сверхъестественное, чего без попа, без благодати сделать нельзя, я понимать пол богослужением любовь к богу и ближнему, служение ближнему, деятельность на благо ближнего, на благо общее, -- чтобы понимать под богослужением делание добра.

Бука.

Царство божие внутри вас есть. И потому ищите царства божия в себе, и остальное все сделается так, как только мы можем желать.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

I

УСТРОЙСТВО МИРА

Мир -- это общество такое, каким оно было во времена Иисуса и каково оно в сущности и теперь, так как восемнадцать веков христианства не изменили его основ, а только смягчили их проявления. Несмотря на изменение внешних форм, это общество держится везде на силе и себялюбии.

Повелевают только потому, что имеют власть; угнетают, мучают потому, что повелевают для себя. Таков мир, и между миром и Иисусом вечная борьба, потому что то, чего хочет Иисус, прямо противоположно тому, чего хочет мир. Иисус хочет, чтобы люди были свободны, чтобы, будучи равными перед общим отцом, они были равны и друг перед другом, чтобы братская любовь соединила их в одну семью. Мир же хочет подчинения почти всех некоторым; хочет не братьев, но малых и великих, -- малых, лишенных всяких прав, и великих, которым бы они принадлежали и которые располагали бы ими как хотят.

Иисус хочет, чтобы власть была служением; мир хочет, чтобы она была господством! Поэтому Иисус осуждает мир, и мир ненавидит Иисуса, и ненависть эта, распространяясь на учеников Иисуса, подвергает их гонениям от мира. Если бы мир терпел их, если бы между ним и ими была бы связь какая бы то ни было, они были бы учениками Иисуса, но изменниками его учению, соучастниками того, кто предал его поцелуем.

Итак, вы -- те, которые хотите того, чего хотел Иисус, те, которых он избрал для того, чтобы продолжать его дело, будьте готовы к тому, что ожидает вас в мире; но знайте и то что мир не будет сильнейшим до конца, а будет побежден, потому что та истина, которая должна победить, уже начинает светиться перед глазами всех, начинает шевелить все совести, и мир тщетно старается убить ее, как он убил Иисуса. Времена приближаются, глухой ропот предвещает освобождение; со всех сторон слышен треск разрывающихся цепей; сильные смущены -- чувствуют, что они слабеют; слабые же поднимают голову. Должна произойти последняя битва. Пусть всякий твердо стоит в этой битве, решающей вопрос о том, будет ли человечество освобождено Христом по его обещанию или вечно будет рабом сынов того, кто был человекоубийцей от начала.

Ламенэ.

II

ОТНОШЕНИЕ ПЕРВЫХ ХРИСТИАН К ВОЙНЕ

"Безумствует мир во взаимном кровопролитии, и убийство, считаемое преступление, когда люди совершают его поодиночке, именуется добродетелью, если делается скопищем". Так писал в третьем веке знаменитый Киприан, говоря про воинство.

Так же относилась к войне и вся христианская община первых веков до пятого века. Христианская община определенно признавала в лице своих руководителей, что христианам запрещено всякое убийство, а потому и убийство на войне.

Перешедший в христианство во втором веке философ Татиан считает убийство на войне так же недопустимым для христиан, как и всякое убийство, и почетный воинский венок считает непристойным для христианина. В том же столетии Афинагор Афинский говорит, что христиане не только сами никогда не убивают, но и избегают присутствовать при убийствах.

В третьем столетии Климент Александрийский противопоставляет языческим "воинственным" народам "мирное племя христиан". Но всего яснее выразил отвращение христиан к войне знаменитый Ориген. Прилагая к христианам слова Исаии, что придет время, когда люди перекуют мечи на серпы и копья на плуги, он совершенно определенно говорит: "Мы не поднимаем оружия ни против какого народа, мы не учимся искусству воевать, ибо через Иисуса Христа мы сделались детьми мира". Отвечая на обвинение Цельзом христиан в том, что они уклоняются от военной службы, так что, по мнению Цельза, если только Римская империя сделается христианской, она погибнет, Ориген говорит, что_христиане больше других сражаются за благо императора, сражаются за него добрыми делами, молитвой и добрым влиянием на людей. Что же касается борьбы оружием, что совершенно справедливо, говорит Ориген, что христиане не сражаются вместе с императорскими войсками и не пошли бы даже в том случае, если бы император их к этому принуждал.

Так же решительно высказывается и Тертуллиан, современник Оригена, о невозможности христианину быть военным. "Не подобает служить знаку Христа и знаку дьявола, -- говорит он про военную службу, -- крепости света и крепости тьмы; не может одна душа служить двум господам. Да и как воевать без меча, который отнял сам господь? Неужели можно упражняться мечом, когда господь сказал, что каждый, взявшийся за меч, от меча погибнет? И как будет участвовать в сражении сын мира?"

В четвертом веке Лактанций говорит то же. "Не должно быть никакого исключения в заповеди божьей, что убить человека всегда грех, -- говорит он. -- Носить оружие христианам не дозволено, ибо их оружие -- только

истина". В правилах египетской церкви третьего века и в так называемом "Завещании господа нашего Иисуса Христа", безусловно, запрещено всякому христианину поступать на военную службу под страхом отлучения от церкви.

В "Деяниях святых" много примеров христианских мучеников первых веков, пострадавших за отказ продолжать службу в римских легионах.

Так, Максимилиан, приведенный в присутствие по отбыванию воинской повинности, на первый вопрос проконсула о том, как его зовут, отвечал: "Мое имя христианин, и потому я сражаться не могу". Несмотря на это заявление, его зачисляли в солдаты, но он отказался от службы. Ему было объявлено, что он должен выбрать между отбыванием воинской повинности и смертью. Он сказал: "Лучше умру, но не могу сражаться". Его отдали палачам.

Марцеллий был сотником в Троянском легионе. Поверив в учение Христа и убедившись в том, что война -- нехристианское дело, он в виду всего легиона снял с себя военные доспехи, бросил их на землю и объявил, что, став христианином, он более служить не может. Его посадили в тюрьму, но он и там говорил: "Нельзя христианину носить оружие". Его казнили.

Вслед за Марцеллием отказался от военной службы служивший в том же легионе Касьян. Его также казнили. При Юлиане Отступнике отказался продолжать военную службу Мартын, воспитавшийся и выросший в военной среде. На допросе, сделанном ему императором, он сказал только: "Я -- христианин и потому не могу сражаться".

Первый вселенский собор (325 г.) ясно определил строгую эпитимию за вторичное поступление в войска христиан, оставивших службу. Подлинные слова этого постановления в переводе, признанном православною церковью, таковы:

"Благодатию призванные к исповедыванию веры и первый порыв ревности явившие и отложившие воинские поясы, но потом, аки псы, на свою блевотину возвратившиеся... таковые 10 лет да припадают к церкви, прося прощения, по трилетнем слушании Писания в притворе".

Оставшимся в войсках христианам вменялось в обязанность во время войны не убивать врагов. Еще в четвертом веке Василий Великий рекомендует в течение трех лет не допускать до причащения солдат, виновных в нарушении этого постановления.

Таким образом, не только в первые три века христианства, во время гонений на христиан, но и в первые времена торжества христианства над язычеством, когда христианство было признано господствующей, государственной религией, в среде христиан еще держалось убеждение, что война несовместима с христианством. Ферруций высказал это определенно и решительно (и был за это казнен):

"Не дозволено христианам проливать кровь, даже в справедливой воине и по приказу христианских государей".

В четвертом веке Люцифер, епископ Кальярский, учит, что даже самое дорогое для христиан благо -- свою веру -- они должны защищать "не убийством других, а собственной смертью". Павлин, епископ Ноланский, умерший в 431 году, еще грозил вечными муками за службу кесарю с оружием в руках.

Таков был взгляд христиан первых четырех веков на отношение христианства к военной службе.

(Составлено по книгам: барона Таубе "Христианство и международный мир" и Руинарта "Деяния первых мучеников".) [Составлено Н. Н. Гусевым. Под редакцией Л. Н Толстого.]

III

ПИСЬМО КРЕСТЬЯНИНА ОЛЬХОВИКА,

ОТКАЗАВШЕГОСЯ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

"1895 года октября 15 дня я был призван к отбыванию воинской повинности. Когда пришла очередь мне тянуть жребий, я сказал, что жребия тянуть не буду. Чиновники посмотрели на меня, потом поговорили друг с другом и спросили меня, почему я не буду тянуть.

Я отвечал, что это потому, что я ни присягать, ни ружья брать не буду.

Они сказали, что это дело будет после, а жребий тянуть надо.

Я опять отказался. Тогда велели тянуть старосте жребий. Староста вытянул; оказался N 674. Записали.

Входит воинский начальник, вызывает меня в канцелярию и спрашивает: "Кто тебя всему этому научил, что ты не хочешь присягать?"

Я отвечал: "Сам научился, читая Евангелие".

Он говорит: "Не думаю, чтобы ты сам понял так Евангелие; ведь там все непонятно; чтобы понимать, для этого надо много учиться".

На это я сказал, что Христос учил не мудрости, потому что самые простые неграмотные люди и те понимали его учение.

Тогда он сказал солдату, чтобы отправил меня в команду. С солдатом мы пошли в кухню, там пообедали.

После обеда стали спрашивать меня, почему не присягал.

Я сказал: "Потому что в Евангелии сказано: не клянись вовсе".

Они удивились; потом спросили: "Да разве это есть в Евангелии? А ну найди".

Я нашел, прочитал; они послушали.
"Хотя и есть, а все-таки нельзя не присягать, потому что замучат".
Я сказал на это: "Кто погубит земную жизнь, тот наследует жизнь вечную".
20 числа меня поставили в ряд с другими молодыми солдатами и рассказали нам солдатские правила. Я им сказал, что я ничего этого делать не буду. Они спросили: "Почему?"
Я сказал: "Потому что, как христианин, не буду носить оружия и защищаться от врагов, потому что Христос велел любить и врагов".
Они сказали: "Да разве только ты один христианин? Ведь мы же вот христиане".
Я сказал: "Про других я ничего не знаю, знаю только про себя, что Христос говорил делать то, что я делаю".
Он опять сказал: "Если ты не будешь заниматься, то я тебя сгною в тюрьме".
На это я сказал: "Что хотите, то и делайте со мной, а служить я не буду".
Сегодня смотрела комиссия. Генерал говорил офицерам: "Какие убеждения находит этот молокосос, что отказывается от службы! Какие-нибудь миллионы служат, а он один отказывается. Его выпороть хорошенько розгами, тогда он оставит свои убеждения".
Ольховика арестовали и сослали в Якутскую область.

15-е июля

Телесная жизнь моя подлежит страданиям и смерти, и никакие усилия мои не могут избавить меня ни от страданий, ни от смерти. Духовная же жизнь моя не подлежит ни страданиям, ни смерти. И потому спасение мое от страданий и смерти только в одном: в перенесении моего сознания в свое духовное "я".

1

Есть два способа познания внешнего мира.
Один -- самый грубый и неизбежный -- способ познавания пятью чувствами. Если бы этот способ познания был один, то из этого способа познания не сложился бы в нас тот мир, который мы знаем, а был бы бессмысленный хаос.
Другой способ -- в том, чтобы, познав любовью к себе себя, познать тою

же любовью другие существа: людей, животных, растения, камни, небесные тела, и опять, посредством любви, отношения существ между собою и из этих отношений образовать весь мир, как мы знаем его.

Этот способ познания есть восстановление нарушенного первым способом познания единения между существами. Способ познания этот основан на любви, т. е. на слиянии себя со всеми другими существами, с богом.

2

...не моя воля, но твоя да будет. Лк. 22, 42.
...но не чего я хочу, а чего ты. Мрк.14,36.
...не как я хочу, но как ты. Мф. 26, 39.

3

Одно только нужно: сознавать бога. Все чувства, все силы души и ума, все внешние средства понимания суть только просветы на божество, суть только способы обожать бога. Надо уметь оторваться от всего, что может быть потеряно, и привязаться исключительно к вечному и основному, всем же остальным наслаждаться, как данным взаймы на время. Обожать, понимать, принимать, чувствовать, давать, действовать -- вот твой закон, твои долг, твое счастье, твое небо, -- пусть будет что будет, хотя бы и смерть. Установи внутреннее согласие, живи перед богом, в общении с Ним и предоставь вечным силам, с которыми не можешь бороться, руководить твоею жизнью. Если смерть еще не берет тебя, тем лучше. Если она унесет тебя, опять тем лучше. Если она убьет тебя наполовину, все-таки тем лучше: она закрывает для тебя поприще успеха для того, чтобы открыть тебе поприще подвига, самоотречения, нравственного величия. Всякая жизнь имеет свое величие, *и так как тебе невозможно выйти из бога, то лучше сознательно избрать его своим обиталищем.*

Амиель.

4

Сколько нравственных мучений -- и все это, чтобы умереть через несколько минут! Чем интересоваться и зачем?

Но ведь время -- ничто, и жизнь твоя полна, и сей день стоит сотни лет, если ты в течение этого дня найдешь бога.

Амиель.

5

Центр жизни не в мысли, не в чувстве, не в воле, даже не в сознании, насколько оно мыслит, чувствует и хочет, потому что нравственная истина может быть усвоена всеми этими средствами и все-таки ускользнет от нас. *Глубже нашего сознания находится наше существо*: наша сущность, наша истинная основа. Только те истины, которые входят в эту область, сделали нами самими, неожиданно и невольно, инстинктивно и бессознательно только те составляют действительную нашу жизнь, т. е. наше истинное "я". Пока мы различаем какое-либо пространство между истиной и нами, мы вне ее. Мысль, чувство, желание, сознание жизни -- все это не есть еще жизнь. В сущности, мы можем найти мир и спокойствие только в жизни, и в жизни вечной. Жизнь же вечная -- это жизнь божественная, это бог. Быть божественным существом -- вот в чем, стало быть, цель жизни: только тогда истина не может быть нами утрачена, потому что она уже не вне нас, ни даже в нас, но мы составляем истину, а истина нас; мы тогда истина, воля и дело божие. Свобода делается тогда нашей природой, творение составляет одно с творцом, соединяется с ним любовью, делается тем, чем оно должно быть. Его воспитание окончено, и начинается его окончательное блаженство. Солнце времени заходит, и появляется свет вечного блаженства.

Амиель.

6

Сущность любви к богу состоит в стремлении души и влечении ее к создателю, чтобы слиться с его высшим светом.

Талмуд.

7

Если ты хочешь достигнуть познания всеобъемлющего "я", то ты должен прежде всего узнать самого себя. Для того чтобы познать самого себя, ты должен пожертвовать своим "я" всемирному "я". Жертвуй своей жизнью, если ты хочешь жить в духе. Удаляй свои мысли от внешних вещей и всего, что представляется извне. Старайся удалять от себя возникающие образы, для того чтобы они не кидали темной тени на твою душу.

Твои, тени живут и исчезают. То, что в тебе вечно, то, что разумеет, принадлежит непреходящей жизни. Это вечное есть существо, которое было, есть и будет и час которого не пробьет никогда.

Браминская мудрость.

То, что мы называем счастьем и несчастьем нашего животного "я", вне нашей Воли, зависит от высшей Воли; но благо или зло нашего духовного "я" зависит от нас, от нашей покорности или непокорности этой высшей воле.

16-е июля

Ничто так не поощряет праздности, как пустые разговоры. Если бы люди молчали и не говорили тех пустяков, которыми они отгоняют от себя скуку праздности, они не могли бы переносить ее.

1

Тот, кто много говорит, редко приводит в действие свои слова. Мудрый

же человек всегда боится, чтобы слова его не превзошли его дел.

Китайская мудрость.

2

Мудрые не говорят пустых слов, боясь того, чтобы дела их не были несоответственны их словам.

Китайская мудрость.

3

Прежде думай, потом говори! Остановись, прежде чем тебе скажут: "довольно". Человек выше животного способностью речи, но он ниже его, если делает недолжное употребление из нее.

"Гулистан" Саади.

4

Не отвечай безумцу в духе его безумия, чтобы не быть подобным ему.

5

Пребывающий в безмолвии легко возносится к богу; рассеяние и пустые разговоры влекут за собою скуку и раздражительность.

Из "Благочестивых мыслей".

6

Из тысячи раз, когда мы раскаемся в том, что говорили, едва ли случится один раз раскаяться в том, что промолчали.

7

Больше всех говорит тот, кому нечего сказать.

8

Если вы желаете удержать человека от какого-нибудь поступка, заставьте его разговориться на эту тему: чем больше люди говорят, тем меньше у них склонности делать.

Карлейль.

Чем меньше будешь говорить, тем больше будешь работать.

17-е июля

Основа устройства древнего общества -- насилие; основа устройства общества, свойственного нашему времени, -- разумное согласие и отрицание насилия.

1

Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и

другую.

Мф. гл. 5, ст. 38-39.

2

Тот, кто искусен в пользовании людьми, бывает смирен. Это называется добродетелью непротивления. Это называется согласованием с небом.

Лао-Тсе.

3

Те, которые думают, что нельзя руководить людьми иначе, как насилием, пренебрегая их разумом, делают с людьми то же, что делают с лошадьми, ослепляя их, чтобы они смирнее ходили по кругу.

4

Так называемые образованные люди, -- те, которые должны бы давать пример того отношения к насилию, которое свойственно разумному существу, -- ученые, либеральные, революционные даже люди рассуждают, осуждают, проповедуют свободу, достоинство человека. Но все это до тех пор, пока не свистнут ему, чтобы он шел под хомут. И кончаются все рассуждения и весь либерализм и толки о свободе; и наряжают его в пеструю ливрею, дают в руки ружье или саблю и велят ему бегать, и прыгать, и стоять, и вертеться, и надевать шапку, и кланяться, и кричать "ура", и, главное, быть готовым по приказанию убить отца родного, и он -- либерал, ученый, революционер, проповедник свободы -- прыгает, и кланяется, кому велят, и кричит "ура", и готов с ружьем убить, кого прикажут.

Так что те самые люди, -- образованные, которым естественнее всего было бы стремиться к приведению жизни в согласие с сознанием, -- люди эти не верят в то, о чем проповедуют, чему учат.

5

Для чего же разум людей, если на них можно воздействовать только насилием?

Во всех случаях, где употребляется насилие, прилагай разумное убеждение, и ты редко потеряешь в мирском смысле, в духовном же сознании испытаешь полное удовлетворение.

18-е июля

Веруя в вечную жизнь, люди веруют только в то, что начало жизни духовно и потому невременно.

1

Человек, преступивший закон, думает, что со смертью вполне уже кончится его жизнь; такой человек способен склоняться ко всему злому.

Буддийская мудрость. [Дхаммапада].

2

В душе нашей лежит зародыш истины бессмертия. Он лежит в разуме, который видит неполноту нашего существования в этом мире, требующую продолжения для достижения своей цели. Зародыш этот -- в нашей жажде счастья, столь сильной, что она никогда не может быть удовлетворена в этом мире. Зародыш этот -- в любви к добру, которая по мере того, как мы воспитываем ее, пробуждает в нас стремление к полному совершенству и

единению с Совершенным.

Ченнинг.

3

Люди не знают ничего о том мире и потому желают остаться здесь. Самое большое желание их -- это жить в этом мире вечно. Но птица, побывавшая в цветущем саду, не хочет быть запертой в клетке. Если она и попадет в клетку, она будет желать вырваться из нее, чтобы снова возвратиться в сад. Так и человек: когда он будет освобожден от тела, он не захочет возвратиться в него. Разве есть такой ребенок, который, родившись, снова пожелал бы возвратиться в чрево матери? Разве есть человек, который, будучи освобожден из тюрьмы, захотел бы снова вернуться в нее? Разве есть птица, которая, ускользнув из клетки, захочет снова быть запертой в ней? Так и человек не будет бояться предстоящего ему освобождения от тела, если он не привязан к телесной жизни.

Таблички бабидов.

4

Человек познает, что он не умрет, только тогда, когда он познает то, что он никогда не рождался, а всегда был, есть и будет.

Человек поверит в свое бессмертие только тогда, когда он поймёт, что его жизнь не есть волна, а есть то вечное движение, которое в этой жизни проявляется только волною.

5

Думать о смерти нечего, но надо жить в виду ее. Вся жизнь ввиду смерти становится торжественна, значительна, истинно плодотворна и радостна. Она становится такою и потому, что она всякую минуту может прекратиться, и потому, что ввиду смерти нельзя не делать того одного, что

нужно для неумирающей жизни, т.е. для бога. А когда так живешь, жизнь становится радостной, и нет того пугала смерти, которое отравляет жизнь людей, живущих одной животной жизнию. Страх смерти обратно пропорционален хорошей жизни. При святой жизни этот страх -- нуль.

Тому, кто верите то, что жизнь не началась с рождением и не кончится со смертью, легче жить доброй жизнью, чем тому, кто не понимает этого и не верит этому.

19-е июля

Истинно полезное, истинно добро и потому истинно великое всегда просто.

1

Язык правды прост.

Сенека.

2

Доброе свойственно человеку, и потому все доброе просто и незаметно.

3

Истинное величие человеческой жизни почти всегда совершенно невидимо. Очень может быть, что перед нами молчаливо и тайно совершается величайший подвиг, великодушнейшая жертва, зарождается возвышеннейший замысел, а мы и не подозреваем этого. Я верю, что такое

величие очень обыкновенно среди многих людей, имен которых мы не слышим и не знаем. Я уверен, что среди так называемого простого народа чаще встречаются мужественно перенесенные страдания, чаще встречаются неприкрашенная правда, твердая вера и то истинное великодушие, которое отдает то, что необходимо дающему, и, главное, чаще, чем между богатыми, встречается верное понимание смысла жизни и смерти.

По Чаннингу.

4

Часто самые простые, неученые и необразованные люди вполне ясно, сознательно и легко воспринимают истинное, разумное учение жизни, тогда как часто самые ученые люди именно этой своей ученостью лишены возможности воспринять то, что одно нужно им и всякому человеку.

5

Для того чтобы прокормиться, одеться и иметь жилище, нужно очень немного, остальное же приобретается для того, чтобы приспособиться к чужим вкусам или чтобы затмить других.

Восточная мудрость.

6

Простота жизни, языка, привычек придает силу народу, а роскошь жизни, вычурность языка и изнеженность привычек ведет к слабости и погибели.

Джон Рёскин.

7

Самые ясные понятия часто затемняются сложными рассуждениями.

Цицерон.

Если хочешь найти пример для подражания, то ищи его среди простых, смиренных людей. Только там истинное, не только не выставляющееся, но не сознающее себя величие.

20-е июля

Сострадание к живым существам вызывает в нас чувство, подобное телесной боли. И так же как можно загрубеть к телесной боли, можно загрубеть и к боли сострадания.

1

Сострадание ко всем живым существам есть самое верное и надежное ручательство в нравственном поведении. Кто истинно сострадателен, тот наверное никого не оскорбит, не обидит, никому не сделает больно, ни с кого не взыщет, каждому простит, так что все его поступки будут носить печать справедливости и человеколюбия. Пусть кто-нибудь скажет: "Это -- человек добродетельный, но он не знает жалости", или: "Это -- несправедливый и злой человек, но он очень жалостлив", -- и вы почувствуете противоречие.

Шопенгауэр.

2

Полно вам, люди, себя осквернять недозволенной пищей!
Есть у вас хлебные злаки; под тяжестью ноши богатой
Сочных, румяных плодов преклоняются ветви деревьев;
Грозди на лозах висят наливные; коренья и травы
Нежные, вкусные зреют в Полях; а другие --
Те, что грубее, -- огонь умягчает и делает слаще;
Чистая влага молочная и благовонные соты
Сладкого меда, что пахнет душистой травой -- тимианом,
Не запрещается вам. Расточительно-щедро все блага
Вам предлагает земля; без жестоких убийств и без крови
Вкусные блюда она вам готовит.
Лишь дикие звери
Голод свой мясом живым утоляют; и то не все звери:
Лошади, овцы, быки -- ведь травою питаются мирно,
Только породы свирепые хищников: лютые тигры,
Львы беспощадно жестокие, жадные волки, медведи
Рады пролитию крови...
И что за обычай преступный,
Что за ужасная мерзость: кишками кишок поглощенье!
Можно ль откармливать мясом и кровью существ нам подобных
Жадное тело свое и убийством другого созданья, --
Смертью чужою -- поддерживать жизнь?
Нам, окруженным так щедро дарами земли благодатной,
Матери нашей кормилицы, -- нам, -- не животным, а людям,
Жадно зубами жестокими рвать и терзать с наслажденьем
Клочья израненных трупов, как лютые дикие звери?
Разве нельзя утолить, не пожертвовав жизнью чужою,
Люди, ваш голод неистовый, алчность утроб ненасытных?
Был -- сохранилось преданье -- век золотой, -- не напрасно
Названный так; жили люди счастливые, кроткие -- просто;
Были довольны и сыты одними плодами земными,
Кровью уста не сквернили. И птицы тогда безопасно
Воздух кругом рассекали; и робкие зайцы бесстрашно
В поле бродили; на удочке рыбка тогда не висела
Жертвой доверия; не было хитрых силков и капканов;
Страха, предательства, злобы не ведал никто. И повсюду
Царствовал мир.
Где ж он ныне? И чем свою смерть заслужили
Вы, безобидные овцы, незлобные, смирные твари,
Людям на благо рожденные? Вы, что нас поите щедро
Влагой сосцов благодатных и греете мягкой волною.

Вы, чья счастливая жизнь нам полезней, чем смерть ваша злая?
Чем провинился ты, вол, предназначенный людям на помощь,
Ты, безответно-покорный товарищ и друг хлебопашца?
Как благодарность забыть, как решиться жестокой рукою
Острый топор опустить на послушную, кроткую шею,
Стертую тяжким ярмом? Обагрить мать-кормилицу землю
Кровью горячей работника, давшего ей урожай?..
Страшен ваш гнусный обычай и скользок ваш путь к преступленьям,
Люди! Убить человека нетрудно тому, кто, внимая
Жалким предсмертным хрипеньям, режет телят неповинных,
Кто убивает ягненка, чьи слабые вопли подобны
Плачу дитяти, кто пищу небесную бьет для забавы
Или, -- нарочно, своею рукою вскормив, -- пожирает!
С вашей привычной жестокостью рядом стоит людоедство!
О, воздержитесь, опомнитесь, я заклинаю вас, братья!
Не отрывайте убийством от плуга вола земледельца;
Пусть он, служивший вам верно, умрет не насильственной смертью:
Не истребляйте стада беззащитные: пусть одевают,
Греют вас мягким руном и поят молоком своим щедро,
Мирно живя, умирая спокойно на пастбищах ваших.
Бросьте силки и капканы! не трогайте пташек небесных;
Пусть, беззаботно порхая, поют нам о счастье и воле.
Хитросплетенные сети, крючки с смертоносной наживой
Бросьте! Доверчивых рыб не ловите обманом коварным,
Уст человеческих кровью созданий живых не скверните;
Смертные -- смертных щадите!
Питайтесь дозволенной пищей, --
Пищей, пригодной для любящей, чистой души человека.

Овидий (перевод А. П. Барыковой).

3

Первое условие для проведения религии в жизнь -- любовь и жалость ко всему живому.

Фо-пен-хинг-тзи-кинг.

4

Сострадание к животным так тесно связано с добротою характера, что можно с уверенностью утверждать, что, кто жесток с животными, тот не может быть добрым человеком.

Шопенгауэр.

5

Всякое убийство отвратительно, но едва ли не отвратительнее всего убийство с целью съесть то существо, которое убито. И чем больше человек обдумывает форму убийства, чем больше сосредоточивает внимание и старание на том, чтобы убитое животное съесть с наибольшим удовольствием, чтобы дать убитому существу наибольшую вкусность, тем это убийство отвратительнее.

Гольдштейн.

Когда испытываешь боль при виде страдания другого существа, не отдавайся первому животному чувству скрыть от себя зрелище страданий, бежать от страдающего, а, напротив, беги к страдающему и ищи средства помочь ему.

21-е июля

Любовь -- это проявление божественной сущности, для которой нет времени, и потому любовь проявляется только в настоящем, сейчас, во всякую минуту настоящего.

1

Любить вообще значит делать доброе. Так мы все понимаем и не можем иначе понимать любовь.

И любовь не есть только слово, но есть деятельность, направленная на благо других.

Если человек решает, что ему лучше воздержаться от требований настоящей, самой малой любви, во имя другого, будущего проявления большей любви, то он обманывает или себя, или других, и никого не любит, кроме себя одного.

Любви в будущем не бывает: любовь есть только деятельность в настоящем. Человек же, не проявляющий любви в настоящем, не имеет любви.

2

Не будем медлить, чтобы быть справедливыми, сострадательными, внимательными к тем, кого мы любим; не будем ждать, когда они или мы будем поражены болезнью или угрожаемы смертью. Жизнь коротка, и не может быть слишком много времени, чтобы радовать сердца наших спутников в этом коротком переезде. Поспешим же быть добрыми.

Амиель.

3

Скрывайтесь от несчастного, которому помогаете: пусть он наслаждается благодеянием, не зная имени своего благодетеля.

Из "Благочестивых мыслей".

4

Помогайте бедному, не стараясь узнавать причин его нищеты, чтобы не открыть того, что может ослабить ваше участие.

Из "Благочестивых мыслей".

5

Будь добр, хотя бы мир и осуждал тебя. Это лучше, чем когда тебя хвалят и ты продолжаешь быть дурным.

Лоди.

6

Учение Евангелия содержит простую веру, а именно веру в бога и почитание его или, что то же самое, послушание его закону. Весь же закон его только в одном: любить ближнего. Любить ближнего, как самого себя, значит подчиняться закону и быть счастливым в исполнении закона и, наоборот, презирать и ненавидеть своего ближнего -- это значит впасть в возмущение и упорство.

Спиноза.

7

Существует два рода любви.

По одному, я просто люблю людей, не зная любви к единому во всех людях духовному началу.

По другому, я во всех людях только одно и люблю -- это единое во всех людях духовное начало.

Разница между тою и другою любовью в том, что в первом случае я буду любить людей только до тех пор, пока они будут приятны мне.

Во втором же случае, когда я буду любить в людях их сущность, единую во всех нас, я буду любить людей даже тогда, когда они будут неприятны мне.

В первом случае мы будем то и дело менять предметы своей любви, менять жен, друзей, мужей и т. д., так как люди, которых мы любим, постоянно изменяются, изменяются и наши чувства к ним.

Во втором случае, по мере собственного нашего нравственного роста, мы все больше и больше будем любить то божеское духовное начало, которое мы все яснее и яснее будем познавать во всех людях!

Федор Страхов.

Мучительно тяжело бывает вспоминать о том, как ты мог сделать и не сделал дело милосердия, как ты непоправимо навсегда лишил помощи того, кто ждал ее от тебя, а себя радостного сознания исполнения должного.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

НЕВЕРУЮЩИЙ

Вечно новым и постоянно возрастающим

удивлением и благоговением две вещи наполняют

душу, чем чаще и постояннее ими занимается

размышление: звездное небо надо мною и закон

нравственности во мне.

Кант.

В начале 1852 года, когда я жил в Брюсселе, камне вошел незнакомый мне молодой человек. Лицо вошедшего было приятное, с искренней улыбкой и таким же искренним и живым взглядом. Одет он был с

некоторой изысканностью: на нем был бархатный жилет с резными пуговицами, желтые перчатки, цветок в петлице и тросточка в руке, и видно было много очень белого белья. На вопрос, кто он, он отвечал мне, что он -- священник.

-- Или, скорее, был им, -- сказал он. -- Я оставил ложное для истинного. Теперь я -- то же, что вы: изгнанник.

Я попросил изгнанника садиться.

-- Меня зовут Анатолий Лёрэ, -- сказал он.

Мы разговорились. Он рассказал мне свою жизнь. Оказалось, что он был так воспитан, что он, сам не зная, как и для чего, в 25 лет очутился священником. Это разбудило его. Сновидение продолжительного мистического воспитания рассеялось для него в тот день, когда он увидал непроходимую стену тьмы, т. е. священства, которая возникла между природой и им. Первая обедня была для него так же тяжела, как последний час жизни; уходя от престола, он показался себе привидением.

Он с ужасом смотрел на то, что ожидало его. Ему было 25 лет. Он чувствовал всю силу жизни в своих жилах; вся природа через него требовала себе удовлетворения. А между тем эти требования природы представлялись ему только кипением грехов.

Коротко сказать, он не имел призвания и ужаснулся тому, что так поздно понял это.

Эта борьба священника против того, что было поставлено ему в обязанность, все усиливаясь и усиливаясь, продолжалась в нем несколько лет. Он был строг, верен и честен в исполнении взятых на себя обязанностей.

Но кончилось все-таки тем, что, после многих страданий, он вышел из борьбы побежденным, т. е. победителем. Человек восторжествовал над священником. Лёрэ отдался молодости, жизни и святой, непреодолимой природе. Это его собственные выражения, когда он толковал мне про это. Он предпочел быть отступником перед Римом, чем лицемером перед своей совестью. Он вышел из священства. Для тех, кто выходит из церкви, есть только одна открытая дверь: демократия. Все склонности Лёрэ влекли его к ней. Прежде чем быть духовным лицом, он был дитя народа. Он был родом из бедной бретанской семьи; так что он вернулся к народу так же естественно, как капля воды возвращается в океан. И ему было хорошо.

Он рассказывал мне все это просто, с наивным и сильным красноречием. Его возвращение к народу дало ему зрелость. В нем был политический мыслитель; он писал в нескольких газетах. Это был революционер, горячий и крайний по убеждениям.

Рассказав историю своей жизни, он перешел к изложению своих мыслей. Я внимательно слушал.

В середине этого изложения его взорвало. -- Да, милостивый государь, --

вскричал он, -- пусть это будет нам уроком. Демократия должна принять меры. Надо переделать человека, обновить народ в детях. Только в воспитании мы покажем логику революции.

-- Я тоже так думаю, -- сказал я.

Он оживился еще более.

-- Для меня, -- сказал он, -- все воспитание в одном: освободить человеческий ум от всего сверхъестественного.

-- Что вы разумеете под сверхъестественным? -- спросил я.

-- Я разумею то, что человек погибает от этих религиозных фантасмагорий. Суеверия душат будущее. До тех пор покуда народы будут вдыхать в себя ходячий фанатизм, нельзя рассчитывать на человеческий разум. Да! этот старый человеческий разум гибнет под покровами и тонет в священных химерах. Его лодка течет со всех сторон. Будем держаться одной несомненной действительности. Дважды два -- четыре: вне этого нет спасения. Надо строить философию только на фактах, не допускать ничего, что не может быть проверено разумом. Действительно только видимое и ощущаемое. Надо, чтобы все верования были в моих десяти пальцах. Да, война, война не на живот, а на смерть со всем чудесным. Надо, чтобы народ верил только в самого себя. Надо, чтобы он понимал, что в колыбели нет ничего, кроме того, что мы видим, -- ничего, кроме зародыша, и в гробу ничего, кроме уничтожения. Прочь все призраки! Нет ничего, кроме земли и жизни. Нет никакого другого неба, кроме того, в котором мы уже живем; наша земля вертится в нем. Надо здраво и ясно рассуждать, и прочь все мечтания! Кто не хочет плода, подрезает дерево: надо отнять у религии всякий предлог для ее существования.

-- В чем ваша религия? -- спросил я.

-- Я ведь сказал, что я -- воспитанник семинарии. -- Ну?

-- Стало быть, я -- атеист.

-- Я не могу согласиться с таким выводом, -- сказал я. -- Школы иезуитов не производят непременно Вольтеров. Впрочем, я слушаю вас. Продолжайте.

-- Кажется, я все сказал, -- отвечал он. -- Избавиться от гипотез, выйти из тюрьмы химер и помочь человеческому роду избавиться от них -- вот что нужно.

-- Я не более вас охотник до гипотез, которые делаются суевериями, и до тех химер, которые становятся на пути человеческому разуму, -- сказал я. -- Так что может казаться, что мы с вами думаем одинаково, а между тем едва ли мы согласны. Впрочем, я бы желал, чтобы вы высказали точнее ваше мнение.

-- Хорошо, -- сказал он, -- вот оно: полное прекращение того, что спиритуалисты называют идеалом. Идеал -- это сверхъестественность, а сверхъестественное должно быть изгнано из мира, значит, и из человека.

Сверхъестественное в мире -- это бог, -- уничтожим бога; сверхъестественное в человеке -- это душа, следовательно, уничтожим душу; нет ничего ни вечного, ни бессмертного. И эти истины поставим в основу воспитания. Я кончил.

-- Нет, вы только что начали, -- отвечал я. -- По-вашему, что же такое мир?

-- Одна материя.

-- А человек?

-- Одна материя.

-- Но делаете ли вы различие между такой или иной материей?

-- Я был бы безумен, если бы я делал это. Материя всегда равна материи. В этом главная основа равенства.

-- Ну, а организмы? -- сказал я.

-- Организмы -- это только виды. И виды эти, неизбежно являющиеся и слепые сами в себе, производят те миражи, которые составляют как бы лестницу, первую ступеньку которой вы называете умом, следующую -- совестью, следующую -- душой, следующую -- богом. Лестница эта устраивается всеми религиями. Ее-то надо уничтожить. Надо разбить все ее ступеньки: ступеньку бог, ступеньку душа, ступеньку совесть, ступеньку ум и даже ступеньку организм. Долой организм, если он делается чудесным, если предполагают из различия организмов выводить преимущество одной формы материи над другой! Долой аристократию организмов: виды, которые исчезают, суть не что иное, как изображение ничего. Все делается атомом, атомом неразделимым и несознательным. Атом, который бы был выше других, был бы бог. Кто говорит: материя, тот говорит: равенство. Материя всегда равна самой себе.

Я пристально смотрел на него.

-- Стало быть, и комар, который летает, и репейник, который растет, и камень, который катится, равны человеку?

Он на минутку задумался, но потом с полной честностью, которая казалась сильней его воли, ответил: -- Хотя силлогизм ваш и жесток, но он верен.

-- Прямолинейные мыслители редки, -- сказал я. -- Вы рассуждаете совершенно последовательно с неизменной добросовестностью. Я не хочу злоупотреблять ею и потому отказываюсь от этой жестокости крайнего силлогизма. Будем говорить только о человеке, прилагая к нему ваши аксиомы: нет души, нет бога, нет сверхъестественного, нет идеала, материя равна самой себе. Я буду говорить только об одной из бесчисленных сторон вопроса.

-- Я вас слушаю, -- сказал он.

-- Какая, по вашему мнению, -- сказал я, -- цель жизни человека на земле?

-- Счастье.

-- Я же думаю, это -- долг, обязанность, -- сказал я. -- Но дело не в моей мысли, а вашей. Я отстраняю все сентиментальные рассуждения. На весах равенства материи насколько счастье одного человека превосходит в весе и в ценности, счастье другого человека?

-- На нуль.

-- Прежде чем пойдем дальше, согласны ли вы с тем, что по логике для каждого поступка нужны непременно определяющие его мотивы?

-- Несомненно.

-- Продолжаю. Стало быть, если представляется случай, когда счастьем одного человека должно пожертвовать для счастья другого, -- на весах, где будут взвешиваться эти два счастья, какое количество веса определит необходимость или законность жертвы одним для другого?

-- Нуль.

-- Следовательно, -- сказал я, -- наблюдая только материальный факт, в чем, по-вашему, единственная мудрость, человек не имеет никакого повода жертвовать собою, своим благом для блага другого человека?

Всякое колебание, казалось, исчезло в его мысли. Он ответил мне спокойно:

-- Никакого.

-- И следовательно, -- возразил я, -- и никакого повода пожертвовать своим, счастьем для счастья человеческого рода?

Здесь Лёрэ вздрогнул.

-- Если это касается рода человеческого, то другое дело.

-- Отчего? -- сказал я. -- Сумма нулей все-таки всегда будет нуль.

Он на минуту замолчал, потом с некоторым усилием согласился со мной.

-- Истина всегда истина, -- сказал он, -- вы жестки, но ваш силлогизм верен.

Я продолжал:

-- Я не обсуждаю ваших принципов; я только вывожу то, что из них следует. И вы сами шаг за шагом делаете этот вывод. Вы логически правильно думаете, и этого мне достаточно. Итак: человек есть материя, он происходит из ничего и возвращается к ничему. У него есть только жизнь; только эта жизнь принадлежит ему. Весь его разум, весь его здравый смысл, вся его философия состоит в том, чтобы пользоваться этой жизнью и сделать так, чтобы она продолжалась как можно дольше. Единственная нравственность есть гигиена; цель жизни -- счастье. Цель жизни -- наслаждение ею; цель жизни -- в том, чтобы жить. Из этого можно бы сделать много выводов, но я не хочу их делать теперь; я ограничусь только тем, что спрошу вас: неужели вы истинно так думаете?

-- Да, я истинно так думаю.

-- Так что, если молодой человек, здоровый, отдает свою жизнь для

одного или для многих людей, равных ему, своих ближних, таких же атомов и такой же материи, как он сам, то как вы назовете такого человека?

-- Болваном.

Мы холодно расстались.

Анатолий Лёрэ, уехав из Брюсселя, проехал Англию, потом поплыл в Австралию. Путешествие продолжалось пять месяцев.

В тот день, когда пароход подходил к гавани, поднялась буря. Корабль выбросило; пассажиры и матросы спаслись почти все, кто на лодках, кто вплавь. Анатолий Лёрэ был один из тех, кому удалось спастись. Но в этой страшной суете кораблекрушения, где ужас людей отвечает хаосу волн и где всякий думает только о себе, он увидал разбитую лодку, которую носилась по волнам, то показываясь, то исчезая. В лодке были три женщины. Море еще было страшно бурно. Ни один из самых смелых матросов не решался броситься в море, чтобы помочь этим погибавшим.

Но Анатолий Лёрэ бросился в воду, доплыл до лодки и с величайшими усилиями вытащил одну из женщин. Но две оставались еще в лодке. Он бросился во второй раз и вытащил другую. Ему кричали: "Довольно! довольно!" Но, усталый, растерзанный, он бросился в третий раз -- и уже не показывался.

Виктор Гюго (перевод Л. Н. Толстого).

22-е июля

Вера -- не вера, если жизнь не согласна с нею.

1

Итак, всякого, кто слушает слова мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне.

А всякий, кто слушает сии слова мои и не исполняет их, уподобится

человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры и налегли на дом тот, и он упал, и было падение его великое.

Мф. гл. 7, ст. 24-27.

2

Смерть неизбежна для всего рожденного, так же как и рождение неизбежно для всего смертного. Поэтому не должно сетовать на то, что неизбежно. Прежнее состояние существ неизвестно, среднее состояние очевидно, будущее состояние не может быть познано: о чем же заботиться и беспокоиться? Некоторые люди смотрят на душу как на чудо, а другие говорят и слушают про нее с удивлением, но никто ничего не знает про нее.

Дверь неба открыта для тебя ровно настолько, насколько тебе нужно. Освободись от заботы и тревог и направь свою душу на духовное. Пусть твои поступки будут руководимы тобою, а не событиями. Не будь из тех, цель поступков которых -- награда. Будь внимателен, совершай свой долг, оставь мысль о последствиях, так чтобы тебе было все равно, кончится ли дело приятно или неприятно для тебя.

Индийский Богавата.

3

Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? Может ли эта вера спасти его? Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: идите с миром, грейтесь и питайтесь, но не даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе. Но скажет кто-нибудь: ты имеешь веру, а я имею дела -- покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих.

Видите ли, что человек оправдывается делами, а не верою только? Ибо как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва.

Посл. Иак. гл. 2, ст. 14--18, 24, 26.

4

Человек, знающий закон, но не исполняющий его, подобен человеку, пашет, но не сеет.

Восточная мудрость.

Если человек не спешит исполнить то, что он признает коном бога, то он не верит ни в бога, ни в закон его.

23-е июля

Усилие есть необходимое условие нравственного совершенствования.

1

Добродетель -- в исполнении того, что считаешь своим долгом: но исполнение это никогда не должно превращаться в привычку, а когда привык исполнять то, что считаешь своим долгом, новое требование долга должно возникать из души человека.

По Канту.

2

Как дозоры бдительно сторожат крепость, сторожат и вокруг стены и внутри ее, так и человек должен бодро охранять сея, ни на одно мгновение не упуская себя из вида, в особенности в отношениях с людьми; кто упустит из вида решительную минуту в жизни, тот неминуемо вступит на путь в преисподнюю.

Дхаммапада.

3

Безнадежно положение того, кто в своих невзгодах упрекает не себя, а судьбу, утверждая этим свое самодовольство.

"Мы были бы добры и кротки, если бы нас не раздражали; мы были бы набожны, если бы не были так заняты. Я был бы терпелив, если бы был здоров; я бы удивил мир, если бы имел известность".

Если мы не можем сделать добрым, святым то положение в котором мы находимся, то мы никакое положение не сделаем добрым и святым.

Затруднения нашего положения даны нам для того, чтобы мы сгладили, уничтожили их своей добротой и твердостью; мрачность нашего положения дана нам для того, чтобы мы осветили ее божественным светом внутренней. духовной работы; горести -- для того, чтобы мы терпеливо и доверчиво переносили их; опасности -- для того, чтобы мы проявили наше мужество; искушения -- для того, чтобы мы победили их нашей верою.

Мартино.

4

Как жестоко ошибаются те, которые думают, что они могут жить высокой духовной жизнью в то время, как тела их коснеют в праздности и роскоши. Тело всегда первый ученик души.

Торо.

5

Ничто не будет зачтено человеку, а только его усилие. Только в своем усилии человек является в своем истинном свете.

Коран.

Мы сердимся на обстоятельства, огорчаемся, хотим изменить их; а между тем все возможные обстоятельства суть не что иное, как указания того, в каких положениях как нужно действовать. Ты здоров -- делай усилие, чтобы употребить на служение людям твои силы; ты болен -- делай усилие не мешать людям твоей болезнью. Ты богат -- делай усилие избавиться от богатства; ты беден -- делай усилие не требовать ничего от людей. Ты обижен -- делай усилие любить своих обидчиков. Ты обидел -- делай усилие уничтожить сделанное тобою зло.

24-е июля

Сознание человеком своего закона есть проявление того бога, который живет в нем.

1

Понятие о долге во всей его чистоте не только несравненно проще, яснее, понятнее для каждого на деле, чем это же понятие, выведенное из стремления к счастью или связанное и считающееся с ним (и всегда требующее немало искусственности и тонких соображений), но и пред судом обыкновенного здравого смысла гораздо могущественнее, настойчивее и более обещает успеха, чем все побуждения, исходящие из своекорыстия, -- если только понятие о долге усвоено здравым смыслом, совершенно независимо от своекорыстных побуждений.

Сознание, что я могу, потому что должен, открывает в человеке глубину

божественных дарований, которая дает ему почувствовать величие и возвышенность его истинного назначения. И если бы человек почаще обращал на это внимание и привык бы совершенно отделять добродетель от всей массы выгод, служащих наградой ей за исполнение долга, и представлять ее себе во всей ее чистоте; если бы основой частного и общественного обучения было сделано непрестанное упражнение в добродетели (именно метод настаивать на исполнении обязанностей, что почти всегда оставалось в пренебрежении), то нравственное состояние людей скоро улучшилось бы. В том, что исторический опыт до сих пор не давал хороших результатов для учения о добродетели, виновато то ложное предположение, что побуждение, выведенное из идеи долга, будто бы слишком слабо и отдаленно, а что сильнее действует на душу более близкое побуждение, проистекающее из расчета на выгоды, которых надо ждать отчасти в этом, а также и в будущем мире за исполнение закона. Между как сознание человеком в себе божественного начала сильнее всяких внешних наград побуждает его к исполнению закона добра.

По Канту.

2

Нравственность -- это направление воли на цели общие, всемирные. Безнравственен тот, кто действует для частной цели. Нравственен тот -- мы говорим это с Марком Аврелием и Кантом, -- чья цель или побудительная причина может быть поставлена целью всех разумных существ. Мы утверждаем, что это величественное понимание или заповедь лежит в сознании каждого человека. Это-то и есть присутствие вечного в каждом смертном.

Эмерсон.

3

Каждый человек, от императора до нищего, прежде всего должен заботиться о совершенствовании, потому что только совершенствование

дает благо всем людям.

Конфуций.

4

В конце концов люди достигают только того, что ставят себе целью. И потому ставить целью надо только самое высокое.

Торо.

Исполнение закона добра не имеет ничего общего с благом вещественным, мирским. Благо вещественное, совпадающее с исполнением закона, вредит душе человека. Высший же подъем духа дают такие условия, в которых противоположность добра нравственного добру вещественному производит страдание.

25-е июля

Если связь между нашими страданиями и нашими грехами и не видна нам, связь эта все-таки существует.

1

"Мне отплатили злом на мое добро".
Но если ты любишь того, кому ты делаешь добро, то ты уже получил возмездие в том благе, которое получил оттого, что любишь.
Так что добро, которое ты делаешь, любя, ты делаешь всегда себе

2

Награда добродетели находится в самом сознании доброго поступка.

Цицерон.

3

Провозглашая будущее спасение, Иисус объявляет народу, каковы с его стороны необходимые условия для этого. Оно будет плодом любви, самопожертвования, милосердия, всепрощения.

Итак, если освобождение еще не наступило, если теперь все еще время голода, и время плача, и время притеснения, вините в этом лишь себя.

Исполнили ли вы повеления Христа? Сделали ли вы, что должны были сделать? Не раз вы пытались вновь получить ваше право разорвать ваши старые цепи, выйти из темных и жалких убежищ, куда загнала вас беззаконная сила, и построить себе лучшее жилище. К чему привели ваши усилия? Почему всегда так скоро оказывалось разрушенным то, что с таким трудом было вами созидаемо? Почему же, если не потому, что вы уподобились человеку, который построил дом свой на песке? Река ринулась на дом, и дом не устоял против этого толчка и обрушился, и разрушение дома было великое.

Ламенэ.

4

Когда человек находит причины своего личного страдания в своем личном заблуждении и направляет свою деятельность на уничтожение заблуждения, он не возмущается против страдания и легкой часто радостно несет его. Но когда такого человека постигает страдание, выходящее за пределы видимой ему связи страдания и заблуждения, ему кажется, что его постигает то, чего не должно быть, и он спрашивает себя: зачем, за что? -- и, не находя предмета, на который бы он мог направить

свою деятельность, возмущается против страдания, и страдание его делается ужасным мучением.

Когда человек не видит связи между испытываемыми страданиями и своею жизнью, он может сделать одно из двух: или продолжать нести такие страдания, как мучения, не имеющие никакого смысла, или признать то, что страдания его суть указания на совершенные им грехи, указания и на средства избавления от этих грехов себя и других людей.

При первом взгляде страдания не имеют никакого объяснения и не вызывают никакой другой деятельности, кроме постоянно растущего и ничем не разрешимого отчаяния и озлобления. При втором -- страдания вызывают ту самую деятельность, которая и составляет движение истинной жизни: сознание греха, освобождение от заблуждений и подчинение закону разума.

5

Легенда о падении человека -- о грехе и об искуплении от страданий и смерти -- есть только образное утверждение связи страданий и грехов.

6

Только испытав страдания, узнал я близкое сродство человеческих душ между собой. Стоит только хорошенько выстрадаться самому, как уже все страдающие становятся тебе понятны, и почти знаешь, что нужно сказать им. Этого мало, самый ум проясняется: дотоле скрытые положения и поприща людей становятся тебе известны, и делается видно, что кому потребно. Велик бог, нас умудряющий. И чем же умудряющий? Тем самым горем, от которого мы бежим и хотим скрыться. Страданиями и горем определено нам добывать крупицы мудрости, не приобретаемой в книгах.

Гоголь.

7

Для человека, живущего духовной жизнью, страдание есть всегда поощрение к совершенствованию, просветлению, приближению к богу.

Для таких людей страдание всегда может быть претворено в дело жизни.

Ищи причину зла, от которого ты страдаешь, в себе. Иногда это зло непосредственное последствие твоей деятельности, иногда оно через сложную передачу вернулось на тебя, но всегда источник его в тебе, и спасение от него -- в изменении твоей деятельности.

26-е июля

Во всякой вере истинно только то, что духовно.

1

Иисус не говорит самарянам: оставьте ваши верования, ваши предания для еврейских; он не говорит евреям: присоединяйтесь к самарянам; но он говорит самарянам и евреям: вы одинаково заблуждаетесь. Бог есть дух, и вера в него только внутренняя, не связанная ни с местом, ни с какой-либо внешней формой. Важен не храм и не служение в храме. Важен не Гаризим или Иерусалим. Настанет время и настало уже, когда будут поклоняться отцу не в Гаризиме, не в Иерусалиме, но когда истинные поклонники будут поклоняться отцу в духе и истине, ибо таких поклонников отец ищет себе.
Он их искал во времена Иерусалима. Он их ищет ещё и теперь. Когда же он найдет их? Когда всякий, наскучив черпать из источников, которые не утоляют, скажет Иисусу: "Господи, дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходить черпать сюда!"

Ламенэ.

2

Христос пришел для того, чтобы открыть, что *вечное* не есть *будущее*, но только *невидимое*, -- что вечность не есть тот океан, в который люди сносятся рекой времени, но что она вокруг них теперь и что их жизни только в той мере действительны, в какой они чувствуют ее присутствие. Он пришел, чтобы научить их, что бог не есть случайная какая-то отвлеченность, бесконечно отделенная от них в далеком небе, но что он -- отец, в котором они живут, движутся и существуют, и что служение, которое он любит, не состоит в торжественном исполнении обрядов церкви, но в милосердии, справедливости, смирении и любви.

Фаррар.

3

Бог есть дух, и поклоняться ему надо в духе и истине.

Иоанна гл. 4, ст. 24.

4

Религия, состоящая в положениях и движениях тела, ниже даже упражнений борца.

При отсутствии внутреннего ведения не хвались словесным почитанием божества.

Ложна та вера, которая говорит, что выгодно отказаться, от настоящей жизни: разве не очевидно, что вечная жизнь начинается в этой жизни.

Человек, достигший совершенства, не делает различия между душою и всемирной природой, между собою и другим человеком.

Только тот из сынов человеческих заслуживает название святого, кто сознает бога в своем сердце. Познай сам себя -- и ты станешь божеством.

Не зная того, что начало жизни сейчас существует в твоем духе, зачем ты ищешь его, воображая, что его можно найти в другом месте? Кто поступает так, подобен человеку, который зажигает светильник при свете солнца.

Индийская Вамана Пурана.

5

Нельзя сказать, чтобы для спасения души было безусловно необходимо признавать Христа во плоти; но для спасения души безусловно необходимо признавать сына божия, т. е. ту вечную мудрость божию, которая проявляется во всех вещах и преимущественно в душе человека и более всего проявилась в Иисусе Христе. Без этой мудрости никто не может достигнуть состояния блаженства, потому что она одна указывает, что истинно и что ложно, что добро и что зло.

Спиноза.

Не бойся откидывать от своей веры всё телесное, все видимое, осязаемое. Чем больше ты очистить духовное ядро твоей веры, тем тверже она будет для тебя.

27-е июля

Знание -- орудие, а не цель.

1

Люди мало знают оттого, что они стремятся познать или то, что не дано их пониманию, недоступно им: бог, вечность, дух; или то, о чём не стоит думать: о том, как мерзнет вода, о теории чисел, о том, какие бактерии в какой болезни, и т. п.

Путь истинного знания один: знать нужно только то, как жить.

2

Для того чтобы вынуть занозившую ногу спицу, берут другую и с помощью ее вынимают занозу; когда же это сделано, бросают и ту и другую. Точно так же ум нужен только для того, чтобы устранить безумие, затемняющее зрение божественного *я*, но ум сам по себе не составляет достоинства. Он только орудие.

Браминская мудрость.

3

-- О, какой я несчастный! Мне хотелось заняться чтением прекрасной и полезнейшей книги, и вот вместо того изволь исполнять просьбы этого докучливого человека.

-- А разве, -- отвечу я тебе, -- твоя обязанность в том и состоит, чтобы читать книги в то время, когда от тебя просят помощи? Тебе надо знать и помнить одно: что хочет бог, чтобы ты сделал теперь, и чего он не хочет. Недавно он устроил так, чтобы ты был в одиночестве, чтобы ты беседовал сам с собою, читал, писал, подготовлялся к добрым делам. А сегодня он послал к тебе людей, которые просят тебя помочь им делом. Этим самым бог как бы говорит:

"Выходи из своего одиночества и покажи на деле то, чему ты выучился, потому что пришло время и тебе и людям увидать пользу того, о чем ты читал и думал".

Не ударь же лицом в грязь; не сетуй на людей за то, что они прервали твое занятие: ведь если б не было людей, то кому бы ты служил и к чему было бы читать книжки о том, как лучше служить людям?

Эпиктет.

4

Наука должна быть употребляема на утверждение религии, а не на

приобретение богатства.

"Гулистан" Саади.

5

Люди, думающие, что главное дело в жизни -- в знании, подобны тем бабочкам, которые летят на свечи -- сами погибают и затемняют свет.

6

В слове *ученый* заключается только понятие о том, что кто-то много чему-то учился. Но это еще не значит, что он научился чему-нибудь.

Лихтенберг.

Цель жизни -- исполнение закона бога, а не приобретение знаний.

28-е июля

Совершенствованию всегда предшествует покаяние. Плохо, если человек считает себя или свой народ не нуждающимся в покаянии.

1

Опасно отыскивать причину зла вне нас. Покаяние при этом становится невозможным.

Робертсон.

2

Жить следует так, чтобы можно было злейшему врагу доверить все, что у тебя на душе.

3

Не сознаваться в своих проступках -- *значит увеличивать их.*

4

Если человек несчастен, то что следует ему прежде всего делать? Жаловаться на того или другого человека, на то или другое обстоятельство? Наполнять весь мир сетованиями и упреками? Конечно, нет. Все проповедники нравственности советуют никого не винить, кроме себя одного. Несчастный должен прежде всего признать, что он потому и несчастен, что был неразумен. Если бы он был верен природе и ее законам, то природа с ее неизменными законами дала бы ему благо и счастье; но он не следовал законам природы, и она, истощив свое терпение, оставляет его без утешений и говорит ему: не этим, а иным путем достигнешь ты благополучия; этот путь, как ты сам видишь, ведет только к злополучию: брось его. Все учителя нравственности советуют человеку, раскаявшись, сказать себе: "Да, я не был достаточно разумен, я отступил от законов божиих и последовал мнимым, ложным законам, -- законам дьявола. Поэтому-то я и дошел до этого состояния".

Карлейль.

5

Тяжело у меня на душе. Во всю свою долгую жизнь никого не сделал я

счастливым; ни своих друзей, ни семьи, ни даже самого себя. Много-много наделал я зла... Я был виновником трех больших войн. Из-за меня погибло более 800 000 людей на полях сражений; их теперь оплакивают матери, братья, вдовы... И все это стоит между мною и богом.

Бисмарк.

Человек тем лучше, чем быстрее он движется к, бесконечному совершенству, независимо от той ступени, на которой он находится. Быстрота же движения всегда зависит от степени довольства или недовольства собой.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

I

ПОКАЯНИЕ

Не противиться злому не значит не бороться против зла: наоборот, это значит бороться со злом, но не бороться с человеком, бороться только против того, что есть злого, ошибочного в человеке, бороться со злом, сострадая и любя человека, одержимого злом.

Слова и поступки человека зависят от направления, которое он дает своим мыслям. И потому борьба со злом в том, чтобы стараться переменить мысли или суметь вызвать перемену мысли человека, делающего зло. В этом смысле открывается возможность апостольской борьбы со злом. Люди, чувствующие в своей душе потребность подвига, самоотвержения, могут идти одиночками навстречу злодеям в их лагерь, в близкие братья, в сожители к ним и ценою личного страдания и унижения, усилием всей жизни своей пробуждать сына божия в падших братьях. Способ состоит в том, чтобы, посвятив себя богу, связать свою жизнь с жизнью злодея и во всех добрых делах житейского обихода братски разделить с ним благо жизни, а злодейству его мешать своим присутствием и своим убеждением, рискуя своею личною телесною жизнию и таким образом посвящая ее богу. Это прекрасный исход для великой души в наше

время, когда есть столько легких способов поведать истину громадному большинству жаждущих ее людей, когда особое призвание апостольства среди мирных братьев уже не имеет места, когда если еще не возвеличивается, то сознается уже людьми братство людей и народов; и недалеко то время, когда все люди будут научены богом и когда, можно надеяться, что на месте злодеев окажутся больные, несчастные люди, злодействовавшие только потому, что они были заброшены. Во всяком случае, враг только тогда может быть побежден, когда на борьбу с ним выходят лучшие силы. Борьба со злом всегда должна быть уделом лучших представителей человечества, а не как теперь в существующем порядке: полицейских, тюремщиков, чиновников, людей корысти, тщеславия, гордости, лицемерия и лицеприятия, так что если исключить эти пороки из привилегий теперешних борцов со злом, эти большие жалования, предосудительные доходы, чины, ордера, подчиненность и угодничество, то все эти теперь такие усердные борцы и ораторы, -- все они разбегутся.

Чтобы связать зло в человеке, надо вызвать в нем перемену мыслей. Обманом, хотя и ненадежно, но все-таки можно вызвать перемену мыслей, насилием же никогда и ни в каком случае.

Есть несомненный расчет людям не противиться злодею -- расчет в том, чтобы непротивлением и добром приобрести человека кающегося. А мы не можем даже приблизительно вообразить, чем может наградить нас душа, очищенная покаянием. В каждом злодее, которого мы насилуем и наказываем, мы теряем, может быть, подвижника. Евангелие говорит, что "на небесах, у ангелов божиих, больше бывает радости об одном кающемся грешнике, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии". Если бы хоть не все, хоть сотая часть всех так называемых преступников, которые бессмысленно убиты и убиваются, которые мучались и мучаются, отбывая наказание, в нем полагая свое искупление; если бы хоть тысячная доля их под влиянием непротивления и добра до конца покаялись бы и сами отыскивали бы средства своего искупления, то как можем мы знать, что могли бы дать нам эти покаянные души. Может быть, царство бога давно уже было бы среди нас в славе и в силе и мы давно уже не видали бы всех тех бедствий, среди которых теперь не видим просвета. Так что, противясь злому, мы не только нарушаем соразмерность, правильность нашей жизни, вредим своему духовному здоровью, но и необыкновенно, неизмеримо много теряем: теряем то, что при желании могли бы приобрести.

Бука.

II

КАМНИ

Пришли две женщины к старцу за поучением. Одна считала себя великой грешницей. Она в молодости изменила мужу и не переставая мучилась. Другая же, прожив всю жизнь по закону, ни в каком особенном грехе не упрекала себя и была довольна собой.

Старец расспросил обеих женщин об их жизни. Одна со слезами призналась ему в своем великом грехе. Она считала свой грех столь великим, что не ожидала за него прощения; другая же сказала, что не знает за собой никаких особенных грехов. Старец сказал первой:

-- Поди ты, раба божия, за ограду и найди ты мне большой камень -- такой, какой поднять можешь, и принеси... А ты, -- сказал он той, которая не знала за собой больших грехов, -- принеси мне тоже каменьев, сколько осилишь, только все мелких.

Женщины пошли и исполнили приказание старца. Одна принесла большой камень, другая полный мешок мелких каменьев.

Старец осмотрел камни и сказал:

-- Теперь вот что сделайте: снесите вы назад камни и положите на те самые места, где взяли, и, когда положите, приходите ко мне.

И женщины пошли исполнять приказание старца. Первая легко нашла то место, с которого взяла камень, и положила его, как он был; но другая никак не могла вспомнить, с какого места брала какой камень, и так, не исполнив приказания, с тем же мешком каменьев вернулась к старцу.

-- Так вот, -- сказал старец, -- то же бывает и с грехами. Ты легко положила большой и тяжелый камень на прежнее место, потому что помнила, откуда взяла его.

А ты не могла, потому что не помнила, где взяла мелкие камни.

То же и с грехами.

Ты помнила свой грех, несла за него укоры людей и своей совести, смирялась и потому освобождалась от последствий греха.

-- Ты же, -- обратился старец к женщине, принесшей назад мелкие камни, -- греша мелкими грехами, не помнила их, не каялась в них, привыкла к жизни в грехах и, осуждая грехи других, все глубже и глубже завязала в своих.

Все мы грешны, и все мы погибнем, если не будем каяться.

29-е июля

Чем нужнее предмет, тем губительнее злоупотребление им. Большая часть бедствий людей происходит от злоупотребления самым драгоценным орудием жизни -- разумом.

1

Бог дал дух свой, разум, чтобы мы могли понимать, его волю и исполнять ее; а мы этот дух употребляем на исполнение своей воли.

2

Разум, становясь слугой порока, орудием страстей, защитником лжи, не только извращается, но делается больным, теряя способность различения правды и лжи, добра и зла, праведного и неправедного.

Чаннинг.

3

Когда человек употребляет свой разум на разрешение вопроса о том, зачем существует мир и зачем он сам живет в этом мире, с человеком делается что-то вроде дурноты, головокружения. Ум человека не может придумать ответы на эти вопросы. Что же это значит? А то, что разум человеку не дан на то, чтобы отвечать на эти вопросы, что самое задавание таких вопросов означает заблуждение разума. Разум решает только вопрос: "как жить?" И ответ ясен: жить так, чтобы было хорошо и мне и всем людям. Это нужно всему живущему и мне. И возможность этого дана всему живущему и мне. И это решение исключает вопросы: *отчего* и *зачем*.

4

Те люди, которые употребляют свой разум на ненужные предметы,

похожи на ночных птиц, которые видят в темноте, но слепнут при солнечном свете. Их ум очень проницателен, когда они употребляют его на научные пустяки, но он перестает видеть, когда его поражает истинный свет.

Питтакус.

5

Долга ночь для того, кто не спит. Длинна верста тому, кто устал; долга жизнь для безумного.

Назначение разума -- открывание истины, и потому великое и губительное заблуждение -- употребление разума на скрывание или извращение истины.

30-е июля

Только тот, кто знает все свои слабости, может быть справедлив к слабостям ближнего.

1

Дети мои! Если кто нанесет вам обиду словом, то не придавайте этому значения, а смотрите на это как на дела, не заслуживающее внимания. Если же у вас вырвалось оскорбительное слово о другом, то не вступайте в сделку со своею совестью, говоря: "Что же мы такое сказали, ведь это мелочь, что за важность". Нет, не рассуждайте так, а смотрите на свой поступок как на дело великой важности и не успокаивайтесь до тех пор, пока вам собственными мольбами или посредничеством друзей не удастся склонить обиженного к совершенному примирению.

Талмуд.

2

Если бы мы переносили себя на место других лиц, то часто освобождались бы от чувств ненависти, которые мы питаем к ним; и если бы ставили других на свое место, то часто уменьшали бы свою гордость.

3

Кто не умеет прощать, разрушает мост, через который ему самому придется проходить, ибо всякий человек нуждается в прощении.

Лорд Герберт.

4

Лучший ответ безумцу -- молчание. Каждое слово ответа отскочит от безумца на тебя. Платить обидой за обиду -- все равно что подкидывать дров в пламя, но тот, кто встречает обвинителя с спокойствием, этим самым уже победил его.

Магомет и Али встретили раз человека, который, считая Али своим обидчиком, начал ругать его. Али переносил это с терпением и в молчании довольно долго, но потом не удержался и стал отвечать ругательствами на ругательства. Тогда Магомет пошел дальше, оставив этих двоих оканчивать свою ссору. Когда Али опять подошел к Магомету, он с обидой сказал ему: зачем ты оставил меня одного переносить ругательства этого дерзкого человека? Магомет отвечал: когда этот человек бранил тебя, а ты молчал, я видел вокруг тебя десять ангелов, которые отвечали ему. Некогда ты начал отвечать ему враньью, ангелы все оставили тебя, отошел и я.

Мусульманское предание.

5

Почти всегда, поискав в себе, мы найдем тот же грех, который мы осуждаем в другом. Если же мы не знаем за собой именно того самого греха, то стоит только поискать, и мы найдем худшие.

6

Глубокая река не возмутится от того, что в нее бросить камень; религиозный человек, который возмутится оскорблениями, не река, а лужа. Если тебя постигло бедствие, неси его с тем, чтобы, прощая других, ты сам заслужил прощение. Будем помнить, что все мы вернемся в землю, и будем смиренны. Будем посыпать главу пеплом, прежде чем превратимся в прах.

Саади.

Стоит только немного подумать, и мы всегда найдем за собою какую-нибудь вину перед человечеством (пусть это будет хотя бы только та вина, что благодаря гражданскому неравенству людей мы пользуемся известными преимуществами, ради которых другие должны испытывать еще больше лишений), и это помешает нам отогнать мысль о долге посредством себялюбивых представлений о своих заслугах.

Кант.

31-е июля

Если бы христиане исповедовали свой закон, не могло бы быть ни богатых, ни бедных.

1

И вот некто, подошед, сказал Ему: Учитель благий! Что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за мною.

Мф. гл. 19, ст. 16, 21

2

Нечувствителен и равнодушен к чужому горю бывает человек богатый.

Талмуд.

3

Богатые и бедные являются как бы дополнением друг друга. Класс богачей предполагает собой класс бедняков, и безумная роскошь не может не быть связанной со страшной нуждой, заставляющей людей неимущих служить безумной роскоши. Богатые -- это грабители, бедные -- это ограбленные. От этого-то Христос и выражал всегда сочувствие к бедным и отвращение к богатству. По его учению, быть ограбленным лучше, чем быть грабителем. В царстве правды, которое он проповедовал, богатые и бедные были бы одинаково невозможны.

Генри Джордж.

4

Страшно, истинно страшно сребролюбие; оно закрывает глаза и уши, делает нас свирепее зверей, не позволяет думать ни о совести, ни о дружбе, ни об общении, ни о спасении собственной души, но, зараз лишивши всего, делает людей своими рабами. И что всего хуже в этом горьком

рабстве -- заставляет людей услаждаться своим рабством, так, что чем больше предаются ему люди, тем больше увеличивается их удовольствие. Оттого-то преимущественно эта болезнь и бывает неизлечима, оттого-то и неукротим этот зверь.

Иоанн Златоуст.

5

Общество, составленное из очень богатых и очень бедных, легко делается добычей людей, захватывающих в свои руки власть. У очень бедных не бывает достаточно духа, чтобы оказать сопротивление, а у очень богатых бывает слишком много на ставке, чтобы они могли рисковать.

Генри Джордж.

6

Богатства так же, как навоз, воняют, когда они в куче; когда же они разбросаны -- удобряют землю!

Какое усиленное затемнение нравственных чувств должно быть в человеке, который в христианском обществе среди нуждающихся тысяч гордится своим богатством.

АВГУСТ

1-е августа

Освобождает человека только разум -- чем неразумнее жизнь человека,

тем она несвободнее.

1

Ты спросишь, каким путем достигнуть свободы? Для этого надо научиться различать добро и зло самому, а не по указанию толпы.

Сенека.

2

Если нет в тебе желания делать зло честолюбия, то нет и добродетельного поступка, на который ты бы не был способен.

Китайская мудрость.

3

Победить самого себя -- это лучшее средство для того, чтобы не быть побежденным. Обуздать самого себя -- это лучшее средство для того, чтобы не иметь над собой господина.

Восточная мудрость.

4

Привязаться к известной идее это почти то же, что привязаться к столбу, врытому в землю. Мера свободы, которой будет пользоваться человек, всецело будет зависеть от длины его привязи, и наибольшей свободой будет пользоваться тот, кто привяжется к идее блага для всех.

Люси Малори.

5

Живет свободно только тот, кто находит радость в исполнении своего долга, кто обдумал тот путь, который он должен пройти в жизни; кто подчиняется нравственному закону не из страха, а уважает и слушается его потому, что считает, что так должно; над кем нет иной власти, кроме собственного желания суждения.

Цицерон.

6

Только про того человека можно сказать, что он свободен, который живет так, как он хочет. Разумный человек всегда живет так, как он хочет, потому что он желает только того, что возможно получить. И потому только разумный человек свободен.

Никто не желает быть виноватым; никто не хочет жить в заблуждениях, неправедно; никто не выбирает себе нарочно такой жизни, от которой он будет печалиться и мучиться; никто скажет, что ему хочется жить скверно и развратно. Значит, все люди, живущие неправедной жизнью, живут так не по своему желанию, а против воли. Они не хотят ни печали, ни страха, а между тем постоянно страдают и боятся. Они делают то, чего не хотят. Стало быть, они не свободны.

Мудрец Диоген говорил: "Только тот истинно свободен, кто всегда готов умереть". Он писал персидскому царю: "Ты не можешь сделать истинно свободных людей рабами, как не можешь поработить рыбу. Если ты и возьмешь их в плен, они не будут рабствовать тебе. А если они умрут в плену у тебя, то какая тебе прибыль от того, что ты забрал их в плен?"

Вот это -- речи человека свободного: такой человек знает, в чем состоит истинная свобода.

Эпиктет.

7

Мы устроили себе жизнь, противную и нравственной и физической природе человека, и, живя такой жизнью, хотим быть свободны.

8

Послушание хорошо и необходимо, если это -- послушание добру и истине, но если это послушание тому, что дурно и ложно, то это, напротив, высшая степень человеческой подлости и унижения.

Карлейль.

9

Кто охвачен пламенем страстных влечений, кто жаждет наслаждений, тот все растит свои похоти и сам заковывает себя в цепи.

Кто помышляет только о радостях успокоения, кто, углубленный в свои думы, счастлив тем, в чем люди не видят счастия, тот разорвет эти цепи смерти, тот навсегда сбросит их.

Буддийская мудрость [Дхаммапада].

10

Свобода достигается не исканием свободы, а истины. Свобода не должна быть целью, а может быть только последствием.

Свобода не может быть дана человеку человеком. Каждый человек только сам может освободить себя.

2-е августа

Если человек есть только телесное существо, то смерть есть конец всего. Если же человек есть существо духовное и тело есть только ограничение духовного существа, то смерть -- только изменение.

1

Наше тело ограничивает то божественное, духовное начало, которое мы называем душою. И это-то ограничение, -- как сосуд дает форму жидкости или газу, заключенному в нем, -- дает форму этого божественному началу. Когда разбивается сосуд, то заключенное в нем перестает иметь ту форму, которую имело, и разливается. Соединяется ли оно с другими веществами? получает ли новую форму? -- мы этого ничего не знаем, но знаем наверное то, что оно теряет ту форму, которую оно имело в своем ограничении, потому что то, что ограничивало, разрушилось, но не можем знать ничего о том, что совершится с тем, что было ограничено. Душа после смерти становится чем-то другим, -- таким, о чем мы судить, не можем.

2

Эмерсона, утверждавшего свое бессмертие, спросили: "Ну а как же, когда мир кончится?" Он отвечал: "Для того чтобы не умереть, я не нуждаюсь в мире".

3

Смирение нужно не только для жизни, но нужно и для смерти. Надо сделаться малым перед людьми, перед собою, чтобы войти в дом бога. Отрекись от себя, и ты сольешься с ним. Чем больше отречения, тем ближе к нему, тем легче смерть.

4

Смерть есть только один шаг в нашем непрерывном развитии. Таким же шагом было и наше рождение с той лишь разницей, что рождение есть смерть для одной формы бытия, а смерть есть рождение в другую форму бытия.

Смерть -- это счастье для умирающего человека. Умирая, перестанешь быть смертным. Я не могу смотреть на эту перемену с ужасом, подобно некоторым людям. По-моему, смерть есть перемена к лучшему. Разве мы не безумны, когда говорим о приготовлении к смерти? Наше дело -- жить. Тот кто умеет жить, сумеет и умереть. Я хочу жить, душа наша никогда не говорит нам, что мы умрем. Чувства умирают, а чувства-то и создали смерть. Так стоит ли беспокоиться о ней разумным людям?

Теодор Паркер.

5

Последний день несет нам не уничтожение, а только перемену.

Цицерон.

6

Жизнь есть освобождение души (духовной, самобытно живущей сущности) от тех условий телесной личности, в которые она поставлена.

Для человека, живущего духовной жизнью, нет смерти.

3-е августа

Мы ищем возмездия совершенного нами добра и зла во времени и часто не находим его. Но добро и зло совершается в духовной области вне времени, и в этой области, хотя мы и не видим явных признаков этого возмездия, мы, несомненно, в нашей совести сознаем его.

1

Кажется, что бесстыдному человеку, хвастуну, хитрецу, хулителю, дерзкому и бездельнику живётся легко; что тяжела жизнь того смертного, который непрестанно стремится к непорочному, всегда кроток, разумен, бескорыстен; но это только кажется. Первый всегда тревожен, второй всегда спокоен.

Буддийская мудрость. [Дхаммапада].

2

Спеши к доброму делу, хотя и незначительному, и беги от всякого греха, ибо одно доброе дело влечет за собой другое, а один грех порождает другой: награда добродетели -- добродетель, наказание порока -- порок.

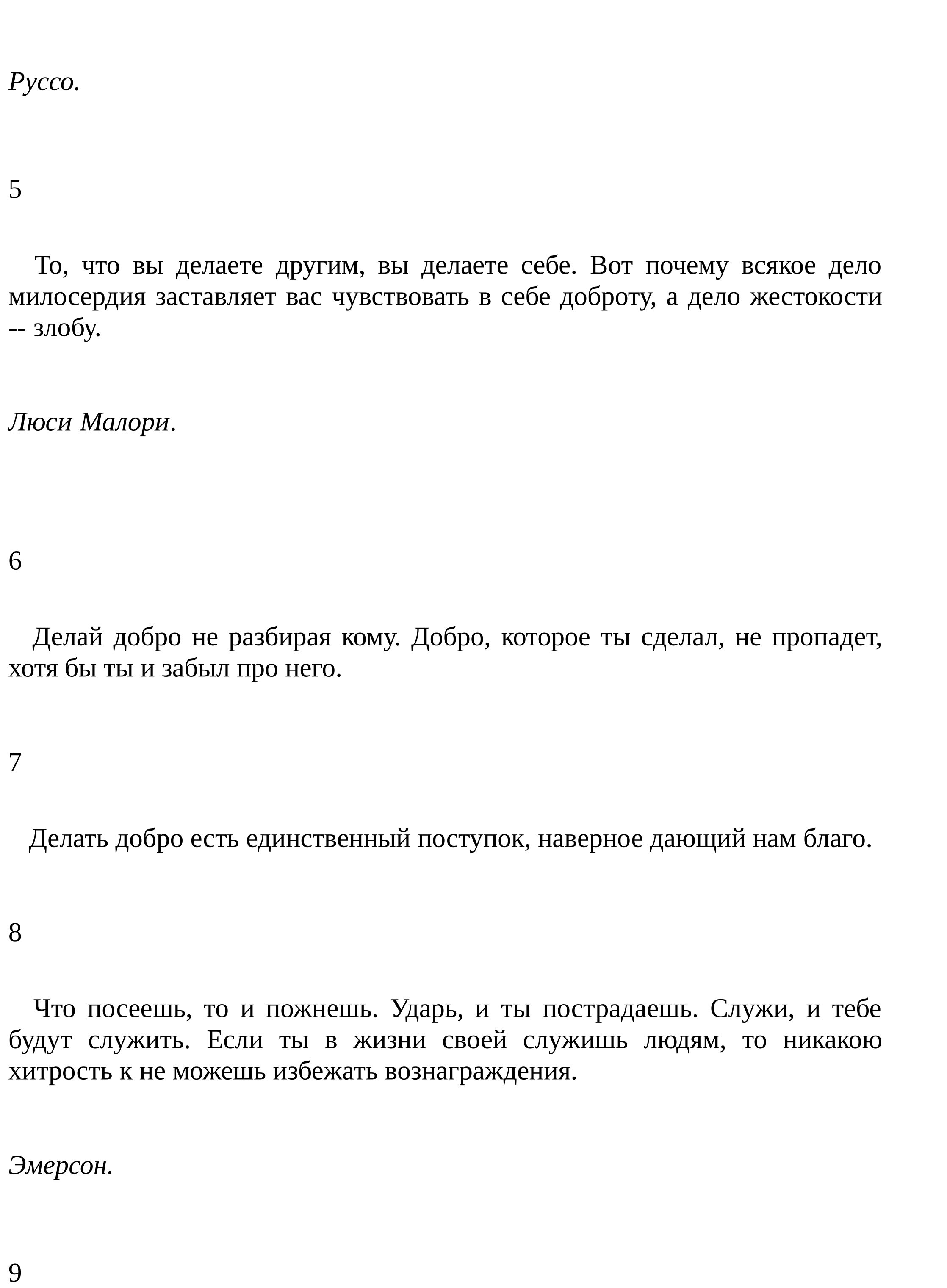
Талмуд.

3

Наказание только в сознании того, что не воспользовался тем великим благом, которое ты мог получить. Не ожидай больших наказаний: тяжелее этого не может быть никакого.

4

Ты ищешь причину зла. Она только в тебе.

Руссо.

5

То, что вы делаете другим, вы делаете себе. Вот почему всякое дело милосердия заставляет вас чувствовать в себе доброту, а дело жестокости -- злобу.

Люси Малори.

6

Делай добро не разбирая кому. Добро, которое ты сделал, не пропадет, хотя бы ты и забыл про него.

7

Делать добро есть единственный поступок, наверное дающий нам благо.

8

Что посеешь, то и пожнешь. Ударь, и ты пострадаешь. Служи, и тебе будут служить. Если ты в жизни своей служишь людям, то никакою хитрость к не можешь избежать вознаграждения.

Эмерсон.

9

Когда ты сделал кому-нибудь добро и это добро принесло плоды, зачем ты домогаешься еще похвалы и награды за свое доброе дело?

Марк Аврелий.

Не ищи видимого возмездия за добро, оно дано тебе одно временно с поступком. И не думай, что если ты не видишь возмездия за совершенное зло, то его не будет. Оно уже есть в твоей душе. Ты ошибаешься, относя боль твоей души к другим причинам.

4-е августа

Самоотречение не есть отречение от себя, а только отречение от своего животного.

1

Каждый человек содержит в себе сознание жизни всего человечества.

Оно лежит глубоко в душе человека, но оно есть. И рано или поздно человек должен прийти к сознанию этой более обширной жизни.

Отречение от своих личных целей, которое совершается в нем, тотчас же вознаграждается более сильной жизнью, в которую он вступает.

Только отрекаясь от своей исключительной личности, человек делается настоящей живой личностью и, признавая своею жизнь других, сознает в себе жизнь, не имеющую ни пределов, ни конца.

Карпентер.

2

Человек, который думает только о себе и ищет во всем своей выгоды, не

может быть счастлив. Хочешь жить для себя, живи для других.

Сенека.

3

Величайшее благо, которое только может знать человек, состояние полнейшей свободы и счастья, есть состояние самоотвержения и любви. Разум открывает человеку единственно возможный путь к этому благу, и чувство устремляет человека по этому пути.

4

Многим кажется, что если исключить из жизни личность и любовь к ней, то ничего не останется. Им кажется, что без личности нет жизни. Но это только кажется людям, которые не испытывали радости самоотвержения. Откинь от жизни личность, отрекись от нее, и только тогда ты узнаешь лучшее благо жизни -- любовь.

5

Жизнь истинная начинается только тогда, когда начинается самоотречение.

6

Когда потухает свет в твоем сердце, то мрак скрывает от тебя путь твой. Остерегайся этого ужасного мрака. Никакой свет твоего разума не может уничтожить мрак, исходящий из твоего сердца до тех пор, пока не будут изгнаны из него все себялюбивые мысли.

Браминская мудрость.

7

Стремление к личному благу есть только продолжение в нас животности; человеческая жизнь начинается только с отречением от него.

Амиель.

8

Чем больше человек дает людям и меньше требует себе. тем он лучше; чем меньше дает другим и больше требует себе, тем он хуже. Но люди нашего времени рассуждают не так. Они придумывают самые разнообразные и хитрые рассуждения, но только не то, которое естественно представляется всякому простому человеку. По их рассуждениям, воздерживаться от предметов роскоши совсем не нужно. Можно соболезновать положению рабочих, говорить речи и писать книги в их пользу и вместе с тем продолжать пользоваться теми трудами, которые мы считаем для них губительными.

То, что мы называем самоотречением, есть только последствие перенесения сознания из своего животного в свое духовное "я". Если это изменение сознания совершилось, то то, что казалось отречением до этого изменения, представляется уже не отречением, а только естественным удалением от ненужного.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА (КОВШ)

Была давно-давно на земле большая засуха: пересохли все реки, ручьи, колодцы, и засохли деревья, кусты и травы, и умирали от жажды люди и

животные.

Раз ночью вышла девочка из дома с ковшиком поискать Воды для больной матери. Нигде не нашла девочка воды и с усталости легла в поле на траву и заснула. Когда она проснулась и взялась за ковшик, она чуть не пролила из него воду. Он был полон чистой, свежей воды. Девочка обрадовалась и хотела было напиться, но потом подумала, что недостанет матери и побежала с ковшиком домой. Она так спешила, что не заметила под ногами собачки, споткнулась на нее и уронила ковшик. Собачка жалостно визжала. Девочка хватилась ковшика.

Она думала, что разлила его, но нет, он стоял прямо на своем дне, и вся вода была цела в нем. Девочка отлила в ладонь воды, и собачка все вылакала и повеселела. Тогда девочка взялась опять за ковшик, он из деревянного стал серебряным. Девочка принесла ковшик домой и подала матери. Мать сказала: "Мне все равно умирать, пей лучше сама" -- и отдала ковшик девочке. И в ту же минуту ковшик из серебряного стал золотой. Тогда девочка не могла уже больше удерживаться и только хотела приложиться к ковшику, как вдруг в дверь вошел странник и попросил напиться. Девочка проглотила слюни и поднесла страннику ковшик. И вдруг на ковшике выскочило семь огромных брильянтов, и из него полилась большая струя чистой, свежей воды.

А семь брильянтов стали подниматься выше и выше и поднялись на небо и стали Большой Медведицей.

С английского.

ВОРОБЕЙ

Я возвращался с охоты и шел по дорожке сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь. Я глянул в даль дорожки и увидал молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее мордой и, весь взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он кинулся спасать, он заслонил собою свое детище, а все его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою! Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Собака остановилась, попятилась... Видно, и она признала эту силу.

Я поспешил отозвать смущенного пса и удалился, благоговея.

Да, я благоговел перед той маленькой великодушной птицей, перед любовным ее порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и двигается жизнь.

И. С. Тургенев.

5-е августа

Большая часть ложных и вредных мнений распространяется и поддерживается внушением.

1

Мы склонны усваивать те взгляды и мысли, которые разделяется людьми, живущими с нами, а не стараемся дальше и глубже развить их. От этого ничтожество наших характеров и жизней.

2

Душа поддается влиянию другой души. И человек вполне свободен, только когда один.

3

Легко жить в мире, следуя общественному мнению, а в уединении только

своему. Силен тот человек, кто в толпе удерживает кротость и независимость уединения.

Эмерсон.

4

Блажен муж, который не ходил на совет нечестивых и на пути грешных не стоял и в заседании кощунствующих не сидел (Пс. I, 1). Нет ничего заразительнее примера. Он вносит в нашу жизнь такие поступки, которые мы никогда не подумали бы совершить без воздействия примера.

5

Не поддавайся настроению духа того, кто тебя оскорбляет, и не становись на тот путь, на который бы ему хотелось увлечь тебя.

Марк Аврелий.

6

Человек может привыкнуть к самой плохой жизни, в особенности если он видит, что все окружающие его живут так же.

7

Мне стыдно думать о том, как часто я уступчиво жертвовали и своими убеждениями и как легко подчинялся омертвелым учреждениям и обычаям.

Эмерсон.

8

Распространяемые внушением ложные понятия и вредные настроения можно узнать по тому блеску и торжественности, которыми они окружаются. Истина не нуждается во внешней обстановке.

Внушение -- необходимое условие общественной жизни, но нельзя быть достаточно осторожным в сознательном употреблении его. Способность внушения заставляет нравственного человека быть вдвойне строгим к словам и поступкам, которые могут воздействовать на других.

6-е августа

Разум как каждого отдельного человека, так и совокупности людей есть единственный руководитель человеческой жизни.

1

Светильник тела есть око; итак, если око твое будет чисто, то и все тело твое будет светло; а если оно будет худо, то и тело твое будет темно; итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма?

Лк. гл. 11, ст. 34--35.

2

Если мы посмотрим на жизнь большинства людей, то нам покажется, что человек -- существо, созданное для того, чтобы, подобно растению, поглощать в себя различные соки, расти, продолжать свой род на земле,

наконец состариться и умереть. В таком случае из всех существ человек меньше всего достигает цели своего существования, потому что он свои превосходные способности употребляет для таких целей, которых остальные существа достигают гораздо вернее и лучше. И из всех существ человек наиболее заслуживал бы презрения, по крайней мере в глазах истинной мудрости, если бы он не осуществлял отчасти и не надеялся бы осуществить вполне ту не одну животную, но разумную, свойственную только человеку жизнь, возможность которой он сознает.

По Канту.

3

Всё живет вместе и все живет отдельно: живет отдельно человек, живет отдельно червь. И каждое отдельное существо считает себя одного живущим и требует от жизни всего для себя одного, а между тем всякое отдельное существование не переставая приближается к смерти, к уничтожению отдельного существования.

Противоречие это было бы неразрешимо, если бы в мире не было разума. Но разум есть в человеке, и разум уничтожает это противоречие.

4

Разумная жизнь подобна человеку, несущему далеко перед собой фонарь, освещающий его путь. Такой человек никогда не доходит до конца освещенного места, освещенное Место идет впереди его. Такова разумная жизнь, и только при такой жизни нет смерти, потому что фонарь не переставая освещает до последней минуты, и уходишь за ним так же спокойно, как и во все продолжение жизни.

5

Все люди живут и действуют отчасти по своим мыслям, отчасти по мыслям других людей. В том, насколько люди живут по своим мыслям и насколько по мыслям других людей, состоит одно из главных различий людей между собой. Одни люди в большинстве случаев пользуются

своими мыслями как умственной игрой, обращаются со своим разумом как с маховым колесом, с которого снят передаточный ремень, а в поступках своих подчиняются обычаю, преданию, закону; другие же, считая свои мысли главными двигателями всей своей деятельности, прислушиваются к требованиям своего разума, подчиняются ему и только изредка, и то после критической оценки следуют тому, что решено другими.

Каждый человек может и должен пользоваться всем тем, что выработал совокупный разум человечества, но вместе с тем может и должен своим разумом проверять истины, выработанные прежде него жившими людьми.

7-е августа

Тщеславный человек хочет, чтобы его хвалили. Для того чтобы его хвалили, ему нужно быть тем, что люди считают хорошим. Люди же считают хорошим то, что им нравится. А нравится им то, чтобы их считали хорошими. И потому нет более тщетного занятия, как удовлетворение тщеславия.

1

Кто стыдится непостыдного и не стыдится бесстыдного, тот, следуя ложному мнению, вступает на злой путь погибели.

Буддийская мудрость. [Дхаммапада].

2

Тщеславный так полон самим собою, что в нем нет места ничему другому.

Пэн.

3

Себя уморишь, а людей не удивишь.

Пословица.

4

"Надо поступать так, как поступают другие". Правило это означает почти всегда то, что надо поступать дурно.

Лабрюйер.

5

Один человек спросил у другого, для чего он делает то дело, которому не сочувствует.

-- Потому что все так делают, -- отвечал тот.

-- Ну, положим, что не все, -- сказал первый, -- потому что вот я этого не делаю, да и некоторые другие, на которых я могу тебе указать.

-- Ну, коли не все, то очень многие, большая часть людей.

-- А скажи мне, пожалуйста, -- снова спросил первый, -- каких людей больше на свете, умных или глупых?

-- Конечно, глупых!

-- А коли так, та, стало быть, ты, подражая большинству, подражаешь глупым.

К.

6

Заставить умных людей считать нас не тем, что мы на самом деле из себя представляем, в большинстве случаев труднее, чем действительно стать такими, какими мы хотим казаться.

Лихтенберг.

7

Человек бывает настолько самонадеян, насколько он ограничен пониманием.

Поп.

8

И теперь и прежде высмеивают того, кто молчит, и того, кто много говорит, и того, кто говорит мало, -- нет никого на земле, кого бы не осуждали.

Никогда не было, никогда не будет и нет никого, кого бы постоянно порицали, как нет и того, кого бы всегда хвалили.

Буддийская мудрость. [Дхаммапада].

9

Нет более ложного руководства в жизни, как людское мнение.

10

Очень трудно не соглашаться с нашим самолюбием и не находить приятным тех, кто нас одобряет.

Амиель.

11

Гордость людская -- свойство странное, не так-то легко позволяющее себя подавить; только заштопал одну дыру, не успел оглянуться, а та же гордость в другом виде выглядывает из другой дыры, а заткнешь эту, она уже глядит из третьей дыры и т. д.

Лихтенберг.

12

Мы одобряем других постольку, поскольку находим их похожими на нас; так что часто уважать кого-нибудь значит только уравнять его с собой.

Лабрюйер.

13

Истинная добродетель никогда не озирается назад на тень свою -- славу.

Гёте.

Заботиться о славе людской, об одобрении людей уже потому неразумно, что люди не только не все считают одно и то же хорошим, но часто одни считают дурным то самое, что другие считают самым хорошим.

8-е августа

Приписывание особенного, исключительного значения и важности писателям, признанным большинством великими, составляет большое препятствие для познания истины. Божественная истина может проявиться в лепете ребенка, в болтовне дурачка, в бреду сумасшедшего, не говоря уже о разговорах, письмах простых людей, и очень слабые и ложные мысли встречаются в книгах, считающихся великими или священными.

1

Есть много традиционных истин, которые кажутся нам вероятными только потому, что мы никогда серьезно не подумали о них.

Род.

2

Надо считать Евангелие святым не потому, что его написали апостолы, а потому, что в нем истина. Истина, сказанная Буддой, Магометом, всяким человеком, так же важна, как и истина Евангелия.

3

Настаивать на применении древних и устарелых законов, находящихся в наших уставах, все равно что заставлять людей нашего времени жить в домах и пользоваться орудиями наших предков, живших за несколько поколений до нас.

Люси Малори.

4

Для большей части человечества религия есть обычай или, скорее, обычай есть религия. Как ни кажется это странным, но я убежден, что первый шаг к нравственному совершенствованию есть освобождение себя от религии, в которой вырос. Ни один человек не шел к совершенствованию иначе, как по этому пути.

Торо.

5

Мысль, выраженная в Евангелии, Библии, Коране, Упанишадах, не становится истинной потому, что она выражена в книгах, считающихся священными. Считать истинным все то, что сказано в признанной священной книге, есть идолопоклонство книг, более вредное, чем всякое другое идолопоклонство.

Всякая мысль, от кого бы она ни исходила, подлежит обсуждению, и всякая мысль, от кого бы она ни исходила, заслуживает внимания.

9-е августа

Большая часть зла, совершаемая людьми, совершается не по злой воле, а по распространенной ложной, принятой на веру мысли.

1

Материальные результаты -- только позднее проявление невидимых сил. Ядро уже давно вылетело, когда звук выстрела доходит до нас. Решающие события совершаются в мысли.

Амиель.

2

Из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления.

Мф. гл. 15, ст. 19.

3

Действия не так добры или порочны, как наши желания.

Вовенарг.

4

Много хуже дурного поступка те мысли, от которых происходят все дурные поступки. Поступка дурного можно не повторять и раскаяться в нем; дурные же мысли родят дурные поступки. Дурной поступок накатывает дорогу к дурным поступкам; дурные же мысли неудержимо влекут по этой дороге.

5

Вдаль несутся бестелесные помыслы, тихо крадутся они, глубоко сокровенные: кто подчинит их себе, кто обуздает их, тот освободится от их соблазна.

Буддийская мудрость [Дхаммапада]

6

Думай хорошо, и мысли созреют в добрые поступки.

7

Все дело в мыслях. Мысль -- начало всего. И мыслями можно управлять. И потому главное дело совершенствования: работать над мыслями.

Когда тебя постигают несчастия, ищи причину их не столько в поступках твоих, сколько в мыслях, побудивших тебя к совершению их. Точно так же и когда совершающиеся внешние события огорчают, возмущают тебя, ищи причины их не в предшествующих поступках людей, а в предшествующих мыслях, вызвавших поступки.

10-е августа

Говорят: человек не свободен, потому что все, что он делает, имеет свою, предшествующую во времени причину. Но человек действует всегда только в настоящем, а настоящее вне времени, оно только точка соприкосновения двух времен: прошедшего и будущего, и потому в момент настоящего человек всегда свободен.

1

Спросили у мудреца, какое время в жизни самое важное, какой человек самый важный и какое дело самое важное.

И мудрец ответил: "Время самое важное одно настоящее, потому что в нем одном человек властен над собою.

Человек самый важный тот, с кем в эту настоящую минуту ты имеешь дело, потому что никто не может знать, будет ли он еще иметь дело с каким-либо другим человеком.

Дело же самое важное то, чтобы быть в любви с этим человеком, потому что только для того, чтобы быть в любви со всеми людьми, послан человек в жизнь".

2

Никогда не вернешь потерянного времени, никогда не исправишь сделанного зла.

Джон Рёскин.

3

Только тогда мы сумеем воспользоваться каждой минутой, когда мы будем уверены в своей вечности.

Только когда мы внесем в нее сознание нашей духовности, самая ничтожная обязанность не будет казаться нам низкою.

Мартино.

4

Первый и самый обычный соблазн, который захватывает человека, есть соблазн приготовления к жизни вместо самой жизни.

"Теперь мне можно на время отступить от того, что должно и чего требует моя духовная природа, потому что я не готов -- говорит себе человек. -- А вот я приготовлюсь, наступит время, и тогда я начну жить

уже вполне сообразно со своей совестью".

Ложь этого соблазна состоит в том, что человек отступает от жизни в настоящем, одной действительной жизни переносит ее в будущее, тогда как будущее не принадлежит человеку.

Для того, чтобы не подпасть этому соблазну, человек должен понимать и помнить, что готовиться некогда, что он должен жить лучшим образом сейчас, такой, какой он есть, что совершенствование, нужное для него, есть только одно совершенствование в любви, а это совершенствование совершается только в настоящем. А потому должен не откладывая жить всякую минуту всем и своими силами настоящим, для бога, т. е. для всех тех, кто предъявляет требования к его жизни, зная, что всякую минуту он может быть лишен возможности этого служения и что для этого-то ежечасного служения он и пришел в мир.

Настоящее есть то состояние, в котором одном проявляется наша божественная сущность. Будем же благоговеть перед настоящим -- в нем бог.

11-е августа

Как умирает человек один, так и живет человек своей внутренней духовной жизнью всегда один.

1

Счастливее всего та страна, которая мало или вовсе не нуждается во ввозе; также счастливее всех тот человек, который довольствуется своим внутренним богатством и для своего существования нуждается в немногом или вовсе ни в чем извне. Подвоз извне дорого обходится, порождает зависимость, влечет за собой опасности, вызывает досаду, а в конце концов служит плохой заменой продуктов собственной почвы. От других вообще извне, нельзя ожидать многого в каком бы то ни было отношении. То, чем один может быть для другого, ограничено очень тесными рамками: в конце концов каждый остается сам собой, и тогда весь вопрос в том, *кто* тот, с

кем приходится человеку оставаться, когда он остается сам с собой.

Шопенгауэр.

2

Если снами случается какая-нибудь неприятность или мы попадаем в какое-нибудь затруднение, то все мы бываем склонны обвинять в этом других людей или судьбу свою, вместо того чтобы сообразить, что если внешнее, от нас не зависящее становится для нас неприятностью или затруднением, то, значит, в нас самих что-нибудь не в порядке.

Эпиктет.

3

То, что человек сделает, тем он и владеет. Пусть никто не считает ничего прочным добром, кроме того, что находится в нем самом и что должно расти в нем до тех пор, пока он жив.

Эмерсон.

4

Сам совершаешь грех, сам замышляешь зло, сам убегаешь от греха, сам очищаешь помыслы, сам собой ты зол или чист, другому не спасти тебя.

Дхаммапада.

5

Самое обычное и вредное заблуждение людей: думать, что чего-нибудь может мешать их свободе и благу.

6

Человек просит, чтобы ему помогли люди или бог; а помочь ему никто не может, кроме его самого, потому что помочь ему может только его добрая жизнь. А это может сделать только он сам.

У каждого человека есть глубина внутренней жизни, сущности которой нельзя сообщить другом. Иногда хочется передать это людям. Но тотчас же чувствуется, что передать это вполне другому человеку невозможно. Потребность эта есть потребность общения с богом. Устанавливай это общение и не ищи другого.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ОДИНОЧЕСТВО

После веселого обеда в холостой компании мой старый приятель сказал мне:

-- Не хочешь ли пройтись по Елисейским полям?

И мы пошли, медленно шагая, по длинной аллее между деревьями, слабо одетыми листвой. Ни малейшего шума, кроме этого вечного глухого гула от непрерывного парижского движения. Свежий ветерок дул нам в лицо, и по темному небу рассыпалась золотистая пыль бесчисленных звезд.

Товарищ мой заговорил:

-- Не знаю почему, но ночью мне здесь дышится легче, чем где-либо. Мысль моя как будто растет. Минутами ум мой озаряется яркими проблесками света; и мне в эти мгновения кажется, что мы отгадаем божественную тайну жизни. Но окно захлопывается... И кончено.

Двойные тени мелькали порой между деревьями; мы прошли мимо скамейки; рядком сидевшая на ней парочка сливалась в одно темное пятно.

Мой приятель проговорил:

-- Жалкие люди! Не отвращение, а беспредельную жалость чувствую я к ним. Из всех тайн человеческой жизни я постиг только одну: пытка нашего существования в том, что мы вечно одиноки, и все, что мы делаем, мы делаем, чтобы бежать от этого одиночества. Вон и эти влюбленные парочки на скамейках под открытым небом ищут возможности, как и мы, как и все живые существа, хотя бы на мгновение избежать своего одиночества, но они остаются и вечно останутся одинокими, и мы тоже.

Одни люди чувствуют это сильнее, другие слабее, вот и все.

С некоторого времени я испытываю невыносимую пытку: я понял, я постиг мое страшное одиночество и знаю, что ничто -- понимаешь ли? -- ничто в мире не в силах прекратить его. Все наши попытки, старания, порывы сердца, все призывы наших уст, все наши объятия тщетны и тщетны -- мы всегда одиноки.

Я увлек тебя сюда на эту прогулку, чтобы не идти домой, -- меня теперь невыносимо мучает одиночество моей квартиры. Но и это ни к чему. Я говорю, ты меня слушаешь, мы идем вдвоем, рядом, вместе, но каждый из нас один. Понимаешь ли ты меня?

"Блаженны нищие духом", -- говорит писание. Эти не утратили призрака счастья. Они не ведают нашего горя одиночества, они не бредут по жизненному пути, как я, соприкасаясь с людьми только локтями, без иной радости, кроме эгоистического удовлетворения тем, что донимаешь, видишь, угадываешь и без конца страдаешь от сознания своего вечного одиночества.

Ты думаешь, что я сошел с ума. Правда?

Но выслушай меня. С тех пор как я почувствовал одиночество моего существования, мне кажется, что я с каждым днем все больше погружаюсь в какое-то мрачное подземелье, краев и конца которого я не вижу и из которого, может быть, нет и выхода. Я иду по нем, но ни со мной, ни рядом нет ни одного живого существа. Подземелье -- это наша жизнь. Порой я слышу шум, голоса, крики... Я ощупью спешу на них. Но откуда они раздаются, я никогда наверное не знаю; я не встречаю никого, не нахожу руки другого человека в мраке, окружающем меня, Понимаешь ли?

Были люди, которые иногда угадывали это ужасное страдание. Мюссе восклицает:

Кто там вдет? Зовет меня? -- Никто.

Один я, как всегда, -- пробил час.

О, одиночество! О, нищета!

Но у него это было мимолетное сомнение, а не полная достоверность, как у меня. Он был поэт, наполнял жизнь призраками, грезами. Он никогда не был вполне одинок, как я.

Густав Флобер, этот великий несчастный мира сего, потому что был из числа немногих великих провидцев писал другу-женщине следующие отчаянные слова: "Мы все в пустыне; никто никого не понимает".

Да, никто никого не понимает; что бы мы ни думали, что бы ни говорили, что бы мы ни делали, -- никто никого не понимает Знает ли земля, что творится на этих звездах, разбросанных, как огненные зерна в пространстве, так далеко, что мы видим только самую незначительную часть их, тогда как остальные бесчисленные их полчища теряются в бесконечности? А может быть, эти звезды так близки друг к другу, что составляют одно целое, как молекулы одного тела?

И как земля не знает, что творится на этих звездах, так и человек не знает, что происходит в другом человеке. Мы дальше друг от друга, чем эти светила, а главное -- более разъединены, потому что мысль бездонна.

Что может быть ужаснее этого постоянного соприкосновения существ при невозможности слиться с ними? Мы любим так, как 6удто мы прикован близко друг к другу, и, простирая руки, мы не можем соединиться. Мучительная потребность единения гложет; но все наши усилия тщетны, порывы бесплодны, излияния бесполезны, объятия бессильны, ласки пусты. Мы хотим слиться, но, при всех наших стремлениях, мы только стукаемся друг о друга. Я больше всего чувствую себя одиноким, когда отдаю свое сердце другому человеку: тогда эта невозможность становится мне еще очевиднее. Вот он -- этот человек, -- он смотрит на меня своими ясными глазами, но душу его, позади их я не знаю. Он слушает меня. А что он думает? Да, что он думает? Ты не понимаешь этой муки? Может быть, он ненавидит, презирает меня, насмехается надо мной? Он взвешивает все мои слова, судит, глумится, осуждает меня, считает меня посредственностью или глупцом? Как знать, что он думает? Как знать, любит ли он меня так же, как я его, и что шевелится в его маленькой круглой голове? Какая страшная тайна -- неизвестная мысль другого существа, мысль скрытая и свободная, которую мы не можем ни знать, ни направлять, ни обуздать, ни победить.

А я?.. Как я ни стараюсь отдаться, раскрыть все двери моей души, -- мне это невозможно. Всегда на дне, на самом дне остается тайный уголок моего "я", куда никто не проникает. Никто не в силах открыть его, войти туда, потому что никто не похож на меня, и никто никого не понимает. По крайней мере, в эту минуту понимаешь ли ты меня?

Нет. Ты считаешь меня безумным! Ты меня рассматриваешь, ты остерегаешься меня! Ты задаешь себе вопрос: что с ним? Но если когда-нибудь тебе удастся понять мое ужасное и утонченное страдание, о, приди

тогда, чтобы сказать только: "я понял тебя", -- и я хоть на мгновение буду счастлив.

Женщины в особенности заставляют меня сильнее чувствовать мое одиночество.

О, горе, горе! Как я страдал от них! Они чаще мужчин вызывали во мне ложную надежду на то, что я не одинок.

Когда вступаешь в любовь, кажется, что расширяешься, тебя охватывает нечеловеческое блаженство. Знаешь ли отчего? Знаешь ли, откуда это ощущение огромного счастья? Единственно оттого, что воображаешь себя уже не одиноким. Одиночество, отчуждение человеческого существа, по-видимому, кончилось. Какое жалкое заблуждение.

Женщина еще сильнее нас мучится тою вечною потребностью любви, которая гложет наше одинокое сердце; эта-то женщина и составляет главную ложь мечты.

Тебе знакомы сладостные часы лицом к лицу с этим существом, длинноволосым, пленительным, одни взоры которого сводят нас с ума. Безумный восторг туманит ум! Чудная иллюзия охватывает нас! Кажется, что вот-вот она и я сольемся в одно. Но это только кажется, и после недель ожиданий; надежд и лживых радостей я еще сильнее, чем прежде, чувствую себя одиноким.

После каждого поцелуя, после каждого объятия одиночество растет. И как оно ужасно, как мучительно! Поэт Сюлли Прюдом говорит:

Все ласки -- одни безумные порывы,

Бесплодные попытки жалкой любви

Достигнуть союзом тел невозможного слияния душ.

И потом прощай. Все кончено! Мы едва узнаем ту женщину, которая на мгновение была для нас всем и задушевную мысль которой, конечно прошлую, мы даже никогда не знали.

Даже в те минуты, когда нам кажется, что в таинственном согласии наших существ, в полном смешении желаний и всех стремлений мы проникли в самую глубь ее души, -- слово, одно слово, случайно сказанное ею, раскрывает наш самообман и, как молния ночью, освещает пропасть, лежащую между нами.

И все-таки ничего нет лучше этих вечеров с любимою женщиной -- вечеров молчаливых, когда чувствуешь себя почти счастливым от одного ее присутствия. Не будем требовать большего, потому что никогда два существа не сольются вместе!

Что до меня касается, то я теперь от всех замкнул свою душу. Я никому не говорю, во что я верю, что я думаю, что люблю. Зная, что я осужден на ужасное одиночество, я равнодушно гляжу на все и не высказываюсь. Что мне за дело до чужих мнений, ссор, удовольствий и верований. Не будучи в состоянии, делиться ничем с людьми, я безучастен ко всему. Моя невидимая мысль остается неизведанной. У меня есть банальные фразы в ответ на обыденные вопросы и улыбка, когда мне не хочется отвечать.

Понимаешь ли ты меня?

Мы прошли всю длинную аллею до Триумфальной арки. Звезды, спустились до площади Согласия; он говорил медленно и высказал еще многое другое, чего я даже не запомнил.

Наконец он остановился перед гранитным обелиском, стоящим на парижской мостовой. При свете звезд едва обрисовывался длинней египетский профиль этого памятника в изгнании, на боках которого странными знаками начертана история его страны. И вдруг движением руки мой приятель указал на этот обелиск и воскликнул:

-- Все мы -- как этот камень!

И он ушел, не сказав больше ни слова. Был ли он пьян, сумасшедший или мудрый, я и теперь не знаю. Порой мне кажется, что он прав, порой -- что он сошел с ума.

Гюи де Мопассан.

12-е августа

Крест, который несет человек, состоит из большой отвесной части, представляющей волю бога, и малой поперечной части, представляющей волю человека. Приведи свою волю в одно направление с волею бога, и не будет креста.

1

Человек, который ищет счастия во внешнем благополучии, строит свой дом на песке;

Люси Малори.

2

Кто не со мною, тот против меня; и кто не собирает со мною, тот расточает.

Лк. гл. 11, ст. 23.

3

В состояниях людей есть соединение доброго и злого, но в стремлениях людей нет такого смещения. Стремление, к исполнению воли бога -- все доброе, стремление к исполнению своей воли, не согласной с волей бога, -- всё злое.

4

Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите отца во имя мое, даст вам.

Ин. гл. 16, ст. 23.

5

Судьба сокрушает нас двояким образом: отказывая нам в наших желаниях и исполняя их. Но тот, кто хочет только того, чего хочет бог, избегает обеих бед. Все обращается к его благу.

Амиель.

6

Если ты ничего не ожидаешь и не хочешь получить от других людей, то люди не могут быть страшны тебе, как пчеле не страшна другая пчела, как лошади не страшна другая лошадь. Но если твое счастье находится во власти других людей, то ты непременно будешь бояться людей.

С этого и надо начать: надо отрешиться от всего того, что нам не принадлежит, отрешиться настолько. чтобы оно не было нашим хозяином; отрешиться от привязанности к своему телу и ко всему, что нужно для него; отрешиться от любви к богатству, к славе, должностям, почестям; в этом смысле отрешиться от своих детей, жены, братьев. Надо сказать себе, что все это не наша собственность.

Тогда не понадобится нам уничтожать людское насилие насилием. Вот тюрьма. Какой вред мне, моей душе, оттого, что она стоит? Зачем мне разрушать ее, зачем нападать на людей, производящих насилие, и убивать их? Их тюрьмы, цепи, оружие не поработят моего духа. Тело мое могут взять, но дух мой свободен и ему никто ни в чем не может помешать, и потому живу я так, как я хочу.

А как я дошел до этого? Я подчинил свою волю воле бога: хочет он, чтобы у меня была лихорадка? И я этого хочу. Хочет он, чтобы я делал это, а не то? И я этого хочу. Хочет он, чтобы со мною что-нибудь случилось? И я этого хочу. Не кочет он, и я не хочу. Хочет он, чтобы я умер, чтобы меня подвергли пытке? И я хочу умереть, хочу перенести пытку.

Эпиктет.

7

Та душа велика, которая предается богу, та же, напротив, мелочна и развращена, которая восстает против бога, осуждает законы, управляющие миром, и предпочитает исправлять бога, а не самое себя.

Сенека.

8

Кто хочет творить волю его, тот узнает о сем учении, от бога ли оно, или я сам от себя говорю.

Ин. гл. 7, ст. 17.

9

Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас; возьмите иго мое на себя и научитесь от меня, ибо я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго мое благо и бремя мое легко.

Мф. гл. 11, ст. 28-30.

Не только избавление от бед, не только спокойствие даются слиянием своей воли с волей бога, но этим только путем получается познание бога и вера в бессмертие.

13-е августа

Житейская мудрость в том, чтобы жить согласно разуму, хотя бы такая жизнь была осуждаема всеми.

1

Когда истина представляется ее врагам в неопровержимой форме, тогда они пускают в ход последнее средство, имеющееся в их распоряжений: это -- очернение людей, выражающих истину. Но, закидывая грязью людей, выражающих истину, они лишь покрывают землей семя истины, и оно

вырастает тем быстрее.

Люси Малори.

2

Негодует на нас небо за наши грехи, а мир -- за наши добродетели.

Талмуд.

3

Не интересуйся количеством, а качеством твоих почитателей: *не нравиться дурным* -- *для человека только похвально*.

Сенека.

4

Человеческий разум -- *это божественный светильник, свет от которого проникает в самую глубь вещей*.

Восточная мудрость.

5

Если меня гнали, будут гнать и вас; если мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше.

Ин. гл. 15, ст. 20.

6

Если мы сидим в движущемся корабле и смотрим на какой-нибудь предмет на этом же корабле, то нам незаметно наше движение; если же мы посмотрим в сторону на предмет, который не движется вместе с нами, например на берег, то мы тотчас же заметим свое движение. То же бывает в жизни. Когда все люди живут не так, как следует, то это незаметно, но лишь только один опомнится и заживет по-божьи, тотчас же становится очевидным, как скверно поступают остальные. И остальные за это гонят его.

Паскаль.

7

Горе вам, если все будут говорить о вас хорошо, сказал Христос.

Смысл этих слов тот, что не следует нам ставить себе внешнюю цель: угождать людям, подлаживаясь и приноравливаясь к множеству их несовершенных и разноречивых вкусов, хотений и капризов, а что следует поставить себе внутреннюю цель: угождать богу, прислушиваясь и приноравливаясь к его единой и совершенной воле.

И как каменщики могли бы построить здание не тогда, когда вытесывали бы камни, прилаживая их формы к неровностям и особенностям форм других камней, а лишь тогда, когда приноравливали бы их формы к прямоугольнику, так и людям удастся установить царство божие на земле не тогда, когда они будут воспитывать себя и своих детей сообразно разноречивым, изменчивым требованиям молвы людской, а лишь тогда, когда будут совершенствоваться по общим для всех законам добра и правды, узнаваемым при помощи совести и разума.

Федор Страхов.

Ошибочно огорчаться преследованиями, нападками и гонениями против мудрости. Мудрость была бы не мудрость, если бы она не обличала безумие дурной жизни. А люди были бы не люди, если бы они, не переменив свою жизнь, спокойно могли перенести обличения.

14-е августа

Люди так привыкли к поддержанию внешнего порядка жизни насилием, что жизнь людей без насилия представляется им невозможною. А между тем если люди насилием учреждают справедливую (по внешности) жизнь, то те люди, которые учреждают такую жизнь, должны знать, в чем справедливость, и быть сами справедливы. Если же одни люди могут знать, в чем справедливость, и могут быть справедливыми, то почему же всем людям не знать этого и не быть справедливыми?

1

Сила есть то орудие, посредством которого невежество заставляет своих последователей делать те дела, к которым они по природе своей не склонны; и (подобно попытке заставить воду идти выше своего уровня) в тот момент, когда орудие это перестает действовать, прекращаются и его последствия. Убеждение же, напротив, подобно спуску, сделанному в реке, который нужно только сделать для того, чтобы река текла сама собой без нашего внимания и усилия. Есть только два средства направлять человеческую деятельность. Одно в том, чтобы заставить человека действовать противно его склонностям и суждениям, и другое в том, чтобы завладеть склонностями, убедить рассуждением. Один способ употребляется невежеством, и последствия его -- разочарование, другой подтверждается опытом и всегда увенчивается успехом. Когда ребенок кричит, чтобы ему дали погремушку, он хочет силою получить ее. Когда родители бьют своих детей, то это с тем, чтобы силою заставить их вести себя хорошо. Когда пьяный муж бьет свою жену, то он делает это ввиду исправления ее силою. Когда преступник наказывается, то это делается для того, чтобы улучшить мир силою. Когда один человек судится с другим, то это с тем, чтобы достигнуть справедливости посредством силы. Когда

священник говорит об ужасах адских мучений, то делает он это с целью направить своих слушателей на небо силою. Когда один народ воюет с другим, то цель его состоит в том, чтобы приобрести желательное положение силою. И удивительное дело: до сих пор невежество вело и ведет человечество тем самым путем насилия, который всегда вел и ведет к разочарованию.

Комб.

2

Право сильного не есть право, но простой факт, который может быть правым, только покуда не встречает протерта и сопротивления. Это как бы холод, тьма, тяжесть, которые должны быть переносимы до тех пор, покуда не найдешь отопления, освещения, рычага. Вся человеческая промышленность есть освобождение из-под власти грубой природы; прогресс же справедливости есть не что иное, как ряд ограничений, которым подвергалась тирания сильного. Как медицина состоит в победе над болезнью, так благо состоит в победе над слепым зверством и необузданными вожделениями человека-зверя. Таким образом, я вижу всегда один и тот же закон: возрастающее освобождение личности, приближение людей к благу, к справедливости, к мудрости.

Амиель.

3

Без бога можно принуждать, но не убеждать; можно стать тираном, но не воспитателем.

Иосиф Мадзини.

4

Насилие, производя подобие справедливости, только удаляет людей от возможности жить справедливо без насилия.

Люди -- разумные существа и потому могут жить, руководясь разумом, и неизбежно должны заменить насилие свободным согласием. Всякие же совершаемое насилие отдаляет это время.

15-е августа

Радость жизни свойственна животным, детям, и святым: животным потому, что у них нет разума, который, будучи ложно направлен, лишил бы их этой радости; детям потому, что разум их ещё не успел извратиться; святым потому, что жизнь дает им то самое, чего они желают: возможность совершенствования, приближения к богу.

1

Печаль прошедшая становится в воспоминании приятной наряду с прошедшими, будущими и настоящими удовольствиями. Итак, только будущие и настоящие печали мучат нас -- замечательный перевес в нашем мире на стороне удовольствий, увеличивающийся еще тем, что мы постоянно стараемся доставлять себе удовольствия и можем во многих случаях с достаточной достоверностью предвидеть наслаждения от них, тогда как печаль, нам еще предстоящую, можно предсказать гораздо реже.

Лихтенберг.

2

Вы должны радоваться, думая о том, что бог сотворил неизмеримо больше прекрасного, чем в силах охватить человеческий взор, но огорчаться при мысли, что человек сделал гораздо больше зла, чем в силах душа его постичь, а рука исправить.

Джон Рёскин.

3

Счастье есть удовольствие без раскаяния.

4

О, как счастливы мы, проживая без ненависти к ненавидящим нас; как счастливы мы, если среди ненавидящих мы живем!..

О, как счастливы мы, свободные от жадности среди жадных! Среди людей, снедаемых жадностью, живем мы, свободные от нее!..

О, как счастливы мы, ничего не называя своим! Светлым богам подобны мы, напоенные святостью!..

Буддийская мудрость. [Дхаммапада].

5

Выслушайте другую притчу. Был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнес его оградою, выковал в нем точило, построил башню и, отдав его виноградарям, отлучился. Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды; виноградари, схвативши слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями. Опять послал он других слуг, больше прежнего; и с ними поступили так же. Наконец, послал он к ним своего сына, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградари, увидевши сына, сказали друг другу: это наследник; пойдем убьем его и завладеем наследством его. И,

схвативши его, вывели вон из виноградника и убили. Итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями? Говорят ему: злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои (Мф. 21, 33--41).

Людям дан сад, который сажали не они, и, для того чтобы им радоваться жизнью, им нужно только исполнять условие, под которым им передан сад. Они не исполняют его и говорят, что виноваты не они, а хозяин сада.

6

Ты ищешь рая, хочешь быть там, где нет страданий и вражды, -- освободи свое сердце, сделай его чистым и светлым, и тебе уже и здесь будет тот рай, которого ты желаешь.

Если жизнь не представляется тебе великой, незаслуженной радостью, то это только потому, что разум твой ложно направлен.

16-е августа

Мы неразрывно соединены духовной связью не только со всеми людьми, но и со всеми живыми существами.

1

Кто-то сказал мне однажды, что в каждом человеке таится нечто очень хорошее и человеколюбивое, а также и нечто очень дурное и недоброжелательное; и смотря по тому, как он расположен, проявляется то одно, то другое. Это совершенно верно!

Вид чужих страданий вызывает не только в разных людях, но и в одном человеке один раз безграничное сострадание, а другой раз некоторое удовлетворение, которое может усилиться до самого жестокого злорадства.

Я и сам на себе замечаю, что на все существа я смотрю иногда с

задушевным состраданием, иногда с величайшим равнодушием, а подчас с ненавистью и даже злорадством.

Все это служит явным указанием на то, что у нас есть два различных и даже прямо противоположных способа познания: один -- по принципу обособленности, разобщенности, отчужденности, когда все существа кажутся нам совершенно чуждыми, когда они -- решительно не я: мы не можем тогда к ним чувствовать ничего, кроме равнодушия, зависти, ненависти, злорадства.

И другой способ познания, который мне хотелось бы назвать познанием по сознанию его единства со всеми. При этом способе познания все существа кажутся нам тождественными с нашим *я*, и потому вид их вызывает в нас сострадание и любовь.

Один тип разделяет нас друг от друга непроницаемой стеной, другой убирает стену, и мы сливаемся в одно. Один способ научает нас чувствовать относительно каждого существа, что оно -- я, а другой, что оно -- не я.

Шопенгауэр.

2

Все люди -- одного происхождения, подлежат одному закону и все предназначены к одной цели. И потому у нас должна быть одна вера, одна цель поступков, одно знамя, под которым мы все должны сражаться.

Иосиф Мадзини.

3

Мы должны всегда стараться отыскивать не то, что нас отделяет от других людей, а то, что у нас с ними общего.

Джон Рёскин.

4

Если бы ты и хотел этого, ты не можешь отделить твою жизнь от человечества. Ты живешь в нем, им и для него. Твоя душа не может освободиться из тех условий, в которых она движется, потому что мы все сотворены для взаимодействия, как ноги, руки, глаза. Действовать друг против друга, сердиться друг на друга и отворачиваться -- значит поступать противно природе.

Марк Аврелий.

Нельзя сказать, чтобы обезьяны, собаки, лошади, птицы не были бы наши братья. Если сказать, что они чужие нам, то почему же не сказать, что и африканские негры не братья нам? А если негры не братья нам, то не братья нам и люди другого, чем мы, цвета. Кто же ближний? На это есть только один ответ притчи о самарянине: не спрашивай, кто ближний, а сознавай свое единство со всем живым, сострадай и служи всему живому.

17-е августа

Какая необходимая приправа ко всему -- доброта! Самые лучшие качества без доброты ничего не стоят, и самые худшие пороки с нею легко прощаются.

1

Есть доброта природная, зависящая от внешних и телесных причин -- от наследственности, хорошего пищеварения, от успеха. Доброта эта очень приятна и для того, кто испытывает ее, и для других людей. И есть доброта, происходящая от духовной, внутренней работы! Такая доброта

менее привлекательна; но зато первая может не только исчезнуть, но превратиться в злобу; вторая же не только никогда не исчезает, но постоянно увеличивается.

2

Если, делая дело, которое считаешь добрым, испытываешь враждебность или заставляешь других испытывать враждебность к себе, тотчас остановись: значит, ты не умеешь еще делать то дело, за которое взялся. Если, делая дело, тебе физически больно, то ты останавливаешься и учишься делать дело так, чтобы тебе не было больно. То же самое и со всяким делом, если оно вызывает недобрые чувства. Это верное указание на то, что ты еще не умеешь делать то дело, за которое взялся: надо учиться.

3

Мы должны ценить даже одну только видимость добра в других людях, потому что из этой игры притворства, которою они добывают себе уважение, -- может быть, и незаслуженное, -- в конце концов может возникнуть, пожалуй, нечто серьезное.

Только видимость добра в *нас самих* мы должны беспощадно стирать -- срывать тот покров, которым самолюбие прикрывает наши недостатки.

Кант.

4

Сделанное добро радует, но не удовлетворяет. Всегда кажется, что надо было сделать больше.

5

Сколько ни сделаешь добра, всегда останется пожелать еще большего.

Конфуций.

6

Не существует непосредственной склонности к дурным в нравственном отношении поступкам, но, несомненно, есть такая непосредственная склонность к хорошим поступкам.

Кант.

7

Для того чтобы находить радость в служении людям и вообще живым существам, надо прежде всего приучить себя не делать зла людям и живым существам, не строить свою жизнь на страданиях и жизни других.

Доброта -- основное свойство души. Если человек не добр, то только потому, что он подвергся какому-либо обману, соблазну, страсти, которые нарушили это его естественное свойство.

18-е августа

Христианство потому и истинно, что оно, отвечая на самые отвлеченные вопросы этим самым ответом разрешает и самые практические вопросы жизни. Оно устанавливает царство бога в духовном мире каждого человека и в общественной жизни людей.

1

Спросите у этих миллионов людей, которые называют себя христианами, что такое христианство, и они ответят вам, что быть христианином -- это значит примыкать к известному учению. А между тем исповедующие это учение все не согласны между собой. Одни говорят, что надо верить так, другие -- иначе, и из-за этих разногласий возникают обвинения и ненависть, даже преследования, доходящие до кровопролития. Если б в этом было истинное христианство, как бы мог Христос быть освободителем, спасителем народов, быть тем, кого ждал род человеческий? Но он сам даёт нам совсем другое представление о своем деле. Он послан для того, чтобы принести бедным *благую весть*, для того, чтобы излечить сердца, разбитые страданием, муками, притеснениями; чтобы объявить слепым, что они увидят, что они больше не будут лишены света, в котором им отказывают властители для того, чтобы, оскотинившиеся в невежестве, они терпеливее переносили их иго; чтобы освободить тех, кого давят оковы; чтобы заменить свободой всемирное рабство. Таково было дело Иисуса, но тому ли учат во имя его? Исполнено ли то, что должен был исполнить желанный народом? Услыхали ли бедные *благую весть*? Излечены ли разбитые сердца? Видят ли слепые? Сняты ли оковы с заключенных? Освобождены ли узники? Нет, Христос еще на кресте в ожидании своих апостолов. Пусть придут они, пусть придут скорее, ибо скорбь велика и глаза устают глядеть на восток, ожидая зарю лета господня.

Ламенэ.

2

Религия не потому истина, что ее проповедывали святые люди, а святые люди проповедывали ее потому, что она истина.

Лессинг.

3

Все бедствия людей от отсутствия религии. Без религии нельзя жить. Только религия дает определение хорошего и дурного, и потому человек только на основании религии может сделать выбор из всего того, что он может желать сделать. Только религия уничтожает эгоизм, только вследствие религиозных требований человек может жить не для себя. Только религия уничтожает страх смерти; только религия дает человеку смысл жизни; только религия устанавливает равенство людей; религия освобождает человека от всех внешних стеснений.

Нельзя не верить такому духовному учению, приложение которого осуществляет самое простое практическое благо всех.

Нет большей поверки истинности учения.

И таково христианское учение.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

КАТОЛИЦИЗМ И ХРИСТИАНСТВО

Не надо смешивать христианство как исторический факт с тем первоисточником, из которого оно произошло. Только благодаря беспримерной недобросовестности могли приписать святость тому, что теперь называется "католической верою". Что отрицал Христос? Как раз то, что теперь называется католической церковью.

Католическая церковь -- это полная противоположность тому, что послужило началом христианского учения. Как раз то, что в католическом церковном смысле -- Христово, в корне своем -- не Христово. Вместо символов там, в церкви, -- предметы и лица; вместо вечных событий -- история; вместо практики жизни -- католические правила, обряды и догмы. Христианство в существе своем равнодушно к культу, священникам, церкви, богослужению.

Практика христианства не имеет в себе никаких фантасмагорий; оно есть средство быть счастливым:

"Нельзя делать различий между чужими и своими. Нельзя гневаться, никого не надо унижать. Милостыню твори тайно. Не надо клясться, не

надо судить. Надо мириться и прощать. Молиться надо втайне".

Иисус обращается прямо к сути дела, к "царствию божью" в сердце человеческом, и пути к нему указывает не внешние, состоящие в соблюдении правил иудейской церкви, которой он не признает, а внутренние. Он думает не о внешнем, а о внутреннем.

Так же относится он и ко всем грубым приемам общения с богом: он учит, как надо жить, чтобы чувствовать себя "обожествленным", учит, что нельзя прийти к этому состоянию через самоистязание! Чтобы стать божественным, главное -- это отречься от себя.

Католицизм есть нечто в корне отличное от того, что делал и чего хотел Христос. Христианство представляет из себя великое противоязыческое движение; но учение это, жизнь и слово Христа были подвергнуты совершенно произвольному истолкованию, ради совершенно чуждых христианству целей, и потом были переведены на язык уже существовавших религий.

Тогда как Иисус учил миру и счастию, католицизм оказался выражением мрачного отношения к жизни, и притом отношения слабых, немощных, угнетенных, страждущих.

Евангелие возвещает, что униженными бедным открыт доступ к счастью; для этого надо только освободиться от всякой установившейся опеки высших классов. Собственность приобретения, родина, сословие и положение, суд, полиция, государство, церковь, образование, искусство, войско -- все это препятствия к достижению счастья, -- заблуждения, наваждения дьявола, которым Евангелие грозит страшным судом.

Католицизм сделал из христианства учение, которое в конце концов примиряется с государством: ведет войну, судит, пытает, клянется и ненавидит.

Ему необходимо выдвинуть на первое место понятие вины, греха, ему нужна не новая жизнь по учению Христа, а новый культ, новая вера в чудесное преображение ("искупление" через веру).

Он, католицизм, сделал из истории жизни и смерти Христа самый произвольный выбор, все подчеркнул здесь по-своему, везде переместив центры тяжести, -- словом, уничтожил первоначальное христианство.

Борьба с языческими и еврейскими священниками и церковью свелась благодаря католицизму к созданию новых священников и богословия, -- к новому классу властвующих, -- опять к церкви.

В этом весь юмор, трагический юмор: католицизм восстановил в общих чертах все то, что уничтожил Христос. В конце концов, когда вновь создалась католическая церковь, она даже государство взяла под свое покровительство.

Католицизм как раз то, против чего проповедывал Христос и с чем он заповедал своим ученикам бороться.

Когда преступник, разбойник на кресте, терпящий тяжелую смерть, рассуждает: "Праведно страдать и умирать так, как Иисус без ропота и гнев, с добротою и покорностью", -- он утверждает Евангелие и попадает в рай.

Христианство осуществимо в каждую данную минуту; оно не нуждается ни в метафизике, ни в аскетизме, ни в "естественных науках". Христианство есть жизнь. Оно учит, как действовать.

Тот, кто скажет: "я не хочу быть военным", "мне дела нет до суда", "полиции мне не надо", "я не хочу делать ничего такого, что могло бы нарушить мой внутренний мир", и "если я от этого пострадаю, то ничто так не умиротворит меня, как это страдание", -- тот будет истинным христианином.

Ницше.

19-е августа

Жизнь есть движение, а потому и благо жизни не есть известное состояние, а известное направление движения. Такое направление есть служение не себе, а богу.

1

Одни ищут блага или счастья во власти, другие -- в науке, третьи -- в сластолюбии. Те же люди, которые действительно близки к своему благу, понимают, что оно не может быть в том, чем владеть могут только некоторые люди, а не все. Они понимают, что истинное благо человека таково, что им могут обладать все люди разом, без раздела и без зависти; оно таково, что никто не может потерять его, если он сам того не захочет.

Паскаль.

2

Счастье -- это то, чего человек желает для себя одного; благо -- это то, чего человек желает для себя вместе со всеми. Счастье достигается борьбой, благо, напротив, покорностью.

3

Настоящих благ немного. Настоящее благо только то, что благо и добро для всех.
И потому, если хочешь быть полезным, а не вредным людям, делай только то, что согласно с общим благом. Кто будет поступать так -- приобретет себе благо.

Марк Аврелий.

4

Истинное добро есть служение богу. Служение достигается всегда тратой своей животной жизни, также как свет достигается только тратой горючего материала.

5

Делая добро ближним, мы, сами того не замечая, делаем гораздо более для себя, чем для других.

Из "Благочестивых мыслей".

6

Делай добро не разбирая кому. Добро, которое ты сделал, не пропадет, хотя бы ты и забыл про него.
В том, чтобы делать добро, единственно верное средство быть счастливым.

Чем ближе то, что делает или испытывает человек, к истинному благу, тем естественнее желание поделиться этим благом с другими.

20-е августа

Все люди, занятые истинно важным делом, всегда просты, потому что не имеют времени придумывать лишнее.

1

Всякая потребность утихает, а всякий порок увеличивается от удовлетворения.

Амиель.

2

Всякое новое желание есть начало новой нужды, зачаток новой скорби.

Вольтер.

3

Раб своих страстей -- самый низкий из рабов.

Талмуд.

4

Чем больше ты окружаешь себя нуждами, тем большему подвергаешься рабству, потому что, чем в большем ты будешь нуждаться, тем более сократишь свою свободу. Совершенная свобода состоит в том, чтобы вовсе ни в чем не нуждаться, а следующая за нею -- нуждаться в немногом.

Иоанн Златоуст.

5

Наслаждение, роскошь -- вот что вы называете счастием, а я думаю, что ничего не желать -- это блаженство богов, и потому нуждаться лишь в небольшом есть приближение к этому высшему счастью.

Сократ.

6

Мы должны жить не для нашего тела, но как бы поневоле считаясь с ним. Эпикур говорит: "Если вы станете жить сообразно природе, то никогда не будете бедны; если же будете жить сообразно общепринятом условным обычаям, то никогда не будете богаты. Природа требует немногого, господствующие же обычаи требуют излишеств.

Сенека.

7

Ограничьтесь растениями, если хотите питаться сытно и здорово.

Иоанн Златоуст.

Умеренность имеет то великое достоинство, что только при умеренной жизни все люди могли бы жить без нужды и зависти.

21-е августа

Плодотворная молитва есть восстановление в своем сознании того высшего понимания смысла своей жизни, до которого ты достиг в самые лучшие минуты.

1

Молитва, понимаемая как внутреннее формальное богослужение и потому как средство снискать себе милость, есть суеверное заблуждение. Ибо она не что иное, как только заявленное желание по отношению к существу, которое не нуждается ни в каком заявлении. Такой молитвой мы ничего, в сущности, не делаем и не выполняем ни одной из тех обязанностей, которые возложены на нас как божии заповеди, и, следовательно, и не служим действительно богу.

Сердечное желание всем нашим поведением быть угодным богу -- другими словами, чтобы все наши действия сопровождались настроением выполнять их так, как будто мы, совершая их, находимся на службе у бога -- вот в чем заключается дух молитвы, который может и должен неукоснительно пребывать в вас. Облекать же это желание в слова и формулы (хотя бы и внутренне) -- это может иметь самое большее -- только ценность средства для оживления такого настроения в нас самих.

Кант.

2

Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником и пойди прежде примирись с братом твоим и тогда приди и принеси дар твой.

Мф. гл. 5, ст. 23-24.

3

Иногда хочется по-детски кому-то (богу) жаловаться, просить помощи. Хорошо ли это чувство? Нехорошо -- это слабость, неверие. То, что больше всего похоже на веру: просительная молитва, есть именно неверие -- неверие в то, что зла нет, что просить не о чем, что если тебе худо, то это только показывает тебе, что тебе надо поправиться, что происходит то самое, что должно быть и при чем ты должен делать, что должен.

4

А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им; ибо знает отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у него.

Мф. гл. 6, ст. 9.

5

Один час честной, серьезной мысли дороже недель восторженного обожания, когда обожание не проявляется поступками.

Гаррисон.

6

Преданность воле божьей,-- необходимое условие христианской жизни -- исключает возможность определенного желания и потому прошения, молитвы о том, чтобы случилось то-то и то-то.

Молитесь ежечасно. Самая нужная и самая трудная молитва -- это воспоминание среди движения жизни о своих обязанностях перед богом и законом его. Испугался, рассердился, смутился, увлекся -- вспомни, кто ты и что ты должен делать. В этом молитва. Это трудно сначала, но привычку эту можно выработать.

22-е августа

Вредно распространение между людьми мыслей о том, что наша жизнь есть произведение вещественных сил и находится в зависимости от этих сил. Но когда такие ложные мысли называются науками и выдаются человечеству за святую мудрость, то вред, производимый таким учением, ужасен.

1

Нет людей с более запутанными понятиями о смысле жизни, о добре и зле, чем люди науки нашего времени. От этого и происходит то, что наука нашего времени, совершая большие успехи в области исследования условий материального мира, в жизни людей оказывается не только ни на что не нужной, но еще и особенно вредною.

2

Главное заблуждение, более всего другого препятствующее истинному прогрессу нашего христианского человечества, состоит в том, что люди

науки нашего времени, восседающие теперь на седалище Моисеевом, руководясь восстановленным во время Возрождения языческим миросозерцанием, решили, что христианство есть пережитое уже людьми состояние, а что, напротив, то языческое, общественное, древнее и действительно пережитое человечеством понимание жизни, которого они держатся, и есть самое высшее понимание жизни, -- такое, которого неуклонно должно теперь держаться человечество.

3

Ложная наука и ложная религия выражают свои догматы всего высокопарным языком, который непосвященным кажется чем-то таинственным, важным и привлекательным. Рассуждения ученых людей часто бывают столь же мало понятны не только для других, но и для них самих, как речи профессиональных учителей веры. Педант ученый, пользуясь латинскими терминами и вычурными словам, часто делает из самого простого нечто столь же непонятное, как и латинские молитвы патеров для их неграмотных прихожан. Таинственность не есть признак мудрости. Чем мудрее человек, тем проще тот язык, которым он выражает свои мысли.

Люси Малори.

4

Быстрое увеличение знаний, приобретаемое ценой очень незначительных личных усилий, не бывает плодотворно.

Ученость также может вся уйти в листья, не давая плодов.

Часто встречаются весьма поверхностные головы, удивительно много знающие. То же к чему человек приходит самостоятельно, оставляет за собой в его рассудке след, по которому он может идти и при других обстоятельствах.

Лихтенберг.

5

Насколько лучше было бы постараться искоренить зло нашей собственной эпохи, нежели прославлять в глазах потомства дурные дела прежних! Насколько лучше было бы восхвалять дела природы, нежели опустошительные набег какого-нибудь Филиппа или Александра и других, которые, сделавшись знаменитым благодаря бедствиям народов, были не меньшими бичами человечества, чем наводнения, опустошающие целые страны, или пожар, поглощающий множество живых существ!

Сенека.

6

Не смотри на ученость, как на корону, чтобы ею красоваться, ни как на топор, чтобы добывать им пропитание.

Талмуд.

7

Знание всегда будет ложно, если целью знания поставлена внешняя выгода. Только то учение, которое вызвано внутренними потребностями, бывает полезно себе и ближним.

8

Наука стала теперь раздавательницей дипломов на праздность.

Законная цель наук есть познание истин, служащих благу людей. Ложная цель есть оправдание обманов, вносящих зло в жизнь человеческую.

Таковы юриспруденция, политическая экономия и в особенности богословие.

23-е августа

Если бы люди были вполне добродетельны, они никогда не отступали бы от истины.

1

Свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы; а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в боге соделаны.

Иоан. гл. 3, ст. 19--21.

2

Не бойся человека, высокого или низкого; богатого или бедного, ученого или неученого. Уважай всех людей, люби всех людей, но не бойся никого. Следуй той истине, которую открывает тебе твой разум, и держись своих убеждений во что бы то ни стало. Не дожидайся отзвука в толпе. Чем меньше голосов на стороне истины, тем сильнее возвышай голос. Верь в то, что истина могущественней заблуждения, предрассудка или страсти, и будь готов на мученичество. Познай, что истина не есть местное и временное явление, но нечто неизменное, вечное, одно и то же во всех мирах, единое с богом и имеющее его всемогущество.

Чаннинг.

3

Ищи истину в мысли, а не в гниющих книгах. Если хочешь видеть месяц, то гляди на небо, а не в лужу.

Персидское изречение.

4

Плод всякого сделанного тобою со дня твоего рождения доброго дела погибнет, как только ты отступишь от истины. Тот высший дух, который живет в тебе и про который ты знаешь, что он един с тобою, есть всеведущий наблюдатель добра и зла, которое ты совершаешь.

Законы Ману.

5

Истина не познается путем разговоров, а только трудом и наблюдением. И когда вы овладеете одной истиной -- две другие, наверное, предстанут перед вами.

Джон Рёскин.

Истина вредна только тому, кто делает зло. Делающие добро любят истину.

24-е августа

Человечество незаметно, но не переставая подвигается к осуществлению царства божия, достигаемого любовным единением.

1

Как всякий человек в отдельности, так равно и все человечество в совокупности должно преображаться, переходить от состояния низшего к высшему, не задерживаясь в своем росте, предел которого в самом боге. Всякое состояние является последствием предшествующего состояния. Рост совершается непрерывно и незаметно, подобно росту зародыша, -- Совершается так, что ничто не нарушает цепи последовательных состояний этого непрерывного развития. Но если человеку и всему роду человеческому предназначено преобразоваться, то и для человека и для рода человеческого это преобразование должно совершиться в труде и страданиях.

Прежде чем облечься в величие, прежде чем выйти в свет, нужно двигаться во мраке, терпеть гонения, отдать тело, чтобы спасти душу, надо умереть -- умереть на кресте, чтобы возродиться в жизнь более могучую, более совершенную. Вот чему учит нас Иисус своим словом, своим примером. И после восемнадцати столетий, совершив один из кругов своего развития, человечество опять стремится преобразиться. Старые системы, старые общества, все, что составляло старый мир, разрушается или уже разрушилось, -- и народы живут теперь среди развалин в ужасе и страдании. При виде этих развалин, этих смертей, уже совершившихся или имеющих совершиться, -- мужайтесь. То, что уходит, -- это изношенное платье нетленного существа; то, что падает, -- это лист осенний. Когда солнце понижается -- приближается зима, но после зимы приходит весна и веяние дуновения животворящего. И время это наступает.

Ламенэ.

2

Нет, слово всемогущего бога еще не вполне высказано, и мысль Его еще не открыта во всей ее полноте. Он творит и будет творить в течение вечных веков, охватить которые ум человеческий не в силах. Прошедшие

века раскрыли нам лишь отрывки его творения. Наше дело никогда не будет закончено. Мы едва знаем его источник и совершенно не ведаем его конечной цели: время знания и открытия лишь расширяют его границы. Из века в век оно восходит до неведомых нам судеб, отыскивая свой закон, немногие строки которого мы в состоянии разобрать.

Иосиф Мадзини.

3

Всегда прибавляй, всегда подвигайся; никогда не стой и не возвращайся назад и не сворачивай. Кто стоит, тот не подвигается; кто не продолжает, тот идет назад; кто возмущается, тот сворачивает.

Всегда будь недоволен тем, что ты есть, если хочешь достигнуть того, чтобы быть иным, чем ты есть, потому что на чем ты остановишься, на том ты и останешься. Если же ты скажешь: с меня довольно -- ты погиб.

Августин.

4

Любите ваше дело, но не любите то, что вы сделали.

С. Маковский.

5

Огонь пришел я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Думаете ли вы, что я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение.

Лк. гл. 12, ст. 49, 51.

6

Жизнь как отдельного человека, так и всего человечества есть непереставающая борьба плоти и духа. В борьбе этой дух всегда остается победителем, но победа эта никогда не окончательная борьба эта бесконечна, она-то и составляет сущность жизни.

7

Цель жизни есть проникновение всех ее явлений любовью, есть медленное, постепенное претворение злой жизни в добрую, есть творчество истинной жизни (потому что истинная жизнь есть только жизнь любовная), есть рождение истинной, т.е. любовной, жизни.

8

Между разумом и страстями идет в человеке междоусобная война. Человек мог бы иметь хоть какое-нибудь спокойствие, если бы в нем был только разум, без страстей, или только страсти, без разума. Но так как в нем то и другое, то он не может избежать борьбы, не может быть в мире с одним иначе, как воюя с другими. Он всегда в разделении и противоречии сам с собой.

Паскаль.

Человеческий мир постоянно совершенствуется, и сознание этого совершенствования составляет одну из лучших радостей человека, и радость эта увеличивается для каждого человека еще возможностью участия в этом совершенствовании.

25-е августа

Труд есть необходимое условие телесной жизни. Если бы Робинзон не работал, он бы замерз и умер с голода. Это видит всякий. Но то, что труд есть необходимое условие духовной жизни, не все видят, хотя это так же несомненно, как необходимость труда для тела.

1

Отделение себя от ручного труда не может быть без потери силы и истины даже для пророков. Я не сомневаюсь, что ошибки и пороки нашей литературы и философии -- их излишняя утонченность, женственность, меланхоличность -- должны быть приписаны ослабленным и болезненным привычкам литературного сословия. Пускай книга будет не так хороша, но только бы тот, кто делает книгу, был бы способнее и лучше и не был бы, как видим мы теперь, смешным контрастом тому, что он пишет.

Эмерсон.

2

Ручная работа есть изучение внешнего мира.

Выгоды богатства остаются у того, кто производит богатство, а не у того, кто его получает даром.

Когда я иду в мой сад с лопатою и копаю грядку, я чувствую такую радость и прилив здоровья, что всегда думаю: зачем это я все это время лишал себя этого счастья, позволяя другим делать за меня то, что я мог бы сделать своими руками? Но это не только дело удовольствия, здоровья, но и воспитания.

Мне всегда стыдно перед моим дроворубом, моим пахарем, моим поваром, потому что у них есть способность удовлетворять самим себе и без моей помощи провести и день и год; я же завишу от них и не заслужил права владения моими руками и ногами.

Эмерсон.

3

Кто не хочет трудиться, тот и не ешь.

2 посл. Фессалон., гл. 3, ст. 10

4

Тот, кто ничего не делает, делает дурное.

5

У того, кто ничего не делает, всегда много помощников? Мозг ленивого есть любимое место пребывания дьявола.

6

Природа не знает остановки в своем движении и казнит всякую бездеятельность.

Гёте.

Стыдиться можно не какой-либо самой нечистой работы, а только самого нечистого из нечистых нравственного состояния -- телесной праздности, неизбежно соединенной с пользованием трудами других людей.

НЕДЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ЗЕМЛИ, ПО УЧЕНИЮ ГЕНРИ ДЖОРДЖА

"Земля божья", -- говорит народ, все более и более начиная понимать, что почти все его беды от того, что земля может быть частной собственностью. Беды от того, что у одних людей ее много, и они не заботятся о том, чтобы ее хорошо обрабатывать, им не нужно этого, они знают, что и без обработки земля приносит им доход тем, что год от году дорожает. У других же людей ее мало, так мало, что нельзя ею толком и пользоваться. От этого люди бегут в города, на фабрики, в конторы, всюду сбивая цены на труд, и от этого главные беды людей.

Но как же сделать, чтобы не было этого и чтобы всё люди могли равно пользоваться землею? Отнять ее силою у тех, у кого ее много, и разделить поровну между теми, кто ее работает, так же как делят крестьяне свою мирскую землю? Но и мирскую землю в одной только деревне трудно разделить поровну между всеми ее жителями и еще труднее сохранить этот равный раздел, не увеличивая до крайности чересполосицы и не затрудняя ведение хозяйства. Уже и теперь есть люди по деревням, у которых насчитывается в каждом поле по двадцать и по тридцать полос и которые при всем их желании ничего не могут сделать путного со своей землею именно из-за узкого раздела. А как же всю-то землю разделить так между всеми, кто хочет владеть ею, чтобы было всем равно? Ведь по всему миру земли, много больше, чем в одной деревне, различаются по своей доброте. Есть земли песчаные, стоящие рублей 15--20 десятина; есть земли, черноземные, стоящие по 300, 400 рублей; есть заливные луга, стоящие по тысяче и больше рублей; есть земли рудные, нефтеносные, земли с каменным углем, такие, что стоят десятки тысяч рублей десятина; есть земли городские, там, где одна сажень стоит тысячу и больше рублей. Кроме того, цены земли меняются. Пройдет железная дорога, прибавится где народа, и цена на землю поднимается.

Мало и того. Есть такие люди, что им земля не нужна, что живут по городам, кто мастеровой, кузнец, слесарь, портной, столяр, кто держит заведение, кто работает на фабрике, кто учитель, кто писец. Всем этим людям не нужна земля для обработки, но все они хотят пользоваться наравне с другими всем тем, что дает земля.

Как же тут быть? Как сделать так, чтобы все люди равно пользовались тем, что дает земля?

Для этого не нужно ни отнимать землю у тех, кто теперь владеет ею, ни делить ее на всех. Пусть кто теперь владеет какой землей, пусть так и владеет ею. Пусть кто разводит огороды, кто сады, кто держит скот, кто сеет хлеб. Пусть, у кого рудная земля, добывает из нее руду, золото, нефть

или каменный уголь. Пусть владеют ею все, как теперь, но только пусть платит тот, кто владеет землею, в общую пользу все то, что стоит эта земля за год аренды. Стоит чья земля, скажем пахотная, в год 3, 5, 10 рублей, или заливная -- 50, 80, 100 рублей, или рудная и городская -- тысячу рублей, пускай платит тот эти деньги ежегодно в общую пользу. Кто с земли своей, если бы сдавать ее на года без построек и улучшений, получил бы сотни и тысячи рублей, тот пусть и платит в общую пользу эти сотни и тысячи; а чья земля стоила бы какие-нибудь пять-шесть рублей, тот пусть и платит эти пять-шесть рублей. Всякий пусть платит с земли своей столько, сколько она может приносить аренды (ренты) в том году, в котором он владеет ею. Так что если, скажем, он в нынешнем году платит за нее 10--15 рублей, а на будущий год нашлись бы охотники платить за нее 15--30 вместо 10--15, то, если он хочет владеть, землей, пускай платит за нее то, что дают за нее.

Если так установить, то земли на всех хватило бы, -- хватило бы потому, что те, кто теперь владеют землями и сами не работают, живо отказались бы от своих земель, потому что не в силах бы были, не работая на них, платить за них ренту. А взяли бы эти земли те, кто работает на земле.

Деньги же эти, собираемые с земли, должны идти в общую пользу. Дохода этого получалось бы так много, что он заменил бы все прочие налоги и сборы. В России рента с земель раза в два или в три больше того, что собирается теперь в разных налогах. В одной Москве ее собиралось бы около двадцати миллионов рублей. Будь заведен такой порядок, то не только рабочим на земле было бы хорошо, потому что земли было бы достаточно и не надо было бы платить никаких пошлин и податей, но и городским людям, мастеровым, фабричным жизнь была бы хорошая: народ разошелся бы по деревням, и фабричного, заводского народа стало бы не так, как теперь, много лишнего, такого, что сбивает цены на работу; рабочие бы тогда ставили цены, а не хозяева, и продовольствие стало бы все много дешевле, потому что не было бы ни податей, ни пошлин на товары.

При таком устройстве люди получали бы от земли то, что им определено получать от нее самим богом, все ровно. Не было бы так, как при крепостном праве и рабстве, что одним все, а другим ничего, и как это есть и теперь оттого, что одни люди могут захватывать землю себе и владеть ею как собственностью, отнимая ее у тех, кто хочет работать на ней.

По Генри Джорджу изложил С. Д. Николаев. (Под редакцией Л. Н. Толстого).

26-е августа

Справедливость осуществляется не стремлением к справедливости, а любовью.

1

Как для того, чтобы попасть в цель, нужно бить дальше ее, так и для того, чтобы быть справедливым, надо быть самоотверженным, т.е. несправедливым к себе. Если же будешь желать быть только справедливым, то будешь пристрастен к себе и несправедлив к другим.

2

Ни один человек не может быть вполне справедливым во всех своих делах. Но справедливый человек отличается от несправедливого своим усилием быть справедливым, как правдивый от лживого -- своим усилием говорить только истину.

3

Есть нечто худшее, чем несправедливость: это лицемерие добродетели, любви и служения богу, так часто встречающееся в лжехристианском мире. Люди, воображая или притворяясь, что они исполняют закон любви, освобождают себя от требований справедливости и доводят свою несправедливость до самодовольного злодейства. Люди жертвуют на церкви, на бедных, занимаются благотворительностью, тогда как то, что они отдают, -- цена слез и крови их братьев.

4

Судья может руководствоваться справедливостью, рассматривая только одну сторону вопроса; в жизни же всякий" вопрос имеет много одинаково

справедливых, но различных решений, смотря по тому, с какой стороны рассматривается вопрос.

5

Одно только в жизни драгоценно: беспрестанно сталкиваясь с людскою ложью и несправедливостью, не уставать самому быть кротким.

Марк Аврелий.

6

Ты страдаешь от несправедливостей -- утешься: истинно несчастны не те, кто терпит от них, а те, кто поступает несправедливо.

Точно справедливым нельзя быть. Не доделаешь или переделаешь. Чтобы не согрешить против справедливости -- одно средство: *всегда переделывать*.

27-е августа

Самый нужный и важный для каждого человека предмет изучения -- это он сам, его духовное существо.

1

Человек, знающий все науки, но не знающий самого себя, -- жалкий невежда. Человек же, ничего не знающий, кроме самого себя, своего духовного *я*, -- человек вполне просвещенный.

2

Большинство людей хочет знать бога и не хочет знать самих себя. Но пусть они признают и возрастят добро внутри себя, и они узнают тогда бога, ибо нет иного пути к его познанию.

Люси Малори.

3

Когда человек спрашивает природу о том, что такое он, -- он не получает ответа, ибо только он сам есть ответ на этот вопрос; он должен познать самого себя.

Люси Малори.

4

Когда чувствуешь потребность силы -- *уединись.*

Торо.

5

Путь к славе пролегает через дворцы, к счастью -- через базары, а к добродетели -- через пустыни.

Китайская пословица.

6

Для огромного большинства их внутренний мир есть как бы океан, настолько обширный, что они не решаются исследовать его; но рано или поздно им придется войти в него и искать в нем того небесного пристанища, которого они тщетно искали во внешнем мире.

Люси Малори.

7

У человека есть всегда место спасения от всех бедствий: место это -- его душа.

Если бы только человек понимал, кто он такой, как ничтожны бы ему показались его огорчения.

28-е августа

Вера определяет жизнь.

1

Религиозное сознание есть то, на котором зиждется всякое другое. И оттого оно предшествует всякому пониманию.

2

Чтобы понять то, что люди все равны, что человеку лучше отдать свою жизнь для служения другим, чем заставлять других людей служить себе, нужно определить свое отношение к миру, а такое определение отношения человека к миру дает только религия.

3

Попытки основать нравственность помимо религии подобны тому, что делают дети, которые, желая пересадить нравящееся им растение, отрывают от него не нравящийся им и кажущийся им лишним корень и без корня втыкают растение в землю. Без религиозной основы не может быть никакой настоящей непритворной нравственности, точно также как без корня не может быть настоящего растения.

4

Доброму, живущему хорошей жизнью крестьянину священник задал на духу обычный вопрос: верует ли он в бога?

"Грешен, не верю", -- отвечал мужик.

"Как? не веришь в бога?"

"Не верю, батюшка. Если бы верил, разве я бы жил так? Сам только о себе думаешь: ешь, пьешь, а бога и братьев забываешь".

Что бы было, если бы все понимали веру, как этот крестьянин, и верили бы в закон Христа?

5

Есть две веры: вера доверия к тому, что говорят люди, -- это вера в человека или в людей, и таких вер много различных; и вера в свою зависимость от того, кто послал меня в мир. Это вера в бога, и такая вера одна для всех людей.

6

Вера есть неизбежное свойство души.

Человек неизбежно верит во что-нибудь. Он неизбежно верит, потому что кроме тех предметов, которые он знает, он еще входит в отношение с тем, чего он не может знать, а вместе с тем знает, что это есть. Отношение к этому непостижимому и есть вера.

7

Всякий человек всегда чувствует одинаково ничтожество всего того, что понятно, так же как и величие чего-то непонятного и важнейшего.

8

В каком бы ни находился человек положении, всегда достаточно идеала, данного Христом в его учении, для того чтобы получить самое верное указание тех поступков, которые должно и которых не должно совершать. Но надо верить этому учению вполне этому одному учению, и перестать верить во все другие, точно так же как мореходу надо верить в компас и перестать приглядываться и руководиться тем, что видишь по сторонам.

9

Есть люди, которые утверждают, что у них нет никакой веры. Это неправда. Они только не знают своей веры или не могут, или не хотят высказать ее, но она есть у них. Отрекаются же они от своей веры только потому, что чувствуют, что она нехороша.

10

"Религия" человека состоит не из тех многих вещей, в которых он сомневается и которым старается верить, но из того немногого, в чем он уверен и вера во что не требует от него никакого труда.

Карлейль.

Старайтесь сознать свою веру то, во имя чего вы живете. Это поможет вам исправить ее, если она ошибочна, и утвердиться в ней, если она

истинна.

29-е августа

Если человек сознает и чувствует бога в своей душе, он сознает и чувствует свое единство со всеми людьми мира.

1

Все души принадлежат к одной и той же семье, все одного происхождения, одной природы, все оживотворены одним и тем же светом и все стремятся к одному и тому же центру, одному и тому же благу. Эта величайшая для нас истина, лежащая в основе всякой религии, не только доказывается разумом, но мне представляется несомненным свойством нашей природы.

Чаннинг.

2

Тот, кто обожает высшего, у того гордость исчезает из сердца, так же как свет костра при свете солнца. Тот, чье сердце чисто и в ком нет гордости, кто кроток, постоянен и прост, кто смотрит на всякое существо, как на своего друга, и любит каждую душу, как свою, кто одинаково обращается с каждым, с нежностью и любовью, кто желает творить добро и оставить тщеславие, -- в сердце того человека живет владыка жизни.

Как земля украшается прекрасными растениями, которые она производит, так же украшается добродетелями тот, в душе которого живет владыка жизни.

Вишну Пурана.

3

В тебе, во мне, во всяком другом пребывает бог жизни; напрасно ты сердишься на меня, не переносишь моего приближения: знай, что мы все равны, и потому не будь горд, как бы ни было высоко твое положение.

Индийская Махмуд Гаша.

4

Нельзя найти следов земного происхождения душ. В душах нет ничего составного, ничего, что могло бы возникнуть или образоваться на земле; нет даже ничего сродного с влагой, воздухом или огнем. В самом деле, ни в воде, ни в воздухе, ни в огне нет ничего, что обладало бы способностью помнить, понимать, мыслить, удерживать прошлое, заглядывать в будущее и постигать, осмысливать настоящее. Все это свойственно только духовным существам, т.е. богам, и вы никогда не будете в состоянии указать этому иного происхождения, кроме божественного. А потому всякое существо, раз оно ощущает, мыслит, живет, действует, должно быть небесного и божественного происхождения и потому должно быть вечным. Бога нельзя представить себе иначе, как духовным, свободным от примеси чего-либо тленного. Таков же и человеческий дух.

Цицерон.

5

Одна великая мысль завладела моей душой. Мысль эта есть сознание величия моей души, ее единения с богом не вследствие слепого подчинения ему, но вследствие ее способности воспринимать его, вследствие ее способности совершенствования, вследствие ее предназначения к невыразимому величию, вследствие ее беса

Амиель.

Все люди -- дети одного отдали потому неестественно не любить братьев.

30-е августа

Люди знают, в чем добрая жизнь всего человечества и как она может быть достигнута; а если они знают это, то рано или поздно достигнут такой жизни.

1

Иисус предвидел конец старого общества, уже потрясенного в своих нравственных основах. Он делает ученикам предсказание о том, что храм, вещественный знак учрежденного людьми строя жизни, должен быть разрушен, чтобы быть замененным установлением более совершенным. И к этому предсказанию, долженствовавшему сбыться вскорости, он прибавляет предсказание подобных же событий, которые совершатся в позднейшие временами представляет эти события в тех же знакомых образах, в каких конец мира представлялся его современникам.

Мы живем теперь в предсказанное им время. От одного конца земли до другого все расшаталось. Во всех учреждениях, каких бы то ни было, во всех различных системах, на которых основалась общественная жизнь народов, нет ничего твердого. Все чувствуют, что все это скоро должно разрушиться, и в этом храме также не останется камня на камне. Но как разрушение Иерусалима и храма его, из которого удалился бог живой, предуготовляло сооружение нового града и нового храма, куда по своей воле стекутся люди всех колен и всех народов, -- так и из развалин нынешних храмов и городов воздвигнется новый город и храм, предназначенный стать всемирным храмом и общей родиной рода человеческого, теперь еще разъединенного враждебными друг другу учениями, делающими братьев чужими и сеющих среди них безбожное ненавистничество и отвратительные войны. Когда придет тот, знаемый

одним богом час соединения народов в одном храме и в одном граде, тогда наступит воистину воцарение Христа, окончательное выполнение его божественного дела. Ведь он и пришел научить людей только тому, чтоб они соединились в законе любви. Пусть зарождение этого святого общества будет болезненно, что же в этом? Вы не должны страшиться последней борьбы зла с добром, которая готова уже возродиться: ваш долг бороться. Каждый из вас -- воин божий. Но в наше время ошаления и безумной гордости берегитесь лжехристов и лжепророков. Христос не в пустыне. Он не в скрытых местах и уже, конечно, ни в одном из собраний тех людей, которые, отделяясь от других, думают, что им одним предназначено спасение, и этим самым отрицают

Христа, разрушившего все преграды между людьми и обещавшего мир и радости вечные всякому, кто, любя бога больше всего и ближнего, как самого себя, воплотит в делах своих эту двойную любовь. Где эта любовь, там и Христос. Не ищите его в другом месте: вы найдете лишь обманчивую тень.

Ламенэ.

2

Те, кто на вершине горы, видят восход солнца раньше обитателей равнин. То же с теми, кто находится на духовных высотах: они видят небесный восход солнца раньше живущих плотской жизнью. Но приходит время, и солнце подымается настолько, что становится видимо и всем.

Из "Передовой мысли мира".

3

Неужели нельзя надеяться, что придет день, когда люди найдут, что жить для других так же легко, как они часто находили, что легко умирать за них? Нужны только подъем и просветление духа в людях, чтобы сделать жизнь человека благородным и прекрасным служением братьям, с которыми бог соединил его.

Браун.

4

Мое воображение отказывается рисовать то блаженное время, когда кроткие наследуют землю. Но день этот неизбежно настанет, и надежды бедных не тщетны. Не силой, не властью, а духом своим призовет он кротких на суд свой и научит их путям своим.

Джон Рёскин.

5

Могущественные силы работают в мире. Никто не может остановить их. Признаки этого: понимание христианства, уважение к человеку, новое чувство братства и одинакового отношения всех людей к отцу всех. Мы видим это, мы чувствуем это. И перед этим падут все угнетения. Общество, молчаливо проникнутое этим духом, переменит свою вечную войну на мир. Могущество все захватывающего и кажущегося непобедимым себялюбия уступит этой божественной силе. "На земле мир и в людях благоволение" не всегда будет только мечтою.

Чаннинг.

Как скоро идеал, более высокий, чем прежний, поставлен перед человечеством, все прежние идеалы меркнут, как звезды перед солнцем, и человек не может не признавать высшего идеала, как не может не видеть солнца.

31-е августа

Всякое произведение ложного искусства, восхваленное критиками, есть дверь, в которую тотчас же врываются лицемеры искусства.

1

Как ни странно это сказать, с искусством нашего времени и круга случилось то, что случается с женщиной, которая свои женские привлекательные свойства, предназначенные для материнства, продает для удовольствия тех, которые льстятся на такие удовольствия.

Искусство нашего времени и нашего круга стало блудницей. И это сравнение верно до малейших подробностей. Оно так же всегда разукрашено, так же всегда продажно, так же заманчиво и губительно и всегда готово.

Настоящее произведение искусства может проявляться в душе художника только изредка, как плод предшествующей жизни, точно так же, как зачатие ребенка матерью.

Поддельное же искусство производится мастерами, ремесленниками безостановочно, только бы были потребители.

Настоящее искусство не нуждается в украшениях, как жена любящего мужа. Поддельное искусство, как проститутка, должно быть украшено.

Причиной появления настоящего искусства есть внутренняя потребность выразить накопившееся чувство, как для матери причина полового зачатия есть любовь.

Причина поддельного искусства есть корысть, точно так же как и проституции.

Последствие истинного искусства есть внесенное новое чувство в обиход жизни, как последствие любви жены есть рождение нового человека в жизнь. Последствие поддельного искусства есть развращение человека, ненасытность удовольствий, ослабление духовных сил человека.

Вот это должны понять люди нашего времени и круга, чтобы избавиться от заливающего нас грязного потока этого развратного, блудного искусства.

2

Все попытки добывать себе искусством средства к жизни являются одними из худших и вреднейших путей, избираемых людьми. В каждом поколении немного, очень немного таких людей, к словам которых стоит прислушиваться и произведения которых стоят внимания. И эти немногие

будут проповедовать, петь и рисовать вопреки существующему спросу: они охотнее станут голодать, как стрекоза басни, чем перестанут петь; и даже если вы не хотите слушать их, то в силу милосердия должны бросить им несколько крох, чтобы поддержать их жизнь. Но люди, принимающиеся писать или рисовать, чтоб этим путем добыть себе средства к существованию, считают себя более благородными и менее презренными, чем обыкновенные нищие, тогда как они являются, в сущности, только шумливыми и вредными попрошайками. Я охотно готов платить за содержание наших бедных бродяг в рабочих домах, но не за то, что они жужжат мне в уши своими шарманками и карикатурами, соблазняют молодых девушек своими негодными повестями или приводят весь народ к гибели тысячами квадратных миль грязно напечатанной лжи, которой упиваются люди. Если люди не в силах добывать себе хлеб честным трудом, то пусть не кричат на улицах, а придержат свой язык и скромно протягивают свои праздные руки, и их милостиво накормят.

Джон Рёскин.

3

Свой талант нельзя продавать. Продавая его, вы одновременно становитесь повинны в симонии и в проституции. Вы можете продавать свой труд, но не свою душу.

Джон Рёскин.

До тех пор, пока не будут высланы торговцы из храма, храм искусства не будет храмом. Искусство будущего изгонит их.